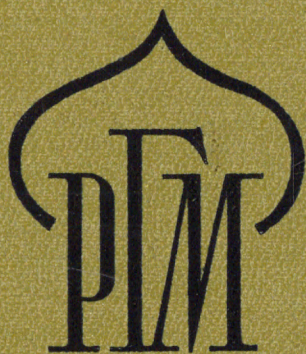

М.М. СПЕРАНСКИЙ

РУКОВОДСТВО
К ПОЗНАНИЮ
ЗАКОНОВ

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

М. М. СПЕРАНСКИЙ

РУКОВОДСТВО
К ПОЗНАНИЮ
ЗАКОНОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„НАУКА”

2002

УДК 342

ББК 66.1(2)5

С 71

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — СПб.: Наука, 2002. — 680 с. (Сер. «Русская государственная мысль»).

ISBN 5-02-026799-6 (в пер.).

Издание включает политико-правовые сочинения великого реформатора России, видного политического мыслителя и философа, графа Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839) — автора проекта коренных реформ Российской Империи. Публикуются «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», «Введение к Уложению государственных законов», «Проект Уложения государственных законов Российской Империи», «Руководство к познанию законов», работа «О военных поселениях», переписка Сперанского с крупнейшими политическими деятелями России, ранее не публиковавшиеся статьи по философии права.

Для интересующихся российской политической историей, духовной культурой.

Ответственный редактор

И. Д. ОСИПОВ

Федеральная программа книгоиздания России

ТП-2000-І-№ 44

ISBN 5-02-026799-6

© Издательство «Наука», 2002

© И. Д. Осипов, составление, вступительная статья, комментарии, 2002

И. Д. ОСИПОВ

ИСТИННАЯ МОНАРХИЯ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКОГО

In adversis sperat

Михаил Михайлович Сперанский входит в плеяду великих государственных деятелей России, оставивших неизгладимый след в ее политической и духовной жизни. Политика и экономика, религиозное просвещение и юриспруденция — трудно назвать сферу общества, которая бы осталась незатронутой его преобразованиями. Помимо проектов государственных реформ и Полного Собрания российских законов он оставил после себя также замечательные работы по философии, праву, истории. Исследователь жизни и творчества Сперанского барон М. А. Корф пишет: «Позволительно, без всякого преувеличения, утверждать, что по таланту, по массе глубоких и многосторонних знаний, ученых и, что называется, деловых, по силе воображения, по всеобъемлющей производительности, наконец, и по духу и цели своих стремлений, когда они не преклонялись перед сторонними влияниями, едва ли кто-либо из предшественников у нас Сперанского более его соединял в себе качества истинно государственного человека».¹ Биографы отмечают необычность жизненного пути реформатора, сумевшего, не имея знатности и богатства, подняться на самые вершины государственной власти. Но при более внимательном знакомстве с жизнью мыслителя становится понятна его судьба, ибо она во многом отражала требования времени.

М. М. Сперанский родился 1 января 1772 г. в селе Черкутино Владимирского уезда Владимирской губернии в семье сельского священника Михайло, не имевшего даже родового прозвища. Свою фамилию (от лат. *sperare* — надеяться) он получил во Владимирской семинарии, которую окончил в

¹ Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 371.

1790 г. После обучения в семинарии он, как один из наиболее способных ее учеников, был направлен для продолжения образования в Александро-Невскую семинарию (ныне Санкт-Петербургская Духовная академия). Там он много внимания уделяет математике и философии, овладевает французским языком, с интересом читает работы Монтеня, Декарта, Локка, Лейбница, Руссо, Вольтера, д'Аламбера, Лабрюйера, Фонтенеля, Боссюэ, Кондильяка. В нем пробуждается проповеднический талант. Особым успехом пользовалась проповедь, произнесенная 8 октября 1791 г. на евангельский текст «Не бойся отселе будешь человека ловя», в которой говорилось о недостаточности человеческой мудрости и просвещения, не подкрепленных истинной нравственностью и любовью к людям. Проповеднический талант Сперанского развился впоследствии на поприще политики — он стал одним из лучших ораторов Империи.

В 1792 г., успешно завершив учебу, молодой выпускник Невской семинарии был оставлен в ней для работы в должности преподавателя физики, математики и риторики, а с 1795 г. — преподавателя философии и префекта семинарии. Он пишет статьи и публикует литературные сочинения. Об одном из его произведений — «Правилах высшего красноречия», написанных в 1793 г. и опубликованных в 1844 г., — высоко отозвался В. Г. Белинский в своей рецензии: «Сильный ум сохраняет свою самостоятельность, даже следуя по избитой дороге, и умеет сказать что-нибудь дельное даже и о предмете, всеми ложно понимаемом в его время».² Сперанский несомненно добился бы больших успехов в православном просвещении, но вмешалась рука судьбы — его взял к себе в качестве домашнего секретаря князь А. Б. Куракин. Вскоре, зарекомендовав себя на этой службе с самой лучшей стороны, Сперанский после воцарения Павла и назначения Куракина генерал-прокурором приглашается на службу в Сенат. Он дает свое согласие на это предложение и 2 января 1797 г. зачисляется в канцелярию генерал-прокурора Сената с чином титулярного советника (IX класс по табели о рангах).

Здесь блестящие дарования Сперанского раскрылись полностью. Обширные познания, феноменальная работоспособность, творческий ум и гибкость характера позволили ему сделать головокружительную карьеру. 1 января 1798 г. Сперанский — надворный советник, 18 сентября того же года —

² Отечественные записки. 1845. Т. XXXVIII. № 1. С. 2.

коллежский советник и, наконец, 8 декабря 1799 г. он получает чин статского советника (V класс). Помимо службы в Сенате Сперанский является секретарем Комиссии по снабжению столицы хлебом и секретарем Андреевского ордена. К исходу павловской эпохи он награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского. М. П. Погодин дал такую ему характеристику: «Сперанский — человекоугодливый, характер эластический, умевший стать на всякого место».³ Способность понять другого несомненно сослужила великую службу Сперанскому. Но не только личные качества способствовали его быстрому продвижению по служебной лестнице. Большую часть своей жизни он прожил в переломную для России эпоху, когда постепенно усиливалось движение дворянской и разночинной интеллигенции, направленное против крепостного права и чиновничьего произвола, в защиту законности и справедливости, ибо старые порядки позднего европейского феодализма привели к анархии в судопроизводстве, беззаконию и фаворитизму в государственном управлении. Г. П. Федотов писал: «Порода и связи — помимо талантов — почти исключительно определяли служебную карьеру. Каждый вельможа поднимал за собой целый клан родственников, клиентов, прихлебателей».⁴

Укрепление российской государственности придавало особое значение образованной бюрократии в политической жизни. Сам являясь частью служилого сословия, рост влияния которого в то время объяснялся общими для европейских стран процессами, Сперанский смог обосновать политические и этические парадигмы новой идеологии. Его философия отражала общую тенденцию российской системы государственного управления к рационализации и демократизации. «Пусть Петр I составил табель о рангах, только Сперанскому удалось положить табель о рангах в основу политической структуры России, — замечает Г. П. Федотов. — XVIII век не знал бюрократии: плодил еще московских дьяков и подьячих, старое „крапивное семя“ строчителей кляузных бумаг, побирушек и „ябедников“, сообщающих провинциальному административному быту XVIII века столь архаический допетровский стиль... Попович Сперанский положил конец этому дворянскому раздолью. Он действительно сумел всю Россию

³ Погодин М. П. Сперанский // Русский архив. 1871. № 1. Стлб. 1247.

⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. СПб., 1991. Т. 1. С. 137.

уловить, уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс. Служба уравнивала дворянина с разночинцем».⁵

Карьера Сперанского успешно продолжается при Александре I, вступившем на престол 12 марта 1801 г. В 1803—1807 гг. Сперанский — директор департамента Министерства иностранных дел, с 1807 г. — статс-секретарь Александра I, с 1808 г. — член Комиссии составления законов и товарищ министра юстиции. Он получает чин действительного статского советника (IV класс) и назначается начальником экспедиции по части гражданской и духовной в Непременном совете. Его возвышение при Александре I объясняется и другими причинами. Начало XIX в. — время ожидания государственных реформ. Сенатор Ф. П. Лубяновский писал: «Дух словно излился из-под пресса... Вслушиваясь в беседы, я впервые слышал о людях с высшим взглядом, о необходимости общего преобразования, о конституции».⁶ Сам император Александр I — «Гамлет на троне» (А. И. Герцен) — в первые годы своего царствования намеревался ввести в стране конституцию, «ограничить самовластье» и осуществить крестьянскую реформу. Либеральное умонастроение той поры вдохновлялось политэкономией А. Смита, философией французских и немецких просветителей Ш.-Л. Монтескье, И. Канта, Вольтера, Ж. Ж. Руссо и Б. Констана. Либерализм александровской эпохи следовал из периода европеизации предшествующего столетия и из правительственного либерализма Екатерины II, в своем Наказе 1766 г. провозгласившей принципы сословно-просвещенного абсолютизма и «народного самодержавия» с элементами буржуазного гражданского общества. Не случайно самые разные мыслители — А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, М. М. Сперанский и П. И. Пестель — ссылались на статьи Наказа, касающиеся естественных прав и вольностей всех людей, их равенства перед законом. Указы Екатерины II, а также предпринятые Александром I меры по гуманизации общественных отношений продолжили российскую традицию реформ «сверху».

Краткий перечень мероприятий, к которым приложил руку Сперанский, включает следующее: восстановлено действие Жалованной Грамоты и Городского Положения; уничтоже-

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания Ф. П. Лубяновского. М., 1872. С. 205.

ны стеснения и ограничения в пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее; уничтожена Тайная экспедиция; строго запрещена пытка; учреждена комиссия для пересмотра прежних уголовных дел; священнослужители освобождены от телесных наказаний; уничтожены виселицы, которые были поставлены в городах при Павле; подсудимым возвращены права и средства предоставлять все нужные к их оправданию доказательства; издан ряд постановлений по облегчению условий внутренней и внешней торговли; отменен запрет на ввоз из-за границы книг и нот; разрешено распечатать частные типографии, закрытые при Павле; президенту Академии наук запрещено принимать для напечатания в «Ведомостях» объявления о продаже людей без земли; образована Комиссия составления законов и т. д.⁷ Сперанский также пишет указ от 8 сентября 1802 г. об учреждении Министерств, изменивший систему центрального государственного управления, и редактирует проект грамоты Александра I русскому народу. 23 января 1803 г. Сперанский назначается директором департамента при Министерстве внутренних дел, фактически он — второй человек в Министерстве графа В. П. Кочубея. К деятельности Сперанского можно отнести, в частности, указ о вольных хлебопашцах, положение о евреях, разрешение вольного соляного промысла, преобразование медицинского дела и реформу почтовой службы.

В эти же годы он пишет ряд крупных политических работ: «Отрывок о Комиссии Уложения», «О коренных законах государства», «Размышления о государственном устройстве Империи», «Примечания о Сенате», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общественного мнения» (все они написаны в 1802 г.), «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), «О духе правительства», «Об образе правления» (1804 г.). В этих трудах закладывается суть политического мировоззрения Сперанского, которое включало формы словесного мышления, опирающегося на христианское понимание иерархического строя бытия и элементы буржуазной культуры, основанные на критике феодально-крепостнических отношений, специфическом понимании правового разума и естественного закона. В его мировоззрении зачастую в аллегорической форме сочетались реализм и мистицизм, со-

⁷ Пивоваров Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX—первой трети XX столетия. М., 1997. С. 47.

циальный эволюционизм и духовный революционаризм. Важнейшие политико-правовые и этические категории — власть, закон, право, совесть — понимаются Сперанским в контексте «совершенного бытия», которое придает им онтологический статус и оправдывает ход политического преобразования и моральное поведение. Э. Л. Радлов, отмечая значимость философских идей Сперанского, писал: «Ломоносов, Сковорода, Радищев и Сперанский — вот родоначальники русской философии. Хотя они и оперируют материалом, заимствованным с Запада, но в них видна и оригинальная мысль, характеризующая различные стороны русского духа».⁸ Если для европейской философии XVIII в. характерен онтологизм рационалистического сознания, то для учения Сперанского важно развитие принципов религиозной онтологии власти и права. В его философии «впервые в русской (светской) религиозной мысли встает идея христианизации общественной жизни — то, что позднее было названо „социальным христианством”», — писал В. В. Зеньковский.⁹ Религиозные идеи действительно играли особую роль в политической философии Сперанского.

Ряд статей и заметок Сперанского посвящен проблеме бытия: «Бытие предсущественное, существенное, суетное, мысленное», «Бытие полное и ограниченное, союзное и отдельное», «Бытие хаотическое и созданное», «Быть и существовать» и другие. Целостное духовно-материальное бытие, согласно Сперанскому, имеет следующую структуру:

1) бытие предсущественное, или абсолютное, определяемое так же, как бытие всеобъемлющее, трансцендентальное, бытие созерцания или бытие в Боге-Отце;

2) бытие существенное — бытие в общем союзе, в любви и в сыне Божьем, которое включает три ступени: Вера, Надежда, Любовь;

3) бытие мысленное — суетное, источник которого находится внутри человека;

4) бытие явленное — отдельное, индивидуальное, источник которого вне человека. Этот «эгоистический» род бытия находится вне Веры, Надежды и Любви. В «суетном» бытии человек изолирован и ведет чувственный «отрывочный» образ жизни, в котором нет ничего постоянного.

⁸ Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 105.

⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 126.

О бытии существенном и предсущественном свидетельствует имеющееся у человека созерцание. «Бытие созерцательное измеряется пределами изменяемости, то есть начало его полагается там, где кончаются все изменения, а конец там, где они начались. Пустота между сим началом и концом есть бытие созерцания, и, следовательно, вопрос состоит в том, есть ли в человеке особый род сознания сей пустоты, и есть ли в нем единство?»¹⁰ Ответ на первый вопрос утверждает тождество лица, «терпящего» все изменения и вне их существующего, а на второй — «силу этого свидетельства, равную силе сознания первого». Решить поставленный вопрос возможно путем определения разности двух сознаний — положительного и отрицательного. Последний вид сознания, созерцание, можно удостоверить как на основании собственного психологического опыта личности, так и путем изучения религий Востока и Запада — христианства, буддизма, иудаизма, в которых дано непосредственное созерцание Истины в общении с Богом.

Следуя своему представлению об иерархическом строе бытия, Сперанский доказывал, что разные его уровни предполагают и различные виды познания: чувственное и существенное бытие познаются чувствами и разумом, предсущественное же — волей и воображением. Познание же возможно только благодаря воздействию предметов и явлений на душу человека. Ноумены, вещи в себе, не могут произвести в душе никаких впечатлений и поэтому непознаваемы. «Представлять и понимать вещи в себе как они есть — значит представлять их в таком положении, которое не производит в душе никакого изменения в состоянии».¹¹ Согласно Сперанскому, представление о вещах в себе есть абстракция и своего рода конструкция, подобная геометрической фигуре. Познание любых вещей и понятий требует их соотнесения с другими понятиями и вещами, данными в памяти человека. Ноумены же ни с чем не могут быть сравнимы и являются тем, что может существовать вне Бога и человека. «Мы не знаем вещи в себе, знаем абстракцию, конструкцию, потому что сами дали им конструкцию», — писал мыслитель.¹² По Сперанскому, существует только один смысл в вопросе о ноуменах: имеется

¹⁰ Сперанский М. М. Бытие предсущественное, существенное, суетное, мысленное // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 629.

¹¹ Сперанский М. М. Вещи в самих себе // Там же. Ед. хр. 639.

¹² Сперанский М. М. Мудрость // Там же. Ед. хр. 648.

ли последнее основание в процессе восхождения по ступеням духовности. В этой связи им был поставлен вопрос о границах свободы в культурной деятельности, отвечая на который, он исходил из представления о двух истинах — существенной и изменяющейся. Поскольку сущности обладают свойством изменчивости, то и истина релятивна. Она является существенной по отношению к истине низшего порядка и меняющейся по отношению к истине высшего порядка. Замыкает иерархию истин абсолютная Истина, простая и бесконечная, — Бог как завершение всех истин.

В чем же причина заблуждений в познании? Согласно Сперанскому, она заключена в объективной воле, управляющей чувствами и мнениями людей. «От невнимания, которым располагает воля, происходят худые нравы и худые склонности».¹³ Истина обуславливает существование нравственных и логических законов. Отклонение от нравственных законов рождает порчу, а от логических — заблуждение. Поэтому познание истины требует воспитания не только разума, позволяющего подчинить злую волю и способного исправить ее ошибки, но и наличия доброй воли и веры.

Важную роль в процессе согласования умственного и физического миров играет вера, имманентная воле. Философ различал четыре вида веры — вера кому, вера чему, вера в кого и вера во что — и подчеркивал, что вера кому лишь тогда действительна, когда свидетельства чувств и ума соединяются с размышлением и воображением. Вера принадлежит к области воображения, и человек способен не только принимать в себя посредством ощущений образ мира, но и сохранить его в своей памяти. Даже при внимании воля может отрицать логическую достоверность. Отсюда вера является важнейшим условием познания. «Без внимания нет ни знания, ни очевидности, а всякая очевидность начинается с веры. Вера есть первое ее начало».¹⁴ По его мнению, познание человека от древа добра и зла привело к грехопадению и отделило его от общего блага, сделало «саможизненным». Отпадение от общего духовного бытия в Боге создало противоречие между духом и материей, душой и телом, миром умственным и физическим и «вскрыло» ранее закрытое для человека хаотическое бытие, которое является «последней степенью разделения существ. В нем все кипит

¹³ Сперанский М. М. О началах очевидности // Там же. Ед. хр. 659.

¹⁴ Там же.

жизнью отдельного, все хочет быть для себя, всем повелевать, никто никому не подчиняется, все враждует и злобствует».¹⁵ Сперанский приводит пример с движением. «Где есть множество и разнообразие отношений, там, — писал он, — должно быть движение, ибо совершенный покой свойствен только Богу».¹⁶ Движение бывает правильное и неправильное. Первое измеряется временем, и в устроенном мире все движения правильные, они ограничены не только временем, но и пространством, объективными законами, относящимися как к человеку, так и к самому движению. Упорядочение в последующем должно касаться и мира умственного, в котором свои пределы, свое пространство и свое время.

Напротив, устроенное бытие является гармоничным, и в нем реально существуют добро и союз. Настоящее положение бытия, по Сперанскому, является ареной непреодолимого противоборства мира хаотического и устроенного. Но возможно внутреннее стремление человеческого общества к нравственному миру, выраженное в социальном «идеале» и в ощущении человеком «высшей воли» в себе: «Высшая воля изображается тоской, прельщением и от нее начинаются решимость, а от решимости начинается долг».¹⁷ Осознание человеком своего нравственного долга, а обществом — нравственного идеала и естественного закона позволяет постепенно осуществлять переход от хаотического мира к миру устроенному. Их согласование требует, прежде всего, упорядочения хаотического состояния в обществе и душе человека и осуществляется самим человеком, в котором проявлены два закона: по природе человеческой и мысленный.

Сперанским разрабатывается оригинальная концепция естественного закона. «Силы естественные, распределенные между разными существами, в каждом из них действуют сообразно его природе; во всех же вместе они действуют сообразно тем отношениям, кои для их совокупного бытия необходимы. Силы сии суть двояки: силы природы вещественной, или мира физического и силы природы духовной, мира невещественного, силы разума и воли. Те и другие имеют свой порядок действия в вечных судьбах Божиих им определенный, и потому постоянный, неизменный, и в бесчисленном множестве существ единообразный. Сие единство

¹⁵ Сперанский М. М. Бытие хаотическое и созданное // Там же. Ед. хр. 631.

¹⁶ Сперанский М. М. Философия // Там же. Ед. хр. 625.

¹⁷ Там же.

во множестве, сей порядок действия, наблюдением ума постигнутый и в виде правила выражаемый, именуется *законом их естественным*», — писал Сперанский.¹⁸ Законы естественные отличаются от законов моральных тем, что первые выражают существующий порядок действия сил. Вторые же характеризуют этот порядок с позиции долженствования — каким он должен быть. Важнейшей естественной силой воли является свобода, заключенная в природе человека и лежащая в основе личной самостоятельности как условия вменяемости действия человека.

Для Сперанского естественным является закон общения человека с другими людьми, отражающий меру его единства с самим собой и с Богом. Естественный закон бытия проявляется в том, что человек, ощущая конечность чувственного мира, стремится найти глубокое, вечное и беспредельное начало в своем самосознании, каковым выступает нравственное бытие в его совершенной норме. Таким образом, категория естественности в философии Сперанского выявляет не момент тождества явлений духовного и социального мира с безличной, неодушевленной природой, а характеризует меру единства всех духовных сил в человеке. Естественное в трактовке Сперанского имманентно, так как оба мира — органический и нравственный — совпадают только в процессе движения к общей цели, высшему совершенству — Благу, Истине и Добру.

Этическое учение Сперанского предвляло традицию отечественного философствования, сосредоточенного на поисках гуманистических ценностей, связанных с принципом ответственности личности перед обществом и государством. Отечественные мыслители, разрабатывая тему социальной и личной свободы, придерживались соборных идеалов и ставили своей целью осуществление идеи духовного единения человечества и нравственного совершенствования российской государственности. При этом просвещение народа признавалось важным, но не единственным условием нравственного преобразования личности и общества, поскольку исходным пунктом в программе развития общества было сохранение бытия как совокупности духовных и материаль-

¹⁸ О законах. Беседы графа М. М. Сперанского с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем великим князем Александром Николаевичем с 12 октября 1835 г. по 10 апреля 1837 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 30. С. 325.

ных условий жизни человека и общества в их целостности. Идея сохранения органической целостности жизни сближает воззрения Сперанского с философией всеединства В. С. Соловьева, С. Л. Франка и С. Н. Булгакова. Социальная жизнь строится на подчинении ей отдельных ее элементов как целому, при сохранении за элементами свободы и самодеятельности. «Нож режет все; колесо может всегда кружиться, но когда деятельность ограничится, когда примет определенную форму, когда ей скажут — доселе, но не далее, тогда у элемента отъемлется часть его деятельности, его жизни: он становится орудием другого. Жизнь в целом — смерть в его частях».¹⁹ Согласно Сперанскому, начало общественности находится не в экономике, «нуждах и пользах», при всей важности последних, а в нравственности, свободе личности, проявлениях добра и зла, чувстве правоты и первобытного союза с человечеством. В конечном счете это и создает нравственный мир, лежащий в основе социальной жизни и позволяющий гармонизировать горизонтальную (социальную) и вертикальную (властную) оси бытия в духовной, уравнивающей всех людей общей жизни — совершенной Правды и Добра.

Отправным пунктом этики Сперанского было учение о грехопадении. Именно грехопадение стало причиной возникновения хаотического бытия, отдельного по своей сути, а также двойственной природы человека — «отдельной и союзной, индивидуальной и коллективной». Грехопадение явилось и причиной рождения в человеке разумной свободы. Сперанский писал: «Если бы человек не пал, то имел бы понятие о свободе физической, о неприкосновенности духа, но не имел бы понятия о свободе разумной. Понятие сие образуется от двоякости бытия. Когда человек стал рабом самолюбия, тогда только он почувствовал, что есть свобода разума».²⁰ Отдельное органическое бытие человека характеризует изменяющуюся текущую сторону человеческого бытия, в котором человек ведет эгоистическую жизнь. Наряду с ним существует и нравственное бытие, где человек проявляет самосознание и есть «Я непрерывное». Человек в нравственном бытии обладает внутренней духовной цельностью и находится в союзе с другими людьми.

¹⁹ Сперанский М. М. Жизнь // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872. СПб., 1872. С. 824.

²⁰ Сперанский М. М. Тожество духовное и тождество телесное // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 686.

Философ подчеркивал, что каждый человек, имея свое назначение, цель и свободу, сохраняет в нравственном бытии связь союзную. Таким образом, нравственная цельность и свобода личности имманентно обуславливают моральное единство общества. Нравственное бытие характеризуется тем, что все разумные и свободные существа имеют одно и то же назначение. Исследуя условия возникновения общества, Сперанский доказывал, что смысл и цели общежития заключены в обеспечении каждого безопасностью, удостоверении труда и подготовке человека к высшему нравственному порядку. Поэтому общество лишь ступень, а не верх нравственного порядка. Верхом же нравственного порядка является религиозный союз.

Особый интерес вызывает трактовка Сперанским категории свободы, которая анализируется им в разных проявлениях: духовной и материальной, личной и социальной. Он полагает свободу изначально данной человеку благодаря его разумной свободной воле. Свобода дифференцируется им на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя свобода — это возможность распоряжаться собой и своими желаниями, быть самостоятельным в осуществлении своих целей. В этом состоянии для человека возможны разные действия, так как он обладает свободой выбора двух жизненных путей: восходящего и нисходящего. «К восходящему пути совершенствования принадлежат все явления человеческой жизни, все деяния, посредством коих бытие ограниченное освобождается от пределов, приближается к бытию совершенному, постоянному».²¹ К нисходящему пути относятся все явления жизни, посредством которых бытие человека удаляется от бытия совершенного. Сперанский подчеркивает: «Нравственность как бы склонение, покатость... по коему деяния идут».²² Тем самым нравственное достоинство поступка определяется его местом на лестнице восхождения. В этой связи принципиальное значение имеет то обстоятельство, что бытие восхождения — бытие союзное, коллективное, поэтому духовный рост, совершенствование личности сопряжены с ценностями общества и семьи.

В типах союзностей — формах общения — Сперанский выделял союзности первообразные и союзности производ-

²¹ Сперанский М. М. Бытие полное и ограниченное, союзное и отдельное // Там же. Ед. хр. 627.

²² Там же.

ные. В первых главным является союз человека с самим собой, основанный на самой его природе и на свойствах его разума и воли. Нет побуждений воли, в которых не участвовал бы разум. Единство разума, чувства и воли и определяет союз человека с самим собой — первую ступень первообразной союзности. На втором месте в союзностях первообразных находится союз человека, так же основанный на его природе, союз с себе подобными. Сперанский подчеркивал, что узы родства, образованные «любовительностью», создают единство членов одного тела, одушевленного одним умом и волей. Первообразные союзы не утверждаются на основе договоров, но, наоборот, договорные союзы основаны на сущности союзов первообразных, ибо возможность заключать договора исходит из способности человека представлять свое будущее и управлять им, властвовать собой будущим, так же как и настоящим. В этом своем качестве нравственность смыкается с внешней свободой. Сущность свободы вовне состоит в способности любить нравственное добро бескорыстно и быть счастливым счастьем других. Следовательно, сущность свободы заключается в способности общения.

Согласно Сперанскому, человек, вступая в общество, не теряет своей свободы, а усиливает ее и «обращает свой мертвый капитал в доходный, меняет шаткое своеволие на свободу верную. И сколь бы ни была ограничена и свобода, если только она не подавляется рабством, она лучше и вернее естественного состояния».²³ Самоограничение естественной свободы, воспитанное привычкой и длительным процессом гражданственности, и есть высшая свобода. Смирение — высшая степень власти и свободы, которая только возможна посредством разума и воли. Свобода воли есть долг, обязанность, прямота, и ее дает разум. Силы и состояния воли — вождения, делания, намерения решать или не решать, сердце воли и делания. Свобода существует для стремления к добру совершенному, праву, изящному, истине, а также как обязанность к праву, к изящному и к истине, которые присущи воле человека, но между ними существует различие. Сперанский выделял такие черты нравственного человека: искренность с самим собой и с другими, чувствительность к своим проступкам и способность к раскаянию, терпеливость или самообладание, бесстрашие, послушливость и обязатель-

²³ Сперанский М. М. Человек, вступая в общество, не теряет свободы // Там же. Ед. хр. 688.

ность, «самодельность и самоуслужливость» и, наконец, навык к пожертвованию своих польз для польз других людей.

По мнению Сперанского, общество в своем бытии имеет предел и не может удовлетворить бесконечных людских желаний. Винить общежитие и требовать от него больше, нежели оно может дать, есть болезнь нашего века — писал он. Сперанский исследовал различные формы социальной свободы и выделил свободу для черни и свободу для народа. Чернь желает как можно меньше быть управляемой, народ же ищет управления, но с «прибытком», с обогащением и без принуждения. Первая есть свобода народа рабочего, вторая — свобода сословия избранного. Первая есть свобода ленивая, а вторая — деятельная.

Этика Сперанского была этикой служения государству и обществу. Естественный закон требовал «хранить всегда и во всем союз общения с самим собой, с другими и с Богом», и в этом случае следование правде и справедливости являлось основой для понимания добра. Добром, писал он, мы называем то, что способствует сохранению и усовершенствованию нашего бытия. Из тройственности бытия — физического, умственного и нравственного — следует и тройственное добро. Добро физическое — все то, что способствует сохранению и усовершенствованию физических сил; умственное — все то, что расширяет и возвышает разум; нравственное же — все то, что способствует совершению движения воли. Последнее зависит от нравов, которые только тогда бывают добрые, когда сообразны союзам общения и первообразному долгу, т. е. Правде и Совести. Так как у человека существуют два рода бытия — отдельное и соединенное, то и формы его бытия различны. В отдельном бытии свобода стремится к самовластью, и лицо всегда ищет для себя отдельного. В бытии же соединенном существует союз общения со всеми разумными людьми, и здесь преобладает любовь. В этой связи и добро также бывает абсолютное и относительное. Абсолютное, совершенное, добро — это добро для всех и всегда, а относительное — путь к высшему добру. Только совершенное добро оказывается нравственным, относительными же оказываются все другие виды добра.

Мыслитель отвергал частичное, эгоистическое бытие, но вместе с тем полагал, что образ совершенного бытия в настоящем положении невозможен для всех. Реально только срединное бытие, в котором личность остается главным движущим началом, но где она соотносится с личностью других,

где лицо не сливается с другими в союз общения, но где есть союз взаимопомощи».²⁴ Философ формулировал принципы гражданского общества и этического государства. Если в союзе отдельном царит только корысть исключительная, то в бытии смешанном добро существует, так как оно обусловлено личной пользой, сообразуемой с пользами других. Это — несовершенное добро, но оно таковым является по отношению к высшему добру как путь к нему. В этике Сперанского человеческое деяние соотносится с целями личности. Абсолютной целью является добро, а промежуточной — нравы и польза, которые постигаются разумом и оцениваются в соответствии с тем, насколько они приближают личность к добру. Выбор между добром и злом является результатом свободного решения личности, но в основе выбора находится воля, которая управляет разумом, а разум, в свою очередь, управляет волей, предоставляя ей соответствующие цели и ценности. Способность человека регулировать нравственную жизнь и есть, по Сперанскому, практический разум, к которому присоединена вера. При этом относительная свобода всегда закрыта и направлена на утверждение своих прав, а абсолютная свобода открыта людям и ведет к нравственности. Абсолютная свобода есть у всех людей, и нравственность в равной степени присуща как дворянину, так и крепостному, поскольку им доступно духовное совершенствование. В этом утверждении выразилась внесловная, признающая духовную равноценность всех людей христианская философия Сперанского, проявилась, по мнению С. Л. Франка, его протестующая против дворянских привилегий «мужицкая душа».

Нравственно-религиозное совершенствование предполагает, по Сперанскому, наличие у человека способности к подчинению телесного начала духовному и «истребления самолюбия». Личное совершенствование происходит в молитве, а также в суде над самим собой и требует постоянного отчета человека за свои гражданские и нравственные деяния, но при этом оно учитывает и возможность участия в этих делах свободной воли. Отношения между свободным человеком и естественным законом строятся на основе понимания реально существующих пределов возможностей для личности в изменении мира. Сперанский отмечал в этой связи: «Человек

²⁴ Сперанский М. М. Понятие добра и пользы // Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889. С. 346—349.

все еще не может понять, что он не что иное, как кусок глины, коей дают разные формы, что в гибкости и мягкости состоит все его достоинство, что планы и экономические отношения внешние так обширны, так многосложны, что страшно и смешно вздумать управлять ими, и между тем в сем-то именно и состоят наши притязания. Покорность и гибкость — вот все, что нам остается».²⁵ Бог предоставляет человеку право выбора между добром и злом, человек же поступает так, как хочет, и затем не вправе роптать. Таким образом, человек должен понять ограниченность своего морального выбора, который определяется его разумом и чувствами, законами государства и особенностями внешней и внутренней природы. Естественный закон воли включает в себе три закона: желать, желать добра и желать добра совершенного. Но склоняет волю в ту или иную сторону долг, движимый любовью.

Проблема, решаемая Сперанским, заключалась в синтезе равенства и свободы, достижении гармонии духовной природной свободы человека и социального равенства, понимаемого как равенство в духе. Этим решалась еще одна принципиальная для мыслителя проблема — преодоление наметившегося с Петра I раскола русского народа на европеизированную дворянскую элиту и основную массу крестьянства. Нравственно-религиозная свобода была для него предпочтительней имущественного и материального благосостояния. В моральной философии Сперанского присутствует определенное сходство с идеями исихазма, а в его рукописях имеются выписки из завещания Нила Сорского. На это сходство указывает Э. Л. Радлов: «Замечательно, что Сперанский ценит не столько мистическую теорию, сколько практику, долженствующую привести к Царству Божьему внутри человека. В этом отношении он остается верен основной черте русского мышления, проявившейся, например, и в Ниле Сорском».²⁶ Сперанский писал о единстве духовного преображения человека и социального действия, видя в этом важнейший признак личности. Обрести духовную гармонию, по его мнению, можно в молитве, изучая Библию и творения святых отцов церкви. Но обретение благодати возможно и в радостном труде, так как «благодать не терпит праздности».²⁷ Благо-

²⁵ Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. С. 237.

²⁶ Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Указ. соч. С. 105.

²⁷ Кемпийский Фома. О подражании Христу / Пер. М. М. Сперанского. СПб., 1821. С. 371.

дать достигается и участием человека в государственном строительстве, в политических реформах, направленных на благо отечества. Для всего этого нужны прежде всего духовная аскетика и самодисциплина — «насилие над собой», иначе не победить человеческие пороки, из которых один из самых тяжких — лень. Моральная философия Сперанского развивает православную этику труда и хозяйства — экономию спасения.

Он пытался рационально объяснить религиозные предания и догматы, дав повод некоторым православным богословам увидеть в его воззрениях влияние протестантизма. Но религиозные взгляды мыслителя отличны от протестантизма признанием авторитета православия. Сперанский, скрупулезно соблюдая все православные обряды, призывал к истинной духовной вере и молитве. Его аллегорически-символическое толкование христианства было, скорее, философствованием по поводу религии. В этой связи понятно и предпринятое Сперанским разделение церкви на церковь с формами и без них, которое скрывает желание мыслителя выявить соборный и духовный смысл православия и христианства. Церковь без форм обладает следующими достоинствами: свободой духа, внутренней теплотой, непрерывностью и независимостью от места, всеобщностью ее священства. Недостатками же церкви без форм являются «заблуждения и парения духа», ложная ревность и фанатизм, самолюбие, ложные откровения, трудность управления, отвержение всех властей и законов, чрезмерное расширение свободного духа на все нравственные и гражданские союзы, произвольность и разнообразие форм. Сперанский характеризует и особенности церкви с формами — официального православия. Ее достоинствами являются отсутствие «парения форм», навык повиновения, скрепление союза гражданского и нравственного. Недостатки же заключаются в стеснении духа, смещении вечного и временного, омрачении смысла веры. Мыслитель критиковал православие за недвижность — неспособность к развитию, несоответствие требований церкви с потребностями духа, пристрастие к наружным знакам и к букве. Вывод Сперанского таков: церковь с формами следует оставить тем, чей дух не нуждается в переделке, чья нервная система не возвышена и понятия не раскрыты, и считать ее подготовительной ступенью к спасению.

Понимая свободу воли как основу подлинной веры, Сперанский последовательно утверждал ее также в качестве прин-

ципа государственной жизни. Спецификой его философии было преодоление принципов сословного государства на основе категорий культуры того же общества. Реформатор критиковал государство, в котором, согласно Канту, «правление (Regierung), основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца своим детям, иначе говоря, *правление отеческое* (imperium paternale), при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно, и вынуждены вести себя только пассивно, дабы решения вопроса о том, как они *должны* быть счастливы, ожидать от одного лишь суждения главы государства».²⁸ Но Сперанский как раз и жил в таком государстве, будучи вынужденным примиряться с его недостатками и желая его изменить.

Итогом данных духовных коллизий было его учение об истинной монархии. Оно является квинтэссенцией политической философии мыслителя и отражает умонастроения значительной части русского либерального общества. За истинную монархию выступали люди разных политических взглядов: Сперанский и декабристы, А. Н. Радищев и адмирал Н. С. Мордвинов. Под определенным влиянием Радищева написан и политический трактат Сперанского «О коренных законах государства» (1802 г.), где реформатор излагает идеи «правильной» монархии. В 1803 г. Сперанский составил несколько записок на имя царя по вопросам государственных преобразований. Из них наиболее важная — «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». К октябрю 1809 г. было подготовлено «Введение к Уложению государственных законов». Создавая этот план, Сперанский следовал указаниям Александра I, и позднее в письме императору он напишет: «В конце 1808 года после разных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам дошедшие, и нередко удостоивая проводить со мной целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, от стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел *план всеобщего государственного образования*. В существе

²⁸ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Сочинения: В 6-ти тт. М., 1965. Т. 4. Ч. II. С. 79.

своем он не содержал ничего нового; но идеям, с 1801 года занимающим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтобы посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, достоинства и истинной силы».²⁹

Сперанский учитывал и мнение окружения императора. К кругу единомышленников государя следует причислить А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева и В. П. Кочубея — членов созданного в 1801 г. Негласного комитета, который действовал под председательством императора до 1805 г. и был полуофициальным правительственным органом. Именно Негласному комитету было поручено подготовить реформу «бесформенного здания государственного управления», обсудить проблему отмены крепостного права в стране. Однако кроме близкой императору просвещенной бюрократии существовал и более широкий круг либеральной интеллигенции, который образовал «правительственный либерализм» александровской эпохи. В него входили П. А. Вяземский, М. С. Воронцов, А. П. Куницын, Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев и М. А. Балугьянский. Последний был выдающимся ученым-юристом, ближайшим помощником Сперанского и ректором Санкт-Петербургского университета. Идеи конституционной монархии воплотились, в частности, в Уставной грамоте, разрабатываемой Н. Н. Новосильцевым и П. А. Вяземским. Над проектами освобождения крестьян работали М. А. Балугьянский, В. Н. Каразин и Н. И. Тургенев. В круг «оппозиции Его Величества» входили также и представители прогрессивной военной интеллигенции — А. П. Ермолов, А. А. Закревский, П. Д. Киселев, Д. В. Давыдов.

Концепция истинной монархии Сперанского является первым всеобъемлющим планом реформы политической системы России, проектом правового государства с принципом разделения властей, элементами демократии и «представляет собой наиболее разработанный конституционный проект из всех тех, которые появились на рубеже XVIII—XIX вв.».³⁰ Он считал возможным синтез абсолютизма и гражданского общества, единовластия и правового, законодательного регу-

²⁹ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 330—331.

³⁰ *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957. С. 257.

лирования социальных отношений, совмещение сословно-иерархического строя и свободной личности. Политическая философия Сперанского может быть определена как самодержавный либерализм, сочетающий характерные особенности политического менталитета эпохи феодализма и специфические черты политической культуры периода буржуазной модернизации. Важнейшая проблема развития личности и общественного самоуправления решалась Сперанским как проблема активизации личной самодеятельности под началом верховной власти, а создание правового государства мыслилось как следствие просвещения народа. Правовым виделось государство, построенное на принципе уважения всех членов общества к закону и его субъекту-самодержцу.

Внешне истинная монархия схожа с отечественным правлением Канта, в котором каждый (не исключая и главу государства) «рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву, на которой и из которой он сам вырос и которую он как драгоценный залог должен оставить после себя для того лишь, чтобы охранять права общности посредством законов совместной воли, а вовсе не считает себя правомочным подчинять ее своему безграничному произволу для использования».³¹ При этом Кант подчеркивал, что в отечественном правлении все находятся под законом, за исключением монарха — главы государства, ибо если он будет принуждаем по закону, то не сможет оставаться главой государства. В правовом государстве монарх сам является источником права и закона. Идеал отечественного правления — должное состояние общества, истинность которого определяется его нормативной природой.

Для Сперанского, мыслителя религиозного, не могло быть столь однозначного противопоставления идеала и реальности. По его мнению, идеал и реальность взаимосвязаны: с одной стороны, реальность в соответствии с принципами христианской политики духовно и нравственно преобразуется, постепенно приближаясь к абсолютному идеалу, — истинной монархии. В то же время идеал в ходе реализации конкретизируется. Истинная монархия — это цель и средство социального преобразования, обусловленные социально-политической реальностью, конкретными культурно-психологическими и историческими факторами развития российского общества и ментальностью россиянина. Постепенность

³¹ Кант И. Указ. соч. С. 80.

процесса преобразования отражает иерархичность бытия, различие абсолютного идеала истинной монархии и идеала разумного — срединного, по классификации Сперанского, бытия как переходного от хаотического, «разорванного» состояния общества к бытию совершенному. Исходя из этого реформатор предложил Александру I два проекта. Первый — для срединного общества, в котором судная и законодательные власти еще во многом зависят от власти исполнительной, а народовластие в значительной степени формально. Этот проект, по Сперанскому, предназначен для народов своевольных и анархических, и там есть только вид закона, но не сам закон. Для народов же с «добрым смыслом, простым и твердым разумом» возможен идеал истинной монархии. В нем законодательное сословие устроено так, «чтобы оно не могло совершить своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное». ³² Власть исполнительная поставлена в ответственность от власти законодательной, и все постановления, на основании которых управляется истинная монархия, исходят из принципа: «Не делай другому того, чего не желаешь себе». Закон этот носит общечеловеческий характер и сформулирован в Библии и Евангелии, римском праве, а также в философии Аристотеля и Канта. Сперанский полагал, что русские, как народ северный, больше подходят для истинного правления, но переход к нему сопряжен для них со сложностями. Народу, находившемуся долгое время в рабстве, опасно сразу переходить к свободе и просвещению, ибо образованный народ острее ощущает свое рабское состояние и способен на непредсказуемые поступки.

Концепция истинной монархии не была плодом кабинетных размышлений Сперанского или следствием некритического заимствования им чужеземных идей, а явилась результатом глубоких раздумий над решением сложных социально-экономических проблем, стоящих перед страной. Философия права Сперанского является феноменом опережающего мышления, которое в духовно-практической деятельности с необходимостью раздвигает узкие рамки, отведенные ему временем. А. Н. Пыпин писал: «Наше тогдашнее движение, восприняв некоторые понятия европейского политического либерализма, не имело никаких близких связей с западными тайными обществами и не было также одним подражанием

³² План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 33.

или одним теоретическим увлечением, напротив, оно тотчас обратилось к русской жизни, искало в ней практические почву и применения и для последних находило множество оснований». ³³ Исторический смысл либерального движения в России, по его мнению, заключался в том, что, несмотря на разные увлечения и крайности, оно сразу же обозначило важнейшие вопросы российской жизни. Европейские же события, пребывание за границей, сближение с европейцами и их нравами дали только первый толчок для появления в русской мысли новых идей, но это был толчок, созвучный общему настроению времени.

Какие же нужды и желания волновали русскую общественность? О них Сперанский не раз писал. По его мнению, все российские сословия испытывали глубокую неудовлетворенность своим положением и желали его изменения:

казенные крестьяне — чтобы подати были умеренными (соразмерными земле и промыслам), чтобы казенных земель было достаточно и чтобы их положение определялось не произволом начальников, а законом;

помещичьи крестьяне — стать казенными;

мещане — чтобы их промыслы не стеснялись купцами и крестьянами, были расширены и иначе установлены, а повинности соразмерны доходам;

купцы — чтобы кредит был верен, курс выгоден, иностранные товары дешевы, свои дорожи, чтобы тарифы не менялись без совета и согласия тех, чье имущество и предприятие с ними связаны;

духовенство — чтобы не было противоречия между достоинством их звания и униженностью состояния, чтобы люди, «обязанные к умственному состоянию», не смешивались с рабочими людьми и чтобы гражданское образование и просвещение помогали духовному воспитанию, а не противоречили ему.

Согласно Сперанскому, чиновники стремятся к хлебу насущному и возможности его приобретения без преступлений, «способов упражнения в законах» и возможности образовывать своих детей без страха нищеты и унижений. Дворянство испытывает потребность в твердой собственности, верных и независимых от колеблющегося духа крестьян доходов, оно хочет уравнивания налогов и уважения к гражданской службе,

³³ Пытин А. Н. Исторический очерк общественного движения при Александре I. СПб., 1871. С. 351.

лучшего воспитания детей, сокращения издержек на их образование и службу и, наконец, постоянных законов.

Реформатор считал, что общий ропот, недовольство и равнодушие к правительственным постановлениям, свидетельствующие о накопившихся проблемах, еще не так опасны. Гораздо опаснее, что сложившаяся ситуация усугубляется, ибо, во-первых, всякое зло со временем усиливается, а во-вторых, положение главного производительного сословия, крестьян, ухудшается. Земли у них не прибавляется, подати увеличиваются, а общие доходы падают. Сословие торговцев и заводчиков богатеет, но оно малочисленно и своим богатством не сближает сословия, а напротив, служит причиной зависти и раздражения со стороны других сословий. Главная же беда экономики России заключается, по Сперанскому, в неравенстве сословных прав, большом бремени налогов и отсутствии капиталов для качественной обработки крестьянских земель и увеличения их производительности.

Выходом представлялись меры правительственные и меры законодательные. Первые легки, но непрочны. Вторые трудны, зато надежны, ибо основаны на живой нравственной силе. По мнению Сперанского, общее недовольство требует прежде всего правового регулирования отношений — как между сословиями, так и между верховной властью и народом. Отсутствие единых для всей Империи законов не позволяло эффективно управлять государственной жизнью, вносило смуту и раскол в общество. В противоречии между правосознанием, нравственной культурой и наличным бытием он видел симптомы болезни общества, для излечения которой необходимы не только новые законы и их систематизация, но и вмешательство правительства в общий ход самих процессов. «Частное не может быть излечено вне оздоровления основ. Нельзя управлять частью, не касаясь целого», — писал Сперанский.³⁴ Системность мышления философа созвучна духу философии Нового времени, она также включала усвоенные им идеи немецкой классической философии.

Особое значение для понимания государственных воззрений Сперанского имеет его дискуссия с историком Н. М. Карамзиным. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», переданной Александру I в 1811 г., историк рассматривает широкий круг проблем:

³⁴ Сперанский М. М. Письмо от 17 марта 1820 г. // Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. С. 237.

соотношение власти, закона и права, традиции и новации в обществе, характер цивилизации и прогресса, при этом он критически отзываясь о реформах Сперанского. В отечественной историографии уже исследовалась эта дискуссия. Внимание ей уделяли М. А. Корф, А. Н. Пыпин, Н. И. Тургенев, а также В. З. Завитневич.³⁵ Карамзин и Сперанский едины как в критике власти, так и в том, что, вступив в диалог с монархом, они пытались привлечь его к осуществлению принципов истинной монархии. Политический идеал Карамзина определялся им как старинное правление. «В монархе российском, — писал он, — соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное».³⁶ Такое государство управляется на основе обычая, силы власти, страха, а не любви. Право, закон и свобода не являются теми ценностями, которым надо приносить в жертву могущество и целостность государства. В этой связи историк, оценивая роль и значение крепостного права в истории России, писал: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возратить оную. Тогда они имели навык людей вольных — ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?»³⁷ По мнению Карамзина, крестьяне, освобожденные от власти господской, станут пьянствовать и злодействовать, дворяне перестанут содействовать монарху в хранении тишины и благоустройства в государстве.

Опасности преждевременного освобождения от крепостного права были очевидны и для Сперанского, который предлагал постепенно, формируя гражданское сознание в обществе, облегчать режим крепостного права в стране. Помещики необходимы, поскольку они лучше умственно и морально подготовлены к управлению деревнями, населенными крестьянами, а также «к службе высших чинов в поряд-

³⁵ Завитневич В. З. Сперанский и Карамзин как представители двух течений в царствование императора Александра // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1907. Т. III.

³⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102.

³⁷ Там же. С. 73—74.

ке судом, в управлении государством и в войске».³⁸ Сперанский был убежденным противником крепостного права, считая его несовместимым с цивилизованным обществом. В «Записке о коренных законах государства» он писал: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым; действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов».³⁹ Эта позиция мыслителя по отношению к крепостному праву сохранилась и в дальнейшем.

Карамзин и Сперанский, защищая благополучие монархического государства, различным образом понимали соотношение свободы и права. Для Карамзина бюрократическая форма права отлична от ее человеческого содержания. Форма связана с внешними, случайными или воспринятыми из чужеземных стран образцами государственного правления. Содержание же определяется внутренними, отечественными принципами жизнеустройства и охватывается понятием обычного права, созданного многовековыми условиями жизни России. Карамзин — убежденный защитник сословного и обычного права и противник права, общего для всех сословий. «У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. — все они имеют свои особенные права, — общего нет, кроме названия русских», — писал он.⁴⁰ Обычное право и обеспечивало необходимый минимум жизненных условий для всех сословий, поскольку Россия никогда не славилась богатством. Вольность менялась на гарантированную государством жизненную обеспеченность, и в этом объективно состояла справедливость устройства Святой Руси — палладиума самодержавия.

Суть политической философии Карамзина состояла в обосновании того, что рабство политическое несовместно с гражданской вольностью и что государство может заимствовать от другого государства полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Призывая к сохранению нравственно-духовной основы российского государства, Карамзин утверждал, что именно страсть к нововведениям разрушила установленные при Петре I государственные устои, подорвала принципы социальной справедливости и неформальной, основанной на

³⁸ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 55.

³⁹ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 43.

⁴⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 91.

жизненном опыте, подлинной компетентности в вопросах управления государством. Патриотическая идеология Карамзина подкупает своей искренностью и близка взглядам князя М. М. Щербатова, обличающего падение нравов в период правления Екатерины II. В философии просвещенного консерватизма заключена глубокая житейская истина: известное зло лучше неизвестного добра. Но другая правда данного мировоззрения состоит в том, что в России главенствующую роль всегда играла служба всех сословий на пользу отечества. Ценности общегосударственные всегда значили больше, нежели пользы личные. У нас действительно зачастую «служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более!»⁴¹ Защищая старинные ценности, историк безошибочно апеллировал к «инстинкту власти» (Н. И. Тургенев), к тому истоку любой власти, который определяется ее стремлением к самосохранению. Властный инстинкт государственности как формы и сути социальной жизни находится по ту сторону права и морали. В этом инстинкте — имманентная связь государственной и общественной безопасности.

Философия права Сперанского исходила из общесословного, государственного права. Правовед не предлагал полного уравнивания всех сословий в личных и имущественных правах, и, по его мнению, никто не должен быть лишен гражданского права, но не все могут иметь его в равной степени. Поэтому право собственности носило у него избирательный характер; так, бывшие помещичьи крестьяне, даже имея необходимые средства, не могли покупать населенные деревни, ибо не были, согласно Сперанскому, просвещены. Государственное право означало равенство всех сословий перед государственными законами; общероссийское право нуждалось в едином в своих организационных принципах суде как средстве контроля законодательной деятельности. Необходима была, по его мнению, и кодификация законов. Таким образом, Сперанский развивал концепцию правового государства в рамках феодального общества. В нем личные вещественные и гражданские свободы оказывались средством создания государственного единства и укрепления самодержавия.

Сперанский, так же как и Карамзин, думал, что люди определяют характер политических отношений в обществе, но полагал, что изменения в политической системе нужны, так как они создают обстоятельства, высвобождающие инициати-

⁴¹ Там же. С. 104.

ву людей. «Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самые естественные их последствия, желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях, чтобы страсти двигались и переменялись, а предмет их желания, свободы, оставались бы в одном положении».⁴² Человек вначале должен получить «некоторое бытие, участие свободы, которое одно дает жизнь и движение разуму и воле».⁴³ Симпатии Сперанского на стороне государства, в котором верховная власть, управляя не столько страхом, сколько любовью, содействует охранению личности, собственности и чести. В нем людям не только гарантирован минимум средств существования, но и предоставлена возможность повышения их жизненного уровня за счет более производительного и свободного труда. Сперанский взывал к мудрости правительства, которая, по его мнению, состоит не в том, чтобы ожидать и подчиняться событиям, но в том, чтобы управлять ими, уметь отнять у случая то, что он может принести вредного. Именно в этом, по его мнению, залог предотвращения пугачевщины и начало эволюционного развития общества. В этой связи реформатор впервые в русской социальной философии высказал догадку, что «в общем счете времени успехи в России идут несравненно быстрее, нежели шли они в те же эпохи в других государствах».⁴⁴ В завершение анализа полемики двух выдающихся деятелей русской культуры отметим, что в последующем их позиции значительно сблизились. Так, в Полное Собрание российских законов включены многие древние законы России. Здесь уместно привести мнение Сперанского о Карамзине, высказанное в письме А. А. Столыпину в 1818 г.: «Пусть Карамзин меня бранит сколько угодно, а я хвалить историю его не перестану. Разность между нами та, что он бранит меня не зная, а я хвалю его с основаниями. История его есть монумент, воздвигнутый всему нашему веку словесности».⁴⁵ Карамзин также в последующем изменил свое отношение к Сперанскому, признав его политические таланты.

Мыслители сходились и в признании единства нравственного и правового начал в обществе. Сперанский различал закон как выражение правды и закон формальный, юридический, не отражающий всей полноты сложившихся отношений.

⁴² Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 9.

⁴³ Там же. С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 160.

⁴⁵ Сперанский М. М. Письмо А. А. Столыпину // Русский архив. 1871. С. 434.

Присущее европейскому юридическому мышлению строгое разграничение права и нравственности так и не стало нормой русской философии. Нравственно-аксиологический подход к праву свидетельствует не о дефиците правосознания русской интеллигенции, а о нравственной интерпретации юридических категорий, которая была несвойственна западноевропейской философии права XIX в. Сперанский, хотя и мог выразить согласие с кантовским пониманием права как «ограничения свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону»,⁴⁶ однако ни в коем случае не мог принять формулировки права как «совокупности условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»,⁴⁷ так как не допускал произвольного поведения личности в обществе.

Этим определяется такая черта мировоззрения мыслителя, как апелляция к разуму власти, — вера в возможность положительного отклика верховной власти на предлагаемые реформы. Власть разума над нравом воли, по Сперанскому, необходима, ибо верховная власть показывает пример разумной деятельности и осуществления справедливой политики, интегрирующей все сословия, которая возможна только с учетом пользы всех людей. Единая цель, а также удовлетворение разумных нужд являются гарантиями стабильности общества и сохранения авторитета власти, опирающейся на коренные законы государства, которые устанавливаются самой верховной властью и являются прообразом конституции как основного принципа устройства государства. Согласно Сперанскому, эгоизм личности обусловлен различием в направлении человеческой воли, но если ее действие у разных людей будет направлено к общей цели, то эгоизм может исчезнуть сам собой. «Две воли, — писал он, — слившись в одну в данном предмете, в отношении к сему предмету перестают быть две и изглаждают части личности».⁴⁸

Верховная власть, воплощающая разум и нравственность, должна предохранять общество от распада, создавать определенный баланс и гармонию в распределении пользы. Сперанский рассуждал реалистично и хорошо понимал, что сами по себе нужды и пользы не могут охранять правду, и сильнейшая

⁴⁶ Кант И. Указ. соч. С. 78.

⁴⁷ Там же. С. 139.

⁴⁸ Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. С. 282.

сторона в обществе всегда найдет способ привести в рабство слабейшую, но для того и должен существовать контроль за действиями богатейших сословий, которые постоянно ищут выгоды. Главной проблемой верховной власти является согласование долга с равенством, что требует признания личной свободы, союза и равенства всех членов данного союза. Данное согласование интересов требует утверждения права в обществе и развития правосознания личности, которое, по Сперанскому, возникает на основе власти человека над собой и своим имуществом и начинается там, где существуют добро и правда и где имеется согласие в обществе. Объективно подобное понимание права подрывало институт крепостного права с личной зависимостью крепостного от своего помещика.

Сперанский считал, что несовершенство и несправедливость общества, неэффективность государственного устройства, в котором, по его мнению, царили бюрократический произвол и анархия, могут быть исправлены с помощью разумного законодательства и нравственного просвещения власти. «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, — писал он, — если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовывались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа».⁴⁹ Согласно Сперанскому, суд совести и правды составляет естественный и всеобщий закон в общении человека с самим собой, другими людьми и Богом, а нравственный порядок образует основу порядка государственного.

Идея христианизации общественной жизни повлияла на представления Сперанского о целях и средствах политического преобразования. Основой нравственного порядка, по его мнению, являлась правда, опирающаяся на две силы: внутреннюю, религиозную, и внешнюю силу общежития, выраженную в законе. Нравственный закон разделялся на внутренний — закон совести и чести, и внешний — закон верховной власти. Три формы общежития — семейство, род и государство — возникли постепенным расширением, имея своей основой четыре главных установления — состояния лиц, имущественную собственность, верховную власть и нравственный порядок. В государстве, полагал Сперанский, «власть родительская преобразуется во власть верховную, повиновение обращается в под-

⁴⁹ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 19.

данство»,⁵⁰ что приводит к появлению в общежитии гражданских и государственных прав и обязанностей и установлению законодательной охраны порядка и справедливости. Верховная власть в государстве установлена для защиты правды, и законодательная деятельность правительства должна исходить из воли народа, а также учитывать общественное мнение и пользу граждан. Верховная власть состоит из законодательной, административной и судебной сил, и вся совокупность законов призвана обеспечить правовое единообразие на территории Империи и саморегулирование общественной жизни. Предел самодержавной, неограниченной власти монарха ставился государственным договором и нравственным обязательством императора по исполнению существующих законов. Этическое ограничение самодержавия обеспечивало и устраивало политическое бытие народа, ибо государь был верховным субъектом и хранителем законов.

Политическим идеалом философа была монархия, сочетающая сильную власть и законодательство, а также права и свободы граждан, гарантирующие их равенство перед законом. «Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе».⁵¹ Он ратовал за создание такого государства, в котором бы на первом месте стоял принцип верховенства закона. Конституционализм Сперанского являлся качественно новым этапом в развитии конституционных попыток в России, поскольку базировался на глубоком понимании объективных предпосылок конституционного процесса: условий жизни людей, их культуры и состояния общественного сознания. Реформатор полагал, что перемены в обществе должны учитывать свойства человеческой души, и общественная свобода находит в личности духовную опору. Политическое преобразование должно соответствовать гражданскому просвещению народа. Игнорирование этих обстоятельств могло привести к самовластию — деспотизму, а поспешность в коренных изменениях общества была чревата бедствиями для народа и губительна для инициаторов непродуманных реформ. «Разрушив прежний порядок вещей, хотя и несовершенный, но с привычками народа сообразный, если порядок, вновь установленный, не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах

⁵⁰ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 40—41.

⁵¹ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 30—31.

народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут».⁵²

Философия политики и права Сперанского была рассчитана на эволюционное изменение общества, она учитывала взаимосвязь общественных условий и политических институтов и предусматривала воспитание людей, способных воспринять новые идеи и стать опорой законодательной власти. Наличие слоя просвещенных, политически и экономически независимых людей из народа призвано было уравновесить верховную власть. Сперанский считал, что чиновники должны быть подотчетны народу — источнику государственной власти, так как, «не быв никакими пользами соединены с народом, они на угнетении его оснуют свое величие». В его замыслах предусматривалось поэтапное преобразование сословного строя, создание среднего сословия и освобождение крестьян от крепостного права.

Представленный во «Введении к Уложению государственных законов» проект реформы государственной системы России воплощал принцип разделения властей при сохранении коренных устоев Империи.

ДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Государственный Совет

Управление	Законодательство	Суд
Министерства и Правительствующий Сенат	Государственная Дума	Судебный Сенат
Управление губернское	Дума губернская	Суд губернский
Управление окружное	Дума окружная	Суд окружной
Управление волостное	Дума волостная	Суд волостной ⁵³

Сперанский полагал, что «нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять законы, и исполнять их».⁵⁴ Его идея состояла в создании двухпалатного парламента с высшей палатой (Государственным Советом) и низшей выборной (Государственной Думой), а также в строгом разграничении деятельности законодательной власти — четырехстепенной избираемой Государственной Думы, верховного судилища — Сената — и Министерств.

⁵² Там же. С. 174.

⁵³ *Ливоваров Ю. С.* Указ. соч. С. 51.

⁵⁴ Там же. С. 31.

Особая роль принадлежала Государственному Совету — законосовещательному коллегиальному органу, учрежденному в 1810 г. при императоре для согласования работы законодательной, исполнительной и судебной властей. Изменение функций Совета преследовало такую же цель, как и реорганизация всех ветвей власти: защитить все сословия от деспотизма и фаворитизма. Объективно это означало некоторое ограничение самодержавия, ибо создавалась относительная самостоятельность всех ветвей власти и они становились подотчетны сословиям.

План должен был осуществляться в следующей последовательности: с учреждения Государственного Совета, затем реорганизации Министерств и Сената, и завершиться он мыслился призывом народного представительства к участию в законодательстве в форме установления дум волостных, окружных, губернских, а также Государственной Думы. Реализация проекта предотвратила бы, по мнению Сперанского, ошибки в управлении, свело бы к минимуму анархию и волокиту и сделало бы систему власти гибкой и оперативной, одновременно увеличив независимость принимаемых решений от воли отдельных лиц. Преимуществами новой системы управления были профессионализм, единоначалие в принимаемых решениях и ответственность исполнителей перед законом. Усилившиеся бюрократические элементы в политической жизни свелись бы к минимуму ответственностью Министерств перед Государственной Думой. К числу важнейших инициатив Сперанского следует отнести идею реорганизации Сената, в соответствии с которой его предполагалось разделить на Правительствующий и Судебный; первый должен был заменить Комитет министров, став организующим центром Министерств, второй — возглавить судебную систему. 7 августа 1811 г. Государственный Совет одобрил проект Сперанского.

Кроме того, по предложению Сперанского в 1809 г. было принято два указа: о придворных званиях (3 апреля), который предписывал обладателям придворных званий в течение двух месяцев подыскать себе действительную службу, и указ об экзаменах на чины (6 августа). Вторым указом был введен специальный экзамен для высших государственных чиновников на проверку их общих знаний в рамках гимназического курса. Согласно этому указу при производстве в чины VIII и V классов чиновники обязаны были предоставить свидетельство об окончании университета (отечественного), а не

имеющие такого свидетельства — сдать соответствующие экзамены.

Важнейшее значение имело руководство с 1808 г. Сперанским Комиссией составления законов. В ней он занимался подготовкой проекта нового Уложения, а также Устава гражданского судопроизводства и Уложений торгового и уголовного.

В числе экономических начинаний Сперанского следует назвать проект оздоровления финансов 1810—1812 гг. (план Сперанского—Балугьянского—Мордвинова), который заключался в следующем: предполагалось изъять из обращения ассигнации и образовать капитал для их погашения, перейти к твердому устройству монетной системы, установить равновесие между доходами и расходами, всячески способствовать развитию торговли. Этот план тут же принес свои плоды. Уже в 1811 г. дефицит государственного бюджета сократился до 6 млн. рублей (в 1809 г. он равнялся 105 млн. рублей), доходы же возросли до 300 млн. рублей.

Во внешней политике Сперанский стал инициатором ряда мер, направленных на защиту интересов России. Он твердо отстаивал национальные интересы России в преддверии возможной войны с Францией. Торговый тариф, принятый в 1810 г., ставил своей целью борьбу с торговой экспансией Франции. Среди внешнеполитических инициатив Сперанского следует назвать его роль в установлении нормальных отношений с Финляндией, присоединенной к России в 1808 г. Они предусматривали сохранение самостоятельности Финляндии в ряде внутривополитических вопросов. По существу речь шла о создании условий для перехода к правовому самодержавию, учитывающему многообразие национально-политических форм. Данная политика позволила на протяжении всего XIX в. сохранять лояльность Финляндии по отношению к России.

Давая общую характеристику этого периода деятельности Сперанского, можно утверждать, что она носила всеобъемлющий характер, и сам он достиг наивысшего влияния в государстве, фактически направляя внутреннюю и внешнюю политику Империи. В 1810 г. был учрежден Государственный Совет (Сперанский стал государственным секретарем), принятое в 1810 г. «Общее учреждение Министерств» упорядочило их структуру и функции. Однако в целом идеи Сперанского не были поддержаны императором. 17 марта 1812 г. он отправил реформатора в отставку. Ее причиной явилось сопротив-

ление дворянской знати, не желавшей расстаться с экономическими и политическими привилегиями. «Трудность положения Сперанского, — писал А. И. Герцен, — состояла в его семинарском положении. Будь он побочный сын какого-нибудь вельможи, ему были бы легче все реформы. Попович-статс-секретарь и доверенное лицо у государя был бельмом на глазу у всех — его равно не могли переваривать ни один из умнейших сановников того времени, ни вольтерьянец Ростопчин, ни екатерининские вельможи».⁵⁵ Решающим образом на отставку Сперанского повлиял впервые введенный в 1811 г. по его инициативе прогрессивный налог на дворянские имения, призванный увеличить поступления в государственную казну в преддверии войны с Наполеоном. Предложение Сперанского о необходимости сдавать чиновникам высших рангов экзамены также не вызывало восторга у знати. Но и Александр I по существу предал своего советника, во многом — под влиянием разных слухов о нем. Главная же причина заключалась в том, что для императора было неприемлемо юридическое ограничение самодержавия, следующее из сути реформ мыслителя.

Отставка Сперанского сопровождалась его ссылкой. 23 марта 1812 г. он был переведен в Нижний Новгород под строгий надзор полиции, затем 15 сентября 1812 г. переправлен в Пермь. Оттуда он обращался к царю с письмами, в которых объяснял свои действия. Наиболее известным является пермское письмо 1813 г. В нем обоснована важность для России тех преобразований, которые проводились по инициативе Сперанского, их необходимость для совершенствования государственного управления. Чтение письма знакомит с проблемой, которую вынужден решать любой реформатор: необходимость проводить реформы зачастую наперекор общественному мнению и властвующей элите. Сперанский также доказывает свою преданность императору; находясь в трудном положении, он не отчаивается и хочет быть полезным своему государю и отечеству. В других своих письмах он поддержал внутреннюю и внешнюю политику Александра I, в частности образование Священного Союза, создание военных поселений.

Письма Сперанского, уход из политики влиятельных врагов реформатора и появление на крупных государственных постах его единомышленников повлияли на изменение ситу-

⁵⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти тт. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 646.

ации в лучшую сторону. Это выразилось в рескрипте Александра I Правительствующему Сенату от 30 января 1816 г., в котором говорится: «Пред несчастьем войны 1812 г. при самом отправлении моем в армию доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудили меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного советника Магницкого, к чему во всякое другое время не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращению моему приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрению. Поэтому, желая преподнести им способ усердной службы и очистить себя в полной мере, всемилостивейше повелеваю тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому — воронежским вице-губернатором».⁵⁶ Так Сперанский вернулся в политику. 30 августа 1816 г. он был назначен гражданским губернатором г. Пензы. В этой должности он пробыл два с половиной года, оставив о себе в Пензе добрую память.

22 марта 1819 г. он получил назначение на пост генерал-губернатора Сибири. На этом посту он реализовал ряд своих административно-политических идей. Сперанский предпринял ряд серьезных мер, направленных на то, чтобы в социально-экономическом, правовом и культурном отношении Сибирь приблизилась к уровню Европейской России. Им было учреждено Главное управление торговли Сибири, создана Казенная Палата для решения земельных и финансовых вопросов. Специальные акты определяли правовое положение нерусских народов Сибири, а также Казахстана. Большое значение имели разработанные Сперанским «Уставы о ссыльных и об этапах», поскольку они четко регламентировали правовое положение ссыльных, ограждали их от произвола местной администрации. При Сперанском коренное население по своему статусу приравнивалось к русским государственным крестьянам и защищалось от постоянного вмешательства со стороны местной администрации, гарантировалась свобода вероисповедания для коренного населения и для переселившихся в Сибирь старообрядцев, запрещена была насильственная христианизация населения. Сперанским

⁵⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е. И. В. II Канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 259—260.

впервые были собраны и систематизированы материалы обычного права народов Сибири. «Итогом деятельности Сперанского на посту сибирского генерал-губернатора, по существу новой главой в истории Сибири явилась серия подготовленных им законодательных актов, определяющих новое административное устройство и управление Сибирью»,⁵⁷ предусматривающее соединение действий всех звеньев администрации с четким разделением их функций. В соответствии с этой задачей им были разработаны три законодательных акта: «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков». Он стремился устранить самовластье посредством установления в Сибири эффективной, отражающей государственные принципы системы управления, приспособленной к местным условиям жизни и не препятствующей формированию общественных сил и эффективной экономики. Масштабы деятельности Сперанского в Сибири сравнимы с реформами Петра Великого в европейской части России.

По возвращении из Сибири 22 марта 1821 г. он был назначен членом Государственного Совета и Сибирского комитета, управляющим Комиссией составления законов. Сперанский был составителем манифеста 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол Николая I, членом Верховного уголовного суда над декабристами. По поручению царя он стал организатором самого судебного процесса, участие в котором стало его большой личной драмой. Однако у Сперанского не было реальной возможности уклониться от данного поручения, так как его самого могли обвинить в сочувствии декабристам. Как известно, они планировали включить его во временное правительство. Следует принять во внимание и сохранившееся после отставки недоверие верховной власти к бывшему государственному секретарю. Вместе с тем действия Сперанского могут быть во многом объяснены и тем, что с точки зрения правоведа декабристы нарушили государственный закон и должны были быть наказаны, — закон для всех один.

После Верховного уголовного суда Сперанский назначается членом Комитета 6 декабря 1826 г., который был призван рассмотреть возможные проекты улучшения государственного управления России. Комитет просуществовал до

⁵⁷ Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 158.

марта 1832 г. и провел огромную работу. Им были подготовлены проекты законов о Государственном Совете, Судебном и Правительствующем Сенатах, Комиссии прошений, об общем учреждении Министерств и другие, был составлен проект дополнительного Закона о состояниях. Среди дел, которые разбирались в Комитете, особое значение имел крестьянский вопрос. Были представлены проекты Н. С. Мордвинова, А. А. Аракчеева, С. П. Шипова. Рассматривались в 1826 г. также и предложения Сперанского, изложенные в записке «О крепостных людях». В ней содержится целая программа мер по изменению положения крепостных крестьян и подчеркнута важная роль правительства, которое должно показывать пример частным лицам в решении этой насущной для России проблемы. Он выступал за переход к личному землевладению, но без насильственной ломки общинного землевладения, а также за то, чтобы отношения между помещиками, государством и крепостными крестьянами строились на правовых принципах. «Единственное решительное к сему средство есть определение всех крестьянских работ и повинностей договором».⁵⁸ При этом, по его мнению, преобразование крепостного права — его отмена — не может быть внезапна, а должна совершаться постепенно, продуманно и системно. План Сперанского был поддержан царем и в последующем стал предпосылкой для организации Министерства государственного имущества графа П. Д. Киселева, которое активно занималось решением крестьянского вопроса.

Однако кардинальное значение для Сперанского и для России имела другая его работа, которую с полным правом можно назвать подвигом. В 1826 г. Сперанский возглавил II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, осуществляющей кодификацию законов. За короткий срок был проделан колоссальный труд по сбору и изданию законов (30 тысяч различных указов, актов и постановлений), изданных начиная с Соборного Уложения до вступления на престол императора Николая I. Было составлено 45-томное «Полное Собрание законов Российской Империи» (1830 г.), а также 15-томный «Свод законов Российской Империи» (1832 г.). Свод законов составлен по отраслевому принципу, систематизация законов проведена на основе римского права, деления на публичное и частное право. В ходе работы отбрасывались устаревшие

⁵⁸ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 322.

нормы, проводилась редакционная правка и устранялись противоречия в тексте.

Завершилось трудное дело, начатое Петром Великим и продолжавшееся 130 лет. Россия наконец обрела юридическое основание государственности. Возникла объективная возможность для формирования правовой монархии. Здесь уместно сравнение Сперанского с другим великим деятелем русской культуры — Пушкиным. «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что граф Сперанский как юрист и государственный деятель занимает в России такое же положение в своей сфере, какое Пушкин в своей. Как до Пушкина не было русской литературы в том смысле, в каком она понимается теперь, так до Сперанского не было законов и юриспруденции, которыми мы руководствуемся в настоящее время», — писал В. Ильинский.⁵⁹ Следует назвать и тех, кто самоотверженно трудился вместе с реформатором над кодификацией отечественных законов. Это Михаил Андреевич Балугьянский, Константин Иванович Арсеньев, Франц Иванович Цейер, Александр Петрович Куницын, Модест Андреевич Корф, Владимир Евгеньевич Клоков.

Издание Свода законов имело и то важное последствие, что оно способствовало правовому регулированию крепостного права, а тем самым — его смягчению. Указы и постановления правительства, ограничивающие власть помещиков над крестьянами и направленные против помещичьих злоупотреблений, были теперь путем включения в Свод превращены в общеобязательные нормы.

Заслуги Сперанского были высоко оценены. 19 января 1833 г. на заседании Государственного Совета император Николай наградил его снятой с себя ленточкой — орденом Андрея Первозванного. В манифесте императора от 31 января 1833 г. говорится, что «Свод имеет законную силу и действие с 1 января 1835 г.».⁶⁰ Тем самым Свод становился основным правовым актом Российской Империи. Плодотворная деятельность Сперанского продолжалась и после издания Свода. В 1839 г. им был издан 12-томный Свод военных постановлений. За этот труд реформатор был награжден орденом Белого Орла. Был издан Свод законов для остзейских, западных губерний, а также подготовленный под руководством Сперан-

⁵⁹ Ильинский В. Предстоящий юбилей графа М. М. Сперанского // Судебная газета. 1887. № 8. С. 2.

⁶⁰ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 192.

ского Свод законов Великого княжества Финляндского. В 1833 г. Сперанский — председатель департамента законов Государственного Совета. В 1835—1837 гг. он читал курс юридических наук цесаревичу Александру Николаевичу. На основе этого курса был впоследствии написан учебник «Руководство к познанию законов».

Значительны достижения Сперанского и в сфере образования, науки и культуры. Он разработал и осуществил программу совершенствования духовного образования в России, в соответствии с которой создавалась стройная система духовных учебных заведений, а учебные программы духовных академий были приближены к университетским учебным планам. По его предложению созданы Царскосельский лицей и Училище правоведения в Петербурге, из стен которого вышли многие видные юристы и политические деятели России. Сперанский также способствовал открытию Киевского университета (Св. Владимира). Он же был инициатором направления в Германию студентов духовных академий и университетов для совершенствования своего образования. Эти меры способствовали созданию в России системы профессионального юридического образования. Научные заслуги Сперанского были признаны, и в 1831 г. он был принят в действительные члены Императорской Российской Академии и являлся почетным членом Московской Духовной академии и Петербургского университета.

К концу своего жизненного пути Сперанский достиг наивысшего признания своих заслуг. 1 января 1839 г. был издан указ императора о возведении Сперанского в графское достоинство. Попович достиг того, о чем мечтали многие родовитые дворяне, добился неустанным трудом и талантом! Девиз графского герба — «*In adversis sperat*» («В невзгодах надеется») — в полной мере отражает его жизненный путь. Вся жизнь великого реформатора — «гения блага» (Пушкин) — показывает пример упорной борьбы личности с неблагоприятными жизненными обстоятельствами и с собственными недостатками. Это кажется парадоксальным, но он, успевший сделать так много, писал в юности: «С тремя врагами должен я бороться: с ленью, робостью и гордостью. Боже мой! Какие враги! Они соединились против меня с дней моего детства. Темперамент мой подает им всегда новое оружие, и что я могу сделать один против трех, я — бедный и слабый смертный с моим блестящим воображением и слабым разумом. Лень есть порок моей

души».⁶¹ Творчество, проявленное в разных сферах, жизнь, наполненная активным общением с людьми и искренним стремлением помочь им, стали действенным способом преодоления Сперанским своих слабостей.

Умер Сперанский 11 февраля 1839 г., хоронил его, казалось, весь Петербург. На похоронах были Николай I, двор и дипломатический корпус. Похоронен реформатор на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры среди захороненных знаменитых людей России.

Оценивая государственную деятельность Сперанского, следует отметить ее несомненную значимость для России. «Сперанский, Карамзин, Филарет, Кутузов, Ростопчин, Ермолов, Мордвинов, Шишков — примечательные люди в русской истории. Они каждый в своей области сумели принести отечеству великие услуги и представляли также каждый в своем роде те или иные недостатки», — писал М. П. Погодин.⁶² И хотя его реформы оказались осуществлены лишь частично, тем не менее они подготовили почву для последующего упорядочения судебной и законотворческой системы. Сейчас, когда, как и двести лет тому назад, происходят коренные преобразования в обществе, отечественная история показывает, что успех реформ обеспечивается не только юридическими процедурами и логичными планами. Политические реформы начинаются с реформы сознания. Поспешность в проведении реформ чревата социальными потрясениями. Время — первое начало и исток всего политического обновления.

⁶¹ Досуги // Дружеские письма М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому. СПб., 1862. С. 134.

⁶² *Погодин М. П.* Сперанский. Стлб. 1250.

I

Теоретические работы

РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ ЗАКОНОВ

Граф Сперанский по окончании юридических бесед своих с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем в 1837 г. желал, и даже имел Высочайшее поручение, составить вообще для юношества нашего краткое руководство к познанию отечественных законов. Он приступил к этой работе в 1838 г.; но 1838 г. был уже последним в его деятельной жизни, и работа осталась неконченною. Он успел написать лишь *начало*, но и то, кажется, достойно известности и внимания наших юношей и наставников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРАВДЕ

1. Три рода сил действуют во вселенной: силы физические, силы умственные и силы нравственные. Общее начало их в Боге.

2. От сил физических, от действия их и противодействия происходят все вещественные явления: мир физический.

3. Силы умственные суть силы разума: образование понятий, их сложение и разложение памятью, воображением и проч.: мир умственный.

4. Силы нравственные суть: 1) силы воли и 2) силы совести. От них происходят и ими образуются все движения воли, все желания, намерения, произвольные деяния: мир нравственный. Дабы познать с точностию существо сил нравственных, должно прежде всего определить настоящее положение человека на земле.

5. Человек живет здесь троякою жизнью: физическою, умственною и нравственною. Каждая жизнь имеет свой круг действия, свои потребности, свое добро и свое зло.

6. В бытии нравственном есть две разные области: область *бытия* отдельного, одинокого, *личного*, и область *бытия союзного*. В первом движущее начало есть самолюбие и личность, во втором — союзы любви и общения.

7. Есть союзы любви и общения; их признает разум и чувствует совесть. Разум признает и совесть чувствует:

1) Что личное, отдельное бытие человека не имеет никакой соразмерности с его природою, с его желаниями бесконечными, с высотой его умственных способностей — что посему полное его бытие не может состоять в раздробительных и преходящих мгновениях настоящей жизни, но объемлет целый ее состав беспредельный. Отсюда союз настоящего с будущим, временного с вечным: *союз человека с самим собою*.

2) Что человек не есть сам по себе нечто отдельное, но составная часть человечества, и что силы, каждому от Бога данные, не суть силы его исключительно, но общие силы человечества: *союз с другими*.

3) Наконец, что воля Божия есть единая воля верховная, с кою все другие воли должны быть сообразны: *союз с Богом*.

8. Сии первообразные союзы, начало и источник всех других союзов, разум признает как истину, нам врожденную; совесть чувствует их как добро, человеку сродное, предмет его желаний, родовое его достояние.

9. Где союз — там обязанность. Отсюда три коренные обязанности человека: к самому себе, к другим, к Богу. Исполнять сии обязанности, охранять и укреплять сии союзы, приводить их к совершению даже до единства есть непрерывный, первообразный, *нравственный долг* человека, высшее его предустановление.

По двоякой цели бытия нравственного и добро нравственное есть двояко.

10. *Добро личное* есть польза¹ или исключительная, или соображенная благоразумием с пользами других по правилу взаимности.

11. *Добро союзное* есть добро совершенное; оно всегда, везде, для всех и само по себе добро. Оно состоит в укреплении первообразных союзов, в постепенном приведении двух областей бытия к высшему единству.

Таково есть положение человека на земле; в сем состоит его предустановление.

Обратимся теперь к рассмотрению существа нравственных его сил и образа их действия.

I. СИЛЫ ВОЛИ

12. Силы воли суть самопроизвольность и избирательность.

13. *Самопроизвольность* есть сила, нудящая волю непрерывно чего-нибудь желать, т. е. непрерывное поревание к желанию. Воля может сосредоточить все свои желания в одном предмете, но ничего не желать она не может. Тут есть необходимость.

14. *Избирательность* есть сила воли, коею образуются определенные желания. Действие сей силы не подлежит необходимости. Воля имеет власть не избирать ничего или, избрав, отвергнуть; оставаться в нерешимости и, решась, отменить свое решение. Сия власть воли над собою есть *свобода*.

15. *Образ действия сил воли*. Образованию желаний предшествует согласие воли; к согласию воля преклоняется *побуждениями*. Побуждения не действуют на волю силою необходимости. Воля всегда может бороться с ними, отражать одни из них другими, отражать побуждения чувств внушениями разума, и сии последние внушениями совести; превозмогать даже самый страх смерти. Дав согласие, воля становится обязанною; но между необходимостью и обязанностью та есть существенная разность, что обязанность может быть пренебрежена или нарушена, не разрушая самого существа свободы; напротив, необходимость уничтожает самую свободу.

Одни и те же побуждения действуют на волю различно, по различию ее состояний.

16. Когда они находят ее в состоянии *равнодушия* к данному предмету, тогда они действуют на нее одною настоящею их силою. Напротив, когда предыдущими впечатлениями основалось уже в воле расположение к предмету, когда новому впечатлению остается только довершить прежнее, окончить образование желания, произвести решимость в выборе, словом, когда воля находится в состоянии *преклонности*, — тогда те же самые побуждения действуют не только настоящею их силою, но и силою всех прежних впечатлений.

17. Преклонность воли иначе называется *нравом*. Нрав, усиливаясь навыком, может обратиться в постоянное склонение воли к известному роду побуждений; сие именуется *нравственностью воли*.

18. А как воля весьма редко бывает в состоянии равнодушия и силы ее, особенно сила избирательности, всегда почти находятся в состоянии преклонности, то *нрав* обыкновенно

приемлется за всю волю, за весь состав и свойство сил ее, и оттого самые силы сии именуются *силами нравственными*.

19. Побуждения в отношении к нравственности делятся на два главных рода: побуждения, исходящие от самолюбия, производят *худую нравственность*; побуждения, исходящие из любви и общения, производят *нравственность добрую*, как в воле, так и в каждом деянии отдельно.

20. Посему в нравственном мире нет деяний средних (ни худых, ни добрых). Каждое худое деяние, даже одно худое намерение и желание, хотя бы оно и не совершилось, оставляет в нраве свое пятно, свой сгиб и пролагает путь другому, ему равному или худшему. На сем основано *достоинство деяний и нравственная их вменяемость*.

II. СИЛЫ СОВЕСТИ

21. Совесть есть чувство нравственного добра и зла. Разум понимает их различие; он знает, что способствует первообразным союзам и что их нарушает; но совесть одна может их чувствовать.

22. Совесть имеет две главные силы: силу суждения и силу возмездия; она судит нравственность каждого дела и по суду сему сопровождает его или удовольствием, или скорбию.

23. *Образ действия сил совести*. Нет движения воли, нет тайного желания, ни сокровенного намерения, в коих бы при первом их образовании не участвовали разум и совесть. Разум вопрошает: сообразно ли намерение цели, может ли желание совершиться, будет ли оно полезно или вредно. Совесть испытует: сообразно ли оно долгу, обязанностям первообразных союзов. По сему испытанию она не только различает вообще нравственное добро от зла, но и определяет чувством своим с точностию степень добра и каждой степени назначает свое место.

24. Сей образ действия совести, по коему она определяет нравственное достоинство каждого движения воли, уравнивает его цену с существом его и потому распределяет удовольствия и угрызения, есть ее *правда*. Рассмотрим ближе существо правды.²

25. Совесть или молчит, т. е. не действует, или говорит правду. Она может заблуждать вместе с разумом, т. е. не знать истины, но лгать самой себе она не может. Она по природе своей всегда *правдива*.

26. На сей правдивости совести основан весь порядок нравственного мира. Если бы не было суда совести или на

суде ее не было правды, тогда смешались бы все пределы нравственности; тогда добро меньшее было бы предпочитаемо большему; временные пользы всегда превозмогала бы над добром совершенным; личность преобладала бы всегда над общением, самолюбие над любовью; расторглись бы все первообразные союзы; исчезла бы самая мысль о бытии союзном, и одно бытие личное, отдельное, исключительное было бы общим уделом человека на земле. Воля человеческая была бы открытым полем непрестающей брани: борьба с самим собою, борьба с другими, борьба с самою Всемоущею Волею, или покорность принужденная, строптивая; борьба внутренняя между желаниями бесконечными и тесным кругом их действия; между высоким парением ума и кратковременною целию его усилий; между свободою воли и бессилием сей самой свободы; борьба внешняя между непримиримым и исключительным самолюбием каждого. Взаимные уступки не привели бы здесь к прочному миру. Тот же расчет пользы, то же самое мнимое благоразумие заставили бы изменить взаимству при первом удобном и негласном случае.

Где же тут нравственный порядок? Кто будет здесь посредником истинного примирения?

27. Суд совести и правда его одни могут примирить вражду внутреннюю и внешнюю. Правда уравнивает две силы противоположные: личность и общение, самолюбие и любовь, и потому-то она называется аequum.*

28. И понеже совесть по природе своей есть правдива, а совесть есть чувство всеобщее, всем сродное, то и суд ее и правда его составляют высший и всеобщий нравственный и естественный закон.**

29. Правда сама по себе не есть добродетель, но ею начинают и сопровождаются все добродетели. От правды вверх восходит лестница нравственного достоинства; от правды вниз простирается лестница всех пороков, всего нравственного унижения. По мере как человек преуспевает в добродетели, дух его от правды человеческой возвышается к правде Божией, к святости, к высшему единству союзного бытия его. Напротив, по мере как человек погружается в пороки, он нисходит от правды человеческой в кромешную неправду.

* [равенство, справедливость, правда (лат.)]. Здесь и далее в квадратные скобки помещены примечания издательства.

** Краткое выражение сего закона есть: *храни всегда и во всем союзы общения с самим собою, с другими и с Богом.*

30. Правда начинается примирением человека с самим собою. Кто неправдив с собою, тот не может хранить правды и с другими; борьба нравственных сил происходит внутри нас самих, и следовательно, мир должен быть восстановлен сперва с нами, а потом уже он сам собою установится с другими.

31. Посему неправильно было бы правду смешивать с благоразумием. Она стоит выше его. Благоразумие есть способность разума, обращенная на практические истины, на соображения и предусмотрения пользы бытия личного. Она поставлена на страже для охранения их от ущерба и для расширения их во всем пространстве, какое может быть совместно со взаимностью, необходимою в общежитии. Напротив, правда поставлена на пределах бытия союзного, для охранения его от вторжений бытия личного. Она действует независимо от общежития.

32. В сем состоит существо и главные свойства правды; мы нашли в ней основание нравственного порядка, остается рассмотреть твердость сего основания.

33. Правда есть образ действия совести, и когда совесть действует, тогда она не может иначе действовать, как по правде. Но всегда ли совесть действует? Пред нею все движения воли открыты. Но всегда ли она бодрствует? Она правдива и лгать самой себе не может; но не омрачается ли взор и суд ее заблуждением разума? Всегда ли суд ее верен и праведен? К сожалению, опыт указывает нам противное.

34. Следовательно, самое основание нравственного порядка, правда, сама требует еще укрепления.

35. Есть две силы, две власти, ее укрепляющие: одна внутренняя — *религия*, другая внешняя — *общежительное законодательство*.

(12 января 1838)

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ЗАКОНАХ ВООБЩЕ

36. Законы вообще устанавливают и охраняют порядок или физический, или умственный, или нравственный.

37. Каждый нравственный закон имеет две составные части: правило и его охранение (силу обязательную).

38. Как существо нравственных законов состоит в установлении нравственного порядка, а порядок сей хотя имеет свои степени, но в существе своем есть везде и для всех один и тот же, то ясно, что все нравственные законы должны иметь одно основание: правду.

39. Правда есть или всеобщая, или особенная (общежительная справедливость), приспособленная к месту, ко времени и к той степени нравственного порядка, на коей народ стоит. Сие приспособление не изменяет существа правды, она всегда одна и та же, но определяет только образ ее действия сообразно обстоятельствам.

40. Нравственные законы по пространству их действия объемлют или все вообще движения воли, или только одни те внешние деяния, кои принадлежат прямо к составу общежития.

41. Отсюда следующее разделение нравственных законов:

I. Они суть: или *естественные*, или *общежительные*.

Первые основаны на всеобщей правде, вторые — на правде, приспособленной к данному составу общежития. Первые одни могут быть прилагаемы ко всем вообще составам общежития и в сем приложении именуются всенародными (*droit des gens*). Вторые суть законы, свойственные каждому общежитию в особенности; они именуются законами *общежительными положительными*.

II. Нравственные законы суть: или *внутренние*, или *внешние*.

Первые объемлют вообще все движения воли, вторые относятся прямо к общежитию. Первые именуются *законами совести*, вторые — *законами верховной власти*. Первые, когда внутреннее действие совести усилено чувством необходимости, уважения других или стыда, именуются *законами чести*; вторые именуются иногда, хотя неправильно, *законами положительными*.

III. Все законы — как естественные, так и общежительные, как внутренние, так и внешние — или устанавливают правило, или охраняют его.

Первые суть *законы запретительные*, или *повелительные*; вторые суть *законы охранительные*. Те и другие иногда выражаются совокупно, иногда же отдельно, и в сем последнем виде они делятся на разные разряды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВВЕДЕНИЕ К ЗАКОНАМ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫМ

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О НАЧАЛЕ ОБЩЕЖИТИЯ И ЦЕЛИ ЕГО

42. Начало общежития есть действие всеобщего нравственного закона. Сила сего закона является прежде всего в чадолубии, потом в родстве, наконец в обществе.

43. Цель общежития есть утвердить между людьми нравственный порядок и посредством правды общежительной возвести к правде всеобщей. Общежитие есть преддверие вечности. В нем человечество навывает, приуготовляется, образуется к нравственному единству.

44. (*Опровержения противного мнения, о начале обществ от личных польз и договоров*).³

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О СОСТАВЕ ОБЩЕЖИТИЯ ИЛИ О ГЛАВНЫХ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯХ

45. Четыре рода установлений в составе общежития необходимы:

- 1) Установление пределов собственности личной.
- 2) Собственности вещественной.
- 3) Установление верховной власти.
- 4) Установления нравственные.

I и II. СОБСТВЕННОСТЬ ЛИЦА И ИМУЩЕСТВА

46. *Собственность лица* есть власть человека над собственными его силами как душевными, так и телесными. Власть сия основана на первообразной власти духа над душою и души над телом. Сие называется *личностью*, самостоятельностью (*personnalité*).⁴

47. *Собственность имущества* есть власть над тем, что произведено или приобретено нашими силами.

48. Та и другая власть присвоены человеку от Бога как естественное достояние разума его и воли. Посему начало их не есть в общежитии.

49. Но в общежитии они принимают вид определенный. Собственность лица здесь ограничивается свободой других и приемлет значение *состояния*. Собственность имущества ограничивается первенством одержания и совершенною независимостью предмета и получает вид и значение *владения гражданского*; но, стесняясь в пространстве, та и другая власть здесь становятся достовернее под защитою верховной власти.

III. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

50. Верховная власть установлена к защите правды, в содействие совести. Без верховной власти ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могут.

1) Сходство действий

51. Совесть указывает правду и долг ее; власть верховная посредством законов возвещает также правду и долг ее в порядке общежительном. *Власть законодательная.*

52. Совесть правит волею посредством одобрения и упрека. Верховная власть правит общежитием посредством наград и понуждений. *Власть правительственная.*

53. Совесть в порядке нравственном внутреннем есть орган правды вечной; власть верховная есть орган правды общежительной, в порядке общежительном.

2) Различие действий

54. Совесть объемлет все движения воли; власти верховной подлежат одни деяния внешние общежительные.

55. Суд совести совершается внутренним одобрением или упреками; верховная власть действует внешними наградами и понуждениями. Для сего от общего состава сил отделяются и ей вверяются силы личные и вещественные, достаточные к тому, чтоб удостоверить повиновение. *Способы правления; силы правительственные.*

IV. УСТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫЕ

1) Религия

56. Она исходит свыше. Но общежитие, принимая ее в свое недро, охраняет сей дар небес от колебания, переменчивости страстей и прихотей человеческих.

2) Науки и искусства

57. Просвещая ум и смягчая нравы, они возвышают способности к общежитию.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПОРЯДОК ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕЖИТИЯ

58. Порядок образования общежития есть постепенное расширение в нем четырех главных его установлений: состояния лиц, собственности имуществ, верховной власти, установлений нравственных. Сие расширение представляет четыре периода.

ПЕРИОД I. СЕМЕЙСТВО

59. Состояние лиц. Два состояния лиц: состояние отца и матери и состояние детей. Отсюда два союза, два рода отношений: отношение детей к родителям — союз власти и повиновения, и отношение детей как членов семейства между собою — союз равенства и взаимности.

60. Собственность — общая, нераздельная.

61. Власть верховная. Она здесь принадлежит отцу семейства.

62. Нравственные установления. Вера отца семейства есть вера его семейства. Его опытность и познания суть науки.

ПЕРИОД II. РОД

63. Род есть несколько семейств, соединенных отношением сожития под одну главою.

64. Состояние лиц. К двум прежним присоединяются здесь два состояния: родоначальника и родовичей.

65. Собственность имущества. Здесь в первый раз является собственность отдельная каждого семейства. Последствия ее суть:

- 1) Договоры.
- 2) Имущества наличные и долговые.
- 3) Отчуждения — мена, продажа, дар, завещания.
- 4) Раздел наследства.
- 5) Опекa.

66. Власть верховная. Здесь в первый раз она получает отдельное образование. Отсюда родовое законодательство, родовое правление и в нем а) начало полиции, б) начало суда в проступках и преступлениях, в) начало суда тяжёбного и искового; удел сил, вверяемых родоначальнику: силы личные представляют начало *повинностей*, силы вещественные — начало *финансов*.

67. Установления нравственные. Здесь является необходимость установить единообразие в обрядах богослужения, чтоб дать ему единство и общую над умами силу. Науки здесь приобретают также некоторое расширение от стечения опытов и преданий.

ПЕРИОД III. ГРАЖДАНСТВО

68. Гражданство есть соединение родов в один состав с переменою образа жизни, большею частию кочевого в оседлый.

69. Состояние лиц. Здесь к предыдущим состояниям присоединяется еще одно: состояние родоначальников, *состояние почетности* (начало дворянства).

70. Собственность, верховная власть, установления нравственные — все получает здесь более силы и пространства.

ПЕРИОД IV. ГОСУДАРСТВО

71. Из соединения *городов*, прежде независимых, составляется государство.

72. Существо всех предыдущих образований состояло в развитии одних и тех же главных установлений. Оно продолжается и достигает полной своей меры в государстве. Содержание всех последующих рассуждений состоит именно в подробном изложении сего образования.

**О ПРАВАХ, ОБЯЗАННОСТЯХ И ПРАВДЕ
В ОБЩЕЖИТИИ**

73. Права и обязанности возникают из союзов. Везде, где есть союз, есть долг и право.

74. А как два рода есть союзов — нравственные внутренние и внешние, или общежительные, то есть и два рода прав и обязанностей: права и обязанности внутренние и общежительные.

75. Существенное различие между ними состоит в том, что первые охраняются одною совестью, вторые же — общежительными законами и общественною силою.

76. Как в общежитии есть непрерывная борьба пользы, то порядок его требует так же посредства, как и борьба нравственных сил.

77. Сие посредство есть общежительная правда, *справедливость*.⁵

78. Основание справедливости есть общая нравственная правда; справедливость есть приложение сей правды к делам общежительным.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**СУЩЕСТВО ЗАКОНОВ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫХ
И РАЗДЕЛЕНИЕ ИХ**

79. Законы общежительные устанавливают и охраняют порядок общежительный.

80. Порядок общежительный есть тот же порядок нравственный, т. е. состав прав и обязанностей к себе, к другим и к Богу, примененный в образе его исполнения ко времени, к месту, к степени общежития и к роду населения.

81. Законы общежительные недействительны, когда они противны законам естественным; они по самому существу их не что иное должны быть, как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти, внешними наградами и понуждениями.

82. В самом начале общежития, в составе семейственном, мы различили уже два союза, два рода отношений: отношение

детей к родителям — союз власти и повиновения; и отношение детей, как членов семейства, между собою — союз равенства и взаимности. В то же время мы заметили, что сии два союза, проходя чрез все последующие периоды общежития, получают наконец полное свое образование в составе государственном. Тут, с одной стороны, власть родительская преобразуется во власть верховную, а повиновение обращается в подданство, а с другой — отношения членов семейства заменяются отношениями сограждан между собою. Следовательно, в государстве есть два союза; один из них именуется государственным, другой — гражданским.

83. Где союз, там есть право и обязанности; посему в государстве есть права и обязанности государственные и есть права и обязанности гражданские.

84. Отсюда первое разделение законов общежительных на законы государственные и гражданские.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СУЩЕСТВО ЗАКОНОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И РАЗДЕЛЕНИЕ ИХ

85. Законы государственные определяют права и обязанности, возникающие из союза верховной власти и подданства.

86. В составе сих прав первое место занимает власть законодательная и власть верховного правления. Порядок, коим действует сия власть на подданных, составляет *первый разряд законов государственных — Законы Основные*.

87. Власть верховного правления не может всем управлять непосредственно, ей нужны *органы*; сии органы суть установления. Порядок, коим учреждаются и содержатся в устройстве сии установления, составляет *второй разряд законов государственных — Учреждения Мест и Властей, или Законы Органические*.

88. Власть верховного правления предполагает по необходимости способы к своему действию, предполагает силы правительственные. Порядок, коим силы сии отделяются от общих сил государственных, слагаются, устроятся и распределяются, составляет *третий разряд законов государственных — Законы Правительственных Сил*. Сюда принадлежат все

законы не только экономические и финансовые, но и военные.

89. Как существо союза государственного, соединяющего государя с его подданными, требует, чтоб, с одной стороны, доставляемы были верховному правлению из общего состава сил государственных способы действия, а с другой — чтоб и верховное правление содействовало расширению и преуспеванию сил государственных, то отсюда возникает *четвертый разряд законов государственных — Законы Государственного Благоустройства*. Таковы суть законы об охранении нравственности и народном просвещении, об охранении народного здоровья, об умножении и распределении населения, о промышленности, т. е. о наилучшем направлении сил народного труда и тому подобное.

90. Хотя в союзе государственном долг подданства лежит на всех подданных вообще и для всех равно обязателен, но участие их в составе учреждений и в составе сил правительственных, по различию способностей, не может быть для всех равным. Отсюда право состояний и *пятый разряд законов государственных — Законы о Состояниях*.

91. Наконец, твердость обоих союзов, как государственно-го, так и гражданского, требует, во-первых, общего надзора за непременною исполнением законов, во-вторых, мер исправления и наказания в случае их нарушения; отсюда *два разряда законов (шестой и седьмой) — Законы Полиции и Законы Суда как исправительного, так и уголовного*.

92. В сем состоят главные роды законов государственных. Они представляются в следующем порядке:

- I. Законы Основные.
- II. Законы Учредительные.
- III. Законы Правительственных Сил.
- IV. Законы Благоустройства.
- V. Законы о Состояниях.
- VI. Законы Полиции.
- VII. Законы Исправительные и Уголовные.

93. Все сии законы суть внутренние, но есть законы внешние, кои так же должны быть причислены к законам государственным. Это суть законы внешней полиции и законы войны и мира; но как они составляют особенный род и имеют свое отдельное основание (*droit des gens**), то и не входят в состав настоящего обозрения.

* [право народа (фр.)]

СУЩЕСТВО ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ

94. Основные Законы изображают порядок, коим власть верховная действует в законодательстве и в правлении; а как власть верховная не может принадлежать как только лицу державному, то прежде всего Основные Законы определяют порядок, коим лицо сие облачается верховною властью, и означают пространство его власти. Посему следующие предметы входят в состав Основных Законов: 1) сила и пространство верховной власти; 2) порядок наследия престола; 3) порядок законодательства; 4) порядок верховного правления.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О СИЛЕ И ПРОСТРАНСТВЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

95. Сила и пространство верховной власти определяется в наших законах следующими словами: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный» (Свод, ст. 1).⁶

96. В сих кратких словах заключаются два положения: 1) что Империя Российская есть монархия, в коей все стихии державного права соединяются в особе императора; 2) что они соединяются во всей полноте их и пространстве, и следовательно, Империя есть чистая монархия. Двумя словами, весьма многозначительными, выражается в наших законах полнота верховной власти: самодержавием и неограниченностью.

97. Слово *самодержавие* имеет два разных смысла. Когда оно прилагается к государству, то оно означает независимость государства от всякой посторонней власти. В сем смысле все государства независимые могут быть названы государствами самодержавными. Когда оно прилагается к особе государя, то оно означает соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения. Посему все государи в чистых монархиях могли бы именоваться самодержцами; но именование сие в особенности присвоется монархам российским по следующему историческому событию.

98. Верховная власть великих князей, и даже князей удельных в их уделах, издревле в России была власть неогра-

ниченная. Хотя некоторые города, как-то: Суздаль, Владимир, Рязань, имели свои местные управы и советы, составляемые из граждан и называемые *вече*, но сии советы ведали только внутренними делами городскими и сами по себе ничем не ограничивали княжеской власти. Из сего общего правила составляли изъятие только Новгород и Псков; в них власть княжеская утверждалась и определялась договорными грамотами и присягою.

99. Сия неограниченная власть, действуя в законодательстве и правлении, не имела нужды и долго не искала выражать себя в титулах. Брак Иоанна III⁷ с греческою царевною Софиею,⁸ племянницею последнего греческого императора Константина Палеолога, дал сперва повод к присоединению к гербу московскому, т. е. к всаднику, попирающему дракона, герба Греческой Империи, т. е. двуглавого орла, с надписью на печати: *великий князь, Божию милостию господарь всея Руси*. Вскоре потом для выражения греческого имени Βασιλεὺς⁹ начали употреблять слово *царь*;^{*} но название сие употребляли только во внешних сношениях, внутри же сохранялось еще одно прежнее имя: государь великий князь. Так было при Иоанне III и сыне его Василии.¹⁰ По окончательном покорении Казани, коей владетель именовался царем казанским, Иоанн IV¹¹ принял уже решительно титул царя и обладателя всей России, а дабы выразить и другое имя, свойственное царям греческим, он присовокупил к тому и название самодержца — точный перевод слова *автократор*. Имя сие в титулах греческих царей было переводом латинского слова *император*, и оба названия значили совершенно одно и то же, на двух только разных языках. Петр Великий, сохранив титул самодержца, принял название императора. Сим существенно ничего не прибавил он к верховной своей власти, но он желал тем означить истинное место, какое должна была занимать Россия не в сравнении с Греческою Империею, уже падшею, но в настоящей системе государств европейских. Известно, впрочем, что имя *император* в Риме означало верховного предводителя войск, действовавшего во вверенном ему управлении *по собственному его усмотрению*, не ожидая разрешения от другой власти, от Сената. Впоследствии, когда сии предво-

* Слово *царь* не есть сокращенное слово Σαεσαγ, но слово восточное, означающее на персидском языке трон и вообще верховную власть. Оно при переводе Библии заменило слово Βασιλεὺς. Название сие, впрочем, употребляли и прежде Иоанна III Изяслав III¹² и Димитрий Донской.¹³ Но во время монгольского владычества называли царем токмо хана.

дители соединили в лице своем все другие государственные власти, имя сие означало уже верховного законодателя и повелителя. Отсюда титул сей перешел и на верховных обладателей германских.

100. Если бы власть их была так же неограниченна, как власть прежних римских императоров, тогда и они могли бы называться самодержцами, или, лучше сказать, слово сие было бы излишним повторением на двух языках одного и того же значения; но власть германских императоров ограничивалась сеймами. Напротив, власть российских государей ничем не была ограничена; посему они правильно удержали за собою как первое, так и второе именование, ибо титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти, как-то: от сейма или внутреннего какого-либо установления независимую, чего титул императора сам собою, в настоящем его смысле, не означает.

101. Слово *неограниченность власти* означает то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри Империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим постановленные, извне — государственными договорами, внутри — словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правде.¹⁴ Там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому; но во всех случаях он подлежит, однако же, суду совести и суду Божию.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О ПОРЯДКЕ НАСЛЕДИЯ ПРЕСТОЛА

102. Наследие престола и порядок его определяются в наших законах следующими словами: «Императорский все-российский престол есть наследственный» (Свод, ст. 3). «Оба пола имеют право к наследию престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужескому, по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения наследие престола поступает к поколению женскому по праву заступления» (Свод, ст. 5).

103. Для лучшего уразумения сей важной части Основных Законов нужно рассмотреть: 1) разные системы наследия престола; 2) обозреть кратко прежнее наше законодательство по сему предмету.

І. СИСТЕМЫ НАСЛЕДИЯ

104. Все системы наследия делятся на два главных порядка.

В порядке *первом* наследство поступает во все разные линии, от одного владельца исходящие; в порядке *втором* оно поступает к одной из них старшей и в ней обращается, доколе линия сия не пресечется, а потом уже переходит в линию вторую, третью и так далее.

Первый порядок называется порядком по *степеням*, второй — порядок по *линиям*.

105. В том и другом порядке, когда лицо, по степени ближайшее к наследству, при открытии его не находится в живых, то место его занимают и в степень его вступают его дети, внуки и другие их нисходящие по порядку степеней. Сие называется правом *представления* (заступления).

106. Ясно, что первый порядок наследия, *по степеням*, токмо там может иметь место, где наследство есть делимо, как-то в имуществях частных; в наследстве же неделимом, каков есть престол, один токмо второй порядок возможен.

107. Сей порядок может быть установлен двояко: или выбор линии и в ней степени предоставляется последнему владельцу, или же следует неизменному закону *первородства*, т. е. линия не избирается, но определяется порядком рождения и правом представления.

Первый случай можно назвать единонаследием *по избранию*, второй есть единонаследие *по первородству*.

Известно, что единонаследие по избранию положил учредить Петр Великий, введя его не токмо в порядке наследия престола, но и в порядке гражданском. Постановление сие, едва восприяв свое действие (в 1714 г.), чрез 17 лет (в 1731 г.) было навсегда отменено.¹⁵

108. Во всех других европейских державах действовал и ныне действует в наследии престола закон первородства. Он имеет три различных вида:

Первый вид — право наследия по первородству мужского пола с совершенным исключением женского: *Закон Салический*.¹⁶

Второй вид — право наследия по первородству мужеского пола предпочтительно, но с допущением и женского в той же линии, доколе она вся не пресечется: *Закон Кастилланский*¹⁷ (древний Испанский) и *Английский*.

Третий вид — право наследия по первородству мужеского пола предпочтительно и с допущением женского пола в том только случае, когда мужеский пол во всех линиях пресечется: в сем случае допускается к наследству женский пол не первой, но последней царствовавшей линии, и потом уже по пресечении сего рода переходит в женское колено старшей линии: *Закон Нарбонский, или Австрийский, и с 1797г. Закон Российский*.*

В обоих последних видах первородства приметить должно, что когда наследие поступает в женское колено, то в оном так же, как и в колене мужеском, всегда предпочитается мужеский пол женскому. Но при сем не теряет права первенства то женское лицо, от коего право непосредственно пришло (Свод, ст. 8), если оно в живых находится, хотя бы оно было и незамужнее.

II. КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ПРЕЖНЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДИИ ПРЕСТОЛА

109. Мысль, что государство есть собственность и что оно по сему подлежит разделу так же, как и всякое другое имущество, долго была общею мыслию не только у нас, но и везде; везде смешивали право державное с правом собственности или с вотчинным. Отсюда система удельных княжеств, столь гибельная для России.

110. Тщетны были усилия некоторых великих князей соединить разделенные части и восстановить единоедержавие. Чрезмерная раздробительность удельных владений, бессилие князей и постепенное возвышение Москвы одни могли, при помощи Божией и при содействии великого духа Иоанна III и Иоанна IV, положить конец прежнему неустройству и ввести новый вещей порядок.

Ввести, но не утвердить, ибо сей порядок ни при них, ни после них долго не имел еще прочности. Уже знали, уже верили, что государство должно быть нераздельно, что власть в России должна быть самодержавная, должна переходить от

* Сей древний закон Австрийского дома был отчасти изменен, когда сей дом призван был к наследию престола испанского; но после того в 1713 и 1724 гг. императором Карлом VI,¹⁸ родителем Марии Терезии,¹⁹ снова утвержден.

одного обладателя к другому во всей ее целости, но не решили еще, как переход сей должен совершаться: не было твердого закона о наследии.

Одна мысль при сем была решеною: исключение женского пола; мысль древняя, непоколебимо укоренившаяся в уделах.

111. Мысль о наследии престола по первородной линии явилась в первый раз при Иоанне III. Венчая при себе на царство внука своего Димитрия, он говорил: «Издrevле государи предки наши давали великое княжество *первым сынам своим*; я так же благословил оным моего первородного Иоанна (от первой жены Марии Тверской), но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Димитрия, его сына, при себе и после себя». Но сие событие, коего причины, впрочем, история указывает нам не в видах государственных, но в обстоятельствах семейственных, не имело последствий. Намерение государя изменилось, и второй сын его, Василий, принял наследие.

112. По пресечении нисходящих линий царя Иоанна два пути предлежали: искать наследников в линиях боковых мужеского пола или сделать новое избрание. Первый путь был труден и едва ли возможен; предпочли второй: сделали, одно за другим, два избрания, Годунова²⁰ и Шуйского;²¹ оба кончились гибелью. После бурь междоусобицы обратились к порядку родственному и, не находя наследника ни в прямых, ни в боковых линиях, избрали род по союзу брачному царицы Анастасии,²² род Романовых.

113. От сего произошли три царствия мирных, в порядке наследия непрерывном. Но при четвертом порядок сей поколебался: два царя, Иоанн и Петр,²³ на одном престоле.

Мы видели порядок, предназначенный Петром Великим; ни при жизни его, ни при кончине он не совершился.

114. Восшествие на престол Петра II²⁴ было возвращение к порядку прежнему, но он недолго продолжался. По кончине его снова возникло сомнение. Два только способа представлялись к его разрешению: продолжать линию Петра Великого, перейдя от мужеского в женское колено, к Елисавете,²⁵ или обратиться к линии старшего его брата, Иоанна, так же в женское колено, к Анне. Предпочтено было сие последнее. Какими последствиями сие событие было сопровождается, из истории известно.²⁶

Таким образом, не упоминая о прежних колебаниях, со времени кончины царя Феодора Алексеевича²⁷ каждое вступ-

ление на престол было вопросом, каждое рождало сомнения, смуты, замыслы и большие или меньшие в государстве потрясения, между тем как власть верховная должна быть неоспорима и недоступна мнениям человеческим.

115. Не прежде как в 1797 г. положен конец сим недоумениям. Закон 1797 г. содержит в себе два акта: один о наследии престола,²⁸ другой учреждение Императорской фамилии. Первый акт составлен был в 1788 г. и подписан в С. Петербурге января 4 дня того же года как государем, так и государынею и потом уже скреплен 5 апреля 1797 г. подписью на подлиннике: *Верно, Павел.*²⁹ Второй акт, учреждение, подписан апреля 1797 г. Оба сии акта в тексте названы *Законами Фундаментальными*; оба изданы в день коронации, провозглашены в Московском Успенском соборе при особом торжестве, тогда же совершившемся, и тут же в ковчеге положены для хранения на престоле.

116. Впоследствии к сим актам сделаны следующие дополнения: 1) о нераздельном соединении престолов Царства Польского и Великого Княжества Финляндского с престолом Империи; 2) постановление 1820 г. об устранении от наследия престола детей, происшедших от брачного союза лица Императорской фамилии с лицом, не принадлежавшим ни к какому владетельному дому; 3) о порядке расторжения брака членов Императорского дома по правилам церкви (1820 г. марта 20); 4) постановление о свободе отречения от наследия лица, имеющего к тому право, в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит затруднения в дальнейшем наследовании престола, и о невозвратности такового отречения, когда оно будет обнародовано и обращено в закон (1825 г. дек. 12).

117. С порядком наследия престола соединены следующие предметы: 1) совершеннолетие, 2) вступление на престол, присяга, коронование, титул и герб, 3) вера самодержца, 4) отношения членов царствующего дома к самодержцу.

1) О совершеннолетиим императора

118. В прежних законах наших о сем важном предмете, столь существенном для спокойствия государства, не было никакого постановления. Каким бедствием сопровождалось малолетство царя Иоанна Васильевича и малолетство Иоанна и Петра Алексеевичей, известно из истории.³⁰

119. Совершеннолетие государей обыкновенно полагается ранее общего гражданского, в том уважении, чтоб сокра-

тить сколько можно время опеки и попечительства, всегда более или менее нерешительное и отлагательное.

120. Совершеннолетие членов Императорского дома сопровождается присягою. В 166-й статье Основных Законов сказано: «При торжественном объявлении совершеннолетия лиц обоего пола, по крови к Императорскому дому принадлежащих, они присягают в присутствии самого государя как в верности государю и отечеству, так равно и в соблюдении права наследства и установленного фамильного распорядка». Из сего видно, что присяга сия делится на две части: одна входит в общую присягу подданства, другая часть — совершенно новая.

Она есть новая потому, что до 1797 г. не было твердого закона о наследии престола. Но с установлением сего закона основатель его признал нужным укрепить его присягою. Мы видели, как долго и как бедственно закон о наследии престола у нас колебался. Что может укрепить его на будущее время? Каждый член Императорского дома может в свою чреду, по неисповедимым судьбам Провидения, достигнуть наследства, стать самодержцем. Что же может обязать волю самодержавную? Одна совесть, один суд Божий, присяга.

2) *О вступлении на престол, присяге, короновании,
тителе и гербе*

121. Порядок вступления на престол, присяга на подданство и священный обряд коронования определяются в Основных Законах (от ст. 31 до 37). Здесь не излишне будет дать некоторое понятие о присяге.

122. Присяга вообще есть акт совести и религии, коим клянувшийся призывает Бога во свидетели искренности его обещания и подвергает себя Его гневу и мести в случае нарушения.*

123. Присяга всегда состоит из двух частей. *В первой* из них мы призываем Бога Сердцеведца во свидетели истины наших слов. Сия часть означается словами: *клянусь и обещаюсь Богом Всемогущим. Во второй* мы призываем суд Его на нас (invocation) и подвергаем себя Его казни в случае нарушения нашего

* Присяга имеет разные именованья: в церковных книгах она называется клятвенным обещанием, также и крестным целованием; в старину как в обыкновенном, так и судебном слоге часто употреблялись выражения: отдать на веру, привести к вере, отдать на правду, отдать на совесть, отдать на душу; все сие означало: предложить тяжущимся присягу, или решить дело присягою. При сем видно, что в присяге всегда разумелось обязательство, утвержденное клятвою, верою, совестью, душою.

обета (*imprécation*). Сия часть означается словами: *как пред Богом и судом Его страшным ответ в том дать могу*, или сокращенно: *так да поможет мне Господь Бог Всемогуший*, т. е. да оставит меня помощь Божия во всем, если я клятву сию нарушу. Сия последняя часть, если бы она и не была выражена, всегда сама собою разумеется, ибо призывать Бога во свидетели истины есть то же, как и постановить Его судиею, а Он правосуден и мститель неправды.

124. Присяга имеет следующие главные виды:

1) Присяга подданства.

2) Присяга служебная.

3) Присяга судебная.

125. К сим трем родам присяги присоединяется четвертый: присяга членов Императорского дома, о коей выше было упомянуто. Молитва, которую государь по обряду Св. Церкви произносит с коленопреклонением по совершении коронавания, содержит в себе также обет клятвенный, заключааясь сими словами: *Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроить к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего не постыдно воздам Тебе слово.*

126. Вслед за восшествием на престол обыкновенно объявляется всенародно титул императорский в особенных, для сего издаваемых формах. Титул состоит из двух частей; в первой словами *император и самодержец всероссийский* изображается существо и пространство верховной власти; во второй подробным поименованием городов и областей означаются те страны, на кои власть сия простирается. В древности титул признаваем был существенною частию верховного обладания и потому с крайнею строгостию, особливо во внешних сношениях, был оберегаем; ныне, хотя по достоверности прав споры о титулах не могут уже иметь места, тем не менее они принадлежат к существу Основных Законов и определяются у нас в ст. 37 и 38.

127. Сокращение титула представляет государственный герб. Выше были означены исторические его изменения. Он определен в 39-й статье Основных Законов.

3) О вере

128. Выше мы видели, сколь важное место занимает вера среди нравственных установлений общежития. Вера поддерживает и законодательство и правительство. Следовательно, в Основных Законах, где определяется порядок действия вер-

ховной власти, должно по необходимости определить и связь, и отношения ее к вере.

129. В Основных Законах разрешаются следующие главные вопросы о вере: 1) какая есть в Империи вера господствующая, 2) какая должна быть вера российского самодержца, 3) где и как управляются и охраняются дела, к вере принадлежащие, 4) в каком отношении состоят к вере господствующей все другие вероисповедания (Свод, ст. 40—46).

4) Отношения членов Императорского дома к царствующему самодержцу и между собою

130. В Основных Законах определяются сии отношения во всем их пространстве и подробностях (Свод, ст. 82—203).

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПОРЯДОК ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

131. Порядок законодательства включает в себе разрешение на следующие вопросы: 1) как законы составляются, поясняются и дополняются, 2) в какой форме они издаются, 3) как обнародываются, 4) с какого срока они признаются действующими, 5) как они могут быть отменяемы (Свод, ст. 47—79).

К точнейшему уразумению сих вопросов нужно обратить внимание на следующие предметы.

132. Всякое повеление верховной власти должно быть исполняемо как закон. Но повеление от закона различается тем существенно, что предмет первого есть особенный отдельный какой-либо случай, а предмет второго есть постановление общего правила, по которому надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода. Повеление указывает, как *поступить* в известном и определенном деле, а закон есть правило, как *поступать* всегда в делах сего рода.

Сие различие между законами и повелениями неприметно в образе их исполнения, ибо и повеление и закон исполняются одинаково, но оно весьма важно в образе их составления.

Законы составляются и рассматриваются в установлениях законосовещательных, а повеления — в установлениях правительственных. Законы получают силу свою от верховной власти всегда непосредственно, какую бы форму они ни имели; повеления исходят так же от верховной власти, но

иногда они исходят непосредственно, иногда же посредством мест и властей, ею учрежденных. В законах власть верховная действует в порядке законодательном, а в повелениях она действует в порядке верховного правления.³¹

133. Выше было означено, что законы вообще определяют право или обязанности и что все они разделяются на государственные и гражданские; в том и другом роде есть законы, определяющие право прямо и непосредственно, и есть другие, кои служат только средствами к действию первых, кои постановляют только постоянный и общий образ их исполнения. Первые суть законы *коренные*, вторые — *распорядительные* (*réglementaires*).*

134. Законы распорядительные принадлежат к порядку законодательному так же, как и законы коренные: правила их составления, изъяснения и отмены суть одинаковы; их не должно смешивать с правительственными повелениями, о коих выше упомянуто.

135. Как законы коренные, так и распорядительные делятся на два главных рода: законы учредительные и уставные.

136. *Учреждениями* (*lois organiques, réglemens de l'organisation*) называется у нас в особенности тот род государственных законов, коими определяется образование (*organisation*) мест и властей, их состав, их предметы и порядок производства в них дел.

137. *Уставами* (*réglemens de l'administration*) называется у нас тот род законов, коими устанавливается порядок какой-либо особенной части управления. Таковы суть: Устав Таможенный, Горный, Монетный и проч.

138. Между учреждениями и уставами та есть разность, что в учреждениях определяется состав мест и властей и означаются кратко предметы и порядок их действия, а в уставах подробно изображается, как они должны в разных случаях действовать. Когда устав, не объемля всех случаев данного управления, ограничивается отдельно одною какою-либо частию дел, тогда он носит имя *наказа*, так что устав есть не что иное, как более или менее полное собрание наказов,** а наказ есть отдельная часть устава.

* Так, например, в порядке гражданском закон о разделе наследства между детьми мужеского пола поровну есть закон коренной; законы же, коими устанавливается порядок как и где открывается наследство, как вызываются наследники, как составляются раздельные акты, суть законы распорядительные.

** Так, в учреждении Министерств есть часть, называемая *Наказом* Министерским; сей наказ есть не что иное, как часть Общего Министерского Устава; в ней особенно определяются пределы власти и ответственности министров. В Гражданских Законах собрание правил о судопроизводстве в особенности называется *Судебным Уставом*.

ПОРЯДОК ВЕРХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ

139. Порядок верховного правления объемлет два главных предмета: править установлениями и править силами правительства.

Верховная власть правит установлениями: 1) содержа состав их в надлежащей полноте, порядке и действии сообразно их учреждениям; 2) разрешая случаи, превышающие власть, им вверенную, или вновь возникающие. Она правит силами правительства, содержа их в надлежащем устройстве, разделяя их действия и охраняя уставы их и учреждения.

140. От верховного правления различается собственно так называемое *управление* (administration). Власть верховная *правит* (gouverne) установлениями, ею учрежденными, а установления *управляют* (administrent) делами, им вверенными по уставам их и учреждениям. Управление прилагает законы к данным случаям; когда же случай не определен в законе, тогда он причисляется к чрезвычайным, и порядком, для сего установленным, восходит на разрешение верховной власти.*

141. Повеления мест и лиц управляющих исходят в виде определений, предписаний, приказов или указов, но всегда не иначе, как в пределах того уполномочия, какое дано им от верховной власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ В ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ

142. Нет государства, в коем бы не было своих Основных Законов. Мы видели, что порядок законодательства существует уже и в родовых общежитиях.

143. Основные Законы, в общем их составе, именуются Государственным Уставом (Constitutio). Устав сей может действовать и без письмен, положения его могут быть начертаны

* Из сего в некоторых монархиях изъеются дела судебные, коих решение, даже и в случаях, законом не определенных, предоставляется решению мест судебных по правде и справедливости.

во нравах и обычаях, могут храниться в установлениях и без хартии. Хартии не всегда суть истина.

Предмет настоящей главы есть определить существо и объем сих законов вообще, дабы тем удобнее можно было сравнить их с теми, кои действуют в нашем отечестве.

144. Законы общежительные исходят от лица, законодательною властью облеченного; лицо сие есть или одно, или многие. Отсюда две первообразные формы в порядке законодательства: монархия или республика. Законы Основные устанавливают или, лучше сказать, *изображают* в государстве ту или другую форму, тот или другой порядок законодательства, и в сем заключается существо их.

145. Как ни различны между собою сии две формы, они сходны, однако же, в двух главных началах: 1) в том, что власть законодательная всегда есть власть верховная, 2) в том, что она всегда неразрывно соединена с властью верховного правления.

146. Две сии власти, совокупно взятые, именуются *державою*, или *властью державною* (la souveraineté, pouvoir souverain).

147. В каждой державе обе сии власти непременно находятся, но не в каждой они сопрягаются единообразно. Есть четыре рода сих сопряжений и, следовательно, четыре главных рода державного права:

- I. Монархия чистая.
- II. Монархия смешанная.
- III. Республика чистая.
- IV. Республика смешанная.

Рассмотрим каждый род в особенности.

I. МОНАРХИЯ ЧИСТАЯ (MONARCHIE PURE)

148. Отличительное ее свойство состоит в том, что в ней обе стихии власти державной принадлежат *во всей их полноте* одному лицу царствующему, и принадлежат потомственно, в установленном порядке наследия. Повиновение ему есть *подданство*.

149. Все подданные государства равно обязаны повиновением; но стихии державной власти — законы и правительство — могут требовать или от всех без различия одинаковых повинностей, одинаковой службы, одинаковых податей, или же могут допустить некоторые различия, могут дозволить, разделив подданных на сословия, дать некоторым сословиям преимущества пред другими, установить в общем законе некоторые изъятия. Сии изъятия и сии преимущества суть то, что называется *преимуществами в праве состояний* (privilèges).

150. Следовательно, подданство может быть образовано двояким образом: без преимуществ в праве состояний или с преимуществами.

151. Во всех европейских чистых монархиях, ныне существующих, исключая Турцию, допускаются преимущества в праве состояний. Но пространство их определяется разнообразно. Есть преимущества гражданские и преимущества государственные. К первым принадлежат: 1) преимущества в праве владения известным родом собственности; 2) изъятие от некоторых податей и некоторых родов службы. Ко вторым относятся: 1) участие во внутреннем управлении по выборам (*droit municipal*), 2) участие в областных совещательных установлениях (*états provinciaux*).

152. Отсюда три вида чистой монархии:

1) *Монархия без преимуществ в праве состояний.* Сего рода монархии нет в настоящем составе европейских государств, кроме Турции.

2) *Монархии с преимуществами в праве состояний, но без совещательных установлений:* Австрия, исключая Венгрию, Трансильванию, Богемию, Ломбардо-Венецианское Королевство, Галицию и Тироль; Дания, исключая Голштейн.

3) *Монархии с совещательными установлениями:* Пруссия, Дания относительно Голштинии, Австрия относительно Ломбардо-Венецианского Королевства, Галиции, Богемии и Тироля.

153. Главные правила, по коим образуются совещательные установления или провинциальные штаты, суть следующие:

1) *Состав.* Они составляются в каждой провинции отдельно из депутатов трех состояний: дворянского, городского и сословия сельских обывателей в определенном числе от каждого. Они собираются или ежегодно, или в назначенные сроки и состоят под председательством лиц, особенно к тому от верховной власти отряжаемых.

2) *Предметы.* Предметы совещаний суть: а) предложения и проекты законов, от правительства им сообщаемые, относительно дел той провинции; б) представление правительству о местных нуждах и потребностях; в) раскладка земских повинностей.

3) *Пределы власти.* Совещательные установления никакой законодательной власти не имеют; они представляют только мнения свои на усмотрение государя; от единой власти его зависит принять их или отвергнуть. В сем последнем случае обыкновенно после рассмотрения дается им ответ, называемый *реcessом*.

II. МОНАРХИЯ СМЕШАННАЯ (MONARCHIES MIXTES)

154. Отличительное свойство монархии смешанной состоит в том, что в ней хотя все стихии державного права соединяются в лице царствующего государя, но не все принадлежат ему *во всей их полноте*, а разделяются между ним и государственными законодательными установлениями, под именем парламентов или камер известными.

Здесь нужно рассмотреть: 1) начало сих установлений, 2) состав их, 3) меру их участия в державном праве.

1) О начале законодательных установлений

155. Выше было нами замечено, что при переходе общегития из второй степени в третью, когда разные роды слагались в один гражданский состав, управляемый одною главою, начальники родов не могли совершенно утратить всего прежнего их достоинства, не могли смешаться с простым народом, но должны были сохранить некоторую часть прежних их прав, образовать особое состояние родовой почетности, состояние людей именитых. К сему состоянию присоединились потом другие знаменитости, важные заслуги, и особенно военные подвиги; они не умирали с лицом, но, переходя к потомству, основали новые роды. Так образовалась первая знаменитость — знаменитость родовая (*aristocratie de naissance**). К возвышению ее способствовали два обстоятельства: 1) младшие ветви владетельных домов мало-помалу срастались, так сказать, с нею или сами собою, или посредством брачных союзов; 2) знаменитость рода сопрягалась большею частию с обладанием обширных земель, в коих одних в начале стояли все прочные богатства.

156. В чем могли состоять преимущества родовой знаменитости? Без сомнения, в участии в правлении, т. е. в учреждениях и в составе сил государственных. Но сие участие может быть установлено двояко: с властью ограниченной и с ответственностию или же с полновластием и без точной ответственности. В первом случае участие есть просто должность, и сила преимущества состоит только в пространстве личного доверия; во втором, напротив, участие есть раздел самого державного права. В первом случае все стихии сего права, в полноте их, остаются соединенными в лице государя; во

* [аристократия по рождению (*фр.*)]

втором не только часть законодательства, но и часть самого правления, часть состава правительственных сил, переходит в руки родовой аристократии.

157. Отсюда необходимость составлять законодательные собрания (*états généraux*): и хотя собрания сии в начале своем, вероятно, имели вид только совещательный, но впоследствии совещания их должны были превратиться, и действительно превратились, в постановления решительные, без коих никакой закон не мог быть приведен в действие.

Таково есть начало законодательных установлений. Приступим к рассмотрению их состава.

(9 февраля 1838)

2) О составе законодательных установлений

158. Родовая аристократия не могла долго пользоваться одна участием в державном праве. Вскоре по ее примеру образовались другие аристократии и вступили с нею или в борьбу, или в соревнование.

159. Первая по силе и по времени была *аристократия церковная*. Уважение к духовенству, а может быть, и политические виды государей, желание сделать перевес притязаниям аристократии родовой, заставили возвысить и обогатить духовенство вкладами и землями до того, что монастыри и церкви превратились в сильные политические установления.

160. Вслед за тем с расширением торговли и городских прав образовался в городах новый вид аристократии, *аристократия движимых имуществ и промышленности*. (Припомним здесь составление общин и крестовые походы).

161. Власть, сопряженная со знаниями и должностями личными, образовала потом еще новый вид аристократии, хотя не столь сильный, как две предыдущие, но не менее деятельный: *аристократию служебную*.

162. Наконец, на поприще именитости явился новый подвижник — наука и знание. Долго скрываясь в тайне ученых изысканий, созерцательный ум выдвинут был на сцену политических дел силою обстоятельств и происшествий и образовал собою *аристократию ученую*.

163. Таким образом составились пять видов именитости: аристократия родовая, аристократия духовная, аристократия промышленности, аристократия служебная и, наконец, аристократия ученая.³²

164. Все они существуют не только в монархиях смешанных, но и в монархиях чистых; но цель и стремление их в тех и других совершенно различна.

165. В монархиях чистых, где все стихии державного права соединяются в одной руке, каждая из сих именитостей заключается в пределах, ей свойственных. Отношения их между собою могут быть то союзы, то неприязненны, по обстоятельствам; но доколе власть государя тверда, доколе они все ей покорены, и состязание их между собою производит движение жизни, а не борьбу разрушения. Превращения начинаются тогда, как рука, держащая стихии верховного права, ослабевает, когда она не в состоянии будет замыкать разные аристократии в свойственных им пределах и когда они от взаимных состязаний между собою перейдут к состязанию с самою верховною властью.

166. Рассмотрим цель и направление аристократии в монархиях смешанных. Здесь два случая могут иметь место.

Первый случай. Когда при самом основании государства, при первом переходе из родового общежития, родоначальники одержат за собою часть права державного, т. е. когда монархия в самом ее начале будет смешанная, тогда прочие виды аристократии по мере их усиления, естественно, будут помогаться того же участия и мало-помалу его достигнут; сперва войдет духовенство, потом промышленность, далее и после всех наука. Сим определятся составные части законодательного установления, но части сии не будут равны между собою. Родовая аристократия всегда будет отделяться от всех прочих тем, что она есть потомственная, между тем как все другие суть личные. Следовательно, они по необходимости должны подлежать избранию, между тем как первая определяется законом рождения или правом первородства. К сему естественному различию присоединяется другое, не менее важное: разность польз и видов; пользы родовой аристократии, так же как и аристократии духовной, преимущественно суть *сохранение*, пользы других аристократий суть *движение*.

Таким образом, состав законодательного установления, по самому различию частей его, в монархиях смешанных делится на два разряда: разряд родовой и духовный, коего главное правило есть сохранение, и разряд выборный, коего отличительное свойство есть движение. Отсюда разделение на две камеры.*

* Англия. В каждом разряде есть свои изъятия и свои подразделения: так, в разряде сохранительном могут быть лица, коих цель есть движение, и напротив. Движение может еще быть подразделено на разные степени.

Второй случай. Когда монархия чистая переходит в монархию смешанную, тогда состав законодательного установления может иметь два различных вида. Если переход совершился посредством превращения (*révolution*), с уничтожением родовой аристократии, тогда исчезает всякое существенное различие в составных частях установления, тогда разделение его на два разряда есть разделение искусственное, не имеющее никакого твердого основания.* Если, напротив, переход совершился посредством преобразования и с сохранением родовой аристократии, тогда есть две составные части и есть основание к распределению их на два разряда.**

Таков есть состав законодательных установлений. Приступим к рассмотрению меры и образа того участия, какое они принимают в державном праве.

3) О мере участия

167. Участие законодательных установлений в державном праве есть трояко.

а) Участие в законодательстве

Здесь имеет место одно общее право: закон не может состояться без общего согласия обеих камер и без утверждения государя. Но в приложении сего правила есть подробности, кои в разных странах определяются различно. Существенное из них состоит в праве предлагать проекты законов (*l'initiative*).***

б) Участие в верховном правлении

168. Хотя во всех смешанных монархиях так называемая власть исполнительная принадлежит непосредственно государю, но как всякое постановление, от сей власти исходящее, должно быть скреплено министром и министр за него отвечает, т. е. может быть судим пред законодательным сословием, то из сего само собою следует, что законодательное сословие, хотя косвенно, но тем не менее действительно участвует в правительстве посредством ответственности ми-

* Франция, Бельгия.

** Виртемберг, Бавария, Саксония и проч.

*** В Англии право сие, с наблюдением некоторых обрядов, принадлежит всем членам парламента; во Франции и в других государствах оно разным образом ограничено.

нистров. Оно участвует даже в самом их назначении, ибо министр без перевеса голосов исполнять звания своего не может.

в) Участие в составе сил правительственных

169. Силы правительства суть войско и финансы; войско состоит в непосредственном повелении государя; но как войско не может быть содержимо без финансов, финансы же определяются ежегодною сметою в законодательном сословии, то ясно, что в смешанных монархиях сословие сие хотя не прямо, но косвенно участвует и в сей важной части державного права.

Определив, таким образом, начало законодательных установлений, их состав и меру их участия в державном праве, т. е. означив все то, чем смешанная монархия отличается от чистой, нам предлежит рассмотреть важный вопрос: до какой степени та или другая форма достигает истинной цели общежития?

170. Если бы цель общежития состояла в том, чтобы оградить и возвысить материальные выгоды некоторых сословий, как-то: класса родовой именитости, класса промышленного, класса наук и знания, тогда нет сомнения, что, допустив сии классы к участию в державном праве посредством их представителей, цель государства была бы достигнута. Но мы видели выше, что она состоит не в том, чтоб некоторые отдельные сословия народа одни преуспевали в выгодах, скопляли бы или расточали большие богатства, но в том, чтоб весь народ постепенно подвигался к добру, к нравственному совершенству, находя в законах равную защиту и покровительство в произведениях своего труда и собственности. Но весь народ не может принадлежать к аристократии. Какое же ручательство в назидании его польз может ему представить законодательное сословие? Выборы? Но кто будут избиратели? Если все без изъятия (*suffrage universel**), то законодателем будет чернь; если не все, но некоторые, то гражданские добродетели будут ценимы известным количеством франков или гиней дохода. Не странно ли предполагать, что тот, кто имеет 500 франков дохода, непременно будет более любить отечество, более радеть о народных пользах, будет лучшим законодателем, нежели тот, кто имеет 400 франков?*

* [всеобщее избирательное право (*фр.*)]

** К сему должно еще присоединить: 1) устройство выборов, везде более или менее искусственное и пристрастное, 2) распри аристократий между собою и 3) силу враждебную, рушительную для всякого законодательства, силу журнализма.

171. И на сем-то основании воздвигаются все надежды наилучшего законодательства. К сожалению, опыты нигде доселе не оправдали сих ожиданий; напротив, законодательные сословия, вновь учрежденные, везде возвысили и отяготили подати или долги, умножили прямые и косвенные налоги, родили новые нужды, расплодили новые желания и, не доставив никакого существенного блага, усилили мечтания лжеименной свободы.

172. Есть два рода свободы в общежитии: гражданская и политическая. Первая есть участие в праве собственности, вторая — участие в праве державном. Для аристократии нужна и та и другая, но для народа нужна только первая, и если она поставлена на твердых законах, укоренена во нравах и обычаях, то благосостояние его обеспечено. Народ, даже и в республике, не может быть сам по себе законодателем.

173. Что следует из сих рассуждений? Не то, конечно, чтоб заставить англичанина не любить те Основные Законы, под коими он родился и воспитан; но следует неоспоримо, что там, где существует чистая форма монархическая, нет никаких основательных причин, нет материальных выгод для народа желать перейти в форму смешанную даже и тогда, когда бы переход сей мог быть совершен без потрясения. Частные пользы некоторых классов народа не суть истинные пользы всего народа, и часто даже бывают им противоположны.³³

III. РЕСПУБЛИКА ЧИСТАЯ

174. Отличительное свойство республики чистой (демократии) есть, когда державное право во всей его полноте находится в руках народа.³⁴ Сей образ правления, более умозрительный, нежели практический, на самом деле возможен только в весьма малом объеме народонаселения и пространства.* Известно, что в древних республиках он всегда соединен был с самым унижительным рабством.

IV. РЕСПУБЛИКА СМЕШАННАЯ

175. Отличительное ее свойство есть, когда державное право распределяется посредством выборов между главою правительства и между законодательным установлением.

* Обыкновенно и в самой демократии дела ведутся небольшим числом лиц, и в сем отношении демократии именуются олигархиями.

Глава правительства обыкновенно избирается здесь на определенное время, а законодательное установление образуется из разных аристократий почти теми же самыми путями, как и в смешанной монархии. Оно большею частию и здесь также разделяется на два сословия, или камеры.

176. Трудность и почти невозможность в сем образе правления привести различные направления местных польз к некоторому единству и сообщить им охранительную силу заставили прибегнуть к союзам. Отсюда произошел особенный вид смешанных республик, известных под именем соединенных штатов, как-то некогда было в Голландии и ныне есть в Северной Америке и в Швейцарском Союзе.

В сем кратко состоят две главные и две им смежные формы державного права.

177. То, что называется *деспотизмом*, не есть правильная форма монархии, так же как и анархия не есть форма республики. То и другое суть две крайности, временно и случайно, от силы происшествий, а не от права возникающие. Деспотизм как постоянная форма правления был бы превращением права державного в право собственности, предложением обязанностей подданства в рабство (подданство основано на добросовестной присяге, рабство — на неволе). Деспотизм случайный есть приостановление прав на известное время. Он является по необходимости во всех формах правления: 1) при завоеваниях, когда одно право державное рушилось, а другое еще не утвердилось; 2) он является в монархиях смешанных и даже в республиках под именем диктаторства, когда предстоящая опасность разрушения заставляет на время соединить все стихии власти в одни руки; 3) он является часто, когда какая-либо страна или город объявляется в осадном состоянии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УЧРЕЖДЕНИЯ

178. В общем разделении законов государственных на семь главных разрядов (гл. 5) мы видели, что учреждения занимают второе место и следуют непосредственно после Законов Основных.

179. *Учреждениями* называются законы органические, коими устанавливаются места и власти как орудия верховного

правления. Отсюда сии последние именуются вообще *установлениями*.

180. Сколько должно быть сих установлений в благоустроенном правлении? Столько, сколько есть родов законов, для действия коих они необходимы. Следовательно, должны быть установления: *во-первых*, для соображений законодательных, *во-вторых*, для исполнения законов государственных, *в-третьих*, для исполнения законов гражданских. Отсюда семь следующих установлений:

- I. Для законодательных соображений.
- II. Для законов правительственных сил.
- III. Для законов благоустройства.
- IV. Для законов о состояниях.
- V. Для законов полиции.
- VI. Для законов исправительных и уголовных (см. выше ст. 92).
- VII. Для законов гражданских.

181. В сих семи главных разрядах можно было бы заключить все установления; но как разряды сии в производстве дел не равны между собою, то отсюда происходят по необходимости разные подразделения и перемещения дел из одного разряда в другой.

182. Каждый разряд установлений и даже каждое его подразделение должно иметь свой органический закон, свое учреждение. В нем определяются: 1) состав его и пространство его действия; 2) предметы его ведомства; 3) образ производства его дел. Три сии положения составляют существо всех вообще учреждений.

I. О СОСТАВЕ УСТАНОВЛЕНИЙ И ПРОСТРАНСТВЕ ИХ ДЕЙСТВИЯ

183. Состав установлений есть троякий: или коллегиальный, или единоличный, или смешанный.

В составе коллегиальном несколько лиц под именем членов, советников, ассессоров или заседателей соединяются под председательством старшего в одно присутствие и составляют одну власть совокупную.

В составе единоличном вся власть вверяется одному лицу, коего приказы исполняются лицами, ему подчиненными, каждым в круге, ему определенном, по департаментам, отделениям и столам.

Состав смешанный слагается из присутствия и из власти единоличной; некоторые дела решаются в присутствии, другие предоставляются личному действию начальника.

184. По пространству действия все установления разделяются на три степени: на высшую, или *установления государственные*, коих действие простирается на все области государства; на среднюю, или *установления губернские*, коих действие заключается в пределах губернии; и на низшую, или *установления уездные и городские*, коих действие ограничивается пределами уезда или города. В составе сих последних заключаются и установления волостные.

II. О ПРЕДМЕТАХ ВЕДОМСТВА

185. Предметы ведомства в каждом установлении определяются вообще тем родом законов, для исполнения коих оно учреждено. Так, например, к предметам установлений гражданских относятся дела, принадлежащие к законам гражданским, к военным — военные и так далее.

III. О ПОРЯДКЕ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЛ

186. Порядок производства дел имеет у нас три разные формы: 1) решительную, 2) совещательную, 3) исполнительную. *Первая* из них состоит в том, что предмет рассуждения считается решенным по тому мнению, которое соединяет в себе большинство голосов присутствия; *вторая*, в коей дело не считается решенным по большинству совещающихся, но решается по мнению председателя; *третья*, когда решение постановляется одним лицом начальствующим, без формального совещания.

В сем состоит существо всех вообще учреждений. Рассмотрим их в подробности.

А. ВЫСШИЕ, ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

1) Учреждение Совета

187. *Состав Совета и пространство его действий.* Состав Совета есть коллегиальный. Он имеет два рода присутствий: общее и по департаментам. Каждый департамент имеет своего

председателя и составляет особое присутствие. В общем собрании, сверх членов Совета, заседающих и не заседающих в департаментах, присутствуют все министры. Они могут быть приглашаемы и в департаменты для совещания.

188. Совет, по пространству действия его, есть один для всей Империи, а частью ныне и для Царства Польского.

189. *Предметы ведомства Совета.* Все, что составляет особый закон, дополнение к закону или какое-либо в смысле его изменение и общее, не слов только закона, но самой силы его пояснение, принадлежит соображению Государственного Совета, — соображению, впрочем, не решительному, но только совещательному и зависящему совершенно от утверждения верховной власти.³⁵

Общий предмет всех департаментов Совета суть законы; но в одном соображается в особенности применение дел к законам военным и пояснение истинного их смысла, в другом — применение дел к законам гражданским и церковным и пояснение их, в ином — применение законов экономических, в департаменте же законов — все вообще законы государственных и гражданские, не по применению их к делам, но вообще по недостатку и потребности нового закона или дополнения к законам прежним.

190. *Порядок производства дел.* В Совете порядок есть просто совещательный. Каждое дело сперва рассматривается в департаменте, и потом заключение его, в виде журнала, вносится в общее собрание. Совещания сего последнего также излагаются в журналах, и потом выписки из них, под именем меморий, представляются на Высочайшее усмотрение и затем представляются на Высочайшее утверждение или в виде мнений, или в виде указов.

2) Учреждение Сената

191. *Состав Сената и пространство его власти.* Сенат имеет два рода заседаний: общее собрание и заседание по департаментам. Число департаментов есть девять. Сверх того, департаменты делятся на отделения так, что число всех частных его заседаний составляет 13. При каждом департаменте состоит обер-прокурор, а при всех вообще департаментах — генерал-прокурор или министр юстиции. При каждом департаменте и отделении состоит особая, управляемая обер-прокурором канцелярия из обер-секретарей, секретарей и других чиновников. При министре юстиции состоят: вмес-

то канцелярии департамент, и совет под именем консультации, составленный из обер-прокуроров и юрисконсультов.

192. Власть Сената простирается на всю Империю. Указы его, не только из общего собрания, но и от каждого департамента исходящие, имеют силу Высочайших указов.

193. *Предметы ведомства.* Предметы ведомства Сената разделяются вообще на два главных рода: 1) дела управления, 2) дела судебные.

К *делам управления* принадлежат:

- 1) Обнародование законов.
- 2) Охранение прав состояний.
- 3) Распределение и управление разных мест и должностей.
- 4) Судебное разбирательство по делам казенного управления.

5) Рассмотрение дел по начетам казны и на казну.

6) Дела, вступающие из Министерств: а) для повсеместного подтверждения, б) для повсеместного разрешения каких-либо сомнений в подчиненных местах, когда сомнения сии могут быть разрешены одним приложением точной силы закона существующего.

Все сии дела управления ведаются *в первом департаменте Сената.*

194. К *делам судебным* принадлежат:

- 1) Дела тяжёбые гражданские.
- 2) Дела тяжёбые межевые.
- 3) Дела уголовные.

Все сии дела распределены в восьми судебных департаментах, из коих пять в С. Петербурге и три в Москве. Ведомство каждого департамента ограничивается или известным числом губерний, или самым родом дел, ему порученных.

195. *Порядок производства дел.* Он есть решительный, со следующими только ограничениями:

В департаментах решения тогда только считаются окончательными, когда они 1) единогласны, 2) когда утверждены согласием обер-прокурора; в противном случае они переносятся в общее собрание.

В общих собраниях решения считаются окончательными: 1) когда большинство составляет две трети, 2) когда утверждены согласием министра юстиции. Иначе они переходят в Совет.

3) Синод

196. Состав и пространство власти. Синод состоит из двух или более митрополитов, из одного или более архиепископов и из двух протоиереев. Власть равна Сенату, но Синод не делится на департаменты. В Москве и Тифлисе состоят конторы синодальные под председательством: в Москве — тамошнего митрополита, а в отсутствие его — викария; в Тифлисе — экзарха Грузии.

197. Предметы ведомства: 1) вообще дела церковного управления в высшем их отношении — избрание архиереев, определение архимандритов и игуменов; 2) *законы, суд и благочиние* — часть судная в преступлении должностей; дела бракоразводные; духовная цензура; 3) *обучение* — ведомство духовных училищ.

198. Порядок производства дел — решительный. Обер-прокурор имеет ту же степень власти, как и в Сенате.

4) Министерства

199. Распределение дел по Министерствам. Выше было замечено, что семь есть главных разрядов законов и, следовательно, должно быть семь главных установлений, им соответствующих. Первое место между ними принадлежит законодательным соображениям. Затем шесть разрядов собственно принадлежат к существу правления, и следовательно, шесть было бы разрядов министерских установлений. Но, *во-первых*, законы учредительные не требуют особого установления: учреждения составляются тем же порядком, как и законы вообще; *во-вторых*, законы о состояниях в общем их соображении не требуют особого установления; дела их могут быть причислены к другим. Затем остается четыре разряда законов, требующих особых установлений. По сему понятию все дела могли бы быть размещены в четырех Министерствах, но выше уже была замечена невозможность на практике следовать сему теоретическому разделению. Есть разряды столь обширные, что они в одном Министерстве вместиться не могут; в других количество дел столь ограничено, что из них составить Министерства нельзя. Есть, наконец, разряды, хотя по существу их и различные, но по связи дел и для удобства в исполнении управление их может и должно быть соединено в одном Министерстве.

200. Чтоб с сим практическим ходом дел согласить по возможности теорию систематического их разделения, можно представить наши Министерства в следующем виде:

Разряд первый — силы правительственные:

- 1) Министерство военное.
- 2) Министерство морское.
- 3) Министерство финансов.
- 4) Государственный контроль.

Разряд второй — благоустройство:

- 5) Министерство просвещения.
- 6) Управление путей сообщения и часть строительная.
- 7) Почтовое Управление.

Разряд третий — полиция или охранение тишины и безопасности внешней и внутренней:

- 8) Министерство иностранных дел.
- 9) Министерство внутренних дел.

Разряд четвертый — правосудие:

- 10) Министерство юстиции.

201. Таким образом четыре главных разряда законов в отношении к исполнению их, и именно законы правительственных сил, законы благоустройства; законы полиции и правосудия, размещены у нас в десяти Министерствах и Главных Управлениях.

202. Здесь приметить должно: *во-первых*, что сие размещение не может быть неизменным. Так, например, предметы Министерства финансов, по обширности их, могут быть разделены еще на другие Министерства, как-то: на Министерство государственных имуществ, на Управление уделов и Министерство торговли, и сие последнее может быть отнесено к разряду благоустройства. *Во-вторых*, законы о состояниях, хотя составляют особенный разряд, но по малому количеству дел они отнесены частью к Министерству внутренних дел, частью к финансам, частью же к Министерству государственных имуществ.

203. *Состав Министерств и пространство их власти.* Состав Министерств может быть рассматриваем двояко: а) в особенном действии каждого Министерства, б) в совокупном действии всех Министерств.

а) Состав отдельный

204. Все Министерства в отдельном их действии составлены почти единообразно. Во всех дела делятся по департамен-

там, по отделениям и столам; во всех департаментах есть присутствия, составляемые из начальников отделений под председательством директора; во всех есть министерские советы, составляемые из директоров и частью из членов посторонних под председательством министра. В военных Министерствах состав советов отличается от прочих тем, что члены суть все посторонние, и в разных отношениях они более имеют власти, нежели советы в других Министерствах.

б) Состав Министерств в совокупном их действии

205. Все Министерства в совокупности составляют один общий их совет под именем *Комитета министров*. В Комитете министров присутствуют все председатели Государственного Совета и другие члены посторонние. Комитет имеет свою особую канцелярию.

206. По различию состава отдельного от совокупного и власть министров различна. Вообще, Комитет имеет более власти, нежели каждое Министерство отдельно, но положения его не иначе приводятся в действие, как по Высочайшему утверждению.

207. *Предметы ведомства по каждому Министерству* отдельно определяются их учреждением.

208. *Предметы ведомства Комитета министров* объемлют все исполнительное законодательство, т. е. все меры, к исполнению законов необходимые, когда меры сии не означены в самом законе и превышают отдельную власть каждого министра.

209. *Порядок производства дел* во всех Министерствах есть почти единообразный, т. е. совещательный и исполнительный.

210. Порядок производства дел в Комитете министров единообразен с Государственным Советом.

(2 марта 1838)

Б. СРЕДНИЕ, ИЛИ ГУБЕРНСКИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

211. *Распределение дел по губернским установлениям.* Выше (ст. 200 и 201) было замечено, что четыре главных разряда законов, в отношении к исполнению их, распределены у нас в десяти Министерствах и Главных Управлениях; в

строгой теории надлежало бы и в средней степени учредить равное и соответствующее им число установлений. Но и здесь практическое воззрение противоречит теории. Предметы, весьма обширные в высшем круге их производства, в среднем находятся не в каждой губернии, и некоторые из них по ограниченности их могут быть соединены в одно установление.

212. Отсюда двоякое распределение дел в средней степени управления: общее и отдельное.

К общему губернскому управлению принадлежат из четырех разрядов вышеозначенных три: полиция, суд и казенное управление. Соответствующие им установления суть: Губернское Правление, Губернский Суд и Казенная Палата.

К отдельному принадлежат все установления благоустройства: дела народного просвещения, управление путей сообщения и часть строительная, управление почтовое. К сему же роду управления должно отнести дела по дворянскому состоянию, кои имеют свое особое установление в дворянском депутатском собрании.

1) Губернское Правление

213. *Состав.* Губернатор, его товарищ, или вице-губернатор, и советники составляют присутствие. При нем состоит Врачебная Управа.

214. *Власть* Губернского Правления простирается на всю губернию, но не объемлет отдельные установления, кои в губернии находиться могут, как-то университеты и вообще часть ученую и тому подобные.

215. *Предметы ведомства.* Все предметы ведомства Губернского Правления можно выразить одним словом: *общая полиция*. Но что есть общая полиция?

216. Закон, постановляя правила порядка в известной части, с тем вместе устанавливает и надзор для охранения сего порядка и предназначает взыскания и наказания за его нарушение. Правило, надзор и взыскание суть три составные части каждого закона в полноте его. Надзор есть дело полиции, а наложение взыскания, законом определенного, есть дело суда.

Следовательно, нет закона, нет части правления, в коем бы не предполагалось участие полиции. Но если бы каждая часть употребляла отдельно свои меры надзора, тогда, во-первых, было бы напрасное расточение сил в одном и том же предмете;

во-вторых, меры сии, встречаясь и пресекая себя взаимно, вместо охранения порядка сами произвели бы беспорядок и смешение.

217. Отсюда необходимость различить в мерах надзора то, что для всех частей есть общее, и то, что для некоторых из них есть особенное. От совокупления мер общих и от приведения их в один состав, в одно учреждение, произошла *полиция общая*, а от того, что из сих мер осталось в каждой части особенного, что не могло сложиться с другими, чего не могла обнять в подробности полиция общая, составились *полиции отдельные*; таковы суть: полиция таможенная, горная, лесная, судоходная и проч.

Но в чем именно состоит существо надзора, вверяемого общей полиции? Какая есть определенная цель его?

218. Существо сего надзора есть охранение благочиния в общежитии, т. е. в общих гражданских отношениях, свойственных лицам сословий и всякого рода имуществам.

219. Цель надзора есть предупредить нарушение порядка; когда же порядок уже нарушен, тогда цель надзора есть обличить нарушение пред законом и потом распорядить, чтоб меры, определенные судом к восстановлению порядка или к наказанию виновных, приведены были в точное исполнение. К сим трем действиям надзора должно присовокупить еще два следующих: 1) когда нарушение началось, но еще не совершилось или по крайней мере не достигло полноты своей, то дело надзора есть пресечь и остановить его; 2) когда нарушение произошло не в ведомстве полиции общей, но в ведомстве полиции отдельной, то общая полиция обязана по первому востребованию оказать содействие полиции отдельной.

220. Таким образом, весь круг общей полиции заключается в пяти действиях: в предупреждении нарушений, в пресечении их, в обличении, в исполнении судебных приговоров и в содействии отдельным полициям. Рассмотрим каждое из них отдельно.*

1) *Предупреждение.* Нарушение порядка и общей безопасности может происходить или от причин физических, или от произвола. Предупреждение нарушений первого рода заклю-

* В рукописи против этой статьи найдено на особой бумаге следующее собственноручное замечание графа Сперанского: «Все установления предписывают, одна полиция действительно исполняет. Следовательно, полиция есть установление, посредством коего все другие установления входят в непосредственное соприкосновение с населением; она одна имеет исключительно власть исполнения» (Примеч. изд. 1845 г.).

чает в себе все распорядительные и предохранительные меры народного здоровья, продовольствие и проч. — предметы *полиции распорядительной*. Предупреждение нарушений второго рода включает в себе все меры против преступлений; главные из них состоят в преследовании проступков, ибо от поущения проступков усиливаются преступления. Сюда принадлежит суд исправительный и дела об устройстве стражи, смиренных и рабочих домов и проч. — предметы *полиции исправительной*.

2) *Пресечение нарушений*. Оно может быть двояко: а) остановить нарушение в том положении, в каком полиция его застанет, дабы оно далее не распространялось; б) восстановить порядок и обратить вещи в то положение, в каком они до нарушения состояли. К первому роду принадлежат все дела об исполнении обязательств бесспорных, в коих действием полиции пресекается нарушение, одною медленностию причиненное, — предметы *полиции понудительной*. Ко второму роду принадлежат дела о насильных и самовольных завладениях имущества, дела об обидах и ущербах, дела по исполнению обязательств, словесно заключенных, — предметы *полиции судебной* или, правильнее, *суда полицейского*.

3) *Обличение нарушений пред законом*. Сюда принадлежат все следствия о проступках и преступлениях — предметы *полиции следственной*.

4) *Исполнение судебных приговоров*.

5) *Содействие полициям отдельным* — предметы *полиции исполнительной*.

В сем кратко состоят все главные предметы ведомства общей полиции и Губернского Правления.

221. *Порядок производства дел* в Губернском Правлении есть совещательный; дела решаются по мнению губернатора; не согласные с ним члены могут вносить свои предъявления в Правительствующий Сенат.

2) Губернский Суд

222. *Состав*. В большей части губерний суд делится на две палаты; каждая из них состоит из председателя, советников, двух заседателей от дворянства и двух от городского общества.

223. *Власть*. Палата гражданская решит дела тяжёбые и исковые до двух тысяч рублей (асс.) окончательно, прочие с переносом в Сенат. Палата уголовная решит все дела о преступлениях лиц податных состояний окончательно, о дво-

рянах с переносом на ревизию в Сенат. При гражданской палате состоит особенное установление для совершения крепостных дел, или *крепостная часть*.

224. *Порядок производства дел* в обеих палатах есть решительный.

3) Казенная Палата

225. *Состав.* Председатель, два советника, губернский контролер, губернский лесничий, губернский казначей, ассесоры составляют присутствие. При Палате состоят губернские землемеры, один — по землям, другой — по лесной части.

Примечание. Состав сей должен измениться с образованием Палаты государственных имуществ, к коей перечислены будут все собственно хозяйственные части, кроме соляной и винной.

226. Казенная Палата делится на шесть следующих отделений: хозяйственное, лесное, питейных сборов, соляное, казначейское и контрольное. Отделения управляются советниками.

В Палате полагаются два рода присутствий: присутствие по отделениям от девяти до половины двенадцатого и общее присутствие всех членов от двенадцати до двух часов под председательством начальника Палаты.

227. *Власть Палаты* в общем присутствии состоит в определении и увольнении чиновников ее ведомства, в исполнении дел, ей вверенных, и в надзоре за местами, ей подчиненными, в разрешении их вопросов и в представлении высшему начальству тех из них, кои не определены в законах; наконец, в разрешении дел, поступающих из отделений.

Власть отделений состоит в собрании сведений и в разрешении вопросов подчиненных мест, когда дела были уже разрешены общим присутствием Палаты. Власть отделений имеет две степени; есть дела, кои разрешает один советник; другие не разрешаются иначе, как с утверждения председателя Палаты.

228. *Предметы ведомства.* Они делятся на два рода: 1) предметы ведомства общего присутствия: сюда принадлежат в особенности дела по торгам и подрядам; 2) предметы ведомства отделений. Сколько есть отделений, столько есть разных родов дел; следовательно, все сии предметы можно отнести к шести главным: 1) дела хозяйственные, как-то: ревизия и движение народонаселения или перечисление из

оного состояния в другое, содержание окладных книг, составление рекрутских участков, управление казенными крестьянами, управление арендными имениями, пустопорожными землями и оброчными статьями; 2) дела лесные; 3) питейные сборы; 4) соляное управление; 5) казначейство и 6) контроль.

229. *Порядок производства дел* в общем присутствии решительный, в отделениях — совещательный и исполнительный.

В. НИЗШИЕ, ИЛИ УЕЗДНЫЕ И ГОРодОВЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

І. УСТАНОВЛЕНИЯ УЕЗДНЫЕ

230. Уезд в меньшем размере представляет губернию; Земский Суд в нем соответствует Губернскому Правлению, Уездный Суд — Суду Губернскому, Казначейство — Палате Казенной.

1) Земский Суд

231. *Состав Земского Суда.* Председатель под именем земского исправника и два, три, иногда и более заседателей от дворянства и двое от поселян ведомств государственных имуществ составляют присутствие. Доселе оно редко было в соединении, ибо большею частию заседатели по делам были заняты в уезде. По новому положению, с 1838 г. состав сей отчасти изменился; уезд разделен на станы; в каждом стане учрежден под именем станowego пристава земский чиновник, в составе суда равный заседателю, но заведывающий под главным начальством суда особенно вверенною ему частию.

232. *Власть Земского Суда* ограничивается уездом, а станowego пристава — его станом. Земский Суд в составе различается от Губернского Правления не токмо степенью его власти, но и тем еще, что он весь состоит из членов по выбору, между тем как Губернское Правление составляется из лиц, определяемых правительством.

233. *Предметы ведомства.* Все, что принадлежит к полиции распорядительной, понудительной, следственной, исправительной и исполнительной, составляет предмет ведомства Земского Суда.

234. *Порядок производства дел* есть совещательный и исполнительный.

2) Уездный Суд

235. В нем соединяется первая степень суда гражданского и уголовного. Он составляется весь по выбору.

236. Власть его в делах гражданских ограничена ценою дел во сто рублей (асс.), в уголовных — одними исправительными наказаниями, прочие все восходят в Палату порядком апелляции или ревизии. При нем находится также крепостная часть, но в меньшем размере.

3) Казначейство

237. Оно все заключается в одном уездном казначее; из дел Казенной Палаты он ведает только приходом и расходом сумм, вступающих и выдаваемых от него по ее расписаниям.

238. Соляной и винный приставы в уезде соответствуют отчасти отделениям Палаты.

II. УСТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВЫЕ

239. Земскому Суду в городе соответствует городничий, Уездному Суду — магистрат, Казначейству — дума.

240. Состав магистрата и думы есть по выбору; городничий определяется от правительства.

241. Предметы ведомства те же, что и в уезде.

О ЗАКОНАХ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О СОСТОЯНИЯХ

Мера сил, какую человек может употребить к достижению какой-либо цели, называется его *состоянием*. Сия мера есть или естественная, или определяемая законом. Сия последняя есть то, что называется *правом состояния*.

Рассуждая о существе права, мы видели, что оно вообще есть власть, защищаемая законами, власть или над собою, или над другими. Первая всегда предшествует последней, как способность к действию предшествует самому действию.

Мы видели, что законы суть двойки: гражданские и государственные. Отсюда два рода состояний: гражданские и государственные.

Законы гражданские определяют союз семейственный и союз по имуществам; по сему есть два вида гражданских состояний. К первому принадлежат: состояние родителей и детей, мужа и жены, совершеннолетнего и малолетнего, попечителя и питомца; ко второму: состояние владельца имуществ, продавца и покупателя, нанимателя и наемника, займодавца и должника, и проч. и проч. Вообще сколько есть родов обязательств, столько есть гражданских состояний по имуществам.*

Законы государственные определяют союз государственный, союз власти верховной с подданными государства. В сем союзе подданные в отношении их к участию в составе государственном суть или все равны между собою, или же мера их

* То, что называется *актами гражданского состояния*, относится обыкновенно к гражданским семейственным состояниям; вещественные же гражданские состояния не имеют особенных актов; акты обладания или обязательств суть акты сего состояния.

способности определена законами различно; одно сословие пред другим имеет некоторые преимущества.

Преимущества сии суть двух родов: одни из них принадлежат отдельно каждому лицу, другие присвояются целому сословию в общем его составе. Первые из них можно назвать личными преимуществами каждого сословия, другие — общественными.

Личные преимущества относятся: 1) к порядку службы, 2) к порядку податей и повинностей, 3) к порядку суда, и наипаче суда уголовного, 4) к порядку законов гражданских о приобретении и владении имуществом.

Преимущества общественные относятся к участию всего сословия 1) в порядке законодательном, 2) в порядке правления.

Те и другие преимущества вообще называются *правами государственных состояний*. Последние из них называются в особенности *правами политическими*.

Права политические суть или полные, или ограниченные. *Полные* заключают в себе участие как в законодательстве, так и в правлении, *ограниченные* — в одном только правлении, в пределах более или менее тесных. Когда участие сие относится только к местному управлению, тогда права политические именуются *муниципальными*.

Права политические, принадлежа не лично каждому члену сословия, но всем вообще в составе общества, предполагают по необходимости образование самого сего общества в виде лица собирательного или нравственного. Сие образование именуется *Incorporatio*, а самое сословие, получившее таковое образование, именуется *Corpus*, *Corporatio*, *Stande*.

Сему нравственному лицу вместе с правами политическими присвояются и права гражданские по имуществу, как-то: приобретение их, владение, способность к обязательствам в большем или меньшем пространстве.

Во всех государствах монархических, даже и в некоторых республиках, есть разделение состояний. Там, где в теории предполагается полное равенство состояний, в практике, однако же, допускается их различие.

Состояния везде почти разделяются на дворянство, городских обывателей и поселян.

В России есть четыре государственных состояния: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели.

О ДВОРЯНСКОМ СОСТОЯНИИ ВООБЩЕ

Начало сего состояния принадлежит к самым первым периодам образования общежитий. Во втором периоде сего образования родоначальники управляли союзом общежительным. При переходе его в союз гражданский они не могли смешаться с простыми родовичами, с народом. Здесь началась родовая именитость; возникло особое состояние людей, получившее впоследствии разные именованья и преимущества.

В республиках греческих именитые роды назывались родами героическими, т. е. потомками тех героев, кои основали государства.* По прекращении сих родов места их заняли потомки тех мужей, кои со славою предводительствовали на войне или с успехом управляли государством в мире. Достоинство их, впрочем, было просто почетное, ибо родовых особенных прав в Греции они никаких не имели.

Известно, что Рим первоначально составил из родов, или племен (*gentes*), от разных стран Нижней Италии и Етрурии туда стекшихся. Все население его делилось на два состояния: граждан и простолюдинов (*populus* и *plebs*). В числе граждан состояли и начальники родов, но они от прочих отличались как именем, так и властью. Они в отношении к их родовичам первоначально назывались отцами (*patres*). Водворившись в Риме, они долго сохраняли каждый в своем роде не только сие имя, но и значительную часть той власти, какую имели прежде. Здесь начало римского дворянства, или *патрициата*; из сего сословия назначались главные сановники республики, и из них же в определенном числе составлен был Сенат. Впоследствии к сословию Сената причислялись и другие лица, заслужившие именитость (*patres conscripti*). Звание патриция было наследственным; оно не терялось даже и тогда, когда лицо не занимало мест ни в Сенате, ни в высшем управлении.

Сверх патрициев было еще в Риме другое низшее сословие дворянства. Это были так называемые *римские всадники* (*equites*). К сословию сему первоначально причислялись те граждане, кои принимали на себя обязанность сами служить на коне и снаряжать других всадников. Впоследствии они боль-

* Гераклиды, Атриды, род Персеев и проч.

шею частию занимались откупам государственных имуществ. Звание сие было также наследственно.

То и другое сословие дворянства пользовалось в Риме двумя важными правами: 1) предпочтительным занятием высших должностей в государственной службе, 2) безоброчным владением государственных земель. Оба сии права впоследствии подверглись спору от простолюдинов и после двоекратной продолжительной междоусобной войны были уничтожены.* После сего дворянство римское ограничилось двумя, впрочем весьма важными, преимуществами: родовую почетность и богатством.

У германских и скандинавских народов было также в самой глубокой древности особое состояние благородства. Из него выбирались владетельные князья. Военачальники не из князей могли составлять дружины, предпринимать походы и морские набеги, но никто не мог объявлять себя владетельным князем, кто не был сам княжеского рода.**

К сему древнему дворянству присоединилось впоследствии так называемое *дворянство феодальное*. Основание его было следующее.

По завоевании разных частей Римской Империи управление земель, доставшихся в удел государям, по необходимости поручаемо от них было разным чиновникам со властью, весьма обширную. Сии звания сперва были временные, потом пожизненные и наконец обратились в потомственные. Так возникло дворянство феодальное с титулами баронов, графов, маркизов и герцогов. Власть их, постепенно расширяясь, во многих местах превратилась наконец во власть державную, так что они, хотя в отношении к королю сохраняли еще по наружности значение дворян и подданных, но в отношении к краю, ими управляемому, сами были государями, часто главе их непокорными и от него независимыми. Раздавая земли во временное владение, они сами имели своих дворян; сии дворяне, в свою очередь от них отлагаясь, составляли свое особое сословие; таким образом явилось два рода дворянства феодального: высшее титулованное и низшее без титл. Впоследствии простому дворянству жалуются были титла без власти, а простым воинам и чиновникам — дворянство без земель. Отсюда произошли все разнообразные дворянские роды в разных странах Европы.

* De communione juris et de lege agraria [Публичное право и аграрный закон (лат.).]

** См. сказания Нестора об Аскольде и Дире — *вы не князи и не княжа рода*.

О ДВОРЯНСКОМ СОСТОЯНИИ В РОССИИ

Дворянство в России имело разные именованья; самое древнейшее из них есть боярин (боляды), потом муж княж, дети боярские и, наконец, дворяне.

1) *Боляре*. Родовой период управления у народов славянских долее продолжался, нежели у других. Исчисляя разные славянские племена по местам их жительства, Нестор говорит: и живяху *по родам их*. Первый государственный состав мы по истории находим у славян задунайских (в Булгарии); там прежде всех является царская власть, а с нею являются и вельможи, или боляре (два слова, означающие одно и то же). Из сказания Константина Порфирородного видно, что они составляли совет царя, или то, что в других государствах называлось *optimates, magnates*. По всей вероятности, к сословию сему принадлежали: 1) прежние родоначальники, т. е. главы тех родов, из коих образовалось самое государство, и 2) лица, отличившиеся вновь заслугами и возведенные царями в сие достоинство. Таким образом соединились в нем и преимущества рода, и личные заслуги, старая и новая именитость.

2) *Княж муж*. Достоинство сие встречается в Правде Русской, или Ярославовой (1016 или 1020 г.). Оно в скандинавском законодательстве занимает то же место и то же имеет значение, какое имел боярин в славянском.

3) *Дети боярские*. Они встречаются в Судебнике великого князя Иоанна Васильевича (1497 г.). Потомство бояр не могло все вписаться в том же сословии вельмож, к которому принадлежали их предки, но не могло же оно и смешаться с простым народом; отсюда произошла вторая степень именитости, дети боярские.

(12 сентября 1836 в Царском Селе)

4) *Дворяне*. Во всем составе Судебника царя Иоанна (1550 г.) о дворянах еще нет речи; вместо них вслед за боярами в числе владельцев поземельных стоят дети боярские. Дворяне в законах являются в первый раз в грамоте об обысках (1556 г.). Но о них тут упоминается как о сословии, уже существующем. Начало его есть следующее: детям боярским для службы раздавались в поместье земли.* Доход с них

* Кажется, что полная система сей раздачи образовалась при великом князе Иоанне III.

зависел тогда, как и ныне, не от одного количества четвертей, но более еще от их населения; то и другое определялось переписями (ревизиями). Было две переписи: одна поземельная, другая подворная. Служба, т. е. количество людей, с коим сын боярский должен был вступать на службу, определялась сперва четвертями земли, но впоследствии мера сия признана неуравнительною и потому введено другое исчисление по дворам. Двор содержал в себе 20 мужеского пола душ. Тот, кто имел один двор, был однодворец; кто имел пять дворов (100 душ), ставил и содержал на своем иждивении во все время похода одного конного ратника. Те, кои имели менее пяти дворов, вступали между собою в жеребий и в складку или несли службу совокупно с городами, к коим они были приписаны. Таким образом из прежнего сословия детей боярских произошли три вида дворян: дворяне полные, дворяне городовые, или складочные, и однодворцы. Сии последние также сперва отправляли службу по складке, но потом мало-помалу начали под предлогом неимущества отбывать от оной; посему их велено было отделить от прочих, переписать и положить в крестьянский оклад. Сия перепись произведена была по скорости неверно. Отсюда в число отбывающих вошли и такие однодворцы, кои и прежде и после отправляли службу; по сему уважению им предоставлено было доказывать неправильное их причисление в крестьянский оклад, т. е. и отыскивать дворянство.

К сим трем видам дворянства присоединился впоследствии *четвертый*; начали производить в дворянство за заслуги; так, жаловали в дворяне детей боярских, дворян городовых производили в московские, а из сих — в думные. Это было дворянство заслуженное; оно долго различалось от дворянства родового, доколе наконец само не обратилось в родовое.

При таковом изменении первоначального сословия детей боярских звание сие, однако же, не исчезло, но приняло впоследствии одно за другим два следующих вида: 1) детьми боярскими начали называть тех детей дворянства, как вышего, так и низшего, кои не имели поместий и не были внесены в дворянские списки. От времени до времени составляли им перепись и верстали в службу, т. е. назначали им поместья, и тогда сии верстанные дети боярские причислялись к городам под именем городовых дворян и вступали в отправление службы. Но как всех нельзя было наделить землею, то многие из них, оставаясь вне списков, сами собою пали или в состояние однодворцев, или положены в подушной оклад;

2) после сего явился другой вид звания детей боярских; стали жаловать сие звание за заслуги и тем, кои по роду к нему не принадлежали. В лестнице производства *сын боярский* стоял непосредственно за дворянином и составлял низшую степень дворянства.

Таково есть происхождение родов дворянских в России: общее их начало есть боярство. Но к сему началу впоследствии присоединилось другое.

В удельной системе княжения нестрого наблюдалось первородство, и хотя в общем порядке обыкновенно старший брат, а потом старший сын по смерти отца наследовал уделом, но удельный князь мог раздавать при жизни и завещать по смерти не только собственные свои отчины, но и раздроблять самый удел. Таким образом основался новый род владельцев, кои различались только титулами князей от дворянства, во всех прочих отношениях были с ним равны.

Следовательно, три есть источника нашего родового дворянства: 1) старинные княжеские роды, 2) роды боярские, 3) роды, от государей в дворянство за личные заслуги произведенные.

Впоследствии к сим трем присоединен четвертый род дворянства, *дворянство по чинам*.

Дворянство чиновное учреждено Петром Великим при издании в 1722 г. известной табели о рангах; сим учреждением изглажены и последние следы так называемого местничества.

Местничество было не что иное, как попытка или, лучше сказать, усилие древних именитых родов отделиться от дворянства маломощного и образовать сословие высшее по примеру дворянства феодального. Мысль сия выражалась тем, что те дворяне, коих предки занимали важные в государстве места, не хотели служить в местах низших, но искали удержать за собою места прежние или равные прежним и должность обратить в родовое право. Притязание сие, для службы весьма вредное и для маломощных дворян обидное, столько усилилось временем и личным знатных родов превозможением, что государи, хотя с негодованием, но долго его терпели. Наконец в 1682 г. при царе Феодоре Алексеевиче нашли возможным уничтожить сие домогательство, но уничтожить не иначе, как соборным деянием, т. е. посредством общего всех духовных и государственных властей согласия. Вместе с сим истреблены были огнем все так называемые *отеческие и разрядные случаи*, т. е. дела, возникшие по притязаниям прежних мест, и вместо

того учредили правильные родословные книги, где все древние роды внесены были по их происхождению, но без означения случаев прежней их службы. Таким образом закрыт навсегда повод к разделению дворянства на высшее и низшее и каждому, даже и маломощному дворянину, отверст путь службою приобрести места и почести.

Петр Великий через 40 лет после того (в 1722 г.) признал возможным поступить далее, сделать шаг более решительный. Истреблением местничества уравнено в службе дворянство. Изданием табели о рангах уравнены по службе все свободные состояния; каждому открыт путь достигать службою чинов, а с чинами — и дворянства. Здесь заметить, однако же, должно, что под именем чинов не разумелись тогда чины именовательные, но самые должности. Впоследствии мало-помалу проникли в сие установление разные беспорядки и до того его исказили, что наконец законодатели двукратно вынуждены были употреблять строгие меры к его исправлению.

Показав начало и происхождение дворянского состояния, рассмотрим права его.

Выше мы видели, что права государственных состояний вообще могут быть тройки: политические полные, ограниченные и муниципальные. Полных политических прав, т. е. непосредственного участия в законодательстве, дворянство наше никогда не имело. Быв призываемо в суды и советы лично и единою волею государя, оно участвовало в совещаниях законодательных не по праву, но по службе.*

Права, предоставленные дворянству, делятся на два рода: одни из них принадлежат каждому лицу в особенности, другие — в составе обществ.

І. О ПРАВАХ ДВОРЯНСКИХ ЛИЧНЫХ

Права дворянства личные суть:

1) *В порядке службы*: а) свобода вступать и не вступать в службу, б) в продолжение службы производство в чины с преимуществом пред другими, в) дозволение вступать в службу иностранную и выезжать за границу с узаконенными паспортами и с обязательством возвратиться на срок или по первому востребованию.

* Так должно понимать введение в оба Судебника, где сказано: великий князь уложил с детьми своими или с братьями своими и с бояры.

2) *В порядке дел уголовных*: а) свобода от телесного наказания, б) дворянин не может быть лишен прав состояния без Высочайшей конфирмации.

3) *В порядке податей и повинностей*: а) дворянин свободен от личной подати, б) от рекрутской повинности, с) от постоя, d) от гильдейской подати при заключении договоров на подряды и поставки и при учреждении фабрик и заводов в своих деревнях, е) от гильдейской же подати при отпуске своих произведений за границу, f) ему присвоено право винокуренения.

4) *Права по имуществу*: владеть деревнями и крепостными людьми, право на все, что находится в недрах земли, и проч.

Из всех сих прав одно, личная свобода от подати и производство в чины по службе, может признано быть древним; все прочие присвоены от 1762 до 1785 г., и большая часть Дворянскою Грамотою.

II. О ПРАВАХ ДВОРЯН В СОСТАВЕ ОБЩЕСТВ

Дворянство каждой губернии образует сословие. Сему сословию принадлежат следующие права:

1) Составлять обыкновенные и чрезвычайные собрания.

2) В сих собраниях избирать своих предводителей, депутатов, всех уездных и частию губернских чиновников.

3) Делать совещания о своих нуждах и пользах и представлять о них Министерству, а в важных случаях и государю императору.

4) Рассматривать дворянскую родословную книгу.

5) Рассматривать отчеты о капиталах продовольствия.

6) Составлять складки, иметь свою казну и свой дом.

7) Собрание дворянства не может быть потребовано лично к суду, но защищается своим поверенным.

8) Ни в каком случае не подлежит страже.

9) Губернские предводители в преступлении должностей судятся в Сенате и не иначе, как по Высочайшему повелению.

Все сии права предоставлены дворянству Грамотою 1785 г.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О ДУХОВЕНСТВЕ

Духовенство в России всегда составляло особенное состояние, т. е. род людей, кои по самому своему происхождению не принадлежат ни к какому другому состоянию, кроме духовного. Начало его есть начало самого христианства в России.

Известно, что оно разделяется на два сословия: на монашеское и приходское. Права как того, так и другого в отношении их к государственным состояниям одинаковы. Они состоят в следующем:

1) *В порядке службы.* Духовенство несет службу единственно духовную по своему состоянию, но лица сего сословия, кои окажутся вне духовной службы, обращаются в податное состояние.

2) *В порядке дел уголовных.* В преступлениях должности духовенство судится в своем ведомстве, в гражданских же преступлениях — в общих судебных местах, но те из них, кои имеют священство, изъеются от телесных наказаний.

3) *В порядке податей и повинностей* лица, к духовенству принадлежащие, пользуются изъятием, доколе состоят в сем состоянии.

4) *Права по имуществу.* Духовенство пользуется по приобретению и владению недвижимых имуществ правами, равными с обывателями городов и государственными крестьянами.

В сем состоят личные права духовенства; прав в составе обществ оно никаких не имеет, кроме того, что управляется своим особенным духовным начальством, или иерархией.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О СОСТОЯНИИ ГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

Известно, что устройство гражданств предшествовало сложению государств. В древности каждый город с его округою был государством, и состояние гражданина было состоянием члена государства. Впоследствии, когда города размножились и составились из них государства, права государственные отделились от прав городских. Столичные города, естественно, имели более прав, нежели другие.

В римской республике города, кроме Рима, в отношении к пространству их прав и образу управления разделялись на три класса: 1) города своеуправные (*municipia*); они имели собственное свое управление, составляемое из граждан по выбору, а некоторые из них имели даже собственные свои законы; 2) города поселенные (*coloniae*); они состояли из переселенцев Рима и пользовались правами римских граждан, более или менее ограниченными; 3) города, управляемые градоначальниками (*prefecturae*); они управлялись во всем чиновниками из Рима, им назначаемыми.

По завоевании Римской Империи города вошли в состав уделов и были или родовым имуществом, отчиною государей и тех военачальников, коим они первоначально достались, или феодальным их поместьем. В сем положении они никаких прав отдельно от земли не имели. Но мало-помалу возбудилась в них промышленность, появилась торговля, а с тем вместе родилось и желание свободы. Два пути им к свободе подлежали: от права отчинного они откупались, а от поместного испрашивали у королей освободительных грамот, принимая на себя все обязанности непосредственной службы. Так, постепенно, сперва в Италии, потом во Франции и Германии образовались *городские общины* (*les communes urbaines*), т. е. города с правом собственного управления, или муниципальным. Не все города могли войти в сие положение; многие остались, а некоторые и теперь еще остаются в помещичьей зависимости, более или менее крепкой.

В России первоначально все города имели свое собственное управление. Впоследствии они вошли в состав княжеских уделов, но князья оставляли им значительную часть внутреннего управления, пользование окружными землями и угодьями и некоторыми доходами. Впрочем, чем именно права их отличались от сельских обывателей, с точностию определить нельзя.

Состояние городских обывателей становится яснее и определеннее с 1721 г. с учреждением главного магистрата, коему поручено было ведать дела всех местных магистратов и ратуш.

Мысль Петра Великого была устроить городское состояние в России по подобию иностранных. Для сего он предположил разделить всех граждан на большую и малую гильдии; к первой причислить все городские именитости не только торговые, но и художественные; ко второй отнести всю торговлю дробную и промышленность низшую. Но мысль сия осталась

одним предположением, и не прежде как в 1832 г., чрез сто с лишком лет, учреждением почетного гражданства приведена она в действие, хотя с некоторым при том изменением.

Между тем произошли в сем состоянии две важные перемены: одна в образе его управления, другая в определении прав его.

Перемена в образе управления произошла с введением в действие Общего Губернского Учреждения. В нем между прочим установлен в каждой губернии свой губернский магистрат, а за сим главный магистрат стал уже излишним и в 1783 г. окончательно упразднен.

Права городского состояния после долголетнего их смешения и безгласности определены наконец грамотою, в 1785 г. городам данною. Высочайшие статьи сей грамоты, как и дворянской, состоят в образовании в каждом городе особого городского общества, коему в виде нравственного лица присвоены известные права.

Городское общество разделяется по грамоте на два сословия: на купцов и мещан. Переход из одного сословия в другое свободен и определяется только объявлением известного капитала и платежом с него процентов вместо подати. Объявление сие производится ежегодно. Первостатейный купец становится простым мещанином, если не объявит в свое время капитала.

К сим двум сословиям впоследствии (1832 г.) присоединено третье: сословие почетных граждан. Вход в сие сословие открывается не деньгами, но именитостию, в градском состоянии приобретенною; оно не дает права на торговлю, но зато и не теряется с оставлением сего промысла.

Права городского состояния, так же как и дворянские, разделяются на два отдельных рода: права личные и права в составе обществ.

(19 сентября 1836 в Царском Селе)

І. ПРАВА ГРАДСКИЕ ЛИЧНЫЕ

1) *Права в порядке службы.* Почетные граждане и купцы свободны от рекрутства, но обязаны служить по выбору своего общества. Мещане подлежат рекрутской повинности.

2) *Права в порядке податей.* Почетные граждане свободны от личных податей. Купцы вместо оных вносят гильдейские денежные сборы. Мещане подлежат личной подати.

3) *Права в порядке суда.* Все обыватели, к градскому обществу принадлежащие, по их имуществам ведаются в магистратах и ратушах. В делах уголовных почетные граждане и купцы 1 и 2 гильдий свободны от телесного наказания.

4) *Права по имуществу.* Все обыватели, к градскому обществу принадлежащие, могут приобретать недвижимые ненаселенные имущества не только в городе, но и повсеместно. Но мещанин не может иметь в городе дома свыше 25 000 руб. Купцы и мещане могут обязываться векселями. Одни купцы могут производить купеческий торг и иметь фабрики и заводы, но торг они производят не иначе, как по гильдиям; мещанам присвоен особый мещанский торг и мещанская промышленность.

II. ПРАВА В СОСТАВЕ ОБЩЕСТВ

1) Городские обыватели каждого города составляют отдельное общество.

2) Общество имеет свои собрания обыкновенные и чрезвычайные.

3) Предметы совещания в собраниях суть:

а) выборы;

б) представление о нуждах начальнику губернии, а в важных случаях — Министерству финансов;

с) проверка городской обывательской книги.

4) Общество городское на суд не является, но защищается своим стряпчим.

5) Город имеет право собственности на земли, леса, мельницы и угодья, законно ему принадлежащие.

6) Городу отводится выгон в его пользование.

7) Городу дозволяется на городской земле содержать и отдавать внаем перевозы, мельницы и другие заведения.

8) Городскому обществу дозволяется составить особую казну складками и оную употреблять по общему согласию.

9) Городу присволяется четвертьпроцентный сбор с купеческих капиталов.

10) Городу дозволяется завести банк и делать из оного ссуды.

11) Городское общество наследует в выморочном имении местных граждан.

12) Дела, до привилегии города, до спорных его владений и вообще до целого города касающиеся, производятся порядком, для спорных казенных дел установленным.

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

Состояние сельских обывателей делится или по их водворению, или по степени гражданского их состояния.

По водворению они делятся на следующие четыре главных рода:

- I. Крестьяне, водворенные на землях собственных.
- II. Водворенные на землях казенных.
- III. Водворенные на землях дворцовых и удельных.
- IV. Водворенные на землях владельческих.

Каждый из сих родов заключает в себе разные сословия, как-то:

К первому принадлежат все свободные земледельцы, некоторые однодворцы, крымские татары и крестьяне вольные, поселившиеся на купленных ими участках земли (в западных и остзейских губерниях).

Ко второму принадлежат колонисты, государственные крестьяне внутренних губерний, казенные крестьяне западных губерний, крестьяне, приписанные к казенным заводам и фабрикам.

К третьему принадлежат крестьяне государевы, крестьяне, приписанные к дворцам, и крестьяне удельные.

К четвертому принадлежат крестьяне так называемые обязанные, водворившиеся на землях владельческих по обязательствам, крестьяне остзейских губерний, в Бессарабии сараны, в других местах половники и, наконец, крестьяне крепостные и дворовые люди.

Все сии роды крестьян сходствуют между собою в том:

1) Что все они подлежат подушной подати, и потому вообще называются *податными*.

2) Что все, кроме водворенных на собственных землях, платят оброк или исправляют повинности за землю, одни — казне, другие — владельцу земли.

3) Все, исключая колонистов, ставят рекрут, с некоторыми по местам изъятиями.

4) Все могут иметь движимую собственность с разными ограничениями, и все в имуществе их и в обязательствах пользуются судебною расправою.

5) Все признаются пред законом способными к судебному свидетельству.

6) Все свободны от рабства или невольничества, и следо-

вательно, все имеют пред законом свое гражданское состояние в разных степенях.

По степени гражданского состояния крестьяне разделяются на три рода:

1) Крестьяне, свободные от укрепления как личного, так и по земле, или совершенно свободные.

2) Крестьяне, свободные от личного укрепления, но крепкие земле, или несовершенно свободные.

3) Крестьяне, крепкие как лицу, так и земле, или совершенно крепостные.

К первому роду принадлежат: все свободные земледельцы, однодворцы, владеющие собственными землями, крестьяне вольные и люди, отпущенные на волю, колонисты, крестьяне остзейские, половники, сараны, крестьяне обязанные и все вообще государственные крестьяне. Лица всех сих сословий не только свободны от личного укрепления, но имеют право перехода из одного общества в другое и из сельского состояния в городское, с ведома только местного начальства и по согласию их обществ.

Ко второму роду принадлежат крестьяне казенные западных губерний, крестьяне, приписанные к казенным заводам и фабрикам, крестьяне государевы, крестьяне, к дворцам приписанные, и крестьяне удельные. Все они свободны от личного укрепления, но крепки земле.

К третьему роду принадлежат крестьяне крепостные помещичьи и дворовые люди. Они крепки не только земле, но и лицу.

В сем последнем роде людей должно еще различать два вида: крестьяне крепостные во внутренних губерниях и крепостные в губерниях западных. Различие каждого состоит в том:

1) Что первые в значительном числе и, может быть, наполовину состоят на оброке; вторые редко на оброке, но большею частию на работе.

2) Что первых оброк определяется по выгодам или силам и промыслам, а работа — по трехдневному размеру; вторые сверх работы несут обыкновенно множество мелких податей и повинностей и даже отдаются владельцами их в аренды или нарядуются по подрядам их помещиков в сторонние работы.

В сем состоят вообще права и обязанности состояния сельских обывателей.

Выше было означено начало и происхождение у нас состояния дворянского, духовного и городского. Прилагаемое при

сем историческое обозрение покажет, как образовалось у нас состояние сельских обывателей. Особенная цель сего обозрения есть означить истинный ход происшествий, коими установлен настоящий порядок отношений между владельцами земель и крестьянами, на них поселенными, и тем рассеять ложное мнение, будто бы сей порядок установлен не на законе, но на одном попущении и злоупотреблении.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ПОВИННОСТЯХ

Повинности составляют часть сил, предназначенных для правления государства. Известно, что силы сии суть двояки: личные и вещественные; первые называются собственно повинностями, вторые — доходами.

Повинности разделяются на государственные и земские. Государственная повинность в России есть одна: воинская служба, или рекрутство. Земские повинности разнообразны.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ

Разные роды составления воинских сил: 1) милиция, 2) вербование, 3) конскрипция, 4) рекрутство.

Порядок составления воинских сил до Петра I милиция и вербование.

Начало рекрутства 1705 г. с дворов, 1721 г. с душ.

Законы о рекрутской повинности заключают в себе: 1) существо ее и означение лиц, сей повинности подлежащих, 2) раскладку, 3) порядок приема рекрут, 4) замены и зачеты, 5) поступление рекрут в распоряжение военного начальства, 6) взыскания за нарушение законов о рекрутской повинности.

И. О СУЩЕСТВЕ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ

Рекрутские наборы учреждаются или для обыкновенного пополнения людьми армии и флота, или для усиления их в обстоятельствах чрезвычайных. Они назначаются всегда манифестом.

Рекрутской повинности подлежат все податные сословия, а именно мещане и крестьяне разных наименований.

Изъятия (ст. 8, 10) — платеж деньгами с неполных участков и с мелкопоместных.

II. РАСКЛАДКА

1) Образование участков

Участки образуются двояким образом: в селениях казенных, удельных и вольных хлебопашцев каждая тысяча душ составляет участок; в селениях помещичьих каждая вотчина отдельно или две, три и более вотчины, принадлежащие одному помещику в губернии, составляют особый участок. В городах каждое мещанское общество также составляет особый участок.

2) Назначение рекрут с каждого участка

Число рекрут с каждого участка, т. е. с каждой тысячи душ, назначается в манифесте. Вследствие сего назначения Инспекторский департамент исчисляет, сколько должно быть собрано рекрут *со всего государства* и с каждой губернии, а Казенные Палаты исчисляют, сколько должно поступить с *каждого города и уезда* по участкам.

Общим правилом постановлено, что каждый участок ставит рекрут по числу его душ отдельно, а число душ определяется ревизиею и перечислением.

Расчисление рекрут по участкам казенным и удельным весьма просто, ибо все они состоят из равного числа по 1000 душ.

Но от перечисления может произойти в участке прибыль и убыль, и сверх того при самом первом образовании участков могут быть по губернии остатки душ, не составляющие числа 1000. Как их рассчитывать и равнять с другими?

Участки в казенных селениях полагаются полные и неполные. С полного участка берется полное число рекрут по манифесту, с неполного берется число рекрут по расчету, а за дробь, если дробь составляет менее $\frac{1}{4}$ рекрута, берется деньгами, полагая каждого рекрута в 1000 руб.; если дробь $\frac{1}{4}$ или более, то берется полный рекрут, и излишек, например $\frac{3}{4}$, зачитывается вперед.

Раскладка рекрут в помещичьих селениях представляет более сложности, ибо тут каждая вотчина составляет особый

участок. Положим, что у одного помещика 250 душ, у другого 300 душ; набор в манифесте назначен по 5 с 100 душ. Спрашивается, сколько должен поставить 1-й и сколько 2-й? Для сего тот и другой участок должно помножить на 5 и разделить на 1000 — произведение будет ответом на вопрос, т. е. первый поставит 1 и $\frac{1}{4}$ рекрута, а другой $1\frac{1}{2}$.

Тот же самый расчет прилагается и к обществам мещанским.

Но, спрашивается, как поставить $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ рекрута?

По прежнему порядку сии дробные части слагались у одного помещика с таковыми же частями другого. Жребий решал, кому из двух или трех ставить рекрута; тому, кто поставил рекрута по жеребью, соучастники его платили за свои части так называемые *складочные деньги*.

Неудобства, с сим расчетом сопряженные, заставили принять другой порядок, а именно: дробная часть рекрута считается в долгу на селении и прилагается к наборам последующим, доколе не составит целого. Так, во втором примере $\frac{1}{4}$ рекрута, возрастая каждый год, в четыре года составляет одного полного рекрута, и таким образом селение, ставя каждый год одного рекрута, сверх того чрез четыре года поставит еще одного рекрута. Сей порядок расчета называется *долговым*.

3) Порядок очередей

В каждом участке мещан и крестьян казенных и удельных чрез три года составляется *очередный список*.

В очередной список вносятся все семейства по порядку, начиная с тех, кои наиболее имеют мужеского пола душ. Таким образом в список вносятся сперва десятерники, потом девятерники, осмерники и проч. до двойников включительно. Одиночки в очереди не вносятся, но из них слагается особая очередь.

Рекруты ставятся сперва с тех, кои стоят на первой очереди, т. е. с семейств наиболее многочисленных, потом с тех, кои стоят на второй очереди, и так далее. Но в один и тот же набор с одного семейства не взимается более одного рекрута. Десятерник, поставивший в один набор рекрута, считается отправившим свою повинность за половину своего семейства, и потому в следующем наборе он уже равняется с пятерниками (ст. 94).

Двойники отец с сыном не входят в очередь.

В селениях помещичьих состав очередей зависит от усмотрения помещика.

III. ПРИЕМ РЕКРУТ

Назначение мест приема. Образование рекрутских присутствий. Порядок представления рекрут в места приема. Порядок самого приема. Лета, рост, сложение. Сдача рекрут из присутствия военному приемщику. Квитанции. Местный надзор.

IV. ЗАМЕН РЕКРУТ

1) *Наем*. Запрещается наем людей, принадлежащих к другому городу или к другой волости. Помещичьи крестьяне могут нанимать за себя однодворцев и граждан западных губерний.

2) *Взнос деньгами*. Дозволяется: а) помещикам маломощным, у коих менее 20 душ; б) у коих не будет найдено ни одного годного рекрута.

3) *Зачеты*: а) за людей, отдаваемых прежде набора (ст. 322); б) зачеты в виде вознаграждения (ст. 336); с) зачет за призрение солдатских семейств (ст. 340).

4) *Перемена рекрут*: а) перемена родственников, б) перемена на зачетную квитанцию.

V. ПОСТУПЛЕНИЕ РЕКРУТ В КОМАНДЫ

1) Содержание рекрут на местах набора (ст. 395).

2) Сдача рекрут в полки и команды (ст. 417).

VI. ВЗЫСКАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ О РЕКРУТСТВЕ

1) Взыскания с рекрутских участков (ст. 435).

2) Меры наказания за уклонение от рекрутства (ст. 455).

3) Взыскания с членов присутствия (ст. 474).

4) Взыскания с разных лиц, участвующих в наборе (ст. 482).

5) Меры наказания рекрут (ст. 486).

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О ЗЕМСКИХ ПОВИННОСТЯХ

Роды повинности: повинности по гражданскому управлению; повинности по управлению военному.

І. ПОВИННОСТИ ГРАЖДАНСКИЕ (ст. 501)

1) *Денежные*. Содержание почт; содержание тюремных и этапных помещений; содержание волостных правлений, дум и магистратов в городах.

2) *Натурою*. Содержание дорог и переправ.

ІІ. ПОВИННОСТИ ВОЕННЫЕ (ст. 592)

1) Воинский постоя, 2) помещение воинских штабов и заведений, 3) снабжение войск разными по квартирному их потребностям, 4) отвод лагерных мест и снабжение войск лагерными потребностями, 5) отвод пастбищных мест, 6) поставка подвод и проводников.

ІІІ. ПОРЯДОК УСТАНОВЛЕНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЯ ЗЕМСКИХ ДЕНЕЖНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

1) Смета.

2) Раскладка.

3) Утверждение.

4) Дополнения и зачеты.

5) Запасный или вспомогательный капитал.

ІV. ПОРЯДОК ИСПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ПОВИННОСТЕЙ (ст. 554)

Торги на почтовую повинность. Отдача на комиссии.

V. ОТЧЕТНОСТЬ (ст. 578)

VI. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПОВИННОСТИ (ст. 548, 549)

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ЭКОНОМИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУКИ ФИНАНСОВ

Для правления государства необходимы силы.

Силы правительственные образуются из сил государственных.

Силы правительственные суть:

I. Повинности личные:

1) повинности добровольные, служба произвольная, дворянская;

2) повинности обязательные, служба военная и повинности земские.

II. Доходы вещественные:

1) подати,

2) пошлины,

3) доходы экономические.

Силы государственные суть:

I. Силы умственные:

1) науки.

II. Силы нравственные:

1) религия,

2) чувство законности,

3) вкус к изящному.

} гражданственность.

Любовь к государю и отечеству суть признаки и выражения сил нравственных.

III. Силы физические личные:

1) народонаселение,

2) крепость сложения, здоровье, способы продовольствия.

IV. Силы физические вещественные:

свойство страны населяемой — земля, воды, климат.

V. Силы труда:

1) в земледелии,

2) в заводах и фабриках,

3) в торговле.

Чем тверже и обширнее состав сил государственных, тем удобнее и прочнее образуется из него состав сил правительственных.

Отсюда два важных вопроса в законодательстве: 1) как привести и содержать силы государственные в непрестанном приращении или преуспейании; 2) как без ущерба им отделять и составлять из них силы правительственные? Первый вопрос относится к законам о благоустройстве государства вообще,

второй — к законам о благоустройстве правительственных сил.

К законам государственного благоустройства (*économie politique*) принадлежат все постановления: 1) о народном просвещении и нравственности; 2) об охране народного здоровья, об умножении и распределении населения; 3) о народной промышленности, т. е. о наилучшем направлении сил народного труда.

Ко второму роду законов принадлежат вообще законы о составлении правительственных сил, т. е. законы о повинностях и законы о финансах.

Теория обоих сил законодательств в древности составляла одну науку под именем экономии политической. Впоследствии она раздробилась на разные части. Важнейшие из них суть: наука о направлении сил народного труда, или политическая экономия в настоящем смысле, и наука финансов. Связь их очевидна: труд есть источник доходов.

А. ОБОЗРЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ЭКОНОМИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

Предмет экономии политической есть разрешение следующих главных вопросов:

1) Какие произведения труда могут быть государству наиболее нужны и полезны?

2) Какие суть действительнейшие средства к умножению сих произведений?

Первый вопрос о существе государственного богатства, второй — о средствах к его умножению и сохранению.

І. О СУЩЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БОГАТСТВА

1) Богатство в торговом балансе и в драгоценных металлах — *система торговая*.

2) Богатство в земледелии — *система экономистов*.

3) Богатство в свободном и совокупном движении всех трех ветвей промышленности — *система Смита*.

Дабы определить достоинство каждой из сих трех систем, нужно составить верное понятие о богатстве вообще, потом различить богатство частное от государственного и тем самым определить главные свойства сего последнего.

1) О богатстве вообще

Богатство есть обилие вещей, имеющих ценность.
Понятие достоинства и ценности; закон ценности.

2) Различие богатства частного от богатства государственного

Богатство частного лица может быть оценено деньгами; богатство государственное не имеет сей оценки. Оно определяется совокупностью сил государства.

Богатство частное может состоять в одной ветви, государственное — во всех.

Богатство частное не имеет непосредственной связи с силами государства; богатство государственное существовать не может там, где прочие силы государственные в упадке или небрежении.

Богатство частное исключительно, государственное — требует даровитости и свободы труда. Истинная и ложная либеральности.

II. СРЕДСТВА К ПРИУМНОЖЕНИЮ БОГАТСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО

- 1) Разделение труда.
- 2) Свободное обращение его произведений.

1) Разделение труда

— труда естественных сил. Постепенность сего разделения по мере образованности в обществе. Начало ремесел.

— труда искусственных сил. Машины. Начало фабрик.

До какой степени искусственные силы могут быть в противодействии сил естественных, или вопрос о пользе машин.

2) Свободное обращение произведений труда

А) Мена наличная — ее недостатки — изыскание и открытие общего представителя всех произведений. Свойство сего представителя: 1) внутреннее достоинство, 2) внешнее достоинство — всеобщая потребность. Произведения, имеющие

сии два свойства и служащие в мене общим представителем всех произведений, суть *деньги*.

Разнообразие денег: в Абиссинии соль; в Сибири у инородцев табак, у степных киргизов и калмык кирпичный чай; в торговле с китайцами на Кяхте белка, в Кантоне опиум. В Шотландии некогда гвозди; в Лакедемоне куски железа; в Риме куски меди. Потом серебро и золото в слитках; преимущество серебра и золота в значении денег: невредимость, драгоценность, легкость в перемещении, делимость на мелкие и равные части, редкость и постоянство внутреннего достоинства.

а) Монета золотая и серебряная

Недостатки серебра и золота в слитках: разность в весе, разность в чистоте металла.

Начало монеты; отличие ее от слитков есть чекан; разные роды монеты; *billon*, или монета разменная.

б) Монета бумажная

По двоякому свойству денег монета может быть двояка: полная или вещественная звонкая, имеющая как внутреннее, так и внешнее достоинство, и неполная или заменная, имеющая одно внешнее достоинство без внутреннего, монета бумажная.

Существенное различие между металлическою и бумажною монетою состоит в том, что первая, имея свое внутреннее достоинство, представляя собою действительное произведение труда, служит по драгоценности своей ценою вещей, а бумажная, не имея сего достоинства, не только не может служить ценою других произведений, но и сама оценивается металлическою монетою. Все ее достоинство состоит в потребности, т. е. оно состоит в том единственно, что монета сия принимается в платеже податей вместо монеты металлической. Если бы все потребности человеческие состояли только в платеже податей, то можно было бы обойтись и без монеты металлической, но как государство, так и частные лица имеют другие потребности, и следовательно, им нужны другие средства мены, нужны деньги с внутренним, а не с одним внешним достоинством: сии деньги суть монета металлическая. Следовательно, сила бумажной монеты есть сила не совершенная, но условная, определяемая всегда монетою металлическою.

Между тем монета бумажная в государстве обширном необходима по удобности в перемещении. Как согласить сию необходимость с бесценностью сей монеты?

История ассигнаций.

Униженная металлическая монета есть род ассигнаций; вредные последствия унижения.

В) *Мена долговая или кредитная.*

Начало кредита; сила кредита состоит в законе взыскания.

Общее разделение кредита:

1) Кредит срочный с залогом.

2) Кредит срочный без залога.

3) Кредит бессрочный или фонды.

1) *Кредит срочный с залогом* частный и государственный; залог недвижимых имуществ, залог товаров. Частные закладные крепости; государственные закладные крепости. Ссудные денежные банки, ломбарды. Образование их двояко: 1) на акциях, 2) на вкладах под сохранение. Сроки; порядок взыскания.

2) *Кредит срочный без залога.*

а) *Кредит государственный*: кредитные бумаги, билеты казначейства (серии) *exchequer bills*, *bons du trésor (dette flottante)*, различие между сими бумагами и бумажною монетою или ассигнациями. Монета ходячая есть та, которая принимается в подати.

б) *Кредит частный отдельный*: векселя и заемные письма; сущность векселей; составление их; вексели простые *billet à ordre* и переводные — срочные и по предъявлению; передача векселя полная и неполная. Формула передачи: вместо меня такому-то. Бланковые надписи. Предъявления, принятие или отказ и протест. Взыскание по протесту. Отсрочка. Прекращение силы векселя: по предъявлении 12-ти месяцев, срочного два года. Вексельный курс.

с) *Кредит частный совокупный*: банки кредитные. Соединение двух операций в один состав; различие банков денежных от банков кредитных; различие акций и банковых билетов (*Banksnotes*). История банков вообще. История банка английского. История банков американских. Благосостояние и упадок банка; превращение банковых билетов в ассигнации. Польза и вред банков.

3) *Кредит бессрочный или фонды (effets publics)*. Образование государственных займов внутренних и внешних. Внутренние образуются превращением долгов срочных в бессрочные; *Fonds consolidés*, *dette fondée*, противоположность (*dette flottante*). Внешние образуются посредством иностранных банки-

ров; облигации и купоны; проценты в капитале, проценты в доходах (*rentes*); большая долговая государственная книга; капитал погашения; курс облигаций (*jeu de la bourse, jeu de la différence*). Причины повышения и упадка: *причины политические*: 1) новые займы; 2) опасение остановки в платеже процентов или в количестве погашения; *причины коммерческие*: затруднения в кредите коммерческом заставляют сбывать фонды, чтоб иметь деньги, и следовательно, понижают цену фондов.

Б. О ФИНАНСАХ

А. СОСТАВ ФИНАНСОВ

I. Подати. II. Пошлины. III. Доходы.

I. ПОДАТИ (*impôts directs*)

Роды податей: подушная, оброчная, поземельная. Податные состояния: крестьяне и дворовые люди. Особый род подати: повинности. История податей и повинностей.

II. ПОШЛИНЫ (*impôts indirects*)

Роды пошлин:

1) *Пошлины с недвижимых имуществ*: а) с межевых планов и книг, б) крепостные и канцелярские при переходе имуществ, с) застрахование имуществ.

2) *Пошлины с движимых имуществ*: а) при выезде иностранцев за границу или при переводе наследств, б) с маклерских и нотариальных книг, с) гербовые с векселей, заемных писем и договоров, d) почтовые, e) горные, f) соляные.

3) *Пошлины с промышленности и торговли*: а) за право торговли, б) с купеческих наследственных капиталов, с) таможенные, d) с привилегий на новые изобретения, e) с подорожных, f) с судоходства, g) с шоссе, h) питейные в виде акциза и в виде откупа, i) с рабочих паспортов.

4) *Пошлины судебные*: гербовые с прошений и делопроизводства.

5) *Пошлины с патентов* на достоинство, чины и ордена, вычеты из жалованья и проч. и проч.

б) *Пошлины штрафные или исправительные* за держание беглых, за непоставку в срок рекрут и проч.

История пошлин в России.

Оклады пошлин или тарифы.

III. ДОХОДЫ (revenus)

Роды доходов:

1) *С недвижимых казенных имуществ.* Определение казенных имуществ.

а) С ненаселенных: оброчные статьи.

б) С населенных: оброк, поземельный сбор, доходы арендные.

с) Доходы лесные.

2) *С произведений.*

д) С казенных горных заводов.

е) С казенных соляных озер, варниц и копей.

ф) С казенных суконных фабрик.

h) С казенных заводов винокуренных.

3) *С денежных оборотов.*

Доходы банковые.

История доходов.

Оклады и смета доходов.

В. ДЕЙСТВИЯ, ИЗ КОИХ СЛАГАЕТСЯ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВ

I. Сборы. II. Счет и хранение. III. Распределение.
IV. Отчет.

I. СБОР (perception)

1) *Сбор податей и повинностей* по закону должен быть вносим непосредственно в казначейства, но большею частию он производится посредством понуждения полиции.

2) *Сбор пошлин.* Он состоит или в полном и непосредственном управлении финансов, или в других посторонних управлениях.

а) В непосредственном управлении состоят пошлины: за гербовую бумагу (большею частию), пошлины горные и соляные, пошлины за право торговли, пошлины таможенные, пошлины с покормежных паспортов, пошлины питейные.

б) Все другие роды сбора пошлин производятся в тех управлениях, в коих ведаются их предметы.

3) *Сбор доходов*. Весь сбор доходов ведается непосредственно в управлении финансов. По сему в финансовом управлении состоят: все оброчные статьи, оброк с казенных крестьян, и по сему оброку в том же управлении состоят и самые крестьяне во всех их отношениях. Доходы арендные и по сим доходам и крестьяне арендные. Доходы с горных заводов и по ним самые заводы. Доходы с солей и самые их источники; доходы с заводов винокуренных и по ним самые заводы; доходы с фабрик и по ним фабрики. Доходы банковые и по ним банки.

II. СЧЕТ И ХРАНЕНИЕ (trésor)

Здесь начинается собственно финансовое управление. Сюда принадлежит все движение сумм в местных казначействах и из них в главное. Расчет их по смете и окладам и проч.

III. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ (budget)

1) Ежегодная общая смета доходов и расходов. Соображение о повышении или понижении податей и пошлин. Соображение об уменьшении расходов.

2) Подробное расчисление и росписание доходов и расходов по местам и управлениям.

3) Непрерывное наблюдение за исполнением сделанных назначений.

4) Кратковременные займы на случай несходства сроков вступления сборов со сроками необходимых расходов (bons du trésor).

5) Долголетние внутренние займы на случай недостатка доходов.

6) Внешние займы на случай важных государственных нужд.

IV. ОТЧЕТ (comptes rendus)

Отчет Министерства финансов отличается от прочих тем, что он содержит в себе не только факты, но и обороты всех сумм, к нему поступивших.

С. УСТРОЙСТВО ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Припомним здесь, что есть два рода богатств: богатство всеобщее, частное и общественное, и богатство правительственное, принадлежащее исключительно казне, и что, следовательно, есть две экономии: государственная (*Économie politique*) и правительственная (*Économie publique*).

Припомним, что к первой принадлежат: а) все способы поощрения и усовершеншения всеобщего труда, как-то: образцовые фермы, институты лесоводства, садоводства и проч.; б) все способы к удобнейшему обращению произведений труда, как-то: установление единообразных мер и весов, установление монетное и кредитной системы, способы удобного сообщения, покровительство фабрик и торговли.

Припомним, что ко второй экономии, т. е. правительственной, принадлежат два главных разряда установлений: один собственно хозяйственный, другой собственно финансовый. К первому разряду принадлежит ведомство земель, вод и лесов казенных, ведомство всех ископаемых, обретающихся в недрах земель казенных. Ко второму разряду принадлежат: подати, пошлины и доходы в сборе их, в хранении, в распределении и отчете.

Финансовое устройство может иметь четыре вида:

I. *Первый вид финансового устройства.* В самом простом смысле финансы могут означать не только правительственное богатство, но и самые источники, из коих оно происходит, т. е. богатство государственное. В сем смысле устройство финансового управления обнимало бы собою все предметы обеих экономий, как государственной, так и правительственной. Устройство сие по многосложности его в обширных государствах невозможно. По сему управление разных частей экономии государственной всегда более или менее отделяется от управления экономии правительственной и отсюда происходит:

II. *Второй вид устройства финансового,* когда некоторые части государственной экономии отделяются от экономии правительственной. Так, например, у нас отделено управление почт и путей сообщения, но управление фабрик и торговли присвоено Министерству финансов.

III. *Третий вид финансового устройства.* В сем виде все части государственной экономии отделяются от устройства финансового, и учреждаются для них, судя по их пространст-

ву, особые управления. Так, учреждаются особые управления фабрик и торговли, управления монетное и кредитные, управления почт и путей сообщения.

IV. *Четвертый вид финансового устройства* состоит в том, когда от него отделяются не только все предметы экономии государственной, но и самые предметы экономии правительственной, быв разделены на два разряда, в каждом разряде учреждается особое управление. Из них первое, под именем хозяйственного, управляет всеми казенными имуществами; другое же, собственно финансовое, ведает подати, пошлины и доходы в отношении к их хранению, распределению и отчету, в каком бы, впрочем, отдельном ведомстве сборы их ни состояли. Сей последний вид финансового устройства весьма близок к тому, какой существовал у нас до 1802 г., до учреждения Министерств; даже и при сем учреждении оно оставалось почти в тех же пределах; потом уже, мало-помалу расширяясь, оно из сего четвертого вида перешло во второй, в коем находится ныне.

О КОНТРОЛЕ

Два есть контроля: один частный, каждому управлению свойственный; другой общий государственный, все управления объемлющий. *В первом* вопрос состоит только в том: произведены ли все приходы и расходы известного места согласно росписаниям и назначениям их начальства? *Во втором*: согласны ли самые росписания и назначения начальства законам? Какая бы система проверки ни была принята в сем последнем контроле, но очевидно, что в экономии правительственной он составляет одну из существенных ее частей.

ЗАКОНЫ МОНЕТНОГО И КРЕДИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

I. Силы государства суть: нравственные, умственные, физические личные, вещественные и силы труда.

II. Все силы государства, совокупно взятые, составляют могущество государства. Богатство государства есть часть его могущества.

III. Богатство государства образуется и возрастает трудом.

IV. Труд возрастает и расширяется посредством свободного обращения его произведений.

V. Произведения труда обращаются посредством мены.

VI. Мена есть двоякая: наличная и долговая (кредитная).

А. МЕНА НАЛИЧНАЯ

VII. Мена наличная совершается редко натурою, а большею частию посредством монеты.

VIII. Монета есть двоякая: металлическая и бумажная. Первая имеет два достоинства: внутреннее и внешнее, внутреннее как товар, а внешнее как условленный правительством замен всех податей; вторая имеет одно достоинство внешнее. Та и другая называется *ходячею* потому, что принимается в платеж казенных податей. Монета бумажная у нас называется ассигнациями.

IX. В движении ассигнаций есть три эпохи: равенство, унижение, повышение. Все три эпохи зависят от количества ассигнаций в обращении.

X. Состояние равенства начинается от первого введения ассигнаций и продолжается с некоторым, впрочем незначительным, колебанием, доколе количество их не превысит соразмерности. Сей соразмерности расчетом умственным с точностию определить нельзя. Ее может указать только опыт.

XI. Состояние унижения начинается, как скоро нарушено равенство, и продолжается дотоле, доколе не приостановится дальнейший выпуск.

XII. С пресечением навсегда выпуска падение ассигнаций прекращается, и вместе с тем начинается эпоха их повышения.

XIII. Ассигнации полезны в эпоху равенства потому, что способствуют свободному обращению труда. Но они вредны в эпоху падения потому, что внезапно возвышают цены на все потребности; тут заимодавец теряет без вины, а должник приобретает без права. Они вредны и в эпоху повышения; тут теряет должник, а приобретает заимодавец. В обоих эпохах цены на вещи приходят в замешательство и неизвестность.

XIV. Легко вводить ассигнации, но тяжело выводить их. Задача сия есть труднейшая из всех задач управления.

XV. Вредные последствия ассигнаций прежде всех и более всех поражают правительство. Они осушают самые источники его доходов; мгновенное их пособие обращается впоследствии в тягостный долг. Счастлив, кто умел остановиться вовремя.

В. МЕНА КРЕДИТНАЯ

XVI. Сила кредита состоит в способах взыскания.

1) Кредит срочный с залогом

а) Ссуда денежная

XVII. В частных делах ссуды производятся или под залог недвижимых имуществ, или под заклад движимых. То и другое из капиталов наличных, отдельных.

XVIII. В делах государственных ссуды производятся также или под залог недвижимых, или под заклад движимых имуществ, то и другое из наличных капиталов складочных. На сем основаны все наши кредитные установления. При простом, добром расчете кредит их непоколебим и польза очевидна.

б) Ссуда билетами (bancsnotes)

XIX. Ссуда вместо денег билетами производится под залог одних движимых имуществ, т. е. или металла, или товаров, или векселей. На сем основаны все кредитные банки в Англии, в Соединенных Штатах Америки и в других государствах. Капитал их есть всегда складочный; количество билетов никогда не бывает равно наличному капиталу, но должно быть ему соразмерно. От сей соразмерности зависит твердость их и польза государства. Без соразмерности билеты их превращаются в ассигнации — пример Америки и даже Англии (от 1797 до 1821 г.). Соразмерность доказывается наличным денежным платежом.

2) Кредит срочный без залога

XX. В частных делах вексели, в государственных — билеты казначейства.

XXI. Билеты казначейства (exchequer bills, bons du trésor) обеспечиваются: 1) приемом их в платеже податей, 2) срочною наличною уплатою. Сим последним условием они различаются от ассигнаций и не угрожают столь же вредными последствиями. Они составляют текущий долг правительства (dette flottante).

3) *Кредит беспсрочный (effets publics, fonds consolidés)*

XXII. Займы без срочного платежа капитала, но с ежегодным платежом процентов и с выкупом известной части капитала образуют долги беспсрочные. Облигации, представляющие сии долги, именуются вообще *кредитными публичными бумагами*, или *фондами*; капитал, для выкупа их предназначенный, называется *капиталом погашения*, а проценты их — *доходами* (rentes).

XXIII. Капитал погашения тогда только бывает истинною уплатою, когда он составляется из наличного остатка доходов государственных, а не из долгов, вновь сделанных.

XXIV. Истинный капитал погашения действует силою сложных процентов, силою непрестанно и быстро возрастающею, но сей силе есть предел, когда цена кредитных бумаг от уменьшения их количества столько возвысится, что они поравняются и даже превзойдут наличные деньги. Тогда прибегают к уменьшению процентов новым займом (conversion).

XXV. *Фонды упадают от причин политических*: 1) когда есть опасность, что капитал погашения обратится на другие нужды и перестанет действовать, 2) когда есть опасность замедления в платеже процентов, 3) когда есть опасность нового займа. *От причин коммерческих*, когда от убытков или падения торговых домов фонды внезапно вливаются на биржу для обращения в деньги.

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О СВОДЕ ЗАКОНОВ

Structura nova veterum legum.

Baco, Aphor. 62*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ с 1700 по 1826 г.

І. НАЧАЛО СВОДА

Начало Свода законов положено в 1700 г. Петром Великим.

Указом 18 февраля 1700 г. повелено было: *снести* Соборное Уложение 1649 г.³⁶ с постановлениями, после него состоявшимися, т. е. с новоуказными статьями, с именными указами и с боярскими приговорами, по частным делам вершенным.

Краткое понятие о составе законодательства сего времени объяснит силу сего повеления и причины его.**

Уложением 1649 г. приведены в единство все прежние разнообразные уставы и постановления. В нем соединено все то, что из них признано было нужным сохранить в своей силе с надлежащим исправлением и дополнением. Оно есть более свод законов прежних, нежели закон новый; а как настоятельность нужд требовала в составлении его великой поспешности*** и как в 25-ти главах его невозможно было каждую часть

* [Структура новая — законы старые. Бэкон, Афор. 6 (*лат.*)].

** Подробное сведение о порядке составления Уложения и последующих за ним постановлений принадлежит к общей истории нашего законодательства. Сочинение ее из подлинных актов возложено на II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

*** Уложение начато 16 июля 1649 г. и окончено того же года (год начинался тогда с сентября) на 3 число октября; следовательно, совершено в два месяца и 17 дней.

законодательства изложить во всем ее пространстве, то и принято было тогда же правилом дополнять его по мере возникающих случаев (Улож. Гл. X, ст. 2). Таким образом, в Уложении общие начала законодательства были установлены, главные черты каждой части его означены, но окончательное их совершение предоставлено постепенному действию времени и опыта. Отсюда произошли разные постановления, под именем новоуказных статей, именных указов и боярских приговоров известные. По первоначальному их назначению они должны бы быть только дополнением и усовершенствованием Уложения, но на деле оказалось, что многие из них ни с Уложением, ни между собою не были согласны. Между тем число их с умножением дел возрастало, и в течение полувека составилось из них обширное законодательство. Действуя совместно с Уложением, оно в некоторых случаях служило ему пояснением и дополнением, но более и чаще затрудняло и тяготило его своим разнообразием и противоречием. В сем состоянии законов мысль Петра Великого открывается во всей ее силе и очевидности. Свод был единственным средством, дабы положить конец сим затруднениям. Но то, что в намерении его было делом кратким, единовременным, обратилось впоследствии в многолетнее, вековое установление. Здесь начинается ряд Комиссий, кои, быв одна после другой учреждаемы, чрез 126 лет, до 1826 г., почти непрерывно продолжались.

II. УЧРЕЖДЕНИЕ КОМИССИЙ

Комиссии учреждались одна после другой в следующем порядке.

ПЕРВАЯ КОМИССИЯ 1700 г.

Она именовалась *Палатою об Уложении*. В ней присутствовали бояре, думные дворяне,³⁷ стольники³⁸ и дьяки,³⁹ особенно к делу сему назначенные. Предметом ее было привести в один состав и устроить Свод действовавших тогда узаконений. Время продолжения ее с достоверностию неизвестно; произведения же по 1703 г. состояли в неоконченном своде на три главы Уложения.

ВТОРАЯ КОМИССИЯ 1714 г.

Не видя успеха в составлении Свода, Петр Великий признал удобным отрешить одним общим повелением все новоуказные статьи, несогласные с Уложением. Но отсюда родился вопрос: что должно в сих статьях считать согласным и что противным Уложению? Для разрешения сего вопроса поручено Сенату разобрать новоуказные статьи и те из них, кои могли служить дополнением к Уложению, соединить с самым Уложением. С 1714 по 1718 г. по препоручению Сената в Канцелярии земских дел и в Поместном Приказе ⁴⁰ составлено 10 глав сего так называемого *Сводного Уложения*, но они не окончены и остались без рассмотрения и без последствий.

ТРЕТЬЯ КОМИССИЯ 1720 г.

Дело Сводного Уложения шло медленно и, по-видимому, не предвещало больших успехов. Отсюда в 1720 г. родилась мысль, оставив сей путь, взять другой: сочинить новое Уложение — и сочинить его сводом Российского Уложения со Шведским, а потом — с Датским. Легко можно представить препятствия, кои и на сем новом пути встретились от разности в языке, от недостатка сведущих людей, от коренного несходства двух разных систем законодательства и особенно от того, что собственное свое законоположение, разнообразное и противоречащее, не было еще сводом установлено, и, следовательно, не представляло никакой возможности определить с достоверностию, что должно в нем считать действующим и что отмененным. От сего новая Комиссия, многократно изменяясь в составе своем, после тщетных начинаний с кончиною императрицы Екатерины Первой ⁴¹ пресеклась, не оставив по себе никаких последствий.

ЧЕТВЕРТАЯ КОМИССИЯ 1728 г.

Здесь снова все обратилось к первоначальному предположению: к составлению Сводного Уложения; и хотя при том мысль о дополнении и усовершеннии его не была совсем устранена, но сего достигнуть надеялись собственною опытностию, не прибегая к иностранным источникам. В сем

намерении призваны были из всех губерний по пяти депутатов, *добрых и знающих людей*, по выбору от дворянства. Здесь начало того устройства, которое в 1767 г. в большем размере приведено было в действие.

Кончина Петра Второго прекратила бытие сей Комиссии, прежде нежели она могла приступить к делу.

ПЯТАЯ КОМИССИЯ 1730 г.

Она учреждена была, под названием *Комиссии Уложенной*, на том же основании, как и предыдущая, с тою разностию, во-первых, что число членов умножено, депутатов также сперва положено было вызвать, но впоследствии предположение сие отменено; во-вторых, что мысль о дополнении законов из иностранных источников, в предыдущей Комиссии устранившаяся, здесь снова является; в-третьих, что в Комиссиях Первой, Второй и Четвертой главное дело состояло в Сводном Уложении, исправление же и дополнение его предназначаемо было токмо как последствие; здесь, напротив, главным делом постановлено было сочинение нового Уложения, а Свод существующих законов должен был служить к тому только пособием.

Сочинение нового Уложения начато с двух глав, кои тогда признаваемы были важнейшими: 1) о суде, и 2) о вотчинах. Сочинение шло весьма медленно и почти безуспешно. Между тем крайние затруднения в судах и управлении, более от смешения и неизвестности законов, нежели от недостатка их происходившие, представили необходимым прежде всего, и не ожидая *нового*, привести в порядок и известность *старое*. Сим возобновилась мысль о Сводном Уложении, и положено обратиться к первоначальному основанию Первой Комиссии: к Своду. В сем намерении в 1735 г. последовало собственноручное императрицы Анны Иоанновны повеление: напечатать Сводное Уложение.

Но при исполнении сего повеления оказалось: что Сводного Уложения еще не было; что некоторые главы оно, в первых двух Комиссиях сочиненные, новыми указами уже изменились; что хотя впоследствии были составлены выписки из законов, но они не имели ни связи между собою, ни целости закона и не могли служить основанием к решению дел; что к составлению действительного Сводного Уложения не было другого способа, как поручить самим Приказам и

Коллегиям сперва собрать действующие в них законы и сделать по каждой части отдельные Своды, кои бы потом можно было сложить в одно целое. Ясно, что сим не разрешался вопрос, но раздроблялся только на части. Приказы и Коллегии все обременены были текущими делами. Канцелярии везде были слабы и чрезмерно заняты; таким образом, время протекало в тщетных переписках, подтверждениях и объяснениях и в пересмотре или, лучше сказать, в приготовлениях к пересмотру сочиненных в Комиссии двух глав нового Уложения: Вотчинной и Судной. В 1741 г. существование ее прекратилось, не оставив никаких почти следов десятилетнего ее продолжения.

ШЕСТАЯ КОМИССИЯ 1754 г.

По восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны первая ее мысль о законах, в 1741 г. изъясненная, состояла в том, чтобы, разобрав их, отделить недействующие и отмене подлежащие от тех, кои должны были остаться в действии. Очевидно, что мысль сия была последствием прежних понятий о Сводном Уложении, ибо после такового разбора и отделения оставалось бы только действующие законы расположить по их предметам, и тогда Свод был бы окончен. С лишком 13 лет (с 1741 по 1754 г.) занимались в Сенате сим делом, и часть указов была уже разобрана, но по медленности работы, а может быть, и по другим уважениям в 1754 г. изменились первоначальные предположения и принято другое направление.

В сем году в присутствии императрицы в Сенате определено: «сочинить законы ясные, всем понятные и настоящему времени приличные».

Вследствие сего в том же году учреждена *Комиссия сочинения Уложения*. Она состояла из двух установлений: из Комиссии Общей и из Комиссий Частных.

Предметом Общей Комиссии было составить Уложение: 1) по делам судным, 2) по делам уголовным, 3) по делам вотчинным, 4) о праве состояния людей в государстве.*

* Под именем дел судных, или Главы Судной, тогда, как и прежде, разумели: Устав судопроизводства гражданского и все законы об обязательствах, как по договорам, так и по обидам и ущербам. Под именем же дел вотчинных, или Главы

Комиссии Частные установлены были при Коллегиях. Дело их состояло в сочинении уставов по делам правительственным, так чтобы *на каждый предмет был один устав, разделенный на пункты.*

Рассмотрение проектов как Общей, так и Частных Комиссий предоставлено Сенату.

В Общей Комиссии окончены три части порученных ей работ: 1) о суде, 2) о делах уголовных 3) о праве состояний. Две первые части в 1755 г. внесены были в общее присутствие Сената и Синода, в оном рассмотрены и тогда же при докладе представлены к Высочайшему утверждению.* Но утверждения сего не последовало.** Сочинение Закона о состояниях продолжалось до 1760 г.

В Частных Комиссиях в течение сего времени ничего не было сделано, невзирая на все подтверждения.

В самой Общей Комиссии с 1756 г. деятельность первых двух лет, постепенно ослабевая, наконец совсем почти исчезла, и Комиссия существовала только одним именем.

СЕДЬМАЯ КОМИССИЯ 1760 г.

Императрица Елисавета Петровна в конце царствования снова обратила внимание на законы. Мысль об Уложении возобновилась. Отсюда новое образование бывшей Комиссии. Она поручена в управление двум сенаторам. Определены новые члены. К Общей Комиссии присоединены все отдельные. Положено: довершить Закон о состояниях и вместе с первыми двумя Уложениями, в прежней Комиссии составленными, но оставшимися без утверждения, подвергнуть новому

Вотчинной, разумели вообще законы о праве собственности на движимые и недвижимые имущества. Посему, в собственном смысле, дело Комиссии состояло в сочинении Уложений, Гражданского и Уголовного, и Закона о праве состояний.

* Статьи, относящиеся к делам духовным, подписаны членами Св. Синода. В докладе 1755 г., между прочим, было представляемо, чтобы ввести сие новое Уложение через пять месяцев со дня утверждения, *дабы присутствующие и канцелярские служители и прочие по новости не могли ошибаться и впасть в погрешности.*

** Вероятно потому, во-первых, что тогда уже была мысль подвергнуть сии проекты рассмотрению депутатов, как-то видно из дел последующей Комиссии; и во-вторых, потому, что в Уголовном Уложении была допущена смертная казнь, которая еще в 1753 и 1754 гг. императрицею хотя не совсем была отменена, но приостановлена.

пересмотру и исправлению, а дабы пересмотр сей был сколь можно совершеннее и достовернее, признано нужным усилить Комиссию депутатами, по прежнему примеру избранными от дворянства, духовенства и купечества.

В первых месяцах 1762 г. депутаты почти из всех мест явились. Заседания открылись, но скоро были прерваны путешествием в Москву по случаю коронации императрицы Екатерины II⁴² в начале 1763 г. Депутаты распущены восвояси, впредь до окончания Уложения.

Таким образом, и сия Комиссия не довершила своих начинаний, и хотя бытие ее продолжалось до 1767 г., но все ее действие с 1763 г. ограничивалось одною перепискою, подтверждениями и объяснениями. Отдельные Комиссии, и по присоединении их к общему ведомству, оставались также без всякого движения.

ВОСЬМАЯ КОМИССИЯ 1767 г.

Сия Комиссия по важности своей отличалась от всех предыдущих не только обширностию ее состава, но и тем еще наиболее, что в основание ее положен *Наказ императрицы Екатерины II о сочинении Уложения*.⁴³

Причины учреждения ее, в манифесте изображенные, были следующие: 1) недостаток законов на многие случаи и излишество их на другие; 2) смешение между законами непременными и временными постановлениями; 3) разум, в котором прежние законы составлены были, чрез долгое время и частыми переменами, а также и чрез пристрастные толки сделался темен и неизвестен; 4) несходство прежних времен и обычаев с настоящими.

Дело Комиссии состояло в сочинении нового Уложения, в самом обширном его смысле. Для сего все законы разделены были на 15 разрядов, объемлющих все части законодательства, исключая только военную и морскую.

Состав Комиссии был следующий: она разделялась на Общее Собрание, или Большую Комиссию, и Отдельные Комиссии. Депутаты от всех присутственных мест, от дворянства, от городов, от сельских обывателей и от иноверцев, всего 565 человек, составляли Общее Собрание. Отдельные Комиссии составлялись из среды тех же депутатов по выбору их, в каждую по пяти человек. Они присутствовали и в Общем Собрании.

Отдельных Комиссий было всего 19. Из них 15, по числу разрядов, на кои законы были разделены, занимались составлением проектов. Из остальных четырех Комиссия *Дирекционная* назначена была для охранения порядка вообще, и в особенности для ревизии отдельных трудов, прежде внесения их в Общее Собрание. В ней председательствовал генерал-прокурор. Комиссия *Экспедиционная* занималась исправлением во всех проектах слога. Комиссия *Наказов* занималась разбором их и выписками из оных. Наконец, Комиссия *Сводов*, прежде всех других учрежденная, занималась собранием прежних законов, выписками и сводами.

Комиссия открылась в Москве 31 июля 1767 г. В 21 день августа поднесла она государыне императрице благодарственный от лица всей России адрес, а 29 декабря, через пять месяцев после открытия, Общее ее Собрание отпущено во свояси, впредь до повеления. Остались в действии одни Отдельные Комиссии с некоторым, впрочем, в числе их членов уменьшением.

Основанием трудов сих Комиссий поставлены были: 1) Наказ Императрицы; 2) указы, данные депутатам от присутственных мест и от сословий; 3) своды законов.

На сих основаниях Комиссии в течение пяти лет, продолжая вверенное им дело, составили:

1) Так называемые планы, т. е. заглавия проектов, содержащие в себе одно означение предметов и главное их разделение.

2) Некоторые Комиссии представили сочиненные по сим планам небольшие части проектов в виде опыта. Они, впрочем, не рассмотрены и не получили утверждения.*

В 1774 г. все сие многосложное учреждение после шестилетнего его существования упразднено. Все лица, его составлявшие, отпущены; осталась одна канцелярия для справок.

*1) Комиссия об училищах представила проект о деревенских и городских училищах в 114 статьях.

2) Комиссия о почтах представила виды ее к устройству почт.

3) Комиссия о правосудии представила 45 глав Уложения Уголовного.

4) Комиссия благочиния — 381 статью об устройстве полиции.

5) Комиссия о правах личных — несколько глав о правах семейственных.

6) Комиссия о государственных родах представила 51 статью о дворянстве, 13 глав о среднем состоянии и проект о казачьем состоянии.

ДЕВЯТАЯ КОМИССИЯ 1797 г.

Неудачный опыт нового Уложения заставил обратиться на прежний путь, к составлению Сводного Уложения.

В конце 1796 г. последовал указ: собрать существующие узаконения и извлечь из них три книги законов: 1) уголовных, 2) гражданских, 3) дел казенных. Сообразно сему и Комиссия получила другое название; ей велено именоваться *Комиссиею для составления* (а не для сочинения) *законов*. Она состояла из четырех членов под руководством генерал-прокурора. Произведением ее было: 1) семнадцать глав о судопроизводстве; 2) девять глав о делах вотчинных и 3) тринадцать глав из законов уголовных. Как все сии работы были одни только начатки и не представляли ничего целого, то и остались без рассмотрения.

ДЕСЯТАЯ КОМИССИЯ 1804 г.

Вскоре по восшествии на престол императора Александра обращено было внимание на состав Уложения. Одному из членов Государственного Совета поручено было обозреть состояние трудов прежних и составить твердый план к их продолжению. Дело перешло потом в Министерство юстиции. Здесь в 1804 г. составлен был план работ и вместе с тем учреждена новая Комиссия.

Дело сей Комиссии состояло в сочинении новых Уложений и уставов по всем частям законодательства, не исключая и провинций, на особых правах состоящих.

Основанием ее трудов были поставлены законы действующие, с дополнением и усовершеншением их из общих начал законоведения.

Комиссия состояла: 1) из совета, который составляли министр юстиции и товарищ его; 2) из трех экспедиций под начальством так называемых референдариев.

В 1809 г. предметы ее получили другое разделение, а вместе с тем и состав ее отчасти изменился. В 1810 г., по образовании Государственного Совета, Комиссия обращена в установление, при нем состоящее; с сим вместе совет ее упразднен, и труды ее чрез директора, под начальством коего она была поставлена, должны были прямо поступать в Государственный Совет по департаменту законов, коего главным занятием долженствовало быть рассмотрение ее работ.

Сей порядок в 1812 г. изменился тем, что место директора заменено советом из трех членов под председательством старшего и под главным начальством управляющего, что и продолжалось до 1826 г.

Произведения сей Комиссии не обнимали всего предначертанного ей круга, но ограничивались Гражданским, Торговым и Уголовным Уложениями. В сих трех разрядах с 1804 по 1826 г., в течение 22 лет, некоторые части изложены в виде проектов, как-то: 1) из Гражданского Уложения три части и одна часть о судопроизводстве; 2) из Торгового Уложения одна часть и 3) из Уголовного три части.

Статьи проекта Гражданского Уложения неоднократно вносимы были на рассмотрение Государственного Совета; но в первый раз рассмотрение остановилось на том, что третья часть проекта не была еще в Комиссии изготовлена; во второй раз, при возобновлении сего дела в 1815 г., Государственный Совет нашел, что новое Уложение нельзя рассматривать без полного Свода прежних законов, а Свода сего не было; в третий раз, в течение 1821 и 1822 гг., рассмотрено все, что было от Комиссии предоставлено, но большая часть статей возвращена в оную для исправления и передела.*

Сверх вышеозначенных недовершенных проектов приняты были в Комиссии три следующие работы:

1) По требованиям Государственного Совета в 1815 г. начать Свод законов существующих. Сего Свода составлено на первые две части Гражданского Уложения 15 частей, или тетрадей: это суть отчасти выписки, а отчасти перепечатанные указы, между коими вся связь состоит только в одном общем их заглавии. К ним положено было присоединить некоторый род руководства, или учебной книги, под именем *Оснований права*.⁴⁴ Сего руководства сочинено несколько глав, соответствующих двум первым частям Гражданского Уложения.

2) В 1812 г. Комиссия представила главноуправляющему о необходимости собрать и пополнить находящиеся в архиве ее узаконения, а в 1820 г. представила она ему и план, как составить полный реестр узаконений; но предположение сие осталось без последствия.

3) Как по первоначальному учреждению сей Комиссии надлежало ей обнять не только все части общего законодательства, но и свести все законы провинциальные, то и положено было учредить в остзейских и западных губерниях

* Всего рассмотрено 1443 статьи, возвращено и отменено 821.

местные Комитеты, кои должны были приуготовить первые материалы к сей работе. Некоторые из сих Комитетов принялись за порученное им дело, другие же требовали и ожидали общего плана и подробных наставлений, но как ни того ни другого дано им не было, то предположение сие и осталось без исполнения.

III. ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ТРУДОВ КОМИССИЙ

Труды всех Комиссий имели три главных предмета: 1) собрание законов, 2) своды, 3) составление нового Уложения.

1) СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ

Каждая Комиссия обыкновенно начинала труды свои распоряжением о собрании законов, и понеже каждая начинала снова, то сие одно уже означает, что ни в одной из них полного собрания не было. Затруднения здесь были бесчисленны. Сначала указов печатных было мало, канцелярии были скудны и неисправны, архивы в беспорядке и небрежении. Указы посылались большею частию письменные, и прямо в те Приказы и Коллегии, к коим принадлежало их исполнение. Общего хранилища законов долго не было. Не прежде как в 1802 г. последовало решительное повеление доставлять в Сенат со всех получаемых местами и лицами указов копии. Два следующих примера представят положение сего дела яснее:

1) В 1763 г. Сенат, признав нужным издать полное собрание законов, обратился к бывшей тогда Комиссии в том предположении, что в ней, или в делах Комиссий, ей предшествовавших, должно находиться таковое собрание. Комиссия в 1764 г. донесла, что она не только полного собрания указов, но даже и реестров их не имеет; что хотя и есть у нее выписки из законов, но только на некоторые части, т. е. по Уложению Гражданскому, Уголовному и о Состояниях, да и то выписки *весьма сокращенные*; что из сих выписок, а также из указных книг и черновых реестров она может составить особый реестр, расположенный по предметам, но за верность сего реестра она ручаться не может.*

* Сенат по сему отзыву сделал другое распоряжение о собрании законов; собранные указы заключали в себе время с 1762 по 1770 г. — собрание, весьма, впрочем, неполное.

2) Через 40 с лишком лет после сего, в 1812 г., Комиссия представляла главноуправляющему о необходимости собрать законы. В 1820 г. она повторила сие настояние и вместе с тем представила план о том, как сперва составить полные им реестры, чтобы потом приступить к отысканию самых указов. На сих первоначальных соображениях дело остановилось; не только полного собрания текста, но и полных реестров составлено не было; известно же, что от реестров до самого собрания законов расстояние еще весьма велико.

2) СВОДЫ

Все вообще Комиссии, даже и те, кои главным предметом поставляли сочинение Уложений, занимались сводами; ибо все находили, что назначение их было дополнить законы, а не вновь все сочинить, и что посему бóльшая часть их произведений должна состоять из свода законов существующих.

Но по различию цели два разных понятия о сводах были в Комиссиях:

Одни из них (Первая, Вторая, Четвертая и отчасти Пятая) под сим словом разумели *Сводное Уложение*, т. е. такой состав действующих законов, в коем бы Уложение 1649 г., занимая главное место, было пояснено и дополнено последующими узаконениями. В сем понятии о своде два дела подлежали Комиссиям: одно дело, простое, состояло в размещении новых указов по тем статьям Уложения, коим они служили пояснением или дополнением; другое дело, несравненно важнейшее, состояло в соглашении той противоположности, в коей многие новые статьи состояли как между собою, так и с Уложением. Первое дело, яко легчайшее, в двух первых Комиссиях на 13 глав было окончено, но второе, по трудности его, оставлено без производства.

Другие Комиссии под сводом разумели просто выписки, кои должны служить только пособием к новому Уложению. В сем понятии выписки могли бы иметь свою пользу, если бы, во-первых, они были извлекаемы из полного, точного собрания законов и, во-вторых, если бы были составляемы по статьям и в том же порядке, в каком надлежало быть Уложению; но они были составляемы не по статьям и даже не по главам, но по целым книгам, на кои каждая часть Уложения делится. Так, например, часть законов вотчинных, или Вот-

чинное Уложение, естественно делилось на несколько книг, и между ними должна быть книга о наследстве. Свод законов о наследстве содержал в себе по порядку времени, считая с Уложения 1649 г., выписку узаконений, без всякого их разделения, без связи предыдущего с последующим, без различия между действующим и недействующим, без всякого соглашения противоречий. Ясно, что в сем виде польза сих выписок, при употреблении их даже и в смысле простого пособия к сочинению Уложения, должна быть весьма ограничена. Невозможно было на них положиться ни в точности смысла, ни в полноте каждого предмета.

3) НОВЫЕ УЛОЖЕНИЯ

Все, что в сем роде до 1754 г. было сделано, не представляет ничего более, как первоначальный опыт, попытки к сочинению проекта, а не самый проект какой-либо части Уложения.

Два первых проекта цельные, оконченные, являются в 1754 г. Один из них заключал в себе судопроизводство, другой — дела уголовные. Тот и другой были рассмотрены, но остались без утверждения. От сего времени до 1767 г. дело оставалось без движения.

В Комиссии 1767 г. составлено было шесть проектов, коих содержание выше сего подробно означено. Из них один только, о родах государственных, т. е. о праве состояния лиц в государстве, доведен до некоторого совершенства и впоследствии, по-видимому, был принят в соображение при составлении Дворянской Грамоты и Городового Положения. Все прочие представляют одни слабые, первоначальные начертания, оставленные даже и тогда без уважения.

С упразднением Комиссии 1767 г. прекратилась, кажется более уже и не являлась во все царствование императрицы Екатерины II, мысль о новом Уложении. Признано было удобнейшим усовершенствовать и вводить недостающие части законодательства отдельно, отложив свод или уложение их в одно целое до того времени, как части сии получат свойственное им пространство и образование.

В 1804 г. признано благовременным снова обратиться к сочинению Уложения. Произведения Комиссии сего времени означены выше. Она так же, как и все предыдущие, не достигла своего предназначения.

Такова была судьба всех сих установлений в течение столетия. При общем обозрении трудов их сами собою открываются следующие заключения.

Мысль о приведении законов в один состав, о распределении их по предметам, для удобства их познания и приложения, столь проста и очевидна, что во всех почти государствах дело сие признаваемо было делом настоящим, одною из первых государственных нужд, по мере того как многосложность самых законов возрастала. Везде чувствовали, с одной стороны, что законы, быв произведением нужд и обстоятельств, не могут быть издаваемы в определенной системе, но везде вместе с тем находили, что сия необходимая их разнородность должна быть впоследствии приводима к единству для удобства их исполнения. Таким образом, везде различали две формы законодательства: форму первоначальную, разнородную, и форму последующую, систематическую.

Посему-то и у нас мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянною мыслию всех российских законодателей. Ни в одном царствовании, ни в кратком, ни в продолжительном, она не была вовсе оставляема. Понятия о сем составе изменялись, колеблясь между сводом прежних законов и новым их уложением, но главное намерение всегда было одно и то же: состав законов ясный, правильный и единообразный.*

Исполнители, кои к делу сему в разные времена были употребляемы, большею частию приступали к нему с ревностю и усердием. Следовательно, причин медленности и безуспешности должно искать не в бездействии их, но в обстоятельствах времени и в распорядке работ.

Обстоятельствам времени должно приписать, что правительство по необходимости употребляло к сему делу людей, большею частию занятых, обремененных другими делами. Отсюда происходило, с одной стороны, что они не могли в него углубиться постоянно, а с другой — что, следуя порядку их службы, они часто перемещались и оставляли Комиссию,

* Ничего не щадили для приведения сего намерения в действие. Одни денежные издержки на содержание Комиссий, не упоминая о наградах и поощрениях, составляют важную сумму. В архиве не найдено счетов Комиссий, бывших до 1754 г., но с сего времени, по счетам сохранившимся, содержание Комиссий последующих, по 1826 г., составляет 5678 593 рубля, считая на ассигнации по разному их курсу. Из сего в последней Комиссии 1804 г. составлено сбережения до 365 000 рублей, кои и поступили в Государственное Казначейство.

едва ознакомься с ее делами; другие, вступив на их места, снова приучались; нередко даже случалось, что почти все члены Комиссии расходились по другим местам, и в ней оставался один делопроизводитель с двумя или тремя канцелярскими служителями, кои также большею частию от других мест на время наряжались. Таким образом, каждая Комиссия начинала дело снова и ни одна не продолжала. Сие изменение и подвижность в людях продолжались даже до последней Комиссии 1804 г.

Обстоятельствам времени приписать также должно другой важный недостаток. Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело состоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная. Между тем по общему ходу нашего просвещения в Комиссиях, до 1804 г. существовавших, соединение теории с опытностию случалось весьма редко. Отсюда смешение в планах, непрестанное колебание в их исполнении. Вопросы, самые простые и давно уже в теории разрешенные, представлялись сим Комиссиям непреступными.

Таковы были препятствия, от обстоятельств времени происходившие; другие рождались от распорядка работ.

Все почти Комиссии представляли себе дело, им предлагаемое, не только настоятельным, но и в исполнении легким. Отсюда происходило, что все почти приступали прямо к концу его, не приготовив ни начала, ни середины. Самая первая Комиссия дала сему первый пример: в первый год сочинен уже был Манифест, при коем надлежало издать Сводное Уложение, между тем как три только главы его едва были изготовлены. Все Комиссии различали в деле своем три степени: собрание законов, свод их и потом дополнение и усовершенствование; но, приступая к собранию, считали его легким, потому что полагали его найти или в целом составе в Комиссии предыдущей, или по частям в Приказах и Коллегиях; когда же опыт показывал, что в целом его не было, а части были также не собраны и собрать их и переписать (ибо все надлежало большею частию переписывать) скоро было невоз-

можно, тогда, вместо того чтоб остановить, сосредоточить все внимание на одной сей первоначальной степени и довершить ее, Комиссия приступала ко второму, принимаясь за своды, т. е. из неверного собрания отрывков сочиняла выписки. Какое понятие о существе законов, какое суждение о недостатках их, какую меру исправления и дополнения можно было основать на сих отдельных выписках, где законы действующие смешаны с законами, давно уже преставшими, где часто встречались противоречия и где не было никакой достоверности в полноте их и целости? Известно, что законы, не только к одному разряду принадлежащие, состоят между собою в связи, но часто связь сия проходит чрез все разряды, и, следовательно, точное понятие о существе одной отдельной главы законов часто требует совокупного их обозрения, а сие обозрение по одним отдельным выпискам очевидно невозможно.

Между тем, чем далее Комиссии отстояли от первого их учреждения, тем число законов, разбору их подлежащее, становилось огромное, тем не только вторая степень трудов, распределение их и свод, но и самый приступ к своду, первая степень всего дела — собрание законов — делалось труднее. В Комиссии 1804 г. вообще было несравненно более порядка, нежели во всех предыдущих, но мы выше видели, что в 1812 г. она представляла еще о необходимости собрать законы и что в 1820 г. помышляемо в ней было о составлении не самого собрания, но только полных к нему реестров.

Сими трудностями, от неправильного распорядка работ происходившими, сама собою изъясняется преклонность, почти всем Комиссиям общая, спешить к концу дела, миновав тернистую его средину, — преклонность скорее творить, составлять новые проекты законов, нежели углубляться в изыскания законов прежних, — в изыскания, всегда многотрудные и притом неблистательные даже и тогда, когда они бывают успешны. Но чтоб увериться, до какой степени здесь трудный путь лучше легкого, надобно только сравнить новые проекты, в Комиссиях сочиненные (большая их часть напечатана), со сводами законов, ныне издаваемыми. При первом воззрении откроется, что в сих проектах и половины нет того, что быть должно и что находилось уже в законах действующих. Столько-то справедливо, что полные, точные, систематические своды должны предшествовать — так, как во всех законодательствах они всегда предшествовали, — новым или исправленным Уложениям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ С 1826 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В 31-й день января 1826 г. состоялся Высочайший указ, коим Его Императорскому Величеству благоугодно было дело составления Свода законов принять в особенное свое непосредственное ведение и преобразовать бывшую Комиссию во II Отделение Собственной Канцелярии.

При сем новом устройстве, в самом начале его, представились следующие главные вопросы к разрешению:

I. Определить с точностию существа дела и главные его правила.

II. Составить план общего разделения законов.

III. Учредить по сему плану работы приуготовительные и потом

IV. Учредить работы окончательные.

Разрешением сих четырех главных вопросов составлено общее начертание того порядка, какой в трудах II Отделения должен быть наблюдаем. Образ, коим сие начертание постепенно приводимо было в действие, излагается в следующих четырех отделениях.

I. СУЩЕСТВО ДЕЛА

Из исторических сведений, в Первой части представленных, видно, что труды прежних Комиссий всегда колебались между двумя предположениями: составить Уложение сводное или составить Уложение исправленное. Под именем первого всегда разумели свод законов существующих, устроенный в виде Уложения, с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их. Под именем второго всегда также разумели свод законов существующих, устроенный в виде Уложения, но притом с дополнением и исправлением.

Из сих двух систем государю императору благоугодно было решительно избрать первую, т. е. составить Свод законов без всяких изменений.

Сим решен был главный вопрос: определено существо дела. Но как своды могут быть различны, то вслед за сим надлежало еще определить и существо самого Свода.

Главные виды сводов суть следующие:

1) *Свод посредством выписок*. Выписки составляются при-
ведением самых слов из разных законов, к одному и тому же
предмету относящихся, без всякой связи одной статьи с
другою. Выписки суть или частные, или общие.

Примеры частных выписок можно видеть в обыкновен-
ном производстве тяжбных и уголовных дел. В практике
они бывают двояки: приуготовительные, или канцелярские,
и окончательные, или судебные. В приуготовительных вы-
писках Канцелярия излагает точными словами в порядке
хронологическом все места, кои находит в законах *приличны-*
ми к делу, наблюдая одно главное правило, чтобы не сделать
пропуска. Она ответствен за сей пропуск, но от нее не
можно требовать точного различения и строгого разбора
между законами действующими и теми, коих сила ограниче-
на или изменена не буквально, но смыслом законов последу-
ющих. Сие есть дело присутствия. Его дело есть по сей
хронологической выписке сообразить и приложить те зако-
ны, кои точно и прямо идут к подлежащему случаю и кои,
не быв отменены ни буквально, ни смыслом законов после-
дующих, сохраняют всю свою силу. И сей-то последний род
свода означается в судебных определениях словами: *а зако-*
нами повелено.

Примеры общих выписок, составляемых не на данный
случай, но на целые главы, разделы или части законода-
тельства, можно видеть в трудах прежних Уложенных Ко-
миссий. В них обыкновенно, или по порядку Уложения
1649 г., или по другому какому-либо плану приводятся
указы, к главе или разделу принадлежащие, и приводятся
двояко: иногда буквально, иногда же только ссылкой на
указы, но всегда, во-первых, без связи одной статьи с дру-
гою, в порядке хронологическом, и, во-вторых, без точного
разбора и различения статей действующих от недействую-
щих. Разбор сей принадлежал присутствию Комиссии; ее
дело было решить, какую статью должно считать дейст-
вующею и какую отмененною или отмене подлежащею. Посему
сии выписки были также приуготовительные, канцелярские,
какие обыкновенно по частным делам в судебных местах
составляются.

2) *Своды учебные, или ученые* (commentaria). В них по
принятой системе обыкновенно излагается главное разделе-
ние какого-либо разряда законов, его начала, последствия сих
начал и связь сих последствий между собою.

Примеры сводов сего рода бесчисленны. Они приняли начало свое от сочинений римских законоведцев (*Institutiones et Commentaria*). Так называемые Институты Юстиниановы принадлежат к сему же роду, хотя и присвоена им сила закона, равная прочим частям Юстинианова состава.⁴⁵

3) *Ручные книги или сборники* (*manualia*). Есть множество сочинений сего рода и древних и новейших. Это суть краткие указания на законы, содержащие токмо смысл их. Они сближаются со сводами учебными, но имеют два главных от них отличия: 1) что своды учебные сочиняются для обучения юношества, а сии ручные книги или сборники составляются единственно для руководства должностных лиц, дабы дать им совокупное понятие о предметах их должности; 2) что учебные своды обыкновенно объемлют целый какой-либо разряд законов с наблюдением, более или менее строгим, принятой системы и с методическим ее изложением, а ручные книги составляются не по началам науки, но по удобству в исполнении.

4) *Свод в виде указателей* (*repertoria, promptuaria*). Они обыкновенно составляются алфавитным порядком и бывают двойки: пространные и краткие.

В пространных излагается по данному слову история прежних законов, изменения их и, наконец, сила и главный смысл действующего законодательства с приведением, более или менее подробным, особенных частных случаев и судебных решений.*

В кратких указателях изображается по данному слову история закона, начиная от первого его постановления до последнего, означением содержания его и ссылкой на самый закон с годом, месяцем и числом его состояния. Таковой свод, под именем Указателя, составлен и приложен к Первому Полному Собранию законов, так как и ко Второму, при ежегодном его издании, обыкновенно прилагается.

5) *Сводное Уложение*. Из сведений, выше сего приведенных, видно, что сим именем назван был у нас Свод законов, коему начало в 1700 г. положил Петр Великий. Он назван был *Уложением* потому, что в основание его принято было Уложение 1649 г. *Сводным* же называлось сие Уложение потому, что

* Примеры сводов сего рода мы имеем в разных латинских, немецких и французских сочинениях, и особенно в известном *Repertoire de Merlin*⁴⁶ и *Repertoire de Favard de Langlade*; ⁴⁷ у английских законоведцев сочинения сего рода называются *Digest*, как, например, *Comyns's Digest*,⁴⁸ и *Law-dictionary*, как, например, *Tomlins Law-dictionary*.⁴⁹

в нем предполагалось *свести*, соединить, сложить новоуказные статьи и последовавшие указы с Уложением.

Не должно смешивать Сводное Уложение с выписками, выше сего означенными. Они назывались иногда Сводами, но никогда Сводным Уложением, ибо не имели связи и состава Уложения и служили только приуготовительною канцелярскою работою.

б) *Свод Юстинианов*. Известно, что так называемое Юстинианово Право состоит из трех главных частей: из Наставлений (*Institutiones*), из Пандектов (*Digesta*) и из императорских Постановлений (*Codex*). Сии три части, в совокупности их с так называемыми Новыми Постановлениями (*Novellae*), получили впоследствии название *Corpus Juris*.^{* 50}

Известно, что из них первая часть составлена из сочинения Гая, с разными в нем переменами, а вторая сложена сводом разных мест или, просто сказать, выписками из сочинений других знатнейших законоведцев прежнего времени, из сочинений, кои еще прежде Юстиниана получили уже, по важности их, силу закона; последняя же часть есть не что иное, как буквальное собрание постановлений, рескриптов и ответов разных императоров, начиная от Адриана,⁵¹ — собрание, расположенное по главным предметам законодательства, но без всякой связи статей его между собою, ибо в каждом разделе узаконения поставлены по порядку времени, как они состоялись, а не по порядку взаимных их отношений.^{**}

В сем состоят все главные виды сводов. Сравнив их между собою, нельзя колебаться в их выборе. Очевидно, что наше Сводное Уложение в начатках его и состав Юстинианов в действительном исполнении одни представляют дело законодательное; все прочие виды — выписки, сборники, указатели, книги учебные и ученые — суть дело частное.

Сим определено было существо Свода. Он должен быть *Corpus juris*, общим составом законов, и в сем понятии должен обнимать все части законодательства во всей их совокупности.

* Сие название дано им было сперва от глоссаторов,⁵² а потом, при издании их в 1604 г., от Дионисия Готофреда.⁵³

** Состав Юстинианов представляется в двух видах; 1) как свод прежних законов, 2) как закон новый по тем изменениям, кои в прежних законах отчасти самим Юстинианом (*Quinquaginta Decisiones*), отчасти сочинителями свода по его дозволению были сделаны. Первый вид есть главный, ибо в нем заключается существо самого состава.

Причины, по коим решено было приступить к составлению Свода, а не к сочинению нового Уложения, очевидны. Они кратко состоят в следующем:

«Когда законы, — говорит канцлер Бакон, — нарастая одни над другими, умножатся до такого количества или придут в такое смешение, что представится необходимым сделать им в самом существе их разбор и устроить их в другой лучший и удобнейший состав, то да будет сие первым делом, важнейшим подвигом законодательства».*⁵⁴ Сей совет, начертанный, очевидно, для Англии, столько же, и еще более, может быть приложен к отечеству нашему.

Все почти государства, при самом вступлении их на чреду настоящего образования, получили богатое наследство: *римские законы*.** Доказано, что действие сих законов на западе Европы никогда не пресекалось, но оно усилилось и сделалось почти общим с XVI в., и, приметить здесь должно, богатство сие дошло к сим государствам не в виде нестройной громады, каково оно было в самом Риме, но в составе правильном, в своде, сперва Феодосиевом,⁵⁵ потом Юстиниановом. Таким образом, прежде нежели родились нужды и случаи, законы к разрешению их были уже готовы, и законы, высоким знанием придуманные, долголетним опытом испытанные и веками утвержденные. Оставалось только их познать и черпать по мере нужд и случаев из глубокого, неиссякаемого их источника. В тех же случаях, где законы римские казались несовместными с духом народа или с обстоятельствами времени, там они заменялись домашними примерами, обычаями и преданиями. Посему в сей части Европы были два обильных источника законодательства: законы римские и обычаи и опыты собственные.

Другая судьба предназначена была Провидением России. Из наследства римского нам ничего не досталось. Законодательство наше должно было все почерпать из собственных своих источников. Подражания, с XVIII в. у нас изредка являющиеся, не делают в сем правиле важного изъятия: они относились к одной только ветви законов, к учреждениям, и заимствованы были не прямо от римских, но от внутренних германских установлений. Законы гражданские, законы уго-

* De Augm. Scient., Tractatus de just. univers., Aphor. 59.

** Менее других в сем наследстве приняла участие Англия; в ней так называемое Право Юстинианово имеет в некоторых токмо судах, и то ограниченное действие (Blakston Comment., Introd. Sect. III).⁵⁶ Государства скандинавские также большею частию управляются своими собственными законами.

ловные, законы внутреннего благоустройства и благочиния — все надлежало созидать вновь и из своих собственных материалов.*

Отсюда, от сей разности в законных источниках, происходят особенные трудности в порядке нашего законодательства и управления. Трудности сии не суть непреодолимы. Прилежание, навык, опытность доселе их превозмогали. Когда государство возрастает, когда жизненные силы его в земледелии, в торговле, в промышленности расширяются, то сие одно служит уже неоспоримым доказательством, что в нем есть законы твердые и есть порядок в их исполнении. Сего общего, единогласного свидетельства не могут поколебать никакие случайные изъятия. При всем том, однако же, очевидно, что законы были бы еще тверже, приложение их к делам удобнее, выбор исполнителей их достовернее, если бы действие их не было воспящаемо раздробительною их многосложностию. Означим здесь главнейшие из сих трудностей.

1) *Трудности в порядке суда и управления.* При обилии римских законов и при твердости их состава в тех государствах, где они действовали и где теперь еще отчасти действуют, редко встречались, особенно в делах гражданских, случаи, законом не определенные; посему порядок судебный там мог идти и действительно шел, так сказать, сам собою, не обременяя власти законодательной; там можно было допустить правило, чтоб судья и в самом недостатке ясного закона решил дело по здравому смыслу, т. е. по общим началам законоведения, ибо сии начала в своде римских законов уже существовали, уже утверждены были временем и опытом.

У нас, напротив, сперва число законов было недостаточно, и потому суд непрестанно обращался к законодательству и искал разрешения; отсюда множество отдельных указов, отсюда так называемые в старину *дела вершенные* именными указами и боярскими приговорами. В сем состоянии законов нельзя было позволить судье решить дело по общим началам законоведения, ибо начал сих нигде не было поставлено.

* Есть в Уложении небольшое число статей, сходных с Кормчею Книгою;⁵⁷ есть также места, сходные с Литовским Статутом.⁵⁸ Первое сходство легко изъясняется самым происхождением и введением у нас Кормчей Книги, второе — тем, что Литовский Статут написан был первоначально на русском языке и в пограничных наших с Литвою областях мог быть, еще до Уложения, более или менее в употреблении. Впрочем, очевидно, что ни то ни другое сходство не составляет в общем правиле значительного изъятия и особливо не ведет к заключению о каком-либо сближении нашего законодательства с римским или Юстиниановым.

Когда же потом число указов возросло и недостаток законов отчасти миновался, то предстало другое затруднение: многосложность, раздробительность, неизвестность, — затруднение, равное и, может быть, еще важнейшее, нежели самый недостаток закона, ибо здесь наипаче гнездятся ябеда, неправые толки, пристрастные решения, покрытые видом законности; здесь необходимость непрестанных пояснений и разрешений, кои в свою череду рожают новую многосложность. Какой может быть способ выйти из сего бесконечного круга? Нет другого, как только разобрать законы по их родам и предметам, отделить все действующие от минувшего и привести все в состав единообразный, т. е. составить Свод.

Присоединим здесь еще одно примечание. Если многосложность законов затрудняет ход дел внутри Империи, то трудность сия очевидно должна быть несравненно более в краях присоединенных, где законы российские непрестанно должно соглашать с законами местными, кои также раздробительны и разнообразны. Когда же, напротив, и общие и местные законы приведены будут в свои составы, тогда черта, их разделяющая, будет очевидна, случаи противоречия будут редки и удобно разрешаемы.*

2) *Трудности в усовершенствовании законов.* В настоящем порядке есть у нас два рода усовершенствования законов: 1) пояснение и дополнение по мере возникающих случаев, 2) частные своды в виде уставов, с большим или меньшим дополнением и изменением прежних законов.

Пояснения и дополнения во всяком законодательстве необходимы, ибо никакое законодательство всего предвидеть и определить не может,** они составляют, так сказать, ежедневное, жизненное его движение, но сие движение совершается

* Настоящее наше законодательство состоит из 35 000 актов. Около половины из них, быв или отменены, или ограничены позднейшими актами, или составляя одно повторение, принадлежат к истории. Сей избыток тяготит, затрудняет бесчисленными ссылками и справками настоящее делопроизводство, ставя производителей в необходимость вместо одного, двух или трех решительных указов выписывать и приводить десять совершенно ненужных и вместе с тем открывая пространное поле подбору указов и ябеде. Свод, очищая законы от сей смеси, отсекая все повторения, тем самым ставит делопроизводство на истинном его пути, и если не может истребить вовсе ябеды, то по крайней мере может значительно стеснить и уменьшить ее.

** Сие разумеется не токмо об Уставах Управления, но и о самых Уложениях, как Гражданских, так и Уголовных. Так, например, при всей подробности Французских Уложений решения кассационного суда, в пояснение разных статей его постановленные, составляли уже в 1826 г. 26 томов (См. *Bulletin de Cassation*, также *Sirey*,⁵⁹ *Les codes annotés*).

и действует двояко: там, где законы приведены в один состав, там дополнения и пояснения, во-первых, производятся удобнее и вернее, ибо при каждом из них есть средство обозреть и сообразить все их отношения и удостовериться в последствиях их; во-вторых, они не рожают разнообразной многосложности, ибо все принадлежит к одной системе, к одному духу законодательства. Напротив, там, где законы не приведены в один состав, весьма трудно при частных их исправлениях обнять и определить все их последствия: там всегда есть опасность, исправляя один закон, неожиданно и сверх чаяния изменить или ослабить другой; там каждое пояснение и дополнение, составляя отдельный закон, по необходимости умножает их число и затрудняет точность исполнения, ибо исполнитель редко может положиться на закон, ему известный, не зная с достоверностью, не изменен ли он пояснением или дополнением, а сих изменений он должен искать, так сказать, наугад. Составные части одного и того же закона нередко бывают рассеяны по всему пространству столетия так, что один член его является, например, в Уложении 1649, другой в уставе 1741, третий в дополнении 1830 г.

Уставы обновляют законодательство в тех частях, на кои они издаются. Есть правило: в каждом уставе означать все те изменения, кои им вводятся в прежних законах. Но правило сие не исполняется и исполняемо быть не может при настоящем раздробительном состоянии наших законов. Для сего надлежало бы при каждом новом уставе пройти все законы предыдущие, отметить все отношения их к статьям его и указать с точностью те распоряжения, кои новым уставом ограничиваются или поясняются: дело многотрудное и в общем, быстром порядке управления едва возможное. Отсюда происходит, что вместо сих необходимых указаний каждый устав заключается у нас одним общим правилом: «все несогласное с сим уставом в прежних законах отменяется, а все согласное с оным остается в своей силе». Излишне было бы изъяснять все затруднения, недоумения, вопросы и переписки, отсюда происходящие: они многочисленны и всем известны.

Кроме отдельных пояснений и частных уставов есть еще третий род усовершенствования законов: *составление Уложений*. Выше было означено, чем кончились все предположения о сем, в течение столетия продолжавшиеся; означены и причины безуспешности: главные из них состоят в том, что, спеша к концу дела, миновали его средину: своды. Если даже и

отдельные пояснения и частные уставы трудно составлять с верностью и прочностью без сводов, то как можно приступить без них к целому Уложению? Во всех государствах, где предпринимали Уложения, законодательство стояло уже несколько столетий на твердом и обширном основании свода Юстинианова и на сем-то основании строили новое здание.

3) *Трудность в законоведении.* Известно, что есть два рода законоведения: одно — практическое, дело навыка и здравого смысла; другое — ученое. Сей второй род законоведения не может основаться, если законы не будут прежде приведены в правильный состав.*

Во всей Европе учат так называемому римскому праву, но римское право во всей почти Европе есть или долго было

* Из сего правила Англия, по-видимому, представляет изъятие: в Англии нет свода, а есть, однако же, ученое законоведение. В Англии действительно нет свода, от правительства изданного, хотя необходимость оного давно уже была признана не токмо Баконом, Гелем⁶⁰ и Гобартом, но и самым парламентом еще в 1650 и 1660 гг., и впоследствии (в 1796, 1803 и 1820 гг.) многократно была подтверждена в разных комитетах как верхнего, так и нижнего парламента (см. *Digest of the Statutes by Tyrwhitt and Tyndal, préface 1822*).⁶¹ Но в Англии есть множество сводов и особых изложений, частными людьми составленных, кои временем и употреблением получили силу, равную книгам законным; таковы суть: своды Коминса, Бурна,⁶² изложение законов лорда Кока,⁶³ Геля, Гокинса, Русселя и в особенности Блакстона. Сверх сего есть особые и весьма обширные собрания, в коих излагаются решения судебных мест, по делам окончательно вершенным (Reports of adjudged cases), решения, приемлемые в Англии законом (precedents)⁶⁴ и составляющие главную часть так называемого Общего Закона (Common Law). И в сих-то источниках и в практическом упражнении почерпнется наиболее английское законоведение, не совсем, впрочем, пренебрегая источниками и римского права. До какой степени сей образ учения может быть удобен или недостаточен, до какой степени может быть полезно заменить его, собрав раздробленные части законодательства в один состав, есть дело в самой Англии весьма спорное и еще нерешенное. Это есть часть того большого вопроса, который в последнее время возник в ученом мире и особенно в Германии и Англии об Уложениях вообще (de la codification); главные, противоположные стороны сего вопроса можно видеть: 1) в сочинениях Бентама и особенно в книге, составленной из них Дюмоном,⁶⁵ de l'organisation judiciaire et la codification, 2) в пресловутом сочинении Савиньи: *Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung*,⁶⁶ 3) Cooper,⁶⁷ *Lettres sur la cour de la Chancellerie d'Angleterre*, 4) Mèyer, *sur la codification*.⁶⁸ Пределы сего обозрения не позволяют углубляться в сей вопрос; он, впрочем, и не принадлежит существенно к настоящему делу. Сила возникшего спора состоит в удобстве или неудобстве Уложений преобразовательных, коими отменяется все прежнее, закрываются все другие источники законодательства по примеру Юстинианову, а не в Своде, каков есть настоящий, — в Своде, который, представляя буквальный смысл закона прежнего без всякого его изменения, не закрывает, но, напротив, указывает его источники и, быв сопровождаем Полным Собранием самого текста законов, делает разум их удобнее и для всех понятнее.

законом действующим. Следовательно, учат и учили тому, что в действии, и учат большею частию по тем самым книгам, по тому самому своду, в котором сии законы содержатся. Там, где введены новые Уложения, учат сим Уложениям,* не оставляя, впрочем, и учения законов римских, потому что в них находятся основные начала сих Уложений.

У нас усердием наших ученых неоднократно были составляемы опыты начертаний так называемого российского права, — усилия, достойные похвал и одобрений, но для успеха самого законоведения малополезные. Как начертать учебную систему законов, не зная с достоверностью самых законов во всей их совокупности? Сему недостатку желали пособить введением в высших училищах наших права римского. Но законы римские всегда для нас будут законы чуждые, и хотя по великому их обилию, а в некоторых частях и по великому их превосходству, они везде должны занимать важное место, но учение их у нас должно быть учением только вспомогательным, а не главным; их система должна быть приспособлена к нашей, а не наша к ним, ибо римские законы не достоинством системы отличаются: напротив, известно, сколь она вообще недостаточна, но они отличаются самым существом их, здравым, практическим их смыслом, остатками древнего высокого знания и опытности.

Из сего явствует, что ни от пособий так называемого римского права, ни от частных усилий наших законоведцев нельзя нам ожидать ученого законоведения. Основание его лежит на правильном составе самых законов. Оно начнется в полном его значении с изданием Свода. Тогда только можно будет помышлять об учебных и ученых книгах и твердом образовании нашего юношества в отечественных законах.

В сем состоят главные причины, по коим решено было прежде всего приступить к составлению Свода как к делу, необходимому в настоящем, и как к основанию постепенных усовершенствий в будущем.

Определив существо Свода, оставалось определить правила его составления. Сии правила отчасти содержатся в самом том образце, который для сего избран, — в своде Юстиниановом; но, сверх того, ближайшим руководством положено принять начала, установленные Баконом, с теми ограничениями, кои по свойству наших законов признаны необходимы. Правила Бакона суть следующие:

* В Вене, в Париже, в Берлине.

1) «Исключить из свода все законы, вышедшие из употребления».* ⁶⁹ Правило сие положено принять в том смысле, чтоб неупотребительными законами считать только те, кои отменены силою других позднейших постановлений.

2) «Исключить все повторения, и вместо многих постановлений, одно и то же гласящих, принять в своде одно из них полнейшее».** ⁷⁰

3) «Сохранить слова закона, извлекая статьи свода из самого их текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями (*per sentones*); потом сии мелкие части связать и соединить по порядку, ибо в законе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоценны. Без сего свод был бы книгою учебною или ученою, а не составом законов положительных».** ⁷¹

Правило сие положено принять в следующем смысле: 1) те статьи Свода, кои основаны на одном действующем указе или постановлении, излагать теми самыми словами, какие стоят в тексте, без малейшего их изменения; **** 2) те статьи, кои составлены из двух или более указов, излагать словами указа главного, с присоединением из других тех слов, кои служат ему дополнением или пояснением; 3) статьи, составленные из соображения многих указов, излагать по тому смыслу, какой они представляют в их совокупности, и притом 4) под каждою статьею означать с точностию те указы и постановления, из коих она составлена.

4) «Законы, слишком многословные и обширные, должны быть сокращаемы»***** ⁷² Правило сие положено принять в следующем смысле: указы и постановления обыкновенно состоят из трех частей: 1) из изложения дела или случая, подавшего повод к закону; 2) из рассуждений или уважений, бывших в виду при постановлении закона; 3) из самого текста закона и его распоряжений. Из сих трех частей положено две первые исключить из Свода, но третью сохранить так, как она стоит в тексте, — хотя бы иногда и можно было изложить ее

* Aphor. 60.

** Там же.

*** Aphor. 62.

**** Число сих статей есть самое большое. Ср. Книгу Учреждений, Книгу о Повинностях, разные Уставы Казенного Управления, в Законах Гражданских главы о духовных завещаниях, об обязательствах с казною, об описи и продаже имущества и большую часть Уставов Кредитных и Торговых.

***** Aphor. 60. Известно, что самые многословные законы суть английские, и на сие-то многоречие указывает здесь Бакон.

и лучше и сокращеннее, но сие сокращение было бы противно правилу предыдущему.

5) «Из законов противоречащих избирать тот, который лучше других».*⁷³ Свод переступил бы свои границы, если бы сочинители его приняли на себя судить, который из двух противоречащих законов лучше. У нас на сие есть другое правило: из двух несходных между собою законов надлежит следовать позднешему, не разбирая, лучше ли он или хуже прежнего, ибо прежний считается отрешенным тем самым, что постановлен на место его другой, и сего одного правила положено в Своде держаться со всею точностию. Если бы несходство одной статьи с другою встретилось в одном и том же постановлении, то в сем случае одна только законодательная власть может его исправить. В своде должно ограничиться тем, что каждый закон представлен был так, как он есть в существе его, без перемены и исправления.

6) «По составлении таким образом свода сей Состав законов (*Corpus legum*) должен быть утвержден надлежащею властью, дабы под видом законов старых не вкрались законы новые».**⁷⁴ Согласно сему правилу положено: своды каждой части законов подвергать ревизии тех самых мест управления, к коим они ближе принадлежат. На сей конец положено учредить во всех Министерствах особые Ревизионные Комитеты, для законов же гражданских, межевых и уголовных составить особый Комитет под председательством министра юстиции, из сенаторов и разных чиновников.

7) Бакон полагает составить два свода, один из так называемого в Англии Закона Общего (*Common Law*), а другой — из Статутов.**⁷⁵ У нас нет сего различия, но есть законы, действующие вообще во всем пространстве Империи, и есть законы местные, особенные, коих действие допускается токмо в некоторых областях ее. По сему положено в общем Своде соединить все законы первого рода, а законы второго рода, разобрав, соединить в двух Сводах особенных: один для губерний западных, другой для остзейских.

8) Сверх правил вышеозначенных признано нужным принять еще следующее: как Своды обнимают только прошедшее и не определяют ничего в будущем, между тем законы по возникающим делам и случаям необходимо прибавляются, то,

* Там же.

** Aphor. 63

*** Aphor. 61.

дабы прекратив разнообразие и смешение в минувшем, предупредив его и в будущем, положено по совершении Свода настоящего установить постоянный порядок и на все последующее время, так чтобы все вновь исходящее было распределяемо в ежегодном его продолжении и чтобы, таким образом, состав законов, единожды устроенный, сохраняем был всегда в полноте его и единстве.

II. РАЗДЕЛЕНИЕ ЗАКОНОВ

Все законы в Своде разделены на следующие восемь главных книг, или разрядов.

Книга первая: *Учреждения*. Ей предшествуют Законы Основные и Учреждение об Императорской фамилии; потом следуют Учреждения государственные, губернские, городские, уездные, волостные и о порядке гражданской службы.

Книга вторая: *Уставы о Повинностях*. В ней заключаются: Устав повинности рекрутской и Устав земских повинностей.

Книга третья: *Уставы Казенного Управления*. Здесь содержатся Уставы о податях, пошлинах, питейном сборе и акцизе, Устав таможенный, Уставы монетный, горный, о соли, лесной, оброчных статей, арендных и старостинских имений. Сюда же принадлежат будут Уставы счетоводства и контроля, когда по окончательном образовании сей части они приведены будут в состав Свода.

Книга четвертая: *Законы о Состояниях*. В ней заключаются: права и обязанности дворянства, духовенства, городских обывателей, сельских обывателей, инородцев, иностранцев, акты состояний, Устав о ревизии.

Книга пятая: *Законы Гражданские и Межевые*. Она содержит: 1) права и обязанности семейственные, власть родительскую, опеку и попечительство, права и обязанности по имуществам наличным и долговым, порядок производства дел бесспорных, гражданское судопроизводство, меры гражданских взысканий; 2) законы межевые и межевое судопроизводство.

Книга шестая: *Уставы Государственного Благоустройства (Государственное Хозяйство)*. В ней заключаются: Уставы кредитных установлений, Уставы о торговле, о промышленности фабричной, заводской и ремесленной, Уставы

путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев. Сюда же принадлежать будут Уставы учебных и ученых заведений, когда по окончательном образовании сей части они приведены будут в составе Свода.

Книга седьмая: *Уставы Благочиния*. В ней содержатся: 1) полиция хозяйственная: охранение народного продовольствия, общественное призрение, охранение народного здравия (Уставы врачебные и карантинный); 2) предупреждение и пресечение преступлений, Уставы о паспортах и беглых, о содержащихся под стражею и о ссыльных.

Книга восьмая: *Законы Уголовные*. В ней заключаются: 1) законы о преступлениях и наказаниях; 2) уголовное судопроизводство: следствие, суд.

В сем состоит общее Свода разделение. Пределы сего обозрения не позволяют изображать здесь подробное каждой книги содержание.

Основания общего разделения, поколику могут они быть представлены кратко, состоят в следующем.*

Два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний; здесь вопрос только о первом. Союз гражданский есть или семейственный, или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы государственные и законы гражданские.

I. ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Есть два разряда законов государственных; по различию их предметов и начал, на коих они утверждаются, их не должно смешивать между собою.

Законы *первого разряда* определяют существо союза государственного и прав от него происходящих. В сем разряде

* Вопрос о правильном разделении законов принадлежит к высшей их теории или к так называемой философии прав, т. е. к такой части законоведения, в коей разум восходит к первоначальным понятиям нравственности деяний, к понятиям долга, правды и справедливости (*aequi et just*) и проч. Подробное исследование сих начал может найти приличное место в общей истории законодательства; здесь же в общих чертах представляются одни их последствия.

прежде всего представляется *порядок*, коим власть верховная образуется и действует в законодательстве и управлении; *органы* сего действия суть установления; *средства*, силы государственные, нарочито для сего действия предназначенные. В составе тех и других предполагается известная *степень* участия подданных; сим определяется их состояние.

Отсюда четыре вида законов государственных:

1) *Законы Основные.*

2) *Учреждения.* Они определяют состав установлений, образ и пределы их действия.

3) *Законы Сил Государственных.* Силы сии суть личные или вещественные. Личные силы суть: или воинские — они управляются особыми постановлениями; или силы, предназначенные для исправления разных нужд государственных в виде повинностей, — они управляются законами общими под именем *Уставов о Повинностях*. Силы вещественные состоят в доходах; порядок их составления и употребления учреждается *Уставами Казенного Управления*.

4) *Законы о Состояниях.* В них определяются права и обязанности подданных по степеням их участия в составе установлений и сил государственных.

Второй разряд законов государственных составляют все законы, коими союз государственный и гражданский и права, от них возникающие, охраняются в их действии мерами общего государственного порядка. Сюда принадлежат:

1) *Законы Предохранительные*, каковы суть *Уставы Благочиния*.

2) *Законы Уголовные.*

II. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКИЕ

Законы гражданские делятся так же, как и государственные, на два разряда.

К первому разряду принадлежат все законы, коими определяются права гражданские, т. е., *во-первых*, законы, коими устанавливается порядок прав и обязанностей семейственных; *во-вторых*, законы, коими устанавливается порядок приобретения и укрепления прав в имуществах; *в-третьих*, порядок действия сих последних прав в особенном отношении их к государственному и частному кредиту, к торговле, к промышленности и проч.

Отсюда три вида гражданских законов:

- 1) *Законы союзов семейственных.*
- 2) *Общие законы об имуществах.*

Сии два вида означаются, по принятому обычаю, общим именем *Законов Гражданских*. К ним присоединяются *Законы Межевые*, коими определяется порядок *развода* границ владения.

3) *Особенные законы об имуществах*, означаемые по главной цели их под именем *Законов Государственного Благоустройства или Экономии*.

Ко второму разряду гражданских законов принадлежат законы, коими охраняется действие прав мерами порядка гражданского, таковы суть:

- 1) *Законы о порядке взысканий по делам бесспорным.*
- 2) *Законы судопроизводства* общего гражданского и особенных: межевого и торгового.
- 3) *Законы о мерах гражданских взысканий.*

По тесной связи законов сего разряда с первым все они распределяются по своим местам между законами первого разряда.

В сем состоят главные основания принятого в Своде разделения законов. В нем желали соединить две цели: удобство употребления их при производстве дел и средства к систематическому их изучению,* так чтоб те же законные книги, а не две системы разные, были основанием и в отправлении дел, и в учебном образовании.

* Порядок разделения законов, принятый в Своде, соображен в главных его началах с порядком учебного их разделения. Законы государственного первого разряда представляются в книгах I, II, III и IV, и каждый их вид занимает то самое место, какое в теории ему предназначено: за Основными Законами следуют Законы Установлений, затем Уставы Управления Государственных Сил в двух книгах и потом Законы о Состояниях. Некоторые только части Учреждений отделены от общего их состава в книге I и для практического удобства размещены в книге III вместе с Уставами. За сим следовало бы поступить ко второму разряду законов государственных, к Уставам Благочиния и Законам Уголовным, но сии законы составляют общее охранение как союза государственного, так и союза гражданского. Посему надлежало прежде изложить законы, определяющие союз гражданский, и, следовательно, после первого разряда законов государственных перейти к законам гражданским — книги V и VI. Хотя законы сии делятся также на два разряда, но второй из них, содержащий в себе законы гражданского прав охранения, столько связан с первым, что отделить их без важных затруднений в практике невозможно; посему и распределены они в Своде между законами первого разряда, им соответствующими. За сим весь состав заключается законами государственными второго разряда, Законами Благочиния и Уголовными в книгах VII и VIII.

III. ТРУДЫ ПРИУГОТОВИТЕЛЬНЫЕ

Труды приуготовительные состояли: 1) в собрании законов и 2) в подробных каждой части обозрения посредством сводов исторических.

I. СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ

Петр Великий в 1720 г. (апреля 29) повелел Сенату: все выходящие вновь указы разделять на временные и постоянные, издаваемые ко всегдашнему исполнению. Первые приказал он записывать в особую книгу, а вторые разбирать по материям и припечатывать к регламентам Коллегий, к уставам и артикулам. Сим положено первое начало собранию законов, или так называемым *Указным Книгам*. Сперва напечатаны и изданы были, без разбора, однако же по материям, и просто в одной книге: указы с 1714 по 1718 г., потом с 1719 по 1720 г., наконец указы 1721 г. Здесь издание приостановилось, и хотя потом, паки быв возобновлено, продолжалось по 1730 г., но, прекратясь с сим годом, восстановлено было уже не прежде как в 1762 г. и продолжалось токмо по 1770 г.*

В сем состояли первоначальные опыты полного собрания законов. При обозрении их в совокупности открывается: 1) что все они объемлют не более как 27 лет из 180 годов, протекших от Уложения по 1831 г.; 2) что и сии 27 лет объемлются не вполне, ибо а) собрание законов, начатое в царствование Петра Великого и несколькими изданиями продолженное до 1730 г., содержит в себе указы, служащие дополнением к уставам и регламентам, а самые Уставы, как-то: Воинский, Морской, Регламенты Коллегий и другие общие постановления — в оном не напечатаны; б) собрание узаконений, начатое в царствование императрицы Екатерины II с 1762 по 1770 г., оказалось при проверке его также весьма неполным.**

Между тем потребность Указных Книг возрастала ежегодно. Невзирая на пропуски и недостатки, издание тех из них,

* В новейшее время предпринято было бывшею Комиссиею составления законов издание полного их собрания под названием «Журнал законодательства», но оно продолжалось не более как с 1817 по 1820 г. При бывшем Главном Штабе Его Императорского Величества с 1816 г. начато особое собрание законов и постановлений, единственное к военной части принадлежащих.

** Ср. сие собрание с указами тех же годов в Полном Собрании, изданном в 1830 г.

кои были от правительства напечатаны, многократно было возобновляемо, и при всем том в общем обращении они сделались весьма редкими.

Сим поощрены были частные люди к составлению отдельных собраний. Сначала сии собрания были письменные. Они в течение многих лет обращались между деловыми людьми в списках и продавались в тетрадах высокою ценою. Первое печатное таковое собрание явилось под именем Юридического Словаря,⁷⁶ изданного в 1788 г. в одной книге, в 1791 г. перепечатанной. Вскоре потом издан был известный Словарь Чулкова.⁷⁷ За сим под именем Указателей, Памятников и так называемых Сводов и Систематических Собраний, и под другими именованиями, последовали многие другие. Примечательнейшее из них есть Указатель Законов Максимовича,⁷⁸ — примечательнейшее как потому, что оно других обширнее, так и потому, что для многих из них оно служило единственным источником.

Главные недостатки всех сих собраний суть: неполнота в их содержании и неверность в тексте и в показании времени, когда состоялись указы.*

Неполнота. Не упоминая о других, в лучшем и обширнейшем из сих собраний, в Указателе Максимовича, с 1649 по 1803 г. недостает целых 48 лет. Сверх того: 1) в каждом томе при проверке найдены пропуски многих важных узаконений; так, например, от издания Уложения до 1714 г. июня 15, или до отмены новоуказных статей, в Указателе содержится 1075 узаконений; при подробном же обозрении сего периода оказалось оных 2827; 2) в разных томах помещены под именем указов выписки из оных или просто оглавления; нередко даже встречаются выписки из указов, напечатанных в другом месте и под другим числом в том же Указателе.

Неверность в тексте и во времени издания. Многие постановления в Указателе напечатаны в виде указов, под другими числами состоявшихся; многие указы напечатаны неполные; многие, наконец, относятся совсем к другому времени.**

К сим двум главным недостаткам, более или менее общим, присоединяется еще следующее, важное во всех сих книгах

* В предисловии к Полному Собранию 1830 г. сказано: «Не в укоризну собирателям и издателям означаются здесь сии недостатки. Частные люди делали, что могли: усердие их очевидно, но средства недостаточны. Дело превышало их силы».

** В предисловии к Полному Собранию 1830 г. означены подробные сему примеры.

неудобство. Издатели их, вместо того чтобы дополнять и усовершенствовать одно какое-либо главное собрание, во всех последующих большею частию перепечатывали только те же самые указы, перенося их с одного места на другое по мнимому систематическому или алфавитному порядку. Таким образом, в 20-ти разных собраниях приобретатель их находит один и тот же указ двадцать раз повторенным и с теми же ошибками, а того, коего он ищет, часто не находит.*

В сем состояли все действия правительства и усилие частных лиц в собрании законов и издании их ко всеобщему употреблению. Выше (в Первой части сего обозрения) означено, в каком состоянии находилось дело сие в бывших Комиссиях. Посему надлежало все почти начать снова, а для сего должно было сперва постановить твердые правила и потом приступить к исполнению.

Главные правила состояли в следующем:

1) Все Собрание разделить на две эпохи. Первую начать Соборным Уложением 1649 г. и продолжать по 12 декабря 1825 г., т. е. через 176 лет, по день, когда издан первый манифест ныне благополучно царствующего государя императора. Началом ее положено принять Уложение, потому что все законы и указы, прежде его состоявшиеся, признаются у нас недействительными.** Вторую эпоху положено начать с 12 декабря 1825 г. и продолжать ежегодным изданием законов каждого минувшего года в течение последующего.

2) В составе Собрания вмещать по порядку времени все постановления, ко всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств изданные. При сем не допускать различия между законами ныне действующими и законами отмененными. Разбор таковой принадлежит не к Собранию, но к Своду.

3) Судебные решения имеют силу закона единственно в тех случаях, по коим они состоялись; посему они не должны быть помещаемы в Собрании законов общих. Но в сем правиле положено допустить следующие изъятия: есть судебные решения, коих сила распространена в самом их изложении на все случаи, им подобные; есть другие, кои, быв вначале частными, приняты впоследствии примером и образцом дру-

* По ценам, означенным в каталогах книгопродавцов, приобретение всех сих собраний, хотя все в совокупности не составляют они ни одного полного, стоило до издания Полного Собрания 1830 г. около пяти тысяч рублей.

** Сии законы, для истории важные, составляют, под именем *Законов Древних*, особое Собрание, коему и положено уже начало.

гих решений и таким образом соделались общими; есть решения частные, но в них сделано изъяснение закона общего, установлен точный смысл его и отвергнуты толкования, с разумом его несообразные. Все таковые и сим подобные судебные решения положено вместить в состав Собрания. Подобное сему изъятие положено сделать и в решениях дел уголовных. Важнейшие из оных, особенно по преступлениям государственным, признано полезным сохранить в Собрании.

4) Засим все частное, все личное, все меры временные положено исключить из состава Собрания; но и здесь признано нужным допустить некоторое изъятие: есть распоряжения, по существу своему частные и случайные, но по историческому их достоинству важные. Их положено сохранить в Собрании как памятник того века, как указание общественных его нравов, как изображение гражданской его жизни.

По сим правилам приступлено к самому составлению.

Подлинники узаконений с 1649 по 1711 г., в коем учрежден Сенат, находятся в архивах древних Приказов, Разрядном, Поместном и других, соединенных в вотчинном архиве при Сенате, и в архиве бывшей Коллегии иностранных дел в Москве.

Подлинники узаконений с 1711 г. находятся в С. Петербургском архиве Правительствующего Сената и в Государственном архиве старых дел, в архиве Св. Синода, в архиве Кабинета и департамента уделов, в архиве военного Министерства по бывшей Военной Коллегии и нынешнему Инспекторскому департаменту, в архиве Морского департамента и в архивах других Министерств и их департаментов.

Посему надлежало: 1) прежде всего во всех сих местах сделать изыскания и составить реестры узаконениям; 2) по сим реестрам собрать самые тексты; 3) собранным текстам произвести точную поверку.

1) *Собрание реестров.* Ни в одном архиве, даже и в архиве Правительствующего Сената, не найдено полных реестров узаконениям. В реестрах бывшей Комиссии составления законов означено было указов числом до 23433. К сему из реестров С. Петербургского сенатского архива присоединено до 20742. В московском архиве, сверх того, найдено до 445; в Военной Коллегии и в разных Министерствах — до 8889. Таким образом, число указов по реестрам простиралось до 53239. Впоследствии, когда самые узаконения были собраны и сведены с реестрами, открылось, что в сих последних много было указов, означенных вдвойне, под разными заглавиями и числами, много отрывков или статей из других указов и много

таких, кои, не составляя закона, не подлежали к изданию. Все сии излишки были исключены, и реестры, по сличении их с текстом, приведены в точности.

2) *Собрание текстов.* Из Оружейной Палаты получен подлинник Уложения царя Алексея Михайловича в двух свитках, из коих первый заключает в себе самое Уложение, а второй — опись поправкам, сделанным по переписке оно́го. Как Уложение, так и опись написаны в столбцах.* С сих двух свитков Уложение первоначально было переписано в книгу и напечатано славянскими буквами в трех изданиях, с означением в каждом одного и того же 1649 г. С сих изданий составлены все последующие, числом 13, гражданской печати. По сравнении оных с первыми открылись некоторые опечатки и даже отступления, а посему и приняты основанием для текста в настоящем Собрании первоначальные три издания, яко вернейшие.

Вслед за сим получены из московских архивов разные узаконения и трактаты прежних лет в списках, засвидетельствованных местными чиновниками.

Из С. Петербургского архива Правительствующего Сената и из Инспекторского департамента получены подлинные Указные Книги, с коих сняты копии и поверены с надлежащею точностию.

Из Кабинета Его Императорского Величества получено 45 книг, в коих найдено несколько указов, нигде не напечатанных, времени Петра Великого и Екатерины II.

Находящиеся в Кабинете последних лет узаконения, так как и другие в архивах Св. Синода и разных Министерств найденные указы, списаны с подлинников отряженными на место чиновниками и поверены.

Число доставленных и просмотренных таким образом книг простиралось: из архива Правительствующего Сената до 2412; из Инспекторского департамента до 520; из Министерства финансов до 170; из Министерства внутренних дел 4 книги именных указов; из Кабинета Его Императорского Величества до 490; всего же до 3596 книг.

Сверх сего просмотрено множество дел, в коих находились разные указы по департаменту горных и соляных дел, по департаментам податей и сборов, внешней торговли и по департаментам Министерства внутренних дел.

* Подробное описание наружного вида Уложения помещено будет в Истории законодательства.

Из департамента путей сообщения, из Капитула орден⁷⁹ и других мест получены засвидетельствованные списки разных узаконений, коих в архиве сенатском не было.

3) *Поверка текстов.* Поверка сия производилась троекратно: 1) сличением списков с подлинными указами; 2) ревизиею чрез особенных для сего отряженных чиновников и 3) окончательною ревизиею других чиновников при отправлении в типографию.

Сим заключались все действия составления и приуготовления. За сим следовало самое издание.*

В деле столь многосложном успех зависел не от одного места, его производящего, но от содействия всех главных архивов, откуда указы были доставляемы. Всем начальствам их объявлены были Высочайшие повеления о сем содействии, и от всех последовали надлежащие подтверждения. Везде являемо было усердие в исполнении, но не везде равен был успех трудов и изысканий. Из некоторых архивов указы, прощенные и в реестрах и в первом отправлении, доставлены были тогда, как другие того же времени акты были уже напечатаны и том был заключен. Для сего надлежало припечатывать их в приложениях или в конце того же тома, или в конце последующего и дать им связь с общею нумерациею посредством повторительных означений. В течение двух лет, протекших со времени издания, открыто сверх сего некоторое число указов, кои в свое время из архивов вовсе не были доставлены. Они составят небольшую книгу и будут напечатаны и изданы под заглавием Общего к Первому Собранию Прибавления.

По окончании Первого Собрания на тех же самых основаниях продолжаемо было Второе. Оно содержит узаконения с начала настоящего царствования по 1832 г.**

К обоим Собраниям приложены, для удобства приискания, Указатели хронологические и алфавитные.

Алфавитные Указатели содержат в себе главные слова всех узаконений; по ним можно не только найти с удобностию закон отыскиваемый, но можно открыть и обозреть весь ряд

* Для тиснения Собрания законов Высочайшим указом 22 сентября 1827 г. положено учредить при II Отделении типографию под надзором особенного Комитета. С сего времени в течение 8 месяцев типография устроена была во всех ее частях. Составление Собрания началось с 1826 г. и продолжалось непрерывно по 1 марта 1830 г. Печатание началось 1 мая 1828 г. и окончено к 1 апреля 1830 г.

** Первое Собрание состоит из 45 томов в 48 частях, а Второе — из 6 томов в 8 частях; оба напечатаны в четвертую долю листа, в два столбца.

узаконений, к предмету тому принадлежащих, от начала их до настоящего времени. Легко себе представить, какие трудности в деле сем предстояли. Надлежало, во-первых, разобрать по предметам каждый том Собрания; затем в каждом томе разложить, так сказать, на составные части каждый закон, часто даже каждую статью закона; потом сложить снова все сии части и поставить их в другом порядке, подчинить их одному главному предмету.

Первое Собрание с 1649 по 1825 г. включает в себе 30 920 актов, второе с 1825 по 1832 г. — 5073. Таким образом, в обоих содержится 35 993 акта.*

Здесь сами собою представляются следующие примечания:

1) Уложение 1649 г. содержит в себе 968 статей. Им начинается настоящее наше законодательство; отсюда восходя постепенно, разделяясь на разные ветви, изменяясь в подробностях, но сохраняя всегда единство своего корня, возрастая медленно, но постоянно, расширяясь по мере развития государственных сил и общественных нужд, оно через 180 лет достигло настоящего его объема. Если оно не столь обширно, как в других государствах, то здесь должно принять уважение, во-первых, что на сем поприще они предупредили нас многими веками, и, во-вторых, они при самом вступлении их получили, как-то выше было уже примечено, большое, вековое наследство; мы, напротив, должны были всё, или почти всё, производить собственными силами, и потому наше богатство есть незаимствованное, но *свое собственное*.

2) Собрать рассеянные части сего законодательства нужно было не только для того, что Свод законов без сего не мог быть составлен, но и для того, чтобы и при Своде Полное Собрание законов во многих случаях необходимо.

Оно необходимо, *во-первых*, во всех тех делах, кои начало относится к происшествиям, давно уже протекшим и кои должны быть разрешаемы не по законам настоящим, в Своде изложенным, но по законам, кои действовали во время сих происшествий.

Во-вторых, Собрание необходимо для разрешения сомнений, кои представиться могут в истинном смысле какой-либо статьи Свода. Буквальный смысл должен быть главным основанием решений; но буквальным смыслом закона не всегда выражается по всей полноте и точности внутренний его разум,

* Подробная табель, при сем прилагаемая, представляет разделение сих актов по летам царствований.

к коему по необходимости прибегать должно в случае сомнений.* Разум закона изображается в причинах, на коих он основан. Но причины сии не означены в статьях Свода; их должно искать в самых источниках, в самых текстах, из которых статьи составлены. Таким образом, между статьями Свода и первоначальным текстом закона существует и всегда должна существовать связь неразрывная; сии две формы одного и того же законодательства должны быть неразлучны, Свод — как закон буквальный, как основание решений, а текст Собрания — как руководство к лучшему и полнейшему закона уразумению.

В-третьих, Собрание необходимо во всех тех законодательных соображениях, где настоит вопрос о пояснении и дополнении закона и где часто бывает нужно прежде всего пройти ряд прежних узаконений, сообразить силу их в совокупности, чтоб составить начертание закона, утвержденное не только на настоящем, но и на прежнем разуме законодательства.

В-четвертых, известно, что законы изображают, так сказать, внутреннюю жизнь государства. В них видно, как нравственные и политические его силы слагались, образовались, возрастали и изменялись. Следовательно, история государства без познания законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны. Посему, чем благовременнее законы приводятся в известность, тем источники истории для современников становятся удобнее, для потомства достовернее. Здесь не излишне будет приметить, что если издание Полного Собрания наших законов в настоящее время представляло уже немаловажные затруднения, то по истечении нескольких лет оно было бы еще многосложнее, а наконец могло бы сделаться почти неприступным. Напротив, преодолев первые препятствия и объяв одним составом все протекшие 180 лет, нетрудно уже впоследствии, посредством ежегодных продолжений, всегда держаться на одной чреде с настоящим.

* См. указы 1821 г. июля 21 и 1823 г. окт. 31, приведенные в статье 65 Основных Законов.

II. ПОДРОБНЫЕ ОБОЗРЕНИЯ ЗАКОНОВ ПОСРЕДСТВОМ ОТДЕЛЬНЫХ СВОДОВ ИСТОРИЧЕСКИХ

По мере того как Собрание законов приумножалось и возрастало, составляемы были, в виде приуготовления к общему Своду, отдельные на каждую часть исторические своды.

Для сего по начертании общего плана для каждой главной его части в особенности составлен был отдельный план, или оглавление, в коем означены были ее предметы, по указаниям лучших образцов, во всей их подробности и с разделением ее на книги, на разделы, на главы и отделения.

По сим оглавлениям приискиваемы были к каждому отделению законы. Труд сей разделялся на две степени: сперва законы приискиваемы и отмечаемы были на особых выписках без всякого различия действующих от недействующих, лишь бы они имели отношение к данному предмету. Это было одно, так сказать, вещество, без определенной формы. Потом сии материалы были разбираемы. Разбор состоял в сравнении узаконений одного года с узаконениями другого. В сем сравнении три главных обстоятельства были замечаемы: отмена, пояснение и дополнение. Статьи отмененные были из Свода исключаемы; напротив, пояснения и дополнения были прилагаемы к первоначальному узаконению. Таким образом составлялась история изменений закона по каждому отделению.

Сей предварительный труд был необходим, но он превышал бы меру сил, если бы надлежало историю каждого отделения вести с самого начала, с Уложения. По счастью, сие было не нужно. От времени до времени разные части законодательства нашего обновлялись уставами. Уставы суть частные своды прежних узаконений с большим или меньшим изменением. Все минувшее или в них содержится, или ими отменяется. Таким образом во многих отделениях и даже в целых главах можно было начать сравнение с уставов, т. е. со времени ближайшего, и с сей точки идти к настоящему. Были, однако же, части свода, и части весьма обширные, в коих надлежало восходить к самым первоначальным их источникам. В законах гражданских и уголовных надлежало, разделив их на эпохи, составить самые подробные и обстоятельные исторические своды. В сем роде законов нет другого средства удостовериться в последовавших изменениях, ибо весьма часто прежние указы отменяются не словами, а толь-

ко силою и смыслом указов новых, и следовательно, открыть перемену нельзя иначе, как сравнив силу одного постановления с силою другого, а для сего необходимо нужно поставить их в связи исторической. Сии исторические своды составили особую, весьма обширную работу, послужившую твердым основанием всех работ последующих. Она заключает в себе более 11 000 статей. Сии изыскания, по надлежащем их усовершенствии и пересмотре, войдут в состав Общей истории законодательства.

IV. ТРУДЫ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

1) СОСТАВЛЕНИЕ СТАТЕЙ СВОДА

По мере того как разные части Свода посредством исторических изысканий и выписок достигали полноты и точности, они постепенно вступали в другой период их образования, принимали определенную форму законных правил. Здесь труд разделялся также на две степени. В первой из них собранные и уже очищенные от посторонней смеси тексты закона распределялись по своим местам в виде статей, и таким образом составлялись отдельные своды. Во второй степени сии самые своды сравниваемы были между собою в их совокупности. При сем часто открывались в них повторения, а иногда и разногласие; надлежало их снова сводить и соглашать, дабы дать сим отдельным частям надлежащее единство. Отсюда хотя главный план всего состава оставался неподвижным, но частные и подробные планы многократно изменялись, ибо перемена в устройстве одного свода часто влекла за собою перемену и в других, с ним смежных.

В изложении статей наблюдаемы были правила, выше сего постановленные, т. е. они излагались большею частию теми же самыми словами, как стоят в тексте. Статьи, составленные из многих указов, излагались или словами главного указа с нужным из других дополнением, или другими словами, но в полном, совокупном их смысле.

Под каждою статьею означены источники, из коих она почерпнута.*

* Одни только статьи, так сказать, переходные поставлены без указаний. Но они сами по себе и не суть закон, а содержат только необходимую связь статей между собою.

Сии указания нужны не только для того, чтобы дать каждой статье Свода законную достоверность; они нужны как верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к познанию истинного его смысла в случае сомнений; они нужны как лучшая система истолкований (*commentaria*) — система, основанная не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняют связь между сими двумя формами, связь, столь необходимую, что без нее расторглось бы самое его единство.

Сверх указаний на статьи находятся в Своде по местам *примечания*. Сила их состоит в следующем. Каждая статья закона заключает в себе или повеление, или запрещение. Изъяснения, кои не содержат ни того ни другого, не суть закон и, следовательно, не могут иметь места в статьях Свода; между тем они могут быть полезны к лучшему уразумению закона, и в сем уважении они вмещены в примечаниях. Из них одни охраняют план Свода, указуя краткими ссылками связь и отношения разных частей его; другие излагают в кратких словах историю закона, когда она нужна к лучшему его уразумению, ссылаясь также на источники, из коих она почерпнута.

Сверх примечаний, под статьями помещенных, находятся при разных частях *приложения*. В них содержатся, во-первых, разные формы и табели, в производстве дел необходимые и законом утвержденные; во-вторых, в них изложены разные подробности, кои затемнили бы смысл главных статей, прервали бы связь между ними, если бы помещены были среди текста. Отделением их в особое приложение, подобно тому как сие и прежде при многих уставах было допускаемо, не ослабляется законная их сила, ибо они связаны с главными статьями нарочным и явственным их указанием.

Число всех статей Свода простирается до 36 000; с присоединением же к ним тех, кои находятся в приложениях, общее число составляет 42 198.* Число глав во всем Своде 1499.

2) РЕВИЗИЯ И ИСПРАВЛЕНИЕ

Порядок производства ревизии Сводов был установлен следующим образом.

* Число статей в своде Юстиниановом, по вероятному исчислению, простирается до 45 000. См. *Berriat Saint-Prix, Histoire du droit Romain*.⁸⁰

Сперва, для ревизии Свода гражданских законов, учрежден Комитет под председательством управлявшего тогда Министерства юстиции, из двух сенаторов, Высочайше к тому назначенных, из обер-прокурора, из обер-секретаря, из директора Канцелярии и из юрисконсульта по выбору председателя. Впоследствии в сей Комитет поступили Своды учреждений Правительствующего Сената, департамента Министерства юстиции, Законы Уголовные и, наконец, Законы Основные.

Вслед за сим, по мере окончания разных частей Свода, учреждено было семь Ревизионных Комитетов в Министерствах и разных Управлениях.

Комитеты в Министерствах учреждены были по департаментам под председательством их директоров и под главным надзором министров, из начальников тех самых отделений, коим по практическому производству дел узаконения, к части их принадлежащие, должны быть в наибольшей подробности известны.

Существо ревизии в Комитете гражданских законов определено Высочайшим рескриптом от 23 апреля 1828 г.* В прочих Комитетах оно определено объявленным Высочайшим повелением.**

Примечания на Своды велено Комитетам представлять на Высочайшее усмотрение.

По учреждении сим образом Комитетов порядок производства в них дел установлен был на следующем основании:

1) *В Комитете ревизии гражданских и уголовных Сводов.* Заседание обыкновенно открывалось чтением Свода в присутствии его редактора и управляющего II Отделением. По словесным замечаниям членов тут же или разрешались возникающие вопросы объяснениями, справками и указаниями на законы, или же исправлялись статьи Свода.

Но когда возникали сомнения, коих нельзя было решить одним словесным объяснением, тогда статьи, подавшие повод к оным, отделялись от прочих и подвергались особому, подробнейшему рассмотрению. Рассуждения отлагались до сле-

* Сим рескриптом повелено: «произвести общее сих Сводов обозрение, дабы тем положительно удостовериться в полноте их и точности».

** В Высочайшем повелении, объявленном министру финансов от 12 июля 1829 г. и потом повторенном по другим Министерством и Управлениям, сказано: «обозреть Своды в двух главных отношениях: в полноте их и точности, т. е. 1) все ли действующие ныне в каждой части законы представлены в Своде в истинной их силе, 2) не приведено ли законов излишних, кои отменены последующими».

дующего заседания; между тем приготавливались, с одной стороны, членами Комитета, обер-секретарем и юрисконсультom, а с другой — редакторами Сводов особые подробные справки, выписки и пояснения.

По предложении сих пояснений Комитету вопрос или разрешаем был в том же заседании, или же требовались новые пояснения. Судя по существу их, или разрешалось сомнение, или же замечания Комитета с проектом предполагаемого исправления вносились в журналы заседания и при всеподданнейших докладах представлялись на Высочайшее усмотрение.

2) *Порядок производства ревизии в прочих Комитетах.* Ревизия Сводов по министерским департаментам, по предварительному соглашению с министрами, делилась на две степени. Первая состояла в словесных сношениях редакторов с членами Комитетов; в сих сношениях по взаимным объяснениям или разрешались сомнения, или тут же вводимы были надлежащие исправления. Сим очищались подробности. Во второй степени внимание Комитета обращалось уже на те только статьи, кои не могли быть исправлены по взаимным соглашениям.

Из сего составлялись письменные примечания, кои и были представляемы на Высочайшее усмотрение. Все вообще примечания Комитетов препровождаемы были потом во II Отделение. Здесь по соображении их с узаконениями и с другими частями Свода, а также и по соображении их с указами, вновь между тем последовавшими, составляемы были или новые статьи в Своде, или прежние были исправляемы.

Число сих примечаний, не считая тех, кои решены были словесными объяснениями, простирается по всем Сводам до 2000; ревизия, начавшись в апреле 1828 г., производилась не по всем частям непрерывно, но по мере изготовления Сводов; кончилась совершенно в мае 1832 г.

Следующие особенные обстоятельства здесь заслуживают внимания:

1) При ревизии Сводов Ревизионные Комитеты, учрежденные по департаментам, считая некоторые распорядительные меры, содержащиеся в циркулярных предписаниях Министерств, необходимыми в исполнении разных уставов и в особенности Устава таможенного, предлагали поместить их в статьях Свода. Сие требование исполнено, и во всех тех уставах, где таковые циркулярные предписания были предъявлены, содержание их в приличных местах означено со

ссылкою на самое предписание, чтоб тем отличить его от закона и поставить силу его в тех самых пределах, какие законом ему присвоены.

2) В Своде уголовных законов представлялись случаи, в коих надлежало приводить в соразмерность наказания, в прежних законах определенные, с теми, кои за подобные преступления положены в законах последующих. Случаи сии при ревизии с особенным вниманием были рассматриваемы, и сверх того по окончании уже оной признано нужным, соединив их в общую сравнительную табель, подвергнуть вторичному рассмотрению Комитета. По замечаниям его табель сия исправлена и с оною соглашены все статьи Свода.

3) ДОПОЛНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ

Между тем как ревизия Сводов была производима и как некоторые из них были окончательно рассмотрены, являлись по разным частям управления новые постановления, коими прежние отменялись или дополнялись. Посему надлежало обращаться вспять и переменять в Своде не только многие статьи, но даже главы и целые разделы, дабы довести все его части до одинакового срока. Общим сроком для сего принято начало 1832 г.; все перемены в узаконениях, следовавшие после сего, положено отнести к продолжению Свода, которое должно быть издано в течение 1833 г. Из сего правила изъяты и вмещены в настоящий Свод постановления, коими дано какой-либо целой части законов другое образование. Таковы суть: Уставы вексельный и о несостоятельности, Учреждение коммерческого суда, Положение об оценке и продаже имуществ и Устав карантинный.

4) ПОСОБИЯ К ПРАКТИЧЕСКОМУ СВОДА УПОТРЕБЛЕНИЮ

Хотя по простому разделению Свода на восемь главных книг, из коих каждая имеет свой определенный состав, отделяющий ее от других, не может быть важного затруднения в приискании статей, тем не менее, однако же, для удобства сего приискания признано полезным снабдить его полным алфавитным указателем; но составить таковой словарь на 42 000 статей есть дело, требующее продолжительного време-

ни, тем более что и начать его нельзя было прежде совершенного всех Сводов окончания. Посему доколе таковой указатель не будет издан, признано нужным заменить его отчасти следующими пособиями:

1) Составлены полные на каждую часть оглавления, по коим легко можно найти если не самую статью, то главу и отделение, в коем статья сия должна находиться. Для совокупного же всех частей обозрения положено составить одно *общее оглавление*.

2) При каждой части приложен так называемый хронологический указатель. В нем по порядку времени означены числами все указы, в Своде приводимые, и против каждого отмечены статьи Свода, им соответствующие, так, что как по статье Свода можно легко найти указ, из коего она составлена, так и обратно, по указу легко найти статью Свода. Сим переход от одного порядка к другому становится весьма удобным, и все выгоды памяти и навыка сохраняются в их силе и действии.

В сем состояли труды как приуготовительные, так и окончательные. Выше было означено, что они начались с преобразованием прежней Комиссии (31 января 1826 г.), т. е. с того времени, как благоугодно было Его Императорскому Величеству принять дело Свода в собственное свое непосредственное ведение. С сего времени в течение семи лет труды сии составляли ежедневное, непрерывное, единственное упражнение избранных к тому чиновников. Успехи их поверялись подробными отчетами, еженедельно восходившими в мемориях на Высочайшее усмотрение. Сия непрерывность монаршего внимания и твердой воли могла одна обеспечить и удостоверить и начало и конец дела после столетнего его колебания. Каждая часть Свода по окончании ее представляема была на усмотрение государя императора и потом поступала в предназначенную ей ревизию, порядком выше сего означенным. Таким образом, в начале 1832 г. первая книга Свода (Учреждения) поступила к тиснению; в конце того же года восемь книг были печатанием окончены. В 31 день января 1833 г. Высочайшим манифестом, при сем прилагаемым, возведено совершение Свода и постановлены правила о силе его и действии.

В заключение неизлишним считается присоединить здесь краткое понятие о Своде *законов местных*.

Известно, что давно уже было помышляемо о том, чтоб местные законы остзейских губерний извлечь из настоящей их

темноты и неизвестности. Разные меры к сему были по временам принимаемы, но они не имели никаких решительных последствий. Мысль о сем возобновилась с учреждением Комиссии Уложения 1804 г. Выше (в Первой части сего обозрения) означено, что для сего учреждены были как в остзейских, так и в западных губерниях особые местные Комитеты; означены также и причины безуспешного их существования.

В 1830 г. благоугодно было государю императору, учредив при II Отделении два особенных стола, один для составления Свода законов остзейских, другой для западных губерний, призвать к сему делу чиновников сведущих и опытных и снабдить их всеми нужными пособиями. Сим положено обоим работам твердое основание. Свод законов по остзейским губерниям доведен до того, что мог уже поступить, и действительно поступил, в первую степень его ревизии на местах. Свод по западным губерниям в течение настоящего года будет окончен и также поступит на ревизию. Таким образом, оба дела сии находятся в полном их движении, и есть надежда в успешном их совершении.

МАНИФЕСТ

Божиею милостию
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
император и самодержец всероссийский,
и прочая, и прочая, и прочая.

В самом начале царствования нашего, признав необходимым привести отечественные наши законы в ясность и твердый порядок, повели мы прежде всего собрать и издать их в полном их составе и потом из сего общего состава, отделив одни действующие ныне в Империи нашей законы, соединить их в правильный и единообразный Свод и изложить их в точной их силе, без всякого в существе их изменения, на том самом основании, какое еще в 1700 г. положено было Петром Великим.

Первое из сих предназначений в 1830 г. исполнено.

Ныне, при помощи Божией, седьмилетними непрерывными трудами, под собственным ведением нашим, совершилось и второе. Все законы, начиная от Уложения 1649 г. по 1 января 1832 г. в течение 183 лет изданные и при разнообразных изменениях времени сохранившие поныне силу их и действие, быв разобраны по родам их и отделены от всего, что силою последующих узаконений отменено, все, исключая постановлений военных и морских и некоторых других, ниже сего

поименованных, сведены в единообразный состав, соединены в одно целое, распределены в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Все, что после 1 января 1832 г. состоялось или что по общему движению законодательства впредь состоится, будет по порядку тех же книг и с указанием на их статьи распределяемо в ежегодном Своде продолжении, и таким образом состав законов, единожды устроенный, сохранится всегда в полноте его и единстве.

Сего требовали первые, существенные нужды государства: правосудие и порядок управления. Сим удостоверяется сила и действие законов в настоящем и полагается твердое основание к постепенному их усовершенствованию в будущем. Сим исполняются желания предков наших, в течение ста двадцати шести лет почти непрерывно продолжавшиеся.

Препровождая сии законные книги в Правительствующий Сенат, постановляем нижеследующие правила о силе их и действии:

1) Свод имеет воспринять законную свою силу и действие с 1 января 1835 г.

2) Законная сила Свода имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных; и вследствие того во всех тех случаях, где прилагаются и приводятся законы и где или составляются из них особые выписки, или же указывается токмо их содержание, вместо того прилагать, приводить и делать указания и ссылки на статьи Свода, делу приличные.

3) Все указы и постановления, после 1 января 1832 г. состоявшиеся и в Свод не вошедшие, так как и те, кои впредь состоятся, доколе при ежегодном продолжении Свода не войдут они в состав его, приводить по числам их и означениям непосредственно. Приводить также непосредственно: 1) все местные законы, где они действуют, доколе по принятым для сего мерам не будут они составлены в особые Своды; 2) узаконения, принадлежащие к Управлению народного просвещения и государственного контроля, коих уставы по предназначенному в сих частях преобразованию не могли еще быть окончены; 3) узаконения, к Управлению иностранных исповеданий принадлежащие.

4) Как Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок, то как в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполноты его порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал доньше.

Правительствующий Сенат не оставит учинить к исполнению сего все нужные распоряжения.

Дан в Санкт-Петербурге в 31 день января, в лето от Рождества Христова 1833, царствования же нашего в восьмое.

ТАБЕЛЬ

о числе уставов, учреждений, наказов, жалованных грамот, указов и трактатов, состоявшихся со времени Уложения, с 29 января 1649 по 1 января 1832 г.

Собрание первое (с 29 января 1649 по 12 декабря 1825 г.)		Число лет и месяцев царствования	Число улож., уст., учрежд. и наказов	Число жалованных грамот	Число манифестов и указов	Число тракта- тов	Итого
I. Царствования царя Алексея Михайловича		27	16	45	509	48	618
II. » царя Феодора Алексеевича		6 и 3 м.	17	16	258	4	295
III. » царей Иоанна и Петра Алексеевичей		13 и 9 м.	17	25	563	18	623
IV. » императора Петра I		29	134	27	2861	88	3110
V. » императрицы Екатерины I		2 и 4 м.	5	2	415	6	428
VI. » императора Петра II		2 и 8 м.	2	2	414	10	428
VII. » императрицы Анны Иоанновны		10 и 9 м.	45	19	2683	20	2767
VIII. Правления бывшего герцога Курляндского и принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской		1 и 1 м.	2	9	194	6	211
IX. Царствования императрицы Елисаветы Петровны		20 и 1 м.	26	20	2842	34	2922
X. » императора Петра III		6 м.	1	—	189	2	192
XI. » императрицы Екатерины II		33 и 5 м.	118	33	5771	35	5957
XII. » императора Павла I		4 и 2 1/2 м.	50	15	2170	15	2250
XIII. » императора Александра I		24 и 8 1/2 м.	386	28	10 619	86	11 119
Собрание второе (с 12 декабря 1825 по 1 января 1832 г.)		175 и 9 м.	819	241	29 488	372	30 920
XIV. Царствования государя императора НИКОЛАЯ ПАВЛО- ВИЧА		6 и 1 м.	207	9	4845	12	5073
Всего		181 и 10 м.	1026	250	34 333*	384	35 993

* В том числе значатся при указах и отдельно 1415 штатов и 48 тарифов с дополнительными к оным статьями.

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЖИЗНЬ

Всякий элемент имеет собственную свою деятельность, свою жизнь неограниченную. Нож режет все, колесо может всегда кружиться, но когда деятельность ограничится, когда примет определенную форму, когда ей скажут — доселе, но не далее, тогда у элемента объемлется часть его деятельности, его жизни, он становится орудием другого. Жизнь в целом есть смерть в его частях.

МЫСЛИ, ЖЕЛАНИЯ, СТРАСТИ, ДЕЯНИЯ

Мысли суть общие; желания почти общие; страстей не много, но более нежели когда-либо было; деяний еще менее, но все более нежели прежде.

Вопрос не в том состоит, как переменить мысли и желания, — это невозможно, но в том, как остановить движение и переход желаний в страсти?

Опытом дознано, что противодействие производит два разных последствия в желаниях: в людях молодых оно раздражает их, воспламеняет и ускоряет переход в страсти; в людях старых, боязливых и менее вообще к страстям склонных препятствия погашают их, по крайней мере оцепеняют желания.

Опытом также дознано, что потворство в желаниях и некоторая податливость притупляют их силу и, вводя в бесперывные надежды, заставляют их терять из виду прежнюю цель. Это — тень, но для желаний и тени довольно.

Человек в желаниях вообще любит *завтра*, но не терпит долговременности: первое питает его, второе раздражает и приводит в отчаяние, т. е. к страсти.

Та и другая система были испытаны и оправдались опытом. Все было спокойно до поворота 1817 г. Страсти начались с поворотом.

Но от чего более страстей, нежели прежде?

От преобладания жизни умственной над жизнью вещественною; от сопряжения и многосложности происшествий и упражнения в размышлении; от промышленности. Ни в какой эпохе ум более не развивался и не должен был размышлять, как в тридцать минувших лет.

Никогда не видано таких переворотов; никогда колесо счастья так быстро не обращалось; никогда богатство и состояние людей столь сильно не передвигались.

Одна война может дать другое направление желаниям.

Следовательно, два средства: или податливость, или перемена направления; то и другое может отдалить вопрос — но не кончить.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Самостоятельность есть власть над собою.

Власть над собою не есть самопроизвольность (*spon-tanéité*). Это есть власть управлять своею произвольностию, направляя ее к цели, свободно избранной. Сия власть есть то же, что и способность избирать из многих целей одну.

Следствие самостоятельности есть: 1) свое и чуждое, 2) власть над другими.

Самостоятельность имеет свои степени; сии степени суть состояния лица, т. е. степени самостоятельности.

Состояния или степени самостоятельности суть или *permanents*, или *passagers et momentanés*.^{*} Отсюда разные виды бытия.

Самостоятельность имеет свои пределы.

Пределы сии суть: 1) физические, 2) нравственные.

Физические пределы суть связь человека со всею — *необходимость*.

Нравственные пределы суть связь человека с самим собою и с другими — *обязанность*.

^{*} [постоянные, или преходящие и моментальные (*фр.*)]

Пределы физические не зависят от воли.

Пределы нравственные зависят от воли.

Сознание нравственных пределов, или своих обязанностей, есть *совесть*.

Поступать сообразно сему сознанию нравственных пределов, по совести, есть *правда*.

Власть над собою, в нравственных пределах обращающаяся, есть *право состояния*.

Власть над другими, в нравственных пределах обращающаяся, есть *право над другими*.

НРАВ

Нрав есть совокупность постоянных склонностей, происходящих от сложения, от темперамента и привычек жизни.

Предметы и впечатления, сообразные сим склонностям, нам нравятся; противные не нравятся, независимо от их свойств.

Нрав сам по себе есть свойство животное; он есть или природный, или образованный.

Добрый нрав есть совокупность склонностей, удобных к общению и образованию.

Худой — напротив.

Нрав образуется разумом и совестью.

Разумом образуют нрав к общительности взаимства, совестью — к общительности единства.

Нрав, образованный властью разума и совести, есть *нравственность*.

Чем сильнее власть разума и совести над производным нравом, тем нрав лучше образован, и напротив.

Нрав, наилучше образованный, есть *добрая нравственность*, и напротив.

Нрав всегда участвует в побуждениях, а следовательно и во всех движениях воли.

Степень участия в движениях воли нрава образованного, или недостаток, составляет *нравственную сторону* деяний, намерений и желаний.

Чем более и сильнее участие разума и совести в побуждениях, тем движения воли *нравственнее*, и напротив.

Совершенное безучастие разума и совести в деяниях составляет деяния безнравственные, бессовестные.

Нравственность или безнравственность деяний составляет достоинство деяний.

Достоинство деяний измеряется не просто участием разума и совести в побуждениях, но усилением их в превозможении природного нрава. Чем более сопротивления, тем труднее превозможение и тем более достоинства в деяниях.

Степени достоинств деяния суть: справедливость, добродетель, святость.

Нрав, как худой, так и добрый, образуется постоянными силами, а силы постоянные в человеке суть самолюбие и любовь. Самолюбие есть и в малолетних и безумных, но в них нет любви; следовательно, они могут иметь худые нравы, но не могут иметь добрых; посему деяния их не имеют нравственности, т. е. *доброй* нравственности; но понеже *не могут*, то *худая* нравственность им не вменяется.

Навык везде и во всем призывать в содействие понятие взаимности есть нравственность *добрая*.

Навык все решать без сего понятия есть нравственность *худая*.

Во взаимности есть право и обязанность, есть долг.

Нрав есть свойство самолюбия и степень его относительно к благоразумию и совести. *Правда* есть начало общения, а не самое еще общение. Никто не скажет: правда любви, или любовь праведная.

Искривление нрава есть искривление склонения и, следовательно, спрямление воли.

Ясно, что воля не прежде получает склонение к любви, как преодолев склонение к самолюбию. Линия, где борьба с самолюбием кончается и где начинается склонение к любви, есть *правда*.

Всякое действие исключительного самолюбия есть *обида*; следовательно, правда есть безобидность; но кто перестал только обижать, тот еще не любит. Правда есть *nemi-nem laedere* (никого не обижать); вторая степень *honeste vivere* (честно жить); третья *sumi cuique* (всякому воздавать свое).

Нравственные деяния суть те, в коих обе силы нравственные имеют свободу, действуют совместно. Там, где нет любви с ее союзниками, не может быть и нравственности; там — одно животное самолюбие.

Следовательно, нравственность деяния начинается с того возраста, когда любовь соединяется с благоразумием и совестью, начинает быть силою, а не способностью.

В настоящем положении самолюбие всегда имеет перевес в движениях воли. Когда перевес сей уничтожится, тогда настанет равновесие двух сил; это есть *правда*.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В ДВИЖЕНИЯХ ВОЛИ

В движениях воли есть:

Порядок

Начало: любовь
Побуждения: добро совершенное
Управляющее начало: совесть
Основание: долг

Беспорядок

Самолюбие
Корысть
Окаменелость сердца
Своеволие

СВОБОДА

Свобода есть власть над самим собою.

Свобода есть власть воли располагать вниманием, обращать его на побуждения и удерживать или устремлять его при образовании желаний.

Власть воли не во всех равна; она может быть более или менее. Степень сей власти называется *силою воли*.

Свобода есть неволя разума; признание необходимости нравственной; победа необходимости нравственной над необходимостью физическою.

Право есть та степень свободы, которая дана или оставлена от Бога человеку и без коей человек не мог бы быть лицом.

Быть лицом есть иметь право, иметь что-нибудь *свое*.

Право не есть свобода, но степень свободы, ибо не все *свое* человеку, а есть для него и *чужое*.

В первобытном состоянии не было ничего чужого, ибо все было свое, т. е. общее.

Но право дано или оставлено человеку условно; условие сие есть правда.

Где мысль и намерение несогласны со словами и деяниями, там нет правды, там нет и права. Ибо для чего мысли

несогласны со словами и намерения с делами? Для того, чтобы присвоить себе чужое, а право не есть свобода, но степень свободы.

Какая цель человека? Очищение и приготовление ума и сердца, а это достигается скреплением союзов, любовью.

Любовь и свобода суть одно и то же. Любовь есть союзность, свобода есть самостоятельность. Одно бытие союзное есть бытие самостоятельное.

Отличительное свойство души есть сливаться с другою душою, превращаться в нее, жить ее жизнью, иметь одну волю, один ум, одно чувство. Это факт.

Если бы это было и очень редко, то и тогда нельзя было бы отвергнуть, что это есть душе свойственно.

ЧЕСТЬ

Честь есть чувство правды *в гражданских отношениях*.

Как чувство правды и чести образуется в нравах гражданских, народных?

В России оно начало проявляться около времени Екатерины II; ибо правда есть благоразумие и совесть, то и другое образуется в гражданских нравах временем и постоянным порядком гражданственным.

Чувство правды есть чувство потребности в прямоте воли, независимо от мнения других.

Чувство чести есть чувство потребности в добром мнении, т. е. в том, чтобы другие были уверены в прямоте нашей воли.

Отсюда правда внутренняя и внешняя — совесть и честь.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Человек редко имеет одну систему поведения; всегда почти две: настоящую и будущую. Одна есть система действий, другая — желаний.

По большей части мы готовы жертвовать будущее настоящему, ибо будущее только грозит или обещает, а настоящее нудит или услаждает.

Одни токмо души силами твердые и бесстрашные умеют или согласить будущее с настоящим, или подчинить настоящее будущему.

Чем человек малодушнее, тем привязанность его к будущему слабее: он или не может, или боится сильно желать.

В частном быту сии противоречия не столь приметны, хотя тем не менее действительны; но в высоких положениях, где каждое действие проводит глубокую черту последствий, они весьма ощутительны.

В высоких положениях малодушие делит свет и людей на две части: одна, и самая большая, принадлежит настоящему, другая будущему. Первой — все, второй — одна пощада, снисхождение, изредка улыбка.

Не так ли мы поступаем и с высшим, вечным нашим будущим? Вздохи, мысли, молитва, изредка слеза — вот все приношение.

ЧЕСТЬ И СВОБОДА, ОДНО И ТО ЖЕ

Я держу слово из чести, т. е. чтобы показать, что я свободен от принуждения переменить то, что я определил, ибо перемена сия означала бы действие на меня внешней власти, побуждений, не мною избранных.

Побуждения, мною самим избранные и заблаговременные, суть побуждения, сообразные со свободою. Но побуждения, избранные по необходимости, не суть свободны. Посему побуждения тогда только не суть понудительны, когда я могу их без большого себе вреда отвергнуть — не действовать.

Чем человек более отходит от себя и погружается во всеобщее, тем он честнее, т. е. свободнее. Эгоизм есть рабство, союз есть свобода. Желая всего для себя, человек весь в долгу, ибо, все занимая, он от всего зависит; желая для других, другие у него в долгу.

МУДРОСТЬ

Что называем мы мудростью *в определенном деле*? Поступок, основанный на соображениях дальновидных, верных и человечеству полезных.

Следовательно, мудрость *и вообще* есть способность и навык поступать по соображениям, сходственным последнему предопределению человека.

Из сего следует, что к приобретению мудрости нужно: во-первых, знать предопределение человека, во-вторых, иметь навык поступать по сим соображениям.

Чем тонее органы, тем тонее и раздельнее чувствования. То же должно заключать и о разуме и о знании; органы его суть размышление.

Как очищать и утонять органы размышления? В сем состоит все дело. Жизнь, удаленную от чувств, созерцанием и освящением.

Но прежде сего очищения должно познать самое действие размышления.

Разрешением понятий занимались Локк и Кант.

Локк разрешал понятия одними поверхностными их наблюдениями.

Кант раздробил их тонее.

Из сих раздельных понятий надлежало последовательно снова сложить мир и человека.

Из Локкова раздробления сие было не трудно: части его так грубы, что они могли быть составлены одним приложением. Но при сем вопрос о сходстве мира мысленного с миром вещественным остался неразрешенным и весьма темным.

Когда приступили из Кантова раздробления слагать мир и человека, тогда произошло еще более затруднения.

Две системы отсюда возникли.

В одной все есть душа (*idealismus*), в другой все есть одушевленный мир (*spiritualismus, naturalismus in stricto sensu, vel pantheismus*), и здесь мы остановились. Ясное доказательство, что то и другое разрешение ложно.

Совсем другой вопрос: сходны ли наши понятия с вещами физическими? Сей вопрос есть тот же, как сходна ли линия, на бумаге проведенная, с линиею, в натуре на здании существующею? Сходна, но по данному масштабу или конструкции. Несходна в величине, в материи и в плане, на коем она проведена.

Вся ошибка Кантовой философии состоит в том, что он конструкцию вещи принял за самую вещь. Конструкция вещи в самой себе возможна, но вещь сама невозможна.

Есть ли вещи сами в себе неизмеримые, т. е. есть ли вещи, которые сами себя мерить не могут? Но ничто само себя не измеряет, а всегда измеряется другим.

Есть ли вещи в самих себе красные, черные и проч.? Само в себе все неизмеримо, так как само в себе ничто не имеет цвета. Цвет есть соединенное явление двух друг на друга действующих тел света и поверхности.

Есть ли вещи сами в себе, или могут ли быть вещи в самих себе (*substantio*)? Вещь сама в себе есть та, которая может существовать без мира, без Бога и без человека. Я могу вещь сию вообразить как геометрическую линию; но в то же время я должен знать, что она не существует и не может существовать вне моего воображения. Она есть *ens in abstracto*. Мы не знаем вещей самих в себе; знаем *in abstracto per constructionem*, потому что сами дали им сию конструкцию. Не знаем *in concreto* и знать не можем, потому что *in concreto* их нет и даже быть они не могут, ибо вещь одна, не действующая и не действующая, невозможна.

Следовательно, искать вещей в самих себе есть то же, что искать тождества между линиями физическими и линиями геометрическими. Вопросать: сходны ли наши представления с вещами в самих себе, есть то же, что вопрошать, сходна ли линия, на бумаге проведенная, с умственной линией геометрической. Она сходна и нет. Первая всегда имеет норму, а вторая нет.

НУЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ

1) Чего желает крестьянин помещичий?

Желает быть казенным.

2) Чего желает крестьянин казенный?

Чтоб подати были умеренны, чтоб они были соразмерны земле и промыслам, чтоб они были уравнительны, чтоб надел земель был достаточен и чтоб все сие определено было законом, а не произволом местных начальников.

3) Чего желает мещанин?

Чтоб или промыслы его, стесняемые ныне с одной стороны купцами, а с другой — крестьянами, были расширены и иначе установлены, или повинности его соразмерены.

4) Чего желает купец, фабрикант и заводчик?

Чтоб кредит был верен, чтоб курс был выгоден, т. е. чтоб иностранные товары были дешевы, а внутренние дороги, чтоб тарифы не были переменяемы без совета и согласия тех, коих все имущество и все предприятия с ними связаны.

5) Чего желает духовенство?

Чтоб отъято было противоречие между достоинством их звания и унижением и бедностью их состояния, чтоб люди обязанные к умственным упражнениям не были смешиваемы с людьми рабочими, чтоб бытие их теснее было связано с гражданским порядком и чтоб гражданское просвещение или образование помогало, а не противоречило духовному.

6) Чего желают гражданские чиновники?

Насущного хлеба, возможности приобретать его без преступлений, способов упражняться в законах и образовывать детей своих без страха нищеты и унижения.

7) Чего желает дворянство?

Твердой собственности, доходов верных, независимых от колеблющегося духа крестьян, уравнивания налогов, уважения в гражданской службе, лучшего воспитания детей, сокращения издержек, употребляемых на их образование и службу, и наконец, законов твердых и постоянных.

СТЕПЕНЬ НАСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Все сии нужды и желания еще не настоятельны. Они изображаются не постоянным некоторым исканием, но временными жалобами, минутным ропотом, праздными беседами и более всего злословием, недоверием, предубеждением или равнодушием ко всем постановлениям правительства.

Но они могут соделаться настоятельными; так везде они начинались и возрастали. Время, умножая их причины, обыкновенно усиливает их действие.

Крестьяне помещичьи не становятся беднее, но желания и вкусы их расширяются, и следовательно, состояние их делается им прискорбнее.

Крестьяне казенные, собственно земледельцы, беднеют, ибо число их умножается, а земли не прибавляются, подати возвышаются, несоразмерность и неуравнительность возрастают.

Крестьяне, промышленники и торгующие, богатеют; но класс сей в сравнении со всею сложностью крестьянского сословия малочислен и богатством своим не только не облегчает всего сословия, но служит ему предметом зависти и раздражения.

Если бы крестьяне-земледельцы менее обременены были налогами или налоги были бы более уравнительны, тогда

недостаток земли мог бы быть вознаграждаем лучшею ее обработкою; но искусственная обработка требует капиталов.

То же должно сказать и о прочих сословиях. В общественном порядке всякое зло усиливается временем.

СПОСОБЫ

Способы могут быть двояки: меры правительственные, меры законодательные.

Первые легки, но непрочны, ибо не имеют ручательства.

Вторые трудны, но прочны, ибо основаны не на букве, но на живой, действующей нравственной силе.

Вопрос: возможно ли у нас образование сей нравственной силы?

Вопрос сей разрешается на два следующих.

Российское государство может ли избрать и представить в высших и средних его сословиях от 1500 до 2000 лиц с уважительной степенью просвещения, имущества и общего доверия?

Российское государство может ли уделить от 5 до 10 миллионов дохода на учреждение и постоянное содержание законодательного сословия?

Вопросы сии хотя и кажутся на первый взгляд просты, но разрешение их затруднительно. Доброе и твердое законодательство везде предполагает высокую степень нравственного образования и народного богатства.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Сила всех государственных Уложений (Конституция) состоит в двух следующих положениях:

- 1) Не постановлять ничего важного без Общего Совета.
- 2) Общий Совет составлять по правилам единообразного выбора уравнительно из всех свободных сословий.

Следовательно, все зависит от свойства избранных лиц.

По сему свойству действие их в отношении к правительству может быть маловажно или уважительно.

В первом случае государство будет содержать большое политическое зрелище и труппу актеров.

Во втором — направление Совета может быть двояко. Если он будет окружен доверием, не имея ни сведений, ни навыка в предметах управления, тогда требования и притязания его будут сильны, стремительны, неблаговременны; для утверждения своего доверия именем пользы и облегчения народного он потребует великих жертв от правительства.

Если при доверии он будет иметь и сведения, и нравственное достоинство, тогда он будет подпорою правительства.

Вопрос: из сих трех случаев какой у нас вероятнее?

Начнем с последнего. Высшая степень образования без сомнения принадлежит у нас дворянству. Но исключив чиновников военных и гражданских, кои не могут собственно войти в состав Общего Совета или места их останутся праздны, что останется в сословии дворянском? Малые и старые, люди, приобывшие к городской или деревенской праздности, люди, сведущие в сельском хозяйстве, но никогда не занимавшиеся важными политическими вопросами; люди, не приуготовленные к ним ни теориею, ни опытом, и сверх того малочисленные. То же, и еще с большим основанием, должно сказать о купечестве и мещанстве. Состояние наших капиталов, самый образ торговли большею частию внутренней и раздробительной, требующей более механического движения и мелких местных познаний, нежели общих и обширных соображений умозрений, не позволяют предполагать в сем сословии ни сведений, ни навыка. Самое число их столь ограничено, что без отвращения от их промыслов выбор их в значительном количестве почти невозможен. Духовенство и крестьянство не составляют у нас сословия: *первое* — по нищете, *второе* — потому, что не имеет собственности.

Следовательно, последний случай, т. е. возможность законодательного сословия сильного и просвещенного, весьма мало представляет вероятности.

Посему одно из двух: или сословие сие будет простое политическое зрелище, или по недостатку сведений примет оно ложное направление.

В первом случае неудобство состоит: 1) в значительной издержке без видимой цели, 2) в предлоге нареkania правительству.

Польза, напротив, может состоять в том, что правительство, поставив себя сим учреждением впереди народных желаний, станет вне опасности всякого внезапного движения.

О ВЛИЯНИИ РАЗУМА И СОВЕСТИ НА ЖЕЛАНИЯ И НАМЕРЕНИЯ

Все желания и намерения воли сопровождаются разумом и совестью.

Разум судит о пользе и вреде личном, но только соединяя будущее с настоящим, последствия с намерениями.

Совесть судит о пользе и вреде каждого намерения в отношении к созданию, соединяя настоящее и будущее *личное* с настоящим и будущим *всепревечным*.

Кто поступает по внушениям разума, тот благоразумен; кто поступает по внушению совести, тот правдив.

Кто поступает против внушения разума, тот безрассуден; кто поступает против внушения совести, тот поступает лживо.

Справедливость есть вид правды. Нельзя быть справедливым ни в союзе с Богом, ни в союзе с собою; можно быть справедливым только в союзе с другими.

Союз с Богом и с собою есть только внутренний; союз с другими есть внутренний и внешний. Справедливость есть правда в отношении к союзу внешнему.

Сия правда может быть *неправдою* в отношении к союзу внутреннему.

Воля имеет только два желания первообразные, непосредственно от произвольности ее возникающие: быть и быть счастливым, сохранять бытие и усовершенствовать его.

То и другое желание равно самородны и не предполагают никаких побуждений. В них воля сама себе закон (*autonomia*).

Но сила сих желаний различна. Первое основано на необходимости и не терпит постепенности; второе есть постепенно и, следовательно, может быть ускорено и умедлено. Потеряв бытие, теряем и возможность усовершенствования; но отложив усовершенствование, можно сохранить бытие.

Следовательно, первое желание основано на необходимости; но как назовем мы основание второго?

Если я не сделаю того-то, то я умру; следовательно, сделать то-то есть *необходимость*.

Если я не сделаю того-то, то утрачу случай усовершенствовать бытие; но случай сей может опять возвратиться, следовательно, нет совершенной *необходимости* сделать то-то. Но что же есть? *Обязанность*.

В первом случае я сам уничтожаю собственную мою свободу, ввожу себя в сферу необходимости, так что я не могу поступать иначе.

Во втором я токмо ограничиваю свою свободу, ставлю ее в зависимость, но не уничтожаю ее действия; я предоставляю себе действовать иначе, ценою моего счастья.

Правду *говорят* и согласно с правдою *поступают*.

Говорят правду, когда говорят, что мыслят. Следовательно, тождество мысли и слова есть правда; не тождество их сходства, их выражения, но тождество намерения и выражения.

Не говорят правду в понятиях отвлеченных, но в предметах нравственных. Астроном не говорит правду, когда выражает свои мысли явственно о своей науке, но говорит правду, когда словами обнаруживает нравственные помышления или внутренние сведения. Следовательно, правда, изображаемая словами, есть внутреннее помышление, сведение или убеждение души, мнение ее о нравственном предмете. Правда есть совесть. Сказать правду есть открыть свою совесть.

Посему поступать согласно с правдою есть поступать по совести.

Деяния произвольные суть деяния правдивые, когда они согласны с совестью.

Но когда деяния согласны с совестью? Когда мы поступаем по совести? Когда поступаем по одному убеждению нравственного добра, признаваемого совестью, не преклоняясь к побуждению добра чувственного, когда властвует нашими деяниями совесть.

Знатная часть неурядиц и несчастий в обществе происходит от разности в нравственном образовании людей.

Есть умы и есть сердца, кои живут веком впереди; есть другие, кои живут веком позади; есть, наконец, иные — и большая часть — кои живут только в настоящем, без воображения и памяти. Какой источник споров и противодействий, ибо каждый не только хочет мыслить, но и действует по-своему!

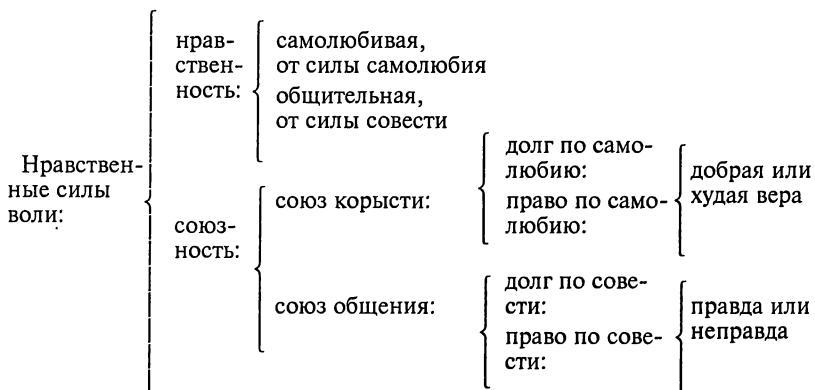
Мудрость правительства состоит не в том, чтоб погасить ум и воображение, и не в том, чтоб изгладить воспоминания, не в том, чтоб охранить одну цепенеющую, хладную жизнь

настоящего. Это значило бы погасить веру и надежду, всякое чувство усовершеня; это есть род богоотступничества и эпикуреизма; это есть подвергнуть общество всем опасностям непредвидимых внезапностей.

Мудрость правительства состоит в умерении взаимного действия сих трех начал, беспрестанно борющихся и враждующих, и самую вражду их обратить в пользу усовершеня, но усовершеня не порывистого, а мирного и постепенного.

Большая часть превращений произошла от того, что люди с пламенным воображением обыкновенно свои желаня и надежды представляют себе желанями и надеждами общими и, следовательно, ставят всех других в одинаковой степени образования. На поверку же выйдет, что под теми же словами общего блага все понимали не общее, но свое благо, и следовательно, каждый хочет образовать общество по-своему и, большею частию, в свою пользу.

В странах европейских умы первого рода взяли приметный перевес. Интерес всех правителей состоит ныне в том, чтоб дух сей не проник и в Россию. Ибо на российском правительстве утверждается якорь всех государей против внутренних волнений. Россия одна может им сказать: quos ego;* без России все они ринулись бы опрометью в страну надежд и желаний.

Нравственные силы суть двояки: одни управляемые, другие управляющие. Управляющие суть самолюбие и любовь; управляемые суть нравы и союзность.

* [я вас! (лат.)]

О НАЧАЛЕ ОБЩЕСТВ

Как скоро два лица согласились между собою в том, чтобы признать себя взаимно существами нравственными, соединенными уже между собою общим союзом человечества, жить в совокупности для безопасности и пользы, то между ними установился союз общежития (*le lien de la vie sociale*).

Существенные принадлежности сего союза и различие его от всех других союзов состоит:

1) В том, чтобы признать себя взаимно нравственными существами в отношении одного к другому и, следовательно, признать:

а) Что каждое лицо имеет власть над собою и каждое свободно; б) что каждое способно вести себя по закону разума и, следовательно: в) ответствовать за свои деяния и г) быть должным другому или иметь долг на другом.

2) В том, чтобы признать себя нравственным существом и в отношении ко вселенной, т. е. признать себя взаимно состоящим по крайней мере в одном из двух высших и первообразных союзов (с Богом и человечеством), в союзе с человечеством и, следовательно: а) признать бытие нравственного добра и зла; б) бытие нравственной правоты, *aequitatis*, т. е. необходимость быть верным сему союзу.

Никакой постоянный и прочный союз общежития без сих принадлежностей существовать не может, ибо, положим, *во-первых*, что не будет в нем первой из сих принадлежностей: свободы; тогда нет союза общежития, но есть состояние насилия и рабства; положим, *во-вторых*, что есть первая принадлежность, но нет второй, есть свобода, но нет признания нравственного добра и зла, нет признания правоты, тогда чем измерять свободу? Чем определить ее при первом споре? Следовательно, при первом споре союз разрушится, ибо лишится единственного своего утверждения (*sanctio*).

Следовательно, союз общежития должен иметь не одну, но две стихии:

1) Взаимность свободы и

2) Утверждение ее, нравственную правоту.

И не должно думать, чтобы признание сих двух стихий, и особливо последней, было слишком отвлеченно для первоначальных обществ; понятие может быть отвлеченно, но чувство их весьма просто. Они находятся в самом первом соединении общежития семейственного, в отношениях мужа и жены, родителя и чад.

Чем союз мужа и жены прочен, почему он есть союз, а не случайное сопряжение?

Скажут — по любви, по привычке, по нуждам, по пользам взаимным. Мы здесь разумеем союз супружеский как союз общежития и, следовательно, допускаем в нем свободу лиц, первую стихию общежития, а не состояние рабства.

При свободе же обоих лиц может ли существовать любовь как нравственное чувство привязанности, без чувства добра и зла, без различия правого от неправого, словом, без признания первообразного союза с человечеством? Любовь нравственных существ между собою есть не что иное, как частное выражение любви к человечеству. То же можно сказать и о привычке.

Нужды и пользы не могут прочно охранить взаимной свободы, и напротив, сильнейшая сторона всегда найдет нужду и пользу привести в рабство слабейшую и, следовательно, разрушить союз, превратив его в состояние рабства.

Те же самые рассуждения еще с большею силою прилагаются к союзу между родителями и детьми их возмужавшими.

Следовательно, ни в теории, ни на событиях невозможен союз общежития без определения свободы, без признания добра и зла, без чувства правоты, словом, без чувства первообразного союза с человечеством.

Пример семейств блуждающих и бродячих в диком состоянии здесь ничто не доказывает.

Тут нет семейственного союза общежития, где один сильнейший влачит за собою, под именем жены и детей, стаю рабов, ему подчиненных, всегда готовых от него отделиться при первом перевесе пользы или при первой возможности безопасной свободы. Семейственный союз может быть только там, где есть власть и повиновение, но не сила и рабство.

Когда образуются семейственные союзы? Тогда, как люди, выйдя из сего состояния, почувствуют разность добра и зла, признают взаимно себя свободными и состоящими в общем союзе человечества. Откуда бы могли иначе произойти выражения *humanitas* прав человечества и тому подобные.

Человеку врождена любовь к человечеству, но чувство сие подавляется дикостью. Как скоро глас духа ему сделается внятн, то он говорит ему, что он во всех один и тот же.

ЦЕЛЬ ОБЩЕЖИТИЯ

Не та цель общежития, чтоб сделать каждого окончательно счастливым, но цель: 1) обезопасить каждого, 2) удостоверить труд, 3) приуготовить к высшему порядку, воспитать.

Возмущение против общежительного порядка происходит от того, что приучали людей взирать на него как на последнюю цель бытия, не видя ничего далее. Общество есть степень, а не верх нравственного порядка; верх есть религия.

Спор о формах правления есть спор о методах воспитания.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА

Общежитие не может сделать всех счастливыми и довольными, не может удовлетворить всех бесконечных желаний. Винить общежитие, требовать от него более, нежели что может оно дать, есть болезнь нашего века.

О ВОЗРАСТАХ ОБЩЕСТВ И О СООБРАЖЕНИИ С НИМИ МЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ

Общества человеческие имеют свои возрасты. Законодатель не может и не должен изменять сих возрастов, но он должен с точностию знать их и каждым управлять по свойствам его. Предпочитать один возраст другому есть то же, что предпочитать младенчество юности, юность мужеству, мужество старости. Каждый возраст имеет свои преимущества и свои слабости. Можно, но весьма неблагоприятно, предупреждать возраст законами, разве потребуют сего внешние (обстоятельства), сильные побуждения.

Есть общества, кои не доживают до старости оттого, что в юности состарились. Но в общем плане смерть младенца и старика одинаковы. Тот и другой живут столько, сколько нужно им было жить для явлений действующего в них духа. Сила и цель всех законов есть сохранение общества в порядке его возрастов. Полезнее было бы продолжать один возраст как можно более, но сие невозможно, потому что каждое обще-

ство есть часть целого. Где географическое положение сие дозволит, там общество долее живет.

Не должно думать, чтобы во всех частях большого общества мог быть возраст одинаков. Между тем как одни уже состарились, другие еще во младенчестве. Отсюда трудности и разнообразие законов и злоупотребления. Одни требуют молока, другие вина; одни обманывают, другие обманываются. Народное просвещение есть не что другое, как уравнивание возрастов или сближение их.

Науки не сами по себе, но только потому полезны, что они упражняют ум и приводят его от грубой чувственности к понятию о союзах.

О ПРАВЕ ВООБЩЕ

Право иногда употребляется в смысле закона (objective), а иногда в смысле власти (subjective). Употребление сего слова в первом смысле российскому языку несвойственно. Слово *jus* могло быть употребляемо в смысле закона, ибо оно происходит от *jussum* (*jus a júbendo*); по сему понятию *jus* есть род, а закон — его вид. Но слово *право* происходит от слова *править*; правят *по закону* лица и места, *законом* установленные, но закон сам по себе не правит. Управление действует по закону, но закон различен от управления. Право есть следствие закона и законом определяется. Если закон называть правом, то право (subjective) будет определяемо правом (objective), — смешение и в других языках весьма примечательное, но от привычки и употребления менее приметное.

Право обыкновенно различают от действительной власти и поставляют его в одной способности или возможности иметь власть. Сие происходит от того, что власть (*polestas*) смешивают с владением (*possessio*). Власть над имуществом имеет три степени: в первой она устанавливается, во второй совершается, в третьей вступает в силу обладания. Каждая из сих степеней власти есть право, но в первой — право установленное, во второй — право совершенное, в третьей — право обладания. Напр[имер], заключен, но нигде не явлен договор на покупку имения, — сим *установлено* право, т. е. власть продавца на деньги, когда покупатель получит власть на имущество; договор явлен и совершен в актах, — сим *совершено*

право, прежде установленное; наконец, продавцу заплачены деньги, а покупатель введен во владение, — сим право совершенное вступило в силу *обладания*. В каждой из сих степеней есть власть, а не одна возможность; если право есть возможность обладания, то что же будет право обладания, возможность к чему? Что будет обязанность, каждому праву соответствующая? Неужели одна возможность повиновения? Правда, что один может иметь право на имущество, между тем как другой им владеет, и сие дает понятию права вид одной возможности, а не власти; но в сем примере первый не имеет права обладания, а имеет право установленное или совершенное, он имеет токмо притязание к праву обладания, а второй имеет право обладания: если право первого судом утвердится, тогда притязание его обратится в право обладания, а право последнего признано будет завладением.

Во всех законных приобретениях не столько предмет права, сколько власть над ним, т. е. право на него, приобретается.

Что приобретает частное лицо, когда приобретает состояние? Одну власть пользоваться тем состоянием, к которому оно причислено. Следовательно, приобретает право состояния.

В приобретении недвижимых имуществ приобретается также власть располагать ими по произволу. Часто лицо, их приобретающее, не вступает и даже не может вступить в действительное их употребление, но имеет власть употреблять их, т. е. приобретает на них право.

В приобретении движимых имуществ также большею частью приобретается власть права, нежели предмет права. Из сего исключаются те токмо движимые имущества, коих обладание по особенному их свойству всегда или большею частию сопряжено с действительным их употреблением, как-то наличные деньги.

В приобретении личных прав всегда приобретается право, а не предмет его. Нельзя сказать: я приобретаю действие другого, но я приобретаю власть, право над действием другого.

Приобретение:

а) Первообразное из общественного.

б) Производное от других из общего в общее и из особенного в особенное.

в) Производное из общего в особенное (*de communi dividundo*).

К первообразному приобретению должно отнести все, что приобретается трудом, искусством и знанием. Сюда принадлежит собственность открытия и сочинений в науках, искусствах и ремеслах.

В приобретении производном (в) из общего в особенное должно установить: 1) каким образом имущество может вступать в общее владение: [а) *per modus primitivos*, б) *per derivativos*] даром, выделом, договорами, наследством; 2) каким образом выходит из общего. Сюда принадлежит и тот случай дележа, где главная часть имущества увлекает все с нею сопряженные.

Посему в 3-й книге разделить: а) о первообразном приобретении, б) о производном простом, в) о производном сложном.

Право не должно смешивать со способностью.

Право *subjective* имеет два разных значения: определенное или неопределенное; право на сию именно вещь, на то или другое действие лица есть право определенное; право делать или не делать, употреблять или не употреблять что-либо есть право неопределенное.

В первом смысле право есть всегда власть; во втором оно есть токмо способность. В первом смысле оно есть истинное положительное право, ибо оно определяется и охраняется законом; во втором оно не есть положительное право, ибо оно не определяется и не охраняется законом, но токмо им не воспрещается, оно стоит вне положительного закона и им не объемлется, и сие право в истинном и точном смысле можно назвать правом естественным или нравственным.

NB. Во введении о различии законов нравственных нужно прибавить: от закона нравственного возникает и право нравственное. Оно не что иное есть, как способность, нравственным законом определяемая, оно не есть власть, потому что нравственный закон не имеет понудительной силы охранения.

Смещение коренных понятий о силе охранительной было причиною смещения и в законе, и в праве и его определении.

О СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ СОБСТВЕННОСТИ

Законы собственности в Юстиниановом изложении следующий имеют вид. Они делятся на три главных отдела: 1) законы о лицах, 2) законы об имуществах и 3) законы об исках.

Впоследствии при разных приспособлениях сей системы к местному разных государств законодательству они получили следующий почти общий или по крайней мере обыкновенный вид. Из первых двух отделов составлены три части Уложения под именем закона о лицах, о вещах и закона об обязательствах, а из третьего отдела об исках составлено особое Уложение, или Устав судопроизводства, который иногда, слагаясь с учреждением судебных мест, именуется вообще Судебным Уставом, а иногда отдельно составляет Книгу о судопроизводстве.

От сего общего состава, в Германии принятого, во Французском Гражданском Уложении сделано некоторое отступление. Сие Уложение разделено на три части: 1) о лицах, 2) об имуществах и разных их изменениях, 3) о разных образах приобретения собственности.

Не должно искать точности в Юстиниановых изложениях. Это суть более рассуждения законника о законах, нежели самый текст закона. Посему можно пройти без замечания разные смешения в словах и выражениях, но нельзя не заметить следующих главных неудобств в сих изложениях.

1) Первая их часть, законы о лицах, представляет довольно правильное очертание законов не о лицах вообще, но о праве состояния лиц, хотя много тут есть пропусков и смешения в понятиях о приобретении сего права и о способах, коими оно совершается. Главный недостаток сей части состоит в том, что она выходит из своих пределов и сливается со второю; в ней определяется не токмо право состояний, но и образ приобретения прав вещественных в некоторых состояниях, как-то: в малолетстве, в праве родителя над детьми, в рабстве и проч.

2) Вторая часть, о вещах, есть смесь всего, что можно сказать в законе об имуществах. Здесь разделение и роды имуществ смешаны с их приобретением, право личное смешано с вещественным, охранение смешано с правилом. Сверх того, как общие правила о приобретении имуществ изменяются по различию прав особенных состояний, то надлежало сделать одно из двух: или составить из сих изме-

нений особенное отделение, или при каждом правиле означать все его изъятия. Не сделано ни того, ни другого; напротив, некоторые из сих изъятий помещены в первой части, и вещественные права отнесены к закону о лице, другие оставлены во второй части. Но важнейшее неудобство состоит в зыблемости и неопределительности понятий собственности (*dominii*), обладания (*possessionis*) и завладения (*usurpationis*). Для установления сих понятий написаны целые библиотеки, но предмет сей остался столько же темным, как и был прежде.

3) Третья часть, об исках, представляет законы об охране права собственности, ибо иск есть средство к отысканию права в суде и, след[овательно], к охранению его — *actio est remedium juris*. В сей части менее допущено смешения, нежели в других, хотя и в ней есть много правил, кои более принадлежат ко второй части, нежели к третьей.

Недостатки Юстиниановых изложений в приспособлении их к местному законодательству других государств отчасти исправлены, но коренной порок неправильного и произвольного разделения предметов остался без исправления.

Разделение во Французском Уложении, более уклоняясь от образца Юстинианова, более имеет и правильности. Но смешение предметов в первой части также ощутительно. В ней, устанавливая право состояния, устанавливается вместе и право вещественное некоторых состояний, право, по тому же разделению принадлежащее к третьей части, т. е. к образу приобретения. Во второй части есть смешение понятий о собственности, тем более разительное, что в сей части собственность определяется как *dominium plenum*, а в третьей части все договоры найма и тому подобные виды *dominium non plenum* вмещаются в понятие той же собственности. Оттого, что не отделены и не собраны воедино изменения в вещественном и личном праве, от различия состояний происходящие, изменения сии, исключая прав торгового состояния, рассеяны во всей книге в виде частных случаев или изъятий, и тем, с одной стороны, связь самых правил беспрестанно прерывается, а с другой — трудно определить с точностью, каким изменениям в праве подлежит каждый род состояния. Право крепостное (*jus in re*) нигде с точностью не определено и не различено от других прав (*jus ad rem*). Охранение в одних местах присоединено к правилу, в других же, и в большей части, отнесено к особой системе, к Уложению о судопроизводстве.

О ЯСНОСТИ В СЛОГЕ ЗАКОНОВ

Многие под именем ясности в слогe разумеют такое изложение, по коему можно было бы разуместь каждую статью закона, раскрыв только книгу и по одному взгляду, не учась, не вникая, без соображения. Сей ясности мы обещать не можем. Есть статьи, кои по первому воззрению могут быть каждому вразумительны, но есть другие, и большею частию, кои требуют предварительных познаний и, следовательно, труда и прилежания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАКОНОВ

В учебном уложении законов есть тот главный недостаток, что одна токмо, и то малая, часть законов, а именно законы о праве, т. е. распределение и охранение его, преподаются; прочие же части не объемлются наукою, между тем как сии части для практики суть самые нужнейшие. Отсюда происходит то невежество ученых людей в делах службы, которое вошло почти в пословицу.

В школах обыкновенно обучают: 1) законам о распределении прав; 2) законам об охранении прав наказаниями; 3) уставу судебному и 4) небольшой части уставов экономических, под именем экономии политической; из сих четырех частей самое большое место занимают законы гражданские.

Все сии познания без связи их с прочими уставами и учреждениями мало приносят пользы, ибо в практике вопросы возникают более из уставов, нежели из прав.

Большая часть времени теряется на право римское, но право сие не может представить полной системы. Нам остались от него одни токмо отрывки, и в самых сих отрывках главные черты суть невразумительны.

В изложении законодательном есть смешение понятий об уложении законов в их совокупности (code) и об уложении их частном (manuel). Так, например, во французском общем уложении вмешано частное уложение торговое; как частное уложение оно не полно, ибо в нем нет торговых уставов и учреждений, как часть общего оно не соответствует своему целому и прерывает связь его. Важнейший пропуск французского уложения суть уставы об актах.

В уголовных уложениях смешаны преступления против прав с преступлениями против уставов.

ПРЕДЕЛЫ ПРАВА ДЕРЖАВНОГО

Есть два предела в праве государственном, державном, в коих, состоя по необходимости, оно никогда и нигде не может быть деспотическим. Власть без границ не есть право, но власть Богу одному над людьми свойственная. Даже власть господина над рабом не может быть неограниченной, ибо раб не только может убежать, но и умереть. Одна только власть человека над вещью может быть неограниченна, но это уже не власть, а сила.

Первый предел верховной власти полагается самим ее началом (*in abstracto*). Он устанавливается единственно для хранения прав гражданских лиц, сей власти подлежащих, но если она не ограничена, то лица становятся вещами и прав не имеют. Следовательно, и охранять нечего, и власть сия не есть право, но только сила. Доколе сила сия действует во благо, дотоле она должна быть уважаема не как право, но как польза или необходимость по расчету, а не по правде.

Второй предел составляет в том (*in concreto*), что власть державная не может никогда вся заключаться в одной воле. Она может иметь только высшую первообразную степень законодательства и управления, для второобразной же степени того и другого, то есть для приложения закона к делам, необходимы нужные установления, следовательно, каждый раз есть две воли. Когда они не согласны между собой, они ограничивают себя взаимно. Посему власть верховная тогда была бы только деспотической и крепостной властью, когда бы все установления были совершенно безгласны и в точности исполняли только ее волю, были ее рабами, — предположение в большом государстве редко возможное и всегда непродолжительное, ибо оно противно человеческой природе. Не только каждое установление, но и каждое лицо в установлении желает сохранить свою личность, и хотя история представляет много примеров рабства, но рабство сие никогда не было продолжительным, власть везде слабела и сама себя стесняла полным на словах, но слабым на деле исполнением ее законов. Там, где нет свободы, обыкновенно бывает попущение (*dissolution*) — сила на словах, слабость на деле.

Общество не может быть без права, но не может быть и без пользы. Верховная власть может быть по правде правильна, но противна пользам. Здесь начало революции, и напротив, власть может быть без права, будучи просто силой, но может быть полезна. Чтобы власть была правильна, она должна быть ограничена. Лица вне ограничения не должны быть вещью. Можно ли иметь гражданские права при власти неограниченной?

ИСТОЧНИК ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ

Тайна любви к отечеству состоит в стремлении к единству всех моментов его бытия, человек отвращается от всего, что его двоит и раздробляет. Он хочет быть непрерывным. Любовь к отечеству — ответ воспоминания общего начала высшего отечества. Любовь к истории тоже. Человек ищет, сам не зная для чего, возврата к своему началу. Почему история для нас интересна? Потому что в роде человеческом видим себя.

ПРАВО ВЕРХОВНОЕ

Право верховное не есть право в обыкновенном смысле; оно есть право *Божиею милостию*, право священное, свыше устроенное, и одно, которое может назваться правом естественным. Оно состоит в том единственно, чтобы давать законы, основанные на правде (*aequitati*), и управлять по оным без всякого своекорыстия и не ища никаких собственных и отдельных польз; и понеже правда сама в себе беспредельна, так и власть, на ней основанная, беспредельна; иначе право сие не было бы верховным. Оно не может быть следствием никакого договора, ибо всякий договор предполагает судью и силу высшую и отдельную от сторон, в договор вступающих. Оно сохраняет сей характер, доколе не сливается с другим каким-либо правом, и действует одно само собою, во всей его чистоте и независимости; всякое слияние унижает его, переменяет самое существо его. Сливается ли оно с правом государственным, тогда где же будет право частное? Сливается ли оно с правом частным, тогда где же будет право государственное? Верховный правитель будет помещик большой деревни, но не государь. В том и другом случае кто же будет определять пределы власти государства или людей частных?

Сие то смешение права верховного с правами низшими составляет то, что собственно именуется деспотизмом. Это не есть особенная форма права, но смешение права, слияние священного с человеческим (*miscet divina humanae*), верховного с подчиненным. И сие смешение, сия перипетия не есть особенно свойственно одним монархиям. Оно может быть равно в аристократиях и демократиях, если токмо демократии возможны или когда-либо и где-либо существовали.

ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Право государственное различается от права гражданского тем, 1) что цель его не в нем самом, а вне его; оно есть власть, установленная для защиты другой власти; 2) что оно располагает не своими собственными, но присвоенными ему силами; 3) что оно само себя защищает и охраняет, между тем как право гражданское им защищается и охраняется, воспрещая себе самоуправство.

Право государственное всегда есть власть верховная (*impregium*), а право гражданское есть просто власть (*potestas*).

Между *jus* и *impregium* есть та разность, что *jus* всегда основано на предыдущем законе, а в *impregium* закон предшествует праву; но право самое есть закон, т. е. лицо, коему вверено *impregium*, имеет и власть законодательную; напротив, *in jure* власть законодательная имеет свои установления, различные от власти правительственной. Следовательно, *impregium* есть соединение власти законодательной и правительственной в одном лице: это самодержавие.

ПОРЯДОК И ЕГО СЛЕДСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Порядок постоянный и продолжительный превращается, наконец, в судьбу — в необходимость физическую.

Он покоряет себе все существа, пресекает мечтания ума и сердца.

Он сливается со всеми интересами жизни и образует ее по-своему.

Отсюда происходит:

- 1) трудность изменений;
- 2) спокойствие умов;
- 3) привязанность сердца к интересам.

Но когда он раз потрясен, то производит:

- 1) нетерпеливость и беспредельность изменений;
- 2) общее смущение и ярость умов;
- 3) сражение интересов — революцию.

Для избежания сих превращений нужно всемирно охранять существующий порядок, т. е.

1) часто осматривать его и, соображая его с духом времени, поправлять обветшалое;

2) вводить постепенные в нем перемены и непрестанно улучшать, чтобы всего не переделывать.

МЕРЫ К УСТРОЙСТВУ ГОРОДСКИХ И КАЗЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

ДЛЯ КРЕСТЬЯН КАЗЕННЫХ

- 1) Переменить подать оброчную в поземельную.
- 2) Утвердить твердое волостное управление.
- 3) Поощрять переселения.
- 4) Разделить состояние крестьян на хозяев и работников.
- 5) Установить состояние сельских мещан и разделить оное также на хозяев и работников.
- 6) Дать свободу перехода из мещан в крестьяне и обратно.
- 7) Расширить, или по крайней мере с точностью означить, пределы беспошлинной торговли.

ДЛЯ ГОРОДОВ

- 1) Гражданами городов считать всех владельцев недвижимой собственности.
 - 2) Учредить сообразно тому городское управление.
 - 3) Все городские подати, кроме подушных, учредить по оценке недвижимых имуществ.
 - 4) Означить с точностью пределы торговли беспошлинной и пошлинной.
 - 5) Пошлинную торговлю разделить на два больших разряда:
 - а) на заграничную, или внешнюю портовую,
 - б) на внутреннюю; сию последнюю — на оптовую и лавочную.
 - 6) Заграничную и оптовую внутреннюю производить домами, лавочную — лицами.
 - 7) К торговле пошлинной заграничной и к оптовой внутренней допускать граждан всех состояний и всех городов. К производству торговли пошлинной внутренней (лавочной без оптовой) допускать всех мещан как сельских, так и городских.
 - 8) К торговле беспошлинной допускать всех без различия.
 - 9) Означить с точностью пределы заводов, фабрик и ремесел пошлинных и беспошлинных.
 - 10) Пошлинные ремесла разделить на цеховые и личные.
 - 11) Дав цеховым некоторые выгоды, учредить порядок их управления.
-

Преобладание дворянства вредно, преобладание купечества еще вреднее, но преобладание народа есть сущее бедствие.

Чтобы уничтожить или предупредить все сии преобладания, введено преобладание одного, но должно, чтобы сие преобладание не слагалось ни с одним из предыдущих и было от всех независимо, иначе оно будет вреднее всех, ибо будет представлять усиленное преобладание того или другого.

Человек тогда только сносен, когда он в бессилии. Сила или искание силы в начале его погубило и губит впоследствии. В бессилии он соединяется с Богом; в силе воюет против него. Таков закон сил и пресыщения даже и в физическом мире. Человек все может перенести, кроме силы.

О СМЕШАННОЙ МОНАРХИИ

Тацит сказал, что смешанное правительство из монархии, аристократии и демократии невозможно или непродолжительно.

Но Англия? Есть две конституции аглинские: Англия Монтеスキю и Делольма и Англия действительная. В первой есть три действующие стихии; во второй всегда действует одна, а две молчат или слабо борются с нею. Таким образом, правительство аглинское всегда было или чисто монархическое, или чисто аристократическое, или чисто демократическое. Различие состоит только в органах, а не в единстве.

Но то, что существенно отличает аглинское правительство от всех других, есть то, что каждый элемент имеет в нем полный организм, установленный так, что с переменою одного из них государство не падает в анархию, не имеет нужды созидать, но переходит токмо из одного порядка в другой — и в другой готовый. Таким образом, действующее начало всегда в данной эпохе есть одно, но в разных эпохах оно изменяется без большого потрясения. Это не есть революция, но изменение партий.

Опасность для Англии состоит в том, когда одно из трех ее начал совсем будет ниспровергнуто или так ослаблено, что в случае нужды не может оно тотчас вступить в силу правления. Так, например, если высшая камера будет избирательная, тогда уже не три, но два начала будут в состязании, и борьба их кончится бедою, т. е. чистою монархией или чистою демократией, вероятнее последнею. Но демократия среди государств европейских долго устоять не может; в ней скоро

явится дворянство, сперва военное, потом гражданское — следовательно, опять борьба.

При двух началах превозможение одного есть деспотизм, при трех — умеренность.

МЕСТНИЧЕСТВО

Местничество есть притязание обратить чины, звания и должности, лично вверенные, в места наследственные, подобно если не вотчинам, то по крайней мере поместьям, из коих часть всегда была оставляема детям в оклад, а другая в роде так же по окладам.

Сие притязание было следствием феодальной системы. Оно могло бы успеть и у нас, как успело во всей Европе, если бы государи рода Романовых не испровергли сих притязаний прежде, нежели они временем обратились в право.

Гораздо прежде решительного уничтожения местничества правила государей отклоняли его при всех случаях. При бракосочетании царя Михаила Феодоровича с Евдокиєю Лукьяновою Стрешневою государь и патриарх указали на их царской радости (при браке) боярам и прочим в чинах (в званиях при браке) быть без мест, для того чтобы теми *случаями* (почестями и званиями при браке) никому *в отчестве не считаться* (не ставить их в родовое достоинство и не считать наследственным правом подобно отчинам) и того (чины при браке) в место (в наследственное, как бы поместное или вотчинное право) никому не ставить (см. торжество брака 1626 г. в Вивлиофике).

Двумя обстоятельствами наша поместная система отличается существенно от общей феодальной: 1) тем, что наши поместья не были наследственны по праву крепостному, или вотчинному, и хотя они после смерти родителей давались детям и роду, но а) давались, а не сами собою переходили; дача была сильнее инвеституры; б) давались токмо в оклады службы так, что если оклады были все наполнены, то поместья, с выделом токмо вдовам на прожиток, обращались на государя; 2) они отличались тем, что ни помещик, ни вотчинник не мог устанавливать от себя для других поместий, не мог, следовательно, иметь вассалов, ни сам быть *seigneur suzerain*. Один только государь устанавливал поместья, и то в землях государственных, своих же вотчин в поместья он не раздавал, но владел ими сам на праве крепостном; следовательно, наша поместная система имела одну только степень, а феодальная могла дробиться на многие постепенности; 3) феодальное право от земских иму-

ществ распространилось на самые звания и должности, кои от того сделались наследственными и обращались в родах, а потому и продавались; напротив, в нашей поместной системе сын боярина не наследовал его звания, но был просто сын боярский или же дворянин, судя по вотчинному и поместному его имуществу и соразмерной тому степени службы.

НАРОДНЫЕ СМЯТЕНИЯ

Мир во зле лежит; человек есть великий грешник на земле.

Мера зла уменьшилась и постепенно уменьшается со времени христианства, но она все еще превышает меру нравственного добра.

Грех есть неповиновение божественной власти.

Всемогущий сам не может принудить человеческую волю себе повиноваться.

К сему два токмо есть средства: любовь и страх. Что может быть достойнее любви, как Бог, и Бога, однако же, не все, не равно, не сильно любят. Что может быть ужаснее гнева Божия, и его, однако же, не все страшатся.

Власть земная не более имеет средств, как и власть небесная.

Везде и во всем человек хочет быть Богом.

Чем более сил, тем труднее повиновение, ибо повиновение есть самоотвержение.

Настоящая система государств началась системою феодальною. В средних веках верховная власть боролась с феодальным дворянством. Способы борьбы состояли в богатстве и отелных силах военных.

Богатство частию разделились, частию расточились, частию понизились преимуществом других богатств (движимых); сила их соделалась маловажною. Военные силы подавлены учреждением войск постоянных.

Дворянство феодальное сперва превратилось в придворное, потом исчезло.

Сим первая борьба окончилась; настало время внутреннего покоя. Но другая борьба возникла в то же время, как первая приходила к концу.

Содержание войск, полиция, законы, суд, государственная роскошь требовали доходов; доходы предполагают промышленность, науку, просвещение.

На том самом месте, где стояло прежде дворянство, явилась новая аристократия — аристократия ума, просвещения,

промышленности, богатств движимых. Верховная власть самая ее воспитала, усилила, укрепила, ибо находила в ней две существенные пользы: противодействие дворянству и доходы.

Сначала все шло мирно, но война уже грозила.

Новая аристократия, основанная на свободе, требовала свободы, но свобода не может быть беспредельна.

Пределы назначались верховною властью, но назначались разнообразно, непостоянно, а иногда и прихотливо. От разнообразия в одном государстве было более свободы, в другом менее. Отсюда жалобы, для чего менее? От непостоянства. Ныне стесняли то, что прежде было дозволено. Отсюда жалобы, для чего стеснение? От прихоти. Жалобы на прихоть.

Сии жалобы, сперва мысленные, глухие, рассеянные, образовали мало-помалу частные сферы или составы, коих средоточия, постепенно расширяясь, смежаясь и сливаясь, составили наконец значительные области.

В сих областях жалобы превратились в притязания. Сила их в том состояла: 1) чтобы пределы свободы были сколь можно обширнее, 2) чтобы они полагаемы были не самовластно.

Сие притязание есть то, что именуется *общим мнением*; это есть мнение о порядке, коим должны быть устанавливаемы пределы свободы, пределы могущества новой аристократии.

Таким образом, на месте прежней власти феодальной основалась новая власть на земли, верховной власти так же противоположная, *власть мнения*, власть новой аристократии.

Без способов она была бы ничтожна, но она имеет те же способы, кои имело феодальное дворянство: богатство и военные силы.

Богатство есть сила, действующая на народную толщу.

Частные богатства в большей части Европы превышают ныне богатства государственные.

Силы военные личные, состоящие в личной способности к военным предприятиям, в большей части государств также превышают силы военные общие.

Следовательно, две власти, две системы сил, и борьба между ними — неминуема, неотвратима.

ЖЕЛАНИЯ ЧЕРНИ И НАРОДА

Свобода натуральная и свобода искусственная. Первая ищет как можно менее быть управляемою. Вторая ищет быть управляемою, но с прибытком, с обогащением и без принуж-

дения. Первая есть свобода народа рабочего, черни, вторая — промышленности и сословий избранных. Первая есть свобода ленивая, вторая — свобода деятельная, хлопотливая; первая ищет обилия и дешевизны в первых потребностях, вторая ищет того же во всем.

КАК И ГДЕ РОЖДАЕТСЯ ПРАВО НА ИМУЩЕСТВО?

В союзе семейственном есть имущества, но нет еще права на имущество; имуществом тут называется то, что состоит во власти семейства, и понеже все пользы семейства нераздельны, то члены его не могут иметь своего отдельного. Свое для семейства не противопоставляется чужому, но токмо тому, что не состоит в его власти.

Как и где рождается право на имущество?

Право начинается там, где есть добро и правда, следовательно, там, где есть согласие. Сие есть необходимое условие всякого права в обществе.

Но в чем может состоять согласие в имуществе?

Оно состоит в постановлении общего правила, что всякий, кто первый приобрел или произвел имущество, приобрел и произвел его с общего согласия и, следовательно, вместе с имуществом приобрел и право.

Право на имущество может иметь токмо три вида: 1) обладание с неизвестностию первого приобретателя; оно есть двояко: действительное одержание (*incubatio, detentio, possessio physica*) и одержание предполагаемое (*possessio civilis*); 2) обладание в качестве первого приобретателя совокупно с пользованием; 3) обладание в собственность без пользования и пользование без обладания в собственность.

Следовательно, право на имущество рождается: 1) посредством согласия; 2) согласием присваивается имущество первому приобретателю; 3) оно может иметь место токмо там, где есть не токмо свое, но где есть и чужое; чужое же быть не может, как токмо в союзе родовом; следовательно, право рождается там, где есть свое и чужое, где есть имущество во власти другого.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ (de jure in re)

Под именем права крепостного (*jus in re*) во всех государствах, так как и в России, разумеется такое право, которое утверждается

на самом предмете права и при всех переходах сего предмета от одного лица к другому остается с ним нераздельно так, что имеющий сие право отыскивает предмет его, в каком бы владении он ни состоял и как бы ни дошел в его владение.

Образ, коим приобретаетс сие право в России и в других государствах, есть различен; для познания сего различия нужно определить сие право по двум разным его предметам: по имуществам недвижимым и движимым.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ В НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВАХ

В других государствах свойство сего права определяется образом установления его (*per titulum*), а в России не токмо образом установления, но и образом совершения (*per modum acquirendi*).

В других государствах право сие приобретается наследством, залогом и повинностями. В России право крепостное может быть приобретаемо не токмо наследством, залогом и повинностями, но и договором купли и даже найма, если договоры сии совершены крепостным порядком.

Сие различие происходит от различия в системе укрепления.

Во всех государствах укрепление производится одним токмо явочным порядком, т. е. внесением акта в явочные книги; а сие внесение удостоверяет токмо время и действительность совершения, удостоверяется посредством предыдущих и последующих публикаций ни в том, что имущество прежде не было заложено, ни в том, что оно после того ни продано, ни заложено не будет. Ясно, что в сей системе внесение акта в книгу или совершение его ни в каком случае само по себе не может дать крепостного права.

В России, напротив, укрепление производится двояко: порядком явочным и порядком крепостным. Совершение порядком явочным не дает и у нас само по себе крепостного права; но совершение крепостным порядком дает право крепостное, ибо совершение сие состоит в удостоверении, что имущество ни прежде не было продано или заложено, ни впредь не будет; а посему если никто ни прежде, ни после совершения не мог иметь на имущество права, то ясно, что оно крепко одному тому, кто приобрел его, и он может отыскивать его, невзирая на лица, ибо всякое лицо, после его приобретшее, не могло уже приобрести, как токмо имение запрещенное и чуждое. Из сего исключается один токмо случай, когда бы доказан был подлог в самом совершении.

Из сего видно, что право крепостное в других государствах имеет одно токмо основание — образ его установления, а в России два: в одних случаях, как-то в наследстве и повинностях, — установление, в других же, как-то в залоге, купле и найме, — совершение. В том и другом случае сила крепостного права всегда утверждается на старшинстве права, и в собственном смысле не на старшинстве, но на судебной гласности, ибо право может быть прежде уступлено явочным порядком, нежели крепостным, но крепостное гласнее явочного.

Право крепостное (*jus in re*) не что иное есть, как право относительно к другим старшее. В самом деле, откуда происходит сила и преимущество залога? От того единственно, что все права на имущества, после залога состоявшиеся, суть права младшие; они утверждались уже не на свободном, но на запрещенном имении и, следовательно, относились уже более к лицу, нежели к имуществу. Откуда происходит самая сила и преимущество прав наследственных? От того, что наследство утверждается на акте рождения, а сей акт в сопряжении его с правом представления есть акт самый старший всех других продаж и залогов.

Следовательно, одно старшинство права составляет отличительное свойство права крепостного.

Старшинство сие в России удостоверяется особенным порядком совершения; в других государствах оно не имеет особенного совершения. Там правительство предоставляет самому приобретателю снискивать удостоверение в старшинстве его права; а дабы сие удостоверение соделать удобным, то постановляется правилом не совершать актов, как только в том округе, где лежит имущество. В России, напротив, удостоверение в старшинстве права (и следовательно, в крепостном его свойстве) правительство приемлет на себя и вместе с тем разрешает совершение актов приобретения во всех местах без различия.

Первая система беззаботнее для правительства, вторая же удобнее для частных людей и свойственнее государству обширному.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ В ДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВАХ

Те же самые причины, коими устанавливается крепостное право в недвижимых имуществах, устанавливают его и в движимых.

Посему движимое имущество, как у нас, так и в других государствах, считается крепостным, когда оно дошло по

наследству и по залогу. Но сверх сего движимые имущества считаются крепостными по обладанию, каким бы, впрочем, образом они ни дошли, кроме насилия и подлога.

Сей вид крепостного права основан на силе передачи. Передача в движимых имуществах в полной мере заменяет крепостное совершение, а потому и производит она право, равносильное тому, какое возникает от совершения, т. е. право крепостное.

КРЕПОСТНАЯ ВЛАСТЬ

Крепостная власть (*potestas dominationis*) есть право натуральных работ в пользу личную, которое без согласия властителя ни лично, ни потомственно прекращено быть не может никаким денежным возмездием и которое продолжается или по жизнь властителя, или по жизнь подвластного, или потомственно. В первом и во втором виде крепостное право есть право кабальное, в третьем — крепостное наследственное.

Крепостная власть различается от власти верховной: 1) тем, что она есть только власть работ (*praestationis*), 2) что хотя последняя также требует работ, но не в пользу личную, а в пользу общественную, и притом работ на определенное время и уравнительно, и требует их посредством общего закона, почему сии работы и именуются службою.

Право помещичье слагается 1) из права крепостного, 2) из власти управления, или низшей полиции, 3) из власти судебной вне формальных инстанций, 4) из власти управления хозяйственного, и в том числе из рекрутов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И УСТРОЙСТВО КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ

Крепостное законное состояние есть состояние подданных людей, живущих на чужих землях, и именно на землях дворянских, не по найму добровольному, но по взаимной обязанности, установленной законом. Следовательно, состояние сие не крепко ни лицу, ни земле, но крепко обязанности, законом на него возложенной. Сия обязанность взаимная состоит, с одной стороны, в трехдневной работе, с другой — в пользовании за сию работу известным участком земли.

Следовательно, закон должен определять, с одной стороны, 1) в чем должна состоять трехдневная работа; с другой стороны, 2) в чем должно состоять пользование землею по количеству ее и качеству.

СВОЙСТВО И РОД РАБОТЫ

Трехдневная работа, в других выражениях, есть половина рабочих сил, но не сил умственных, а искусственных, следовательно, в работе сельской.

Все, что есть замен сей сельской работы деньгами или употреблением других сил (не рабочих), должно быть предметом добровольного условия.

СВОЙСТВА ПОЛЬЗОВАНИЯ

Пользование землею должно состоять в обрабатывании ее другою половиною сил; следовательно, количество земли определяется половиною сил, но так определяется, чтобы произведения достаточны были: 1) к платежу податей и повинностей, 2) к воспитанию детей, годных на службу, 3) (*здесь в рукописи пробел*).

Всякая замена земли должна быть основана на добровольном согласии.

Всякая обязанность взаимная может подлежать спору.

Следовательно, должны быть:

- 1) Договор.
- 2) Суд.

II

Проекты реформ и записки

ОТРЫВОК О КОМИССИИ УЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Читая историю нашей Комиссии о составлении законов, нельзя не подивиться, что к делу столь важному доселе средства употребляемы были столь малозначащие и несвойственные.

С 1814 г., когда правительство начало сим делом заниматься, не могли дать сему учреждению той обдуманной холодности, того постоянного и твердого движения, которое одно может удостоверить успех великих и продолжительных предприятий. Все почти государи занимались сим с порывостию и некоторым воспалением. Это была мысль, которая приходила и поражала их с великою силою; но поелику не измеряли они вместе с тем всей глубины ее, то при открытии ее, теряясь в скучных и продолжительных ее отношениях, они оставляли и мысль и начатки действия.

В доказательство, как мало понимали наилучшие умы всю трудность сего дела, Петр Первый давал себе обещание запереться и не выходить из Монплезира, доколе его не окончит.

Излишне было бы исчислять разные попытки, кои со времени сего государя деланы были в сей части; все они были почти одинаковы; во всех, после пышных и многогрозящих планов, действие оканчивалось обрядом — во всех начинали дело сие министры, сенаторы, лучшие умы того века, а кончили обер-секретари, секретари сенатские и даже подьячие. История ныне действующей Комиссии точно такова же; она началась государственным великим сеймом, в 1766 г. от всех концов России созванным, а кончилась Ананьевским, Пшеничным и Ильинским.¹

Государыня Екатерина Вторая, пленясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтоб допустить его к великому делу законодательства, — хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать.

Но что произвели сии в цепях законодатели? Прочитайте их журналы.

Заблуждения великих умов недолговременны, и Комиссия сия скоро была разрушена; осталась тень ее, или, лучше сказать, осталось несколько человек на развалинах сего огромного здания славы, ищущих личного пропитания.

Можно бы было с основанием спросить сих оставшихся законодателей: вы призваны составить Уложение для обширнейшей в свете Империи, населенной разными языками, славящейся своею силою, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов; приступая к сему великому делу, вы, без сомнения, имеете уже полное собрание всех материалов, к сему принадлежащих.

Труды всех Комиссий, доселе бывших, отвечали бы они, ныне хранятся в нашем архиве, — там есть проекты законов на разные части; есть выписки из Уложения Шведского и Датского и полное собрание наших указов. Правда, что сии проекты законов не что другое суть, как выписки из старых, весьма давно уже составленные и по большей части растерянные, что выписки из Уложений иностранных представляют старые их узаконения, по большей части уже отмененные, что и вообще собрание сие рассыпано на многие статьи, остались одни только надписи, а в других под заглавиями известными содержатся предметы, совсем к ним не принадлежащие, и, вообще, собрание сие подобно библиотеке, пожаром объятой и из огня исхищенной, без связи, без порядка и почти без возможности употребить ее в дело; но в сих материалах нам нет никакой и нужды.

У нас есть Сводные так называемые Уложения, в коих на каждую материю прибраны и выписаны все законы, и есть основа всей нашей работы.

Но кто делал сии Сводные Уложения? Не частные ли люди? Совершеннее ли они известного Словаря Чулкова, в коем на каждой странице встречается десять бессмысленных ошибок. Поручитесь ли вы в их полноте и точности? По крайней мере, приняли ли вы на себя труд пересмотреть их и поверить.

Да если бы своды сии и имели все их совершенство, вы знаете, сколь законы наши недостаточны, сколь часто они противоречат себе и здравому разуму, чтоб приметать и дополнить сии недостатки, чтоб согласить сии противоречия. Вы, без сомнения, имеете общие правила, по коим должна быть расположена как цензура законов, доселе существовавших, так и происхождение их и введение новых; вам известно, что один и тот же закон может быть весьма полезен в правлении республиканском или деспотическом и весьма вреден в монархическом и что монархическое правление, по разности своих коренных законов, может иметь различные виды и степени, словом, что всякое государство имеет свою конституцию, и Уложение должно быть согласно с сею конституцией; итак, я полагаю, что вы имеете общее начертание того государственного постановления, к которому должна быть приведена Россия, что вы непрестанно соображаетесь с сим начертанием и проч. и проч.

Мы знаем, что в России государь соединяет в себе все роды сил; он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов, — вот что называем мы государственным постановлением и на сем одном понятии основываем мы все наши суждения о законах. Закон есть выражение воли государя, а понятия о конституциях суть порождения новой философии, столь же, по мнению нашему, бесполезные, как и все теории, на грезах воображения возвращенные и никогда события своего не достигающие. По крайней мере, я должен из сего заключить, что, изучась древней философии, привыкнув размышлять с Аристотелем, Гроцием и Пуффендорфом, вы проникли во все изгибы и новых примечателей, познали всю неосновательность Монтескиев, Блакстонов и прочих сего рода поверхностных умов; что теряли свое время, трудясь в течение целой жизни над несколькими листами их сочинений, вы постигли и заблуждения их, и нелепость их правил и глубокими размышлениями проложили себе прямой и собственный путь к истине.

Мы лучше умели употребить наше время, вступая от самого младенчества в тайны канцелярские, не теряя сил памяти и размышления даже и в первых основаниях словесности. С чистыми естественными понятиями и с пером в руках мы искали сперва средств к пропитанию; потом, мало-помалу возникая в трудной и единственной науке понимать законы и знать обряды, мы столько успели, что имя наше содеялось в Сенате и губерниях гласным.

Государь вскоре по восшествии на престол пожелал дать сему грубому телу лучший состав и образование. Указ его есть черта света, во тьме проведенная, но сия черта не могла рассыпать мрака, их облегающего. На вопрос его о действии сей Комиссии ему представили изложение российских законов, смешное и ребяческое творение, где вещи, всем известные, и понятия площадные доказываются многоглаголивым старинным красноречием и выдают за новые.

Кажется, прежде нежели можно будет думать о плане Уложения, должно бы было определить план, на коем вся работа сия должна быть основана, и приуготовить все предварительные ее части.

Чтоб познать яснее сии части, надобно взойти к высшим и первым началам сего государственного учреждения.

Из общего плана внутреннего государственного управления, выше изображенного, видно, что Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу.

Из сего следует, что Уложение не дает гражданам прав, но учреждает взаимные их между собою отношения и превращает их в обязанности.

А посему всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими.*

Вопрос: может ли предшествовать Уложение общему государственному постановлению?

Не только может, но и должно там, где нет сего постановления, ибо, утверждая отношения прав между гражданами, тем самым врезывает оно во мнение народное самые права — а мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила

* В России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах. В правлении самовластном не может быть Уложения, ибо где нет прав, там не может быть и постоянных их между собою отношений. То, что называется Уложением и законом, в сих правлениях не что другое есть, как произвольное постановление власти предержащей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить. Напротив, правления законные не могут быть без Уложения, ибо в правлениях законных права граждан непоколебимы, а права непоколебимы быть не могут, если не установятся между ними неперемennые отношения. Отсюда следует, что в сих правлениях Уложение есть закон фундаментальный и неперемennый, ибо нельзя переменить отношений прав без потрясения их самих.

конституции, как доказано выше. Уложение может приготовить путь к нему и расположить ум народный.

Уложение хотя может и должно предшествовать в действии своему общему государственному постановлению, но в намерении своем долженствует предполагать его. Оно должно быть составлено так, как будто бы сие постановление уже существовало, ибо, быв частию его, оно должно быть сообразно духу целого.

Сей дух общего государственного постановления должен быть необходимо присущим составу Уложения. Подобно духу творческому, он должен невидимо парить над сим творением, одушевлять и располагать все его части.

Отсюда происходит *первое* правило, существенное для сочинения Уложения: *оно должно быть расположено по начертанию общего государственного постановления.**

Второе правило Уложения существенное есть, *чтоб состав его сложен был сколько можно из самых тех законов, кои доньше существовали и кои в уме народном уже утвердились*. Законы новые в тех только случаях вводить должно, где старые очевидно будут противными принятому государственному постановлению.

Третье правило, *чтоб в составе Уложения участвовало все государство*. Сие требует изъяснения. Уложение есть коренной закон государства. Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творение народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются, ибо пределы власти не могут быть в ее середине. Но каким образом все государство будет участвовать в составе Уложения? Если избранные из всех состояний люди призовутся не вдруг, но одно состояние после другого, не к сочинению Уложения, но к выслушанию проекта его, если дастся им свобода делать на него примечания, если примечания сии не отвергнутся властью, но или докажется им самим неосновательность

* Под именем общего государственного постановления не то, конечно, должно разуметь, что ныне существует, но то, к которому идет Россия, ибо ныне существующее постановление, состоя в одной неограниченной воле, само собою перейти долженствует, как доказано выше. Сие предполагаемое в будущем постановление при составлении Уложения должно существовать только в общем начертании; его правила должны быть известны только тем, кои будут составлять и соображать Уложение, — от зарождения его в правительстве до обнародования его, вероятно, протечет еще полвека, как яснее сие доказано выше.

оних, или сделаются по ним некоторые поправки в проекте — я не знаю, почему бы сей народный акт не должно было назвать всеобщим государственным согласием и народным участием в составе Уложения? Ниже сего будет сие доказано подробнее.

Из сих правил определить можно с некоторою основательностию план всего действия.

Я разделяю все действие на три части. *Первая* часть будет приготовление к Уложению. *Вторая* — самое составление Уложения. *Третья* — обнародование его. Сии части должны следовать одна за другою отделенными эпохами, и по числу и качеству каждой должны быть три разные Комиссии, одна место другой занимающие.

ПЕРВАЯ КОМИССИЯ

Упражнение Первой Комиссии будет

1. Составить и поверить лучшие и вернейшие своды Уложения или расположить законы по материям, отвечая за верность и полноту сих сводов всех членов подписанием — своды сии под ее смотрением напечатаются.

2. Сочинить историю российских законов, изобразив в ней перемены их, начала, случаи и, если можно, влияние на государственное благо.*

* Ныне существующая Комиссия составлена наилучшим образом для исполнения сих трех предметов. Члены ее ни более ни менее знают, как то, что к сему необходимо нужно. Из них Ананьевский должен поверить и дополнить своды по части гражданской, Ильинский — по части уголовной, Пшеничный — по части казенной (хотя часть сия и не принадлежит к Уложению, но она войдет в состав учреждения о государственном хозяйстве, которое все вообще требует преобразования), Радищев может с совершенным успехом составить историю законов, творение необходимое и в коем, по дарованиям его и сведениям в отечественной истории, он может много пролить свету на тьму, нас одежающую. В составлении сей истории не худо будет дать ему особенно заметить, чтоб углубился он разысканием, каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях.

В Своде законов можно бы также с пользою употребить служившего в Московской удельной экспедиции надворного советника Максимовича и сенатского секретаря Правикова.² Первый из них предпринял уже составить Словарь российских законов и имеет много к тому материалов; его бы можно было, с настоящим его жалованьем причислив к Комиссии, употребить как корреспондента для извлечения из московских архивов потребных материалов. Он доказал способность свою в выписках составлением пространного географического сло-

3. Привести в ясность и порядок рассеянные упражнения прежних Комиссий, извлечь из них проекты и материалы, в них изготовленные, дополнить то, что временем и небрежением в них потеряно, перевести или исправить и дополнить переведенные уже Уложения: Шведское, Датское и особенно Прусское.

В бездне наших указов есть множество статей, кои или вовсе не определены, или на кои изданные законы темны и противоречащи. Поверят ли, что у нас нет точного закона о наследстве *ab intestato*,* нет точного закона о завещаниях и проч.

В уголовной части — но у нас почти нет всей уголовной части — в уголовной части на самые простые и обыкновенные вещи нет определения; например, сколько раз судили людей за перелив монеты; и пусть мне укажут хотя одну строку, которая бы определяла за сие или суд, или наказание.**

Здесь не место исчислять все сии недостатки и противоречия, которые, впрочем, не должны никак казаться удивительными. Рим двенадцать веков сряду не имел Уложения, и правосудие совершенно зависело от толкования законоискусников. Немецкая империя, старая Франция, самая Англия, славящаяся своим государственным постановлением и уголовною частию, не имела и доселе еще не имеет порядочного Гражданского Уложения. Так называемый закон неписаный, или закон обычая, приемлется во многих случаях единым средством к решению. Государства сии счастливее нас были формою их суда. У нас почти ее нет, и то, что сим именем называется, есть уродливое произведение подъяческих умов, сотворенное для питания ябеды и зла, бесконечности всех тяжб.

Все сии недостатки легко могут быть замечены при расположении законов по материям, ибо тут с первого взгляда открыть можно, на что нет закона и где они себе противоре-

варя. Второй был бы так же полезен для сводов и истории. Он сочинил очень изрядный, хотя и весьма неполный Памятник законов в 3-х частях.

Составив собрание законов по хронологическому порядку, те же самые чиновники должны располагать их и по материям. Нет нужды, да и нельзя требовать, чтоб порядок в сем расположении был наилучший и ближайший к порядку естественному; хотя сие и много бы послужило к облегчению в приискании материалов, но существенное свойство сей работы должно состоять в том, чтоб части были объаты и ни одного закона не было бы упущено.

* [без духовного завещания (*лат.*)]

** Я не говорю здесь о высших предметах, как-то об отношении крестьян к помещикам, т. е. об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть Империи, к горсти людей, захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества. Сии предметы относятся более к конституции, нежели к Уложению, хотя нельзя будет пропустить их и в Уложении.

чат. Комиссия должна статьи сии, замечая особенно, вносить к ее начальнику, а сей должен представлять их, например, Совету. Совет в настоящем своем составе* не может лучше принять на себя обязанности, как делать проекты законов на сии статьи. Проекты сии должно считать не законами, но дополнительными материалами к составу Уложения. Они, может быть, и не вмятятся в свою раму, но по крайней мере сочинителям Уложения представят они предметы уже обработанные, не совершенно дикие.

В числе сих проектов, конечно, самый нужнейший есть о форме суда. В Совете есть опытные люди, кои весьма полезные могли бы дать на сию часть виды и, приуготовив ее, облегчили бы и ускорили тем состав Уложения. Общее, однако же, правило, что проекты сии должны оставаться проектами и должны быть вносимы в акты Комиссии в виде материалов.

Я полагаю, что бытие сей Первой Комиссии продолжится три года. В течение сих трех лет вот что будет сделано:

1) составится полный Свод всех законов, доныне существовавших; **

2) приведутся в порядок и дополнятся материалы, прежними Комиссиями собранные;

3) заметятся статьи, на кои законы или недостаточны, или противоречащи, или и совсем не существуют;

4) в Совете составятся проекты на сии статьи;

5) сочинится история российских законов, творение необходимое.

Сии пять предметов столь пространны, что они совершенно наполнят все определяемое для сей Комиссии время, и даже потребно будет побуждение и деятельность в начальстве, чтоб успеть их окончить. Я страшусь особливо 1-й и 4-й статьи: одна трудна, а другая пойдет весьма медленно.

Между тем как Комиссия будет готовить сии необходимые материалы и полагать первое основание сему великому зданию, правительство, со своей стороны, должно в сие время совершить два великих подвига.

* Совет часто находит себя в том положении, что предметы случайных его рассуждений иссякают. Сие упражнение, постоянное и единообразное, было бы весьма ему и приятно и свойственно.

** Я знаю и сам видел все Своды, в Комиссии хранящиеся, — все они в началах довольно хороши, но все неполны и, хоть некоторые статьи подписаны бывшими в Комиссии членами, но сии вообще не выверены и не доведены до новейшего времени.

Первое, сделать начертание общего государственного постановления, или конституции. Я уже приметил, что без сего творения ни одной верной черты не можно провести в Уложении, ибо Уложение есть часть сего постановления, а часть всегда должна быть сообразна своему целому; но я приметил с тем вместе, что начертание сие должно быть известно только* тем, коим вверено будет составление Уложения. От них до народа путь еще не близок и не приготовлен.

Наказ Комиссии был, кажется, следствием подобного размышления, но он, содержа в себе выписки из наилучших сочинений о законах, ничего не представляет определительного о конституции России, и если бы представлял, то не должен бы быть публичным.

Второй предмет, подлежащий правительству в течение сих первых трех лет, есть приуготовить самых людей, коим бы можно было поручить составление Уложения.

Мне всегда казалось странно, что в частях простых и малозначащих требуют с большею точностию совершенства, нежели в науке законодательства. Целую жизнь посвящают, чтоб познать историю насекомых или исчислить все роды бабочек, а составление Уложения вверяют у нас первому, кто обнаружит некоторое сведение в указах или покажет некоторые таланты, как будто законоведение не составляет само собою особливою и обширною науки, как будто можно в сей науке всякому быть глубоким, кто захочет, и как будто она не есть одна из труднейших частей истинной философии.

В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но, *первое*, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; *второе*, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к которому они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе. Они с великою пользою употреблены в ней быть могут как критики, но не как сочинители.**

* Я не смею здесь представить мыслей моих о сем великом деле, хотя в другом месте, испытав о нем размышления мои, мне кажется, доказал я самому себе, что трудность его состоит не в самом существе, но в выборе средств привести его в силу без крутостей и переломов.

** Сочинение вообще требует известного огня в разуме, умеряемого опытом и размышлением. Я бы желал, чтоб все сочинители были молодые люди, отвязанные от предрассудков, исполненные великих и даже смелых мыслей и теплоты душевной, а критики были бы старики холодные, строгие, медленные и даже угрюмые.

К составлению проекта Уложения нужны люди, кои бы с довольною опытностию в делах соединяли жар лет и свежесть понятий, которые бы, зная все изгибы канцелярий и практическое употребление закона, вместе с тем не только знакомы были со всеми лучшими писателями в сем роде и приобыкли бы размышлять с ними, но и имели бы душу и разум, всегда отверстый к истине и к новому научению, чтоб возраст их и здоровье позволяли им углубиться в сию часть и успеть принести отечеству плоды их учения, чтоб, наконец, с разумом, образованным к высшим понятиям, они соединяли в нравственном их характере все терпение, какого дело сие по существу своему требует.

Люди с сими свойствами должны еще особенно быть приуготовлены к их предназначению. Они должны сделать путешествие в государствах, где наука законодательства доведена до высшего совершенства, где политические превращения приучили умы заниматься предпочтительно сею частью и где есть великие люди в сем роде. Беседа с сими людьми часто более научает в один час, нежели двухгодичное чтение. Сверх сего, в книгах, при наилучших теориях, нельзя почти найти практического законов употребления, нельзя наблюдать тысячу тонких обстоятельств, показующих истинное влияние законов на нравы и счастье народное, а особливо в обряде самые существенные черты не иначе могут быть открыты, как личным наблюдением.

Время, в котором мы живем, по счастью, наиболее благоприятствует сему предприятию. В Англии лучшие люди думают и пишут проекты Гражданского Уложения, Франция вновь его созидает, целые государства выходят, так сказать, из ничтожества, и царства в глазах наших слагаются. Какая минута, какое зрелище для наблюдателя — видеть все стихии закона в их простоте и первом образовании, быть присущим, так сказать, при самом рождении великих обществ, движимых и образуемых просвещеннейшими умами нашего века. Я не знаю, было ли когда-нибудь время способнейшее к научению, кто учиться может и кто довольно просвещен и справедлив, чтоб не почитать себя всеведущим так, как у нас знатоки наши мыслят.

Три года необходимого приуготовления предварительных материалов Комиссии составляют именно то время, какое нужно к совершению сего путешествия. В сии три года вся почти работа сей Комиссии должна быть механическая и, выключая проектов на недостающие законы и истории их, все

прочие части ничего более не требуют, как точности и терпения.

Следуя сим размышлениям, я полагаю, что правительство, избрав людей, наиболее подходящих к образцу, мною описанному, пошлет их в Англию, во Францию и Берлин по одному человеку, дав каждому вместо всех наставлений одно сведение о предназначении их и чего отечество от них ожидает. Предположив в них свойства, выше мною изображенные, сего уже будет довольно, чтоб поставить их на истинном пути. Если они будут выше обыкновенных видов властолюбия и честей, если сердце их имеет известную теплоту к благу человеческого рода и если, впрочем, по состоянию их отвязаны они от нужд, сжимающих душевные силы, всею вероятностию человеческих предположений можно ручаться, что государство не потеряет в них ни времени, ни иждивения.

Я впоследствии означу, какое именно употребление должно будет из сих людей сделать во Второй Комиссии.

В сем состоят два предмета, кои правительство должно совершить в течение первых трех лет, во время собрания предварительных к Уложению материалов.

1802 г.

О КОРЕННЫХ ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВА

Каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и непременимыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общею мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым.

I

ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Каждое государство имеет силы, самую природою в известной степени ему данные.

Силы государства суть: 1) силы физические или личные каждого члена, государство составляющего; 2) силы промышленности или народного труда; 3) силы народного уважения или чести, — других сил вообразить не можно.

Если бы государство могло быть одно на свете и составлено было из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами, произведением своего труда и степенью своего в обществе уважения.

Но как никакое еще государство до сей степени просвещения на земле не достигло, да и достигнуть, кажется, не может, то каждое государство имеет нужду в таком средстве, которое

бы каждому доставило способ беспрепятственно пользоваться своими силами физическими, произведениями своего труда и своей степенью уважения в обществе.

Сие средство не может быть просто изъявление общей на то воли, ибо самые те, кои изъявили бы сию волю, через минуту, забыв ее, перестали бы ей повиноваться, и, следовательно, средство сие осталось бы без конца.

В самом деле, если бы государство, собравшись, сказало самому себе: никто отныне не должен возмущать другого ни в личных его наслаждениях, ни в собственности его, ни в чести и не обеспечило бы сие правило никаким установлением, которое бы могло сделать его необходимым, оно ничего бы не сделало ни для безопасности своей, ни для пользы.

Итак, средство, избираемое государством к охранению в неприкосновенности сил каждого, должно само в себе иметь великую силу.

Силы другой в государстве быть не может, как та, которую он уделить от собственных своих сил найдет для сего нужным.

Государство других сил не имеет, как только силы физические, произведение труда и общее уважение.

Итак, средству, им избираемому для необходимого его действия, государство должно уделить часть сил своих физических, своей собственности или народного богатства и часть сил своих моральных или общего уважения.

Средство, таким образом к обеспечению личности, собственности и чести каждого народом избранное и частию сил его одетое, есть то, что называем мы вообще правительством.

Итак, всякому правительству при образовании его народ говорит: «Мы желаем, чтоб каждый из нас был удостоверен и огражден в своей личности, в своей собственности и чести. Для исполнения сего общего желания мы избрали тебя и, чтоб действие твое было не тщетно, мы не только изъявляем желание тебе повиноваться, но и даем тебе способы принудить каждого из нас к сему в случае непокорливости; мы уделяем тебе для сего часть наших сил физических, нашего богатства и нашего уважения. Из соединения первых составишь ты войско, из второго произойдут деньги, из третьего — почести. Все сии три рода сил будут в твоём расположении и будут на себе носить печать твою. Мы будем повиноваться твоим войскам, выменивать на труд наш твои деньги и уважать все то, что будет носить на себе знаки твоих

почестей. Власть располагать сими способами будет отныне твоим отличительным преимуществом, правом верховной власти».

В сем состоит первое основание всякого на земле законного правительства.*

По различию положений и образа мыслей народных состав правительства или образ правления может быть различен. Государство может вверить его или одному лицу, или многим, или всем.

Чтоб рассуждения сии сделать менее сложными, мы оставим сей последний случай, яко не могущий иметь места в великом государстве, и будем принимать в уважение только два первых.

Две ступени должно различать во всяком образе правления.

Первая, когда народ, вверяя избранному им одному лицу или многим верховную власть, к общим условиям о сохранении личности, собственности и чести не присовокупляет никаких подробных правил, но оставляет на волю правительства постановлять по лучшему усмотрению его сии правила и проводить их в исполнение. Сей образ правления есть деспотический.

Вероятно, что долгое время не было на земле другого правительства, как деспотическое, ибо оно есть самое простейшее, народам грубым свойственнейшее и ближе подходящее к патриархальному или домашнему.

Но когда государи престали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния, и силы, им вверенные, не только обращают не для него, но часто и против его, они нашли нужным к общим условиям, на коих воля народа установила правительства и коих неопределительность подвергла их самовластию, присоединить частные правила и точнее означить, чего именно народ желает. Сии правила названы *коренными государства законами*, и собрание их есть общее государственное положе-

* Из сего происходят следующие истины: 1) всякое законное на земле правительство устанавливается общею волею государства; 2) никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их личности, в их имуществе, в их чести; 3) всякое правительство получает силы свои на тот только конец, чтоб достигнуть сей цели; 4) никакой силы собственной правительство иметь не может, — источник сил его есть государство; 5) всякое правительство существует на условии, и доколе оно исполняет сии условия, дотоле оно законно.

ние, или конституция. Правительство, на сем основании учрежденное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия.*

По различию коренных государства законов власть самодержавная бывает более или менее ограничена. Иногда законы сии оставляют ей власть делать все постановления до собственности личности и чести граждан относящиеся, только бы не отходили они от коренных законов, и вместе исполнять сии постановления; тогда власть законодательная остается соединенною со властью исполнительною; иногда все, что принадлежит до законов, народ приемлет на себя и устанавливает для сего особенную законодательную силу, и тогда правительство имеет только власть исполнять; иногда, наконец, народ, принимая правительство в соучастие власти законодательной, берет вместо того известное соучастие во власти исполнительной, подвергая ее своему отчету или назначая ей средства содержания. Все сии различные властей сопряжения, разделения и ограничения производят столько же различных образов правления. Но каким образом сии различные образы правления можно сделать в основаниях их непоколебимыми; какими средствами пределы власти, ими постановляемые, могут быть неподвижны, или, чтоб то же сказать яснее, каким образом собрание коренных государства законов, общее положение его сделать непременимым?

Раздробляя составы царств земных, ныне существующих или в древности процветавших, мы находим, что каждое из них имело две конституции, два образа правления, весьма между собою различные и часто даже противные, один внешний, другой внутренний.

Внешним образом правления называю я все те гласные и открытые постановления, грамоты, учреждения, уставы, коими силы государственные содержатся между собою в видимом равновесии.

Внутренним образом правления называю я то расположение государственных сил, по коему ни одна из них не может взять перевеса в общей системе, не разрушив всех ее отношений.

Рассмотрим, какое могут иметь влияние сии два образа правления на постоянство и непременимость законов.

* Из сего следует: 1) что коренные государства законы должны быть творением народа; 2) коренные государства законы полагают пределы самодержавной воле.

О ВНЕШНЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Когда народ, постановив общею волею коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость; когда вследствие сего утверждения устанавливаются законодательные сословия, охранительные власти, парламенты, сенаты, государственные советы, сим еще никак не постановляются истинные пределы правительства; когда силы его при сем остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были, народ может назвать сей образ правления аристократическим, монархическим и даже республиканским, но в самом деле он будет деспотическим.

В самом деле, какие бы законы народ ни издавал, если власть исполнительная не рассудит приводить их в действие, они будут пустые теории; если законодатели не будут иметь средств заставить исполнительную власть приводить волю их в действие, мало-помалу они станут все под ее влиянием, и государство, сохранив всю наружность принятого им образа правления, в самом деле будет водимо единою волею правительства.

Если бы Англия не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами.*

* Те весьма ошибаются, кои думают, что в Англии закон потому только тверд, что в охранении его все государственные состояния участвуют, что парламент от государя столько же зависит, как и он от парламента, и что, наконец, все силы потому друг друга равновесят, что все они слиты воедино образом правления.

В самом деле, что может воспрепятствовать английскому королю обратить всю массу вверенных ему сил на испровержение английской свободы? Кому дает он отчет в части исполнительной? Не признан ли он конституциею ни ошибке, ни ответу, ни суду не подлежащим? Особа его не есть ли священна и неприкосновенна даже и тогда, когда бы он себе позволил деяния тиранские? (Blackstone, t. 1, cap. 7, p. 353). Правда, что министры отвечают за исполнение, но что такое сие ответственность на самом деле, если король во время суда министров самые явные их погрешности снимет на себя? Я бы желал тогда знать, каким судом будут судить *непреложного* infallible, но я полагаю, что министры, убоясь ответа и остановив исполнение королевских приказаний, предстанут в парламенте с доносом на злоупотребление, — что тогда сделает парламент? Найдет ли он в своих законах управу на сие злоупотребление? Прикоснется ли к неприкосновенному? Он откажет ему в суммах на содержание двора его и войск, но может ли отнять у него по конституции самый двор его и войска, и привлечет ли сих последних на свою сторону тем, что уморит их голодом?

Чего не позволил себе Генрих VIII под защитою и покровительством самого парламента? Каких насилий народной свободе, правам собственности, нравам и самой религии он не сделал? Не рукою ли самого парламента воспалил он сии

Рим под властью кесарей неоспоримо имел самое деспотическое правление, но наружный образ его был весь республиканский. Законы издавались от Сената; были народные трибуны; все почти разделение властей существовало в прежнем своем порядке, но свобода Рима была уже ниспровергнута в самых ее основаниях.

Тот, кто будет рассуждать о России по внешнему ее составу, по грамотам состояний, по учреждению Сената, по сильному корпусу наследственного дворянства, не признает ли правление ее монархическим?

Из сего следует, что внешний образ правления никак не определяет существа его, что он весьма может быть различен от внутреннего и даже быть совершенно ему противным.

Итак, внешний образ правления, как бы ни был он составлен, если не утвержден он на внутреннем, не может дать неподвижного основания законам.*

костры, на коих лучшие из подданных его погибли? Не им ли воздвигнуты были сии виселицы, где матери наследников престола были казнены? Не парламент ли постановил, что едина воля сего государя должна быть законом и проч. и проч. (Филанжиери).³

Те, кои рассуждали о сем государстве по видимой только или, так сказать, по писаной его конституции, были все согласны в сей истине, и Блэкстон, исчислив все преимущества народа и сделав себе вопрос: что бы мог народ противоположить, если бы король вздумал их отвергнуть, или переступить его пределы — бунт, отвечает. Но мне кажется средство сие и без конституции иметь можно.

* Из сего видно, как много те ошибаются, кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут соделать законы твердыми или установить образ правления, — это здание, воздвигнутое на песке.

Из сего также видно, сколько тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны. Добрая воля благотворительного гения может дать им некоторую силу, но сия сила, не изливаясь из собственного существа их, будет единый призрак бытия, который по необходимости должен исчезнуть с переменою воли, его произведшей. Вся польза, какую могут извлечь законы из сих внешних установлений, состоит только в том, что они знакомят народ с понятиями прав, и, если в продолжение многих лет права сии останутся не нарушены и личными свойствами государей поддержаны, они могут столько утвердиться во мнении народном, что впоследствии труднее, а может быть, и опаснее будет их испровергнуть; но само по себе очевидно, сколь предложение сей пользы случайно и, можно сказать, лично.

Итак, повторим еще: тщетно искать в установлениях внешнего образа правления истинной силы государств и непреложного основания законов.

О ВНУТРЕННЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Мы уже заметили, что всякое законное на земле правительство должно быть основано на общей воле народа.

Всякое правительство, сверх того, должно получить от народа известное количество сил, чтобы быть в состоянии действовать.

Итак, всякое правительство имеет в своем составе две стихии, или два элемента: 1) общую волю и 2) силу, народом ему уделенную.

Отсюда следует, что никакой образ правления не может быть ограничен, если не положатся точные пределы не только общей воле, но и силам, вверенным правительству.

Сила ограничивается силою, и не можно себе представить без смешения всех естественных понятий, чтоб когда-нибудь установления воли могли быть пределами сил. Это бы значило хотеть пространство измерять весом. Мы видели, впрочем, сколь тщетны были усилия законодателей, желавших на внешнем образе правления основать неподвижность законов.

Итак, если сила правительства не может быть ограничена как силою народа, то прежде всего нужно, кажется, рассмотреть существо сих обоих сил и определить, какие должна иметь свойства сия последняя, чтоб уравнивать первую.

И, *во-первых*, очевидно, что обе сии силы один имеют источник. Правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделает.

Во-вторых, народ не мог отдать всей своей силы правительству, иначе он пал бы в ничтожество.* Следовательно, часть ее по необходимости у него осталась.

* Были примеры, что народ среди жестоких возмущений, раздираемый бешеным безначалием, обогранный кровию сограждан своих, пораженный ужасами внутренней войны в отчаянии бросался в объятия людей, им уважаемых, и мня, что едва всех сил его достанет к его защищению, отдавая их все и искал только спасения; но сие устремление народных мыслей должно принять действием ужаса, а не свободным расположением его воли; и самые властолюбивые диктаторы обыкновенно смягчали власть свою и позлащали железный скипетр свой видами умеренного правления. Знали, что народ, опомнившись от первых поражений страха, взывает прав своих и силы, и, если не возвращали их ему, по крайней мере окружали его всеми призраками вольностей и преимуществ, доколе не приучат его временем и расслаблением нравов носить спокойно его оковы. Вот история падения Рима.

Итак, никогда народ в свободном воли его расположении не мог отдать правительству всех сил своих, и, если оно когда-нибудь воспользовалось минутами заблуждения его, насилие или обман тем не превратились в право.

Отсюда следует, что всякое правление самовластное есть насильственно и никогда не может быть законным.

Но *третье*, если силы правительства и силы народа одинаковы в их источнике, то в свойствах своих весьма различны.

Силы, вверенные народом правительству, в руках его соединились в одну массу. Из сил физических составились войска, из богатств народных — деньги, из уважения — почести. Напротив, силы, оставшиеся у народа, остались рассеянны.

Силы правительства сверх той поверхности, которую естественно берут они над рассеянными силами народа своим соединением, имеют еще то особенное свойство, что бытие их есть исключительно, ибо как ни в каком благоустроенном государстве не можно допустить, чтоб частные общества выпускали под своею печатью государственную монету, так не можно дозволить, чтоб частные люди имели свои войска и раздавали бы почести. Это не было бы одно государство, но множество удельных систем, соединенных некоторым союзом. Образ правительства бедственный и нелепый.

При таковом видимом превосходстве сил правительства нельзя, однако же, не почувствовать, что силы народа в количестве своем несравненно их превышают. В самом деле, странно бы было вообразить себе такое государство, в коем бы было более войска, нежели людей, более денег, нежели произведений народного труда, и более почестей, нежели сколько мнение народное оправдать и утвердить их может.*

В сем состоит *первое* преимущество сил народных пред силами правительства.

Второе преимущество, не менее важное, состоит в том, что не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его. Правительство всемошно, когда народ быть таковым ему попускает.

* Каждое государство имеет в известную данную эпоху точное и определенное количество сил; познать сии количества и по мере их располагать их употребление — в сем состоит политика. Если правительство вздумает умножить число войск более того, что личные силы государства уделить ему могут, оно произведет минутный призрак вооружения, но в самом деле обессилит и расслабит государство.

Если вздумает оно больше пустить денег, нежели что труд народный отделить ему может, оно введет мнимую монету и расстроит связь промыслов с доходами; наконец, если оно вздумает расточать почести и раздаст их более, нежели сколько мнение народное основать на делах и утвердить их может, оно произведет ложные и никем не уважаемые чины и отличия. Таким образом, могут быть в государстве войска без сил, деньги без богатства и почести без уважения. Таким образом, все силы государственные имеют свою бумажную монету, которая, покружась некоторое время, теряет свой кредит и обращается в ничтожество. Силы государственные приходят тогда опять в свое равновесие.

Итак, народ всегда имеет в самом себе достаточную силу уравновесить или ограничить силу правительства.

Но есть два обстоятельства, которые силы народа, так сказать, умерщвляют.

1) Чтоб силу правительства ограничить, не стесняя ее, однако же, в своем действии, надобно, чтоб сила народа действовала только на пределах власти и никак бы их не преступала; следовательно, надобно, чтоб каждый член народа знал сии пределы и готов бы был защищать их при малейшем к ним прикосновении. Но каким образом можно предположить в народе познания сии и готовность к защите? Каким образом целый народ может быть на страже?

2) Народ не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний силы его истощаются во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству.

Вот обстоятельства, кои во всех правлениях силы народные делают ничтожными и утверждают самовластие.

Рассмотрим, каким образом препятствия сии могут быть отъяты.

Во-первых, нет ничего нелепее и убийственнее для свободы, как раздробление состояний по промыслам их и исключительные права их. Правило сие можно назвать коренным уложением самовластия.

В самом деле, какую бы силу народ не имел в своем характере, если он будет раздроблен на мелкие классы, если каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченною волею, коей знаменем во всех веках было: *раздели и царствуй, divide et impera*.

Итак, первый шаг, какой государство может сделать к ограничению самовластия, без сомнения должен состоять в том, чтоб силы его, не истощаясь взаимною борьбою состояний, соединялись бы все к тому, дабы уравновесить силу правительства.

Во-вторых, поелику нельзя себе представить, чтоб весь народ употребил себя к охранению пределов между им и правительством, то по необходимости должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и

столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему. Это будет живая стража, которую народ вместо себя поставит на пределах государственных сил.

Итак, два только великих разделения можно допустить в государстве ограниченном: высший класс народа, предоставленный на стражу и охранение закона, и низший класс народа, разделенный именем и наружностью, но пользами с первым соединенный.

Рассмотрим, во-первых, каким образом высший сей класс должен быть составлен, чтоб соответствовать великому своему предназначению.

I. Он должен составлять собою не место какое-либо, по избранию наполняемое, но целое состояние народа. Если бы состав его был избирательный, тогда более или менее всегда от власти правительства зависело бы его бытие, ибо правительство всегда нашло бы способ или уничтожить самое его избрание, или так расположить его влиянию своего богатства и почестей, чтоб в выбор сей помещены были одни люди, ему преданные. Итак, стражи закона должны родиться таковыми; они должны иметь независимость бытия. Первое свойство высшего класса народа.

Отсюда происходит необходимость, признанная во всех монархических правлениях, чтобы в массе народа были известные роды, коих преимуществом неотъемлемым должно быть охранение закона или посредство между народом и престолом.

II. Вторым свойством высшего класса должна быть *независимость в местах государственных от назначений верховной власти.*

В самом деле, если места государственные (я различаю их от мест государевых) будут зависеть от назначения двора, каким образом можно предположить, что состояние, коего виды любочестия зависят от одного лица, с сим лицом не было во всех случаях согласно. Я предполагаю, что собственность сего состояния неотъемлема и по государственному положению от самовластия двора не зависит. Но что такое сия собственность в глазах человека, который образован к чести, к властолюбию, т. е. в глазах большей части людей. Сколько найдется умов твердых и непреклонных, кои бы, ограничив себя сим правом, согласились заточиться в их владении и отказаться от всего при первом ударе самовластия? Да если бы нашлось их много, места их не будут ли наполнены тотчас другими, и голос ропота не будет ли тотчас заглушен похвальными восклицаниями

новых вельмож, из ничтожества сотворенных? Самая уверенность в собственности высшего класса народа, сколько бы ни была она основана на законе, не может ли поколебаться, когда монарх имеет способы, тем же самым законом ему позволенные, прикрывать несправедливости, одному лицу сделанные, милостями и щедротами другому оказанными? Отъемя одной рукой частные сокровища и рассыпая их другою, что делает он иное, как только переменяет подпоры своего могущества, никак его не ослабляя? Сего недовольно. Он может самый высший класс народа соделать орудием своих страстей и людей, созданных к их обузданию и к охранению закона, употребить к его испровержению. Составив из них главные судилища, он печатию правосудия осветит и утвердит свои прихоти и, низложив все, будет еще идолом народа, обыкновенно проклинающего бич, коим он поражается, и редко видящего руку, которая сокровенно им управляет.

III. Третье свойство сего класса должно быть то, *чтоб пользы его соединены были с пользами народа.*

Если сей класс при независимости его не будет иметь сего соединения, он соделается ужаснее, нежели самое неограниченное самовластие. Когда власть предержавшая рассудит, преломив законы, отяготить народ нестерпимыми налогами и разделить корысть неправды со стражами закона, кто тогда противостанет сему насилию? Кто защитит права народа? Когда и в каком государстве сторона человечества была сильнее стороны страстей и корыстолюбия? Отсюда происходит, что везде, где высший класс народа не был с ним тесно соединен в своих пользах, низший был в жесточайшем рабстве и унижении.*

* Известно, как в 1660 г. датчане, преогорченные аристократическим самовластием дворянства, лучше захотели подвергнуться скипетру одного деспота, нежели иметь их тысячи, и на сейме, в том году бывшем, присвоили Фредерику III⁴ всю власть, какую мог когда-нибудь иметь государь самый неограниченный. Поступок, вынужденный отчаянием, но обратившийся во спасение государству. Чтоб узнать, до какой степени власть дворянства соделалась народу ненавистна и страшна, надобно прочитать в Маллете XXVI статью датской конституции. В ней не только присваивается королю всевозможная, неограниченная власть, но постановляется, что если бы где-нибудь и когда-нибудь нашлось или выдуманно было что-либо усиливающее сию власть, то весь народ датский наперед королю своему присвоит и определяет. И в наши дни известно, какие усилия противоположило венгерское дворянство мудрым установлениям Иосифа II⁵ в пользу народа, и, к несчастью, известно, что сей государь, увлеченный стечением обстоятельств, принужден был пред кончиною своею отступить от всех почти своих благодетельных, но, может быть, слишком скороспешных предположений.

Но каким образом положить сию связь между народом и особенным классом его? Весьма просто, если постановлено будет: 1) чтоб дети сих людей, исключая первородных, были в числе народа, тогда притеснять народ было бы притеснять собственных своих детей, 2) чтоб все то, что касается до имений сего высшего класса, ведомо было в судилищах, по избранию народа составляемых.

Впоследствии изъяснится сие пространнее.

IV. Но, дабы соединение сие высшего класса с народом не удалило его вовсе от действия престола и не разлучило бы их от общей связи, должно, чтоб знаки почестей его не только оставались бы в расположении правительства, но чтоб имело оно власть и возводить в сей класс определенное число отмеченных им людей. Сверх того, та же самая связь, которая должна существовать между народом и престолом, будет соединять с ним и высший класс, коего большая часть поколения будет в народе.

V. Высший класс народа, таким образом составленный, должен соединять в себе уважительную часть богатства государственного. Представляя собою силу народа и служа оплотом ему против самовластия, он должен и по самой наружности своей отражать на себе достоинство великого его звания. Бедность в настоящих политических системах не может почти быть совместна с уважением, а тем менее с духом независимости.

VI. Сколь класс сей должен быть силен по политическому своему положению, столь же должен он быть и малочислен. Рассеянность сил на мелкие части всегда вредит их действию.

Определив сим образом обязанности и права высшего состояния, нетрудно будет определить положение низшего класса народа.

I. Народ есть все то, что не принадлежит к высшему малочисленному классу государства. Дети первого государственного чиновника, исключая первородного, должны принадлежать к народу.

II. Не может никакое сословие народа иметь исключительного права на владение какою-либо собственностью в государстве, но все могут обладать тем, что ими в собственность приобретено.

III. Народ должен участвовать в составе законов, ежели не всех, то по крайней мере коренных.

IV. Охранение законов, поелику он требует действия постоянного и непрерывного, народ вверяет высшему классу, силу его в сей части представляющему.

V. Все имении народа наследственны, но должности его все избирательны.

VI. Суд народа проистекает от равных ему.

Таковы суть общие черты, разделяющие государственные силы; подробности их зависят от коренных правил, кои по положению государства, по степени просвещения его могут быть различны; но общие сии черты должны быть везде, во всех веках и во всех ограниченных монархиях одинаковы.

Спросят, может быть, какую силу государство, сим образом во внутреннем своем правлении устроенное, может противопоставить, когда государь предприимчивый и властолюбивый вздумает, опрокинув его коренные законы, испровергнуть права его и попать его свободу? Следующую: *во-первых*, никакое и самонаименьшее нарушение закона не может произойти от правительства, чтоб оно в то же время не было примечено высшим классом народа, поставленным для охранения закона, и, следовательно, всем народом по естественной связи между им и сим классом существующей. Отсюда голос ропота не будет частным отголоском недовольствия, но голосом целого народа, а народ всегда и для всех ужасен, когда вопль его совокупится воедино; *во-вторых*, чтоб предупредить сие соединение, правительство естественно захочет усыпить стражу законов и, обратив притеснение на народ, рассыплет на высший класс его свои благодеяния. Но какие благодеяния могут заставить забыть отцов, что дети их страдают? И какие благодеяния могут обольстить людей, призванных от рождения их к чести, покрытых народным уважением и приобыкших к независимому богатству? *Третье*. Если вместо того правительство обратит виды свои на притеснение одного высшего класса — он найдет всегда себе подпору в народе, в естественных связях их, в общем уважении. Наконец, *четвертое*. Если, презрев вопль народа и чувство страха, правительство дерзнет на все крайности, какие самовластие в лютоści своей позволить себе может, какое тогда средство против ужасов таковых может представить сей образ правления? Ответ на сие удобен, какое средство силы человеческие могут представить против тамерланов и тому подобных чудовищ? И какие законы могли устоять, когда царства разрушались? Но что здесь должно приметить и что совершенно отличает благоустроенное монархическое правление от всех других, есть то, что самые кровопролитные внутренние смятения, повергающие рес-

публики в рабство, а деспотические правления приводящие в безначалие, в монархических правлениях подобны бывают сильным ветрам, кои, нанося частный вред, очищают всю массу атмосферы. Все преобращения в Англии заканчивались вящим утверждением ее свободы.

Соберем здесь в одну точку зрения главные истины, которые доселе мы проходили.

I. Законы суть правда, по коим силы государственные действуют к охранению лица, чести и имущества народного.

II. Чтоб законы были неподвижны, нужно, чтоб пределы сил правительства были непременно ограничены.

III. Расположение сих пределов есть образ правления.

IV. Образ правления есть внешний и внутренний.

V. Внешний образ правления не может удостоверить пределы сил.

VI. Сила правительства ограничивается равновесием сил народных. В сем состоит внутренний образ правления.

VII. Равновесие сил народных требует, чтоб они все одно имели направление, но чтоб власть, стерегущая пределы, была отделена и независима.

VIII. Прочие части народа должны быть совершенно равны в правах своих и составлять едино.

Заклучим сие великою истинною великого человека: *point de noblesse, point de monarchie* (Montesquieu),* и обратимся от сих общих рассуждений на Россию.

II

Я не знаю, какие предположения имели российские государи от времен Петра I на счастье России, но их всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие. Думали ли они в самом деле, что права и грамоты, на бумаге данные, составляют истинный образ правления; или находили нужным ознакомить сперва людей с именами, чтоб впоследствии позволить самое действие; или признавали в душе своей то справедливым, чего не решились на деле исполнить; или, наконец, не имея постоянного плана, действовали они по минутным вдохновениям; как бы то ни

* [Нет дворянства — нет монархии (Монтескье)⁶ (фр.)]

было, но ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России.

Не говоря об установлениях государственных мест и судищ, которые все покрыты монархическими видами, чего у нас недостает в самом внутреннем образе правления? Сенат не назван ли хранилищем законов? Дворянство не есть ли урожденный их страж? Нет ли свободных состояний? Купечество, мещанство и самые поселяне казенные не имеют ли своих прав и преимуществ, не судятся ли своим судом и проч. и проч.?

Вот заблуждение, в которое впадают ежечасно наши площадные политики, когда позволяют себе умствовать о России.

У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания. Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом еще правлении.

В самом деле, не говоря уже о тщетности политического бытия разных государственных мест, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имение, честь — все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной; не от сей ли воли зависит и самый закон, который она созидает, одна сама собою? Не может ли она возводить и низводить дворянские роды единым своим хотением? Не она ли созидает суды, определяет высших судей, дает им правила и правила сии отменяет или утверждает по своему изволению? Не в ней ли весь источник чести и уважения; не ей ли принадлежат по самым словам закона все государственные богатства, все земли, все имущества и право частных собственности; не есть ли право его только дозволенное; владельцы сии не суть ли ее наемники (*usufruitiers*)?

Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя; чтоб кто-нибудь открыл, не все ли то право имеет государь на помещиков, какое имеют помещики на крестьян своих.

Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов.

При таковом разделении народа в отношении к престолу каким образом можно думать о каком-нибудь образе правления, о каких-либо коренных законах, — какие пределы можно

положить между двумя сторонами, из коих одна имеет все роды сил, а другая не имеет ничего? Какие пределы положить между бытием и ничтожеством, между божеством и его созданием — не всегда ли сие последнее будет то, чем быть ему повелит первое? И после сего мы думаем о грамотах российскому народу.

То, что довершает в России умерщвлять всякую силу в народе, есть то отношение, в коем сии два рода рабов поставлены между собою. Пользы дворянства состоят в том, чтоб крестьяне были в неограниченной их власти; пользы крестьян состоят в том, чтоб дворянство было в такой же зависимости от престола; первые, не имея никакого политического бытия, всю жизненную свободу должны основать на доходах, на земле, на обработке ее и, следовательно, по введенному у нас обычаю, на укреплении крестьян; вторые, в рабстве их стесняющем, взирают на престол как на единое противодействие, власть помещиков умерить могущее.*

Таким образом, Россия, разделенная в видах разных состояний, истощает силы свои взаимно борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия.

Государство, сим образом составленное, какую бы, впрочем, не имело оно внешнюю конституцию, что бы ни утверждали грамоты дворянства и городовые положения, и хоть бы не только два Сената, но и столько же законодательных парламентов оно имело, государство сие есть деспотическое;

* Сколько бы дух человеколюбия, просвещения и добрых установлений ни распространялся, все сие может произвести частное добро, но никогда не сделает общего, ибо самые превосходнейшие государства всегда правились сопряжением внутреннего интереса и, судя по расположению его, правились к счастью народа или к его угнетению. В самом деле, что такое есть просвещение для народа в рабстве, как не способ живее чувствовать горесть своего положения и как не повод к волнениям, кои должны кончиться или вящим его порабощением, или ужасами безначалия. Из человеколюбия, равно как и из доброй политики, должно рабов оставить в невежестве или дать им свободу.

Думают, что свободе должно предшествовать народное просвещение. Но что такое понимают под словом просвещение? Если понимают под сим возвышенный образ мыслей, тонкие различия истины от лжи, чувство морального добра, то вероятно, что до сей степени просвещения никогда и никакой народ здесь на земле не доходил и, вероятно, долго еще не дойдет, да и нужды в том я не вижу. Вместо чувства нравственности народ имеет религию, которая хоть и не столь тонко, но довольно ясно определяет для него, в чем грех и в чем спасенье. Вместо логики у него есть простой добрый смысл, по кругу нужд его достаточно ему указующий правду и ложь, а чтоб представлять себе огромность вселенной, ничтожество человеческих желаний, страстей и самого познания, я не знаю, к чему послужит сия высокая философия земледельцу.

и доколе элементы его будут стоять в тех же между собою отношениях, дотоле не будет оно монархическим.

Если же под именем просвещения разумеют некоторое участие в полезных истинах, сообщаемых нам чрез книги, если разумеют усовершенствование видов промышленности и образа жизни, то я не понимаю, каким образом сей род учения может человек получить в рабстве; напротив, я думаю, что он должен иметь прежде некоторое бытие, некоторый участок свободы, которая одна дает жизнь и движение разуму и воле.

Итак, по настоящему разделению состояний в России все перемены в образе ее управления будут касаться только внешностей, и прочного добра на сей пропорции сил народных никак основать не можно.

Сие естественно ведет к тому заключению, что необходимо должно положить другой раздел состояний и переменить отношения их как между собою, так и к престолу.

Выше видели мы, что в благоустроенном правлении вся масса сил народных должна быть разделена на два класса: на высший и низший.

Высший класс должен быть установлен на праве первородства и предопределен по роду своему к первым государственным местам и к охранению законов. С народом связан он будет неразрывными узами родства и имений, с престолом — столь же неразрывным союзом почестей и некоторым количеством собраний своих, волею монарха в сословие его вводимых. Сей класс будет составлять истинное монархическое дворянство.

Низший класс или народ будет все то, что по праву первородства или по особенному изволению монарха не принадлежит к высшему. С престолом связан он будет службою в войсках и в гражданстве, почестями, богатствами, самою взаимностию сил, с высшим классом — родством, уважением и самым званием хранителя законов. Он будет вмещать в себя весьма уважительную часть государственного богатства и просвещения. Единое разделение, какое в правах его допустить должно, будет разделение дарований, способностей и добродетели. Кто дерзнет после сего притеснять или презирать его?

Положив таковое начертание внутреннему образу правления, рассмотрим, какие из самого настоящего положения России можно извлечь способы к его установлению.

Во-первых, желать внешним образом правления установить равновесие во внутренней системе, конечно, невозможно.

Перемены, в сем роде сделанные, ничего не произвели, кроме смешения понятий.

Во-вторых, хотеть в год, в два, без крутостей, без разрушения не только разобрать по частям прежнее огромное здание, но и воздвигнуть новое, конечно, невозможно. Состояние государств устроится веками, и устроится почти само собою: тот великий человек, кто положил ему твердое основание. Отчего все творения природы столь совершенны и столько кажутся удобны? Оттого, что она долгое время во мраке молчания и тайны приготавливает их, располагает одним приемом все их части и не прежде выводит на свет, как дав им внутреннюю силу, их оживляющую. После сего они растут и усовершенствуются сами собою; таким же точно образом должны быть приготавливаемы и перерождения царств земных. То, что кажется невозможным в одно время, быв расположено на известные эпохи и основано на общем непременимом плане, самым движением времени и обстоятельств приходит к совершенству.

Третье, если бы совершенная невозможность устроить прочным образом счастье России без перемены в состояниях и не доказывала очевидным образом необходимость сей перемены; если бы и не была уже тому полвека доказана та истина, что никакое европейское государство, в связи с прочими стоящее, не может долгое время быть деспотическим, то надобно только взглянуть на общую степень просвещения, на прилив и отлив мыслей и примеров соседних, на чувство внутреннее, надобно только прислушаться к народному глухому отголоску, чтоб открыть и нужду сей перемены, и узнать степень общих надежд и желаний. И впрочем, в чем должна состоять сия перемена? В превращении ли состояний? В прикосновении ли к правам престола? Всевышний да упасет от сего Россию! Перемена сия должна состоять единственно в соглашении сего ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формою правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжение целого века государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка.

Кем, когда и в каких обстоятельствах должна совершиться сия перемена? Государем всемогущим, народу своему любезным, столько же осторожным, как и просвещенным, который не решится приступить к сему делу, не осмотрев его во всех

частях, не приуголовив его продолжением времени и тихим, так сказать, покатом самих обстоятельств.

Отчего преобразования государств были часто столь бедственны? Оттого, что их начинал вопль народа, производила дерзкая предприимчивость, оканчивало пресыщение зол. Оттого, что не управляли ими мудрые государи, но бешенство страстей народных. Мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самою возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое ему устремление может иметь вредного.

Доказав, таким образом, возможность и нужду перемены во внутреннем расположении России, приложим теперь постановленные выше общие начала к настоящему ее положению.

И, во-первых, что может воспрепятствовать отделить два, три или четыре первых класса от прочего дворянства и начать тем, чтоб учредить в сих четырех классах право первородства. Учреждение сие не будет новость, но воззвание дворянства к тем началам, на коих оно до самых времен Петра I в России состояло.* И даже сей государь, уничтожив прежние разделе-

* В древней России бояре и дворянство имели весьма различные знаменования. Первые занимали по большей части государственные места, были полководцами, имели великие поместья, составляли государеву Думную Палату, или Совет, и равнялись тому, что в Европе известно было под именем высшего дворянства, князей, графов, маркизов и баронов. Вторые составляли по большей части их свиту или дружину, имели подчиненные им должности, составляли их двор, владели небольшими поместьями и по многим отношениям зависели от первых. Если первых по тогдашней общей феодальной системе можно назвать *suzerains*, то последние не что другое были, как их вассалы, но как в России достоинство боярина не привязано было ни к праву первородства, ни к владениям, то роды сии и не могли быть постоянны, и так называемые дети боярские составляли род дворянства, подчиненного боярам и весьма от них различного. С другой стороны, государи российские, всегда почти неограниченные, часто находили удовольствие и, может быть, и политику свою в том, чтоб усмирять гордость бояр уничтожением целых их родов и возведением новых в сие достоинство. Таким образом, часто дворяне и даже думные дьяки родом из церковников переходили в звание бояр по должностям их, а роды боярские, рассекая большие имения посредством наследств на малые части и не участвуя в государственных делах, падали в простое дворянство и часто исчезали.

Таким образом, хотя и дворянство вообще приобреталось рождением, но высшее дворянство всегда снискивалось или заслугами, или милостью; и старые князья, и бояре имели то только утешение, что в публичных собраниях спорили с новыми дворянами о местах и о председании, откуда и произошло местничество.

Чтоб уничтожить сии неокончаемые споры, государь Петр I уничтожил почти и самое дворянство, основав все его степени на службе и сделав ее необ-

ния, самовластной его системе противные, сам вскоре почувствовал, что слишком много сделал, и потому постановил закон о праве первородства, который впоследствии, однако, был отменен.

Кому может быть вредно или предосудительно такое разделение? Высшему ли классу? Но он приобретает сим выгоды, коих прежде не имел. Сколько раз повторяемы были жалобы старых дворян, что роды их, раздробляясь, нечувствительно угасают, что дети великих людей, управлявших государственными делами, державших, так сказать, в некотором к себе уважении и самых неограниченных государей, сходят мало-помалу со своей степени и становятся на одной чреде с коллежскими регистраторами, вчера из праха восставшими. Здесь не место рассуждать, до какой степени жалобы сии в истинном порядке вещей могут быть справедливы, но нельзя не заметить, что они существуют и что бытие их доказывает уже, сколь удобно сие разделение народа на два класса введено быть может. Одна неудобность, весьма, впрочем, случайная и скоро прейти долженствующая, состоять будет в том, что сей класс людей много ныне имеет примеси дворян и без достоинств и без уважения, но это пройдет, и не минет еще столетия, как роды сии очистятся и будут иметь все свое и внешнее и внутреннее достоинство. От власти государя, впрочем, зависеть будет перевести в сей класс несколько богатых людей, ниже его стоящих. Несмотря на все умствования метафизического равенства, в великом государстве нужны не только Юлии Кесари, но и Крассы. Доколе сии последние живы, доколе первые не смеют похищать верховного правления.

Низшее ли дворянство может оскорбиться, видя, что сим разделением оно смешается с народом. Но, во-первых, на чем оно может основать свой ропот? Конечно, если бы правительство вдруг вздумало обнародовать, что дворянство причисляется к народу, провозглашение таковое могло бы быть оскор-

ходимую каждому дворянину; таким образом, старый столетний дворянин, коего деда и прадеды были боярами, нашелся в повелениях нового дворянина, бывшего у отца его в услужении. Таким образом, дворянство потеряло почти и последний вид своей независимости, право рождения. Мера сия по тогдашнему положению дел была, может быть, необходима. Но как скоро государи увидели власть свою совершенно, а может быть, и слишком утвержденною и Россию нашли вне опасности уделов, они признали справедливым ослабить сии узы и, дозволив дворянству не служить, довольствовались тем, чтоб степени его держать в своих руках.

бительно; но если правительство, зная, что всегда люди более хватаются за слова, нежели за вещи, не напишет, но произведет на деле сии разделения, что может тогда сказать дворянство? Какие права у него сим отъемлются? Не присутствует ли оно и ныне в одних судах с прочими состояниями? Не от власти ли государя зависит и ныне пожаловать половину России в дворяне? И не сделано ли уже сие тем самым, что дано всем право владеть землями? Что ж у дворян отъемлется? Самых младших детей первоклассного дворянства не можно ли успокоить тем, чтоб, за исключением коренных фамильных имений, все приобретаемое отцом переходило к ним наравне с первородными.

Теперь осталось определить, когда и каким образом удобнее назначить эпоху сего разделения.

Тот же самый государственный сейм, который должен быть созван для постановления Уложения, положит и сему разделению первое основание.

Чтоб ничего не отваживать и идти постепенно, *во-первых*, разделение сие наметится тем, что дворянство первых четырех классов будет иметь отделенную свою камеру заседания; дворянство прочих классов будет помещено в одном заседании с народом.

Второе. Дворянству высших классов, в середине его упражнений о составе Уложения в главе о наследствах, предложится восстановить древний Петра I закон о праве первородства, ограничивая его действие только на сие состояние; можно утвердительно сказать, что он принят будет с восхищением; споры, какие могут на него произойти в соединенной камере народа, не могут быть приняты, ибо закон сей до него никак не принадлежит. Его право останется во всей своей силе.

Третье. В то же время предложится закон, что, исключая первых четырех классов, не будет титулярных чинов. Советник правления должен быть советник правления, а регистратор коллегии должен быть регистратор и более ничего. Все различия классов сим уничтожаются, останутся только различия мест и должностей. Закон сей столь удобен, что и ныне его неоднократно предлагали, и как он по существу своему не что другое есть, как правило государя в раздаянии почестей, то он и зависит от единой его воли. Никто и никакого права не имеет постановлять образ, по коему государь должен раздавать награды, когда раз навсегда источник чести народ ему вверил.

Четвертое. Постановить, чтоб дела в присутственных местах слушаны и решены были всеми заседателями вместе (исключая дел уголовных высших четырех классов, которые естественно судятся в одном высшем судилище). Сей закон также столько удобен, что от двух или трех голосов зависело и ныне в Сенате решить вопрос о нем положительно. Сии два закона, третий и четвертый, можно ввести и прежде Уложения, а тем ознакомить уже с ними народ.

Сии четыре положения, утвердись, временем сотрут все нелепые различия, какие ныне существуют, и соединят все состояния в единую массу. Дворянин будет носить имя и, если угодно ему, будет им и гордиться. Но правами, ему равными, будет пользоваться вся Россия.

Правда, что останется еще в первых временах у дворянства великое отличие от прочей части народа — право владеть крестьянами в крепость. Но как бы уничтожение сего права ни казалось затруднительным, оно столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нем, яко временном и непременно прейти долженствующем.

Часть сия требует, конечно, особенных сноровок, и сие не поэтому только, что предупреждение сие слишком глубоко врезано, но и потому, что неосторожным к нему прикосновением можно нанести чувствительный удар самому земледелию, ибо известно, что раздробительное обрабатывание полей в нашем краю, по бедности наших крестьян, никогда не может иметь того успеха, какой имеет соединенное и в большом виде.

Как бы то ни было, но, кажется, разделив сию часть на две эпохи, можно будет и ее привести к счастливому концу.

В первой эпохе ограничить себя должно тем, чтоб постановить известную меру повинностей, коих помещик законно может требовать от земледельца, и вместе с тем, в успокоение самих помещиков, учредит некоторую расправу между ними и крестьянами. Закон сей имеет уже основание в наказе покойной государыни императрицы. Его можно предложить собранию в самом составе Уложения. Посредством сего закона крестьяне сами по себе и без всякого другого гласного постановления из личной крепости помещиков перейдут в крепость земле и будут только приписными. Сим положится первая степень их искупления.

К сему закону можно присоединить еще и то учреждение, чтоб подати подушные сложить на землю и в форме крепостей на имение, не исчисляя душ, писать только пространство и

меру земель, — два обстоятельства, кои совершенно и ныне и всегда зависят от воли государя.

Во второй эпохе, которая, конечно, не может быть близка и должна быть приготовлена многими частными распоряжениями, возвратится крестьянам и древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому, и тем самым совершится уже и конечно их искупление. Но я еще повторяю, сия последняя степень возрождения России требует времени и многих приготовлений, и повторяю сие не потому, чтоб бояться народных возмущений, но потому, что по пространству наших земель и малочисленности народа вольность такая может заставить крестьян обратиться к некоторому роду кочевой жизни, столько же им, как и общей государственной экономии, пагубной.

Предметом всех сих рассуждений было не установление коренных законов и не начертание внешнего образа правления, но единственно изыскание того основания, на коем сии законы и сей образ правления поставлен быть должен, если когда-либо силы небесные, покровительствующие ныне столь особенно России, будут на сие преклонны. Вот для чего многие подробности, весьма, впрочем, существенные, здесь слегка только назначены, а может быть, тем самым действие целого состава лишено своего света; оно могло бы быть совершеннее, если бы наперед положен был план здания, коему здесь ищется основание. Но если начало равновесия, управляющее миром физическим, имеет свою силу и в мире политическом, то труд сей был не тщетен. В великих истинах и слабые опыты имеют свою цену.

1802 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ИМПЕРИИ

Представляя Вашему Величеству продолжение известных Вам бумаг о составе Уложения, долгом правды и личной моей к Вам приверженности считаю подвергнуть усмотрению Вашему следующие размышления мои о способах, коими подобные сему предположения, если они приняты будут Вашим Величеством, могут приведены быть в действие.

История России от времен Петра I представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали.

При издании самых благоразумных и спасительных законов вопрос, на чем они основаны и что может удостоверить их действие, сей вопрос оставался всегда не разрешенным, и в сердце народа умерщвлял всю силу их и доверенность.

Сему иначе и быть невозможно. Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая быть ему повелит. Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобразования судьбы царств, он пожелает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили, — и царство сие покроется всем блеском заимственного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое

платье и переменив внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займется украшением поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменили самое существо его, — позлатят цепи свои и нарекут себя свободными. Ослепясь призраками роскоши и меняя кровавый пот на игрушки, возмечтают, что обогатились торговлею. Откроются академии, явятся Бернулли и Ридингеры, прославятся в Европе деяния мудрых, а народ чтение грамоты будет считать еще между смертными грехами. Таким образом пройдет и другое царство по глубокой бразде, проложенной первым. Обуреваемый царедворскими интригами, престол достанется властолюбивым министрам, кои под именем восседающей на нем слабости позволяют себе в европейском государстве самые азиатские жестокости и самовластие. Народ, угнетенный под сим ярмом, переведет дух при царстве милости и благочестия, и хотя судьба его в существе своем не переменится, но сладкая уверенность владеющего милосердия поддержит несколько дух его от падения.

За сим вскоре настанет царство мудрости и истинного просвещения, в первых его эпохах везде прольется дух жизни и ободрения, злоупотребления обычаем, в закон превращенные, обнаружатся, многие части правления примут постоянный вид и образование. Государственная экономия приведется в некоторую известность. Положатся великие основания самого образа правления, но обстоятельства личные, огромность самого плана, уверение, что народ любит свое рабство и не созрел еще для политического бытия, наконец, война и виды внешней славы увлекут внимание в другую сторону. При всем том, однако же, точки доброго порядка, в разных местах назначенные, останутся неизгладимы. Люди познакомятся с именами прав, законов, преимуществ, свободы; и таково есть свойство человеческого разума и очарование надежды, что, любясь сими именами, он еще раз обманется и будет думать, что обладает самыми вещами. Горестный опыт выведет его из сего заблуждения. Наконец, явится благотворительный гений с самыми счастливейшими расположениями разума и воли, какие небо для блаженства народов вдохнуть смертному может. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, рассыпав облако предубеждений, увидит, сколь нетвердо политическое его бытие и сколь тщетно иметь права на словах, не имея их на деле; с другой стороны, ужасы смежных

преобращений, устранив самых дерзновеннейших, научат по окончании их различать истинную свободу от ложной; докажут и кровавыми чертами на сердцах все изобразят, что свобода не что другое есть, как закон, равно на всех действующий и все объемлющий; что метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу, стократно горшему, нежели самое жестокое самовластие; наконец, он придет в такую эпоху, когда народ почувствует нужду лучшего устройства, но в то же время будет знать и пределы перемен. Россия узрит в нем своего ангела-хранителя. Любовь к нему будет одно и то же с любовью к отечеству. Самые холодные эгоисты будут притворяться, что к нему привязаны, для того только, чтоб не считали их извергами общества; дерзкая и мелкая предприимчивость будет пресмыкаться во мраке и имя ее будет неизвестно. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, приученный крутостью к повиновению и облежимый воинскими и политическими силами, а с другой — плененный образом его мыслей, убежденный в добрых намерениях своего гения, жаждущий быть счастливым и верующий в душе своей, что он на сей раз уже обманут не будет, ожидает только мановения его, чтоб двинуться, куда он повелит; он придет в такие лета, когда предрассудки политические, когда болезни и страсти не помрачили еще его разума, когда медлительная и робкая старость не поколебала еще его воли, когда, одетая всем могуществом физической и моральной природы, он тем сильнее может устремить взор своей к совершенству, что может обещать себе видеть конец и совершение великих своих дел, слышать сердечные благословения миллионов, им осчастливленных, чувствовать Россию устроенну, упокоенну, превознесенну, и имя его, составляющее в летописях мира эпоху великого царства. В какое время, в каких обстоятельствах, с какими счастливыми расположениями он придет! Какое поле славы для него откроется! Но и какие трудности его ожидают! Он найдет множество добрых начинаний, испровергнутых или упавших прежде, нежели успели они утвердиться. Он будет искать плана, коему доселе следовали в правлении, и не найдет его, ибо план сей переменялся с образом мыслей тех, кои управляли. Он призвет к себе из мрака уединения людей, кои некогда управляли государственными делами, но в людях сих найдет он, по большей части, застарелые предрассудки, механический разум примеров, а не разум собственного размышления, недостаток сердечной теплоты к общему благу, личные виды,

дух партий и дух властолюбия. И как разум посредственный никогда не умеет оценить разума превосходного, то все сии люди почтут себя рожденными учить и наставлять его. Не познав ни пространства его видов, ни возвышения его характера, они будут измерять его собою и, пользуясь единым сравнением лет и опыта, возмечтают давать ему уроки: «Будь государем деспотическим, — одни ему скажут. — Россия так разнообразна, так обширна, так мало просвещенна, что один сей образ правления может быть ей спасителен; оставь только нас визирями и менее внемли подробностям народного вопля, будь уверен, впрочем, что все будут счастливы». «Будь монархом, — скажут другие, — то есть не вверяй власти своей лицам, но поставь во уважение места, дай им права и преимущества, и подобно лучшим из твоих предшественников, покрыв монархическими именами и формами сильное влияние вельмож, дозволь им управлять под твоим именем неограниченно. Народ будет, конечно, счастлив, когда будешь ты смотреть на него чрез сию призму. Впрочем, мы приемлем на себя еще раз уверить его, что он управляется ни волею твоею, ни нашими советами, но единым законом; и хотя закон сей будет сделан без его согласия, хотя всегда будет в твоей власти переменить его, но народ будет в нем уверен и заснет на сем уверении, подобно как он и прежде спал на нем и доселе был бы покоен, ежели б не разбудили его неосторожными и крутыми переменами». «Мы боимся всяких новостей, — представят иные. — Россия долго стояла покойно в настоящем ее положении. Все были счастливы, то есть те, кои имели большие доходы, проживали их в удовольствии, бедные работали, богатые пользовались трудами рук их и за то ими управляли. Все было в порядке и в приятной взаимности. Всякая перемена раздвигает мысли народные, по крайней мере на несколько линий, а размышление всегда народу вредно. Известно, что французская революция произошла от книг». «Здесь все надобно переделать, — возопиют другие. — Это варварская страна, не имеющая и первых начал того благоустроенного образования, которое мы в других государствах видим. Здесь все экономические системы ложны, установления неправильны, законы ничтожны. Народ в невежестве и страдании. Все требует руки творческой, а не способов исправления. Зло так велико, что и добра из него извлечь не можно. Надобно вырвать с корнем сей огромный дуб, приносящий только желуди, и на месте его насадить виноград». Кто прав, кто виноват из сих толь разнородных мудрецов? По

счастью, самое противоречие их мнений ослабит к ним веру; по счастью, гений доброго разума, неразлучный с духом осторожности, отвергнет от себя и наветы равнодушия, и замашки любоначала, и пылкость преобразителей; он познает, что первые происходят, может быть, и от добрых намерений, но основаны на ложных началах, привычкою самовластного управления внушенных и в полицейском надзоре полагающих народное благосостояние; что вторые приучились давать народу слова за вещи и в смешении понятий, в уважении мест, из них составленных, искать способов поддержать собственное их возвышение; что третии боятся перемены потому, что переменить самих себя находят уже не в силах; что, наконец, последние забывают, что все царства земные идут к совершенству временем и постепенностью, что всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную, что хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений; что часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются; что, во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно. Он познает все сие и удержит колесо правления в том тихом движении, которое даст ему способы избрать вернее истинную сторону его обращения. Между тем, однако же, время летит. Пройдет год, пройдет и другой, он рассыплет в народ тысячи благодеяний, поставит на мере множество справедливых и добрых учреждений, ободрит надежды, усладит самые горести, сделает довольно для того, чтоб царство его было счастливо, но мало к тому, чтоб счастье России было непоколебимо. От утра до глубокой ночи кабинет его будут облежать министры, все, работая без общего плана и идя в разные стороны, они будут ему представлять вместо дел частные подробности, развлекут, рассыпят его внимание, и, исчисляя дела количеством бумаг, может быть, захотят уверить его, что судьба царства Российского зависит от передачи дел из одних рук в другие, потщатся уверить его, что не только они делают все наилучшим образом, но что и делать сего иначе невозможно и что высокое звание устроить народное счастье в существе своем есть самая скучная наука подробностей и работа не ума, но терпения.

Найдутся, конечно, люди, кои, став выше общих видов корысти и любоначала, осмелятся размышления свои приблизить к тому высокому порядку вещей, который один

считают они тебя достойным, кои, быв одушевлены доверием к тебе, любя в тебе не государя всемогущего, но человека, предуготовленного самою судьбою и обстоятельствами к возрождению великого царства, осмелятся представить тебе истины, от общего понятия весьма различные. Они тебе скажут:

Если, забыв надежды, с восшествием твоим на престол просвещеннейшею частью народа твоего восприняты, и презрев степень просвещения, на коем и самые гордые враги России ее ставят; если, страшись перемен или обольщен наружною простотою деспотической власти, почтешь ты в душе твоей сей образ правления приличнейшим для России, может быть, государь, что царство твое протечет не только мирно, но и народы твои, покоясь под твоим скипетром, заснут в приятном мечтании, но сей сон не будет ни продолжителен, ни естествен, это будет сон расслабления, они возбудятся от него и найдут себя в бездне рабства, тем опаснейшего, что ни сил переносить с терпением его, ни средств избавиться его без перелома не найдут. Тогда бешенство страстей народных, неминуемое следствие слабости, заступит место силы и благоразумия. Необузданная вольность и безначалие представятся единым средством к свободе. Последствия сего расположения мыслей столько же будут ужасны, как и неисчислимы, но таковы всегда были превращения царств деспотических, когда народ их начинал. Положим, однако же, что действием благоразумного правительства цепи народа так волшебным образом составятся, что он никогда разорвать их или не захочет, или не будет в силах; положим, что никакое обстоятельство не возмутит того глубокого сна, в коем он будет погружен, но, чтоб продолжить сей мнимый покой, надобно, чтоб правительство было справедливо. Ты пожелаешь быть справедливым, все добрые государи сего желали, и самовластнейшие из них считали себя таковыми, но министры их всегда были пристрастны, ибо дух людей всегда соображается с духом правления. В самом деле, какое владычествующее побуждение могут иметь люди в таком образе правления, где судьба их зависит от воли и хотения одного человека? Не на том ли безопасность каждого из них должна быть основана, чтоб взгляд немилости, могущий лишить их всех политических прав, не мог проникнуть в недро семейного их счастья, и если не могут они быть независимо почтенными, то не осталось ли им желать быть независимо богатыми. Вот откуда происходит то великое правило, что корысть есть движущее начало всех деспотических правительств и вот для

чего в Турции так, как и в других известных царствах, все важные дела решаются мешками секинов, и никогда корыстолюбие столь сильно душами не обладает, как при неограниченном правлении.

Среди сей толпы рабов, гордящихся минутным блеском милости, найдутся, может быть, люди с твердыми началами, с возвышенным образом мыслей, неприступные очарованиям корысти и любящие единую правду. Но каким образом, по каким признакам узнаешь ты сих людей — не все ли вокруг тебя будут в одной личине? И если проницательностью твоего ума сорвешь ты несколько раз сию личину, сей горестный и часто повторяемый опыт не поселит ли недоверчивости в душе твоей? Недоверчивость сия не смешает ли, часто по необходимости, правого с виновным? И как ощущение чести во всех душах возвышенных весьма нежно, то не поколеблет ли недоверчивость сия их правил? Как скоро убедятся они, что доверенности твоей не имеют, а без нее в правлении самовластном никому нельзя действовать, они найдут себя принужденными или смотреть на все с равнодушием, или удалиться в уединение.

Но я предполагаю, что судьба твоя и личная любовь к твоим свойствам произведут чудо в деспотическом царстве, что ты найдешь одного, двух, даже трех министров беспристрастных, деятельных, просвещенных, непоколебимых. Ты, конечно, не захочешь, однако, чтоб судьба царства твоего от них единственно зависела. Ты пожелаешь сам управлять народом, тебе вверенным от Бога. Но каким образом можешь ты самому себе обещать, что никогда никакое облако человеческой слабости не покроет ясности твоих понятий в сей бесчисленности дел, тебя окружающих и от твоего решения зависящих? Каким образом можешь ты себе обещать, чтоб в качестве законодателя, верховного судии и исполнителя своих законов все видеть, все знать, всех исправлять, все приводить в движение и никогда не ошибаться? Чтоб быть деспотом справедливым, надобно быть почти Богом.

Итак, по всей необходимости, должен ты будешь вверить великую часть дел твоих местам, тобою установленным, а чтоб дать сим местам некоторую тень бытия политического, ты оставишь им монархические формы, введенные твоими предшественниками, и действия воли твоей неограниченной назовешь законами Империи. Но места сии, быв составлены из лиц, переменят ли тем существо свое? Завися в самом бытии своем от единого твоего хотения, возвысят ли они правила

свои до понятия независимой чести и любви к отечеству? Сокроют ли от тебя унижающее их рабство? В силах ли будут отвратить объемлющее их влияние вельмож? Ты пожелаешь почестями и знаками твоего уважения возвысить их в собственных их глазах, дашь более пространства их власти, покроешь их всем могуществом твоего доверия — но самое сие доверие покажет им, что сила их от тебя единого происходит, и следовательно, тебе единому угождать и служить они обязаны. Не быв никакими пользами соединены с народом, они на угнетении его оснуют свое величие, они будут править всем самовластно, а ими управлять будут вельможи, наиболее тобою отличающиеся, и вот для чего, между прочим, вельможи сии столь сильно проповедают сию систему. Таким образом, монархические виды послужат только покрывалом страстям и корыстолюбию, а существо правления останется неизменным. Угнетение тем будет несноснее, что оно покроется законом.

Итак, открытым ли самовластием будет правима Россия, или скипетр твой позлатится монархическими призраками, государство в обоих сих случаях не избегнет своего рока. Ты должен будешь отказаться:

1) от всякой мысли о твердости и постоянстве законов, ибо в сем правлении законов быть не может;

2) от всех предприятий народного просвещения. Правило сие должно принять столько же из человеколюбия, ибо ничто не может быть несчастнее раба просвещенного, как и из доброй политики, ибо всякое просвещение (я разумею общее народное) вредно сему образу правления и может только произвести смятение и непокоривость;

3) от всех предприятий утоненной народной промышленности: я разумею все фабрики и заведения, на свободных художествах основанные или близко с ними связь имеющие;

4) от всякого возвышения в народном характере, ибо раб иметь его не может. Он может быть здоров и крепок в силах телесных, но никогда не должен быть способен к великим предприятиям. Есть, конечно, исключения, но они не опровергают правила;

5) от всякого чувствительного возвышения народного богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а без законов она быть не может;

6) еще более должно отказаться от улучшения домашнего состояния низшего класса народа. Избытки его всегда будут пожираться роскошью класса высшего;

7) словом, должно отказаться от всех прочных устроений, не на лице государя владеющего, но на порядке вещей основанных, и царство твое, столь многое обещавшее, будет царство обыкновенное, покойное, может быть блистательное, но для прочного счастья России ничтожное.

Оно будет таково, если при том чудесною какою силою преградишь ты сие прелияние мыслей соседственных, столь чувствительно действующих на мысли твоего народа, если, усугубив действие надзора, пресечешь ты все пути к его просвещению, если, предупреждая всякое соединение пользы его, не престанешь ты раздроблять их и тем содержать силы его в ничтожестве. Если престол твой будет непрерывно окружен всем блеском великолепия и народу твоему не иначе будешь ты являться, как в облаке света и пышных мечтаний, царство твое будет покойно. Но если, предаваясь естественному влечению твоему к истине и человечеству, позволишь ты вход к просвещению, если не воспретишь народу размышлять о пользах государственных и почерпать свои размышления во внешних источниках, если, чувствуя себя довольно великим, чтоб не иметь нужды всегда стоять на подножии твоего трона, отвергнешь ты от себя предрассудки пышности и рассыплешь мечты великолепия, государь, тебе труднее тогда будет править государством по твоей воле и держать рабов в повиновении, нежели управлять по закону и обладать сердцами твоих подданных. Истинны они будут, может быть, к сердцу твоему и собственным твоим размышлениям близки, но, приходя к тебе с разных сторон, они все могут быть более или менее справедливы и все, однако же, между собою различны. Если не будет постановлено между ними сравнения, если не приведутся они в одну систему, они не произведут никогда постоянного и сильного действия.

Если установление всякого частного заведения требует общего соображения всех видов, в состав его входящих, если известное сословие умов нужным считается к сему соображению, то каким образом установление великого государства, план, на коем бытие его на цел столетия должно быть основано, может возникнуть из частных мыслей, друг друга пересекающих, хотя и от одного начала идущих.

Я не могу без душевного унижения и помыслить, чтоб Российское государство столько было от небес оставлено, чтоб не можно было в нем найти столько просвещенных умов и столько теплых ко благу общему сердец, сколько может быть нужно к составлению такового сословия.

Покрытое непроницаемою тайною, от истинного просвещения всегда почти неразлучною, сословие сие, соединив в одну точку зрения все предметы, к Государственному Положению относящиеся, из соображения их извлечет полный план, на коем все действие должно быть основано. И когда план сей зрелым размышлением доведен будет до всего возможного совершенства, оно обратится к средствам, коими должно производить его в действие.

Средства сии могут быть двояки: одни должны приуготовить только действие, другие непосредственно открывать его.

Есть множество учреждений, совместных даже и с настоящим образом правительства, коих дух мог бы быть обращен на приуготовление к будущему. С другой стороны, в обыкновенном движении дел часто происходят без внимания важные обстоятельства, будущий порядок вещей весьма затруднить могущие. Чтоб из многих примеров привести одни наиболее ощутительные, я уверен, что самое утверждение Дворянской Грамоты и Городового Положения не могло бы иметь места, если бы Государственное Положение имело свое начертание.

В государстве монархическом, конечно, должен быть известный класс людей, особенно предуставленных к охранению закона. Но сей класс людей никак не может быть установлен на тех деспотических началах, на коих грамота дворянства основана. Его привилегия рабов, уполномочивающая их тяжесть цепей, ими влачимых, возлагать на других, слабейших. Какую связь пользы дворянство сие имеет с народом? Не на исключительном ли праве владения земель и людей, как вещественной собственности, основаны главные его преимущества? Не от суда ли самовластного, государем устанавливаемого, зависит имение и лицо дворянина? Не четырнадцать ли раз каждый дворянин, переходя из класса в класс, чувствует на себе силу неограниченной воли, и не четырнадцать ли раз, привязываясь к сей воле, отторгается он от народа?

Городовое Положения, раздробляя народ на столько разных классов, сколько есть промыслов, отъемлет то у одного, что дает другому и, таким образом, углубляет последний класс людей, и наиболее полезный, еще более в ничтожество и, таким образом, разрывая единство в народе, всю силу его испровергает.

Множество привилегий, разным провинциям подтвержденных, не более представляют сообразности с духом истинного единодержавия, как и сии две грамоты.

Предположение о так называемом преобразовании Сената было бы не менее сего несходно с истинными началами благоустроенной монархии, в которой место, охраняющее закон, должно иметь нечто более, нежели пустые выражения прав и преимуществ.

Недавно рассуждали в Сенате, должно ли местам судебным, составленным из трех состояний, предоставить совокупность в решении дел, — положение сие было бы чертою соединения между дворянством и народом. Несогласие одного или двух членов увлекло голоса в противную сторону, и сторона сия удостоена утверждения.

Таким-то образом правительство, действуя без плана, не только теряет время и случай к приуготовлению лучшего, но и заграждает себе пути, ставя в подвиге своем самому себе препятствия.

Но когда бы план сей существовал и когда бы известное небольшое сословие людей было поставлено к приведению его в действие, оно не только бы не попускало умножать препятствий к лучшему порядку, но и приуготовляло бы сей порядок предварительными установлениями.

Действием сего сословия разные части правительства, приготавлиаясь издалека и постепенно в середине царства самовластного, положили бы основание царства монархического и, развивая сии начала мало-помалу, без крутости, без переломов, нечувствительно и даже для простого глазу, не приметно воздвигали бы под завесою настоящего правительства новое здание на столпах разума и законов, и когда бы время приспело сорвать сию завесу, народ вопросил бы себя с удовольствием, кто и каким образом перенес его столь нечувствительно из царства тьмы и уничтожения в царство света и свободы?

Учредив внутренний свой порядок на правилах, кои бы всякое смешение понятий и бесполезные прения удаляли, сословие сие, тебе единому известное и от манования твоего зависящее, могло бы назначить себе следующие предметы.

I. Соображение всех предположений, в разные времена сделанных, относительно общего государственного положения России.

II. Извлечение из сил предположений лучших правил, приведение их в систему и составление коренных законов.

III. Постановление сим коренным законом основания твердого и непреложного не во внешних учреждениях, но в

силе, или, лучше сказать, в связи и соединении самых ясных польз народа.

IV. Изыскание средств, коими сии коренные законы могут быть поставлены на своем основании и введены в действие без всяких политических переломов.

V. Постепенное приведение сих средств к исполнению и предостережение всех препятствий, какие им обыкновенное течение дел по настоящей системе противопоставить может.

Я знаю, государь, что сии пять предметов столь обширны, столь трудны, что каждый из них будет требовать времени и усиленных размышлений, чтобы привести его в надлежащую ясность, но самая сия трудность доказывает, с одной стороны, что учреждение таковое необходимо, а с другой — что время, протекшее без сего учреждения, потеряно для прочного государства положения.

Если бы Вам угодно было, государь, принять мысли сии основательными, можно бы было представить и подробнейший план таковому сословию.

Я смею ручаться, государь, что из всего, что доселе Вы для счастья России сделали, учреждение сие, может быть наименее блистательное и даже совсем неизвестное, будет самое полезнейшее, ибо все прочее должно или на нем быть основано, или не будет иметь никакого основания.

1802 г.

О ПОСТЕПЕННОСТИ УСОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО

Жалобы на недостатки от сравнения одного государства с другим. Беспреданно слышны крики, для чего у нас нет того или другого? Все государства поставлены судьбою в разных степенях совершенства. Если они не упадают, то, без сомнения, возвышаются. Неосновательность сих жалоб:

I. Усовершенствия принужденные не прочны, они насилуют природу. Природа всегда приуготовляет в тишине свои планы, и для того произведения ее верны. Примеры сих усовершенствий: в Англии *charta magna*⁷ долго лежала без употребления, ее забыли и едва нашли в архиве. В России суд равными, *habeas corpus*,⁸ или суд совестной. Коммерческие банки, банки промышленности в Дании. Государство, которое может с пользою занять и приложить законы чужестранные, стоит на той чреде, что и само могло бы сей закон составить. *Fergusson*.⁹

II. Не только усовершенствия таковые непрочны, но и жалеть не должно, если они не исполняются. Всякой степени гражданственности присвоены свои пороки и свои добродетели. Не решен еще спор, в котором из сих степеней народ счастливее. *Stewart*.¹⁰ *Les progrès de l'industrie ne sont pas toujours unis à l'aisance ni au bonheur.** Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки.

III. Одно из главных правил лиц управляющих должно быть знать свой народ, знать время. Законодатели дают законы всегда для потомства и редко для настоящего рождения; всегда предполагают и редко учреждают. Отсюда *les avortements politiques*.** Народопознание столько же трудно, как и самопознание; кто может похвалиться, что себя знает? Несом-

* [Стюарт. Успехи промышленности не всегда связаны с благополучием и счастьем (*фр.*)]

** [политические неудачи (*фр.*)]

вершенство атомистики, если бы физики вздумали узнавать природу без натуральной истории; сей-то истории мы не имеем.

IV. Отсюда часто происходит остуждение в лицах, чувствительных к общему благу. Platon.

V. Отсюда происходит, что теории редко полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий!

Итак, души добрых государей не должны беспокоиться, если успех не отмечает их начинания. Пример... из всех огорчений самое чувствительное для всякого человека есть расстаться с его идеями добра и находить то невозможным, что столь очевидно было бы полезно. Это мучение Тантала¹¹ видеть добро, хвататься за него и никогда не поймать. Это судьба всех почти лучших человеческих желаний. Сей характер их доказывает вообще, что в них дух парит всегда выше и долее чувства. Чувства клонят его к земле, выводят из меры, для коей чувствует он себя созданным.

1802 г.

О СИЛЕ ОБЩЕГО МНЕНИЯ

Во всех государствах, идущих к просвещению, сверх силы законов и правительства устанавливается с течением времени нечувствительно особенный род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается наконец главною стихиею политического бытия и определяет судьбу человеческих обществ.

Зачинаясь в тайне личного самолюбия, возрастая по мере сопряжения личных польз с общественными, образуясь положением государства, сила сия вскоре появляется среди обществ человеческих со всеми признаками могущества, часто непреодолимого и всегда уважаемого. Иногда, поборая законам и правительству, иногда им противодействуя, она низвергает государства или служит им утверждением. Почтенна в своих действиях, когда действует к общему благу, ужасна в заблуждениях, когда направление ее противно общественным постановлениям. Во всех случаях она составляет важнейший предмет размышлений законодателей и воздействия правительства.

Сила сия есть *сила общего мнения*.

Общее мнение, или дух народный, есть внутреннее убеждение большей части людей, в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и законов.

В Риме общее мнение или дух народный устремлены были к завоеваниям. В Афинах дух народный состоял в пылкой предприимчивости и в тщеславии. В век Карла Великого¹² дух народный состоял в рыцарстве.

Дух народный переменяется по обстоятельствам. Всякий век имеет свою физиогномию. Дух народный есть целое, а

характер народный есть господствующая часть его. Были и есть государства, в коих дух народный ничем не обнаруживается не оттого, чтобы люди в сих государствах не имели общих привычек, общего образа мыслей, но оттого, что сии привычки и сей образ мыслей устремлены на предметы частные и личные, не обращены к делам общественным. Дух народный, разделенный в тысяче личных мнений, не образуется в едином целом и не составляет силы государственной.

В восточных деспотических государствах народ имеет, конечно, свои привычки, свой характер; он может быть храбр или сластолюбив, склонен к роскоши или к умеренности, к жестокости или к мягкосердечию, но в государствах сих очень редко является дух народный по образу правления, там существующему. Люди очень редко имеют случай заниматься делами общественными. Власть верховная, всем движущая и располагающая, в сих государствах действует по соображениям, ей одной только известным, а действие ее, подобно молнии зарождающейся в отдаленных облаках, открывается только тогда, когда она разит или блистает. Кто может проникнуть в первые ее начала и какая польза умствовать там об общем добре, где один удар произвола в минуту может испровергнуть все планы и гадания.

Сие ведет нас к разысканию обстоятельств, в коих рождается дух народный, и тех признаков, по коим рождение его узнать можно.

Дух народный рождается часто без содействия правительства от стечения обстоятельств, коих оно ни предвидеть, ни остановить не может. Сильные потрясения государств, от внутренних междоусобий, от избытка угнетений или от опасной внешней войны происходящие, часто открывали таящуюся в умах силу общего мнения, устремляя внимание и мысли людей к делам общественным. Великие происшествия сии поглощали, так сказать, личные, разделенные мнения и, соединяя их воедино, образовали одну царствующую мысль — мысль общей безопасности и защиты. Сии жестокие и блистательные эпохи выводили на свет из ничтожества людей чрезвычайных, открывали великие нравственные характеры, осиявали дела общественные необыкновенными дарами витийства и мудрости, облекали государства славою, воспламеняли умы, рождали деяния геройские, преображали самый характер народный, людей холодных делали энтузиастами, развратных — терпеливыми и храбрыми, добродетельных — жестокими.

В сих-то положениях государства афиняне отражают 100 000 персов при Термопилах,¹³ роскошные римские женщины отдают власы свои на веревки, датчане упрашивают короля взять над ними власть неограниченную, французы делают чудеса силы и жестокости.

Нельзя отрицать, чтоб все сии действия не были произведением народного духа, но тот весьма погрешит в понятиях своих о свойствах народных, кто действие сие, в моменты перелома и воспаления страстей рожденное, примет постоянным свойством народа. Правда, что ударение мыслям народным, силою сих обстоятельств данное, иногда довольно долго продолжается и после их, но если порядок вещей, заступивших их место, им не сообразен, оно по необходимости должно исчезнуть. Афиняне после славных побед обратятся к роскоши и тщеславию. Римские женщины будут дорожить своими уборами. Датчане сделаются холодными, французы — приятными, легкими и добродушными.

Из сего видно, что дух народный, рождающийся не от постепенного и непрерывного действия, но рождающийся внезапно от сильных потрясений государств, хотя может действовать сильно, но никогда не может действовать продолжительно.

Дух народный, образующийся просвещением, бывает постоянное. Когда постепенным действием науки, внушениями великих писателей или политическими происшествиями разум народный обращается на предметы правительства, когда мало-помалу общественные разговоры, дружеские беседы, собрания людей праздных или благомыслящих поставят внимание на сию материю, когда люди вообще пожелают знать, какими пружинами движется сия огромная машина, которая ими движет и управляет, когда сему склонению мыслей правительство будет содействовать, или стесняя их без благоволения, или благоприятствуя особенным к ним уважением, тогда мало-помалу из сих рассеянных мыслей срастается, так сказать, общее мнение о материях правительства и образуется в середине сил государственных новая сила, часто им поборающая, а иногда противодействующая, но в том и другом случае всегда заслуживающая уважения.

Дух народный если не рождается, по крайней мере сильно ускоряется действиями и податливыми началами правительства. Когда правительство заблаговременно признает пользу общего мнения для успеха благотворных его видов и, не ограничиваясь управлять справедливо, пожелает родить

общую уверенность в сей справедливости, пожелает, чтобы не только ему повиновались, но и любили бы его; если при том народ, коим оно управляет, имеет уже некоторую степень внимательности и просвещения, оно даст ему все средства составить себе ясные понятия о самых его действиях, вводит его в начала свои, приобщает, так сказать, к тайнам своим,* воспитывает его, дабы иметь славу и удовольствие управлять народом просвещенным, а не только рабов. Дух народный скоро созревает при сем спасительном действии правительства. Мало-помалу люди спорят со страхом и с надежностью, начинают рассуждать о предметах управления, мало-помалу приучаются сливать частные свои интересы с общими и, наконец, составляют общее мнение.

Таковы суть обстоятельства, в коих рождается дух народный. Признаки его определить посему нетрудно. Каждый может узнать, в каком положении находится дух народный в том или другом государстве. Нужно изъяснить пользу общего мнения и необходимость управлять им.

В государствах деспотических общее мнение не только существовать не может, но если бы каким-нибудь случаем оно и возникло в сем образе правления, кроме вреда и расстройства ничего произвести не может. Правление деспотическое может быть не только сильно, но по местным положениям необходимо. Оно может быть благотворно, судя по свойству лиц, в нем предрержащих. Но никогда не может и не должно оно терпеть общего мнения, если не желает ослабить собственных начал своих. *Divide et impera*** есть постоянное и коренное его правило. Государи, кои желали быть деспотами и вместе дозволяли или терпели свободу мысли их подданным, ввергали государства в бедствия, вводили себя в беспрерывные противоречия и нередко кончали жестокостями (из Сегюра).¹⁴

Государь самовластный, если при самых лучших расположениях не может без вреда переменить образа, должен ограничить себя тем, чтоб делать современных ему подданных счастливыми, действуя на судьбу их путями сокровенными, подобно путям Провидения, и не думая о происшествиях грядущих.

* Легко приметить можно, что чем народ и правительство просвещеннее, тем менее таинств политических. В деспотических государствах все таинство. Чем более государства приближаются к началам свободы, тем число тайн уменьшается.

** [Разделяй и властвуй (*лат.*)]

Но в государствах, кои политическим их положением призваны или призываются на чреду правления разумом и мудрою свободою установленного, общее мнение составляет силу, весьма уважительную и в самые первые стихии бытия их входящую.

Давно уже примечено, что законы без нравов не могут иметь полного действия;* в самом деле, законы не могут подчинить себе, как только действия явные и, так сказать, публичные. Законы, коих сила простиралась бы на внутреннее движения людей, были бы законы жестокие и собственному своему установлению противоречащие, ибо законы должны покровительствовать свободе, а не уловлять ее подозрениями. Между тем нельзя не видеть, что публичные деяния людей тесно связаны с внутренним их расположением.

В самом деле, отчего наилучшие законы часто не производят своего действия или исполняются медленно? Оттого, что не находят они в сердцах соответствующего им расположения, оттого, что сие внутреннее и сильное начало убеждения и доверия, оживотворяющее все движения людей, им не содействует. Среди всей толпы частных польз, занимающих, колеблющих и увлекающих в разные стороны воображение, они идут, так сказать, одни без силы, без внимания, едва приметны для самых тех, коим исполнение их поручено. Подобно мертвым силам физическим они нудятся, но не действуют.

Явление сие в нравственной природе прежде еще было примечено, нежели в физической. В науке законодательства давно уже различены законы от установлений. Первые предписывают образ и правила деяний публичных; вторые приуготовляют внутреннее расположение и направляют его в движении. Нет закона, говорил Цицерон,¹⁵ который бы предписывал быть честным, добродушным, благотворительным, но есть установления, кои заставляют людей быть таковыми. Есть общее нравственное чувство, покрывающее стыдом обман, жестокосердие и самоугодие (эгоизм) даже и тогда, как закон терпит их или попускает.

Сие нравственное чувство берет начало свое в общем мнении. Были государства, в коих кража не считалась преступлением, где жестокость и ныне признается мужеством, где роскошь и тщеславие занимают место истинного величия.

* *Quid leges sine moribus vana proficiunt.* Horat. [Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов. Гораций¹⁶ (лат.)]

Столько пороки и добродетели зависят от общего или принятого мнения.

Из сего видно, что общее мнение, утверждая понятия общественные о пороке и добродетели, составляет одно из главных орудий закона.

В государствах, где нет общего мнения о предметах управления, все суждения о них разнообразны, уединены, недействительны. Там добрый и вредный закон приемлется с равнодушием, исполняется без усердия, проходит без внимания. Наилучшие намерения правительства подвергаются неправым толкованиям. Человек государственный, если не ищет он в делах своей корысти, не находит там ни опоры против злословия, ни возмездия за свои жертвования. Там злоупотребление идет с открытым челом, как скоро закон его не преследует; оно не боится суда общественного, ибо суд сей там не существует. Словом, добродетель там не имеет другой награды, кроме внутреннего сознания, ни порок другого наказания, кроме собственного угрызения, — побуждения довольно важные, но не для всех чувствительные.

Но в государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения могут быть в видах своих весьма различны, но все они идут к одной цели, к общему добру. Самые жаркие споры кончаются общим к нему устремлением. Там добрый закон не скользит по поверхности, но укореняется в сердцах, и исполнение его делается общественною потребностью. Закон вредный сокрывается сам собою, встречая во мнении народном силу, его испровергающую. Самые намерения правительства угадываются и встречаются с рукоплесканием. Голос публики защищает человека государственного от всех криков зависти и злословия. Злоупотребления, избегнув суда закона, предстают пред суд публики, несравненно ужаснейший, ибо следствие сего суда есть общее презрение. Там сознание добродетели утверждается общим уважением, а порок терзается бесчестьем.

Из всего сего видно, сколь спасительно в благоустроенном государстве действие общего мнения. Общее мнение часто подвергается заблуждению — случаи сего заблуждения остатки разнородных царств.

ЕЩЕ НЕЧТО О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ

Есть два рода свободы в обществе: свобода политическая и гражданская (*politique et civil*).

Свобода политическая есть когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом, общею волею принятым или охраняемым.

Свобода гражданская или, лучше сказать, земская есть независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных.

Рабство политическое есть когда воля одного или многих составляет закон всех.

Рабство гражданское есть когда один класс народа в повинностях личных или вещественных зависит от воли другого.

Были и теперь есть государства, кои обладают политической свободой в верховной степени.

Но не было ни одного государства, которое бы имело совершенную гражданскую свободу, в коем бы все состояния были равны, т. е. ни одно не зависело бы от произвола другого.

Но каким образом можно достигнуть сей степени? Зависит ли свобода гражданская от свободы политической? Может ли первая существовать без последней?

В государствах деспотических даже не чувствуют и цены свободы гражданской. «*L'esclavage politique, — говорит Монтескй, — établi dans le corps de l'état fait que l'on sent peu l'esclavage civil. Ceux que l'on appelle hommes libres ne le sont guère plus que ceux qui n'y ont pas ce titre; la condition d'un homme libre et celle d'un esclave*

s'y touchent de fort près» (De l'esprit de loix, livre XV, cap. XIII).*

В государстве, где утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собою, если только не будет какого-либо особенного правила к поддержанию его, как то было в Спарте. Рабы переходят в отпущенники, дети отпущенников делаются свободны.

Но никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической. Это бы было переменить отношения рабства и силу многих деспотов соединить воедино. Но один деспот не может управлять всеми лично; ему необходимо нужны помощники, и, следовательно, политическое рабство не может стоять без рабства гражданского.

Отчего в Европе рабство гражданское изгладилось? Оттого, что по разрушении Рима все почти государства учредились на правилах политической свободы. Таков был разум феодальных установлений, вредных по многим отношениям, но весьма полезных для будущего раскрытия свободы.

Хотите ли уменьшить в государстве число рабов и деспотов? Начните с себя — введите закон на место произвола. Утвердите политическую свободу. Желать, чтоб государство было составлено из рабов, друг от друга не зависимых и покоренных воле одного под именем деспота, — есть желать невозможного.

Каким образом устанавливается политическая свобода в государстве?

Воли одного государя к сему недостаточно. Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжение многих лет. Нужно, чтобы народ столько привык к сему единообразному действию, чтобы не представлял себе и возможным другой образ управления. Уверенность сия производит, наконец, общее мнение, а общее мнение служит оплотом закону и свободе.

«Il est des institutions qui sont faits pour accélérer l'établissement de l'opinion publique. Telles sont les institutions des senats, d'un corps de noblesse et cet. Les institutions ne garantissent pas la liberté par elle même, mais en présentent au peuple des images de

* [«Рабство политическое, установленное в государстве, ведет к тому, что начинает мало ощущаться рабство гражданское. Те люди, которых называют свободными, на самом деле являются ими не более, чем те, которые не носят этого названия. Положение свободного человека и положение раба здесь в огромной степени совпадают» (О духе законов, кн. XV, гл. XIII).¹⁷ (фр.)]

la liberté et de... elles entretiennent l'opinion publique et lui font prendre des accroissements nécessaires jusqu'à ce qu'elle soit parvenue à ce degré de maturité qui fait la force de la liberté et des lois».*

Причины сему есть следующие.

Великие политические пользы разных классов народа удобно могут быть определены законами, утверждены силою равновесия или поддержаны действием общего мнения. Но какими законами можно определить все частные отношения слабого к сильному, бедного к богатому, земледельца к помещику? Какая полиция может обнять все мелкие и несметные в сих отношениях перемены? Какой суд разберет меру злоупотребления и положит справедливое возмездие? Свобода таковая слишком дорога бы стала государству и была бы хуже всякого рабства.

Таким образом, в государствах самых свободных в политическом смысле всегда было и по необходимости должно быть великое множество рабов в смысле гражданском.

Есть, однако же, степени в сем роде рабства. Наименьшая из них есть та, в коей никто не может быть принужден к труду единым произволом другого и в коей труд составляет неотъемлемую каждого собственность. Сея есть величайшая степень свободы и равенства, какую только можно иметь в обществе.

1802 г.

* [«Существуют учреждения, которые установлены для того, чтобы способствовать формированию общественного мнения. Таковыми являются сенаты, дворянские собрания и т. д. Эти учреждения не гарантируют свободы сами по себе, но, являя в глазах народа образы свободы... они поддерживают общественное мнение и дают ему возможность возрасти до той степени зрелости, которая составляет силу свободы и законов» (фр.)]

ЗАПИСКА ОБ УСТРОЙСТВЕ СУДЕБНЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ*

ПЛАН СОЧИНЕНИЯ

Вопрос о лучшем устройстве губернских мест столько связан с управлением государственным, что не можно основывать средних начальств, не измерив всех отношений, кои должны они иметь к высшим. Следовательно, приступая к разрешению сего вопроса, необходимо надлежало дать себе отчет в порядке государственного управления.

Чтобы составить себе о нем точное понятие, надлежало исследовать:

ЧАСТЬ I

1) из каких существенных частей слагается государственное управление вообще;

2) показать пространство и предметы каждой из сих частей.

Раздробив сим образом существенные части государственного управления, должно было показать, в каком естественном порядке слагаются они в истинном монархическом правлении, дабы через то иметь идеальный образец управления, с коим бы можно было соображаться в приложении его к России. Отсюда рассуждения:

ЧАСТЬ II

1) о составе монархического правления вообще;

2) о главных началах монархической организации;

3) об ответственности.

* Черновой подлинник этой записки Сперанского, писанный весь его рукою, хранится в рукописном отделении Императорской Публичной библиотеки, в собрании бумаг сенатора К. Г. Репинского.¹⁸ Черновая рукопись сохранилась не в полном виде. Недостающие в ней места восстановлены по копии, собственноручно снятой покойным академиком А. Ф. Бычковым¹⁹ с современного белого экземпляра этой же записки, переписанного писцом (*Примеч. изд. 1905 г.*).

Составив себе сей отвлеченный образец монархического управления, надлежало определить, можно ли ввести его в России; для сего должно было исследовать:

ЧАСТЬ III

- 1) настоящий образ правления в России и ее конституцию;
- 2) показать несходство ее с образом правления монархическим и невозможность его ввести;
- 3) установить свойства, какие должно иметь управление в России, чтоб оно было сколь можно близко к монархическому и не разрушало бы, однако же, настоящего порядка;
- 4) составить план сего управления;
- 5) показать его преимущества;
- 6) основать на сем плане губернское устройство;
- 7) показать его выгоды.

В продолжение всего сочинения особенное внимание обращено было, чтоб к одним словам привязывать всегда одно и то же понятие; так, например:

Государственный закон принято вместо слова *конституции* и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собою.

Уложение означает закон гражданский и уголовный (*code civil et criminel*).

Управление (*administration*).

Правление, правительство (*gouvernement*).

Устройство, состав (*organisation*).

Экономия — все, что относится к управлению государственного богатства, к финансам и счетам.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ О РАЗДЕЛЕНИИ ЧАСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

Начало и конец общественного бытия есть взаимная безопасность соединившихся лиц и их имуществ.²⁰

Безопасность общественная не что другое есть, как сохранение вещей в том порядке, в каком они поставлены законом.

Две силы могут разрушить сей порядок: внутренняя и внешняя.

Внутренняя: 1) когда насилием один будет похищать права другого; 2) когда посредством неправых исков один будет присвоить права другого.

Внешняя: 1) когда открытым действием силы неприятельской государство будет облежимо; 2) когда союзами, торговлею или другим образом будут искать его обессилить.

Внутреннее насилие, или самоуправство (voies de fait) отвергается полицией. *Притязание прав* разрешается судом. *Внешнее нападение* отражается воинскою силою. *Внешний ущерб* преграждается политическими сношениями.

Отсюда происходят четыре главных предмета всякого правительства: 1) полиция; 2) суд; 3) войско; 4) внешние сношения.

Содержание и управление всех сих предметов предполагает издержки; издержки предполагают доходы; доходы предполагают хозяйство.

Отсюда рождается новый предмет правительства — *государственное хозяйство*.*

Из сего следует, что пять только главных частей быть может во всяком государственном управлении (администрации).

Рассмотрим каждую из сих частей, чтоб познать элементы, их составляющие, и видеть, каким образом соединяются в них все ветви государственного устройства. Две из них: *военные силы* и *политические сношения* не относятся к нашему предмету.

ЧАСТЬ I

О СОСТАВЕ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

I. О ПОЛИЦИИ

Полиция есть слово греческое и собственно значит градское устройство. Греки все части гражданского устройства разумели под сим именованьем.

В Риме полиция состояла в доставлении народу хлеба, в устройстве даровых зрелищ, кои были там важным предметом правительства.

* Были на земле правительства, кои стояли на четырех только выше изображенных основаниях и кои, не имея никаких доходов, не имели ни промышленности, ни богатства. Такова была Спарта (Stuart, t. 2). Есть также государства, кои по положению своему, стоя вне общей системы государств, могут не иметь постоянных политических сношений (Китай и др.). Но нет в Европе государства, которое бы всех сих частей не имело или которое бы имело их более, и следовательно, части сии суть всякой системе существенны и во всех государствах необходимы.

Впоследствии слово сие различным образом было принимаемо. Есть писатели, кои дают ему расширение, объемлющее весь состав государственного благоустройства; другие стесняют его в пределы благочиния; некоторые разделяют полицию на государственную (высшую) и гражданскую (низшую); первой приписывают соблюдение государственной тишины от тайных замыслов, второй подчиняют маловажные отступления от закона и порядка. Но все сии понятия о полиции произвольны и основаны не на общем рассуждении о составе государственном, а единственно на случайном государственном положении.

Чтоб иметь точное понятие о полиции, надобно взойти к первому началу закона и образу его действия.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Закон не что другое есть, как ограничение натуральной свободы человека известными правилами.* Сколько бы люди ни были уверяемы в спасительном действии закона и в необходимости ему покоряться, но бывают минуты, где натуральная свобода человека восстает против сего уверения и отказывается делать ему жертвы. С тех пор как учредились человеческие общества, существует в них непрерывное боре-ние между силами личного самолюбия, все в себе влекущего, и силами закона, все относящего к общему благу.** 21

Состояние равновесия между сими двумя силами есть то, что мы называем общественною тишиною.

Чтоб удержать сие равновесие, действие закона одно к сему не довлеет, ибо самолюбие действует в человеке непрерывно: оно есть то же, что сила тяготения в телах. Закон не может иметь сей непрерывности; он не иначе может действовать, как посредством суда и, следовательно, ограничивается местом, временем, формою и множеством других обстоятельств.

Если бы все насилия; к коим человек непрестанно порывается, укрощались только судом, покой общественный подвергался бы каждую минуту разрушению и к восстановлению его должно бы было почти для каждых двух человек учредить судебное место, которое бы за ними во всех путях жизни их следовало и разбирало бы взаимные их друг к другу притязания. Невозможность сего предположения и необходимость

* Bentham.²²

** Beccaria.²³

сохранить общественный покой заставили законодательство ввести в состав политических обществ особенную силу, которая бы, окружая, так сказать, собою все публичные деяния людей, удерживала их в том порядке, в каком законом они поставлены, и, сообщая таким образом действию закона *непрерывность*, тем самым ставила бы его в меру противоположения с *непрерывным* действием самолюбия.

Сила сия собственно есть *полиция*.

По сему понятию полиция не что другое есть, как средство, избранное правительством к сохранению действия закона в его непрерывности, способ удерживать деяния людей в порядке и пресекать всякое насилие.

Она существенно различается от суда тем, что не входит в разбор прав, но приводит только вещи в тот порядок, в коем они до насилия были.

Суд, разбирая права, может обвинить насилие и вместе с тем найти причины его правыми; но полиция наблюдает только, чтоб нигде насилия не было, и поелику действием своим удерживает она силу закона в равновесии с силою частного интереса, то общее выражение ее есть хранение общественной тишины. Словом, суд есть единовременное действие закона, назначающее известный вещей порядок; полиция есть непрерывное действие закона, удерживающее сей назначенный порядок.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ НА РАЗНЫЕ РОДЫ

Есть три разных образа удержать закон в непрерывном его действии: 1) восстановлением, когда он нарушен, — сие составляет предмет *полиции исполнительной* (*police exécutive*); 2) пресечением насилия на месте, — отсюда *полиция смирительная* (*police coercitive ou repressive*); 3) предупреждением насилия разными предохранительными средствами, — отсюда *полиция предохранительная* (*police administrative, préservative, police de sûreté*).

О ПОЛИЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ

1) Поелику полиция есть непрерывное действие закона, удерживающее назначенный оным порядок, то следует из сего, что всякий закон, касающийся до лиц и имуществ, должен обращаем быть к исполнению через полицию; если дозволить приводить закон в исполнение силе посторонней,

полиция не может тогда ответственность за продолжение сего исполнения, и даже может случиться, что знать о законе она не будет.

Посему все уставы и учреждения, до лиц и имуществ касающиеся, от какой бы части государственного правительства они ни происходили, должны быть в полицию сообщаемы.

2) Полиции нужно иметь силу заставить исполнять закон.

3) Полиции принадлежит право и обязанность обнародовать законы.

4) Полиция не может приводить в исполнение законы, ежели не будут в точном ее ведении и зависимости все те, кои исполнять их обязаны.

Итак, полиция исполнительная имеет четыре предмета:

1) Обнародовать все законы, к общему исполнению принадлежащие.

2) Приводить их в исполнение.

3) Иметь в распоряжении свою силу принудительную.

4) Иметь в точном ведении и подчинении себе всех граждан, яко обывателей известного места.

О ПОЛИЦИИ СМЕРТЕЛЬНОЙ (COERCITIVE)

Все притязания людей к правам общественным и частным в благоустроенном обществе должны быть разбираемы и определяемы законом; даже защищать себя от обид, кроме нападения на жизнь, собственными силами своими не должно. Самовольное защищение прав своих собственно называется самоуправством (*voies de fait*).

Посему всякое присвоение прав чуждых мимо суда есть насилие.

Действие насилия слагается из двух обстоятельств: 1) что один присвоит принадлежащее другому и вместе с тем 2) наводит другим опасность подобного присвоения.

Первое обстоятельство не подлежит никакому разбору. Вместе с пресечением насилия возвращается присвоение тому, кому оно принадлежит.

Второе обстоятельство может быть весьма различно. Мера опасности может быть велика и мала; она может простираться до всех или немногих; она может быть и не быть в намерении. Все сие делает исследование второго обстоятельства весьма сложным, и поелику полиция есть место, охраняющее только закон от насилия, то и не может она собственно входить в

разбор; ее дело есть пресечь только насилие и возратить присвоенное.

Есть, однако же, случаи, в коих опасность примера и вторичного покушения так мала, что закон предоставляет самой полиции определить меру наказания; для сего при самой полиции составляется суд, коего определениям дается большее или меньшее пространство с точным означением рода преступлений, ему подлежащих. Суд сей называется полиция судебная (*police judiciaire*), а исполнение определения сего суда есть полиция исправления (*police correctionnelle*).

Из сего происходят следующие предметы полиции смирительной:

1) Пресекать всякое присвоение, мимо суда, прав чуждых в лице и имуществе.

2) Возвращать присвоенное.

3) Иметь в распоряжении своем силу понудительную.

4) Отсылать виновных к суду гражданскому или к суду полиции исправления (*police correctionnelle*), где по данному уставу судятся те преступления, кои от полиции смирительной оглашены будут, определяя соразмерное им наказание. Сия полиция имеет в ведомстве своем смирительные и рабочие дома и прочие тому подобные меры исправления. Она отсылает к гражданскому суду тех, коих преступления превышают меру данной ей власти.*

О ПОЛИЦИИ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЙ, ИЛИ БЛАГОЧИНИЯ

Все то, что может, так сказать, осветить публичное поведение граждан, что может отвлечь их от заблуждения, пресечь первые покушения к насилию и раздорам, ободрять и покровительствовать невинные удовольствия, назидать нравы или, по крайней мере, остерегать их от разврата, — все сие есть предмет предохранительной полиции.**

* Полицию исправления многие относят к первой инстанции суда; но если она будет определять исправление не иначе как по приговору установленных в ней судей, то действие ее будет одинаково с судом, и отношение ее к полиции смирительной не будет действием самовластным.

** Если бы полиция ограничивала себя единым пресечением насилия, когда оно обнаружится, оно слишком часто обнаруживалось бы, и действие полиции могло бы быть строго и справедливо, но никогда не было бы спасительно. Такова есть полиция в деспотических государствах: поспешна и неумолима к преступ-

Общее означение сих предметов может быть следующее:

1) *Нравы*. В Риме был цензор нравов; хотя в настоящем положении обществ должность сия не существует, тем не менее везде в благоустроенных государствах наблюдаются правила, ее составляющие. Сюда принадлежат:

- а) цензура книг и журналов;
- б) пресечение и опровержение вредных правительству слухов и толкований;
- в) охранение обрядов религии и обуздание расколов;
- г) нравственность публичных зрелищ и благочиния игр.

2) *Продовольствие и народное здравие*. Нужда часто рождает преступление, и потому, чтоб предупредить преступление, должно прежде всего предупредить нужду. Хотя полиция не имеет в своем распоряжении источников продовольствия, но ее дело есть наблюдать за состоянием его, извещать правительство и требовать пособия. Сюда принадлежат:

- а) сведение о состоянии всякого рода запасов;
- б) умеренность торговых цен на предметы первой необходимости;
- в) призрение нищих и удаление бродяг;
- г) верность весов и мер;
- д) народное здравие; медицинские установления.

3) *Удобность сообщения*. Удобность путей сухопутных и водяных может быть столько же в видах доброй полиции, как и в видах коммерческих; но как из двух сих частей полиция, имея непосредственно дело с обывателями, имеет и более способов как наблюдать за исправностию сообщений, так и требовать их устройства, то и должно по необходимости отнести к ней сию обязанность. Сюда принадлежат:

- а) устройство и содержание дорог и мостов, освещение в городах;
- б) водяная коммуникация.

4) *Гражданская стража*. Как средство предупреждения насилия гражданская стража принадлежит к полиции. Сюда принадлежит:

- а) ночная стража в городах и селениях;
- б) стража казны;

никам, она ничего не делает к тому, чтоб предупредить преступление, чтоб отнять у граждан самую вероятность угнетения и удостоверить их покой. Сии мудрые расположения принадлежат одним просвещенным правительствам. В государствах самовластных жители имеют только утешение знать, что обида их будет наказана, как скоро будет открыта.

- в) стража преступников, содержание тюрем и острогов;
- г) стража от пожаров и пожарные учреждения;
- д) содержание войск в земле.

В сем состоят предметы полиции. Каждый из них требует особенного учреждения; собрание сих учреждений есть устав, или закон полицейский. Места и лица, по сему уставу распоряжающие сими предметами, суть места полицейские.

II. О СУДЕ

Сколько бы полиция в государстве ни была благоустроена, но не может она пресечь все беспорядки в самом их начале.

Беспорядки сии могут быть двух родов: одни, при вреде частном, несут еще с собою опасность и пример вреда общего; другие наносят только вред частный, не угрожая ничем обществу.

Беспорядок первого рода не только должен быть по открытии его пресечен, но в отвращение вредного примера должен быть наказан.

Беспорядок второго рода должен быть только пресечен, и каждому должно быть возвращено свое.

В первом случае мера наказания не может быть всегда равна; она должна быть соразмерена опасности примера и вреду, от него произойти могущему. Кто определит в каждом случае степень вреда и найдет в законе соответствующее ему наказание? Суд.

Во втором случае если бы беспорядок был объят на месте в самом своем начале, тогда пресечение его и возвращение похищенного права было бы естественным действием полиции; но как невозможно полагать, чтоб полиция была везде присущею, то ясно, что должны быть беспорядки, так сказать, застаревшиеся, коих исправить полиции невозможно потому, что следы действия уже простыли.

Посему должно быть особенной власти, которая бы по жалобам частных людей разбирала сии застаревшиеся частные беспорядки и возвращала бы каждому свое.

Сия власть есть суд.

Отсюда происходят два предмета суда: беспорядки, угрожающие вредом общим (*materia criminalis*), и беспорядки без опасности вреда общего (*materia civilis*), а следовательно, и самый суд есть двоякого рода: уголовный и гражданский (*actio iustitiae publica*, *actio iustitiae privata*).

Из сего следует:

1) Что *суд уголовный* слагается из двух действий, из коих первое определяет степень вреда и подводит преступление под общую его категорию; второе прилагает его к закону. В первом вопрошается: должно ли такое-то действие считать воровством или только татьбою; во втором решится, какое наказание за воровство закон определяет.

2) *Суд гражданский* слагается также из двух действий. В первом спрашивается: действительно ли право отыскиваемое или защищаемое имеет все признаки собственности? Во втором прилагается к нему закон и решится его принадлежность.

3) Тот и другой род суда имеют общую им часть *следствия*.

Итак, в суде должно принимать три главные части: следствие (*enquête, informatio*), суждение (*judicium*), приговор (*sentence, arrêt, décision*).

О СЛЕДСТВИИ

Если бы действие полиции могло быть вездесущим, тогда не было бы другого следствия, как только ее показания. Каждое нарушение порядка было бы объято на месте и пресечено, а нарушение, со вредом общим сопряженное, было бы отослано к суду с показанием обстоятельств.*

Невозможность такого устройства была причиною установления особенной временной и частной полиции, которой предметом суть происшествия прошедшие, которая, обращаясь на следы, часто изгладившиеся, минувшего обстоятельства, оживляет его, так сказать, и приводит в такую же известность, как бы теперь оно совершилось.

Действие сей полиции бывает двояко:

1) Когда обиженный сам представляет в суд документы, равносильные тем, какие бы могла представить полиция, как-то: свидетелей, крепости, акты правительства и тому подобное; в сем случае следствие называется просто доказательством (*actio privata*), и сей образ доказывать свое право называется *порядком формальным*, или *формою суда* (выражение неправильное и дающее повод к смешению). Суд, на таковом следствии основанный, называется судом *формальным*, *тяжебным* и *апелляционным*.

* Из сего видно, что одна невозможность всевидящей полиции есть причиною всех гражданских тяжб, и следственно, чем полиция исправнее, тем тяжб менее.

2) Когда обиженный вместе с жалобою на вред, ему причиненный, доносит, что тут же допущен и вред общий. Тогда суд составляет особую временную полицию, наряжает ее на место и велит сделать изыскание. В сем случае исследование называется собственно следствием (*enquête*), обряд его именуется порядком следственным, а суд, на нем основанный, есть суд уголовный (*actio publica*). Частный иск заключается уже тогда в иске общественном, и поелику сей последний не может быть правым, не оправив первого, то частный иск ожидает только решения, не вмешиваясь сам в дело.*

Но часто суд, произведя следствие, по рассмотрении его не находит в деле ничего, интересующего покой общественный, а потому и приказывает просителю производить дело порядком формальным, что называется *отослать иск к форме суда*.

Могут быть случаи, в коих или происшествие, открытое полицией, указывает на происшествие минувшее, или частный человек, не имеющий в деле собственного участия, доносит о вреде общем. В обоих сих случаях производится следствие, но надлежит, чтоб во втором из них извет был подкреплен доказательствами: иначе правительство было бы занимаемо непрестанно и суетным исследованием возмущало бы покой общественный.

Итак, пять могут быть начал следствий:

- 1) частный иск без иска общего;
- 2) частный иск с иском общим;
- 3) показание полиции присушей;
- 4) показание полиции, на минувшее обращенной;
- 5) донос частного человека.

Есть правительства, кои к сим пяти началам присовокупляют шестое под именем стряпчих, прокуроров или публичных истцов (*accusateurs publics*), кои посему называются возбудителями безгласных дел. Но должности сии входят совершенно в разряд полицейский, и когда от него отделяются, то превращаются в частных доносителей.

Первый род следствий бывает основанием всех тяжбных дел и называется, как выше сказано, формою суда. Их надлежало бы назвать *частным иском* (*actio privata*), ибо форма равно принадлежит и ко всем другим следствиям.

* Отсюда происходит, что каждый обиженный старается в собственном своем деле интересоваться общее и просит произвести дело порядком следственным, ибо вместе с сим избавляется он труда и времени составлять собственную свою полицию и выдерживать доказательства. Он одерживает верх без тяжбы.

Второй род следствий дает начало суду смешанному (*actio mixta*), где истец частный ищет себе удовлетворения, а правительство — наказания преступлению.

Третий и четвертый род следствия в существе своем одинаковы и называются вообще следствием (*actio publica*). Их бы должно было назвать *иском общественным*.

Все сии четыре рода следствий составляют основание дел уголовных.

Каким образом должны быть производимы следствия?

Тот и другой род следствий имеют свою форму.

Выше сказано, что следствие не что другое есть, как взор полиции или на настоящее, или на минувшее происшествие. Верность сего взора требует особенного его направления на предметы. Сие направление есть форма следствия.

Форма имеет предметом удостоверить сколь можно более все части, следствие составляющие:

по искам частным: свидетели, крепости, сроки, выписи и проч.

по искам общим: свидетели, допросы, повальные обыски, присяга и проч.

Посему должен быть образ спрашивания свидетелей, представлять крепости, делать допросы, давать присягу и проч.

Кому принадлежит производить следствие: полиции или суду?

Следствие не есть суд, но основание его. Оно есть действие полиции — или частной, или общей. А посему и производить следствие принадлежит полиции, но рассматривать его принадлежит суду.

По гражданским или тяжбыным делам истец сам должен производить следствие; по искам общественным суд должен требовать следствия от полиции.

О СУЖДЕНИИ

Когда следствие сделано и в суд представлено, должно: 1) определить по данным обстоятельствам количество причиненного частного вреда; 2) назначить по закону средство удовлетворения; 3) определить количество вреда общего; 4) назначить меру наказания по закону.

В делах гражданских суд совершается двумя первыми актами; в делах уголовных все четыре по необходимости должны иметь место, и хотя часто два первых безгласны,

но тем не менее они в двух последних подразумеваются, ибо где есть общий вред, там необходимо должен быть вред частный.

Первый и третий из сих актов — определение частного и общего вреда — принадлежит собственно к части суда, называемой суждением.

О РЕШЕНИИ

Второй и четвертый из актов вышеприведенных, т. е. назначить обиженному удовлетворение в делах гражданских и назначить меру наказания в делах уголовных, есть то, что называется решением.

Из сего разрешения частей, суд составляющих, видно:

1) что суд уголовный слагается собственно из трех частей: из следствия, из суждения и приговора;

2) что суд гражданский составляется из частей того же именованья;

3) что во всяком суде уголовном всегда подразумевается, а часто и открыто производится иск частный;

4) что в суде гражданском и уголовном действие последнего только акта, т. е. приговора, может быть с точностью и прямо определено законом, ибо закон в порядке уголовном может только то прямо определить, какое, например, за воровство полагается наказание, но он не может предписать и с точностью исчислить все обстоятельства, в коих действие должно считать воровством. Закон в делах гражданских может с точностью определить, какие документы или крепости принимать или не принимать за основательные, но он не может указать, что крепость, писанная в таком-то году, в таком-то именно месте, на такое-то владение, есть крепость основательная.

Какое же правило можно положить на сии законом не определенные обстоятельства? Должно ли оставить их на произвол судьи? Сие было бы великое злоупотребление.

Невозможность положить на сие прямые правила заставила законодателей прибегнуть к установлениям побочным, чтоб по крайней мере несколько оградить сии части от действия пристрастия или неразумия.

Для сего законодатели, исчислив все вероятности, могущие заменить достоверность в следствии и правильность в суждении, на исчисление сих вероятностей постановили:

для следствия: какие документы, в каких случаях, с какими условиями, в каком продолжении времени и от кого принимать к делу;

для суждения: каким порядком, о каких материях, с какою апелляциею, с каким сроком принимать апелляции, производить суждение.

Сии правила суть то, что называется формою, или обрядом, судопроизводства (*procédure, modus, procedendi*).

Из сего видно, что форма, или обряд, судопроизводства может относиться или к следствию, или к суждению, а посему и жалобы могут быть приносимы или на нарушение обрядов в следствии, или на нарушение обрядов в суждении, или, наконец, на неправильность самого суждения.

Жалобы первого рода суть жалобы на форму или течение дела; жалобы второго рода суть жалобы на существо дела.

С изданием уложения необходимо сопрягается издание формы.

Поелику форма есть вне суждения и учреждается для того, чтобы оберегать его, то во многих случаях она совершенно от него отделяется.

Форма основана на вычислении вероятностей, и, следовательно, она может перемениться без перемены закона уголовного и гражданского.

Из всего здесь сказанного видно, что суд имеет следующие существенные части:

- 1) следствие,
- 2) суждение,
- 3) приговор,
- 4) форму.

III. О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИИ

Все, что составляет народное богатство, есть предмет экономики государственной.

Источники народного богатства вообще можно разделить на два рода: 1) обилие естественных способов; 2) приложение труда.

Способы естественные суть:

- земли,
- леса,
- воды, или:

царство ископаемых,
царство растений,
царство животных.

Приложение труда, или промышленность:

земледелие,
мануфактуры,
коммерция,
промыслы,
заводы.

Богатство государственное есть всегда в сложном содержании способов естественных и труда, на них употребленного. Поелику доходы не что другое суть, как часть государственного богатства, уделаемая на содержание управления, то из сего следует, что государственная экономия имеет два главных предмета:

- 1) приумножить вообще массу государственного богатства;
- 2) извлекать из нее доходы образом наименее отяготительным и распределять их на содержание управления без недостатку и излишества.

Посему два главных отделения должно себе представлять в управлении экономическом.

В одном ведаются источники народного богатства в отношении к их приумножению.

Сюда принадлежат разные способы к ободрению земледелия, к управлению мануфактур, коммерции, промыслов и заводов.

В другом ведаются доходы, из сих общих источников извлекаемые, распределяемые и сохраняемые.

Сюда принадлежат подати, таможи, оброчные и откупные статьи и проч.

Первое отделение имеет столько частей, сколько есть в государстве значащих ветвей промышленности. Отделение сие можно назвать *государственным хозяйством*.

Второе отделение имеет две главные части: 1) извлечение доходов и распределение их по частям, требующим содержания; 2) счет и хранение остатков. Отделение сие можно назвать *отделением финансов*.

ЧАСТЬ II

О СОСТАВЕ (ОРГАНИЗАЦИИ) УПРАВЛЕНИЯ

Определив сим образом части, составляющие управление, и познав внутреннее их сложение, должно назначить каждой из них приличнейшую организацию.

Организация управления вообще должна быть:

1) сообразна общему государственному закону и учреждениям;

2) основана на единстве исполнения;

3) подвержена отчету в форме и в существе дел;

4) постановлена на одном плане во всех частях своих.

5) соображена с местными уважениями и

6) соразмерена способам исполнения.

В сем состоят общие правила организации; чтобы познать, до какой степени все они необходимы, нужно каждое из них рассмотреть в особенности.

1. О СВЯЗИ ЗАКОНА С УПРАВЛЕНИЕМ

Поелику управление (администрация) во всякой монархии не что другое есть, как исполнение закона, то само собою явствует, что доброта управления по необходимости зависит от доброты закона.

Закон различается от учреждений (регламентов). Закон имеет предметом отношения постоянные и непременяемые. Учреждения простираются на действия и происшествия, непрестанной перемене подлежащие.

Есть много разделений законов; лучшее из них есть то, которое различает их на три рода: 1) закон государственный (конституционный); 2) закон гражданский; 3) закон уголовный. Два последних закона называются иначе уложение (*code civil et pénal*).²⁴

Учреждения относятся: 1) к полиции; 2) к экономии; 3) к системе воинской; 4) к системе внешних сношений.

Предметы, составляющие сии части, по самому существу их непрерывным подвержены переменам; но есть в них общие правила, от коих отступить невозможно без совершенного смещения власти законодательной с исполнительной; так, например: мера налогов в экономии, заключение в темницу в

полиции и другие тому подобные. Главные правила относятся к закону государственному и им определяются.

В самом суде есть части, принадлежащие до учреждений; так, например: назначение мест, где суд имеет быть отправляем, определение чиновников, постановление обрядов и тому подобные положения.

Каким бы образом ни была в государстве составлена власть законодательная, никто кроме нее не может постановлять законов.

Учреждения всегда постановляются властью исполнительною.

Относясь к предметам переменяющимся, они не могут быть иначе располагаемы. Если бы власть исполнительная обязана была на всякий случай испрашивать определения власти законодательной, никакое государство не могло бы отправлять дел своих.*

Но, с другой стороны, если бы учреждения издаваемы были без соображения с законом государственным, тогда власть исполнительная превратилась бы в законодательную и исчезли бы все отношения порядка монархического.

Итак, всякое учреждение должно по необходимости быть сообразно государственному закону, а следовательно, и способы, коими приводится оно в исполнение, должны быть на нем же основаны. Способы сии суть то, что называем мы организацией управления.

Из сего очевидно, что организация каждой части управления предполагает: 1) учреждение ее; 2) государственный закон.

II. О ЕДИНСТВЕ ИСПОЛНЕНИЯ

L'unité, dans tous les cas où elle est possible, c. à d. dans tout ce qui n'exige pas une réunion de lumières et un concours de volontés, comme un corps législatif, l'unité, dis-je, est favorable, parce qu'elle fait peser toute la responsabilité, soit morale, soit légale, sur la tête d'un seul. Il ne partage avec personne l'honneur de ses actions, mais il porte de même tout le fardeau du blâme; il se voit seul contre tous, n'ayant d'autre appui que l'intégrité de sa

* Отсюда происходит, что в самых республиках необходимость устанавливая правителей, которые под разными именами и с разными ограничениями делали временные учреждения.

conduite, d'autre défense que l'estime générale. Quand il ne seroit pas intègre par inclination, il le devient, pour ainsi dire, malgré lui, en vertu d'une position où son intérêt est inséparable de son devoir.

D'ailleurs, l'unité dans les emplois subordonnés est un moyen certain pour le souverain de découvrir en peu de tems la capacité réelle des individus. Un esprit faux et borné peut se cacher longtemps dans une nombreuse compagnie; mais s'il agit seul et sur un théâtre public, son incapacité est bientôt démarquée. Les hommes médiocres et ineptes, toujours prompts à solliciter les places où ils peuvent se mettre à l'abri sous un mérite étranger, auront peur de s'exposer dans une carrière dangereuse où ils seront réduits à leur propre valeur.

*Bentham, t. III, p. 163, 164.**

Вопрос: могут ли отнесены быть сии рассуждения с равною основательностью и к части судной? Без всякого сомнения, и тем более что нигде пристрастие не подвержено столь частым искушениям, как в суде; нигде нет столько способов ему укрыться, как в разборе частных прав, и, следовательно, нигде нет столько уважений усилить ответственность и все бремя общего мнения отяготить, так сказать, над единою главою.

Могут быть обстоятельства, в коих суд составлен быть должен более, нежели из одного лица; но сие относится к местному положению страны, о коем мы будем говорить ниже.

* [Единство власти полезно во всех тех случаях, где оно возможно, т. е. в случаях, не требующих ни просвещенного суждения нескольких лиц, ни совокупного изъявления воли их, что необходимо в сословии законодательном. Единство сие полезно потому, что вся ответственность — нравственная ли, законная ли — обращается на одного человека. Ни с кем не разделяет он чести своих деяний, но один также несет и все бремя осуждения; он видит, что он один против всех, что единая его опора есть правдивость его поступков, единая защита — всеобщее к нему почтение. Если бы по природному расположению не был он склонен к правдивости, он бы сделался правдивым, так сказать, против своей воли, ибо положение, в коем он находится, таково, что собственные его пользы неразлучны с его обязанностями.]

Сверх сего, единство власти в званиях подчиненных есть верное для государя средство видеть способности и истинные достоинства в лицах, коим власть вверяется. Ум ложный и ограниченный долгое время может скрываться в многочисленном сословии. Но если он действует один в глазах общества, недостатки и слабости его сокрыться не могут. Люди посредственные или неспособные, старающиеся всегда достигать мест, где они могут стать под прикрытие чуждого достоинства, будут страшиться вступить в опасное поприще, где от собственного токмо их достоинства могут они заимствовать всю цену их.

Бентам, т. III, с. 163, 164 (пер. с фр. М. Михайлова)]

III. ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Есть два рода ответственности в государстве, весьма различные между собою; нужно определить их точнее.

Первый род ответственности состоит в том отчете, каким каждое низшее отделение власти исполнительной обязано отделению высшему. Так, низшие исполнители полиции отвечают высшим, сии отвечают министрам, министры — государю. Существо сей ответственности ограничивается единою личностью исполнения. Начальник местной полиции не может отвечать в доброту ее учреждения; он отвечает только в том, чтоб учреждения сии с точностию были исполнены.

Способы сего рода ответственности суть:

- 1) ревизии дел по жалобам;
- 2) разные установления, коими высшее начальство надзирает за деяниями низшего: ведомости о течении дел, временные осмотры и проч.;

- 3) личный постоянный надзор, состоящий в том, что при каждом месте учреждается особенное, не зависящее от него лицо, которое, не препятствуя исполнению, доносит высшему начальству о тех случаях, кои находит противными учреждениям.

Последний сей способ основан весь на ложном расчете вероятностей, ибо нет никакого основания предполагать, что надзирающий скорее согласится с исполнителем в добре, нежели в злоупотреблении. Он имеет равный с ним интерес к пристрастию; следовательно, нет основания верить более одному, нежели другому, и нет причины ограничивать надзор одним лицом; надлежало бы над каждым надзирателем установить новый надзор и так далее в бесконечность. Нелепость такого последствия доказывает неосновательность правила.

Сверх того, что правило сие неосновательно, оно и вредно: 1) потому, что всякое действие излишнее есть действие, вредящее или скорости, или порядку; 2) потому, что установлением сего надзора ослабляется личная, прямая ответственность. Исполнитель находит чрез сие способ оградить себя от всякого ответа чрез согласие (*connivence*) с надзирающим. Тогда притесненный имеет против себя две силы вместо одной и правительство — два способа к заблуждению и сокрытию истины.

Если бы по смешению понятий все управление власти исполнительной вверено было лицам, участвующим в законодательстве, тогда правительству, конечно, не оставалось бы другого способа поддержать свои временные учреждения, как установлением при каждом месте от себя комиссаров. Но как

сей распорядок противен монархическому управлению, коего существо состоит в единстве власти исполнительной и в выборе от себя всех исполнителей, то и явствует, что установление таковых комиссаров при исполнителях, от правительства же избираемых, есть явное противоречие.

Правда, что во многих государствах суд почитается принадлежащим народу. Установление присяжных (jury) и прочие образы суждения по выборам дают повод к сему заключению. Но без крайнего смещения понятий заключение сие не может быть допущено. Отправление правосудия во всякой монархии по необходимости принадлежит власти исполнительной;* иначе власть законодательная смешалась бы с исполнительной, а с тем вместе и существо монархии совершенно бы испроверглось. В каком же разуме суд почитается принадлежащим народу? Разрешение сего вопроса может пролить много свету на истинное понятие надзора и ответственности.

Выше примечено было, что все учреждения временные принадлежат власти исполнительной, но вместе с тем все они должны быть сообразны государственному закону. Чтобы удостоверить сию сообразность, надлежит установить в каждой части исполнительной надзор от власти законодательной. Но каким образом надзор сей может быть установлен в суде, коего действия бесчисленны и ежедневны? Каждое дело надлежало бы для сего вносить в законодательный состав на ревизию. Какая трудная и почти невозможная ответственность для государя!

Дабы облегчить сию ответственность или, лучше сказать, дабы сделать ее возможною, принято к сему два средства:

1) постановлено, чтобы суд был производим единообразно и отправляем не лицом государя, но избранных им чиновников, кои бы сами суду подлежали;

2) чтобы чиновники сии назначены были выбором народным;

3) но как при сем расположении вещей власти исполнительной не оставалось уже средства поддерживать временные ее учреждения и права свои в целости, то во всех правильных

* Le pouvoir de faire exécuter la loi ne réside que dans la personne du roi. Dans toutes les cours le roi est toujours censé être présent, mais, comme dans le fait la chose est impossible, il y est représenté par ses juges dont le pouvoir n'est qu'une émanation de l'autorité royale (Blakstone, t. IV, p. 35, 36. *Des cours de justice*) [Власть привести закон в действие принадлежит исключительно особе короля. Считается, что он всегда присутствует во всех судебных учреждениях, но так как на деле это невозможно, то он там представлен в лице своих судей, власть которых является не чем иным, как эманацией королевской воли (Блэкстон, т. IV, с. 35, 36 (*фр.*))]

монархиях в состав судебных мест допущены особенные ее исполнители под именем президентов, комиссаров и судей; чиновники сии представляют в них лицо государя, а члены суда, зависящие от выборов, под именем совета во Франции, заседателей в России, присяжных (jury) в Англии, представляют власть законодательную, которая в сем случае, участвуя в самом суждении, охраняет закон от нарушений власти исполнительной и держит надзор.

Таким образом, введя постоянный надзор в средину своих действий, власть исполнительная уменьшает в сей части свою ответственность и, уступая часть своих преимуществ, облегчает вместо того бремя, на нее возложенное.

Из сего видно, что и в суде, так как и в прочих частях управления, не может иметь места со стороны власти исполнительной особенный надзор, ибо в лице президента и судьи сей именно надзор существует.

Заключить из сего должно, что первый род ответственности имеет два только способа своего действия: 1) ревизию дел по жалобам и 2) разные установления временных отчетов.

Второй и высший род ответственности состоит в отчете, коим исполнительная власть обязана законодательной.

Чтобы точнее понять сей род ответственности и различие ее от первой, должно войти к первым различиям закона и учреждений.

Выше было примечено, что предметы закона суть общие неподвижные установления, коими учреждаются права граждан между собою, и что учреждения суть правила, коими законы сии, судя по обстоятельствам, приводятся в исполнение.

Например, правило: «без суда никто да не накажется» — есть закон государственный, конституционный. «Начальника такого-то, который без суда наказал помещика такого-то, предать самого суду по законам» — есть учреждение. Первое относится ко всем вообще и есть непосредственное следствие права гражданского; второе относится к лицу и с ним вместе или с переменою его положения переменяется.

«Всякий гражданин должен платить подати по своему состоянию» — есть закон государственный, конституционный. «С купца N взыскать деньги по капиталу его» — есть учреждение экономическое.

«Дети должны делить имение после отца по равным частям» — есть закон, уложение. «Сын такого-то помещика, захвативший все его имение, должен возратить брату его половину» — есть учреждение судное.

«Власть исполнительная дает суд и расправу по законам и единообразным для всех формам» — есть закон государственный. Установление сих форм, наименование судей, отрешение их и проч. есть учреждение судебное.

Словом, во всех частях государственного состава закон поставляет общие правила, учреждение прилагает правила сии к частным случаям и назначает образ исполнения.

Итак, в каждом учреждении могут быть два вопроса: 1) согласно ли учреждение с законом; 2) исполняется ли учреждение по его силе и обряду.*

Жалоба первого рода весьма различна от второй. В первой спрашивается, исполнено ли учреждение в его силе и обряде. Разрешение сего вопроса принадлежит, конечно, тому, кто установил сие учреждение, ибо он должен поддерживать то, что им установлено; итак, жалоба сия принадлежит ко власти исполнительной.

Во второй жалобе спрашивается, согласно ли решение с законом. Рассмотрение сего вопроса принадлежит тому, кто дал закон, ибо ему должно поддерживать то, что им установлено.

Из сего следует, что суд имеет два рода ответственности: он отвечает в наблюдении обряда тому, кто его установил; он отвечает в согласии решения с законом тому, кто установил закон.

Признав, что все учреждения власти исполнительной должны быть сообразны закону, предположить должно известный порядок и средства, коими сообразность сия доказана и удостоверена быть может.

Две силы могут быть в монархическом государстве, охраняющие закон в его исполнении:

- 1) сила общего мнения;²⁵
- 2) власть сословия, особенно для сего установленного.

Условия, необходимые к тому, чтобы сила общего мнения могла действовать на ответственность, суть:

- 1) публичность всех деяний управления, исключая малого и определенного числа случаев, тайне подлежащих;
- 2) свобода тиснения с исключениями, кои бы не стесняли действия общего мнения.

* Я полагаю, что уездный какой-нибудь суд определил бы: имение помещика N, найденного сумасшедшим, взяв из его владения, отдать старшему его брату. Помещик N может на сие определение приносить два рода жалоб: 1) что суд произведен без свидетелей или свидетели призваны и спрошены не по форме — *жалобы на обряд или на учреждение*; 2) что самое решение постановлено не согласно с законом, который повелевает имение сумасшедших брать в опеку, — *жалоба на существо решения*.

Условия, необходимые к тому, чтобы известное сословие могло действовать на ответственность, суть:

- 1) независимость сего сословия от власти исполнительной;
- 2) важное место, которое занимать оно должно в системе государственной, по всем уважениям, какие в государстве приняты;
- 3) публичность всех деяний управления с исключением, выше означенным.

Из сего понятия об ответственности видно:

1) что ответственность первого рода может и должна быть и в деспотическом правительстве;

2) что она ограждает только точность исполнения, но не ручается ни за совершенство уставов правительства, ни за твердость закона.

Словом, ответственность сия удостоверяет только в том, что все, и самое зло, делается не иначе, как по установленной правительством форме.*

Но 3) ответственность второго рода не может существовать, как только в правильном монархическом государстве;

4) ответственность сия есть истинное охранение закона, и сословие, для нее установленное, может одно называться хранилищем законов;

5) сия последняя ответственность, как начало высшее, может вмещать в себе и первый род ответственности, если власть исполнительная поручить ее заблигорассудит, ибо те же самые средства публичности и отчета, кои обеспечивают охранение закона, могут равно обеспечить и форму исполнения, но не напротив;

6) установление ответственности второго рода есть первый шаг решительного приближения, какой можно сделать в государстве деспотическом к правильной монархии, ибо устанавливая ее, государь самодержавный отступает от безотчетного управления и в лице министров покоряет собственную свою власть закону.**²⁶

* Пример сего рода ответственности можно видеть в подчинении мест уездных Губернскому Правлению и в отношениях Губернского Правления к Сенату. Сию же самую ответственность имеют в настоящем порядке вещей министры в рассуждении Сената, коему государь мог дать одну ту только власть, чтобы вместо его рассматривал он деяния министров в отношении не доброты исполнения, но точности его и наблюдения форм.

** Не должно здесь забыть, что ответственность сия не учреждается одним словом или велением; она переменяет конституцию государства и, следовательно, не может быть нигде без важных превращений. Она предполагает закон, утвержденный печатью общего принятия, и известную гарантию сего закона в вещественных установлениях государства или в твердом и общем мнении народном. Без сего все будет состоять только в словах.

IV. О ЕДИНСТВЕ ПЛАНА УПРАВЛЕНИЯ

Отчего все человеческие установления столько несовершенны? Сверх многих других причин оттого, что все они делаются по большей части отрывками и без общего начертания. Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщение разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, что, поправив одну часть, дела пойдут лучше, все сие вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает, так сказать, созреть общему плану. Вскоре открываются неудобства сих частных соображений; но характер постоянства, столь необходимый правительству, привычка к установленному вещей порядку и, наконец, род некоторого отчаяния, которое обыкновенно объемлет правительства, когда, сделав много разных превращений, не видят они в них успеха, некоторое пресыщение и усталость делать непрестанные перемены, все сие заставляет оставить вещи в том порядке, в каком частные организации их поставили.

Для сего-то все установления государственные при подробном их рассмотрении не представляют сего творческого единства, какое в прочих произведениях разума мы примечаем: все они подобны слоям земли, постепенным наводнением составленным.

В государствах, имеющих добрую конституцию, зло сие едва приметно, потому что оно покрывается силою коренных законов, и несвязность правления поправляется единством народного духа.*

Но где нет доброй монархической конституции, там силою стройности и порядка в образе управления должно наградить то, что необходимо теряется от недостатка коренных установлений.**

* В Риме никогда не было доброй системы суда. Законы его в сей части были в совершенной запутанности оттого, что устанавливались без общего плана и по большей части преданиями юрисконсультов. Жалобы на сие повсюду в древних писателях видны; но доколе конституция Рима была неподвижна, несовершенство сие было почти не приметно. Как скоро самовластие испровергло конституцию, так скоро зло сие обнаружилось: надобно видеть жалобы современников Юстиниана и его самого на сию запутанность. То же самое примечание можно распространить на Англию, в коей часть судная, может быть, не лучше нашей.

** Здесь нет нужды примечать, сколь много всегда отходило управление в России от сих ясных начал. Оно никогда не имело единства и всегда представляло здание, коего части, быв все между собою разнообразны, примыкаемы были по временам одно к другому и таким образом составили сие готическое произведение, где формы изящные и безобразные, быв смешаны без разбору, выставляют еще более безобразие целого.

V. О СООБРАЖЕНИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ С МЕСТНЫМИ УВАЖЕНИЯМИ

Единство плана управления не должно, однако же, препятствовать местным различиям, кои во всяком государстве по необходимости существуют.

Странно бы было желать, чтоб народы, в образе жизни, в привычках их и степени просвещения и промышленности различные, покорялись с равною удобностию единому образу управления.

Есть, однако же, в правлении общие правила, на коих план его всегда и везде с удобностию основан быть может.

Должно, чтоб план сей в главных частях его был для всей страны прост и единообразен, но в то же время должно, чтоб оставлял он довольно расширения (*latitude*), в коем бы можно было поместить все приспособления, какие подробное уважение различий потребовать может.*

VI. О СОРАЗМЕРНОСТИ ОБРАЗА УПРАВЛЕНИЯ СПОСОБАМ ИСПОЛНЕНИЯ

Силу законов не должно измерять единым внутренним их достоинством, но способами исполнения.

Самый лучший образ управления, не имея исполнителей, не только не произведет никакого полезного действия, но по необходимости родит два весьма важных и столь редко законодателями измеряемых неудобства:

1) Недоверчивость и неуважение к правительству. В государстве, где нет добрых исполнителей, конечно, не может быть и просвещенных судей, внутренней изящности установлений. Народ рассуждает о вещах по внешнему их действию, и если действие сие будет ничтожно, ничем уверить его не можно, что ничтожество сие не от учреждений происходит, но от недостатка исполнения, ибо народ, считая себя всегда

* Для сего нужно разделить все части государства на два рода: одни, так сказать, однообразные (*homogènes*); им можно дать общую и совершенно одинаковую форму; другие — инообразные (*heterogènes*), в коих форма должна быть приспособлена к местным уважениям. В России по сему правилу можно все губернии разделить на внутренние и пограничные, полагая в числе первых все губернии, по уложению судящиеся, и означив во вторых все те, кои различными пользуются правами.

просвещенным, никогда не поймет, каким образом в миллионах нельзя найти известного числа людей способных.

2) Разрушив прежний вещей порядок, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок вновь установленный не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут.

Просвещение, честь и деньги суть стихии, входящие главным образом в состав доброго управления; без них никакие учреждения, никакие законы не могут иметь силы; словом, изящность законов есть всегда относительно к способам исполнения и им соразмерна.

Таковы суть общие начала всякой доброй системы монархического управления. Различия государств не делают в сем никакой разности, ибо начала сии все истекают из первого понятия правильной монархии, и нет, конечно и быть не может ни одной из них, которая бы могла обойтись без сих начал или присвоить другие, не переменив самого существа своего.

Правление монархическое совершенное есть то, которое все сии общие признаки имеет во всем их пространстве и силе. Чем более правительство будет подходить к сему образцу, тем будет оно совершеннее.

Всякое правительство по необходимости обязано составить себе сей образец, дабы знать, куда ему должно склонять свои движения, чтоб иметь, так сказать, неподвижную точку направления; без сего все его планы могут быть подвержены великим ошибкам.

Чтоб сделать некоторую, хотя весьма слабую, в сем отношении попытку, составлена прилагаемая при сем табель под лит. А.*

* Затем в черной рукописи было написано, но потом зачеркнуто следующее:

(Государственный закон

Я предполагаю, что существуют в государстве следующие статьи государственного закона:

- 1) все состояния государства, быв свободны, участвуют в известной мере во власти законодательной;
- 2) власть исполнительная вся принадлежит одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное действие;
- 3) есть общее мнение, оберегающее закон в исполнении его;
- 4) есть независимое сословие народа, коему исполнители отвечают;
- 5) существует система законов гражданских и уголовных, принятая народом;

Рассматривая сию табель, с первого взгляда представляются в ней все признаки доброго управления: сообразность с государственным законом, единство, двоякая ответственность, удобность применения по всем местным уважениям и единообразие в главных разделениях.

Следующие рассуждения послужат к вящему ее объяснению.

Общая система управления вмещает в себя четыре частные системы, из коих каждая составляет целое, и все, однако же, связаны между собою неразрывно. Управление волостное подчинено управлению уездному, уездное — губернскому, губернское — государственному.

Каждая часть управления имеет свойственную ей ответственность. Сравним ответственность суда с ответственностью полиции.

Три низших отделения полиции не могут иметь другой ответственности, как в точном исполнении данных им предписаний. Предписания сии нисходят к ним от одного другому; следовательно, и надзор не может иметь другого пути в своем действии. Начальник округа отвечает за состояние всех вверенных ему волостей; следовательно, если бы начальник какой-либо волости дозволил себе или нарушить данные ему предписания, или ввести распоряжения новые, им противные, начальник окружный по обязанности его всегда открыть может злоупотребление тремя средствами: 1) осмотром; 2) ревизиею дел; 3) жалобами.

То же самое должно сказать и о прочих отделениях: они не могут вводить ничего нового и, следовательно, отвечают только за точность исполнения.

6) суд не лицом государя отправляется, но избранными от народа и им утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могут;

7) все деяния управления публичны, исключая некоторого числа случаев определенных;

8) существует свобода тиснения в известных, с точностью определенных границах.

То, что называется государственным законом или конституциею, не есть закон писанный, но закон вещественный, не на бумаге, но в действии самом существующий. Он не столько состоит в установлениях государственных, сколько в вещественном разделении сил его на все состояния. Он поддерживается не столько видимыми сословиями, сколько навыками и духом народным;²⁷ это есть физическое сложение, темперамент политического тела;

9) существует в народе довольная степень просвещения и обилие во всех способах исполнения законов.

Предположив существующими все сии установления, образ правления может быть следующий. См. табель А).

Но ответственность министра полиции есть уже двоякая: он отвечает государю в точности исполнения устава полиции, т. е. тех правил или учреждений, кои на основании государственного закона сделаны и введены уже в употребление; но он отвечает известному законодательному сословию во всем том, что именем своим или именем государя вводит он нового в уставе полиции. Ибо сии новые учреждения должны быть сообразны с государственным законом, а сообразность сию никто не может удостоверить, кроме того, кому вверено охранение закона.

Есть два образа учредить сию ответственность к законодательному сословию: или внося наперед на утверждение его все распоряжения, вновь предполагаемые, или давая в них отчет по введении. Оба сии образа должны быть с точностию определены в государственном законе. Судя по различному существу каждой части, избирается тот или другой образ. Первый употребляется в экономии и суде, второй — в полиции, ибо в двух первых частях не столько скорость, сколь зрелое уважение всех обстоятельств потребно, но вторая вся состоит в быстром исполнении и часто требует мер скорых и стремительных. В одном только случае предпочесть в ней должно первый образ ответственности: когда требуется отменить закон государственный, уже существующий, и поставить на время или навсегда меру ему противную,* — обстоятельство, коего никто дозволить не может, кроме законодательного сословия.

Ответственность в суде должна быть двоякая:** в точном исполнении обрядов и в сообразности частных решений с законом. Выше было примечено, каким образом исполнительная власть, разделяя с законодательною право суда, слагает с себя сию последнюю ответственность. В самом деле, избранные от народа судьи под именем присяжных, производя важнейшую часть суда, тем самым поставляют себя в самое удобное положение охранять закон. Главному судье остается только наблюдать формы; но как формы сии в высшем суде могут быть двояки — одни приняты уже и утверждены употреблением, другие вновь вводятся, то и ответственность министра правосудия, подобно ответственности других министров, есть двоякая: государю — в охранении форм принятых, и законодательному сословию — во введении новых.

* Как, например, в Англии остановить действие Habeas corpus.²⁸

** Здесь должно привести на память то, что выше было постановлено о двух родах ответственности.

Из сего видно, что министр правосудия не может иметь другого наблюдения, как только над точным исполнением обрядов. Различие его действий от прочих министров состоит в том, что закон, на коем часть его основана, истекает не от власти исполнительной и не ею, а избранными от народа лицами оберегается в исполнении. Напротив, уставы или регламенты других частей, истекая от власти исполнительной и ею оберегаясь, подвергают их сугубому ответу.

Здесь приметить должно, что перенос судных дел от одной инстанции к другой не есть ответственность, ибо судья не может отвечать в том, что он так или иначе представляет себе вещи, спору подлежащие; он отвечает только в точном охранении форм и в чистоте своих намерений.

**О СОСЛОВИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ.
О СВЯЗИ ЕГО С ЧАСТЬЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЮ
И ПОРЯДКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**ОБ ИНСТРУКЦИИ МИНИСТРОВ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОМ**

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ГУБЕРНСКОМ

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОКРУЖНОМ

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВОЛОСТНОМ

ЧАСТЬ III

**О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ
УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ**

I. О РАЗУМЕ НАСТОЯЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Сколь ни просто на первый взгляд кажется правление самодержавное, но, когда оно смешано с разными установлениями монархическими и покрыто формами, к другому порядку вещей принадлежащими, состав его делается многосложен и разрешить его на первые его стихии не есть дело удобное.

Первое начало власти в России весьма, кажется, просто. Государь, соединяющий в особе своей все роды сил, единый законодатель, судия и исполнитель своих законов, — вот в чем состоит на первый взгляд вся конституция сего государства.

Но когда рассматривают образ, коим верховное сие начало действует, и средства, коими оно силы свои распределяет и приводит в упражнение, сия простота первого понятия исчезает и на месте ее являются разные системы управления, к разным началам принадлежащие и никакой между собой вещественной связи не имеющие.

В самом деле, каким образом определить взаимные отношения первых государственных мест: Совета, Сената, Комитета и министров? В чем состоят существенные их различия между собою? Какую степень власти каждое из них имеет? Какой род дел каждому из них присвоен? Разрешение всех сих вопросов одно может обнаружить истинный разум настоящего правления в России.

И, *во-первых*, очевидно, что ни одно из сих мест *собственной политической* силы не имеет: все они зависят и в начале и в конце, и в бытии и в действии их от единой воли и мановения силы самодержавной. Следовательно,

второе: ни одно из них телом политическим, а тем менее законодательным, признано быть не может;

третье: ни прав, ни преимуществ, свойственных государственным установлениям, в отношении к первому их началу иметь они не могут;

четвертое: различия существенного (constitutive) между собою они не имеют, ибо различие сие может быть только двояко: 1) в предметах и 2) в правиле действий. Но предметы во всех сих местах одинаковы. Сенат занимается теми же ветвями полиции, экономии суда, какие вносятся в Совет и к министрам. Правило действия в них также одинаково: все они или соображают дело с законом, или, когда закона нет или по обстоятельствам кажется он неудобен, представляют мнение свое о новом установлении. Все различие состоит только в разности канцелярского обряда, но нет нужды доказывать, сколь различие сие маловажно.

Правда, что Сенат отличается тем от прочих мест, что действие его считается публичным и что он имеет власть повелительную, а действие прочих мест есть действие, внутри кабинета государева совершающееся, и к исполнению непосредственно не исходит; но приметить должно: 1) что Сенат ничего не может повелеть своим именем. Указы, от него

исходящие, не суть его указы, но императорского величества, через него только идущие; 2) министры могут и во многих случаях должны мимо его прямо в губернии посылать указы, кои впоследствии вносятся к нему только за известие; 3) обязанность публиковать указы есть обязанность полицейская, и всякое низшее место именем государя то же бы самое могло сделать.

Итак, единое понятие, которое можно себе сделать о государственном управлении в России, есть следующее:

Верховное начало в России есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства.

Начало сие не имеет никаких вещественных пределов. Но оно имеет некоторые умственные границы, мнением, привычкою и долголетним употреблением постановленные в том, что власть сего начала не иначе приводится в действие, как всегда единообразным порядком и установленными формами.*

Сей порядок, коим власть государя изливается к народу в законодательстве и в частях управления, вмещается разными отделениями в Сенате, Совете и Министерстве.

Но три сии установления, имея каждое свою степень необходимости и служа некоторым умерением власти и точкою соединения народному мнению, по недостатку связи их между собою, по неточному разграничению их предметов, по разнообразности и несовершенству их форм в существенном отправлениях дел великие представляют неудобства.

Неудобства сии умножаются, когда установления сии рассматриваются в отношениях их к местам губернским.

Система губернского управления по необходимости связана с системою управления государственного так, как середина связана с началом. Сколько бы первая ни была сама в себе

* Припомнить здесь должно, что Юм²⁹ твердость английской конституции полагает в привычке, в духе, в образе мыслей народа.

Сколько ни ничтожен кажется Сенат в настоящем образе бытия его и сколько невероятным кажется, что течение дел, основанное на единстве министерского управления, было бы несравненно успешнее, но можно быть уверенным, что совершенное уничтожение сего места изгладило бы с собою и самую тень монархической свободы в разуме народном. Многочисленное сословие, древность и формы могут быть весьма вредны течению дел, но они имеют всегда нечто священное и столько уважительное в глазах народа, что и самое правосудие будет ему подозрительно, если оно не будет изливаться сообразно общему его о вещах понятию.

совершенна, но, стоя под влиянием второй, она по необходимости должна расстроиться.

Из сего следует, что усовершенствование губернского управления не может быть без усовершенствования управления государственным. Здесь припомнить должно то, что сказано вообще о системах управления, кои составляются по частям и не по одинаковому плану.*

II. НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГУБЕРНСКОЙ СИСТЕМЫ И НЕДОСТАТКИ ЕЕ

III. КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО ПРИСТУПИТЬ К УСОВЕРШЕНИЮ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ?

Надобно только сравнить образ управления монархического с управлением, ныне в России существующим, чтоб удостовериться, что никакая сила человеческая не может сего последнего превратить в первое, не призвав в содействие время и постепенное всех вещей движение к совершенству.

В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления. В самом деле, каким образом можно основать монархическое управление по образцу, выше нами предложенному, в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано со всеми почти частями политического устройства и с воинскою системою и где сия воинская система необходима по пространству границ и по политическому положению?

Каким образом можно основать монархическое управление без государственного закона и без уложения?

Каким образом можно постановить государственный закон и уложение без отделения власти законодательной от власти исполнительной?

Каким образом отделить власть законодательную без условия независимого, ее составляющего, и без общего мнения, его поддерживающего?

* Учреждение Министерства есть, конечно, важный шаг к лучшему устройству управления, но он есть первый шаг, а чтоб достигнуть к совершенству, надобно сделать первый, и второй, и третий, и так далее, ибо совершенство никогда не достигается одним приемом. Надобно только идти всегда по одной линии.

Каким образом составить сословие независимое без великого и, может быть, опасного превращения всего существующего порядка — с рабством — и без просвещения?

Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный без свободы тиснения?

Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения?

Каким образом установить истинную министерскую ответственность там, где отвечать некому и где и ответствующий и вопрошающий составляют одно лицо и одну сторону?

Каким образом без ответственности могут быть охраняемы законы в исполнении?

Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?

Все сии вопросы разрешить нужно прежде, нежели можно с некоторою основательностью предположить возможность превращения настоящего порядка в монархический.

Я смею быть уверенным, что они неразрешимы и что одно время разрешить их может.

Итак, вопрос об усовершенствии настоящего управления в России не в том состоит, каким образом можно превратить его в истинное управление монархическое, но в том, каким образом составить образ управления, который бы соединял в себе следующие свойства:

1) Он должен быть весь расположен на настоящей самодержавной конституции государства, без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной.

2) Он должен сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия.

3) Он должен сколь можно быть приближен к образцу монархического управления, выше изображенного.

4) Он должен содержать в себе разные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготавливали истинное монархическое управление и приспособляли бы к нему дух народный.

Сии четыре свойства суть столько существенны предполагаемому в России управлению, что всякий порядок вещей, им противный или их в себе не вмещающий, должен быть отвергнут яко ложный и неосновательный.

IV. КАКИЕ ЧАСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОГУТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО БЫТЬ ИСПРАВЛЕНЫ?

Прилагая свойства, выше приведенные, к порядку, ныне существующему, мы находим, во-первых, что в некоторых частях своих представляет он более удобства к усовершенствованию, нежели в других.

Здесь припомнить должно то различие, какое выше было поставлено между временными учреждениями (регламентами) и законами, и что некоторые части управления, как-то: полиция и экономия, действуют всегда на правиле учреждений, а суд утверждается на законе.

Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершенствовать и исправить. Но исправить гражданский и уголовный закон скоро почти нет никакой возможности, ибо:

1) Не только в России, но и нигде в Европе нет еще правильной теории ни гражданского, ни уголовного закона. Сия часть законодательства доселе была и ныне есть предмет учености, исторических разысканий и, можно сказать, глубокого педантизма; дух истинной аналитики к ней не прикоснулся. Юрисконсульты спорят еще и поныне о точном понятии закона, об определении прав и обязанностей, о категорическом разделении преступлений, о разграничении дела уголовного от дела гражданского, и, чтоб все сказать одним словом, они спорят о самом понятии справедливого и несправедливого, о самых первых началах сего знания. Не ум обыкновенный, но разум творческий — гений — должен решить сей спор и положить лучшие основания сей науки и, может быть, переменить самый язык ее и уничтожить варварские ее формы.

Можно с некоторою основательностью предполагать, что мы стоим при самом рождении лучшей теории гражданских и уголовных законов. Никогда в Европе не занимались сею наукою с таким вниманием, как ныне; лучшие умы обратили на нее свои разыскания, и, может быть, не пройдет десяти лет, как мы увидим в сей части политических понятий важное превращение.

2) Настоящее положение России дает ей всю удобность ожидать сего превращения: если бы и существовала в Европе система добрых законов в сей части, она не могла бы у нас скоро приведена быть в действие, ибо правый суд по необходимости предполагает не только просвещенных судей, но просвещенную публику, искусных законоведцев, знающих стряпчих и методическое сей части учение; без сего самая

лучшая система судопроизводства произведет одно только вредное действие новости. Но что сделало доселе правительство в России, чтоб приуготовить добрых судей, чтоб окружить их здравомыслящею публикою, чтоб просветить их советом судейцев? Где установления, в коих юношество наше образуется по сей части?

Может быть, в одной России судьи *творятся* одною волею и приказанием правительства, и человек, едва по слуху знающий о законе, о праве, об обязанности, вдруг по слову власти становится органом закона и решителем всех споров о праве и обязанности. Какая система законов может устоять против таких исполнителей?

3) С некоторого времени вошло у нас в обыкновение все недостатки управления слагать на несовершенство наших законов.* Не быв в пользу их слепо предубежденным, можно, однако же, быть уверенным, что сие мнение весьма несправедливо.

Вы жалуетесь на несовершенство ваших законов уголовных и гражданских, — можно бы было возразить сим цензорам, столь скорым, столь готовым давать советы правительству, — но измерили ли вы вредное влияние прочих частей управления на сию ветвь законодательства? Определили ли, до какой степени недостаточной и несвязной ваша полиция затрудняет течение суда, попуская преступлениям стареться без следствий, представляя следствие без обстоятельств, теряя обстоятельства временем, небрежением и недостатком исполнителей? Каким образом на пространстве 500 или 600 верст земский исправник, для куска хлеба из бедных дворян выбранный, с подобными ему нищими заседателями может привести закон в уважение, пресечь насилие на месте, предохранить собственность от похищения и тем отвратить разорительные тяжбы? Каким образом в государстве, где земляные владения по большей части не обмежеваны, где права и на обмежеванные еще не удостоверены, где вся экономическая часть в крайнем беспорядке и упущении, могут быть тяжбы не многочисленны и не запутанны? Каким образом закон может действовать, когда не поддерживается разумом и просвещением исполнителей и когда исполнители сии еще необразованны? Познали ли вы, до какой степени судье трудно быть честным там, где нет общего мнения, где нет публичности в

* Здесь, как и во всем сочинении, разумеются под сим словом законы уголовные и гражданские.

деяниях суда, нет ответственности, нет совету, нет способов учения, и, наконец, чтоб все заключить в одном слове, где самый текст закона известен только по секретарским письменным тетрадам, от одного к другому переходящим и нигде в порядок не приведенным? Исправьте все сии несовершенства, суду побочные и от других частей управления зависящие, тогда рассуждайте о действии наших законов.

Вы жалуетесь на продолжительность и запутанность наших судебных форм и обрядов; но где они не таковы?

Раскройте Прусское Уложение,³⁰ вы найдете в нем следующие понятия о законах, в Германии существующих:

Voilà malheureusement quelle est encore de nos jours en Allemagne l'administration de la justice:

1) Toutes les déféctuosités de la compilation confuse du corps du droit romain subsistent telles qu'elles ont été rapportées.

2) Le désordre qui résulte des différentes interprétations que les commentateurs donnent aux lois, aussi bien que des réponses et des décisions des jurisconsultes, dont le public est tous les jours surchargé, subsiste pareillement, et rend le droit incertain et arbitraire.

3) La contrariété du droit romain avec celui de l'Allemagne est encore le même, et quelques docteurs modernes n'ont fait qu'augmenter la confusion et l'embarras, en renouvelant et recherchant, de leur propre autorité et sans nécessité, les lois et coutumes anciennes des états de l'empire.

Il s'est trouvé dans notre siècle et le précédent plusieurs savans distingués par leurs lumières et par leur probité, qui ont senti parfaitement tous ces désordres et qui ont souhaité par cette raison que l'on pensoit enfin à une bonne réforme de la justice.

Il s'en est même trouvé plusieurs qui ont donné au public des projets d'un nouveau code du corps de droit.

Les empereurs d'Allemagne eux mêmes ont fait proposé diverses fois dans les diètes la réformation de la justice et exigé des états qu'ils donnassent leurs avis à ce sujet. Mais toutes les délibérations et les résolutions de l'empire n'ont en vue que de mieux régler la procédure et de corriger quelques abus introduits dans le tribunal de justice de l'empire. On n'y a pas pensé former un droit général et certain.

Quelques états de l'empire ont fait dresser à la vérité de certains corps de droit, parmi lesquels ceux de Saxe, de Magdebourg, de Lunebourg, de Prusse, du Palatinat, du Wurtemberg méritent surtout des éloges: mais aucun des ces corps de droit ne forme un droit universel et ne renferme toutes les matières du droit. Ils ne

сont pas non plus réduits en forme de système et ne contiennent pas sur chaque sujet des principes généraux. On se contente dans la plupart de régler la procédure et de décider des cas douteux, par rapport auxquels les docteurs n'étoient pas d'accord.*

Загляните в судебные законы Англии, вы найдете следующее о них изложение одного из славнейших их юрисконсульт-тов:

Veut on croire en effet que le code civil et criminel d'un peuple, qui a une constitution si supérieure à toutes les autres, ne soit qu'un amas de fictions, de contradictions et d'inconséquences? Le droit anglais, comme tout autre système de lois formé successivement, par agrégation et sans aucun plan, se divise en deux parties, les statuts et la loi commune, ou la coutume. Les statuts, c. à d. les actes du corps législatif, rédigés avec une grande attention pour les circonstances et pour les intérêts de l'Angleterre n'ont pu avoir aucun égard au bien-être de ces pays dont l'acquisition n'étoit pas même prévue. La loi commune, c. à d. la loi non écrite, résultat de coutume, mêle à quelques principes d'une valeur inestimable une foule d'incohérences, de subtilités, d'absurdités et de décisions

* [Вот каково, к несчастью, отправление правосудия в Германии еще в наши дни:

1) Все изъязыны сбивчивой компиляции свода римского права остаются в неизменном виде.

2) Неурядица, вытекающая из разных толкований, которые даются законоведами, а также советы и решения юрисконсульттов, которыми ежедневно обременяют публику, — все это существует друг подле друга и делает его право ненадежным и произвольным.

3) Противоречия права римского и немецкого находятся в прежнем состоянии, а некоторые современные доктора только увеличили беспорядок и неразбериху без достаточной необходимости, извлекая и обновляя по своему усмотрению законы и старые обычаи империи.

В наши дни, как и в предшествующее столетие, нашлось немало просвещенных и опытных ученых, которые отлично видели все эти неурядицы и желали поэтому, чтобы задумались наконец об основательной реформе правосудия.

Нашлись даже такие, которые обнародовали проекты кодекса нового права.

Сами германские императоры в своих собраниях неоднократно предлагали сеймам провести реформу правосудия и требовали от сословий высказать свое мнение по этому поводу. Но все обсуждения и решения империи были направлены только на урегулирование процедуры судопроизводства и на устранение имевшихся в ней некоторых злоупотреблений. Не думали о создании права всеобщего и постоянного.

Некоторые земли империи, правда, составили ряд правовых уложений, среди которых Саксонское, Магдебургское, Люнебургское, Прусское, Палатината, Вюртенбургское особенно заслуживают похвал, но ни одно из этих уложений не составляет общего права и не включает все разделы права. Они приведены также в единую систему и не содержат общих начал для каждого из видов правонарушений. Довольствовались большей частью упорядочением процедуры и решением спорных вопросов, по которым мнение ученых расходилось (*фр.*)]

purement capricieuses. Il est impossible de croire, que dans cet ouvrage fantastique on est eu en vue le bien-être d'aucun pays. Quant à la variété des procédures devant les divers tribunaux, aux longueurs, aux formalités, aux embarras aux frais énormes qu'elles entraînent, c'est un autre chapitre dont il est impossible de présenter les détails. Qui le croiroit? Cette masse d'absurdités n'est point une production de l'ancienne barbarie, mais des raffinemens modernes.*

Но отчего в других государствах недостатки законов не столь ощутительны, как у нас? Оттого, что там закон, хотя несовершенный, но с точностию обеспечен в исполнении; оттого, что там есть просвещенные исполнители; оттого, что там судьи учатся, а не творятся; оттого, что прочие части управления пособляют, а не затрудняют действие закона; оттого, наконец, что добрая монархическая конституция покрывает множество частных недостатков.

Из всего сего должно извлечь следующие последствия:

1) Правительство должно обратить внимание на те части управления, которые в настоящей конституции России могут воспринять усовершенствование.

2) Части сии суть полиция и экономия.

3) С усовершенствованием сих частей часть правосудия сама собою исправится, ибо она подавлена теперь по большей части их несовершенствами.

4) Не переменяя системы уложения и не ища идеального в вещах совершенства, можно сделать важные в сей части поправления некоторыми общими установлениями.

* [Действительно, можно ли поверить, что у народа, конституция которого столь превосходит все прочие, гражданский и уголовный кодексы есть не что иное, как скопление фикций и противоречий. Английское право, как и всякая другая правовая система, образовавшаяся путем последовательных нарушений, лишенных какого-либо плана, делится на две части: статуты, обычное право и обычаи. Статуты, т. е. акты законодательного учреждения, составленные с необходимым учетом всех условий и интересов собственно Англии, не могли взять в соображение благополучие тех стран, присоединение которых даже не предвиделось. Обычное право, т. е. неписаный закон как результат обычая, примешивает к нескольким принципам непреложной ценности много всякой непоследовательности, изворотливости, абсурдности и решений, которые суть один лишь каприз. Нельзя поверить, что в этом чудовищном произведении имелось в виду благоустройство какой-либо страны.]

Что же касается многообразия процедур во всякого рода судах — волокиты, бюрократии, путаницы, непомерных расходов, требующихся для ведения дел, — то это еще целая глава, о чем говорить здесь подробно не представляется возможным. Кто поверит, что это скопище нелепостей вовсе не абсурд, не является произведением далекого варварства, но продуктом современного утонченного века (*фр.*)

По всем сим замечаниям в общем начертании системы управления часть суда оставлена в настоящем ее составе и очищена только от смешения, в коем доселе она находилась.

V. О СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕСТ

Государственным установлениям, без связи и порядка ныне существующим, дабы дать некоторое между собою отношение, должно, во-первых, разделить предметы их на два главных рода: к одному отнести все то, что касается до части законодательной, к другому — все, что принадлежит к власти исполнительной.

Обе власти сии, соединяясь в лице государя, не иначе как его волею действовать могут, а потому места, для каждой из них устанавливаемые, в разуме настоящей государственной конституции не сами собою, но силою самодержавною существовать могут. Они в существе своем суть два отделения внутреннего государева кабинета; но в мнении народном представляют места внешние и умеряют собою самодержавие.

Все то, что принадлежит до постановления, усовершенания и охранения государственного закона и уложения, будет входить в первое сословие.

Все то, что принадлежит до постановления временных учреждений и исполнения законов, уже существующих, будет входить во второе сословие.

Первое можно назвать Сенатом законодательным, второе — Сенатом исполнительным.

Держась точнее естественных разделений, должно бы было назвать сей последний род власти *Министерством*. В самом деле, оно не что другое есть, как администрация, состоящая из известного числа министров, из коих каждый управляет своим департаментом. Не отступая в существенном образовании сей части от сих простых и естественных понятий единства, признано, однако же, нужным облечь ее именем Сената по двум следующим причинам: 1) есть во всех департаментах министров некоторые общие дела, ни к одному из них прямо не принадлежащие и требующие соединения: таково есть обнародование уставов и узаконений, производство в чины, определение к некоторым высшим местам чиновников, хранение актов, ведение общих государственных архивов. Для всех сих дел надлежит быть месту соединения; 2) везде, а наипаче в России,

повеления, издаваемые в народ именем целого сословия, представляют народу нечто более уважительное, нежели повеления, от лица подчиненного и единственного идущие. Понятие корпуса сильнее действует на воображение, а потому везде, где совокупность сия не вредит успеху дел, где она представляется только по наружности, а не в существе, где не уменьшает она личной ответственности, где можно сохранить ее по виду, сохранять, кажется, нужно.

Сенат исполнительный делится до времени на две части: судную и управления.

В части судной ведаются все дела по апелляции и жалобам на места губернские судные; она содержит в себе два департамента: гражданский и уголовный.

В части управления будут ведомы все те предметы, кои принадлежат к разным департаментам Министерства.

Часть судная оставляется до времени на тех правилах, на коих она ныне существует.

Часть управления, или Сенат управляющий, составляют министры.

Министры каждой своею частию управляют по уставу.

В случаях, уставом не предвиденных или требующих исправления, министры предлагают новые меры в Сенат. По утверждении сих мер они публикуются от Сената. Сенат исполнительный сообщает все новые меры Сенату законодательному, исключая тайне подлежащих.

СОСТАВ И ОБРАЗОВАНИЕ СЕНАТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО

Сенат законодательный составляется из сенаторов по избранию государя.

Сенат законодательный собирается два дня в неделю.

Упражнения его суть:

1) Постановление закона гражданского и уголовного.

Для сего каждый раз, когда в Сенате судом встречается случай, законом не определенный, он посылается на разрешение Сената законодательного, который, определяя его согласно государственному закону, представляет на утверждение государю.

2) Усовершенствование закона гражданского и уголовного.

Сюда принадлежит Комиссия о составе Уложения, коею управляет один из сенаторов законодательного Сената и в коей всю работу производят четыре юрисконсульта. Сия

Комиссия занимается единственно приведением в порядок законов существующих.

Сюда принадлежат также и те случаи, когда в Сенате судом встретится дело, на которое изданные законы не ясны, или противоречащи, или общей пользе противны.

3) Охранение закона в исполнении его.

Сюда принадлежат:

1) Жалобы на министров, по Высочайшему повелению вносимые.

2) Ревизия всех новых актов Сената исполнительного по отношению их не к внутренней доброте их, но к коренным государственным законам.

Порядок, коим дела входят, производятся и кончаются в Сенате законодательном, есть следующий:

1) *Дела входят:*

От Сената судного: а) по недостатку закона; б) по неясности его.

От Комиссии — по мере приведения законов в порядок.

От Сената управляющего вносятся все меры, вновь им принимаемые или с отменой прежних уставов сопряженные.

От государя — жалобы, прямо на министров приносимые.

От министров — их отчеты ежегодные.

2) *Дела производятся:*

Как Сенат законодательный не есть корпус внешний политический, но отделение государева кабинета, в коем всегда почитается он присутствующим, то дела в нем производят журнальною запискою, означающею кратко содержание дела и мнение Сената.

В предварительном рассмотрении актов Сената исполнительного Сенат законодательный наблюдает только, не противны ли они законам существующим, и каким именно, не занимаясь пользою их или вредом, понеже рассуждение сие почитается уже оконченным в Сенате исполнительном. Сенат законодательный никогда долее одного собрания внесенных к нему предварительных актов не удерживает.

Для производства дел находятся при Сенате три делопроизводителя и несколько писцов.

За письмоводством надзирает один из сенаторов, который представляет и журналы государю.

3) *Дела кончатся*

представлением государю журнальной записки. Никакого внешнего акта Сенат законодательный издать не может.

Об окончании дел и о выходящих указах узнает он из сооб-

щений Сената исполнительного, который один получает на имя свое указы и приводит их в действие.

Министры присутствуют в Сенате законодательном с голосом рассуждения (*voix délibérative*), но журналов не подписывают и мнений по оным не дают. Отсутствие министра заменяется товарищем его; отсутствие обоих не останавливает собрания.

Сенатор законодательного отделения не может быть министром, не сложив с себя сего звания, и напротив.

Сенатор законодательного отделения может вместе быть сенатором судного.

В делах верховной важности, относящихся до суда, Сенат законодательный соединяется с Сенатом судным и составляет в сем виде *суд верховный*, могущий не только решить дело по существующим законам, но, в недостатке оных или в очевидном несходстве, постановить закон новый, невзирая на то, что постановление сие учреждается по частному случаю.

В делах таковой же важности, относящихся до прочих частей управления, Сенат законодательный соединяется с Сенатом управляющим и составляет в сем виде *верховное правительство*, могущее не только решить предстоящий вопрос окончательно, но и постановить закон. В сем соединении министры имеют уже голос решительный, подобно прочим членам Сената законодательного. Для различия и большего в народе впечатления каждое отделение Сената имеет свойственное ему одеяние.

СОСТАВ И ОБРАЗОВАНИЕ СЕНАТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО

I. Отделение управления (администрации).

Сенат управляющий составляется единственно из министров.

Сенат управляющий присутствует два дня в неделю.

Упражнение его суть:

1) Рассмотрение и соображение новых мер, каждым министром принимаемых. Сюда принадлежит все то, что превышает устав, данный министру на вверенную ему часть, и требует особенного положения.

2) Внесение в акты (*l'enregistrement*) исходящих указов и узаконений.

3) Сообщение их законодательному Сенату и обнародование как указов, так и решений Сената судного.

- 4) Определение чиновников.
- 5) Производство в чины.
- 6) Хранение актов; ведомство всех государственных архивов.

Порядок, коим дела входят, производятся и исходят в Сенате управляющем, есть следующий:

1) *Дела входят:*

а) От министров — все новые постановления на рассуждение и все указы, частно в губернии посылаемые за известием.

б) От Сената судного — решения его до общего обнародования.

в) Все государевы указы, к исполнению Сената управляющего принадлежащие.

2) *Дела производятся:*

Поелику дела в Сенат управляющий входят совершенно каждое в своей части приготовленными и как государь в Сенате всегда почитается или есть присутствующим, то все дела производятся внутрь Сената краткою журнальною запискою, означающею содержание дела и принятое решение.

Для производства дел находится в Сенате один общий делопроизводитель с помощником и несколько писцов.

При Сенате находится государственный актуариус, коего должность есть вносить в акты Сената все исходящие узаконения в книги, печатью государственною утвержденные. Особа 3-го или 4-го класса.

При Сенате находится начальник государственных архивов с экспедициею управления и ведомства всех архивов. Особа 3-го или 4-го класса.

Сюда принадлежат разные подробности.

3) *Дела исходят:*

Дела от Сената управляющего исходят тою же формою, как ныне из первого департамента, с некоторыми поправлениями для краткости и удобнейшего течения.

УСТАВ КАНЦЕЛЯРСКОГО ОБРЯДА

II. Отделение суда.

Часть судная Сената оставляется в настоящем ее положении.

К ней принадлежит межевой департамент до времени окончания межевания.

Министр юстиции занимает в ней место генерал-прокурора.

Части судной Сената подчиняются одни те места, где действительно производится суд, и в другие части управления она не входит.

Судные департаменты имеют свое общее собрание, на которое нет апелляции, но могут быть жалобы на нарушение обряда; и как хранитель обрядов в Сенате судном есть генерал-прокурор, то жалобы сии идут тем же путем, как и все жалобы на министров, т. е. от государя препровождаются в законодательный Сенат, а дабы под видом жалоб на обряд не принимались жалобы на существо дела, то прежде рассматривает их генерал-рекетмейстер и докладывает государю.

По мнению Сената законодательного государь может только повелеть генерал-прокурору предложить вновь дело Сенату судному со введением упущенного обряда, но сам его не решит и никаких указов Сенату судному не дает.

ПРИМЕЧАНИЯ НА ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Если свойства управления вышеозначенные настоящим расположением достигнуты, то можно утвердительно заключить, что оно правильно и основано на твердых началах.

Но единое приложение сего образа управления к свойствам вышеприведенным показывает ясно, что он всех их вмещает, ибо:

1) Он основан на неделимости власти самодержавной. Ни Сенат законодательный, ни Сенат исполнительный не могут сделать никакого движения без воли государя; в существе своем они суть непосредственное только его орудие и собственной силы не имеют.

2) Между тем наружную важностию своею и составом они утверждают народное мнение, возводят его ближе к идеям монархическим и ставят Россию на одной чреде с прочими государствами европейскими, не отнимая ничего от силы ее необходимого самодержавия. Государь благонамеренный не найдет, конечно, в сих установлениях никаких препятствий к совершению своих предположений; но самодержец, который бы захотел употребить во зло неограниченную волю, встретил бы твердую преграду своим насилиям если не в самых сих установлениях, то в мнении, в уверенности, в привычках

народных, особливо когда привычки сии долголетним продолжением доброго царства в сердцах укрепятся. Сие укрепление всегда было признаваемо важнейшим оплотом политической свободы и, может быть, лучшею гарантией закона.

3) Сей образ управления столько сближен с монархическим, сколько конституция России может сие позволить, не вводя великих переломов.

4) Но то, что довершает убеждение в его пользу, состоит в удобности, какую сей образ управления имеет, чтобы со временем превратиться в совершенную монархическую систему.

В самом деле, приучая народ взирать на законодательную власть в некотором наружном отделении, он воспитывает, так сказать, дух его к другому порядку вещей. Когда приспест время, т. е. когда разлитием просвещения и сопряжением многих обстоятельств, от времени зависящих, созреет возможность лучшего управления, тогда без всякой почти перемены и в те же, так сказать, рамы вместится другое устройство, не на видимом порядке, но на внутреннем и вещественном основанное. Тогда надобно только будет Сенат законодательный составить по другой лучшей системе, переименовать Сенат судный Высшим судом и, основав его подобно прочим частям управления на единстве, ввести с ними в параллельное положение; тогда все превратится в истинную монархическую систему.

5) Если бы сия организация и ничего другого не представляла, кроме разделения сего неустройства, какое теперь существует в Сенате и в отношениях его к прочим частям правительства, то под сим единственным видом необходимо бы принять его было должно.

6) Отделив от части судной все другие части управления, доставится правительству удобность усовершенствовать их одну за другою, чего теперь по всеобщему дел смешению предпринять невозможно, не испровергнув вместе и судного порядка.

Усовершенствование сих частей будет иметь спасительное действие и над судом. Точность исполнения* обеспечит все его

* Что обеспечивает собственность главным образом? Не метафизическое понятие о справедливости судной, но точность исполнения. Зная закон, хотя бы он был и несовершенен, но зная, что он в точности будет исполнен, всякий делает с вероятностию все расчисления жизни, а верность сего расчета составляет первое основание собственности. Какая, напротив, уверенность быть может, когда закон и суд изыщен, но исполнение зависит от случая? Тогда все расчеты жизни приходят в замешательство и неизвестность, соревнование и промышленность теряют свое воспарение (*élan*) и пресмыкаются боязливо по земле.

движения; восстав из-под бремени разных побочных злоупотреблений, ныне суд тяготящих, он обновится, не переменяя даже своей формы.

7) Каким образом можно исправить систему губернского управления, не переменяя системы государственной?

Здесь должно припомнить то, что выше было сказано об организациях отрывками; они всегда вредны, когда не утверждаются на общем плане.

8) Можно ввести вместе с сим планом некоторые общие распоряжения, устройству суда пособить могущие и к совершенству прочих частей служащие, как-то:

а) Первым и скорым действием законодательного Сената быть может и должно издание законов, не новых и не совершенных, но прежних, в порядок и ясность приведенных. Одна сия простая и механическая операция сделает в России более добра и произведет в народе более ощущения, нежели многие другие предположения.*

б) Выше было примечено, что лучшее средство ответственности и по настоящему положению вещей единственное есть публичность деяний правительства. Должно ввести в самый состав Сената исполнительного, чтобы все его деяния были опубликованы; это есть черта не обряда, но монархической конституции, которую ныне же принять можно. Пользы от сего установления неисчислимы. Оно ознакомит народ с правительством, родит общее мнение, просветит низших исполнителей, приуготовит людей к делам, поставит министров под судом общего разума. Добрый министр найдет в актах сих лучшую себе похвалу и ими отторгнет клевету; министр неблагонамеренный в них же будет иметь явное уличение и проч. и проч.**

в) Когда будет постановлено, чтобы дела судные, получившие окончание в общем собрании, не были переменяемы по жалобам частным, то сим утвердится одно из главных

* Я не знаю, известно ли правительству, что в Сенате нет книг Законных и что во всех губерниях судьба людей и имуществ решается по письменным тетрадам, содержащим в себе самые безобразные и неверные выписки законов.

** Может быть, что в первые месяцы установление сие и не примет полного действия; но, если оно будет с разумом образовано и поддержано разными публичными бумагами, можно быть удостоверенным, что Россия скоро пожелает знать, что делает для нее правительство, и, познав его труды, научится почитать его и любить свои законы, свой образ управления, ибо тогда они действительно будут для нее свои, когда она их познает. Теперь же управляется она невидимою для нее силою: и как можно после сего требовать, чтобы она имела доверенность к орудиям сей силы, ей неизвестным?

правил монархического правления: торжественно признается, что суд принадлежит народу, — закон государственный, приближающий правление к монархической форме более, нежели тысячи других частных установлений. Все то, что можно сказать против твердости и силы сего закона, опровергается двумя следующими уважениями; 1) в делах судебных не может быть математической очевидности; следовательно, ничто не может доказать, что решение, государем положенное, справедливее решения, Сенатом утвержденного; 2) самый поразительный признак самовластия деспотического в государстве есть, когда верховная воля, дающая общий закон, сама прилагает его к частным случаям; тогда все понятия о порядке и свободе испровергаются, и одно таковое решение, хотя бы оно было и самое справедливое, сильно разрушит самую лучшую конституцию. Целую книгу доказательств неопровергаемых написать о сем можно.

СОСТАВ ВСЕЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ. ЛИТЕРА В

Порядок, коим можно приступить к исполнению сего плана.

Если план управления, коего одни главные черты здесь представлены, будет принят, то к постепенному исполнению его можно приступить следующим образом. Дóлжно открыть в одно время четыре главные работы:

I. Составить подробное положение для Сената законодательного и исполнительного. Сие положение должно в себе содержать:

1) состав Сената, число членов, порядок и формы их определения;

2) точное означение, или табель всех предметов Сената;

3) образ производства в нем дел, источники и образ их вступления, обряд производства внутреннего и внешнего, канцелярии и проч.;

4) сношения сих мест между собою;

5) означение мест, кои Сенату исполнительному подчиняются.

II. Вместе с сим дóлжно на началах, выше изображенных, сделать устав полиции и назначить в нем образ производства дел полицейских.

III. Устав экономический, или правило, на коем часть сия должна действовать.

IV. Составить новое Губернское Положение в замену учреждений о губерниях.

Между тем как работы сии будут производиться, может быть признано будет нужным приуготовить некоторые перемены и в образе управления внешних дел, и воинской части по трем первым коллегиям.

Когда все сии материалы будут приуготовлены, соображены и утверждены, тогда все места, на сем новом плане расположенные, открыть в одно время, дабы, вступя вместе в новый вещей порядок, представляли они стройное целое, коего все части покорны одному закону.

VI. Примечания на табель В.

1) Для чего в отделениях Сената исполнительного не означены все те Министерства, кои ныне существуют?

Части, означенные в табели, суть единые, естественные отделения, какие можно найти во всяком государстве; но как по различию местных положений в каждом главном отделении могут быть две или более части довольно обширные, чтоб занять целое Министерство, то и следует, что в каждом главном отделении может и должно быть столько Министерств, сколько есть значащих частей, требующих особенного надзора. Сие раздробление одного отделения на несколько частей не может быть вредно, если части сии связаны общим планом того отделения, к коему принадлежат. Оно даже необходимо при начальном дела устройстве, когда каждая часть требует образования особенного надзора и внимания. По усовершеннии их можно, конечно, части сии соединить и привести к одному началу. В общем плане должно всегда иметь в виду одни общие главные и необходимые отделения, ибо в ветвях, им подчиненных, части их не могут иметь каждая соответствующего себе порядка без крайнего дел раздробления и замешательства. Так, например, если бы в губерниях учреждено было столько разных начальств, сколько есть Министерств, то система управления губернского сделалась бы весьма сложна и имела бы много частей, для симметрии только существующих.

2) Для чего не полагается в управлениях низших никакого внешнего надзора?

Надзор, если он не есть тайный, всегда предполагает ответственность; в самом деле, надзор, который бы, не потребовав на месте объяснения, доносил только первые свои примечания высшему начальству, был бы самое тщетное и вредное фискальство. Надзор, который бы мог требовать от

главных местных начальников объяснения, должен бы быть от них независим. Таким образом в каждой губернии установилась бы внешняя сила (*status in statu*),³¹ первым понятием единства противная и всякому истинному порядку чуждая.

И каким образом надзор сей мог бы действовать? Чтоб мог он быть несколько верен и не превратился в пустой донос, основанный на слухах, он должен необходимо следовать за течением дел, т. е. видеть все их производство; следовательно, должен иметь во всех местах своих агентов. Агентам сим должны быть все дела сообщаемы на предварительное усмотрение; чтоб усмотрение сие могло иметь свою пользу, должно им дать право протеста (иначе злоупотребления будут видимы, но не исправлены), с протестом соединить право приостановить решение дел. Таким образом, чтоб заметить одну ошибку или злоупотребление, надобно ввести во все производство дел целый порядок форм столько же затруднительных, сколько и противных первому началу управления, скорости. Вверить сей надзор дворянскому обществу есть верный способ все дела оставить и расслабить, чтоб не сказать еще чего-нибудь более.

И к чему может послужить сей надзор? Из понятий о двух родах ответственности мы видели, что истинная ответственность падает на те места, кои могут давать новые учреждения, но ни одно из нижних управлений, начиная с губернского, не может вводить никаких новых учреждений, а за точным исполнением прежних уставов наблюдает местный начальник каждого отделения. В сем состоит существенная его должность. Следовательно, определять сверх сего надзор есть определять двух чиновников к одной должности, и нет причины, для чего не определить над ними третьего и четвертого.

Волостной голова отвечает за точное исполнение данного ему устава в волости окружному начальнику; начальник окружной отвечает за округу губернатору; губернатор отвечает за губернию министру; министр государю. В сей цепи ответственности каждое высшее звено столько заинтересовано в исправности низшего, за которое оно отвечает, что ему одному должно предоставить избирать средства надзора рассмотрением ли жалоб, или частными осмотрами, или публичностию деяний. Вводить же в сей порядок надзор посторонний значит разрывать его естественные связи.

Но для чего в высшем государственном управлении устанавливается побочный надзор законодательного Сената, когда не нужен он в низших начальствах? Для того, что высшее

управление имеет два различных начала своего действия: введение новых учреждений и точное исполнение прежних; посему и должно оно иметь два рода ответственности: во-первых, отвечать законодательному Сенату, что они согласны с коренными законами, а во-вторых — государю, что они с точностию исполнены.

3) Для чего в общем плане не полагаются окружные Сенаты?

Должно ли учреждать Сенаты окружные.

В учреждении Сенатов окружных три только могут быть намерения:

1) уменьшить стечения дел разделением их на восемь или более частей;

2) облегчить народ в дальнем пути;

3) дать местным решениям более справедливости, нежели сколько могут они их иметь в палатах.

Но 1) не пройдет, может быть, десяти лет, как дела в каждом из сих Сенатов столько же столпится, как и здесь, ибо с учреждением сих Сенатов действие палат совершенно будет ничтожно; близость и удобность переноса заставит всякого отведать своего счастья в сей новой лотерее, а от сего неминуемо произойдет, что палаты еще менее будут радеть о справедливом решении. Суд их будет самый тщетный обряд, как бывал некогда суд мест средних. Впрочем, какая палата решала дела свои от одного года к другому? Между тем каждая палата иметь будет только 10-ю часть дел против окружного Сената. Итак, в 10 лет Сенат будет иметь дела 10-летние и так далее.

2) Какой вред государственный от того, что человек, коему правительство дало право выбирать себе судей в двух губернских инстанциях, по собственной его беспечности выбрал людей глупых или неспособных и, вверив им свое дело, после объявляет на них же неудовольствие и ищет правды за тысячу верст в Сенате? Пусть его странствует, он заслужил сие собственною виною. И, впрочем, в каком просвещенном великом государстве тяжбы не трудны, не многочисленны, не многолетни? Какой вред, что двести человек больше проживает в Петербурге и что человек, коему собственные его поверенные в губернии отказали в его иске, должен ждать здесь многие годы своего права?

3) Почему суд Сената будет справедливее суда губернского? Слова вещей не переменяют. Какие средства Сенат имеет к лучшему себя о деле просвещению? Не те же ли законы? Не ту же ли самую форму производства? Не тех же ли людей?

Вообще приметить должно, что всякая перемена без нужды и без видимой пользы есть вредна, так как всякие почти легкие средства в делах государственных по большей части суть средства ненадежные. Заградите первые источники зла: исправьте полицию и экономию губернскую, приведите законы в известность, просветите исполнителей. Тогда суд будет справедлив и удобен, а без сего перемены могут быть на время блистательны, но со временем зло возрастает самым исправлением его.

4) Для чего полагаются волостные управления?

Усовершенствовать высшие части управления и суда, оставляя низшие в бездействии или беспорядке, значит то же, что хотеть удержать реку, не заградив ее источников. Между тем редко правительство доводило свои планы до сих источников.

Они останавливали их именно там, где они наиболее могли быть нужны. Можно ли желать, чтобы тяжбы не были многочисленны, и не установить законных средств погашать их в самом их рождении? Чтобы полиция уездная была деятельна, и не дать постоянных способов ее действию в волостях?

В России давно уже было помышляемо о составе волостных правлений, но доселе они существуют только именем, и между тем как десять человек низких ремесленников имеют точные и подробные правила и цеховую управу в городском положении, целые волости оставлены без всякого учреждения на произвол исправников и заседателей.

По разделении собственности в России волостные управления должны быть двух родов: в имениях казенных и помещичьих. Сии последние нужно образовать согласно существу их собственности.

Должно, без сомнения, оставить помещикам обширную власть в их владениях, но ничто не препятствует установить, чтобы власть сия действовала на постоянных правилах и с известными формами. Например: для чего не предоставить крестьянам помещичьим в тяжбах их и ссорах по движимым имениям и даже по землям, от помещика в оброк отданным, разбираться в волостном правлении, от мира выбранном? Власть помещика, конечно, от сего не стеснится, так как власть государя не стесняется от того, что суд идет порядком, особенно установленным.

Полиция в селении принадлежать должна, без сомнения, помещику, но права его ничем не оскорбятся, если наказания будут определены в том же волостном правлении. Влияние, которое он всегда будет иметь над сим местом, доставит ему все способы располагать мерою исправления; и хотя власть его в

существо своем не переменится, но образ его мало-помалу притупит самовластие и образом безвредным будет нечувствительно, с самыми малыми приемами приучать поселян к гражданскому бытию так, как слепых прозревших приучают к свету.

Экономию деревенскую должно оставить до времени неприкосновенною в личном расположении помещика. Чтобы положить некоторую меру помещицъему сбору, в России много еще надобно сделать приготовительных распоряжений. Должно думать, что личный интерес более подействует в сем, нежели внушение правительства.* Впрочем, рождающейся свободе сии же самые волостные правления, временем и привычкою утвержденные, представят некогда (конечно не ныне и, может быть, не в настоящем рождении) первую, так сказать, точку соединения и силы. Доброе крестьянское уложение (*code rural*), хотя и неполное, есть самый скромный и тем более неоцененный дар, какой может дать добрый государь своему народу.

Тот много сделал, кто умел избрать и насадить первый корень, хотя одно время и стечение стихий может возрастить древо.

1803 г.

* «Les propriétaires d'esclaves, à qui l'intérêt personnel n'a pas été le bon sens et l'humanité, conviendraient sans peine des avantages de la liberté sur la servitude et désireraient eux-mêmes que l'esclavage fût aboli, si cette abolition pouvait avoir lieu sans bouleverser leur état et leur fortune et sans porter atteinte à leur sûreté personnelle. Les injustices et les calamités qui ont accompagné les tentatives précipitées forment la plus grande objection contre les projets d'affranchissement» (*Bentham, t. II, p. 187 à 190*).

«Ces liens de l'esclavage que le législateur ne peut pas rancher d'un seul coup, le temps les dissout peu à peu; et la marche de la liberté, pour être lente, n'en est pas moins sûre. Tous les progrès de l'esprit humain, de la civilisation, de la morale, de la richesse publique, du commerce, amènent peu à peu la restauration de la liberté individuelle. L'Angleterre et la France ont été autrefois ce que sont aujourd'hui la Russie, les provinces polonaises et une partie de l'Allemagne» (*Traité de Légis. par Bentham, t. II*).

[«Те рабовладельцы, личная заинтересованность которых не лишена здравомыслия и человечности, без труда сознались бы в преимуществе свободы над рабством и сами бы захотели, чтобы рабство было упразднено, при условии, что это упразднение не нанесло бы вреда их общественному положению и их состоянию и не грозило бы их личной безопасности. Несправедливости и козни в момент стремительных попыток добиться отмены рабства служат самым большим препятствием для их осуществления» (*Бентам. Т. II. С. 187—190*) (фр.).

«Эти узы рабства, которые не может одним ударом разбить законодатель, мало-помалу расслабляет время, и шествие свободы, сколь бы медленным оно ни было, от этого никак не становится менее уверенным. Все достижения человеческого разума, успехи цивилизации, нравственности, рост общественного достатка, торговли мало-помалу ведут к восстановлению свободы личной. Англия и Франция были некогда тем, чем является сегодня Россия, польские провинции и часть Германии» (*Трактат о законодательстве Бентама. Т. II*) (фр.)]

О ДУХЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Рассматривая историю царств в больших расстояниях времени, можно найти в них некоторые правила коренные, изъясняющие все частные их явления. Сии правила составляют дух правительства.

Дух правительства во все почти царствование Екатерины II состоял в некоторой деспотической аристократии, весьма понятной по началу, на коем царство сие стояло, по средствам, коими оно поддерживалось, и по обстоятельствам лица управлявшего. Государство разделено было на несколько округов или провинций, и каждая провинция отдана была во власть и управление, почти безотчетное, вельможе. Связь между провинциями состояла в однообразии некоторых судебных форм и в свободе внутренней промышленности. Можно сказать, что части Империи были в рабстве, а Империя в совершенной свободе; частное управление было личное и самовластное, а общее основано на законе и самых лучших идеях о свободе. Желали наслаждаться всеми выгодами деспотизма и всею честью философских понятий. Сравнивая наказания и разные экономические и судные учреждения с самовластием и безотчетностью управителей, можно сказать, что законы наши писаны были в Афинах или в Англии, а образ управления занят в Турции.

Сей дух правительства имел две великие выгоды. Он развязывал руки высшего правительства и, не озабочивая его делами внутренними, давал все время и свободу заниматься делами внешними. Он доставлял способ природе образовывать народ постепенно, без переломов и удалял *la manie de reglementes*,* которая везде, а особливо в народе новом, бывает пагубна.

* [мания регламентирования (*фр.*)]

Самовластие происходило от степени невежества, а свободные правила — от степени просвещения. Одно основано было на народных нравах, а другое — на книгах и вкусах иностранных.

Дух правительства во время Павла I совершенно изменился. Все частные управления подверглись страху суда и отчета. Самовластие со всей поверхности России перенесено к ее средоточию. Провинции управлялись по-европейски, но высшее управление было совершенно азиатское. Менее было притеснений в народе, но не менее было его в России. В предыдущем царстве, быв рассеяно на большой поверхности, оно не было ни примечаемо, ни исчислено. Но, быв собрано в одно средоточие, оно составило чудовищную массу, коей тяготение каждый мог измерить и, измеряя вообще, мнил чувствовать в одном себе. Отсюда первое правление казалось тихим и добрым, а второе сделалось ненавистным, хотя сумма зол в том и другом была, может быть, одинакова. Те, кои хвалили прошедшее правление или поносили настоящее, знали то и другое по столицам и законам, но не могли видеть его на всем пространстве России.

Выгоды сего правления состояли в том, что оно дало новую цену понятиям свободы, что обратило внимание к средоточию, отучило сильных от гласных притеснений и научило слабых жаловаться. Оно открыло сим последним весьма важную тайну, что они могут искать защиты, что они могут быть иначе, нежели были.

Невыгоды состояли в том, что отсутствием понятий философских стеснена свобода промышленности, что высшее правительство озаботило себя многоделием и подробностями, тем более вредными, что перемена сия застала его вдруг, без правил, без уставов и, следовательно, все подвергло частным разрешениям и мерам стремительным, минутным, необдуманным.

Но самая важнейшая невыгода состояла в потрясении больших масс собственности. Мелкие притеснения подобны граду, но великие перемены в собственности подобны грому. Первые более делают вреда, но гром, поражая одного, всех приводит в ужас, и если зло должно исчислять моральными последствиями, то общий страх важнее частного страдания.

Таким образом, в царство Павла I частное управление было довольно сносно, но общее было ужасно.

Дух правительства в царство Александра I ищет вместить в себе то, что в обоих предыдущих царствах было лучшего:

свободные идеи в центре и определительность на поверхности.

Выгоды его ощутительны, неудобства суть следующие.

1) Начала правительства, не имея никакого политического основания, не могут иметь и прочности, кроме той, какая может произойти от навыка и общего мнения. Они будут тверды, если продолжатся несколько десятилетий.

2) Как царство сие застало также частные управления без правил и уставов, то и в нем все подвергается частным разрешениям, — отсюда многоделие.

Недостаток плана есть второе неудобство.

Недостаток доброй организации есть третье неудобство.

Наконец, смешение начал законодательных с управленческими исполнительными, необходимость, в которую поставлены все департаменты — составлять и уставы, и наблюдать за их исполнением, — есть четвертое неудобство и также важная причина многоделия.

1804 г.

ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Я хочу доказать истину весьма странную, что во всех народах, нам известных, никогда не бывало другого образа правления, кроме деспотического, или, лучше сказать, что различие образов правления деспотического и республиканского состоит только в словах. Я доказываю сие следующим образом.

Истории всех республик в самых блистательных эпохах их свободы представляют нам людей великих, силою красноречия, ума, храбрости или богатства обладавших народными умами. Люди сии управляли кормилом обществ точно с таким же самовластием, как и самые самовластные деспоты, ввергали их по видам своего любочестия в войны, воздвигали междоусобные мятежи, расточали народные сокровища, налагали тяжкие подати, притесняли слабых, имели толпы рабов, ласкателей и пышные дворы, делали все, что делают деспоты, начинали только власть свою другими средствами.

Если бы история и не представляла нам сих явлений, то по первому воззрению разума изъяснить себе можно, что в толпе людей управляющих, под каким бы названием ни была она составлена, на всякую данную минуту во всяком важном деле есть и должен быть один голос, один интерес, один человек, который всех других перевешивает. Сей человек, сей голос есть совершенный деспот на ту минуту и в том деле. Итак, различие между им и деспотом состоит не в существе, но в продолжении времени. Республиканец есть деспот, коего царство часто кончится прежде натуральной его смерти. Он не есть деспот по жизнь свою, но для общества весьма мало разности быть управляемым через тридцать лет одним деспотом или десятью, когда, впрочем, начала их одинаковы и только физиогномия их переменяется.

Сего не довольно; деспот, самый неограниченный, находит себя точно в тех же пределах, в каких поставлен человек, управляющий республикою. Его Сенат есть его сын, любовница, наперсник, толпа рабов и ласкателей. Но сверх сих людей в Сенате сем есть лицо, всегда и всем деспотам ужасное, всегда и во всех народах власть их ограничивающее. Сие лицо есть фантом заговора, непрестанно грозящий ему насильственной смертью, если душа его низка, или страшное чело истории, если он имеет искру славолюбия.

1804 г.

ОБ УСОВЕРШЕНИИ ОБЩЕГО НАРОДНОГО ВОСПИТАНИЯ

I. ПРИЧИНЫ НАСТОЯЩИХ НЕУДОБСТВ

Главные средства, которыми правительство может действовать на воспитание народное, состоят:

1) В доставлении способов к просвещению. Сюда принадлежит устройство училищ, библиотек и тому подобных публичных заведений.

2) В побуждениях и некоторой моральной необходимости общего образования.

В России первое из сих средств давно уже было принято и, переходя разные постепенности, в настоящее царствование нарочито усилено. Можно с достоверностию сказать, что никакое правительство не употребляло в сей части ни более щедрости, ни усилий.

Но второе средство доселе не было еще довольно употребляемо. Доселе правительство ограничивало себя частными поощрениями, отличиями, напоминаниями. Но учение никогда еще не было у нас поставляемо условием необходимым и обязанностью неперемennого для вступления в службу и занятия гражданских мест.

Между тем известно, что условие сие в других государствах существует. Не говоря уже о Франции, ни в Австрии, ни в Англии, ни в немецких землях никто не может быть ни судьей, ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест.

И в России условие сие предварительно уже принято; в правилах народного просвещения (статья 24) постановлено: «чтоб ни в какие губернии спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит на основании общих

правил училищной части, не определять к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном училище».

Положенные сим правилом лета истекают, но каким образом привести меру сию в действие, когда во всех университетах и гимназиях количество учащихся столь малочисленно?

Нужно, прежде всего, рассмотреть причины сей малочисленности.

Из опытов известно, что у нас существуют три рода гражданского учения: 1) учение домашнее, 2) учение в частных пансионах, 3) учение в казенных училищах.

Учение домашнее обыкновенно употребляется в домах дворян богатых, имеющих способы нанять учителей и гувернера. Учение в пансионах есть удел дворян средних. Учение в училищах большею частию оставляется людям бедным свободных состояний.

Первый способ учения очевидно для государства неудобен 1) потому, что для великого числа людей нельзя найти довольно хороших учителей. Отсюда все те странности и укоризны, коим выбор иностранных учителей издавна и не без основания у нас толико оглашен; 2) способ сей неудобен и потому, что он не оставляет правительству средств наблюдать за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил.

Второй способ (учение в частных пансионах) в меньшей степени, но те же представляет неудобства. Третий всех был предпочтительнее. Но все три вместе имеют то главное неудобство, что в них ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считают воспитание конченным, как скоро приобретено некоторое познание в иностранных языках, в арифметике и тому подобных стихийных науках, т. е. считают его поконченным там именно, где оно действительно начинается.

Нужно рассмотреть причины сего странного расчета, чтобы обнаружить самой корень зла.

Все успехи гражданской службы измеряются у нас чинами, ибо с чинами сопрягаются не мнимые только отличия, но и места и все выгоды. Чины же даются большею частию по летам службы. Отсюда сие всеобщее странное, но весьма естественное влечение к чинам и отсюда раннее вступление

в службу,* и следовательно, совершенная преграда всякому учению основательному, требующему времени и некоторой в уме зрелости.

Отсюда предпочтение пенсионеров частных и домашнего воспитания, в коих все науки пробегаются слегка и поверхностно, и отчуждение от училищ государственных, коих ход основан не на блеске, но на методах правильных.

По сему если бы чинов гражданских не было, а места занимались бы по успехам просвещения, или по крайней мере если бы чины раздаваемы были в точной соразмерности с науками, то каждый по необходимости принужден был бы учиться, чтоб достигнуть или мест, или отличий.

Итак, в чинах и неудобном их распределении состоит первое и главное начало настоящего заблуждения.

II. СПОСОБ

Из предыдущего явствует, что в лучшем распорядке гражданских чинов должно искать той моральной необходимости, коею правительство может действовать на успех воспитания.

Два средства здесь представиться могут: один, можно сказать, коренной, а другой — приговорительный.

ПЕРВОЕ СРЕДСТВО

Чины гражданские введены в России в те времена, когда в грубых нравах века не было другого способа дать людям, занимающим гражданские должности, некоторое уважение и отличие от черни, как сравнив их места с чинами военными; отсюда произошла пресловутая *табель о рангах*.

* Отсюда сей общий и ясный расчет отца, желающего пристроить обыкновенным порядком судьбу детей своих. Он состоит в следующем: порядочное гражданское воспитание не может совершаться, как по крайней мере в 21-й год возраста. Студент, окончивший в сие время учение, получает по закону чин коллежского регистратора, между тем как другой, вступивший в службу прежде окончания наук или и совсем без учения, в то же самое время выходит уже по летам службы в титулярные советники. Здесь начинается разность, весьма уже приметная: между тем как ученый достигает чина коллежского асессора, неученый с некоторым навыком и с небольшим покровительством выйдет уже в статские советники; следовательно, лучше кажется отцу скорее ввести детей в службу, нежели продолжать их науки.

Чины гражданские в начале своем имели постоянное знаменование. Коллежский советник был действительно советником Коллегии, но впоследствии мало-помалу знаменование сие переменялось, чины умножились без меры, отделились от мест, и остались даже такие чины, коих и должности соответствующие в Империи уже не существуют.

Две причины содействовали сему размножению чинов: 1) правительство находило в них мелкий и неубыточный способ поощрять и награждать исполнителей; 2) чины представляют удобный способ перехода из других состояний в дворянское и, следовательно, по-видимому, поправляют неравновесие.

Первая причина не может быть уважительна. Давая чин, правительство дает не мнимое только и сравнительное титуло, оно дает право на место чину, сему соответствующее, но к коему чиновник сей никогда не готовится, и следовательно, готовит себе неспособного исполнителя.* Оно дает ему право и на следующие чины, коих он одними летами службы, без сомнения, достигнет, и следовательно, давая чин, например, коллежского асессора чиновнику в полицейском деле расторопному, оно вместе с тем законом ручается ему и в чине тайного советника, к коему он и природою и воспитанием не призван. Оно дает ему еще более, давая право покупать деревни и владеть людьми в крепость. Итак, награда чинами, по первому взгляду так легкая и почти мнимая, в самом деле есть монета самая неудобная и для государства обременительная.

Вторая причина более имеет основательности. В самом деле, посредством чинов отворяется всем свободным состояниям переход в дворянство; отсюда соревнование, поощрение дарованиям и проч. Но все сии выгоды были бы тогда только уважительны, когда бы дворянство наше не было бы основано на крепостном владении людей; в настоящем же положении, приобщая новых чиновников к сему сословию, правительство не умножает ли массу, народ тяготящую, и, желая постановить равновесие с одной стороны, не разрушает ли его с другой? Не доказывают ли, впрочем, примеры, что новые дворяне, чинами происшедшие, бывают горше и алчнее старых?

Итак, ни в виде легких наград, ни в виде перехода к равновесию чины не могут быть признаны установлением для государства ни нужным, ни полезным.

* Сие неудобство особенно в высших чинах ощутительно.

Но вредных их последствий исчислить трудно. Они делят народ на два несоразмерных класса, на дворянство и чернь; не оставляют почти места среднему столь полезному состоянию; ввергают в презрение все, что ими не украшено, дают ложную цену местам и достоинствам, смешивают и ставят наравне людей просвещенных с невеждами, наполняют должности чиновниками неспособными и даже из писцов, науками не приуготовленных; одним порядком службы приводят людей к высшим званиям государственным; искательствами и множеством мелких злоупотреблений они развращают дух народный и, что всего горше, заражают самые источники народного воспитания.

Из сего видно, что средство самое коренное к успехам народного образования было бы уничтожение на будущее время всех чинов титулярных, или, лучше сказать, обращение их к тому первоначальному правилу, чтоб чины не что иное были, как означение мест, действительно занимаемых.

Но предположение сие требует мер предварительных. Оно должно быт соображено с теми основаниями, на коих права дворянства должны быть постановлены. Ввести его ныне без общего плана было бы неудобно.

Но ныне же можно ввести некоторые правила, к нему принадлежащие и успехам общего образования способствующие.

ВТОРОЕ СРЕДСТВО

Сии приготовительные правила могут состоять в следующем:

I. Чин коллежского асессора, яко первый чин, дающий право на потомственное дворянство, открыть для тех только, кои будут обучаться или будут испытаны в университетах. Сие представит первую необходимость публичного воспитания.

II. Для канцелярских чинов довольно оставить первые три офицерских чина, кои со временем при общем плане могут быть преобразованы в одно личное дворянство с правом владеть землею в крепость, а людей селить по условиям.

III. Последующие восьмиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить, сколь можно, для тех, кои предъявят свидетельства в их учении. Второе побуждение к наукам.

IV. Чин статского советника, яко к государственной уже службе принадлежащий, сколь можно более уважить и открыть его единственно для людей, в учении испытанных и в службе довольно уже упражнявшихся. Сие составит третье побуждение к учению и, сверх того, преградит вход в государственную службу лицам, кои ввергают ее в некоторое неуважение.

На сем основании составлен прилагаемый при сем проект указа.

1808 г.

ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ*

(план всеобщего государственного образования)

Введение сие содержит в себе два отделения. *В первом* излагается план и распределение предметов, входящих в состав Государственного Уложения; *во втором* представляются начала и разум, в коем оно составлено.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ПЛАНЕ УЛОЖЕНИЯ

Чтобы определить план Государственного Уложения, надлежит прежде всего составить истинное понятие вообще о законах государственных.

I. О СВОЙСТВЕ ЗАКОНОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ

Общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ.

В великой сложности сих отношений и законов, от них возникающих, необходимо нужно постановить главные их разделения.

* Текст «Введения» впервые напечатан по подлинному черновику в т. X (с. 1—62) «Исторического обозрения» (1899 г.). В книге Н. И. Тургенева³² «La Russie et la Russes» проект Сперанского изложен в другой позднейшей редакции. Тургеневу следовал Пыпин в своей книге «Общественное движение в России при Александре I». В известной работе Шильдера³³ проект изложен с пропусками по неточной копии настоящего «Введения» (*Примеч. изд. 1905 г.*).

Началом сих разделений приемлются самые предметы законов: отношения людей, в обществе живущих.

Отношения сии двояки: каждое лицо имеет отношения ко всему государству и все лица в особенности имеют отношения между собою.

Отсюда возникают два главных разделения законов:

Законы государственные определяют отношения частных лиц к государству.

Законы гражданские учреждают отношения лиц между ними.*

Законы государственные суть двух родов: одни суть преходящие, другие коренные и неподвижные.³⁴

Законы преходящие суть те, коими определяется отношение одного или многих лиц к государству в одном каком-либо случае. Таковы суть: законы публичной экономики, законы мира и войны, уставы полиции и проч. Они по существу своему должны изменяться по изменению обстоятельств.

Законы коренные, напротив, состоят в началах неподвижных и неизменяемых, с коими все другие законы должны быть соображаемы.

Нужно рассмотреть их свойство и степень необходимости.

II. О СВОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРЕННЫХ ЗАКОНОВ

Законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных.

Но польза и безопасность суть понятия неопределенные, подверженные разным изменениям.

Если бы законы изменялись по различному образу сих понятий, они вскоре пришли бы в смешение и могли бы соделаться даже противны тому концу, для коего они существуют.

Посему во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы.

* Так, например, закон, налагающий подать или личную службу, есть закон государственный, ибо он определяет отношения частного лица к государству, но закон о разделе имущества между наследниками есть закон гражданский, ибо он устанавливает отношения между частными людьми.

Сии положительные начала суть коренные государственные законы.

Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная.

Начало и источник сих сил в народе, ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении к общежитию.

Но силы сии в рассеянии их суть силы мертвые. Они не производят ни закона, ни прав, ни обязанностей.*

Чтобы сделать их действующими, надлежало их соединить и привести в равновесие.

Соединенное действие сих сил составляет державную власть.

Сопряжения их в державной власти могут быть многоразличны.

Из сих многоразличных сопряжений коренные законы определяют один постоянный и непременный.

Итак, предмет и свойство государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственных сопрягаются и действуют в их соединении.

III. ПРЕДМЕТЫ КОРЕННЫХ ЗАКОНОВ

Определив, таким образом, общее свойство коренных законов, нетрудно будет в особенности означить все их предметы.

В самом деле, силы государственные, составляющие общий предмет коренных законов, могут быть рассматриваемы в двух положениях: или в состоянии их соединения, или в состоянии их личного разделения.**

В состоянии их соединения они производят державную власть и политические права ее.

От державной власти возникает закон и его исполнение.

В состоянии раздельном силы государственные рождают права подданных.³⁵

* Таково есть состояние сих сил в естественном положении человека или в анархии.

** Прежде нежели существовала державная власть, лица, ею обладаемые, существовали. Каждый имел свою волю, свой закон и свое исполнение. Сии личные силы были первыми стихиями, из соединения коих впоследствии составила державная власть; таким образом, в силах государственных должно различать две степени бытия, или два состояния: *первое* — состояние рассеянности, *второе* — состояние соединения.

Если бы права державной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое.

Рабство сие может быть двояко: политическое, вместе и гражданское, или одно только политическое.

Первого рода рабство бывает, когда подданные не только не имеют никакого участия в силах государственных, но и, сверх того, не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими.

Рабство второго рода бывает, когда подданные, не участвуя в силах государственных, имеют, однако же, свободу в лице их и собственности.^{*36}

Из сего видно, что при державной власти силы государственные, остающиеся в расположении подданных, суть двояки: одними пользуются они в их соединении, другими — каждый особенно. От первых рождаются *права подданных политические*, определяющие степень их участия в силах государственных. От вторых происходят *права гражданские*, определяющие степень их свободы в лице и имуществе.

Хотя права гражданские и могут существовать без прав политических, но бытие их в сем положении не может быть твердо.

В самом деле, права гражданские в существе своем не что другое суть, как те же права политические, но действующие разделенно и лично для каждого. Сие разделенное их действие не могло бы иметь никакой твердости, если бы не предполагало оно другого их действия — соединенного.**

Из сего следует, что истинные права гражданские должны быть основаны на правах политических, точно так же, как и закон гражданский вообще не может быть тверд без закона политического.

Здесь открывается причина и образ, в коем права гражданские могут иметь место в коренном законе государственном. Они должны быть в нем означены в виде первоначальных гражданских последствий, возникающих из прав политиче-

* Крепостные люди в России находятся в первом положении, а все государство — во втором. В Турции рабство есть второго рода, ибо там нет крепостных людей.

** Пример: контракт на куплю и продажу есть право гражданское. Но какую достоверность имело бы сие право, если бы закон политический не определил вообще, что *всякая собственность есть неприкосновенна*, и если бы не было власти исполнительной, приводящей сии законы в действие?

ских. Дальнейшие же их сопряжения должны быть предоставлены постановлениям закона гражданского.*

Из сего происходят три главных предмета, входящих в состав коренных законов:

I. Права державной власти.

II. Закон, возникающий из прав державной власти.

III. Права подданных.

К каждому из сих главных предметов принадлежат свои разделения. Нужно определить их с точностию.

И, во-первых, права державной власти не иначе могут быть приводимы в действие, как приложением их к одному лицу или ко многим. В монархическом правлении они прилагаются к единому. Отсюда необходимость определить лицо, власть державную представляющее, порядок сего представления и ближайшие его последствия.

Таким образом, состав первого отделения коренных законов должен заключать в себе следующие предметы.

1. О ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

I. О правах державной власти в трех отношениях:

1) в силе законодательной;

2) в силе исполнительной;

3) в силе судной.

II. О лице, представляющем державную власть, или императоре, и правах его в силах государственных.

III. Порядок представления:

1) наследство престола;

2) образы восприятия державной власти;

3) состав Императорской фамилии;

4) часть экономическая.

Первое действие державной власти есть закон и его исполнение.

И поелику в правах державной власти означено, что закон не иначе составляется и исполняется, как установленным порядком, то в сем отделении и должно означить образ составления закона и его исполнения.

Таким образом, предметы сего отделения расположатся в следующем виде.

* Так, например, в законе государственном определяется, что каждый может располагать своею собственностью по произволу. На сем основании закон гражданский распределяет, каким образом собственность должна переходить из одного владения в другое по общему согласию.

2. О ЗАКОНЕ

I. Определение отличительных свойств закона.

II. Составление закона:

- 1) предложение;
- 2) рассмотрение;
- 3) утверждение.

III. Исполнение закона:

- 1) уставы и учреждения;
- 2) обнародование;
- 3) действие обнародования;
- 4) пределы действия закона — давность и отмена.

Определив сим образом державную власть и главные ее действия, постановятся все существенные начала, по коим государственные силы действуют в их соединении. Остается после сего определить действие сих сил в раздельном их состоянии, и сие есть общий предмет третьего отделения.

Выше было примечено, что раздельное действие сил государственных составляет права подданных. Права сии принадлежат или каждому лицу особенно, или многим в соединении. Первые суть гражданские, вторые — политические. В коренных законах определяются одни только главные права гражданских основания.

Но в определении тех и других прав прежде всего надо определить: 1) в чем точно состоит понятие подданного и 2) всем ли подданным равно должны принадлежать права сии?

Первый из сих вопросов ведет к началам, определяющим свойство подданных, отличающее его от иностранца.

Второй — к разделению состояний.

Таким образом, предметы третьего отделения представляются в следующем виде.

3. О ПРАВАХ ПОДДАННЫХ

I. Определение отличительных свойств российского подданного.

II. Разделение состояний.

III. Основания прав гражданских, всем подданным общих.

IV. Права политические, присвояемые разным состояниям:

- 1) в составлении закона;
- 2) в исполнении его.

В сих трех отделениях должны содержаться все существенные части государственного устройства. Началами, в них постановленными, силы государственные во всех отношениях должны быть измерены, между собою уравновешены и составлены.

Но в сем составе действовать они еще не могут: им должно иметь органы действия, потребны установления, кои бы приводили их в действительное упражнение.

Сие ведет к четвертому отделению коренных законов, к законам органическим.

От троякого свойства сил государственных возникает троякий порядок их действия и, следовательно, три главных установления: законодательное, судное и исполнительное.

Все сии установления соединяются в державной власти, яко в первом и верховном их начале.³⁷

Но каким образом власть державная должна действовать на сие установление?

По разнообразию их, пространству и многосложности их предметов нельзя предполагать, чтобы лицо державное, само собою и непосредственно на них действуя, могло сохранить с точностию их пределы и во всех случаях сообразить все различные их отношения. Посему надлежит быть особенному месту, где бы начальные их правила и действия были единообразно соображаемы.

Отсюда происходит необходимость четвертого установления, в коем бы три предыдущих во всех их отношениях к державной власти сливались воедино и в сем единстве восходили бы к верховному ее утверждению.

Посему четвертое отделение будет иметь следующий вид.

4. ЗАКОНЫ ОРГАНИЧЕСКИЕ

I. Устройство порядка законодательного.

Сюда принадлежит устройство первоначальных, средних и высшего законодательного сословия, образ их действия, их образы и проч.

II. Устройство порядка судного.

Сюда принадлежит устройство верховного суда и постепенностей, от него зависящих.

III. Устройство управления, или исполнения.

Сюда принадлежит устройство Министерств и назначение мест, от них зависящих.

IV. Устройство сословия, в коем все сии распорядки должны соединиться и через которое власть державная будет на них действовать и принимать их действие.

В сем состоят все главные предметы, существенно входящие в состав коренных государственных законов.

Сравнивая сие распределение со всеми известными конституциями, нельзя не приметить, что все его части столь естественно связаны между собою, что ни одной из них нельзя исторгнуть из своего места, не разрушив целого, и что все они держатся на одном начале.

Преимущество сие весьма легко изъясняется. Конституции во всех почти государствах устроены были в разные времена, отрывками и по большей части среди жестоких политических превращений.

Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы.³⁸

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О РАЗУМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЛОЖЕНИЯ

Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коей стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предвывает сею степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои в древние времена и во дни наши прелагали и изменяли порядок правлений.

Сим изъясняются также и те неудачи, коими нередко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не приуготовило еще к ним разум.*

* Таков был общий разум всех почти политических превращений, коих целью была перемена образа правления. Примеры первого рода представляют Древний Рим, Англия и в последние времена Франция. Примеры второго рода

Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений.* Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может.

Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний.

История государственных перемен и настоящее положение нашего отечества представляют к разрешению сего вопроса следующие истины.

Три великие системы издревле разделяли политический мир: система республик, система феодальная и система деспотическая.

Первая под разными именованиями и формами имела то отличительное свойство, что власть державная умерялась в ней законом, в составе коего граждане более или менее участвовали.

Вторая основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не законом, но вещественным или, так сказать, материальным ее разделением.

Третья ни меры, ни границ не допускала.

Примеры первой системы мы видели в республиках греческих и особенно в римской. Вторая система основалась на севере и оттуда распространилась по всей Европе. Третья утвердила свое владычество на востоке.

Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системою феодальною. По мере как государства просвещались, первая приходила в силу, а вторая — в изнеможение.

Одно важное обстоятельство на западе Европы ускорило особенно ее перевес. Крестовые походы, устремив все виды частных владельцев на восточные завоевания, представили власти самодержавной случай и возможность исторгнуть уделы власти из прежнего их обладания и соединить их в один состав.

Установление регулярных войск и первое образование порядка в государственных сборах довершили впоследствии сие соединение.

можно видеть в тщетных усилиях Иосифа II, в замыслах политических систем, бывших в России во времена императрицы Анны и особенно императрицы Екатерины II.

* «Le plus grand novateur est le temps». Bacon [«Величайшим новатором является время». Бэкон]

Таким образом на развалинах первой феодальной системы образовалась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием; в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания.

И на сих-то основаниях время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же — достижение политической свободы.

Таким образом приуготовился третий переход от феодального правления к республиканскому, основался третий период политического состояния государств.

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция.

Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнения, но не остановило перелома. Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа.*

Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества.

Удельные владения князей образуют у нас первую эпоху феодального правления и, что весьма замечательно, переход от сей первой эпохи во вторую, т. е. к самодержавию, точно подобные имел причины. Вместо крестовых походов были у нас походы татарские, и хотя предмет их был неодинаков, но последствия равные. Ослабление удельных князей и победы

* Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях; чтобы страсти двигались и переменялись, а предметы их, желания свободы, оставались бы в одном положении; чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободою. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться.

царя Ивана Васильевича, действуя соединенно с духом сего сильного государя, испровергли удельный образ правления и утвердили самодержавие.

С того времени до дней наших напряжение общественного разума к свободе политической всегда более или менее было приметно; оно обнаруживалось разными явлениями. Следующие можно особенно здесь заметить.

Еще при царе Алексее Михайловиче почувствована была необходимость ограничить самодержавие, и если по разуму того века нельзя было основать для сего прочного установления, по крайней мере внешние формы правления представляли первоначальное тому очертание. Во всех важных мерах признаваемо было необходимым призывать на совет просвещеннейшую по тогдашнему времени часть народа, бояр, и освящать меры сии согласием патриарха; приметить здесь должно, что советы сии не были делом кабинета, но установлением публичным и в самых актах означаемым.*

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы, но от отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил.**

Вскоре начала, им положенные, столько усилились, что при восшествии императрицы Анны на престол Сенат мог и дерзнул пожелать политического существования и поставил себя между народом и престолом.

Здесь можно видеть первое доказательство, сколь усилия сии были преждевременны и сколь тщетно предварят обыкновенный ток вещей; одно дворское, так сказать, движение испровергло все сии замыслы.

Век императрицы Елисаветы тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем, однако же, семена свободы, в промышленности и торговле сокровенные, возрастали беспрепятственно.

Настало царствование Екатерины II. Все то, что в других государствах введено было для образования генеральных шта-

* С благословением патриаршим государь повелел и бояре приговорили — так надписываются важнейшие акты того времени.

** По разуму того времени не было еще точного понятия о политической свободе. Сие доказывается учреждением Петра Великого (1714 г.) о праве первородства. Сие установление, совершенно феодальное, могло бы уклонить Россию на несколько веков от настоящего ее пути.

тов, все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы, наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для открытия последней революции, — все почти было ею допущено при образовании Комиссии законов.³⁹ Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия, — словом, все было устроено, чтобы дать ему, и в лице его России, бытие политическое; но все сие столь было тщетно, столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятий и блеск деяний последующих едва могли только сохранить сие установление от всеобщего почти осуждения. Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания и обозреть все его пространство.

Таким образом, громада сия, усилием одного духа, без содействия времени составленная, от собственной своей тяжести пала, оставив по себе одну долголетнюю и горестную укоризну всем подобным сему предприятиям.

С сего времени мысли сей государыни, как можно заключать из всех ее установлений, совершенно изменились. Неудачный сей опыт охладил и, так сказать, привел в робость все ее помышления о внутренних политических преобразованиях. Среди войны и непрестанных внешних развлечений она ограничивалась одними первоначальными чертами управления, а в государственных законах грамоты дворянству и городам остались как опыты великого здания.⁴⁰

При покойном государе императоре изданы: важный в государственных постановлениях акт наследия престола, фамильное учреждение и, сверх того, постановление о разделе поселянских работ с ограничением их тремя днями, постановление весьма примечательное, потому что оно со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое.⁴¹

В настоящем царствовании из разных установлений следующие должны отнести к государственным:

- 1) Открытие всем свободным состояниям права собственности на землю.
- 2) Учреждение состояния свободных земледельцев.

3) Устройство Министерств с ответственностию.

4) Лифляндское положение, яко пример и опыт ограничения повинностей крестьянских.

К сим главным учреждениям должно присоединить некоторые правила не менее действительные, хотя и не составляют они особенных актов. Таковы суть:

1) Правила, принятые к умерению налогов по частным жалобам.

2) Правила, принятые о неотдаче казенных людей в крепость.

В сем состоят все покушения, какие правительство само собою доселе делало к политическому государства освобождению.

Два последствия из них извлечь можно:

1) Что начинания, при императрице Анне и Екатерине II сделанные, очевидно были преждевременны и потому никакого не имели успеха.

2) Что в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, т. е. в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе.*

Но на сем обширном поприще каким образом определить истинную точку расстояния и какими признаками можно в ней удостовериться?

Удостоверение сие весьма важно, и оно одно может разрешить вопрос, выше предложенный, о времени политических преобразований.

Следующие признаки кажутся достоверны:

I. *Перемена в предметах народного уважения.* Не разумом, но силою воображения действует и владычествует ими правительство на страсти народные. Для сего установлены между прочим чины и почести. Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает. Чины и почести в

* Направление сие у нас действительно прямее, нежели было оно в других государствах. Причины сему суть следующие:

1) В самом начале испровергнуто у нас важное при сем пути затруднение — право первородства; установленное сие во всех прочих государствах, тот же путь совершивших, было великим камнем претыкания.

2) Опыты превращений, вокруг нас бывших, имели, без сомнения, сильное влияние на мысли большей части людей, ими занимающихся.

3) В общем счете времени успехи в России идут несравненно быстрее, нежели шли они в те же эпохи в других государствах.⁴²

сем положении могут быть еще лестны, но в одном только том отношении, что они служат знаками доверия или милости; внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ, мало-помалу изглаживается и пропадает.

Не должно думать, чтобы явление сие зависело у нас от одного образа мыслей государя или от стечения случайных обстоятельств: оно точно таково было и во всех других государствах в той эпохе, когда феодальная система приближалась к своему падению.* Основание сему очевидно; когда разум начинает распознавать цели свободы, он отмечает с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими забавлялся он в своем младенчестве.** 43

II. *Ослабление власти.* Различить должно два рода власти: одну физическую, другую моральную.

Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано? Дух партий и злонамеренность, без сомнения, имеют в сем участие; но дух партий не имел бы столько силы, если бы общий разум не расположен был к его впечатлениям. С гордостью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия. Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров. Сравнивая одни пороки с другими, перевес, без сомнения, будет на времена протекших. Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления.

III. *Невозможность частных исправлений.* Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? Жалуются

* Перед революцией французские вельможи сами смеялись и над чинами, и над лентами. В настоящем смысле или тоне того времени было казаться простым гражданином.

** В некоторых классах чины у нас еще уважаются, но не по внутреннему их свойству, а единственно по праву владения крестьян, с ними сопряженному, или в виде достижения важных государственных должностей.

на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего?* Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит народу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения.

IV. Наконец, сие всеобщее неудовольствие, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка. Войны и политические происшествия, без сомнения, занимают тут свое место. Но были и тягости, были войны, и дух народный не был, однако же, подавлен ими до такой степени, как ныне. Неужели дороговизне сахару и кофе можно в самом деле приписать начало сих неудовольствий? Уменьшилась ли от них роскошь? Обеднел ли в самом деле народ? Где те жестокие несчастья, кои его на самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойствие иначе, как совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка.

Таковы суть главные признаки, по коим можно определить место, которое Россия ныне занимает на лестнице гражданского образования. По сим признакам можно, кажется, с достоверностию заключить, что настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок.**

Но, приступая к сей важной перемене, должно со всею зрелостью размыслить и определить разум сего преобразования как вообще, так и особенно в частях его.

* В настоящем положении нельзя даже с успехом положить какой-нибудь налог, к исправлению финансов необходимо нужный, ибо всякая тягость народная приписывается единственно самовластию. Одно лицо государя отвечает народу за все постановления, совет же и министры всегда, во всякой мере тягостной, могут отречься от участия там, где нет публичных установлений.⁴⁴

** Все исправления частные, все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сии введения, быв основаны единственно на личных качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут.

І. ОБ ОБЩЕМ РАЗУМЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе.

Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его.

Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении.

Из троякого порядка государственных сил возникает троякий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое — в исполнении, третье — в части судной. Разум всех сих установлений может быть различен.⁴⁵

Первое и главное различие происходит от самой силы установлений и внешних их форм. Два различных устройства с первого воззрения здесь представляются.

Первое состоит в том, чтобы облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия.

Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом.

В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из сих двух устройств. Избрание сие определяет истинный его разум.

Если будет избрано первое устройство, тогда все установления так должны быть соображены, чтобы они в мнении народном казались действующими, но никогда не действовали бы на самом деле.

Главные черты сего устройства состоять могут в следующем:

1) Установить сословие, которое бы представляло силу законодательную, свободную, но на самом деле было бы под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной.

2) Силу исполнительную так учредить, чтобы она по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима.

3) Власти судной дать все преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы

она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной.*

Если, напротив, предпочтено будет второе устройство, тогда все сии установления расположены быть должны на следующих правилах:

1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное.

2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству.

3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно поставить ее в ответственности власти законодательной.

Таков есть общий разум двух систем, коим можно следовать в составлении коренных законов.

Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая — самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить. Первая издали готовит сама себе прекращение, а другая, при благоприятных обстоятельствах, может утвердиться, долгое время без важных перемен постепенно следовать за гражданским усовершенением; первая может быть оправдана в народе своевольном, непостоянном, преклонном ко всем новым умствованиям и особливо тогда, как народ сей выходит из анархии с превратными привычками, но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно обольстить, но легко убедить простою истиною, — словом, она может быть более свойственна такому народу, коего нет нужды прельщать и обманывать по добронравию его и некоторой лени, всем народам северным природной.

* На сих трех главных правилах основано настоящее политическое устройство Франции.

Определив сим образом общий разум коренных законов, свойственных настоящему положению России, нужно приложить его к разным частям, Государственное Уложение составляющим.

II. О РАЗУМЕ ЗАКОНОВ В ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

В разуме законов, державную власть определяющих, должно изобразить, какое действие власть сия должна иметь в порядке законодательном, в судном и исполнительном.

1. О ДЕЙСТВИИ ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ПОРЯДКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ

Порядок законодательный слагается из трех начал: из предложения закона, уважения его и утверждения.

Предположив по общему разуму коренных законов бытие законодательного сословия, в действии верховной власти должно определить, какие из сих трех начал принадлежат ей исключительно.

Политические системы других народов определяют сие разнообразно.

В одних, как-то в Англии, предложение закона принадлежит как законодательному сословию, так и власти державной.

В других, как-то во Франции, предложение закона принадлежит одной власти, державной исключительно.

Уважение закона во всех системах принадлежит законодательному сословию, и правительство участвует в нем единственно голосами своих министров или изъяснениями ораторов.

Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии, сверх того, может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был уважен.

Из сих различных постановлений какое может быть наиболее свойственно России?

а) В предложении закона

Нет, кажется, сомнения, что предложение закона должно предоставить исключительно правительству. Пространство Империи, разнообразие населения и степень нашего просве-

щения требуют, чтобы правительство имело всю возможную силу действовать во благо, и сила сия в одном только злоупотреблении ее должна быть умеряема.

Если источник закона поставить в некоторых случаях вне пределов державной власти, тогда может произойти безмерное в видах разнообразие и несвязность; тогда часто в законодательном сословии будет теряться время в предложениях неместных или неблагоприятных; тогда для самого порядка сих предложений должно будет учредить в законодательном сословии множество форм и образов, коих охранение может, особенно у нас, произвести великую сложность и затруднение; тогда правительство может быть поставлено в неприятное положение отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, которые будут законодательным сословием приняты.*

По сим причинам нет, кажется, сомнения предложение закона исключительно присвоить державной власти. Быв окружен во всех своих важных деяниях Государственным Советом, коего бытие устанавливается не произволом ее, но коренным государственным законом, нет сомнения, что власть державная всегда будет более иметь способов предлагать законы со зрелостию, нежели каждый член законодательного сословия. И, впрочем, какая польза для нее отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии.

Есть, однако же, исключение, которое необходимо должно допустить в сем правиле.

1) Когда какую-нибудь мерою правительства делано будет нарушение коренному государственному закону, как-то личной или политической свободе.**

2) Когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов.

В сих только двух случаях законодательное сословие может собственным своим движением, предварив, однако же, пра-

* Известно, что в английской конституции хотели избежать сей несообразности введением отказа, сокрытого под предлогом: *le roi s'avisera* [король рассудит (*фр.*)]. Уклонение, несовместное ни с достоинством, ни с правотою державной власти.

** Во Франции право сие дано сенату, в Англии — нижнему парламенту. Сверх сего, во Франции на словах существуют при законодательном корпусе, вместо трибуната, две комиссии: одна для охранения личной свободы, другая для свободы книгопечатания.

вительство, предложить дело на уважение и возбудить узаконенным порядком следствие против того министра, который подписал сию меру, и просить вместе с тем ее отмены.

б) В уважении закона

Хотя уважение закона собственно принадлежит законодательному сословию, нельзя, однако же, исключить из оного министров. Если подвержены они ответственности в мерах, ими приемлемых, то самая справедливость требует им позволить лично объяснять и поддерживать предложения правительства.*

2. О ДЕЙСТВИИ ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ПОРЯДКЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ

Существо части исполнительной требует по всей необходимости единства. Истина сия всеми единогласно признана. В самых республиках исполнение большею частию всегда вверяемо было одному лицу. Посему нет сомнения, что в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной.

Но выше было замечено, что образ исполнения может столько отступать от разума закона, что, если часть сия оставлена будет без всякой связи с порядком законодательным, она может самый закон соделать игрищем прихоти и произвола. Отсюда происходит необходимость ответственности, коей формы могут быть различны, но существо одинаково.

Существо ответственности состоит в следующих предположениях:

1) Предполагается, что власть державная, предлагающая и утверждающая закон, никогда не может действовать сама собою против его разума.

2) Предполагается также, что совет, яко сословие, содействовавшее предложению и утверждению закона, не может поступить против его разума. А посему:

3) Всякая мера, приемлемая в нарушение закона, вменяется не державной власти и не совету ее, но подчиненным ей

* В Англии министры имеют место и голос в нижнем парламенте. Во Франции хотя и не имеют они места в сословии законодательном, но имеют оное в сенате, а по устройству сего государства сенат есть первое политическое сословие, и самые важнейшие постановления в нем совершаются.

исполнителям или министрам, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за них ответу, и сие обязательство приемлют они на себя самым подписанием актов. Отсюда происходит:

4) Что подписание актов всегда предполагается совершенно свободным.

Внешние формы сей ответственности должны быть самые простейшие, и они будут, без сомнения, таковыми, когда постановится правилом, чтобы члены законодательного сословия имели право предъявлять обвинение их против министров, и когда предъявление их большинством голосов за благо будет признано, тогда приступали бы к предметам самого обвинения. Когда обвинение большинством голосов признано будет основательным и вместе с тем утверждено будет державною властью, тогда наряжается суд или следствие.

В сих пределах ответственности власть державная, действуя в исполнении закона, всегда будет освещаемая мнением народным и, следовательно, будет действовать с достоверностию и без всякого внимания к слухам посторонним.

3. О ДЕЙСТВИИ ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ПОРЯДКЕ СУДНОМ

Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная. Всякое дело, всякий спор, предмет суда составляющий, есть не что другое в существе своем, как жалоба на нарушение закона. Власть судная удостоверяется в сем нарушении и восстанавливает закон в его силу, т. е. приводит его в исполнение.

По сему понятию порядок судный, яко часть корпуса исполнительного, принадлежит по существу своему власти державной, и для сего-то везде и у всех народов суд ее именем производится.*

В порядке исполнительном предполагается ответственность; посему надлежало бы таковую же ответственность допустить и в порядке судном.

Но каким образом учредить сию ответственность во множестве и разнообразии частных споров? Для сего надлежало

* В Древнем Риме судья был один претор, окруженный юрисконсультами. В Англии и во Франции хотя суд производится и посредством избранных лиц, но всегда именем державной власти.

бы допустить по каждому делу жалобы частных людей в законодательное сословие и по каждому делу ответственность и объяснение министра юстиции.

Очевидное неудобство сего предположения заставило искать других способов учредить судную ответственность. Положено, чтобы судьи избираемы были самими теми лицами, для коих суд устанавливается. Таким образом, власть судная по существу своему осталась в правах власти державной, но исполнение ее вверила она избранию тех самых лиц, кои могли бы на нее приносить жалобы. Сим учреждением сила ответственности слагается уже с власти исполнительной и переходит прямо на самих судей и первоначальных их вверителей.

Но ответственность в суде может быть двоякая: в существе дела и в судебных образах.

Власть державная, вверив лицам избранным суд в существе его, не могла, однако же, вверить им охранение образов. Образы судные составляют часть публичного права; они, по всей необходимости, требуют единообразия. Они столько суду существенны, что часто перемена или нарушение их изменяет самое существо дела. Каким образом можно предположить, чтобы тысяча избранных судей могла соблюсти их единообразие? Какое смешение могло бы произойти, если бы в одной провинции по одному и тому же делу понимали формы судные иначе, нежели в другой?

Отсюда необходимость, чтобы охранение судебных форм основано было на том же правиле единства, на коем вообще часть исполнительная должна быть поставлена.

По сему понятию о порядке судном, он слагается из двух установлений: первое из них, относящееся к существу дела, державная власть вверяет свободному выбору подданных и, слагая вследствие того ответственность сей части, передает ее, так сказать, тому же началу, от коего истекает и власть законодательная. Второе установление — надзор и охранение форм судебных — остается и с ответственностию, к тому принадлежащею, исключительно в порядке исполнительном.

Из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти надзирающей и охраняющей судные образы.

Определив сим образом права державной власти, Государственное Уложение приступает к определению первого и главного ее действия — к составлению закона.

III. О РАЗУМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЛОЖЕНИЯ В СОСТАВЛЕНИИ ЗАКОНА

Составление закона имеет три стихии: предложение его, уважение и утверждение.

Выше были означены причины и ограничения, по коим две из сих стихий закона, предложение и утверждение, вверяются исключительно державной власти.

Уважение закона принадлежит законодательному сословию.

В органических законах будет означен состав и движение сего сословия.

Здесь нужно только определить с точностию предмет его; определение сие весьма существенно: от него зависит сила самого установления.

Если понятие закона распространить на все постановления без изъятия, тогда все соделается предметом законодательного сословия, дела придут в совершенное смешение, и единство исполнения исчезнет.

Если, напротив, понятие закона так стеснить, чтобы оно относилось только к одним самым общим положениям, тогда власть исполнительная не будет иметь своих пределов, и под видом исполнения самый закон разорится.*

Нужно найти в сем истинную средину, определить характер, коим закон отличается от мер исполнения и разных учреждений.

Все постановления, коими государство управляется, составляют неразрывную связь последствий, из одного начала истекающих. Начало сие весьма просто: не делай другому того, чего не желаешь себе.** 46

* По личным причинам державной власти во Франции смешение понятия о законе, допущенное в конституции, есть главною причиною ее нестройности и должно соделаться со временем причиною ее перемены. В конституции сей допущено три рода законов: 1) *La loi* — составляется в законодательном сословии; 2) *Sénatus-consulte organique* — образуется в сенате и под видом дополнения может даже переменить конституцию; 3) *Sénatus-consulte* — может остановить действие закона. Таким образом, во Франции установлено два законодательных сословия; одно из них избирается народом, другое совершенно почти зависит от правительства. Державная власть почти по произволу может избирать тот из сих двух путей, который для видов ее может быть удобнее и послушнее, а как сенат более от нее зависит, то и предпочитает она, обыкновенно через его посредство, проводить все свои постановления. Сословие законодательное есть почти пустой образ.

** Бесчисленные последствия, из сего начала возникающие, все имеют одно общее свойство, в том состоящее, что все они ограничивают отдельную и естественную свободу человека и приводят ее в совместность со свободой других, и следовательно, все они могут быть признаваемы законом. Закон положительный не что другое есть, как ограничение естественной свободы человека.

Но не все сии последствия равно существенны для политической и гражданской свободы.

В отношении к свободе они могут быть разделены на два главных класса:

В первом должно положить те постановления, коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отношениях частных людей между собою.

Во *втором* те, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждают только образ исполнения первых.

Первым принадлежит в точном смысле толкование *закона*, вторым — *уставов* и *учреждений*.

Первые должны составлять предмет законодательного сословия, вторые же относятся к действию власти исполнительной.

Здесь представляется одно существенное примечание. Хотя уставы и учреждения не переменяют законов, тем не менее, определяя образ их исполнения, они могут столько их обессилить, что самое существо их останется ничтожным, хотя и сохраняются все внешние их формы.

Сие то уважение было началом установления ответственности.

Понеже закон не мог всего объять и учредить, и учреждения и уставы, быв оставлены одной власти исполнительной, могли самый закон испровергнуть, то и принято правилом, чтобы закон был исключительно предметом законодательного сословия, но учреждения и уставы стояли бы под его же ответственностью.

Таким образом, действие законодательного сословия разделилось на две части: одно прямое — составление закона; другое косвенное — взыскание ответа во всех уставах и учреждениях.

Прямое действие законодательного сословия не может быть уничтожено без уничтожения самого существа сословия; но косвенное всегда может быть обращено в прямое, если правительство того пожелает, ибо сим не уменьшается власть законодательного сословия, но возрастает.

Из сего следует:

1) Что никакой закон не может иметь силы, если не будет он составлен в законодательном сословии.

2) Что, напротив, учреждения и уставы состоят во власти правительства, но с ответственностью его в том, что не нарушают они закона.

3) Что ответственность сию может правительство сложить, внося уставы и учреждения в законодательное сословие.

По сему понятию о законе и учреждениях сила и именованіе закона присвоается следующим постановленіям:

- 1) Уложению Государственному и законам органическим, к нему принадлежащим.
- 2) Уложению Гражданскому.
- 3) Уложению Уголовному.
- 4) Уложению Коммерческому.
- 5) Уложению Сельскому.
- 6) Всем общим дополнениям и изъяснениям предметов, в Уложения сии входящих.

Сверх сего вносятся в законодательное сословіе и подчиняются порядку закона следующие уставы и учреждения:

- 7) Устав судебный.
- 8) Все уставы, определяющие положеніе какой-либо части в связи ее с другими.
- 9) Общие судебные и правительственные учреждения, как-то учреждения судебных и правительственных мест.
- 10) Все постановленія о налогах и общих народных повинностях, как временных, так и всегдашних.
- 11) Продажа и залог государственных имуществ и исключительных на них привилегій.
- 12) Вознагражденіе частных людей за имущества, для общей пользы необходимыя.

Исключая сих статей, все прочіе уставы и учреждения остаются на ответственности правительства и в его расположеніи.

Сюда принадлежат:

- 1) Постановленія о мире и войнѣ.
- 2) Все великіе меры, приемлемыя правительством к спасенію отечества среди каких-либо бедствій.
- 3) Все частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостоверяющіе, изъясняющіе и дополняющіе прежныя уставы и учрежденія и разрешающіе частныя в них сомненія и затрудненія.

Определив сим образом разум закона, уставов и учреждений и окончив сим дѣйствіе государственных сил в их соединеніи, Государственное Уложеніе приступает к означенію их дѣйствія в отдельном их состояніи, к начертанію прав подданных.

IV. О РАЗУМЕ ЗАКОНОВ В ПРАВАХ ПОДДАННЫХ

Здесь представляются два важных вопроса к разрешению: 1) должно ли в России допускать разделение состояний; 2) в чем должно состоять сие разделение.

1. ПРИЧИНЫ РАЗДЕЛЕНИЯ СОСТОЯНИЙ

Выше было примечено, что Россия стоит ныне во второй эпохе феодального состояния, — в эпохе, когда власть самодержавная, соединив в себе все силы государственные, обладает свободою подданных как политическою, так и гражданскою. Но обладание сие имеет у нас три степени.

Первая и самая высшая степень обладания падает на ту часть народа, которая не имеет ни политической, ни гражданской свободы. В сем положении находятся крестьяне помещичьи.

Вторая степень обладания простирается на тех подданных, кои имеют гражданскую свободу, но не имеют политической. В сем положении находятся у нас так называемые лица свободного состояния: купцы, мещане и государственные крестьяне.

Третья степень обладания относится к тем, кои хотя и не имеют прав политических, но, имея право гражданское, сверх того разделяют с державною властью право обладания в первой степени. В сем положении находится дворянство.

Таким образом, народ российский разделяется ныне на три класса.

Первый класс — дворянство — представляет остаток тех древних феодальных установлений, в коих державная власть, т. е. соединение прав политических и гражданских, разделялась между известными родами. Впоследствии времени политические права от них отторгнуты, но гражданские остались неприкосновенны, и роды сии наследственно делят их с державною властью.*

Второй класс — купечество, мещанство и прочее — основался переходом и постепенным освобождением из третьего.

Третий класс — крепостные люди — вначале имели некоторую степень гражданских прав. Они могли иметь собствен-

* Каждый дворянин в существе своего состояния представляет потомство тех родов, кои некогда обладали частью народа самодержавно и зависели от великих князей более словом, нежели делом.

ность и право перехода с одних земель на другие.* Но впоследствии, по мере того как от удельных владельцев права политические переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданские сего последнего класса, как бы в вознаграждение первых, переходили к их помещикам и, наконец, разными обстоятельствами, особенно же системою составления военных наших сил, быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу.

Таково есть настоящее разделение состояний в России.

Два только могут быть источника всех разделений: права гражданские и политические.

Первый источник. Права гражданские, т. е. безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Противно природе человека предполагать, чтобы кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены.

Рабы, однако же, всегда и везде существовали. В самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях.

Не должно, однако, из сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Конституция древних республик и нравы века были причиною сего установления. Мы видим, напротив, государства обширные и многонаселенные, в коих рабство сего рода мало-помалу уничтожилось.⁴⁷

Нет никакого основания предполагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры. Но чтобы меры сии были действительны, они должны быть постепенны.

Гражданская свобода имеет два главных вида: свобода личная и свобода вещественная.

Существо первой состоит в следующих двух положениях:

- 1) Без суда никто не может быть наказан.
- 2) Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого.**

Существо свободы второго рода, т. е. вещественной, основано на следующих положениях:

* До царя Ивана Васильевича и даже по Уложению царя Алексея Михайловича различались еще люди кабальные и холопы от крестьян.

** Первое из сих положений дает крепостным людям право суда и, отъемля его от помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе предложение отъемлет право отдавать в службу без очереди. На сих двух основаниях утверждается личная свобода.

1) Всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может.

2) Никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого.

Должно ли оба сии рода гражданской свободы предоставлять всем вообще подданным без всякого ограничения?

Два уважения здесь представиться могут:

1) *В свободе личной.* Закон, личную службу определяющий, не может быть для всех одинаков. Есть род службы, предполагающий особенный образ воспитания и науки, который не может быть совместим со всеми родами промышленности. Такова есть служба высших чинов в порядке судном, в управлении и в войске. Если допустить равенство во вступлении в службу и всех без различия подчинить одной очереди, тогда высшие звания наполнятся людьми, воспитанием к ним не приуготовленными, и один из важнейших предметов общественного образования исчезнет.

Из сего следует, что закон, определяющий службу, не может быть без изъятия; он должен допустить сие изъятие в пользу тех, кои наукою и воспитанием будут приуготовляться к высшим родам службы; но ни в каком предположении никого не должен он освобождать от службы.

Здесь открывается первое различие, которое должно по необходимости допускать в личном гражданском праве; никто не должен быть его лишен, но не все могут иметь его в равной степени.

2) *В свободе вещественной.* Основание свободы вещественной есть собственность. Закон, определяющий сию свободу, также должен иметь свои степени. Право собственности движимой и недвижимой, но не населенной, должно принадлежать всем без различия; но собственность населенная предполагает такие отношения, к коим не все могут быть способны. Она предполагает управление и, следовательно, знание законов правительства, коего нельзя достигнуть без особенного к тому образования. Странно бы было допустить, чтобы помещичий крестьянин, разбогатея по случаю, купил деревню, населенную другими подобными крестьянами, и управлял бы ею по закону, тогда как власть его, воспитанием не приуготовленная, ни познания закона, ни морального к себе уважения приобрести не может.

Из сего следует, что собственность недвижимых имений населенных не может принадлежать всем без различия, и должен быть класс людей, коему бы право сие принадлежало исключительно.

Отсюда происходят следующие общие заключения:

I. Права гражданские, как личные, так и вещественные; разделяются на два рода: одни суть общие всем подданным российским, другие особенные некоторым состояниям.

а) Права гражданские общие

- 1) Никто без суда наказан быть не может.
- 2) Никто не обязан отправлять личную службу по произволу другого, не по закону, определяющему род службы по состояниям.
- 3) Всякий может приобретать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону, но приобретение собственности недвижимой населенной принадлежит известным только состояниям.
- 4) Никто не обязан отправлять вещественных повинностей по произволу другого, но по закону или добровольным условиям.

б) Права гражданские особенные

1) Быть изъятым от общей очередной службы, но не быть, однако же, свободным от особенностей службы, которая на известные состояния особенно положена законом.

2) Иметь право приобретать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, как по закону.

II. Из различия прав гражданских общих и особенных возникает различие состояний, — различие которое по самой необходимости допустить должно.

В древних республиках различие сие не было допускаемо. Всякий гражданин мог иметь всякого рода собственность, но сие происходило от того, что собственность большею частью обрабатываема была рабами, кои сами считались вещью.

Во Франции сие различие хотя сначала и не было допускаемо в законе, но впоследствии признано было нужным допустить его. Для сего установлено право первородства, по коему собственность без продажи должна обращаться навсегда в известных только родах.

В Англии и в Соединенных Штатах сие различие также не допускается, но приметить должно, что там земли обрабаты-

ваются большею частию наймом, и крестьяне не имеют твердой оседлости.

В России распорядок сей был бы невозможен: 1) потому, что воинская наша система и пространство земель ненаселенных непременно требуют оседлости; 2) что наймом обрабатывать у нас земель по пространству их и по малости населения также невозможно; 3) наконец, ежели бы система сия и была возможна, то в нравственных уважениях участь крестьянина сим безмерно бы отяготилась, а земледелие потерпело бы великую расстройку. Участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющего в возмездие свой участок земли, несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах.⁴⁸

Второй источник разделения состояний суть права политические. Выше было означено, что они состоят в участии в силах государственных: законодательной, судной и исполнительной.

Все ли вообще подданным российским должны принадлежать равно права политические?

С тех пор как основалась в европейских государствах система выборов, или народного представления, участие народа в силах государственных разделилось на два главных действия: право избирания и право представления. Следовательно, и вопрос о принадлежности прав политических имеет два вида: в первом определяется, все ли вообще подданные должны иметь право избирания; во втором — все ли могут иметь право представления.

К разрешению вопроса в первом виде представляются следующие уважения.

Закон составляется в защиту лица и собственности. Следовательно, положив право личное равным, чем более человек приемлет участия в собственности, тем, естественно, более печется он о ее охранении.

Сверх сего, самое приобретение собственности в обыкновенном порядке предполагает разум и трудолюбие.

Из сего следует, что в общем исчислении человек, имеющий собственность, по уважению собственных своих польз более приемлет участия в доброте закона и более соединяет вероятностей к правильному его усмотрению, нежели человек без собственности или бобыль.*

* Какая, например, нужда человеку без собственности ограничивать закон о податях вещественных, когда закон сей на него не падает.

Следовательно, нет сомнения, что люди, имеющие собственность, все без различия должны быть допускаемы к участию в правах политических.⁴⁹

Но если вместе с ними допустим к сему участию и людей, собственности не имеющих, тогда голос и суждение сих последних по числу их, без сомнения, возьмет перевес, и, следовательно, все избирательные силы народа перейдут в руки тех самых, кои наипаче в доброту сих выборов имеют участия и наипаче способов к правильному их усмотрению.*

На сем-то основано то важное правило, по коему во всех государствах, в самой Франции среди революции, право выборов ограничено было только теми людьми, кои имеют собственность.

Нет сомнения, что и у нас тому же правилу должно следовать и потому постановить, что в составлении выборов никто не может участвовать, кто не имеет недвижимой собственности или капиталов промышленности в известном количестве.

Сверх сего есть в обществе положения, кои по образу жизни и воспитания не позволяют предполагать ни довольно разума, ни столько любочестия, чтобы допустить людей, ими (sic) занимающихся, к участию в составлении закона. Таковы суть состояния домашних слуг, ремесленных и рабочих людей и поденщиков, хотя бы они и имели собственность, в капиталах состоящую.

К разрешению вопроса во втором виде представляются те же уважения. Если собственность должна быть принята основанием в праве выборов, то колыми паче она должна быть предпочтена в праве представления. По сим-то причинам во всех государствах полагается известный доход для права представления, и доход сей должен быть выше, нежели оклад для выборов.

Из сего обозрения прав гражданских и политических открывается, что все они в рассуждении принадлежности их на три класса могут быть разделены:

1) Права гражданские общие, всем подданным принадлежащие.

2) Права гражданские частные, кои должны принадлежать тем только, кои образом жизни и воспитания к ним будут приготовлены.

* Сие состояние общества называется охлократия.

3) Права политические, принадлежащие тем, кои имеют собственность.

Из сего происходит следующее разделение состояний:

- 1) дворянство;
- 2) люди среднего состояния;
- 3) народ рабочий.

Определив сим образом разделение состояний, должно определить с точностию: 1) права, каждому состоянию принадлежащие, и состав его; 2) переход из одного состояния в другое.

2. ПРАВА СОСТОЯНИЙ

а) Права дворянства

1) Дворянство пользуется всеми гражданскими правами, подданным российским вообще принадлежащими.

2) Сверх сих общих прав дворянство имеет то особенное право, что оно свободно от личной службы очередной, но обязано непременно отправлять оную в гражданском или воинском звании не менее 10-ти лет по своему выбору, но без перехода, исключая случаев, особным законом определенных.

3) Дворянство имеет особенное право приобретать недвижимые имения населенные, управляя ими по закону.

4) Дворянство имеет политические права в выборе и представлении, но не иначе, как на основании собственности.

5) Все свободные промыслы, дозволенные законом, открыты дворянству. Оно может вступать в купечество и другие звания, не теряя своего состояния.

СОСТАВ ДВОРЯНСТВА

6) Дворянство разделяется на личное и потомственное; личное не простирается далее одного лица.

7) Дворянство потомственное приобретается по праву родом, со службою сопряженным.

8) Дети дворянина потомственного до совершения положенных лет службы суть дворяне личные. Окончив службу, они приобретают дворянство потомственное, а дети их суть дворяне личные.

9) Дворянство личное приобретается службою.

10) Дети личных дворян суть люди среднего состояния.

11) Но личное дворянство не превращается в потомственное одним совершением службы; к сему потребны особенные заслуги, по уважению коих императорскою властью в течение службы или по окончании ее даруется потомственное дворянство и удостоверяется особенным дипломом.

12) Титла дворянские личные производят дворянство личное, а потомственные дают дворянство потомственное.

13) Но сохранение сих титл зависит также от продолжения службы, как и сохранение прав дворянских.

14) Дворянство потомственное пресекается и превращается в личное уклонением от службы.

15) Вообще дворянство теряется:

а) судом и публичным наказанием;

б) вступлением в класс людей рабочих.

б) Права среднего состояния

1) Среднее состояние имеет права гражданские общие, но не имеет особенных.

2) Личная служба людей среднего состояния определяется по их званиям и промыслам особенным законом.

3) Лица среднего состояния имеют политические права по их собственности.

4) Все свободные промыслы им открыты, и из одного в другой переходят они свободно, исполнив возложенные на них повинности.

5) Они достигают личного дворянства службою, когда вступят в оную по своему выбору, но не прежде, как исполнив службу, законом на них возложенную.

СОСТАВ СРЕДНЕГО СОСТОЯНИЯ

б) Среднее состояние составляется из купцов, мещан, однодворцев и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном количестве.⁵⁰

в) Права народа рабочего

1) Народ рабочий имеет общие права гражданские, но не имеет прав политических.

2) Переход из сего класса в следующий всем отверзт, кто приобрел недвижимую собственность в известном количестве и исполнил повинности, коими обязан был по прежнему состоянию.

СОСТАВ СЕГО КЛАССА

3) К классу рабочего народа причисляются все поместные крестьяне, мастеровые их работники и домашние слуги.

В сем состоит раздел тех прав, кои принадлежат российским подданным в разных состояниях.

В разделе сих состояний паче всего уважена постепенность усовершенсия и перехода из состояния низшего в высшее. Для сего в каждом состоянии назначена, так сказать, черта, соединяющая его с последующим. Так, дворянство связует состояние первое со вторым. Приобретение недвижимой собственности связует второе с третьим, и, таким образом, те самые лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности.

Определив сим образом права подданных, Государственное Уложение поступает к последней его части, законам органическим.

V. О РАЗУМЕ ЗАКОНОВ ОРГАНИЧЕСКИХ

Законы органические коренные должны определить устройство тех установлений, коими силы государственные действуют.

Установления сии суть: Совет, законодательное сословие, Сенат и Министерства.

В общем разуме установлений должно означить: 1) состав каждого из них, 2) предметы его и 3) порядок действия.

Каждое из сих установлений, соединяясь в державной власти и образуя первенствующие государственные сословия, должно простирается на всю Империю и, разделяясь постепенно, нисходить к самым последним селениям.

Следовательно, прежде нежели можно определить порядок сих установлений в высших их отношениях, нужно рассмотреть и назначить обе степени, чрез кои они проходить должны.

Сие ведет к разделению Империи в порядке законодательном, в судном и в порядке управления.

Первое правило сего разделения состоит в том, чтобы стараться сколь возможно все степени сил государственных совместить между собою. Сего требует экономия их упражнений, надзора и издержек.

Второе правило, не менее важное, состоит в том, чтобы, избегая излишней раздробительности, доставить всем подданным, в установлениях сих участвующим, удобность в них действовать.

Третье правило. Все устройства, слишком сложные и составленные из великого числа людей, движутся медленно. Напротив, те установления, кои не имеют достаточных сил, вместе действующих, обыкновенно падают в слабости и неуважения. Следовательно, в числе лиц, составляющих сословие, должна быть средняя мера.

Четвертое правило. Установления законодательные по существу своему требуют содействия многих лиц в суждении и единства в утверждении. Установления судные требуют также содействия многих лиц в суждении и единства в надзоре. Установления исполнительные, напротив, требуют единства во всех своих действиях.

В настоящем положении Империя в порядке судном и исполнительном делится на губернии и каждая губерния — на уезды; ниже сих двух степеней есть еще третья, но несовершенно образованная, в волостях казенных — волостное правление, в помещичьих — власть помещика, в удельных — приказы.

В порядке законодательном не могло быть никаких степеней, когда и самый порядок сей еще не существует.

Должно ли оставить сие разделение в его силе и приспособить к нему степени порядка законодательного?

Без сомнения, легче бы, казалось, сохранить его, но сообщая настоящее положение с общими правилами, выше постановленными, открываются следующие неудобства:

1) В разделении губерний на уезды доселе большею частью принимаемо было в счет одно расстояние. Население их весьма различно. Есть уезды, в коих совсем почти нет людей, коим по настоящему государственному положению должны принадлежать права политические, и есть другие, в коих число их очень мало. Следовательно, в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы.

2) Даже в порядке судном и исполнительном, ныне существующем, раздробление уездов производит разные затруднения. Есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест, хотя и чинится по выборам, но в самом деле зависит большею частью от произвола губернатора.

Нет почти возможности, раздробив управление губернатрское на 12 частей, для каждой из них приискать столько исправных и надежных чиновников, сколько суд и добрая полиция их требует, и объять все сии части одним надзором губернатора и прокурора. Отсюда, между прочим, происходит слабость уездных судов и земской полиции и недостаток ответственности и взыскания.

Чтобы поставить разделение Империи в бóльшую сообразность с расположением государственных сил и с правилами вышеизложенными, представляется следующее положение:

I. Российская Империя разделяется на области и губернии.

II. Именованіе областей присвоится тем частям Имперіи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Сии области суть: 1) Сибирь, по хребет Уральских гор; 2) край Кавказский и Астраханский с Грузіею; 3) край Оренбургскій; 4) Земля донских казаков; 5) край Новороссійскій.

III. Области имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению.

IV. Губернія составляет население от 100 до 300 тысяч душ.*

V. Губернія разделяется на округи. В каждой губернии полагается самое меньшее два и самое большее число пять округов.

VI. Округ имеет несколько волостей и волостных городов, к коим они приписаны.

Приняв сие разделение, следующие устанавливаются в нем степени:

Первая степень порядка законодательного, судного и исполнительного будет в волостных городах, округ составляющих.**

Вторая степень — в окружном городе.

Третья — в губернском.

Четвертая — в столице.

В сих четырех степенях силы государственные, образуясь, восходят наконец к державной власти и в ней соединяются.

Разум сего образования состоит в следующем.

* Разделение губерний можно оставить ныне существующее.

** Где нет удобных городов, к коим в волости могли быть приписаны, там правительство назначает места соединения в селениях.

1. ПОРЯДОК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ

Степень первая

В каждом волостном городе или в главном волостном селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности составляется собрание под названием *волостной думы*. Казенные селения от каждого пятисотого участка посылают в думу одного старшину.

Волостная дума прежде всего избирает председателя и секретаря.

В волостной думе все голоса равны. Никто голоса своего другому заочно передать не может.

Предметы волостной думы суть:

- 1) Выбор членов волостного правления.
- 2) Отчет в сборах и употреблении сумм, вверенных волостному правлению.

- 3) Выбор депутатов в думу окружную; число их не может превысить двух третей всего числа владельцев.

- 4) Составление списка 20-ти отличнейших обывателей, волость населяющих, хотя бы некоторые из них были в отсуствии.

- 5) Представление окружной думе об общественных волостных нуждах.

Окончив сии предметы, дума распускается, а место ее занимает избранное ею правление.

Срок созыва и время заседания, образ отчетов и рассуждений — все сие определяется особенным законом.

Степень вторая

Из депутатов волостных дум каждые три года в окружном городе составляется собрание под именем *думы окружной*.

Окружная дума избирает председателя и главного секретаря.

В думе наблюдается равенство голосов.

Предметы окружной думы:

- 1) Выбор членов окружного совета.
- 2) Выбор членов окружного суда.
- 3) Выборы депутатов в губернскую думу.

Число их не может превышать двух третей окружной думы.

4) Из списков, представленных от волостных дум, составляется список 20-ти отличнейших обывателей округа. Отсутствующие не исключаются.

5) Отчет окружного начальства в суммах, на общественные издержки собираемых.

6) Представление окружной думе об общественных нуждах, основанное на рассмотрении представлений дум волостных.

Для рассмотрения отчетов и представлений о нуждах дума составляет членов своих комиссии.

Окончив сии предметы, дума распускается.

Срок созыва ее, время заседаний и образ рассуждений определяются особенным законом.

Степень третья

Из депутатов окружных дум составляется в губернском городе каждые три года собрание под именем *губернской думы*.

Губернская дума, собравшись, прежде всего избирает председателя и секретаря.

Голоса в губернской думе все равны, и отсутствующие не могут их передать другим.

Предметы губернской думы:

1) Выбор членов губернского совета.

2) Выбор членов губернского суда.

3) Выбор членов в Государственную Думу из обоих состояний, политические права имеющих. Число их в каждой губернии назначается законом.

4) Составление списка 20-ти отличнейших в губернии обывателей по спискам окружным, не исключая и отсутствующих.

5) Отчет губернского управления в суммах, на общественные издержки собираемых.

6) Представление об общественных нуждах сообразно представлениям дум окружных.

Для рассмотрения отчетов и представлений о нуждах дума составляет из членов своих особенные комиссии.

Окончив сии предметы, председатель за подписанием всех членов собрания препровождает в Государственный Совет на имя *канцлера юстиции* списки всех членов, избранных в правления волостные и суды окружные и губернский; на имя *канцлера Государственной Думы*: 1) списки членов, избранных в советы окружные и губернский; 2) членов, избранных в

законодательное сословие; 3) отличнейших губерний обывателей; 4) представления о нуждах каждой губернии.

Сим оканчивается действие губернской думы, и место ее занимает совет губернский.

Примечание общее. Все губернии в отношении к выборам разделяются на пять классов, и выборы располагаются так, чтобы в двух близко смежных губерниях никогда вместе выборов не было и чтобы в десяти губерниях ежегодно они совершались.

Степень четвертая

Из депутатов, представленных от губернской думы, составляется законодательное сословие под именем *Государственной Думы*.⁵¹

Государственная Дума государственных сил есть место, равное Сенату и Министерству.

Государственная Дума собирается по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце. Срок действия ее определяется количеством дел, ей предлагаемых.

Действие Государственной Думы пресекается двояким образом: 1) отсрочкою его до будущего года; 2) совершенным всех членов ее увольнением.

Отсрочка производится актом державной власти в Государственном Совете.

Увольнение производится таковым же актом, но с означением в нем же новых членов, назначенных последними выборами губернских дум.

Кроме общего увольнения, члены Государственной Думы не могут оставить свое место, разве смертию или определением верховного суда.

В сих двух последних случаях места членов занимают непосредственно одним из кандидатов в списке, последнего выбора означенных.

Председатель Государственной Думы есть канцлер по самому своему званию.

Особенный чиновник определяется ему в помощь под именем секретаря Государственной Думы.

В первых собраниях Государственная Дума образует следующие законодательные Комиссии.

- 1) Комиссию законов государственных.
- 2) Комиссию законов гражданских.
- 3) Комиссию уставов и учреждений.

4) Комиссию министерских отчетов или взыскания ответственности.

5) Комиссию представлений о государственных нуждах.

6) Комиссию финансов.

Каждая из сих Комиссий имеет своего председателя и секретаря по выбору Думы.

Дела Государственной Думе предлагаются от имени державной власти одним из министров или членов Государственного Совета.

Исключаются из сего:

1) Представления о государственных нуждах.

2) Представления об уклонениях от ответственности.

3) Представления о мерах, нарушающих государственные коренные законы.

В прочем образ действия, рассуждение и формы Государственной Думы определяются подробно в коренных законах.

2. ПОРЯДОК СУДНЫЙ

Степень первая

Суд волостной

Существо волостного суда состоит более в мирном разбирательстве гражданских дел через посредников и во взыскании за маловажные полицейские проступки означенных в законе пеней и наказаний, нежели в формальном и письменном их производстве.

Волостной суд состоит из главного волостного судьи, его товарища и волостных судей, постоянно пребывающих.

Закон определяет некоторый род дел, и особливо преступлений, в коих главный волостной судья не иначе может положить решение, как пригласив в суд двух депутатов из волостного совета, которые и будут в сем случае представлять присяжных, а судья будет их председателем (*directeur de jury*).*

В прочем пределы власти и образ действия волостного судьи определяются подробно особенным уставом.

* Депутаты, оба или по крайней мере один, избираются из того состояния, к коему принадлежит подсудимый; если же таковых нет, то подсудимый отсылается в окружный суд.

Степень вторая

Суд окружный

Суд окружный в порядке формального судопроизводства представляет первоначальное судебное место.

Он делится на два отделения: на гражданское и уголовное.

Число членов определяется общим о судах учреждением, соразмерно населению округа.

Каждое отделение имеет председателя не в виде судьи, но в виде охранителя форм и судебных обрядов.

Председатель избирается из 20-ти отличнейших обывателей округа* и утверждается министром юстиции.

Закон определяет случаи, в коих председатель, особливо в отделении уголовном, обязан требовать депутатов из окружного совета для составления суда присяжного. В сем случае сохраняется равенство состояний подсудимого и депутатов.

В прочем пределы власти, образы и действия сего суда определяются общим судебным уставом и учреждением.

Степень третья

Суд губернский

Сей суд составляется на тех же началах, как и окружный. Председатели его по губернскому списку избираются министром юстиции и определяются с утверждения Государственного Совета.

Степень четвертая

Сенат

Сенат есть верховное судилище для всей Империи.

Он имеет четыре департамента: два гражданских и два уголовных, по равному числу в обеих столицах.

Он составляется из определенного числа членов; места их по смерти или увольнении замещаются утверждением державной власти лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список. Канцлер юстиции хранит и представляет сей список.

* Если в округе не будет людей, способных к сему званию, то председатели определяются из губернского списка, в недостатке же и сих последних — из списка государственного, но в сем последнем случае потребно министру разрешение Совета.

Каждый департамент Сената каждые три года избирает из членов своих трех кандидатов и чрез канцлера юстиции представляет державной власти для утверждения одного из них президентом.

Должность президента есть охранять порядок рассуждений в Сенате. Он представляет чрез канцлера юстиции те случаи, кои Сенат в законе найдет сомнительными или недостаточно определенными, для дополнения и пояснения их установленным порядком.

По предложению президента Сенат может в делах затруднительных наименовать комиссии из трех сенаторов для предварительного их рассмотрения и доклада Сенату.

Действие каждого департамента во всех вообще делах слагается из двух частей: 1) производство дела (*informatio*), 2) суждение (*judicium*).

Для производства дела при каждом департаменте находится известное число рекетмейстеров под председательством обер-прокурора.

Обер-прокурор и рекетмейстеры определяются Высочайшею властью по представлению министра юстиции.

Должность рекетмейстеров есть, собрав все нужные сведения, привести дело в совершенную явность и изготовить его к предложению Сенату.

Если при рассмотрении дела, не касаясь существа его, усмотрено будет нарушение существенных форм в губернском суде, тогда дело по общему приговору рекетмейстеров, с утверждения министра юстиции, обращается для исправления в губернский суд, а поступок председателя, яко блюстителя форм, допустившего таковое нарушение, предается уважению Государственного Совета.

По изготовлении дела к слушанию изложение его представляется в краткий срок обеим сторонам на рассуждение.

Если стороны усмотрят существенное в изложении упущение, они приносят жалобу министру юстиции.

Если министр юстиции признает жалобу основательною, он предписывает сделать дополнение. В противном же случае дает делу установленное движение.

Изложение дела, таким образом изготовленное, предается тиснению с пошлиною на счет виновной стороны и вносится обер-прокурором в Сенат в надлежащем количестве экземпляров, с означением дня его вступления и изготовления.

Решения Сената производятся по очереди при открытых дверях публично.

Если при рассмотрении дела Сенат найдет упущение в его производстве или излишнюю медленность, президент его чрез канцлера юстиции вносит сие на уважение Совета, по рассмотрении коего чинится в деле надлежащее дополнение, а с виновных в медленности взыскание.

Решения Сената предаются тиснению, прилагаются к изложению и вместе с ним составляют акт, который скрепляется канцлером юстиции, утверждается государственною печатью и отдается для хранения в государственный судебный архив, а экземпляры акта чрез министра юстиции выдаются обеим сторонам и посылаются в надлежащие места к исполнению. В решении дел уголовных приемлются те же основания.

Но есть дела уголовные особенного рода, как по важности своей, так и по качеству лиц преступивших. Таковы суть преступления государственного бунта, или измены, или важного какого-либо потрясения государственной безопасности. Таковы суть преступления членов Совета, Государственной Думы, Сената, министров и их товарищей, главных директоров, управляющих частями, генерал-губернаторов и губернаторов. Суд над сими лицами по особенному влиянию их примера требует особенного образования.

Для сего в самом Сенате устанавливается верховный уголовный суд.

Суд верховный открывается актом державной власти, изданным в Совете.

Он составляется из одной трети сенаторов обоих департаментов, из всех членов Государственного Совета, из всех министров и из известного числа депутатов Государственной Думы.

Президент сего суда на каждый случай определяется верховною властью из четырех государственных сословий.

Канцлер юстиции занимает в нем место министра юстиции; несколько сенаторов избираются для производства дела, а министр юстиции занимает место обер-прокурора.

Суд совершается установленным в законах порядком и представляется на уважение и окончательное утверждение верховной власти.

3. ПОРЯДОК ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

Порядок исполнительный, подобно прочим частям, слагается из четырех главных разделений: 1) управление государственное, или Министерство, 2) управление губернское, 3) окружное и 4) волостное.

Начало, на коем порядок сей должен быть устроен, есть единство действия и ответственности.

Поелику порядок сей истекает из державной власти, то все низшие его разделения должны быть сколь можно более сообразны высшему. Посему в образовании частей его прежде всего должно устроить высшее его разделение, или Министерство.

1. Министерство

Нет сомнения, что учреждением Министерств в 1802 г. положено весьма важное начало устройству государственного управления.*

Следовательно, должно не только сохранить его, но по возможности усовершенствовать и усилить, а для сего нужно рассмотреть настоящие его недостатки.

Три есть источника сих несовершенств:

1) Недостаток ответственности.
2) Некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел.

3) Недостаток точных правил или учреждения, на коем должно действовать Министерство.

Нужно кратко обозреть каждое из сих уважений, чтобы из существа их извлечь самые простые и удобные способы исправления.

НЕДОСТАТОК ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Выше было примечено, что ответственность государственная, которую всегда должно отличать от ответственности личной, состоит в том, что правительство, приемля на себя уставы и учреждения, обязуется пред законом не допускать в них ничего ему противного.**

* Нет сравнения между сим порядком и тем, который ему предшествовал. Если бы крупные обстоятельства политические постигли управление в том неустойчивом, когда все гражданское управление состояло в хаосе дел, вверенных почти одному генерал-прокурору, замешательство и затруднение дошло бы до самой высшей степени и не только движение частей не было бы соразмерно быстроте происшествий, но и совсем бы в некоторых отношениях оно остановилось.

** Под именем ответственности личной разуметь должно те только взыскания, кои от державной власти происходят в неисполнении данных уставов и учреждений, а государственная ответственность состоит в сообразности самых сих уставов с законом. В первой министр отвечает только за исполнение принятой меры, а во второй он отвечать должен за самую доброту и правильность меры, им предложенной.

Обязанность сия не должна состоять только в словах; она должна быть существенною, а чтобы быть таковою, она должна предполагать особенный порядок составления закона и его охранения; следовательно, установить государственную ответственность надлежало, установив и государственное сословие, перед коим она должна быть изъявляема.

Предполагаемо было, что Сенат может занять место сего сословия. На сей конец весьма основательно признано было нужным дать или возратить ему некоторые права и некоторый вид бытия политического.*

Но бытие политическое образуется не словами, а внутренним началом, из коего состав его слагается. Никогда место, по существу своему исполнительное и во всех отношениях от произволения державной власти зависящее, не может на себя принять характера политического, не может заменить сословие государственное, составленное посредством народного представления.

Таким образом, ответственность министерская не могла доселе у нас существовать, и если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы в сем успеть, ибо где закон сам не стоит на твердом основании, так и отвечать перед ним нельзя.**

Таким образом, в настоящем устройстве Министерства недостает одного из главных начал, установлению сему свойственных.

А от сего недостатка происходит, что все действия его восприяли вид произвола и вместо правильного суда подверглись сим странным, так сказать, пересудам, где мнение общественное, не находя свойственной ему точки соединения, теряется в пустых догадках и нареканиях и, вместо того чтобы служить оплотом достоинству правительства, само падает в злословие.

И понеже с самыми лучшими намерениями нет способа укрыться от сей, так сказать, заразы общественного мнения,

* Может быть, в других обстоятельствах, в высшей степени просвещения, люди, права сии получившие, пользуясь их наружностью и мало-помалу их усовершенствовав, преуспели бы дать им со временем истинное бытие; но у нас не могло сие совершиться, и, впрочем, жалеть о сем нельзя, ибо из сего образовалось бы сословие аристократическое, истинным пользам России, самому духу правительства нашего совершенно противное.

** Всего яснее доказывает сие опыт. Известно, что ответственность министров сначала обратила на себя некоторое внимание; потом, не быв утверждена на свойственном ей основании, она начала слабеть и, наконец, ныне почти о ней забыли.

то министрам в настоящем вещей порядке не остается другой защиты, как или отречься от мер, ими принятых, слагая их одному на другого, или с горестью и в молчании переносить тяжесть своего положения.

В том и другом случае необходимо зарождается и усиливается в правительстве дух робости и уклонение от всех тех мер, кои предполагают и твердость, и, напротив, устанавливается привязанность и излишнее уважение к тому роду текущих дел, который вошел, так сказать, в навык, ибо он один служит мерою действия и ограждения от общего злословия.*

НЕДОСТАТОК ТОЧНОСТИ В РАЗДЕЛЕНИИ ДЕЛ

В системе разделения дел на Министерства, без сомнения, более был уважен порядок предшествовавший, нежели естественная их связь и отношение. Казалось несходственным — и заключение сие было весьма правильно — пуститься с первого шагу в большие уновления и, строя новое здание, разрушить все прежнее до основания.

Отсюда, вероятно, произошел недостаток истинной соразмерности в разделении дел.

Должно прежде всего найти сию соразмерность в самых ее основаниях, чтобы потом определить, до какой степени может она быть приложена к местным обстоятельствам каждого государства. Сей один есть способ открыть истинную черту разделения дел, с коею можно соображаться в многосложных и разнообразных его приложениях.

Порядок исполнительный по самому существу и именованию своему есть не что другое, как способ, коим законы приводятся в действие.

Следовательно, сколько есть разнообразных частей закона, столько должно быть отдельных частей исполнения.

Всеми принято и выше было примечено, что законы, во-первых, разделяются на государственные и гражданские.

Законы государственные разделяются на право публичное внешнее и внутреннее. От первого рождаются внешние сношения и государственная оборона, от последнего — внутренняя публичная экономия и установление внутренней безопасности.

* С сего времени искусство министерского поведения состоит в большей угодливости и в некотором роде тактики, чтоб ничего на себя не принимать и казаться, однако же, действующим.

Из сего простого рассуждения происходит следующее, сравнительное в обоих порядках, в законодательном и исполнительном, разделение.

Из сего разделения открывается, что в порядке исполнительном есть пять главных и отдельных частей:

- I. Внешние сношения.
- II. Устройство внешней безопасности.
- III. Публичная экономия.
- IV. Устройство внутренней безопасности.
- V. Устройство и надзор суда.

Нельзя предполагать, чтобы во всяком государстве каждая из сих частей имела одинаковое пространство. Естественно, одна другой должна быть сложнее и обширнее. Отсюда происходят разделения каждой части.

И, *во-первых*, часть внешних сношений, или иностранных дел, по самому существу своему терпит разделения. Отсюда происходит I) Министерство иностранных дел.

Во-вторых, устройство внешней безопасности в государстве, коего положение есть вместе морское и сухопутное, естественно делится на две части; отсюда II) Министерство военно-сухопутных сил и III) Министерство морских сил.

В-третьих, публичная экономия заключает в себе две раздельные части: 1) народную промышленность, яко источник всех государственных доходов; 2) доходы или финансы, яко следствие и участок произведения народной промышленности, на государственные нужды определенный. Отсюда два Министерства: IV) внутренних дел и V) финансов.

Четвертое. Как внешние сношения были бы ничто без военной силы, их поддерживающей и ограждающей внешнюю безопасность, так точно публичная экономия, т. е. народная промышленность и финансы, не могли бы существовать, если бы не было силы, их покровительствующей и безопасность их ограждающей. Сила сия есть полиция. Отсюда происходит VI) Министерство полиции.

Пятое. Наконец, от необходимости суда гражданского и уголовного происходит VII) Министерство юстиции.

Таким образом, семь есть необходимых Министерств в естественном разделении исполнительного порядка.

Местные уважения могут в каждом из них основать новые разделения. Так, например, в Министерстве внутренних дел может быть допущена особенная *часть просвещения*. В Министерстве финансов может быть допущено министерство казначейства.

Но, допуская сии подразделения, должно по необходимости держаться естественной их связи. Например, нельзя к народной промышленности присоединить полицию, которая сама по себе составляет особенную часть и столько же отдельную, как Министерство внешних дел нельзя совокупить с военным.

Из сего открывается в настоящем устройстве следующая несоразмерность с естественным их порядком:

I. *В Министерстве внутренних дел.* К народной промышленности отнесены: 1) полиция, 2) часть финансов — соль. Отсюда произошло смешение и несвязность дел: соль, фабрики и полиция мало имеют общего.

II. *В Министерстве коммерции.* Часть сия, особенно у нас, сама по себе не что другое есть, как ветвь общей народной промышленности, а таможенные доходы принадлежат к финансам точно так же, как и все другие.

III. Оставлена без особого устройства одна из важнейших частей: *общая полиция.*

НЕДОСТАТОК УЧРЕЖДЕНИЙ

При установлении Министерств нельзя, конечно, было снабдить их вдруг полными учреждениями. В манифесте означен только главными и общими чертами круг их действия. Но впоследствии первая обязанность каждого министра должна была состоять в том, чтобы устроить внутренний их порядок и правильным разделением работ ускорить и облегчить ход дел. Сего, однако же, не было сделано. Министерства юстиции, коммерции, просвещения, финансов остались и по сие время в точно том же положении, в каком они в первые два месяца были, т. е. сделаны оклады жалованья, или штаты, переименованы канцелярии в департаменты, и на сем все остановилось. Ни внутри их, ни в частях, от них зависящих, не сделано никакого правильного образования.*

Отсюда произошло, что дела, не быв разделены на свои степени, все по-прежнему стекаются в одни руки и естественно производят пустое многоделие и беспорядок. Время главного начальника непрестанно пожирается тем, что должен был делать один из низших его подчиненных.

Отсюда происходит, что развлеченное на множество текущих дел внимание министра не может обозреть их в целости, и вместо того, чтобы остановиться на главных и существенных

* Из сего должно только исключить устройство университетов.

усмотрениях, непрестанно рассеивается в мелком надзоре и исполнении.

Отсюда происходит, что большими департаментами, как-то юстиции, финансов и внутренних дел, при самых лучших намерениях управлять с честью никому невозможно, не переменив их устройства; невозможно управлять большим кругом дел, где нет другой постепенности, как только министр, докладчик и писец.

Обнаружив сим образом недостатки настоящего устройства Министерств, в самом существе сих недостатков надо найти способы к их исправлению.

Первый недостаток есть в ответственности.

Как скоро учредится законодательное сословие с правом требовать в положенные сроки отчетов, то ответственность министерская сама собою установится; останется только определить в учреждениях Министерства подробные ей формы.

Второй недостаток есть несоразмерность в разделении дел. Сие требует подробнейшего соображения.

Приняв правила, выше постановленные, о естественной связи исполнительных дел, проистекающей из самого разделения государственных законов, следующий распорядок сам собою представляется в учреждении Министерств.

<i>Предметы</i>	<i>Министерства</i>
I. Внешние сношения	I. Иностр. дел
II. Сухопутные силы	II. Военное
III. Морские силы	III. Морское
IV. Народная промышленность	IV. Внутр. дел
V. Государственные доходы и расходы	V. Финансов
VI. Охранение внутренней безопасности	VI. Полиции
VII. Суд и расправа	VII. Юстиции

Сверх сих частей есть еще одна, коей управление, ныне рассеянное по разным департаментам, требует совокупности. Сие есть часть духовных дел. Отделив от Сената часть управления, необходимо нужно будет назначить место, где дела духовные разных исповеданий должны быть ведомы. По существу своему ни к промышленности, ни к юстиции, а еще менее того к финансам и полиции они принадлежать не могут. Посему и нужно составить из них особенный департамент. Начальник оного, под именем обер-прокурора Синода, будет действовать на том же основании, как и министры, и должен иметь особенный устав и учреждение.

Предметы трех первых Министерств сами собою определяются во всех их отношениях, но предметы трех последующих требуют особенного рассмотрения.

И, во-первых, в *Министерстве внутренних дел*. Постановив главным предметом сего Министерства промышленность, с первого воззрения открывается, что к существу его принадлежат следующие части:

- 1) Земледелие.
- 2) Фабрики.
- 3) Торговля.

Сверх сих трех существенных частей есть другие предметы, кои хотя сами по себе и не составляют промышленности, но принадлежат к ней или как средства, коими движения ее совершаются, — таковы суть почты и пути сообщения, или как естественные последствия труда и усовершения физических способностей, такова есть вообще часть учебная.

Посему в естественном разделении дел и сии предметы не могут ни к какому департаменту приличнее относиться, как к Министерству внутренних дел.

Но выше уже было примечено, что естественное разделение дел должно иметь в виду как главное правило, но никак не должно запрещать себе делать из него изъятия, когда местные уважения их необходимо требуют. Так, например, в Англии и во Франции, где учебная часть стоит давно уже на твердых основаниях и не предполагает со стороны правительства другого надзора, кроме охранения от злоупотреблений, Министерство внутренних дел с удобностию может управлять сим департаментом вместе с другими его предметами. Но в России, где все надо еще заводить и вновь строить, та же самая часть должна составить обширный круг дел, коего пространство во многих случаях было бы несовместно с другими предметами того же Министерства.

Те же самые уважения можно приложить к путям сообщения.

Посему предметы промышленности весьма правильно ныне разделены на три департамента: 1) Министерство внутренних дел, 2) Министерство просвещения и 3) Главная дирекция водяных коммуникаций.

Из сего следует, что к числу семи Министерств и в новом разделении должно будет присоединить еще два: 1) департамент просвещения и 2) департамент путей сообщения. Название главного директора или министра не делает в сем важной разности.

Во-вторых, Министерство финансов. Предметы сей части определяются самым ее именованьем. Все источники казенных доходов должны состоять в одном Министерстве, ибо нет ни одного из них, который бы с другим не имел тесной связи. слабость или истощение одного должно быть дополняемо другим, а сего без общего соображения сделать невозможно.

Но в предметах сего Министерства должно различить три главных разделения: 1) источники доходов, их управление и распределение по расходам; 2) движение капиталов, в казначейство входящих, их отпуск и верный счет; 3) отчеты в их употреблении.

Трудно предполагать, чтобы в пространном государстве один министр мог управлять сими тремя частями. Последняя из них — отчет (*contrôle*) — должна быть даже по существу своему от него зависима, ибо он сам некоторым образом в ней был бы истец, ответчик и судья.

Таким образом, часть финансов должна заключать в себе три департамента: 1) финансов, 2) казначейства и 3) отчетов.

В-третьих, Министерство полиции. Выше были означены причины, по коим департамент сей составляет часть отдельную. Причины сии кратко состоят в том, что внутренняя государственная безопасность сама по себе есть столько же предмет уважительный и обширный, как и все другие части управления. Прежде нежели можно думать о промышленности и народном богатстве, прежде нежели можно помышлять о казенных доходах, должно оградить лицо и стяжание каждого безопасностью; посему-то и выше было замечено, что часть сия должна служить всем другим внутренним частям утверждением и некоторым ручательством в успехе их предприятий.

Существо дел, департаменту сему свойственных, определяется самым предметом его учреждения. Внутренняя безопасность ограждается: 1) мерами предупреждения; 2) мерами пресечения. Отсюда происходят два главных разделения полиции:

1) *Полиция учредительная* (*police administrative*). Сюда принадлежат все учреждения, коими предупреждается нарушение безопасности. Одни — публичные, к ним принадлежат: паспорта, надзор зрелищ, публичных собраний и проч.; другие — сокровенные, сюда принадлежат: неприметный надзор за иностранными и все те меры наблюдения за движением общественного духа, кои известны под именем *высшей полиции*.

Все меры сии, как публичные, так и сокровенные, должны быть: 1) в тесной связи между собою, ибо одни другим они служат поверкою и способом к открытию; 2) они должны иметь для всей Империи надлежащую степень единства, ибо развлеченное их действие никогда не доставит полных и правильных заключений.*

2) *Полиция исполнительная* (police exécutive). Сюда принадлежат все меры, коими пресекается нарушение безопасности, коего нельзя было отвратить мерами предупреждений. Сюда принадлежат: устройство внутренней стражи, разные учреждения смирительные, рабочие, темничные и проч. Все сии учреждения должны быть между собою в такой же связи и единстве, как и действия полиции учредительной.

Третий недостаток в настоящем положении Министерств есть недостаток внутреннего их состава и образования.

Два рода постановлений необходимо нужны к устройству всякой исполнительной части: 1) устав и 2) учреждение.

Устав должен определить с точностию главные правила, на коих министр должен управлять вверенною ему частию.

Учреждение должно установить предметы его, пределы его власти, образ его действия и постепенное исполнение.

Так, например, министр внутренних дел должен управлять мануфактурами по их уставу; следовательно, первая его обязанность есть пересмотреть и дополнить сей устав или вновь его составить. Приметить здесь должно, что нет лучшего способа уменьшить множество дел текущих, как составлением уставов.** Посему первое, и самое существенное, упражнение

* Так, например, в Петербурге появились бы ложные ассигнации, но корень их может быть на какой-либо фабрике в отдаленной губернии. Если министр полиции имеет там свои связи, то скоро появление ассигнаций огласится, и нить, связующая их с началом, тотчас пресечется.

** О делах текущих много и часто рассуждали. Нужно составить о них точное понятие. *Делами текущими* называются те дела, коих предметы периодически, или по крайней мере часто, в одном и том же виде приходят на разрешение начальства. Чем менее есть общих положительных правил, чем пределы власти менее определены, тем естественно должно быть более дел текущих, ибо тогда каждое дело несет с собою новое затруднение. Никто не знает, что он может на себя принять и чего не должен: отсюда все идет на Высочайшее разрешение и, при видимой поспешности, все терпит великую остановку. От двух причин увеличилось с 1796 г. количество дел текущих: 1) оттого, что вообще дух народный, возбужденный разными обстоятельствами и даже успехами промышленности, стал беспокойнее и пытливее; 2) что самовластие местных начальств, которое до 1796 г. одно служило достаточным ответом на все вопросы, подвергнувшись с того времени большому надзору и частым объяснениям, нарочито уменьшилось. Отсюда произошло, что губернатор во всем ищет от министра, а министр, не имея

каждого Министерства должно состоять в дополнении и усовершенствии его уставов. Но прежде нежели уставы будут составлены, каждое Министерство должно иметь свое внутреннее учреждение, или распорядок разных его частей и постепенности их управления.

Постепенность сия заключает в себе один из главнейших способов сохранить единство в обширном круге действий.

Для сего необходимо должно установить во всех обширных Министерствах для важных частей особенных директоров, кои бы управляли ими по уставам; относились к министру в тех только случаях, когда предстанет дело, уставом не определенное и коего нельзя разрешить по его смыслу; и, сверх того, в установленные сроки они должны представлять ему табели о положении их части.

Таким образом, разделенный на части труд пойдет успешнее, а единство ничего не потеряет, ибо еще раз приметить должно, что единство состоит не в подписи руки, но в единообразии главных усмотрений.

На сих основаниях составленное Министерство, окруженное законною ответственностию, соразмеренное в делах своих естественною их связью и снабженное уставами и учреждениями, будет действовать с силою и уважением и станет на той высоте, которую ему первое его установление предназначало, но коей оно доселе не могло еще достигнуть.

II. Губернское управление

Состав губернского управления должен быть основан на том же правиле единства и постепенности, которое всему порядку исполнительному свойственно.

В губернии находятся в меньшем размере те же самые предметы внутреннего управления, какие и в Министерстве.

Они представляются в следующем порядке:

I. Полиция:

1) Учредительная.

2) Исполнительная.

II. Финансы:

1) Приходы и расходы.

2) Казначейство.

правил или устава, по необходимости должен просить одного от верховной власти. Итак, один устав и постепенное разграничение власти может уменьшить сию громаду текущих дел, под коею стонут все Министерства.

3) Отчет.

III. Народная промышленность:

1) Земледелие.

2) Фабрики.

3) Торговля.

4) Почты.

Предметы сих трех частей не равны между собою: некоторые из них требуют особенного управления, другие же — одного общего надзора. Части, требующие особенного управления, суть:

1) Полиция.

2) Финансы.

3) Казначейство.

4) Управление казенными крестьянами.

5) Лесоводство.

6) Межевание земель.

7) Почты.

В настоящем порядке одна только полиция состоит прямо в управлении губернатора, на прочие части он имеет косвенное только влияние. Отсюда происходит недостаток связи и непрерывные почти приращения одной части к другой.

Следующие начала можно положить основанием губернского управления.

I. Губернское управление везде соединить с казенною палатою под именем *губернского правительства*.

II. Губернское правительство разделяется на следующие экспедиции:

1) *Полицейская*. Сюда принадлежать будут все действия полиции учредительной и исполнительной, губернская и окружная стражи, рекрутский набор и проч.

2) *Экспедиция народной промышленности*. Межевание земель, фабрики, торговля, учебные заведения, почты.

3) *Экспедиция казенная*. Сюда принадлежат все казенные сборы, соль, вино, управление казенными крестьянами, лесоводство, часть строительная.

III. Каждая экспедиция имеет столько отделений, сколько есть обширных частей, в нее входящих; так, например, экспедиция казенная может иметь три отделения: 1) казенных сборов, 2) соль и вино, 3) управление казенных крестьян, 4) лесоводство, 5) часть строительная.

IV. Каждая экспедиция имеет одного управляющего.

V. Каждая экспедиция управляется по своим уставам и учреждениям.

VI. В делах важных, коих род особенно определяется, все управляющие составляют общее собрание, коего председатель есть губернатор.

VII. Губернатор имеет надзор над движением всех частей, и все предписания Министерства к нему обращаются.

VIII. Он отвечает Министерству, а управляющие отвечают ему.

IX. В каждой экспедиции есть род дел, кои не могут быть решены без его утверждения.

X. При каждом правительстве находится совет, составленный из депутатов всех состояний, собственность в губернии имеющих.

XI. Совет собирается один раз в году в установленное время.

XII. Губернатор дает отчет совету в сборе и употреблении денег на земские повинности и предлагает смету оных на будущий год.⁵²

XIII. Совет, рассмотрев сей ответ, делает на оный примечания; один экземпляр сих примечаний, за подписанием всех, доставляется к министру финансов, другой остается у губернатора для надлежащих объяснений.

XIV. Рассмотрев отчет прошедшего года, совет чинит раскладку на будущий и доставляет таковые же экземпляры.

XV. Вместе с сим и таковым же порядком совет чинит представления о нуждах губернии.

На сих основаниях составленное губернское управление будет иметь целость и единство во всех делах своих. Законная власть его, с одной стороны, не будет развлекаема, как ныне, на разные части, не будет теряться в пустых состязаниях, а с другой — будет умеряема действием совета.

III. Управление окружное

Управление окружное должно быть составлено в меньшем виде на тех же самых правилах.

Вице-губернатор должен занимать в нем место губернатора.

Управление волостное сохранит тот же образец в своем составе, но будет иметь еще меньший размер.

Начальник волостного управления будет отвечать один начальнику окружному, сей — губернскому, а он — Министерству.

Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

І. ОСНОВАНИЕ КОРЕННЫХ ЗАКОНОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СОВЕТ

Коренные государственные законы определяют состав Совета, существо и главные формы его действия.

Особенные учреждения определяют подробно предметы его и образ производства дел.

І. В порядке государственных установлений Совет представляет сословие, в коем все действия порядка законодательного, судного и исполнительного в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются.

ІІ. Посему все законы, уставы и учреждения в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном Совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению в порядке законодательном, судном и исполнительном.

ІІІ. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти.

ІV. Совет составляется из особ, Высочайшею доверенностью в сословие сие призываемых.

V. Члены Совета могут иметь звания в порядке судном и исполнительном.

VI. Министры суть члены Совета по их званию.

VII. В Совете председательствует император или лично, или назначением одного из его членов.

VIII. Назначение члена председательствующего возобновляется по временам по Высочайшему усмотрению.

IX. Совет разделяется на четыре департамента:

- 1) Законов.
- 2) Дел военных.
- 3) Дел гражданских и духовных.
- 4) Государственной экономии.

X. Каждый департамент имеет определенное число членов, из коих один председательствующий.

XI. Члены всех департаментов составляют общее собрание Совета.

XII. Члены Совета, при определении коих не будет наименован особенный департамент, присутствуют в общих собраниях.

XIII. Распорядок членов по департаментам и их председателей возобновляется по временам по Высочайшему усмотрению.

XIV. Присутствия департаментов и общих собраний имеют положенные дни, но по уважению дел во всякое время они могут быть созваны особенным Высочайшим повелением.

XV. Все постановления, выходящие из Совета, по Высочайшем их утверждении к исполнению, имеют следующую форму:

1) Уставы и учреждения и их дополнения имеют форму манифестов, во вступлении коих означается: *Вняв мнеению Государственного Совета, повелеваем или учреждаем и проч.*

2) Изъяснения уставов и учреждений, не постановляющие ничего нового, но определяющие точный разум прежних, имеют вид докладов, коих утверждение имеет форму: *Быть по сему.*

Примечание. Никакой частный случай не может быть предметом доклада; он должен быть прежде приведён в общий его разум так, чтобы все частные случаи сами собою уже ими определялись.⁵³ Сие подробно изъяснится в образе.

II. ОСНОВАНИЯ К УЧРЕЖДЕНИЯМ СОВЕТА

По отделении от Сената всех предметов управления они будут входить в Совет чрез Министерство и будут разделяемы по департаментам следующим порядком.

1. ПРЕДМЕТЫ ДЕПАРТАМЕНТОВ СОВЕТА

В департамент законов будет входить все то, что по существу своему составляет предмет закона. Комиссия законов будет вносить в сей департамент все свои работы.

В департамент военных дел будут входить предметы Министерств военного и морского.

В департамент гражданских и духовных дел будут входить дела юстиции, управления духовного и полиции.

В департаменте публичной экономии будут принадлежать дела по Министерствам внутренних дел, финансов, казначейства и отчетов.

Исключая дел, кои особенным наказом в каждом Министерстве предоставлены будут непосредственному докладу, все прочие дела, превышающие власть министра, в общем наказе подробно означенные, вносятся в департаменты Совета по их принадлежности.

2. ПРЕДМЕТЫ ОБЩИХ СОБРАНИЙ СОВЕТА

Законы, уставы и учреждения и их дополнения, быв рассмотрены в департаменте, вносятся в общее собрание.

Общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые и коренными законами действию исполнительной власти предоставленные, входят непосредственно в общее собрание.

Объявление войны и заключение мира и другие важные политические внешние меры вносятся в общее собрание Совета, когда по соображению обстоятельств найдено будет сие нужным.

Ежегодные сметы (бюджеты) приходов и расходов и чрезвычайные финансовые меры, прейдя назначенную им степень предварительных соображений в департаменте, предлагаются общему собранию Совета.

Все дела о вознаграждении частных людей за имущества, на государственные нужды взимаемые, все дела, по коим отчуждается какая-либо часть казенных доходов или имущества в частное владение, быв рассмотрены в своем департаменте, входят на уважение Совета.

Отчеты всех Министерств входят в общее собрание Совета.

Сверх сего министр казначейства каждый месяц представляет Совету положение приходов и расходов и предлагает благовременно нужные меры к соблюдению определенной в них соразмерности.

ОБ УСТАНОВЛЕНИЯХ, ПРИ СОВЕТЕ СОСТОЯЩИХ

I. КОМИССИЯ ЗАКОНОВ

Поелику первое начертание и приуготовление законов, уставов и учреждений относится ко всем Министерствам и не принадлежит ни к одному из них исключительно, то и следует Комиссии законов относиться прямо в Совет посредством ее управляющего.

Таким образом, все законы, уставы и учреждения, изготовляемые в Комиссии, будут вносимы сначала в департамент законов, а оттуда в общее собрание и потом уже, следуя существу их, поступать или в порядок законодательный, или же обращаться к исполнению по надлежащем их утверждении.

II. СТАТС-СЕКРЕТАРИ

При четырех департаментах Совета находится по одному статс-секретарю, коих должность есть приуготовление дел, в Совет поступающих, дополнение их нужными сведениями и предложение их Совету.

Сверх сего статс-секретари под председательством одного члена Совета составляют комитет для рассмотрения прошений, входящих на Высочайшее имя. Особенный наказ определяет подробно действия сего комитета.

III. АУДИТОРЫ

От каждого Министерства находится при Совете по одному аудитору. Существенная их должность есть доставлять все сведения по делам каждого Министерства, в Совете нужные, и быть помощниками статс-секретарей в приуготовлении и в предложении дел Совету.

IV. ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Как Государственный Совет есть общее средоточие всех государственных дел, так Канцелярия должна быть общим средоточием окончательного их приуготовления.

Все, что восходит к утверждению державной власти, должно иметь в формах своих самую высшую степень достоинства, точности и единства.

Посему каждый закон, устав и учреждение, в Совете предложенное и удостоенное Высочайшего утверждения, получает окончательную свою форму в Государственной Канцелярии.

Из сего изъеются те только дела, кои по наказам министров предоставлены особенному их докладу.

Государственный канцлер есть главный начальник Государственной Канцелярии.

Государственный секретарь управляет ею непосредственно.⁵⁴

К составу ее принадлежат статс-секретари и аудиторы.

В Государственной Канцелярии хранятся все оригинальные постановления законов, уставов и учреждений.

В ней хранится государственная печать.

К ведомству ее принадлежат все государственные архивы.

В Государственной Канцелярии находятся самые точные сведения о положении всех частей внутреннего управления в главном и общем их соображении.

Она имеет пять отделений: четыре, соответствующие департаментам Совета, и пятое отделение для распорядка государственных архивов.

По роду дел ее она ограничена самым умеренным числом лучших делопроизводителей.

Все дела, в Совет входящие и из Совета исходящие, идут чрез Государственную Канцелярию, в ней приготавливаются и от нее на утверждение их отправляются к надлежащему их исполнению.

1809 г.

ПРОЕКТ УЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА I

О ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Российская Империя есть государство нераздельное, монархическое, управляемое державною властью по законам государственным.

Державная власть соединяет в себе силу законодательную, судную и исполнительную и приводит их в действие посредством государственных сословий, для сего установленных.

Сословия сии суть: в общем соединении всех государственных сил — Государственный Совет; в порядке законодательном — Государственная Дума; в порядке судном — Сенат; в порядке управления — Министерство.

Каждое из сих сословий имеет свои органические законы, ниже сего изображенные.

В порядке законодательном никакой закон не может иметь силы, если не будет он утвержден державною властью.

В порядке исполнительном все уставы и учреждения восприимлют силу и действие от утверждения державной власти.

В порядке судном охранение правосудия и утверждение судей, избранием предназначенных, принадлежит державной власти.

Державная власть во всем ее пространстве заключается в особе императора.

О ВЛАСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ИМПЕРАТОРА

Особа императора есть священна.

Император вместе с восшествием на престол восприимлет державную власть во всем ее пространстве.

Все подданные обязаны ему верностию и повиновением и дают ему в том по установленному порядку присягу.

По праву державной власти и в порядке, для нее установленном, император есть верховный законодатель, без коего никакой закон совершиться не может.

Он есть верховный охранитель правосудия, и в сем уважении суд производится его именем.

Он есть верховное начало силы исполнительной.

От него проистекают все почести и награды в воздаяние заслуг, законом определенные.

Державная власть в особе императора есть наследственна. Она переходит от родителя к старшему сыну по прямой нисходящей линии и продолжается в мужеском поколении по праву первородства до ее пресечения.

По пресечении мужеского поколения прежней линии наследство переходит во вторую линию ее пресечения и так далее.

Ближайшая линия исключает дальнейшую, и в той же линии ближайшая степень родства исключает дальнейшую.

По совершенном пресечении всех линий мужеского поколения наследство престола переходит в поколение женское.

Линия старшей дочери последне-царственного императора в сем случае предпочитается всем другим линиям.

Старшая дочь последне-царствовавшего императора вступает первая в наследство; за нею — ее дети так же по близости линии и степеней и по праву первородства с предпочтением мужеского пола женскому.

По пресечении всех линий мужеского и женского поколения, от старшей дочери происходящих, наследство переходит в линию второй дочери последне-царствовавшего и так далее, обращаясь всегда в том же порядке.

По совершенном пресечении всех линий, от рода последне-царствовавшего императора происходящих, наследство переходит в линию женского поколения, ближайшую к последне-царствовавшему роду и обращается таковым же порядком.

Во всех линиях и степенях сохраняется право представления или заступления.

Наследство престола принадлежит единственно детям законным.

В случае совершенного пресечения всех линий как мужского, так и женского поколения последне-царствующий император имеет власть избрать и назначить себе наследника.

Назначение сие производится торжественно в присутствии всех государственных сословий.

Наследник, таким образом предназначенный, торжественно во всей Империи провозглашается и вступает во все права, старшему сыну императора принадлежащие. Дети, после его родившиеся, считаются младшими его братьями.

Если при жизни последне-царствующего императора не сделано такового усыновления, то он имеет власть наименовать себе преемника завещанием.

Завещание должно быть изображено письменно, утверждено подписанием императора и приложением большой государственной печати, засвидетельствовано подписанием председателей Государственного Совета, Государственной Думы и Сената и первенствующего члена Святейшего Синода и предано торжественно хранению государственных архивов.

Завещание открывается в первый день кончины императора в присутствии всех членов государственных сословий председательствующим Государственной Думы.

По открытии завещания наименованный в нем преемник непосредственно вступает во все права державной власти.

Если не будет ни усыновления при жизни, ни завещания по кончине, избрание императора принадлежит по праву Государственной Думе.

Империя между тем управляется Государственным Советом по порядку, в Государственном Уложении постановленному.

Большинство голосов в Государственном Совете составляет державную власть.

Избрание производится представлением Государственному Совету трех кандидатов в течение одного месяца.

Избрание одного из трех в Государственном Совете производится в течение одного дня жребием. Жребий решит, кто из трех вступает на престол.

В наследстве престола по праву рода полагаются следующие необходимые принадлежности:

- 1) вера греко-российская;

2) отречение от всякого другого престола.

Недостаток одного или обоих сил принадлежностей уничтожает наследство, и ближайший в линии и степени заступает место призываемого.

При усыновлении, завещании и избрании следующие существенные свойства в особе призываемого к наследству престола полагаются необходимыми:

- 1) пол мужеский;
- 2) племя российское;
- 3) вера греко-российская;
- 4) лета 21 год от рождения.

Недостаток всех или одного из сих свойств уничтожает усыновление, завещание и избрание. Другое избрание производится в сем случае порядком вышеизображенным.

Император, по праву рода, усыновления, завещания или избрания вступивший на престол, есть глава церкви.

В первые шесть месяцев по вступлении на престол, если обстоятельства войны или моровой язвы не принудят продолжить сей срок, он восприимлет корону с обрядами, для сего установленными в московской столице.

При восприятии короны император дает в соборной церкви над Евангелием следующую присягу: «Клянусь вверенным мне от Бога народом управлять по законам государственным».

1809 г.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Министерства	Государственный Совет Государственная Дума	Сенат

Главные принадлежности. Все силы государственные — законодательная, судная и исполнительная — представляются в трех сословиях.

В Совете действия их соединяются и через него восходят к государю.

Государственной Думе вверяется закон.

Сенату — суд.

Министерству — управление.

Образование Совета

<i>Департаменты Совета</i>	<i>Предметы</i>
I. Законов	Рассмотрение законов, уставов и учреждений, от комиссий и от министров представляемых
II. Военных дел	Дела Министерств военного и морского
III. Государственной экономии	Внутренних дел, сухопутных и водных сообщений; финансов и казначейство; министерство просвещения
IV. Гражданских и духовных дел	Полиция, юстиция и духовный департамент

*Установления,
к Совету принадлежащие*

Г о с у д а р с т в е н н а я
Канцелярия

Общее центральное произ-
водство всех дел, в Государ-
ственный Совет входящих

Комиссия составления
законов

Проекты законов

Комиссия прошений

Рассмотрение прошений,
входящих на Высочайшее имя

Главные принадлежности. Совет составляется из членов по Высочайшему назначению. Министры — члены Совета по званию. Каждый департамент имеет председателя, назначаемого по полугоду. Дела в департаменты поступают через министров. Из департаментов дела важнейшие идут в общее собрание. В общем собрании назначается председатель ежегодно. Ничто не выходит из Совета без Высочайшего утверждения.

Образование Государственной Думы

Состав

Предметы

Государственная Дума составляется из депутатов от всех свободных состояний по избранию дум губернских

Председатель ее определяется из трех кандидатов по ее выбору. Дума имеет канцлера, хранителя ее обрядов, архива и производство дел ее

Законы предлагаются правительством, уважаются в Думе, утверждаются государем

Думе представляются отчеты министров; в случае явного нарушения Государственного Уложения Думе предоставляется право взыскивать ответа от министров, представляя отчет государю

Главные принадлежности. Никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважаются в Думе.

Закон, уваженный в Думе, вносится на Высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, оставляется без действия.

Для подробного рассмотрения проекта законов Дума избирает из членов своих частные комиссии.

Образование Сената

Состав

Сенат составляется из сенаторов по выбору, по мере постепенного увольнения членов настоящих

Делится на департаменты. В Сенате учреждается Высший уголовный суд, в коем присутствуют члены Совета, Думы и Сената

В Сенате устанавливается звание канцлера юстиции

Министр юстиции

Предметы

Все дела судные вверяются Сенату

Высшему суду подлежат министры, члены Совета, сенаторы, генерал-губернаторы

Он есть хранитель печати и актов Сената. Он занимает место министра юстиции в Высшем суде уголовном

Он есть хранитель судебных форм и обрядов производства дел как в Сенате, так и во всех местах судебного порядка

Образование Министерства

Состав

Министерства

Министры

Предметы

Иностранных дел

Министр иностранных дел

Внешние сношения

Военное

Министр военный

Военных сухопутных сил

Морское

Министр морской

Морских сил

Внутренних дел

Министр внутренних дел

Земледелие, фабрики, внутренняя торговля, почты

Главный директор путей сообщения

Пути сообщения

Министр или главный директор училищ

Главное управление училищных заведений

Финансов	Министр финансов	Источники доходов: сбор податей и налогов; управление горное, лесное, таможенное и проч.
	Министр казначейства	Движение капиталов и кредита. Управление монетное, банки и проч.
	Министр или главный директор отчетов	Ревизия всех отчетов
Юстиции	Министр юстиции	Надзор и охранение судебных мест
Духовных дел	Обер-прокурор Синода	Ведомство духовных дел
Полиции	Министр полиции	<i>Охранение внутренней безопасности.</i> Государственная полиция.

Главные принадлежности. Каждое Министерство имеет столько департаментов, сколько есть главных частей. Каждый департамент имеет директора. Из директоров составляется совет Министерства.

Все министры имеют *общий наказ*, определяющий образ производственных дел, отношения их по Совету, степени власти и ответственности.

Дела, требующие общего министров собрания, вносятся в Комитет министров.

Образование законодательного порядка в губерниях

Состав

Думы волостные составляют-ся по волостям из всех владельцев недвижимой собственности и из старшин казенных волостей

Предметы

Выбор депутатов в думу ок-ружную, выбор судей в суды во-лостные, выбор членов сове-та при волостном управлении; выбор известного числа отлич-нейших обывателей для состав-ления волостного списка; отчет

Думы окружные составляют-ся из известного числа депута-тов, от волостных дум избирае-мых.

Думы губернские

в волостных издержках и новая их раскладка; представление о волостных нуждах

Выбор депутатов в думу гу-бернскую, в суд окружной, в совет при окружном правлении; выбор известного числа отлич-нейших обывателей из списков волостных; отчет в окружных издержках, раскладка их и пред-ставление о нуждах

Выборы депутатов в Думу Государственную, в суды губерн-ские, в совет при губернском управлении и проч.

Главные принадлежности. Волостные думы представляют первую, так сказать, стихию законодательного порядка, кото-рый, возникая в волостях, постепенно восходит трехгодичны-ми выборами депутатов и образует Государственную Думу.

Все думы имеют председателей.

Списки всех губернских дум поступают к канцлеру Думы и из них составляется общий государственный список, из коего заимствуются чиновники, мнением общим одобренные для определения их в порядке управления.

Образование порядка исполнительного в губерниях

Состав

Управление губернское

Главный начальник — гу-бернатор (где нет генерал-губер-натора). Части управления раз-деляются на экспедиции: каж-дая имеет своего начальника. Начальники частей под предсе-дательством губернатора состав-ляют *губернское правление*. Дела важные решаются в общем со-брании, текущие — в экспедици-

Предметы

Все предметы полиции, ка-зенных сборов и податей и об-щего губернии благоустройства входят в губернское правление

ях. Губернатор имеет наказ, определяющий степень его власти и ответственности. При губернском правлении находится совет депутатов губернской думы для раскладки ежегодных повинностей, для отчетов в них и для представления о нуждах. Он собирается в одно время года

Управление окружное

Начальник — вице-губернатор; части управления делятся на экспедиции в том же порядке, как и в губернском правлении. Начальники экспедиций под председательством вице-губернатора составляют *окружное правление*. При нем находится окружной совет, составленный из депутатов окружной думы. К правлению окружному принадлежат местные уездные полицейские начальства, городничие и исправники, посредством которых они действуют на уезды

Управление волостное

Составляется по образу окружного в уменьшительном размере. При нем находится волостной совет

Те же предметы, как и в правлении губернском, в меньшем размере

Предметы те же в меньшем размере

1809 г.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ВСЕХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ПО ВРЕМЕНАМ

Сила всех преобразований состоит в том, чтоб постановить образ правления Империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России.

Для сего надлежало прежде всего определить разум коренных государственных законов, т. е. начертать план конституции.

В разуме коренных законов определяются следующие существенные предметы:

I. Права державной власти.

II. Права престола и его наследства.

III. Образ составления законов, их сила и действие.

IV. Права подданных. Разделение состояний. Означение прав политических каждого состояния и общих прав гражданских, из них проистекающих.

V. Законы органические, т. е. устройство тех установлений, коими закон составляется и исполняется. По троякому порядку сил государственных устройство сие относится к трем установлениям: 1) *в порядке законодательном*, установление законодательного сословия под именем *Государственной Думы* и ее постепенностей, т. е. думы губернской, окружной и волостной; 2) *в порядке судном*, установление высшей власти судной под именем *Сената* и его постепенностей, суда губернского, окружного и волостного; 3) *в порядке исполнительном*, устройство Министерства и частей управления, от него зависящих, управления губернского, окружного и волостного. К сим трем установлениям присоединяется четвертое, в коем все они соединяются и чрез которое державная власть на них действует и приемлет их действия, — установление Государственного Совета. Каждое из сих четырех установлений имеет свои коренные законы и свои обряды.

Коренные законы всех сих установлений, соединенные с таковыми же законами: 1) о правах верховной власти, 2) о правах престола, 3) о составе закона и 4) о правах подданных составляют *Государственное Уложение*.

Начертание обрядов, каждому постановлению свойственных, заключать будут их *уставы*.

Разум Государственного Уложения и уставов, к нему принадлежащих, определен, остается сделать им окончательное изложение.

Между тем как изложение сие изговоряется, должно определить порядок, коим все сии установления должны быть приводимы в действие.

Существенные правила сего порядка состоять могут в следующем:

- 1) не терять времени, но избегать всякой торопливости;
- 2) каждое установление открывает не прежде, как все образование его будет изготовлено;
- 3) переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия.

Соображаясь с сими правилами, должно всем частям преобразования назначить следующий порядок.

I. Из четырех государственных установлений, к действию Государственного Уложения необходимых, прежде всего устроить и открыть *Государственный Совет*. Причины сему следующие.

1) Совет есть место средоточия, чрез которое власть державная действует на другие установления. Следовательно, прежде всего должно устроить и утвердить сие средоточие.

2) Открытие Совета в новом его устройстве не предполагает никаких трудных приуготовлений.

3) Если бы устройство Совета и не входило в план общего преобразования, то необходимо нужно бы было его расширить и дать ему публичные формы по двум следующим не терпящим времени обстоятельствам.

а) Положение наших финансов требует непременно новых налогов, и весьма нарочитых. Без сего никак и ни к чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывают особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому

с очевидностью и подробно доказать их необходимость. Следовательно, очевидность сию должно заменить убеждением в том, что не действием одного произвола, но необходимостью, признанною и представленною от Совета, полагаются налоги. Таким образом власть державная сохранит к себе всю целостность народной любви, нужной ей для счастья самого народа, она оградит себя от всех неправых нареканий, заградит уста злонамеренности и злословия, и самые налоги не будут казаться тягостными с той минуты, как признаны будут необходимыми.

б) Смещение дел управления и суда в Сенате дошло уже до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры и исправления, а меры сии во всех предположениях не могут быть приняты иначе, как отделением части управления и назначением ей особенного порядка.

Итак, все уважения заставляют положить начало преобразованию открытием Совета.

Два предлога, весьма естественные, можно взять к сему преобразованию: *первое* — рассмотрение гражданского закона. Предмет сей сам по себе весьма уважителен. Со времен Петра I непрестанно думали о гражданских законах. Во всех царствованиях они были начинаемы. Теперь настало время их совершения, а сие уже одно во всех государствах может составить эпоху важных установлений. Нет ничего справедливее, как расширить существующий ныне Совет, чтобы доставить гражданскому закону всю зрелость уважения. *Второй предлог* — финансы. Скрывать затруднения финансов есть верный способ умножать запутанность и питать беспокойство; к тому же ежедневное падение бумаг преграждает всякую возможность скрыть настоящее их положение. Первый шаг исправления есть признать публично сии затруднения, но вместе с тем показать средства и пути исправления.* Кто

* Претать дела финансовые уважению Государственного Совета есть самым гласным образом объявить, что правительство не находит более ни удобства, ни нужды пользоваться выпуском ассигнаций, а приемлет совсем другую систему, и не только не хочет делать новых долгов, но и решилось уплачивать старые. Средство сие соответствует тому, которое предлагал Талейран⁵⁵ для восстановления кредита: «La première mesure c'est de prendre les moyens de notification pour annoncer, qu'il ne peut plus être mis en émission de papier de Banque qu'en presence d'une Commission» [«Первым делом следует найти способ, которым можно официально уведомить, что выпуск банком ценных бумаг будет производиться только в присутствии комиссии» (фр.)], — в наших установлениях никакая комиссия не могла бы иметь столько важности, как Совет.

чувствует свою силу, тот не боится угроз или нареканий. Россия в отношении к ее финансам точно стоит в сем отношении.

Время открытия Совета можно назначить 1 генваря нового года.

Органические законы сего установления в том самом порядке, как они в свое время войдут в состав Государственного Уложения, должны быть к 15 декабря не только изготовлены, но совершенно рассмотрены и решены. Вместе с сим должны быть готовы обряды сего места и образ его открытия.

Последние две недели определяется на окончательное избрание разных чинов, к устройству сему принадлежащих.

При открытии Совета внесутся в оный два важных предмета:

- 1) Гражданское Уложение;
- 2) план финансов.

Совет, следуя установленному порядку, передает их в свои отделения.

Таким образом, два департамента его — законов и экономии — восприимут свое действие, а департаменты военный и внутренних дел, также и общие собрания отсрочатся на две недели, дабы дать время переместить дела без торопливости.

Через две недели общие собрания Совета должны восприять свое действие.

Из департамента законов внесутся к нему первые рассмотренные главы Гражданского Уложения с мнением департамента.

Из департамента экономии — рассмотренный план финансов.

План сей должен быть решен к концу генваря месяца и окончен манифестом.

Дальнейшие упражнения Совета состоять будут:

- 1) в продолжении рассмотрения Гражданского Уложения;
- 2) в постепенном образовании одного из трех государственных установлений, и именно порядка исполнительного. Сюда принадлежать будет рассмотрение общего плана Министерств и общего министерского наказа и учреждения об управлении губерний. Министерства в подробностях их должны быть образуемы одно за другим, начиная с полиции;
- 3) в разрешении дел, кои поступать будут из департаментов Совета.

Устройство исполнительной части должно быть кончено к 1 мая.

С 1 мая начать в Совете устройство судной части и представить ее к 1 сентября, но не обращать к исполнению.

II. Вместе с открытием Совета наименовать министров финансов и казначейства, кои с 1 генваря и должны вступить в свое звание. Доколе в Совете рассматриваем будет план финансов, что продолжится месяц, они будут иметь время сделать все главные распоряжки по плану, который им за восемь недель будет уже известен.

III. В то же время открыть и Министерство полиции и присоединить коммерцию к делам внутренним. Сию часть в течение генваря месяца также легко перенести могут, тем более что для первоначального образования Министерства полиции есть готовые уже экспедиции, а Министерство коммерции по делам его столь маловажно, что и перемещать нечего.

Вместе с открытием Совета откроется и Государственная Канцелярия, которая в течение того же месяца может быть устроена.

IV. Вместе с сим и в течение того же времени дела первого департамента Сената разместят по Министерствам и из них уже примут установленный им ход в департаменты Совета. Второй департамент Сената примет наименование первого и так далее. Из всех дел первого департамента есть два только предмета, кои ни к одному Министерству особенно принадлежать не могут: 1) дела герольдмейстерские, кои, впрочем, весьма маловажны, 2) обнародование указов. В течение первого месяца, доколе не образуется Государственная Канцелярия, дела сии останутся под особенным ведомством министра юстиции.

V. Вместе с сим наименовать канцлера юстиции, поручив ему на первый раз в общих выражениях главный надзор над судебною частию.

VI. Можно бы даже было и учебную часть поручить главному директору, а министру сделать некоторое вознаграждение.

Утвердясь таким образом в средоточии, можно уже с надежностью поступить далее.

Образование исполнительной части к маю месяцу как в Министерствах, так и во всех его разрядах должно быть совершенно кончено.

К сему же времени Гражданское Уложение в Совете будет рассмотрено.

Государственное Уложение в течение четырех месяцев не только будет составлено, но и во всех частях как здесь, так и

вне России, если будет признано сие нужным, успеет быть рассмотрено.

Следовательно, с 1 мая можно положить первые начала его введения.

Для сего манифестом, сообразным тому, какой издан был в 1767 г.,⁵⁶ назначить выбор депутатов из всех состояний. Срок собрания определить 15 августа.

Предлогом сего собрания взять введение Гражданского Уложения.

Собрание депутатов наименовать Государственной Думою, не назначив сроку ее продолжения.

Для рассмотрения депутатских наказов, как то и прежде было, наименовать здесь канцлера Государственной Думы, к коему и предъявят депутаты свои полномочия.

На рассмотрение полномочий определить две недели.

1-й день сентября, в новый год по старому русскому стилю, открыть Государственную Думу со всеми приличными обрядами.

Действие ее начнется гражданским законом.

Между тем расположения депутатов будут надлежащим образом испытуемы и приуготовляемы. Если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, то, с Божиею помощью, предложится Государственное Уложение.

Принятие его утверждено будут общею присягою.

С сего времени Государственная Дума восприимет предназначенное ей в порядке государственных установлений место.

За сим образуется и судная часть, и Сенат станет в порядке государственных сословий.

Если Бог благословит все сии начинания, то к 1811 г., к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воприимет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется.

1809 г.

О СИЛЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Часто рассуждают о силе правительства; все утверждают, что сила сия необходима, все желают видеть ее в действии, но не все, и может быть редкие, знают, в чем именно состоит сия сила и какими средствами она приобретается.

Люди, воспитанные в дворских уважениях, думают, что сила сия состоит в великолепии двора, в пышности государских титулов, в таинственном слове самодержавия. Они приписывают магическому действию воображения то, чего изъяснить естественными причинами не умеют.

Другие силу правительства полагают в строгости взысканий и в щедрости наград. Страхом и удовольствием, говорят они, управляется род человеческий. Скорая казнь и обильные награды: вот все таинство сильного управления.

Любовию, твердят другие, привлекайте сердца. Взирайте часто и на самые проступки со снисхождением, и вы будете сильны.

Разум, уверяют иные, есть начало силы. Надобно, чтоб правительство всегда действовало убеждением, и тогда веления его с точностию будут исполняемы.

Все сии причины, коим приписывают силу правительства, суть или ложны, или по крайней мере в действии своем весьма ограничены.

Чтоб определить истинные причины, от коих происходит сила правительства, должно прежде определить, в чем состоит сия сила.

Сила правительства состоит в точном подчинении всех моральных и физических сил одному движущему верховному началу власти, и в самом деятельном и единообразном исполнении всех ее определений.

Должно различать силу правительства от силы государства.⁵⁷ Хотя силы сии одна без другой стоять не могут, но в данной эпохе может быть, что государство будет сильно, а правительство слабо.

Сила государства есть масса всех его сил моральных и физических.

Сила правительства есть соединение и направление сих самых сил государственных к известной и определенной цели.

Сколько бы государство в самом себе ни было сильно, но в настоящем положении Европы, без силы правительства, оно двигаться и долго сохранить себя не может.

Истинные причины, производящие силу правительства, суть следующие.

I. ЗАКОНЫ

Первый источник силы правительства суть законы.

Если законы так устроены, что они оставляют правительству довольно власти, чтоб действовать всегда во благо, а в случаях нужды принимать даже скорые и сильные меры, то правительство будет иметь в законах истинную силу.

Но власть должно различать от самовластия. Власть дает силу правительству, а самовластие ее разрушает, ибо самовластие даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения и, следовательно, действует без доверия и всегда принужденно.

Из сего следует, что правильное законодательство дает более истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластие.

В Англии закон дает правительству власть, и потому оно может быть там сильно; в Турции закон дает правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо.

Известно, что в России власть правительства в законе не ограничена, а потому истинная сила правительства в сем отношении всегда у нас была весьма слаба и пребудет таковою, доколе закон не установит ее в истинных ее отношениях.

II. ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ

Образ правления дает правительству истинную силу: 1) правильным дел разделением, 2) единством управления, 3) выбором исполнителей.

Правильное разделение дел умножает силу правительства потому, что приводит все предметы в ясность, облегчает надзор и исполнение.

Единство управления умножает силу правительства потому, что все части подчиняет одному началу, одинаковым соображениям и объемлет одним надзором.

Нет нужды доказывать, что выбор исполнителей есть одна из главных причин, производящих силу правительства.

Прилагая сии понятия к России, легко можно удостовериться, что и в сем отношении сила правительства у нас всегда была слаба. Мало есть государств, где бы управление, собственно так называемое (администрация), менее было устроено.

III. ВОСПИТАНИЕ ⁵⁸

Не довольно, чтоб правительство имело в данной какой-либо эпохе добрых исполнителей; надлежит, чтоб оно удостоверило себе навсегда непрерывное их продолжение.

Сего иначе достигнуть невозможно, как общественным воспитанием. Правительство должно совершенно обладать сею частию, дабы подчинить, так сказать, себе и ввести в виды свои целое рождение.

Всем известно, что в России нет почти общественного воспитания, ибо нет ни целости в плане, ни единообразия в исполнении. Великие издержки, сделанные на сию часть правительством, есть совершенная потеря и времени и денег.

IV. ВОЙСКО

Воинская сила есть верх и утверждение всех других сил государственных. И сие не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства. Без воинской силы ни законы, ни управление действовать не могут.

Хотя экономическое устройство наших войск и разные учреждения имеют некоторые недостатки, но с основательностью можно утверждать, что сей род силы правительство наше имеет в весьма нарочитой степени совершенства.

V. ФИНАНСЫ

Все соглашаются, что обилие государственных доходов составляет силу правительства.

Но в приложении сей истины к делу те же самые люди, кои на *словах* столь преданы престолу, столь привязаны к монарху, столь жарко защищают права и преимущества самодержавной его власти, *на деле* переменяют и речь свою, и рассуждения; при первом вопросе об умножении государственных доходов вдруг нападает на них безмерная нежность и чувствительность к нуждам народным, страх отягощения, опасность потерять любовь и преданность народа и множество других подобных сему призраков, коими лезть и невежество часто оглушают внимание государей.

Здесь-то, в сих опасных совещаниях полагается первое начало ослабления силы правительства. Здесь зарождаются сии бедственные ассигнационные и им подобные системы, коими под видом легкого и удобного исправления финансов истощаются его доходы и подтачивается власть его в самом ее корне.

Советы сии, во всех времена вредные, в настоящем положении всех европейских держав суть совершенно пагубны, и если бы у нас не происходили они от явного неразумения, то можно бы было назвать их государственным преступлением.

Во всех времена первое правило правительства есть быть *справедливым*, но в наше время первая нужда есть быть *сильным и богатым*.

Есть в свойстве нашего народа ожидать и всем жертвовать в крайности, но предвидеть сию крайность заранее, исчислить ее приближение и принять сильные и благовременные против нее меры нет у нас ни в нравах, ни в обычаях.

История наших финансов и самый образ их исправления доказывают сие неоспоримо.

В 1787 г. доходы наши составляли до 100 м. серебром.

В 1809 г., через двадцать два года, в течение коих присоединено к России семь губерний и более 10 м. народа, доходы составляли около 60 м. серебром, 125 м. ассигнациями.

Когда приступили к их исправлению, сколько споров, сколько пререканий о том, чтоб в наполнение истинных государственных нужд уделить от доходов помещичьих пять миллионов рублей.

Но чего требует правительство, возвышая свои доходы?

Требует, чтоб возвращено ему было то, что ложными советами было от него отторгнуто и в частные руки захвачено; требует, чтоб даны были ему способы защищать и покровительствовать ту же самую частную собственность, которая сама не может защищать себя.

Заключение. Истинная сила правительства состоит: 1) в законе, 2) в образе управления, 3) в воспитании, 4) в военной силе, 5) в финансах.

Из сих пяти элементов три первых у нас почти не существуют.

Сим изъясняется, почему в России все предписывается и ничто почти не исполняется.

Из двух последних воинская сила одна почти составляет всю силу правительства.

Финансы начинают поправляться и могут быть приведены в твердое положение, если малодушные совещания, всегда легкие, удобные, не превозмогут над предположениями здравыми, хотя и трудными.

1810 г.

ОТЧЕТ В ДЕЛАХ 1810 г., представленный императору Александру I

Представив Вашему Императорскому Величеству в свое время обыкновенный срочный отчет, считаю долгом моим представить ныне отчет и в делах, особенно мне порученных, дабы изволили из оного усмотреть истинное их положение и определить по усмотрению Вашему меру будущего их движения.

Отчет сей содержит четыре отделения по числу главных обязанностей, на меня возложенных:

- 1) По управлению Государственной Канцелярии.
- 2) По управлению Комиссии законов.
- 3) По плану финансов.
- 4) По делам финляндским.

В публичных отчетах министры и управляющие разными частями обыкновенно стараются доказать, что все идет наилучшим образом. Я счел бы себя недостойным внимания Вашего, если бы в доверенном отчете дозволил себе представлять подобные уверения.

Отчет мой будет составлять связь затруднений и недостатков, кои в делах, мне порученных, я опытом дознал, и некоторые предположения к их исправлению.

I. ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Совет учрежден для того, чтоб быть средоточием в порядке законов и учреждений.

Государственная Канцелярия учреждена для того, чтоб представлениям, в Совет входящим, и постановлениям, из Совета исходящим, давать форму удобную и достоинству закона приличную.

Государственный секретарь есть хранитель сих форм и должен за них отвечать. Из сего следует:

1) Что Государственная Канцелярия должна быть по всем частям гражданского управления снабжена самыми подробными сведениями о настоящем их положении* (§ 141 учреждения Совета). Без сведений сих нельзя ни одного важного дела представить во всей полноте его. В работе сей не положено еще у нас никакого прочного основания. Во всяком важном деле надобно вновь собирать сведения, часто неверные и всегда затруднительные.

2) Государственная Канцелярия должна иметь самый лучший и избраннейший архив государственных дел. Сколько есть дел, кои одним историческим изложением прежнего их производства могли бы быть решены; сколько других, в коих примеры прежние составляют самое лучшее правило к разрешению. Без сведений сих одно и то же учреждение в разные эпохи несколько раз начинается и никогда не приводится к совершенству. Архиву сему так же не положено первого начала, кроме журналов, от прежнего Совета оставшихся.

Вообще о Государственной Канцелярии приметить можно, что хотя в ней все делается с довольною поспешностью и с некоторою чистотою и порядком, но она далеко еще отстоит от того совершенства, в коем ей, по цели установления ее, быть надлежит.

II. ПО КОМИССИИ ЗАКОНОВ

Основанием, по кому должно судить о положении сей части, есть тот общий план государственного устройства, который Вашему Величеству в свое время, и именно в октябре и ноябре 1809 г., угодно было рассмотреть и определить и коего последствием было учреждение Совета и Министерств в настоящем их виде.

По плану сему законы и установления естественно делились на два рода: на государственные и просто гражданские. В сем самом порядке нужно здесь рассмотреть положение работ в каждом роде.

* Сие можно назвать статистикою внутреннего государственного образования.

А) УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

В установлениях государственных полагаемо было в течение 1810 г. устроить по крайней мере три существенных: 1) Совет, 2) Министерства, 3) Сенат.

1) СОВЕТ

Совет устроен. Излишне бы было здесь изображать пользу сего установления. Приводя в движение и поддерживая его личным Вашим действием, Ваше Величество лучше других можете объять все его влияние на общее благоустройство.*

Но сколь далеко еще отстоит установление сие от совершенства! Время, с коего начали у нас заниматься публичными делами, весьма еще непродолжительное; количество людей,

* Несколько примечаний считаю, однако же, нужным здесь поместить. Совет учрежден не для разрешения судных дел, но для того, чтоб власти законодательной, доселе рассеянной и разнообразной, дать первый вид, первое очертание правильности, постоянства, твердости и единообразия. В сем отношении он исполнил свое предназначение. Никогда в России законы и учреждения не были рассматриваемы с большею зрелостию, как ныне; никогда государю самодержавному не представляли истины с большею свободою, так как и никогда (должно правду сказать) самодержец не внимал ее с большим терпением. Одним сим учреждением сделан уже безмерный шаг от самовласти к истинным формам монархическим. Два года тому назад умы самые смелые едва представляли возможным, чтоб российский император мог с приличием сказать в своем указе: «вняв мнению Совета»; два года тому назад сие показалось бы оскорблением величества. Следовательно, пользу сего учреждения должно измерять не столько по настоящему, сколько по будущему его действию. Те, кои не знают связи и истинного места, которое Совет занимает в намерениях Ваших, не могут чувствовать его важности; они ищут там конца, где полагается еще только начало. Они судят об огромном здании по одному краеугольному его камню. Но если бы здание сие и не совершилось, если бы политические наши установления и не двинулись вперед, то и в сем предположении Совет есть уже весьма важное учреждение.

Есть меры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не может или не должно принимать на свою ответственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться в виде непрерывной нужды и умножать народные тягости. Пусть рассчитывают их министры, присуждает Совет, а государь должен только прилагать к ним печать своего необходимого утверждения. Бывают и могут быть положения критические, в коих тяжесть сия должна быть нарочито увеличена. Таков есть случай войны. Здесь государь должен защищать отечество, а дело его Совета есть измерять и налагать меру частных пожертвований. Совет должен в них ответственовать, сколько бы они ни казались чрезмерными. Таким образом власть верховная будет всегда сохранять свойственный ей характер; она будет иметь менее произвольности, но более истинной действующей силы.

кои в предметах сих упражняются, вообще ограничено, и в сем ограниченном числе надлежало еще по необходимости избирать только тех, кои по чинам их и званиям могли быть помещены с приличием. При сем составе Совета нельзя, конечно, и требовать, чтоб с первого шагу поравнялся он в правильности рассуждений и в пространстве его сведений с теми установлениями, кои в сем роде в других государствах мы видим.

Недостаток сей не может, однако же, быть предметом важных забот. По мере успеха в прочих политических установлениях и сие учреждение само собою исправится и усовершеншится. Нужно только вести его единообразно и неослабно.

2) МИНИСТЕРСТВА

Нет сомнения, что Министерства в настоящем их устройстве представляют более связи и лучшее дел разделение, но улучшение сие еще не чувствительно потому, что ни одно Министерство не образовано и не имеет своего устава. Если бы уставы сии изданы были вместе с разделением частей, тогда каждая из них представилась бы в истинном своем виде; тогда только можно было бы объять сие установление во всей его совокупности вместо того, что теперь все еще представляется в некотором смешении.

Уставы сии почти готовы; все существенные и труднейшие работы сделаны. Осталось только дать им связь и единообразие. Вслед за сим работа сия совершится. В ней останется один только важный пункт неразрешенным: отношение министров к Сенату, доколе Сенат не будет образован.

3) СЕНАТ

Образование Сената представлялось всегда затруднительным. Во всех установлениях трудно найти истинную линию разграничения; кольми же паче трудно ее определить между делами суда и управления, кои столетним беспорядком были у нас смешаны и кои во всех государствах весьма часто друг другу приражаются.

Как бы то ни было, образование сие кончено. В нем осталось решить один вопрос: под каким наименованием имеет быть основано сословие, к коему должны стекаться

разные части управления? Должно ли присвоить ему имя Сената, имя, облеченное некоторою привычкою уважения? Если сие мнение будет принято, тогда нужно только в образовании Сената переменить слова, а вещи останутся те же.

Таково есть положение государственных установлений, кои в течение 1810 г. образовать предполагалось. Нельзя не признать здесь с некоторым сожалением, что время их совершения далеко отстало от первоначального предназначения, но если исчислить множество текущих дел, коими ход сих важных учреждений непрестанно был затрудняем, если рассудить, что при учреждениях сих соображения личные у нас, как и везде, столько же представляют трудностей, сколько и самое дело, если, наконец, измерить все время и труды, поглощенные устройством финансов, не только в главных его операциях, но и в самых подробностях, то умедление сие покажется весьма естественным.

Тем не менее нельзя не сожалеть о потере времени, и если что может в сем утешить, то одна только та мысль, что предметы сии не отложены и не потеряны из виду, но все находятся в движении и большею частию близки к своему концу.

Б) ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКИЕ

Второй разряд законов, в общем плане предположенных, суть законы гражданские. Должно знать подробности сей работы, чтоб измерить всю ее трудность.

Если бы Комиссия законов составлена была, как, например, во Франции, из знаменитых юрисконсультов, совершенно сведущих в отечественном законе и его приложении, если бы дело сие приуготовлено было предшествующими сочинениями ученых людей, если бы потом окончательная редакция в том состояла, чтоб пересмотреть и свести воедино все сии готовые материалы, то и тогда работа сия представляла бы еще множество затруднений, и тогда требовала бы она одна всего времени самого трудолюбивого и знающего редактора.*

* Во Франции одно Гражданское Уложение, составленное вначале Камбасересом по образцам, за сто лет другими начертанным, пересматриваемо было потом три года, четыре раза перелагалось и два почти года было рассматриваемо в Совете.

Всем известны и состав нашей Комиссии, и смесь наших законов, и совершенный недостаток всяких юридических познаний.

Невзирая, однако же, на все сие, можно с достоверностию утверждать, что в течение минувшего года не только Гражданское Уложение, но и бóльшая часть судебного устава могли бы быть окончены, если бы все сии предметы не стекались в одни руки. Дело Комиссии было составить своды, сделать компиляции и начертать правильные проекты. Она дело свое почти исполнила, но потом дело директора есть свести все воедино, приспособить к общему плану и наконец изложить с правильностию и единообразием. Работы сей у нас разделить не можно: ее должен делать один. Следовательно, не Комиссия, но один директор ответствен в умедлении, он один останавливает движение сего дела.

В) ПЛАН ФИНАНСОВ

Чтоб судить с основательностию об операциях наших в финансах, должно взять в уважение точку, с которой мы пошли, время, которое на исправление употребили, и обстоятельства, в коих целая Европа находилась.

125 миллионов дохода, 225 миллионов расходу, 577 миллионов долгу. Ни малейшего запаса, ни одного готового источника, самое нестройное управление казначейства — вот истинная точка, с коей надлежало двинуться в финансах.

Известно, то с 1787 г. все почти главные обороты казны совершались выпуском ассигнаций. От сего времени через двадцать два года в первый раз в ноябре месяце 1809 г. Вашему Величеству угодно было повелеть составить план финансов. С 1 генваря минувшего года он восприял свое начало.

В каких обстоятельствах должно было план сей приводить в действие? Тогда, как сильным потрясением весь кредит Европы почти уничтожился, когда целые царства, так сказать, исчезали, торговля в отчаянии, самая недвижимая собственность без достоверности, и одно то только каждый считает своим, что можно спасти от войны и скрыть от налогов, — серебро и золото. В сем состоянии общественных дел, в течение одного года, среди всеобщего, так сказать, пожара надлежало исхитить наши финансы из опасного их положения.

Две главные операции к сему естественно представлялись. Платить долги и уравнивать доход с расходом. Отсюда две главные части плана: система кредитная и равновесие доходов.

1) СИСТЕМА КРЕДИТНАЯ

Для уплаты долгов приняты следующие главные положения:

I. Остановить выпуск ассигнаций.

II. Отделить из государственных имуществ особенный капитал для погашения.

III. Чтоб ускорить движение сего капитала, открыть на счет его заем.

Множество возражений встретили сии положения. Одни утверждали, что остановить ассигнации невозможно. Другие уверяли, что имуществ государственных никто покупать не будет. Иные, наконец, искали доказать, что заем слишком выгоден для частных людей и убыточен для государства. Опыт и молчание опровергли все сии предсказания.

Выпуск ассигнаций остановлен на самом деле; имущества продаются выше самой высокой их оценки; заем идет, но не производит того сильного движения, коего от чрезвычайных его выгод страшились.

Но если система кредитная устроена на началах правильных, то для чего в течение сего года не произвела она почти никакого в деньгах поправления? Для чего курс непрерывно унижался?

Для того, что система кредитная в течение минувшего года могла быть обдумана, написана и опубликована, но не могла быть приведена в свое действие.

Для того, что прекращение выпуска ассигнаций возведено 2 февраля 1810 г., а восприяло начало свое только 1 января 1811 г.*

Для того, что в то самое время, когда положено было остановить выпуск ассигнаций, правительство принуждено было выпустить их вновь на 43 миллиона и тем унижить все курсы.

* Т. е. месяц тому назад, и приметить должно, что с сего самого времени падение курсов остановилось. С сего времени можно ручаться, что они ниже не пойдут и будут постепенно возвышаться.

Для того, что в то самое время, как положено платить долги, надлежало еще помышлять, чем обеспечить ежегодные текущие расходы.*

Для того, что продажа имений, на коей все дело сие основано, возвещена была в мае 1810 г., а могла воспринять свое начало только с 1 февраля 1811 г.**

Для того, что в то самое время, как мы кредит свой старались возвысить, политические происшествия унижали и разрушали его во всей Европе.***

Для того, наконец, что ни в какое время, ни в каких обстоятельствах, никакому государству не может быть легко уплатить 600 миллионов долгу так, чтоб в первый год, и даже в первые шесть месяцев, уплата сия не была уже чувствительна; тем же менее еще можно сего требовать от государства без коммерции, среди войны и в недостатке ежегодных доходов на текущие расходы.****

Из сего, однако же, не следует, чтоб все уже в сей части было сделано и ничего делать не оставалось. Напротив, сим положено еще только начало. Без кредитных бумаг государство наше стоять не может. Следовательно, не в том только дело состоит, чтоб с успехом окончить прежний кредит, надобно еще основать новый. Вместо ассигнаций должно ввести вер-

* Знатные суммы, составлявшие капитал ассигнационного банка и предназначенные к погашению долгов, обращены были по необходимости на ежегодные расходы.

** Она теперь только начинается.

*** Так, например, по открытии займа мы ожидали капиталов из Голландии, и лучшие банкиры в том были уверены; вместо того в то самое время Голландия, быв постигнута известным декретом рамбульетским, быв присоединена к Франции и отягощена налогом 50-ти со ста, принуждена была не к нам высылать, но от нас требовать своих капиталов. Мы считали еще на Гамбург, но в то самое время Гамбург, отягощенный податями и наконец присоединенный к Франции, принужден был сократить и даже окончить все свои кредиты.

**** Иностранным и внутренним нашим политикам, всегда храбрым на словах и трусливым на деле, легко рассуждать в кабинете и спрашивать в домашних беседах: для чего правительство не приняло мер более решительных? Для чего, например, ассигнации вдруг не консолидированы или не превращены в долг срочный? Здесь не место разрешать сии вопросы. Довольно сделать одно примечание: долги деланы были постепенно, бумаги наши упали не вдруг. Следовательно, не вдруг, но постепенно должно их и возвышать. Внезапность мер могла бы произвести в государстве самое опасное потрясение. Вообще, меры легкие и удобные суть по большей части меры подозрительные и ненадежные. Итак, можно с достоверностию утверждать, что меры, к установлению кредитной системы у нас принятые, суть самые лучшие, какие только обстоятельства принять дозволили. Быв расчислены не на полгода и не на год, они доселе не могли еще произвести своего действия. Но должны произвести оное по всей необходимости.

ные банковые бумаги, учредить правильные есконты, словом, составить государственный банк на основаниях истинных и непоколебимых. Предмет сей представляет связь работ, кои означены только главными чертами в плане, но к коим еще и не прикоснулись. Хотя работы сии теперь и не могут быть произведены в действие, ибо новый кредит предполагает окончание прежнего, тем не менее они должны быть ныне же приуготовлены. Можно с достоверностию сказать, что от сего зависит жизнь и постоянное движение всех государственных богатств.

2) РАВНОВЕСИЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

В сей части финансов сделаны следующие положения:

I. Установлена монетная система.

II. Учрежден порядок, коим сметы расходов должны быть составляемы, рассматриваемы и охраняемы.

III. Экономическими суммами, прибавкою в налогах и другими пособиями удовлетворены все издержки 1810 г. и обеспечены расходы 1811 г.

IV. Издано коммерческое положение на 1811 г.

Один взгляд на положение доходов 1811 г. открывает уже действительность мер, кои к равновесию их были приняты. Доходы по смете на 1810 г. составляли 125 миллионов, а на 1811 г. они составляют 275 миллионов. Сие одно заграждает уста всем пререканиям.

Но сколь положение сие ни кажется благоприятным, оно далеко еще отстоит от того, которое в плане предназначено.

В самом деле все приращения в податях, кои доселе были допущены, имеют два главных недостатка: *первое*, они основаны на самых ложных правилах, как и самые налоги; *второе*, со всеми сими приращениями настоящий доход государственный не достиг еще ныне и того слабого количества, в коем он находился до 1787 г., т. е. до выпуска ассигнаций, и даже едва ли равняется с тем, который был у нас при Петре Великом.

Таким образом, в образовании доходов ничего почти не сделано, и сия часть плана, одна из самых существенных, доселе еще не восприяла своего начала.

Пять главных ветвей дохода в Империи нашей быть могут:

1) Личная подать.

2) Поземельная подать.

3) Сбор с винокурения.

4) Налог с промышленности и торговли. Сюда принадлежат подати с купечества, таможенные сборы и подати с медных и железных заводов.

5) Доход с казенных имуществ, с лесов и заводов.

Все прочие мелочные статьи податей не заслуживают уважения и большею частию должны быть уничтожены.

Из сих пяти частей две только первые получили уже некоторое образование. Остается их рассмотреть и привести в действие. Третья также близка к своему совершению. Но две последние представляют работу новую, к коей никто еще почти не прикоснулся и которая, однако же, в течение сего года необходимо должна быть окончена.

Многие думают, что план финансов совершенно уже исполнен, и все операции, в нем предназначенные, приведены в действие. Мнение сие никакого не имеет основания. Из всего вышеизложенного видно, что некоторые только его части обработаны и изданы, другие же по стечению работ и теперь еще остаются без действия.

III. ДЕЛА ФИНЛЯНДСКИЕ ⁵⁹

Важнейшие дела по Финляндии с самого их начала были следующие:

1) *Сейм*. Сим положено твердое основание всему настоящему устройству сего края.

2) Учреждение Совета.

3) Система монетная.

4) Устройство милиции.

5) Устройство доходов прошедших лет.

6) Сметы доходов и расходов на 1810 и 1811 гг.

7) Инструкции генерал-губернатору и прокурору.

Сверх сих главных предметов ежедневно входит великое количество дел текущих.*

* Они суть следствие конституции сего края. Власть державная, быв ограничена в сей стране законом, должна была искать усилить себя подробностями управления. Отсюда происходят следующие роды дел текущих:

1) Определение ко всем почти местам.

2) Определение пасторов на регальные пастораты и пенсии.

3) Браки и разводы в известных степенях.

4) Дела уголовные.

Финляндия есть государство, а не губерния. Следовательно, нельзя управлять ею мимоходом и среди множества текущих дел. Доселе, однако же, все управление сие вмещалось в разряде дел текущих и отправляемо было в канцелярии, которая вся состоит из трех чиновников и в коей дела сии не составляют и 10-й части. Комиссия финляндская едва успевает пересматривать дела уголовные и занимается собиранием сведений к образованию Старой Финляндии.

Чтоб установить управление сие на твердых началах, к сему необходимо нужно:

1) Избрать чиновника высшего разряда и под именем ли статс-секретаря или канцлера юстиции вверить ему управление сих дел. Он же должен быть и канцлером университета.

2) При нем должна быть Комиссия, составленная из двух членов финляндских и из двух здешних, с потребным числом канцелярских чинов.

3) Обязанностию сего статс-секретаря должно быть держать переписку с генерал-губернатором и Советом, надзирать за общим течением дел, представлять их на Высочайшее решение, а паче всего знать людей, содержать между ними и правительством нужную связь, являть им доброхотство и приветливость и привлекать их привязанность не только беспристрастием и правотою в делах, но и некоторою удобностию во нраве, в образе жизни и гостеприимством.

В сем состоят главные черты отчета, который счел я себя обязанностию моею представить Вашему Императорскому Величеству по делам, на меня возложенным.

Представив Вашему Императорскому Величеству отчет в главных предметах по званию государственного секретаря, директора Комиссии законов и по управлению Финляндии, считаю долгом в дополнение оного представить на Высочайшее усмотрение и испросить разрешения о делах, коих производство в разных случаях мне было поручено.

I. ДЕЛА ПО УПРАВЛЕНИЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

Сей род дел состоит в одной почти переписке текущей и не предполагает никаких важных забот, кроме точности и скорости исполнения.

II. ДЕЛА ПО ЗВАНИЮ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ЮСТИЦИИ

Дела сии приходят в тех случаях, когда министр юстиции отказывается от производства их или по особнным Высочайшим повелениям. Количество их вообще маловажно. Мемории никогда почти не рассматриваются, да и рассматривать их было бы бесполезно по образу их составления.

III. ДЕЛА ПО БЕЛОСТОКСКОЙ И ТАРНОПОЛЬСКОЙ ОБЛАСТЯМ

Дела сии вошли в производство по особнным повелениям. Их должно было бы соединить в одном месте. Министерство внутренних дел в настоящем его составе представляет к сему наиболее удобства.

IV. ПЕРЕПИСКА ПО ДЕЛАМ ПОЛЬСКИМ

Переписка сия завелась по разным случаям, и особенно во время бытности здесь губернатора Ланского. По свойству своему она принадлежит к Министерству полиции и должна бы быть к нему передана для лучшей связи.

V. ДЕЛА ЛИФЛЯНДСКИЕ

Дела лифляндского комитета состоят теперь большею частью в подробном приложении общих правил и в ревизии вакенбухов. Присутствие мое в сем комитете совершенно бесполезно, а отнимает много времени. Общие положения, как-то образование крестьянских судов, могут быть сообщаемы в Комиссию законов на заключение, и тогда, как директор Комиссии, я поставлен буду в сношение с президентом, не быв принужденным следовать бесполезно за всеми подробностями.

VI. КОМИССИЯ ДУХОВНЫХ УЧИЛИЩ

Комиссия сия занимается также приложением общих правил к подробностям. Журналы ее составляют целые стопы бумаг, к коим без пользы и с потерей времени я должен только прикладывать руку.

Новые учреждения по училищной духовной части должны входить или в Совет, или в комитет, и, следовательно, если бы некоторое мое участие в делах сего рода и могло быть полезно, то оно всегда может быть употреблено в своем месте. Вообще часть сия требует терпения, и, как в одно время имел уже я счастье доносить, она не может идти с успехом в настоящем образе ее управления.

Из отчета, при сем представленного, Ваше Императорское Величество усмотреть изволите, что по планам, в октябре и ноябре месяце 1809 г. принятым, исполнены следующие главные предметы:

I. Учрежден Государственный Совет.

II. Окончены две части Гражданского Уложения.

III. Сделано новое разделение Министерств, составлен общий им устав и начертаны проекты уставов частных.

IV. Составлена и принята постоянная система к уплате государственных долгов:

1) прекращением выпуска ассигнаций;

2) продажей имуществ;

3) установлением комиссии погашения.

V. Составлена система монетная.

VI. Экономическими суммами, новыми налогами и другими пособиями доходы нарочито возвышены и приведены в надлежащее с расходами равновесие.

VII. Составлено коммерческое положение на 1811 г.

Никогда, может быть, в России в течение одного года не было сделано столько общих государственных постановлений, как в минувшем. В нем положены первые основания истинного монархического устройства в части законодательной, в устройстве Министерств, и особенно в финансах.

Но в нем положены *одни первые основания*, много начато и ничего еще не кончено. Между тем опыт протекшего года показал, что много было потеряно времени, и часто самые нужные положения не выходили к своему сроку единственно потому, что, стекаясь в одни руки, они не могли быть скоро приуготовлены.

Из сего следует, что для успешного довершения того плана, который Ваше Величество предначертать себе соизволили, необходимо нужно усилить способы его исполнения.

Отлагая до лучших обстоятельств все те предположения, кои собственно принадлежат к устройству законодательного порядка, и ограничив себя на настоящее время одним устройством порядка судного и исполнительного, следуя-

щие предметы в плане сем представляются совершенно необходимыми:

- I. Окончить Уложение Гражданское.
- II. Составить два Уложения, весьма нужные: 1) Судебное,
- 2) Уголовное.
- III. Окончить устройство Сената Судебного.
- IV. Составить устройство Сената Правительствующего.*
- V. Управление губерний в порядке судном и исполнительном.

VI. Рассмотреть и усилить способы к погашению долгов.

VII. Основать государственные ежегодные доходы:

- 1) введением новой переписи людей;
- 2) образованием поземельного сбора;
- 3) новым устройством винного дохода;
- 4) лучшим устройством дохода казенных имуществ.

Все предметы, выше сего исчисленные, суть предметы совершенно необходимые. Можно с достоверностию утверждать, что без окончания их ни порядка в делах, ни силы во внутреннем управлении быть не может, что, напротив, совершенством их, хотя бы даже и ничего не сделано было в устройстве порядка законодательного, Империя поставлена будет в положение столь твердое и надежное, что век Вашего Величества всегда будут именовать веком *благословенным*.

По сему одно непрерывное стремление к совершению сих дел должно считать настоящим делом, достойным внимания Вашего. Все прочие внутренние дела текущие суть только зло необходимое и, приметить должно, *необходимое* до тех пор, доколе все установления, выше изображенные, не устроятся, ибо с устройством их и самые дела текущие должны по всей необходимости исчезнуть или нарочито уменьшиться. И тогда одни дела воинские и внешние политические составлять будут предмет упражнений Вашего Величества, внутренние же гражданские потекут сами собою и будут требовать одного верховного надзора и направления, не составляя, как ныне, ежедневных забот и затруднений. Таково есть пространство дел, к окончанию подлежащих.

Сколь дела сии ни обширны, я надеюсь, что виды Вашего Величества по всем сим предметам будут с точностию исполняться. Надежда сия утверждается наиболее тем, что я вошел уже, так сказать, в существо их, что материалы их готовы и что, впрочем, по самому свойству своему они между собою

* Здесь приемлются только предварительно сии наименования.

нераздельны. Но следовать за сими предметами среди множества текущих дел, кои по званию моему в Государственном Совете и по управлению Финляндии непрестанно меня заботят и отрывают, поистине нет никакой возможности.

Когда Вашему Величеству угодно было возложить на меня звание государственного секретаря, я считал тогда невозможным от сего уклониться. Может быть, в начале сего установления было и нужно, чтоб я понес сие бремя, но теперь Совет принял уже свой ход. Звание государственного секретаря, отдельно взятое, не трудно, но соединенное со званием директора Комиссии и в связи с работами вышеприведенными весьма тягостно и для сил моих почти невозможно. Не скрою здесь, что разделение сих должностей имело бы еще и другие личные для меня выгоды.

Меня укоряют, что я стараюсь все дела привлечь в одни руки. Вашему Величеству известно, сколь укоризна сия в существе ее несправедлива, но во внешнем ее виде она имеет все вероятности. Представляясь попеременно то в виде директора Комиссии, то в виде государственного секретаря, являясь по повелению Вашему то с проектами новых государственных постановлений, то с финансовыми операциями, то со множеством текущих дел, я слишком часто и на всех почти путях встречаюсь и со страстями, и с самолюбием, и с завистью, а еще более с неразумием. Кто может устоять против всех сих встреч? В течение одного года и попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался наконец записным иллюминатом. Толпа подъячих преследовала меня за указ 6 августа⁶⁰ эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельмож со всею их свитою, с женами их и детьми меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследуют как опасного уповителя. Я знаю, что большая их часть и сами не верят сим нелепостям, но, скрывая собственные их страсти под личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной; я знаю, что те же самые люди превозносили меня и правила мои до небес, когда предполагали, что я во всем с ними буду соглашаться, когда воображали найти во мне послушного клиента и когда пользы их страстей требовали противуположить меня другому. Я был тогда один из самых лучших и надежнейших исполнителей; но как скоро движением дел приведен я был в противополож-

ность им и в разномыслие, так скоро превратился в человека опасного и во все то, что Вашему Величеству известно более, нежели мне.

В сем положении мне остается или уступать им, или терпеть их гонения. Первое я считаю вредным службе, унижительным для себя и даже опасным. Дружба их еще более для меня тягостна, нежели разномыслие. К чему мне разделять с ними дух партий, худую их славу и то пренебрежение, коим они покрыты в глазах людей благомыслящих? Следовательно, остается мне выбрать второе.

Смею мыслить, что терпение мое, время и опыт опровергнут все их наветы. Удостоверен я также, что одно слово Ваше всегда довлеет отразить их покушения. Но к чему, Всемилостивейший государь, буду я бременить Вас своим положением, когда есть самый простой способ из него выйти и раз навсегда прекратить тягостные для Вас и обидные для меня нарекания.

Способ сей состоит в том, чтоб, отделить звание государственного секретаря и сложить с меня дела финляндские, оставить меня при одной должности директора Комиссии. Тогда:

1) Зависть и злоречие успокоятся. Они почтут меня ниспровергнутым, я буду смеяться их победе, а Ваше Величество раз навсегда освободите себя от скучных предположений. Сим приведен я буду паки в то счастливое положение, в коем быть всегда желал, чтоб весь плод трудов моих посвящать единственно Вам, не ища ни шуму, ни похвал, для меня совсем чуждых. Смею привести здесь на память тот девиз, который некогда Вам понравился: *j'ai désiré de faire du bien, mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parce que j'ai senti que le bruit ne ferait pas de bien, comme le bien ne ferait pas de bruit.**

2) Тогда, и сие есть самое важнейшее, буду я в состоянии обратить все время, все труды мои на окончание предметов вышеизображенных, без коих, еще раз смею повторить, все начинания и труды Ваши будут представлять здание на песке.

Из сего Ваше Величество усмотреть изволите, что не охлаждение к делам, но самая польза и успех дел заставляют меня желать и просить сего разделения. Не от трудов, не от службы (сколько, впрочем, она для меня ни тягостна и по стесненному положению домашних экономических моих дел, и по личным неприятностям) я ищу сим уклониться, но

* [Я хотел делать добро, но не хотел производить шума, потому что я почувствовал, что шум не станет добром, как добро не производит шума (*фр.*)]

желаю и ищу дать времени моему лучшее и полезнейшее употребление.

Простите мне, Ваше Величество, еще одно откровенное здесь изъяснение. Из всех тех, кои имеют счастье к Вам приближаться, я имел случай, может быть, более других познать силу и пространство Ваших мыслей и желаний не в подробностях ежедневных текущих дел, но в самых коренных истинах, на коих стоят государства.

Следовательно, доколе истины сии будут составлять главный предмет Ваших намерений, доколе останется самый слабый луч надежды в их исполнении, доколе могу я хотя несколько быть для сего полезным, доколе никакие уважения, никакие неприятности не превозмогут над моим желанием видеть их событие.

11 февраля 1811 г.

О ВЕРОЯТНОСТЯХ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ ПОСЛЕ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА *

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ДЕЛА

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ОТ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА ДО ЭРФУРТСКОГО СВИДАНИЯ

Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно.

* Писана или в конце 1811 г., или в самом начале 1812 г. В сочинении «Жизнь графа Сперанского» М. А. Корф ⁶¹ говорит: «Когда ход событий переменял чувства к Наполеону императора Александра, он рассудил отправить в Париж графа Карла Васильевича Нессельрода, ⁶² уже начинавшего приобретать значение в дипломатическом мире. Сперва Нессельрод был послан ненадолго, с поручением по предполагавшемуся тогда внешнему займу. Но Сперанский, желая воспользоваться такою поездкою доверенного, умного и скромного молодого человека и для другой важнейшей цели предложил присоединить к гласно заявленной цели его командировки и секретную дипломатическую миссию. Это совершенно совпадало с мыслями государя, который не имел особого доверия к тогдашнему нашему послу при французском дворе, князю Александру Борисовичу Куракину, ⁶³ а еще менее желал открыться министру иностранных дел, графу Румянцеву, ⁶⁴ известному своею склонностью к императору французов. Нессельрод был оставлен в Париже советником посольства, и между ним и Сперанским установилась, с ведома и по точной воле государя, постоянная переписка, которая была ведена в глубокой тайне и от Куракина и от Румянцева, сделалась впоследствии одним из главных источников сведений *вернейших и полезнейших и много способствовала к раскрытию заранее истинных намерений Франции*» (Примеч. изд. 1900 г.).

Достоверность всякого мира может быть твердо основана на трех только положениях:

- 1) на относительной слабости одной из воюющих держав;
- 2) на выгодах мира;
- 3) на характере государей.

Тильзитский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений.

Следовательно, один характер государя доставлял всю достоверность, все ручательство мира.

Франция совершенно знала и не скрывала сего положения вещей.*

Следовательно, самый простой расчет благоразумия запрещал ей полагаться на Тильзитский мир. Страхом оружия надлежало поддержать слабость трактатов.

Франция точно и следовала сему правилу.

С самым почти Тильзитским миром началось образование и сооружение Варшавского герцогства. Силы ее, в Пруссии и в Германии расположенные, не ослабевали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франция всем жертвовала, чтоб сохранить по всей возможности северную воинскую ее систему.

Следовательно, Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный.

Отсюда возникли два главные политические мнения, разделившие в сие время всю почти Европу.

Одни рассуждали, что, окончив испанскую войну, Наполеон обратится паки на твердую землю и довершит то, что было не окончено в континентальной его системе. Основываясь на сем, они предлагали предупредить войну, которую считали неизбежною, и составить новую коалицию.**

Другие, напротив, находили, что точным и продолжительным исполнением принятых обязательств есть еще надежда сохранить мир, и что, впрочем, из всех систем оборонительных война союзная в настоящем положении держав

* Послы ее, начиная с Савари, всегда здесь твердили, что мир сделан с императором, но не с Россиею.

** Известно, что сие мнение было господствующим тогда в Вене. Его держался Меттерних; ⁶⁵ от Меттерниха перешло оно к графу Толстому, ⁶⁶ который и без того уже был к нему преклонен. В сем разуме писал граф Марков. ⁶⁷ Сие мнение здесь было почти общее. В Берлине не смели надеяться, но помышляли о том же.

есть самая ненадежная, и что по сему лучше ожидать войны вероятной, нежели входить в связи, которые привлекут ее достоверно.

Первое мнение превозмогло в Вене, второе в Петербурге. Сие было поводом Эрфуртского свидания.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

ОТ ЭРФУРТСКОЙ КОНВЕНЦИИ ДО ВЕНСКОГО МИРА

Эрфуртское свидание произвело ту существенную перемену в вероятностях войны, что оно дало ей на время другое направление.

Под предлогом общего мира Франция искала только удостовериться в России и достигла сей цели.

Тщетно Шварценберг домогался здесь переменить сие положение: оно было принято невозвратно.

Период сей можно считать самым благоприятнейшим в сношениях наших с Франциею.

Благоприятство сие основано было не на словах, но на самом коренном начале всякого мира — на невозможности воевать.

Россия вела войну с Турциею и оканчивала войну финляндскую. Франция имела на руках войну испанскую и начинала австрийскую.

Следовательно, в обоюдном положении сих держав существовало твердое ручательство взаимного их доверия.

Положение сие вскоре изменилось; Россия окончила финляндскую войну в сентябре, а Франция австрийскую — в октябре.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

ОТ ВЕНСКОГО МИРА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Венский мир две важные сделал перемены в нашем с Франциею положении.

1) Усилил герцогство Варшавское всею западною Галициею и частию восточной.

2) Соединил две воюющие державы родственным союзом.

Отсюда вероятности войны, кои в предыдущем периоде утихли, снова возродились.

Две системы тогда представлялись вероятными: 1) раздел Пруссии между Саксониєю и Вестфалиєю; 2) восстановление Польши с согласием Австрии.

Страхи сии питаемы были разными происшествиями:

- 1) движением французских войск к северу;
- 2) присоединением Рима и Голландии;
- 3) отказом в польской конвенции;
- 4) отказом в займе.

Страхи сии, всегда политику нашу более или менее колебавшие, положением испанской войны и турецких наших дел начинали утоляться, как вдруг паки и с новою силою они возникли избранием Бернадота ⁶⁸ на шведское наследство. Казалось, тогда все уже было к нападению на нас готово.

Но прошли два, три месяца, и дела шведские так проявились, что там, где ожидали бед, можно теперь считать на некоторое даже содействие.

Между тем Наполеон издал примечательный свой декрет об истреблении английских товаров.

Все боялись, что он настоятельно будет требовать, чтобы и Россия приняла сие правило, и предвещали уже неминуемую войну.

Ни настоятельного требования, ни войны, однако же, не последовало.

Вскоре потом присоединены Ганзейские города, и вместе с другими областями Франция завладела Ольденбургом.

В течение всего сего времени поляки и здесь и в Париже не переставали твердить о войне. С обеих сторон страшали сильными приготовлениями, коих, однако же, в самом деле в сие время ни с той, ни с другой стороны еще не было.

Французские силы в Германии ограничивались до сего времени почти тем самым ополчением, которое для вооруженного мира Франция всегда считала необходимым.

Наша политика долгое время состояла в одном молчании; нельзя, однако же, нам было не готовиться, по крайней мере издалека, к войне.

Первым нашим приуготовлением можно почесть вооружение и устроение крепостей.

Вслед за тем к концу 1810 г. сделаны разные перемены в расположении войска, и количество их на границе умножено.

Вместе с тем и в политике нашей приняты две важные меры: 1) издан тариф на 1811 г. и 2) вскоре потом протестация Ольденбургская.

С сего времени можно полагать начало четвертому периоду в сношениях наших с Франциею.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Тариф 1811 г., лишивший Францию 35 м. в торговом ее балансе, хотя не возбудил явных и формальных подозрений, но был для нее, без сомнения, весьма огорчителен. Для Наполеона он доказывал две важные истины:

1) что Россия после четырехлетнего молчания начинает познавать свои силы и действовать с некоторою независимостью;

2) что первый сей шаг предзнаменует и другие.

В других обстоятельствах нет сомнения, что не допустил бы он сей меры. Но на сей раз он по необходимости должен был скрыть свое негодование.*

Ольденбургская протестация должна была произвести или еще и усилить те же самые впечатления.

Из сего сами собою должны были родиться в уме его (Наполеона) следующие заключения.

I. Тильзитский мир есть мир вооруженный. Вся достоверность его основывается на страхе.

II. Страх сей по мере приращения внутренних сил России ослабевает, и Россия начинает действовать.

III. С окончанием турецкой войны она может совершенно переменить сию систему. Протестация Ольденбургская послужит ей достаточным к сему предлогом; следовательно,

IV. Франция должна готовиться к войне и усиливать свои вооружения; но между тем

V. Вызвать Россию к объяснению.

VI. Затруднять сколь можно турецкий мир как эпоху совершенного отпадения России.

Заключения сии столь просты и естественны, что каждый на месте Наполеона точно то же бы сделал.

Вся сила известной бумаги состоит в сих почти заключениях.

* Известно, что тариф сей он называл *une mesure hostile* (враждебная мера).

Истинный разум Наполеоновой речи 15 августа в сем же самом заключается.

Какие средства употреблены были с нашей стороны, чтоб переменить или уничтожить сии заключения?

1) Словесные уверения.

Уверения сии, сами по себе ничтожные, сверх того имеют два разных смысла: один для нас, другой для Франции. Когда Россия уверяет, что она не начнет войны и что Наполеон должен прийти искать нас, в России сие значит, что мы ничего не сделаем, не только чтоб начать, но чтоб и возбудить войну, а во Франции сие значит, что, конечно, Россия не объявит войны, но, отстав от континентальной системы после турецкого своего мира, она все употребит, чтоб для Франции войну сделать неизбежною.

2) Предположение о посылке в Париж уполномоченного.

Здесь множество всегда представлялось затруднений:

а) выбор лица;

б) трудность и почти невозможность определить инструкциями истинную черту его действия, и особливо словесных изъяснений с многоглаголивым Наполеоном.

Впрочем, если способ сей после 15 августа и представлял некоторые удобства, то ныне, когда уже заявлено послу, что посылка сия отсрочена до турецкого мира, она была бы или ничтожна, или, может быть, и вредна.

3) Прусский двор, вероятно, желал вмешаться в сии объяснения и быть посредником. Весьма благоразумно сделано, если отклонено сие притязание.

4) То же должно сказать и о венском дворе, если с его стороны сделаны какие-либо к тому повестки.

Из сего следует, что доселе никаких способов к истинному объяснению дела не было принято.

Между тем смута каждый день возрастает. Она питается:

а) действительным вооружением;

б) еще более слухами и известиями о вооружении;

в) происками и даже самым усердием поляков, кои здесь распространяют разные слухи о конституциях и о намерении правительства восстановить Польшу. Естественно, простираются сии слухи до самого Парижа, а там подзорчивый министр юстиции и столько же подозревающий Наполеон всегда преклонны им верить.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Из краткого обозрения настоящего положения дел происходят следующие о нем понятия.

I. Тильзитский мир, по самому существу его, есть для Франции мир вооруженный.

II. Франция никогда не считала и не могла считать, чтоб мир с нашей стороны был чистосердечен и чтоб коммерческие наши с Англиею сношения были действительно закрыты. Но должно было по необходимости предпочитать слабый мир опасной войне.

III. Для сохранения мира Франция в самой простой и здоровой политике всегда была обязана содержать на севере ополчение.

IV. Сила сего ополчения должна по необходимости изменяться и быть соразмерною: 1) положению России в отношении к турецкой войне; 2) военным ее приготовлениям; 3) политическому ее с Франциею поведению и возникающим ее притязаниям.

V. В настоящем положении сих трех обстоятельств Франция должна была по всей необходимости усилить свои вооружения, ибо:

1) турецкая наша война с тех самых пор, как мы приняли оборонительное положение и открыли негоциации, предвещала скорый конец;

2) притязания или, лучше сказать, тон наш с Франциею переменился двумя сильными мерами;

3) приготовления наши к войне, хотя в начале своем они вызваны были движением французских войск, тем не менее суть действительны.

VI. Из сего следует, что ополчение Франции изъясняется само собою одним положением России и образом ее поведения и что нет никакой причины для изъяснения сего искать и составлять наступательные системы. Неосновательность сих систем доказывается:

1) *поведением Наполеона*; если бы в намерениях его было сделать войну наступательную; он старался бы усыплять Россию, а не грозить ей; он не хвалился бы своими вооружениями, но старался бы скрывать их;

2) *податливостью его на объяснения*; в наступательной войне надлежало бы не искать объяснений, но стараться удалять их и даже притворяться, что нет к ним никакого предлога, так как и нет никакого намерения к войне. Здесь

могут возразить, что вывоз на сии объяснения мог быть нужен для того, чтоб на нас впоследствии обратить всю тяжесть начала войны. Предположение странное; как будто Наполеон может озабочиваться мнением прусского или венского двора о начале войны и как будто может быть кто-нибудь виноват, начиная с ним войну;

3) не можно согласить с обыкновенным его благоразумием, чтоб, не окончив испанской войны, он бросился в другую. Презирать Россию он не может. Все поведение его с нею с самого Тильзитского мира и самая известная бумага доказывают сие неоспоримо. Начать войну на Висле и окончить ее на Днестре нельзя ни в шесть месяцев, ни в год. Впрочем, если бы в Париже и были на сей счет какие-либо заблуждения, то изъяснения французских послов могли давно их рассыпать. Следовательно,

VII. Истинный разум французских военных приготовлений состоит не в безрассудной предприимчивости новых побед, но в том весьма благоразумном расчете, чтоб предохранить Тильзитский мир от совершенного его разрушения и продолжить настоящий вещей порядок до окончания дел испанских. Следовательно,

VIII. Нет никакой вероятности, чтоб Франция начала войну, если Россия строго будет держать себя в настоящем положении.

Из сего происходят следующие правила поведения для России.

I. СПОСОБЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

1) Не входить ни в какие связи ни с прусским двором, ни с венским. Они не могут желать войны и, следовательно, не будут содействовать ее приближению, а сего для России уже довольно. Всякая дальнейшая с ними связь усилит только подозрения, а в случае войны не принесет нам никакой пользы.

2) Не заводить Швецию в английскую систему; не поощрять ее к тому, но и не удерживать. Если мы будем ее поощрять, то сие будет для Франции явным предзнаменованием и нашего отпадения.

3) Стараться пресекать слухи о переменах и конституциях в Польше. Перемены сии, естественно, обнаруживают разум, в коем мы хотим действовать.

4) Стараться уронить слухи о неизбежности войны. Если в Петербурге войну считают неизбежною, то в Париже, естественно, должны заключать, что мы готовы уже оставить Францию. Война действительно может сделаться неизбежною в Париже для того, что в Петербурге ее считают таковою, а в Петербурге для того, что так думают в Париже.

5) Не раздроблять политику на многие части. Кроме других неудобств сим умножаются толки, гадания и слухи, сим правительство дает себе вид некоторого беспокойства и смущения, которое всегда изъясняется *к войне*.

II. СРЕДСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

6) Искать всех случаев изъясняться с Франциею, не отправляя туда нарочного. Весьма жалко, что речь 15 августа прошла почти без внимания. Но другой случай легко предстать может, если захотят им пользоваться. Под именем изъяснения здесь не разумеются сии обычные фразы дружбы и гармонии, от коих бы надлежало и совсем воздержаться. Основанием изъяснения должно быть прямое, простое, сильное, но умеренное изображение настоящего вещей положения и его последствий. Цель его должна состоять в том, что две великие державы не могут начать войну ни за тариф, ни за Ольденбург. Изъяснения сии легко могут быть сделаны чрез послов. Своеручное письмо может быть еще более бы сему пособило. Но все сие должно быть сделано кстати при первом удобном случае, а не без повода.

7) Сими средствами, кажется, можно удалить войну. Но никакими нельзя отвратить ее на долгое время. Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых ее последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОМСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

По обозрении дел томского губернского и уездного управления и по рассмотрении входивших ко мне жалоб считаю нужным прежде, нежели можно будет постановить общие правила лучшего устройства, обратить в особенности внимание здешнего губернского правительства на следующие предметы.

I. О ЗЕМСКОМ УПРАВЛЕНИИ

По жалобам, ко мне дошедшим, по следствиям, на месте произведенным и по личному моему удостоверению, найдены в сей части многие беспорядки и злоупотребления. Но как общее ее преобразование требует продолжительных и подробных соображений, то, дабы положить до того времени некоторую меру исправления, сколько крайний недостаток чиновников дозволить может, признал я нужным:

- 1) *Удалить от должности исправников N. N., комиссаров N. N.*
- 2) *Определить на их места...*
- 3) *Переместить для удобства службы и...*

Но как все сии перемены и перемещения тогда только могут быть надежны, когда земские и уездные чиновники будут состоять под строгим надзором губернского начальства, когда на действии их обращается непрерывное внимание, когда отверсты будут все пути к правильным жалобам, когда следствия по сим жалобам будут производимы скоро, строго и бескорыстно, то губернское правительство и должно поставить себе в обязанность блюсти, и надзирать за подчиненными ему местами и лицами, зная, что управление губер-

нием состоит не в одном письмоводстве, но более и существеннее в точном познании нужд народных и в деятельном о них попечении. Г-н гражданский губернатор обязан по установленному порядку два раза в год обозревать по частям вверенную ему губернию.

Местное пребывание частных комиссаров в волостях, где поселяются они целыми домами, часто весьма бывает отяготительно. Губернское правительство имеет войти в рассмотрение, до какой степени и где именно таковое пребывание комиссаров нужно, и там, где нет в сем очевидной необходимости, присоединить комиссаров к земским судам, подчинив их во всем земским исправникам на правиле заседателей.

II. О ЗЕМСКИХ ПОВИННОСТЯХ

Земские повинности разделяются на три рода:

- а) повинности денежные общие,
- б) повинности денежные волостные и
- в) повинности, отправляемые лично.

А) О ПОВИННОСТЯХ ДЕНЕЖНЫХ ОБЩИХ

Рассмотрев положение, на коем учреждены здесь были в истекающем трехлетьи земские денежные общие повинности, и сообразив разные жалобы, по сему предмету принесенные, считаю нужным в руководство на будущее время, доколе не сделано будет общего по сей части постановления, преподать следующие правила.

1) Смету и раскладку общих повинностей составить на один последующий 1820 г.

2) Торги на почтовую гонбу обыкновенно открываются прежде сметы; они должны бы быть давно уже окончены, но как сего доселе еще не сделано, то и поспешить открыть оные, дабы можно было сумму определить с точностию, а не гадательно, и дабы избежать отяготительных для крестьян расчетов в случае недостатка сметной суммы и потребных дополнений.

3) К торгам непременно вызвать всех волостных голов и повестить их во всех городах, волостях и лучших селениях.

4) По торгам сметы составлять в общем присутствии губернского правительства.

5) Рассмотреть в общем присутствии правительства, не можно ли бы смету почтовой повинности ограничить одним содержанием почтовых лошадей, уменьшив или и вовсе исключив из оной обывательских, как чрезмерно обременительных и нигде по другим губерниям не употребляемых.

6) Если найдется сие предположение возможным, то для разъездов полицейских, подобно как и для помощи казакам в провожании колодников и рекрутских партий, учредить между селениями очередь особенным постановлением правительства, приписав по удобности побочные селения к трактовым.

7) Смету представить мне на утверждение благовременно и не позже сентября, а между тем приступить и к раскладке установленным порядком, так чтоб по крайней мере в конце октября месяца могли они быть отправлены к министру финансов. Само собою разумеется, что в смету должны быть внесены остатки прошедшего трехлетия; в раскладке, впрочем, должно принимать в соображение разные выгоды волостей и уездов, как и прежде сие было допускаемо.

Б) О ПОВИННОСТЯХ ДЕНЕЖНЫХ ВОЛОСТНЫХ

В сей части наиболее допущено неопределительности и тем самым подан повод к злоупотреблениям.

К пресечению их губернское правительство имеет составить подробное росписание всех необходимых волостных издержек, как-то: суммы, потребной на содержание волостных правлений, на достройку, где необходимо нужно, колодничьих казарм, на мелкие случайные издержки, на вино и съестные припасы рассыльщикам и даже самым членам земского суда, когда они по делам бывают в волостях, ибо лучше определить сии издержки явно и с учетом, нежели попустить вносить их в так называемые *темные тетради*. Росписание сие должно быть готово к концу сентября, так чтоб оно могло быть рассмотрено, напечатано, прибито на стенах во всех волостных правлениях и введено в полное действие с 1 генваря будущего года. За сим постановлено будет строгое запрещение на все мирские приговоры о какой бы то ни было денежной складке. Как роспись рекрутских участков к сему

же времени должна быть готова, то казенная экспедиция сообразно прежним примерам определит и ту сумму, какая может быть нужна для законной сдачи рекрут, полагая в том числе их провоз, подставы и тому подобные издержки.

В) О ПОВИННОСТЯХ ЛИЧНЫХ

В числе личных повинностей полагать должно: 1) разъезды земской полиции, 2) помощь в провожении колодников и рекрутских партий, 3) дороги.

1) Разъезды земской полиции должны быть с будущего года учреждаемы по очереди, строго наблюдая, чтоб ни исправники, ни комиссары не разъезжали с толпою казаков и приказных целою свитою. Одна тройка для исправника вместе с казаками весьма достаточна. Канцелярских же служителей нет никакой причины возить с собою, ибо везде есть волостные писари, кои могут в нужных случаях исправить небольшое земское письмоводство.

2) Помощь в провожении колодников должна быть распоряжаема так же по очередям, но если земские разъезды должны быть отправляемы теми самими селениями, чрез кои лежит их тракт, то, напротив, в провожении колодников должны участвовать и побочные селения по расчислению душ и по очередям тому сообразным. Само собою разумеется, что привлекать к сим очередям самые дальние селения было бы слишком отяготительно. Облегчения сей повинности должно искать в определении числа людей и повозок к сему нужных. Известно, что при следовании воинских команд на 12 человек полагается одна подвода; сею мерою можно ограничить и помощь казакам в провожении колодников, отправляя сих последних небольшими вдруг партиями.

3) О дорогах. В делах прежних должны находиться карты большой сибирской дороги с их описаниями. По Каинскому уезду до Томска карта сия и вновь уже составлена. Поверить ее и дополнить в остальной части не будет затруднительно. Но при сем строго наблюдать, что дорога следовала прежнему своему направлению и не была бы, как-то в Каинском уезде мною замечено, вновь проводима по произволу землемера.

4) По сим картам должно разделить всю дорогу и проч. см. 2, 3 и 4... Все сие должно быть приведено нынешнею же

осенью в исполнение, не отрывая, однако ж, ни под каким видом крестьян от работ, ибо все сии росписания могут быть составлены в самом губернском правительстве с небольшою по местам поверкою чрез земских исправников.

5) См. 5.

6) Канав до времени нигде не копать и не делать, кроме тех мест, где лежат гати.

7) Как на устроение кемчугской дороги назначена особенная сумма, то о сей дороге сделать мне особенное представление с описанием способов, к устроению ее предполагаемых.

III. О КАЗЕННЫХ МАГАЗИНАХ И ПРОДОВОЛЬСТВИИ

1) По ведомостям, мне представленным, продовольствие во всех местах достаточно обеспечено, но я считаю нужным возложить на точную ответственность губернского правительства и в особенности на г-на гражданского губернатора, чтоб положение сей части на самом деле было таково, как оно в ведомостях означено.

2) По казенным магазинам и проч. см. н.

3) Казенные запасы там, где... всякое покушение земских чиновников... чему, как видно из дошедших ко мне от нарымских остяков жалоб, по коим следствие еще не окончено, были весьма предосудительные примеры.

IV. ПО ДЕЛАМ ГУБЕРНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

При личном обозрении сей экспедиции, сделав по делам, в производстве ее состоящим, некоторые словесные замечания, считаю сверх того нужным обратить в особенности внимание ее на следующие предметы:

а) о порядке исполнения уголовных приговоров;

б) о делах нерешенных;

в) замечания по разным предметам.

1) Рассмотрев дело, производившееся в сей экспедиции о лесе, сплавленном в разные места из Каинского уезда, я

заметил в нем многие неправильности: а) не собрано надлежащих сведений ни о пространстве сего леса, ни о количестве, ежегодно на строение употребляемом; б) не собрано сведений и ничем не удостоверено показание, будто бы от порубки сего леса ясашные терпят нужду в добывании ясака, между тем как известно, что в сих самых местах знатное число пушных товаров обращается в продаже; в) таким образом, без сведения, по одним первоначальным показаниям и без разрешения высшего начальства приступлено к мере запрещения или ограничения, по свойству своему весьма важной, по последствиям стеснительной и по существу своему превышающей не только власть исполнительной экспедиции, но и целого губернского правительства в полном его составе: запрещения такие не иначе могут быть допускаемы, как по точным Высочайшим повелениям.

2) По делу о паспорте купца 1-й гильдии Мыльникова замечено мною, что исполнительная экспедиция, усомнясь и подвергнув рассмотрению выдачу сего паспорта, отступила от порядка, на казенные и частные взыскания установленные, и от правил, предписанных в ограждение свободной торговли и промышленности. Во взысканиях всякого рода действие закона всегда обращается прежде всего на имение ответчика, и доколе он состоятелен, лицо его и свобода промыслов остается неприкосновенною. Кроме дел уголовных, никто не имеет права не только купца 1-й гильдии, но и купечества низших гильдий удерживать или отказывать в паспорте, какие бы иски на него ни вошли, когда иски сии обеспечены имуществом; самого мещанина, если он старожил, нельзя в дозволенной ему отлучке по промыслам удерживать, когда нет за ним рекрутской очереди и когда иски, подати и повинности его обеспечены.

3) По делу купеческого сына Серебренникова допущены так же разные неправильности как в самом начале его производства, так и в переводе его на ревизию и в приложении законов, к существу его совсем не относящихся.

Остановив исполнение по сему делу впредь до подробнейшего и окончательного рассмотрения и находя, что в существе его нет никакой важности, согласно заключению магистрата предлагаю исполнительной экспедиции предоставить как купеческому сыну Серебренникову, так и мещанину Масленикову свободу, какая каждому из них по различию их состояний законами постановлена.

4) В числе дел, поступивших к рассмотрению предместника моего и от него ко мне дошедших, находится дело о мещанине Лысове. Хотя по многосложности его и недостатку нужных сведений и по неразрешению прошений, поданных от него в Правительствующий Сенат, и не получило оно еще окончательного движения, но как в существе его не заключается никаких важных преступлений, то и должно предоставить ему льготу пользоваться свободою на снискание себе и семейству пропитания законною промышленностью по паспортам, обязав его подпискою до окончания дела не отлучаться из Томской губернии.

По вошедшей ко мне жалобе от матери здешнего мещанина Нечаева, иначе Недорезова, рассмотрев дело и находя, что сей Нечаев сослан определением здешнего правительства в 1817 г. в Иркутск не по суду, но по приговору общества, и что приговор сей состоялся не о ссылке его на поселение, но об отдаче в рекруты с зачетом, я считаю справедливым его, Нечаева, возвратить на место его жительства, о чем исполнительная экспедиция и не оставит учинить надлежащего распоряжения; если же общество найдет по поведению его нужным употребить меры строгости, то оно всегда может сие исполнить, но не иначе, как по точной силе указов 1773, 1809 и наипаче указа 1811 г. ... яко последнего, который и при других делах сего рода губернское правительство не оставит иметь в виду, никак не попуская, чтобы одна подписка 24 человек, иногда и пристрастных и действующих по злобе и по наветам, достаточна была определить ссылку, ибо и в указе 1809 г., и в предыдущих, на коих он основан, полагается согласие в том всего общества, и в том числе 24 человек под присягою.

VI. ПО ДЕЛАМ ТОМСКОГО МАГИСТРАТА

По жалобам здешнего купеческого общества на тягостное распоряжение, по коему учреждено здесь существование двух магистратов, из коих один занимается старыми, а другой новыми делами, причем первый из них подвергнут стеснительному надзору и ревизии губернского чиновника, рассмотрев в подробности сие распоряжение, я нахожу: 1) что в указе 1809 г. хотя и велено дела оканчивать тому трехлетию, в производство коего они вошли, но здесь дела всех прежних

трехлетий за 31-й год соединены и возложены на одно 12-е трехлетие; 2) что если допустить правило такого решения старых дел, то со временем число магистратов старых и новых увеличится до того, что не будет никакой возможности избирать членов, особливо в гражданстве столь малочисленном, как здешнее. По сим причинам при обозрении дел магистрата признал я нужным, закрыв присутствие членов прежнего выбора, приказать передать остающиеся у них дела, числом всего четыре, в магистрат настоящий. При сем считаю долгом отдать справедливость деятельности и попечению членов, бывших в сем временном сословии, видя, что они решили весьма значительное количество дел прежних лет, как трехлетию их совсем не принадлежавших. А как при сем сделали они немаловажные издержки на наем и содержание канцелярии, то губернское правительство и не оставит предписать думе, дабы она предложила градскому обществу на уважение, каким удобнейшим и для градских доходов не отяготительным образом может быть им учинено приличное за издержки их вознаграждение. Причем общество войдет в рассуждение и об издержках, предъявляемых членами настоящего магистрата, и также не оставит по рассмотрении сделать о них надлежащее положение. На будущее же время дела, не решенные в одном трехлетии, должны поступать в последующее на общем основании и особенно по тому уважению, что здешнее градское общество, быв малочисленно, не может доставлять членов на многие сословия и что по обширности расстояний дела в сих губерниях часто продолжаются за справками и перепискою с отдаленными местами, без всякой в том вины присутствующих.

Чиновника, употребленного для надзора и ревизии дел магистратских, удалив от сего поручения и предоставя окончание сих дел общему порядку и постепенному их производству в настоящем магистрате, приказать сему чиновнику все дела, книги, описи и документы, из производства им взятые, сдать в течение двух недель непременно в настоящий магистрат по описи, обязав его подпискою в том, что всякая утрата взыщется от него по строгости законов.

Наконец, при обозрении дел магистрата, усмотрев, что члены 12-го трехлетия преданы суду по предлогам весьма маловажным, считаю нужным предложить, дабы дела сии решены были где следует в самократчайший срок и донесено мне было об их решении.

VII. ПО ДЕЛАМ ГРАДСКОЙ ДУМЫ

А) О ДОХОДАХ

Рассмотрев положение губернского правительства, на коем основаны городские доходы, нахожу нужным сделать следующие примечания.

1) Седьмою статьею сего положения дозволяется с иногородных купцов *и иного звания людей* за потаенный торг взыскивать штраф. Сия статья по неправильности ее смысла и выражений подала повод к великому стеснению. Под сим предлогом взимаема была тягостная пошлина с крестьян, торгующих сельскими произведениями, в совершенную противность манифеста 29 декабря 1812 г. 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й статей. Законом дозволено брать в городской доход умеренный акциз с иногородных купцов и мещан, торгующих в городе, за право торговли. Сему же правилу подлежат и торговые крестьяне, производящие торговлю по узаконенным свидетельствам, когда они торгуют на купеческом праве. Но крестьяне, торгующие сельскими произведениями, какого бы рода и количества они ни были, по точной силе манифеста не подлежат никакой пошлине. Впрочем, закон ни со штрафом, ни без штрафа не дозволяет никакой потаенной торговли, и никакой штраф не может оградить ее от действия суда.

2) В статье 12-й полагается с иногородных, поселившихся в городе, особенно в пользу города взыскание. Положение сие не имеет никакого законного основания. Никому не запрещено в городе селиться или приобретать по купкою дома, и каждый владеющий недвижимым имением в городе должен нести по сему имению повинности, без всякого различия граждан от иногородных.

3) По 13-й статье сего положения сбор с подвижных лавочек и балаганов, доколе площадь не будет очищена и устроена, допустить можно, но сбор с каменных лавок, старый гостиный двор составляющих, не имеет надлежащей соразмерности и тогда только может быть допущен, когда в случае недостатка городских доходов все строения в городе обложены будут податью по их оценке.

4) Сбор за складку товаров в гостином дворе, также за охранение кладей, поставляемых при оном, весьма основателен, но сбор с проезжающих извозчиков, а также и прибреж-

ный сбор с нагружающихся судов не имеет законного основания и терпим быть не должен, хотя бы он и назывался добровольным, ибо нет пошлин добровольных, они все должны быть определены законом.

Б) О РАСХОДАХ

Рассмотрев расходы минувшего и половины настоящего года, нахожу в них некоторые статьи не основанными на точной силе и словах закона. Такова есть выдача денег в приказе общественного призрения на чертежную архитектуру и важная статья на разные построения, кои могли бы быть произведены с большею постепенностью и со временем.

На основании всех сих примечаний губернское правитель-ство имеет составить подробное росписание доходов и расходов, применяясь к сложности двух лет, настоящего и минувшего, и разделя их на главные статьи по образцу, при табелях Комитета об уравнивании повинностей при Правительствующем Сенате приложенному, и представить в сентябре или октябре месяце на мое утверждение. В сем росписании должно быть с точностию определено, соразмерно доходам, содержание думы и магистрата, содержание полиции и, наконец, нужные для города построения; чего же не будет доставать, то должно быть дополняемо не раскладкою на лица и не сбором поземельным, но сбором по оценке домов и прочих недвижимых имений.

К числу городских тяжестей принадлежит наряд обывателей для ночного дозора; повинность сия кажется мне излишнею, ибо здесь есть военные патрули и, сверх того, можно учредить дозор из казаков.

К надлежащему соображению всех сих предметов губернское правительство не оставит пригласить городского голову и одного из бургомистров. С ними же должно сообразить и средства к лучшему и удобнейшему расположению воинского постоя, доколе не устроены будут казармы. По сей части много поступало ко мне жалоб, но как невозможно мне было войти во все ее подробности, то и остается предоставить их лучшему учреждению квартирной комиссии. Дума имеет право переменить членов сей комиссии, если не соответсвуют они своей должности.

27 июля 1819 г.

О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Дабы иметь правильное понятие о военных поселениях, надлежит:

1. Знать существо и причины сего установления.
2. Иметь сведение о главных его правилах.
3. Обозреть выгоды, приобретаемые поселянами от сего установления.
4. Вразумиться в общие государственные его пользы.

I. ПОНЯТИЕ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ И ПРИЧИНЫ ИХ УСТАНОВЛЕНИЯ

ПОНЯТИЯ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Военные поселения суть часть общего народонаселения, особенно определенная к составлению воинских сухопутных сил, к их пополнению и содержанию.

ПРИЧИНЫ ИХ УСТАНОВЛЕНИЯ

Причины, побудившие правительство приступить к сему установлению, суть следующие.

A. НЕУДОБСТВА РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ

Рекрутские наборы первоначально введены были в России как единственное в те времена возможное средство к составлению и пополнению войск. Средство сие, и в самом начале

его затруднительное, впоследствии с расширением пределов Империи и с необходимым приумножением воинских ее сил сопровождалось весьма важными, ежегодно возрастающими неудобствами.

1) Неуравнительность наборов

Первое из сих неудобств есть неуравнительность. Воинская служба требует известных и точных условий лет, роста и сложения. Не все семейства, рекрутской очереди подлежащие, могут удовлетворить сим условиям. Часто семейство, числом рабочих рук сильное, не представляет ни одного годного рекрута, и тяжесть сей повинности с сильного переходит на семейство слабое. Таким образом, рекрутские наборы в собственном смысле объемлют не все вообще народонаселение, но падают на те только семейства, кои имеют людей, к тому способных. Случай, а не раскладка уравнивательная, решит большею частию жребий сей повинности.

2) Разрыв родственных связей и брачных союзов

Второе. Рекрутские наборы, отделяя людей от родины, переводя их в края, часто от них отдаленные, разрывают все родственные их связи, разлучают их с женами и детьми малолетними, отторгают их от всего прежнего их бытия и вводят их в бытие новое, с воспитанием их и навыками совершенно несогласное и часто им противоположное. Сим изъясняются те примеры ожесточения, кои при рекрутских наборах, к сожалению, нередко были примечены, а именно: часто для избежания сей повинности люди повреждают себе члены, рубят пальцы, уродуют себя разнообразно, и все меры строгости, правительством против зла сего приемлемые, остаются большею частию безуспешными.

3) Трудность распределения и развода рекрут

Третье. Распределение, или свод, рекрут по полкам и корпусам представляет другие затруднения. При всем наблюдении смежности невозможно избежать дальних переходов; отсюда не только потеря времени, но — что всего важнее — неминуемый ущерб в состоянии здоровья от трудных и дальних переходов и от перемены отечественного климата. Отсюда болезни и

смертность, постигающая рекрут прежде, нежели утвердятся в них навыки воинской жизни и окрепнет их сложение.

4) Бесприютность в отставке

Четвертое. Воин, окончив положенные лета службы, возвращается восвояси. Но там, по большей части, не находит он ни родственных связей, ни собственности. На родине все для него чуждо, и он принужден бывает влачить остаток жизни или бобылем бесприютным, или наемным работником.

5) Вред земледелию и народонаселению

Пятое. Если повинность сия столь тягостна для частных лиц, ее несущих, то не менее она обременительна и для всего государства. Отторгая от семейств, числом рабочих рук мало-сильных, лучшую их подпору, она часто приводит их в совершенное изнеможение; отягощая селения сиротами, умножает число бедных, вредит земледелию и промышленности. Преграждая брачные союзы боязнью рекрутской очереди или делая их бесплодными разлукою, она вредит народонаселению и способствует разврату.

Б. ЗАТРУДНЕНИЯ В СПОСОБАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ВОЙСК

6) Тяжесть для государственных доходов

Шестое. С того самого времени как установлены в Европе постоянные армии, содержание их в мирное время сделалось важнейшим и доселе еще нерешимым вопросом для всех правительств. Расположение войск внутри государства всегда более или менее определяется положением границ и системою их обороны. Там, где сообразно сей системе должны быть расположены войска, нет удобных земель или нет нужных к возделанию их заведений; там, напротив, где есть избыток земель и где можно было бы устроить заведения, не могут быть с удобностию расположены войска. Общественные работы, как-то: устройство дорог и каналов, если бы они и могли быть соображены с порядком военной службы и военными навыками, редко могут быть соображены со стро-

гими правилами граничного расположения. Таким образом, вся тяжесть содержания войска во время мира, равно почти как и во время войны, упадет на государственные доходы и тем истощает или, по крайней мере, умаляет способы других частей управления. Между тем

7) Тяжесть для жителей

Седьмое. Самое квартирование войск внутри государства бременит города постоями, полагает преграду их устройению, а селения изнуряет подводами и разными повинностями, необходимо с тем сопряженными.

Неудобства, столь очевидные, и затруднения, столь важные, не могли быть давно уже не примечены и не измерены. Но необходимость государственной обороны и войны, почти непрерывные, недостаток средств заменить рекрутские наборы, трудность переменить образ продовольствия войск — все сие заставляло удерживать порядок вещей, доселе введенный. Но когда по окончании знаменитой Отечественной войны Всевышний благословил Россию славным миром и когда мир сей нес с собою все вероятности, все залогов долготного его продолжения, тогда правительство признало возможность, а потому и долг, обратиться к устройению лучшей системы составления войск и их содержания.

II. ПРАВИЛА, ПРИНЯТЫЕ В УЧРЕЖДЕНИИ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

ОСНОВАНИЕ ПРАВИЛ

Две главные мысли приняты в сем деле основанием:

1. Вместо неуравнительной рекрутской повинности, все части Империи тяготящей, сосредоточить способы составления войск в известные и определительные округа и тем освободить все другие состояния от рекрутства, кроме редких случаев войны чрезвычайной.

2. Население сих округов составить из прежних их обывателей и из войск: первым — заменив обязанности, вновь на них возлагаемые, соразмерными им выгодами, вторым — доставив

поземельную оседлость и, следовательно, способы продовольствия и семейственной жизни без ущерба и перемены в воинском их устройстве. На сих двух мыслях основано все установление военных поселений; из них проистекают все его правила.

Основания сих правил просты, но подробности их весьма многосложны. Составить из двух разнородных частей — из крестьян-старожилов и из людей военных — одно целое, привести первых в военное положение, не расстраивая их хозяйства и собственности, привести вторых в состояние оседлости, не расстраивая порядка службы, — в сем состоит важный вопрос сего установления. Легко можно представить всю обширность, все трудности сего предприятия, но непоколебимость принятых начал, незыблемость плана, постоянство усилий и твердый, ничем не совратимый взор на будущее, взор непрерывно устремленный на важные государственные пользы, должны превозмочь, как и действительно уже на самых опытах превозмогли все трудности и тем удостоверили удобность принятых начал и успех будущего их исполнения.

Два разных периода должно различать в сем установлении: один — в первоначальном его устройстве, другой — впоследствии. В первом составные его части, не быв еще сближены и приведены в единообразие, требуют каждая особенных правил; во втором различие частей исчезает; все население военного округа приемлет вид одного целого, представляет один военный состав, управляемый единообразно. Первый период есть сам по себе преходящий; каждый год, каждый почти месяц, каждый успешный шаг в сем учреждении, слагая разнородные его части, изглаждая их различие, приводит все к единству, ускоряет второй период, в коем не будет уже ни старожилов, ни вновь поселенных воинов, но одно войско поселенное, со свойственным ему военным разделением на армии, корпуса и дивизии.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ПРАВИЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

а) Правила первоначального устройства *для коренных обывателей* суть:

1. Сохранить всю собственность их неприкосновенною.
2. Исправить и устроить их дома и дополнить все потребности сельского хозяйства на счет казенный.

3. В тех округах, кои землею недостаточны, наделить поселения землею или посредством новых расчисток, или покупкою на счет казенный.

4. Упрочить поселениям сии земли навсегда в безоброчное пользование, с одною обязанностию службы.

5. Освободить их навсегда от всех казенных податей и общих земских повинностей.

6. За сим всех способных считать в воинской службе и, расчислив их по полкам, не отлучая от домов и сельских их работ, приучать постепенно к действительной службе; неспособных по летам оставить от нее свободными; дряхлым и увечным доставить покой и призрение; малолетным детям дать воспитание, назначению их приличное.

б) Правила первоначального устройства для *войск поселенных* суть:

1. Сохраняя общий состав и разделение армии, доставить каждому полку, к поселению назначаемому, в округе его поселения оседлость безоброчную и водворение, от правительства устроенное.

2. Соединить военнослужащих с их семействами, инвалидам доставить призрение, малолетным детям — воспитание.

3. В каждом округе устроить поземельные хозяйства и сообразить число их так, чтоб, определяя первоначально хозяев из старожил, впоследствии, когда все население округа приведено будет в один состав, одна определенная часть полка состояла из хозяев и составляла неподвижную основу поселения, а прочие части, содействуя ей в трудах, получали от нее продовольствие и соразмерные выгоды.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

ПРАВИЛА ПОСТОЯННОГО УСТРОЙСТВА

А) ОБЩИЙ СОСТАВ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ И ИХ УПРАВЛЕНИЯ

Войско в порядке поселения сохраняет общий состав армии и состоит: 1) из пехоты, 2) из кавалерии, 3) из артиллерии и 4) из саперов и пионеров; оно разделяется на корпуса, дивизии, бригады и полки.

Оседлость, каждому полку даруемая, составляет *полковой его округ*; из полковых округов слагается *округ бригадный*, из бригадных — *округ дивизионный*, из дивизионных — *округ корпусный*; корпусные округа составляют оседлость *армии*.

Все военные округа изъеются из гражданского ведомства и состоят в военном управлении.

Полковой округ управляется полковым комитетом, бригадный — командиром бригадным, дивизионный — командиром дивизии, корпусный — командиром корпуса; корпусными округами управляет, по образованию их, главнокомандующий армиею.

Б) ОСОБЕННЫЙ СОСТАВ КАЖДОГО ПОЛКОВОГО ОКРУГА

Каждый полковой округ имеет два разных состава: 1) состав поземельный, 2) состав строевой.

1. Состав поземельный

Каждый полковой округ разделяется на хозяйства.

Хозяйство состоит из определенного участка земли и угодий, из домового и надворного строения, из домашнего и рабочего скота, из полного заведения земледельческих и рабочих орудий, из домашней посуды и мебели и из запасов хлеба на посев и продовольствие.

Число хозяйств в каждом полковом округе есть определенное и соразмерное известной части строевого числа людей и роду их службы.

Там, где казенной земли к составлению сего числа хозяйств недостаточно, приобретается оная покупкою, меною и расчисткою земель неудобных. Прочие принадлежности хозяйства, в случае недостатка их у старожилов, дополняются казенным иждивением.

Все поселение каждого полкового округа делится на две главные части: на неподвижную и подвижную.

Неподвижную часть населения составляют все те лица, кои не участвуют в военных походах и остаются всегда на местах поселения.

Подвижную часть населения составляют все те лица, кои участвуют в военных походах.

К недвижимой части принадлежат:

1. Хозяева.
2. Кантонисты.⁶⁹
3. Инвалиды.
4. Все старожилы выше 45 лет.
5. Семейства лиц, выступающих в поход.

Хозяева суть лица, коим вверяется участок земли со всеми его хозяйственными принадлежностями.

Хозяева при движении полка, оставаясь в недвижимой его части, продолжают хозяйственные их труды и доставляют семействам, от подвижной части оставшимся, оседлость и продовольствие.

Люди, подвижную часть полка составляющие, когда находятся на местах, распределяются в хозяйствах с их семействами, участвуют в сельских их работах и пользуются произведением общих их трудов.

Хозяйства поступают от одного к другому по праву наследства и по особенным постановлениям, в учреждении подробно изображенным.

Все то, что независимо от произведений хозяйства приобретено будет личными трудами, промыслом или торговлею как хозяев, так и людей, подвижную часть полка составляющих, есть личная его собственность, полному его распоряжению подлежащая.

В число кантонистов поступают все дети мужеского пола как подвижной, так и недвижимой части населения; кантонисты разделяются на три возраста: меньший, средний и больший.

В инвалиды причисляются все люди, по летам или болезням неспособные к продолжению строевой службы.

2. Состав строевой

Строевой состав в каждом полковом округе сохраняется на точном основании положенного строевого порядка.

По сему каждый полк делится на батальоны, роты и эскадроны, сообразно тому роду службы, к коей он принадлежит.

Хозяева в каждом полку соединяются в один батальон, в несколько рот или эскадронов, и сия часть полка при движении прочих в поход, оставаясь на своих местах неподвижною, приготовляет на службу людей, кои к ней поступят в благовременной замене той убыли, какая в подвижной части во время похода последовать может.

В) УЧРЕЖДЕНИЯ, В ПОЛКОВЫХ ОКРУГАХ СОСТОЯЩИЕ

В каждом полковом округе устраиваются церкви.

Каждый полковой округ имеет разные учреждения, к разным его составам принадлежащие.

1. По составу поземельному

В каждом округе сверх частных хозяйств, на кои он разделен, учреждаются по местным обстоятельствам *общие хозяйственные заведения* для доставления всему округу постоянных доходов.

В каждом кавалерийском округе для ремонта строеными лошадьми и для улучшения пород в частных хозяйствах учреждаются *конские заводы*.

В каждом округе из доходов, ему свойственных, составляется общественная сумма под именем *заемного денежного капитала*.

В каждом округе из ежегодных урожаев учреждаются *хлебные запасные магазейны*.

В каждом округе для помещения разных частей управления возводятся потребные *здания*.

В каждом округе учреждается порядок отправления почт и способы для устройства и содержания сухопутных и водяных сообщений.

2. По составу строевому

В каждом округе учреждается и содержится в надлежащем порядке:

1. Обоз.
2. Артельные деньги подвижной части.
3. Помещение для строевых учений.
4. Помещение для хранения амуниции и вооружения.
5. Мастерства, к содержанию оружия и обозов принадлежащие.

В каждом округе для обучения кантонистов среднего возраста учреждаются *школы*.

В каждом округе для образования и приготвления на службу кантонистов большого возраста учреждается *учебный батальон, эскадрон, или рота*, по роду предназначаемой им службы.

В каждом округе для призрения инвалидов учреждается *инвалидное селение и дом инвалидный*.

В каждом округе для пользования больных учреждается на казенном иждивении *гошпиталь*.

III. ВЫГОДЫ, ПРИОБРЕТАЕМЫЕ ПОСЕЛЯНАМИ ВЗАМЕН ВОЗЛАГАЕМОЙ НА НИХ ОБЯЗАННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Казенные крестьяне, пользуясь землею и угодьями в определенном количестве не в полную собственность, но из оброка им от казны наделяемыми, несут в обыкновенном их состоянии следующие подати и повинности:

1) Подать подушную; 2) подать оброчную; 3) повинность рекрутскую; 4) повинности денежные земские; 5) разные земские повинности, отправляемые натурою; 6) повинности волостные.

С обращением крестьян в военное поселение те же самые участки земли, на коей они жили, остаются в их пользовании, но со следующим различием:

1. Участки сии, часто недостаточные, расширяются или новыми расчистками, или покупкою на казенное иждивение.

2. Все подати и повинности, выше сего означенные, навсегда с них слагаются. Сверх сего:

3. Дома их и все надворное строение, часто ветхое, или прочно исправляется, или вновь устрояется казенным иждивением.

4. Недостатки сельского их хозяйства в домашнем и рабочем скоте и прочих потребностях дополняются и приводятся в избыточное положение казенным пособием.

5. Случаи неурожая, оскудения или даже непомерной дороговизны в хлебе преграждаются сильными общественными запасами, а пожары, часто целые селения и все произведение многолетних трудов истребляющие, предупреждаются устройством нужных к тому заведений.

6. Все роды законных приобретений, все источники промышленности не только остаются для них отверстыми и собственность их сохраняется неприкосновенною, но трудолюбие и деятельность получают еще новое поощрение ко всем

полезным предприятиям учреждением заемного денежного капитала.

7. Дети военных поселян, в службе даже и в отдаленных полках состоящие, возвращаются в недра их семейств и, кроме военных походов, остаются всегда с ними неразлучными.

8. Дети их малолетние все воспитываются и обучаются в военных поселениях на казенном иждивении.

9. Дети совершеннолетние и к службе приуроченные вступают и проходят оную так же неразлучно с их семьями.

10. Немошные, увечные и вообще к службе и работе неспособные получают покой и призрение в устроенных для сего заведениях, а больные пользуются в госпиталях.

11. Вообще в военных поселениях имущества частных лиц могут быть неравные; трудолюбие и промышленность будут всегда и везде иметь свои права на выгоды и преимущества, но соединением всех средств, выше сего означенных, в военных поселениях не может и не должно быть: ни сирот бесприютных, ни старости беспомощной, ни дряхлости оставленной, ни нищеты праздной, ни разврата нравов, терпимого без средств исправления.

IV. ОБЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛЬЗЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Установление военных поселений представляет следующие вообще для государства важные пользы:

1. Возобновление воинских сил из среды сего сословия и, следовательно, постепенное уменьшение и, наконец, совершенная отмена рекрутских наборов, кроме редких случаев войны чрезвычайной, — важное для всего государства облегчение.

Примечание. По сие время освобождены уже от рекрутских наборов следующие уезды: Новгородской губернии, *Новгородский*;

Могилевской губернии, *Климовецкий*;

Слободско-Украинской губернии: *Волчанский, Змиевский, Купянский, Старобельский и Изюмский*.

Херсонской губернии: *Херсонский, Елисаветградский, Александровский и Ольвиопольский*.

Екатеринославской губернии, *Верхнеднепровский*.

О сем последовали Высочайшие указы Правительствующему Сенату 1818 г. августа 26, 1821 г. декабря 12 и 1825 г. февраля 18.

2. Способы продовольствия войск собственными их трудами и, следовательно, постепенное сокращение и, наконец, совершенное пресечение сей обширной части государственных издержек, — важное для государственной экономии приращение.

3. Способы размещения войск, во время мира удобные и на случай войны с положением границ сообразные, без отягощения прочих сословий различными необходимыми потребностями военного квартирования, — важное для всех сословий облегчение.

4. Возможность без тягости государству содержать воинские его силы в соразмерности с величием Империи и пространством ее пределов, — важное и необходимое условие продолжительного мира и спокойствия.

5. Нравственное усовершеншение воинского сословия приличным воспитанием, семейственною жизнью, правильным распределением времени в трудах, пресечением случаев к разврату, — важное ручательство ревностной службы, твердое основание всех подвигов воинских.

6. Усовершеншение способности к службе свойственным ей образованием и с малолетства приобретенным навыком в ее упражнениях, в точном исполнении ее обязанностей, в строгом сохранении воинского порядка.

7. Усовершеншение благосостояния служащих, свободное пользование всеми произведениями трудов своих, семейственные и родственные связи во время мира, уверенность в безбедном и покойном состоянии семейств во время похода, возвращение к ним в домашний свой быт из похода, воспитание детей под своими глазами, участие в их успехах и добром поведении, добрый пример родителей, наконец, верное призрение в старости и болезнях, — все сии существенные выгоды составляют неотъемлемое достояние воинского сословия в поселенном его составе.

1825 г.

О КРЕПОСТНЫХ ЛЮДЯХ

Во времена Уложения два рода людей были в крепостном состоянии: крестьяне и дворовые люди.

СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН ПО УЛОЖЕНИЮ

Крестьяне разделялись на два вида: одни жили на землях поместных и назывались *людьми и крестьянами помещичьими*; другие жили в вотчинах и назывались *крестьянами вотчинными*, или просто крестьянами. Вотчинных крестьян можно было продавать и закладывать не иначе, как с вотчиной. Нет никакого следа в Уложении продажи крестьян без земли. Крестьян поместных нельзя было ни продавать, ни закладывать, но можно было самые поместья вместе с ними менять и сдавать другому.

Право иметь вотчины и крестьян принадлежало: государю, дворянству, монастырям и именитым людям Строгановым.⁷⁰

СОСТОЯНИЕ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ ПО УЛОЖЕНИЮ

Дворовых людей было три рода: 1) старинные, полные холопы; 2) кабальные люди; 3) деловые люди.

1) ПОЛНЫЕ ХОЛОПЫ

Старинные, или полные, холопы были первоначально пленные, впоследствии к ним причислены и кабальные люди, отдавшие себя в крепость с потомством, а как сей последний

род укрепления не мог быть иначе совершаем, как с доклада государю, то сии холопы и назывались *докладными*.

Не только дворянство, но и все вообще состояния могли иметь полных и докладных холопов.

Власть над ними, исключая права жизни и смерти, была почти неограниченна: их можно было продавать, закладывать, дарить и в приданое отдавать. Они были в истинном смысле собственность господина и причислялись к *животам* его, т. е. к движимому имуществу, с тем токмо различием, что в праве по сему имуществу разбиралось в особенном Приказе, именовавшемся *Приказом Холопым*.⁷¹

2) КАБАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Кабальные люди, или *кабальные холопы*, были люди, кои или сами себя отдавали в крепостную службу — по жизнь владельца, или отдавались законом за долги, или властью государя кому-либо за бесчестье, что называлось *отдать или выдать головою*.

Право иметь кабальных людей принадлежало всем состояниям, и всех состояний люди, исключая дворянства и духовенства, могли отдавать не только себя, но и детей своих в кабалу. Кабальных людей нельзя было ни продавать, ни закладывать: по смерти владельца они были свободны, хотя бы отданы были и в приданое, и, освобождаясь от одной кабалы, могли вступить в другую.

Сей род укрепления продолжался и после Уложения, но потом вовсе прекращен.

3) ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

Деловые люди были крестьяне, коих помещики вместо пашни брали на господское дело и употребляли к ремеслам, в сельском хозяйстве необходимым. Для сих ремесел в поместьях, вотчинах и особливо в монастырях учреждаемы были так называемые *деловые дворы*. Люди, в деловой двор взятые, сперва считались крестьянами, но дети их и потомки, во дворе родившиеся, размножаясь со временем, составляли уже разряд, особо от крестьян в законах упоминаемый. Размножению их в поместьях и вотчинах закон не полагал ни меры, ни

препятствий. В одной только Москве и окрестностях ее существовало для сего, да и то слабое, ограничение. Впрочем, сей разряд людей пред законом ничем существенно от крестьян не различался. Нет никакого следа в Уложении, что сии дворовые люди могли быть продаваемы или закладываемы без земли.

ИЗМЕНЕНИЕ В СОСЛОВИИ КРЕСТЬЯН И ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ ПОСЛЕ УЛОЖЕНИЯ И НОВЫЙ КРЕПОСТНОЙ ПОРЯДОК

Сей вещей порядок, с некоторыми частными отступлениями, продолжался от Уложения до 1719 г. Первая ревизия произвела в нем важные изменения.

В писцовых книгах, прежде ревизии бывших, писалась земля с людьми, на ней поселенными, а в ревизию велено вносить людей без земли. По писцовым книгам подать расчисляется была по земле и по дворам; поместья продаваемы были в вотчину по количеству земли и дворов; служба отправляема была так же по земле; словом, все прямые подати и повинности казенные и частные утверждались на земле. Ревизия все основала на лице; подати большею частию стали личными, а с земли положен особый оброк, — служба обращена в рекрутство не по земле, не по числу лиц. Сверх сего в писцовых книгах вносимы были одни только крестьяне, на землях живущие, и никогда не смешивались с ними ни полные холопы, ни кабальные люди; напротив, в ревизии все сии звания смешивались воедино, все положены в одинаковый оклад и рекрутство.

Таким образом, с первой ревизии 1719 г. возникли два понятия о крепостном личном праве: 1) что крестьяне и холопы пред правительством суть одно и то же; 2) что те и другие равно суть принадлежность лица, а не земли, ибо не за землю и не по земле, но за помещиком они положены в ревизии.

В последующих ревизиях, и особливо во второй 1743 г., понятия сии еще более утвердились. Не только частные владельцы, но и правительство находило в них свои пользы: верность в расчете подушных податей и особенно верность в рекрутской повинности. По одному ревизскому счету можно

было с точностию наперед исчислить и государственный доход, и количество рекрут. А как в обоих сих расчетах для правительства не составляло никакой разности — на пашне ли состоят люди или во дворе, ибо, как выше сказано, крестьяне и дворовые равно обложены податью и равно подлежат рекрутству, — то и не представлялось тогда никакой причины ограничивать число дворовых людей или различать их от крестьян. Для ведома токмо велено писать их особою статьею.

До ревизии жалуеты были от государей в собственность вотчины. Под сим пожалованием всегда разумелась земля; люди же, на ней живущие, не числом душ, но вообще считались ее принадлежностью. Напротив, в указах и грамотах после ревизии жаловали уже прямо числом душ, а земля считалась принадлежностью жалуемой вотчины. Таким образом, предметом пожалования, а следовательно и правом собственности, были уже прямо люди, а косвенно земля, на коей они жили.

Сообразно сему понятию изменена правительством и форма купчих крепостей, ибо помещик мог продавать только, чем он владел и что ему было пожаловано, а он владел и был жалован людьми.

Открытие заемных банков ⁷² распространило сии понятия и на крепости закладные. Правительство не могло вверить своих капиталов под залог земель, коих цена не определена; посему оно утвердило займы на том, что составляет ценность земли, — на людях.

Все сии причины в совокупности изменили крепостное личное право, в Уложении постановленное, и образовали право новое, от прежнего отличное, хотя столько же законное, ибо как прежнее, так и настоящее равно основаны на точных словах и разуме законов.

СРАВНЕНИЕ ПРЕЖНЕГО КРЕПОСТНОГО ПОРЯДКА С НАСТОЯЩИМ

Существо прежнего крепостного права состояло в следующем:

І. Крестьяне суть принадлежность вотчины и от нее не могут быть отделены ни продажей, ни залогом, но с одной

земли на другую тем же помещиком они переселены быть могут.

II. Дворовые люди, т. е. старинные и полные холопы и их потомство, принадлежат помещику лично в собственность, а потому и проданы и заложены быть могут, каждое лицо отдельно.

III. Дворовые люди из кабальных принадлежат помещику по жизни его, но ни проданы, ни заложены быть не могут.

IV. Дворовые люди, из крестьян во двор взятые, принадлежат вотчине и считаются наравне с крестьянами.

Существо нового или настоящего крепостного права состоит кратко в следующем:

I. Крестьяне, равно как и земля, на коей они живут, принадлежат помещику. Земля составляет недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущества его движимое. (Во многих указах крестьяне именно признаны движимым имуществом). И хотя сие движимое имущество по ревизии приписывается к недвижимому, к деревне и к земле, но как земля без крестьян, так и крестьяне без земли могут быть проданы, заложены, переселены, во двор взяты и даже в ссылку по воле помещика за проступки их без суда могут быть сосланы.

II. Дворовые люди, из какого бы состояния первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помещика, как и крестьяне; никакого существенного различия закон между ними не полагает. Владелец, не имеющий земли, может приписать их в ревизии к своему дому, но как дом без них, так и они без дому проданы быть могут.

При сравнении сих двух систем нельзя не признать, что последняя из них тягостнее и ближе к неволе, нежели первая. Но вместе с тем нельзя же не признать, что не без важных причин она введена была правительством и утверждена законами. Причины сии состояли в следующем.

Доколе подати казенные и воинская служба утверждались на земле, дотоле не было у нас ни войска, ни постоянных государственных доходов. С ревизиею только тому и другому положено прочное начало. С ревизиею труд, руки и лицо признаны основанием как силы государственной, так и мерою частного богатства. Люди получили твердую оседлость, помещики — средства к обширному хозяйству, правительство — верный доход и надежные способы к составлению, пополнению и содержанию войска.

Но при сих столь важных выгодах нельзя упустить без внимания и важных неудобств, из самого сего порядка происшедших. От неограниченной свободы обращать крестьян в дворовых людей наводнились дома дворянские толпою праздных служителей, усилились прихотливые, а часто и распутные затеи, расширилась безумная роскошь и разорительное тщеславие, явились новые нужды, новые на крестьян налоги и долги неоплатные; состояние крестьян обременилось еще более тем, что за всю сию праздную толпу, к деревне приписанную, подушные деньги и рекрутская очередь часто деревнею отправляются.

От заведения и рассеяния ремесел по деревням города наши остаются пусты, ибо где взять потребителей, на кого работать мещанам, когда каждый помещик все ему нужное и даже прихотливое хотя худо, хотя и нестройно и убыточно, но производит у себя дома и даже пускает на продажу? Каким образом ремесла могут в городах усовершенствоваться без соревнования ремесленников, когда они рассеяны и в рабстве? Утвердительно можно сказать, что в сем порядке никогда у нас ни городов, ни прочного городского состояния не будет.

От права продажи крестьян без земли, от права отдавать их в рекруты без очереди лицо крестьянина соделалось вещью, действительным имуществом, коим владелец может располагать по произволу, а сей произвол сколь часто бывал, да и ныне еще иногда бывает жесток и злоупотребителен, — то доказывают дела и опыт.

МЕРЫ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРЕЖНИЕ

Нельзя утверждать, что неудобства сии были сокрыты от правительства или им пренебрегаемы. Но связь сего порядка с государственными доходами, с состоянием помещиков и с рекрутством, особенно же связь его с порядком повиновения, всегда представляли опасным всякое быстрое в нем потрясение. Тем не менее, однако же, к исправлению его принимаемы были по временам разные меры. Главнейшие из них состояли в следующем.

В 1771 г. запрещено людей продавать с молотка (5 авг. 1771 г., № 13 634 ⁷³). Разными узаконениями дозволено отпускать людей на волю беспошлинно, и отпущенным дано право не записываться ни в какое состояние до ревизии.

В 1797 г. принята несравненно еще важнейшая мера. Установлен трехдневный порядок крестьянских работ,⁷⁴ и следовательно, в первый раз законом признано: 1) что власть помещика над крестьянином ограничена половиною сил его; 2) что другая половина его принадлежит ему, а не помещику; 3) что посему крестьянин может иметь собственность и сам ничьею полною собственностью быть не может. Хотя же сии последствия с точностью и не определены законом, но они все содержатся в его смысле.

С 1801 г. запрещено объявлять о продаже людей в ведомостях. Впоследствии воспрещено было продавать их на ярмарках и вообще по верующим письмам.⁷⁵ Воспрещено укреплять недворянам под видом найма и других сделок. Открыт новый способ увольнения крестьян целыми деревнями — учреждением состояния свободных хлебопашцев.⁷⁶ Людей, отыскивавших свободу и раз оную получивших, запрещено возвращать помещикам.

По мере доходивших сведений о жестокостях пресекаемы они были строго и неупустительно. Генерал-губернаторам и отчасти губернаторам подтверждена власть брать имения в опеку.

Главная же мера в течение последних 25-ти лет состояла в том, что вовсе прекращена раздача деревень в собственность.

Затем многократно помышляемо было о пресечении продажи людей без земли, но мера сия по разным уважениям всегда была отлагаема.

МЕРЫ ИСПРАВЛЕНИЯ, ВНОВЬ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ

Между тем, однако же, время течет и, благотворным своим действием постепенно смягчая нравы, делает рабство, с одной стороны, менее жестоким, а с другой — и менее необходимым. По мере населения возвышается цена на земли, умножается количество рук, умеряется цена вольных работ и работы принужденные теряют свое преимущество. Толпы дворовых людей с их потомством день ото дня становятся тягостнее и несноснее. Таким образом, каждый день стираются прежние побуждения, изменяются прежние расчеты, разрешаются сомнения и устраняются препятствия.

По сему естественному движению и наклонности, почти общей, правительство одно может дать надлежащую благовременность и успешное направление.

Два рода мер к сему представляются нужными: одни первоначальные и основные, другие постепенные, на несколько лет в связи расположенные.

I. МЕРЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ И ОСНОВНЫЕ

Меры первоначальные и основные, согласно Высочайшему предназначению, будут состоять в следующем.

1) О ДВОРОВЫХ ЛЮДЯХ

Первое. Как первоначальное смешение в крепостных состояниях произошло от смешения крестьян и дворовых людей в народной переписи, то и первоначальная мера исправления весьма справедливо полагается в том, чтобы разделить сии состояния посредством особой переписи, и вследствие того:

Второе, учредить перепись дворовых людей отдельно от народной переписи.

Третье. Как при прежних ревизиях дворовые люди писались или при деревнях, или при городских домах, на тот конец, дабы сбор подлежащих с них податей и отправление причитающейся с них рекрутской повинности могли быть постоянны и во взыскании их достоверны, то и при отдельной ревизии сохранить то же правило со следующими изменениями:

1) При новой переписи писать дворовых людей при деревнях, но, как сказано в § 1, отдельною от крестьян статью; кто же деревень не имеет, тому дворовых людей записывать по городам в служебные цехи, по порядку, ниже сего в статье 7-й установленному.

2) Подушную подать с дворовых людей платить отдельно от подати с крестьян, взыскивая оную в те же сроки, не с деревень и крестьян, но с помещиков, коим они служат.

3) В раскладку рекрутской повинности вводить их так же отдельно по особой их ревизии, так чтобы пятисотные их участки по всей губернии составлены были единственно из дворовых людей на том же основании, как слагается один рекрутский участок из разных владений мелкопоместных; причем каждый помещичий двор, хотя бы он содержал и

менее 20-ти душ дворовых людей, входит в общую раскладку и несет по жеребию причитающуюся с него рекрутскую повинность натурою; где же не будет найдено в числе дворовых людей годного рекрута, там взыскивать не по 500, но по 1000 рублей деньгами.

4) Запрещается вместо дворовых людей ставить рекрут из крестьян, но дозволяется вместо крестьян ставить рекрут из дворовых людей, не зачитая, однако же, сих рекрут вместо тех, кои с самих дворовых людей по особой их ревизии и раскладке следовать будут.

Четвертое. Со дня состояния указа об особой переписи на будущее время запрещается брать в дворовые люди из крестьян, но как при ревизии, так и после оной дозволяется переводить дворовых людей в крестьяне на следующем основании: 1) перевод должен быть произведен без разлучения семейств, к семейству же причислять мужа и жену и малолетних детей их до 10 лет; 2) дворовый человек, переведенный в крестьяне, не только должен быть перечислен по книгам в Казенной Палате ⁷⁷ установленным для сего порядком, но и действительно в течение одного года должен быть водворен в деревне; 3) за перечисление без действительного в узаконенный срок водворения назначаются следующие пени: во-первых, с виновного в сем поступке взыскивается по 500 рублей штрафа за каждую перечисленную и неводворенную душу на том же основании, как за прописные в ревизии души; во-вторых, за каждую таковую душу помещик обязывается платить двойные подушные впредь до новой ревизии.

Пятое. Не считать переводом крестьян в дворовые люди, когда по воле владельца употребляются они на фабриках и заводах и вообще по всем хозяйственным заведениям не в личной неперменной службе помещика, но на изделии, располагаемом по общему о крестьянских работах трехдневному положению.

Все таковые работы и повинности, не составляя личной дворовой службы и не переменяя крестьянского состояния по распоряжению помещика, должны быть отправляемы крестьянами беспрекословно.

Шестое. Подушная подать, следующая с дворовых людей, установлена будет по окончании ревизии их отдельно от крестьян особенным указом; рекрутская же с них повинность — по количеству душ, или по пятисотным их участкам, устанавливается будет каждый раз так же от крестьян отдельно, при издании указов о рекрутском наборе.

Седьмое. Тем, кои не имеют деревень, дозволяется на основании установления в 3-й статье сего положения приписывать дворовых людей к городам. Для сего во всех городах учреждаются два рода служебных цехов: один для дворовых людей, отпущенных на волю, другой для крепостных помещичьих. На приписку как тех, так и других в цех не требуется согласия мещанских обществ, но взамен того и мещанские общества не обязаны за таковых людей платить казенные подати и отправлять повинности, а взыскиваются оные с них непосредственно и отдельно, по особому о таковых цехах подробному положению.

Восьмое. Каждый может отпускать дворовых людей на волю по существующим на сие узаконениям и с тем: 1) что в отпускных могут быть постановляемы условия не только в единовременном или по срокам платеже условленной капитальной суммы, но и в определенном оброке, платимом ежегодно, или по жизни увольняемого, или на определенное число лет; однако же, в сем последнем случае всегда в тех же условиях должна быть постановляема капитальная сумма, которая уволенным может быть внесена вместо положенного оброка и по заплате коей оброк прекращается; 2) все платежи, в условиях таковых постановленные, взыскиваются с увольняемых предпочтительно всем другим казенным и частным взысканиям так точно, как бы они залогом были обеспечены; за неисправность в платеже капитальной суммы или оброка виновные подвергаются тюремному заключению, доколе всей должной ими суммы не заплатят; 3) если дворовый человек, отпускаемый на волю, состоит вместе с деревнею в залоге в кредитных установлениях, то в числе условий, к увольнению необходимых, помещается предварительное согласие, без коего и отпускная недействительна. Согласие же дается: а) когда по расчету платежей долг обеспечивается достаточно остальным имуществом, в залоге остающимся, или б) когда внесена будет подлежащая в число долга с увольняемого лица сумма; 4) дворовые люди, отпущенные на волю, с состояния сего указа обязаны избрать род жизни в год после совершения отпускной, и помещик не до ревизии, но единственно за сей год обязан платить за них подати. Если же в течение года не изберут они рода жизни, то считать их бродягами и поступать с ними по существующим о бродягах законам. Когда же они в узаконенный годичный срок будут куда-либо приписаны по собственному выбору, то увольняются еще на один год от платежа всяких по новому их состоянию податей. Впрочем,

помещик при выдаче отпускной может взыскать с увольняемого и внести за него в казну все подати за столько лет, сколько остается до новой ревизии. Срок оной вообще определяется через 15 лет после предшедшей, и срок сей для расчета при отпускных полагается постоянным, хотя бы в самом деле ревизия последовала и позднее, так что помещик, желающий уплатить за увольняемого все подати совокупно, не обязан вносить более, как по расчету до сего срока.

Девятое. Дворовые люди, состоя в крепостном праве у владельцев и быв обязаны им личною службою и безмолвным повиновением, в случае непослушания и каких-либо продерзостей подлежат по-прежнему не токмо всем мерам домашнего исправления, но и отдаче в смирительные и рабочие дома и наказаниям при полициях, по просьбам и предъявлениям их владельцев. Сверх сего на основании Высочайше утвержденного 30 августа 1827 г. мнения Государственного Совета помещики могут представлять неисправимых людей в Губернское Правление, объявляя, что не желают иметь их при себе или в своем селении. В сих случаях Губернские Правления, соображаясь в точности с правилами, в том же Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета постановленными, ссылают сих людей так же, как бродяг, с семействами их на поселение в Сибирь или же обращают их в Кавказскую или другую отдаленную губернию, в рабочие роты или употребляют еще иначе, наблюдая только, чтоб они никак не были оставляемы вблизи от мест прежнего их жительства.

Десятое. Никакие денежные взыскания, ни казенные, ни частные, падающие на имущество владельца или на личную его свободу, отныне впредь не должны упадать на крепостных дворовых людей его, и посему:

Одиннадцатое. Оставляя во всей силе и действии все продажи и залоги крепостных дворовых людей, доселе законно совершенные, на будущее время все таковые продажи и залоги в качестве движимых имуществ по купчим и закладным крепостям запрещаются.

2) О КРЕСТЬЯНАХ

Двенадцатое. Каждый владелец имеет законное право принадлежащие ему земли и с крестьянами, на них поселенными, продавать и закладывать по своему усмотрению, но крестьян без земли продавать и закладывать, дарить и в приданое давать

отныне впредь запрещается; и вследствие того постановляется: сохраняя во всей силе и действии купчие и закладные крепостные, доселе законно совершенные, на будущее время совершать оные не иначе, как по формам, при сем прилагаемым.

Тринадцатое. Не воспрещается владельцам переселять крепостных крестьян с одних земель на другие, тем же владельцам принадлежащие, но продавать крестьян на свод от одного владельца другому отныне впредь вовсе запрещается.

Четырнадцатое. Продажу одной земли без крестьян, кои на ней водворены, продажу деревни с малым количеством земли из той, которая к ней принадлежит, также продажу известного числа дворов из деревни с количеством земли менее того, какое на них из всей земли причитается, и, наконец, продажу земли с крестьянами и потом перепродажу одной земли без крестьян тому же или другому владельцу — все таковые продажи считать недействительными и ничтожными и за подлог, если он откроется, судить по законам.

Пятнадцатое. Как займы в государственных кредитных установлениях, на залоге недвижимых имений основанные, на сих самых имениях утверждаются, то и формы свидетельств о благонадежности таковых залогов, из установленных мест выдаваемые, должны быть тому сообразны, и вследствие того:

Шестнадцатое. Оставляя во всей силе и действии займы, по прежним свидетельствам в сих местах совершенные, на будущее время устанавливаются свидетельства по образцам, при сем прилагаемым.

Семнадцатое. Как по сем свидетельствам в существе и твердости залога не вводится никакого изменения, то и все условия займа и последствия сих условий в образе взыскания остаются без всякой перемены на точном основании изданных на сие уставов и правил, но для единообразия все заемщики обязаны в течение двух лет переменить прежние свидетельства на новые, в чем места, выдающие свидетельства, не могут делать ни малейшего никому затруднения, разве бы между тем имение заложенное подверглось описи и законному взысканию.

II. МЕРЫ ПОСТОЯННЫЕ

Основные меры, выше сего изложенные, произведут следующие две существенные пользы: 1) они обратят крепостное право на крестьян в прежнее его законное положение, т. е.

сделают их крепкими владельцу по земле, а не по лицу; прекратят личную продажу их в виде собственности или движимого имущества; уничтожат то унижительное понятие, какое внутри и вне России имеют о рабстве крестьян; 2) состояние дворовых людей само собою и нечувствительно прекратится; часть их обратится в крестьянство, другая отпущена будет на волю, с одной стороны, по удобству, какое вновь к сему открывается, а с другой — по затруднениям в продаже и по тройной подати, которую после ревизии на них определить предполагается.

Но сии основные меры не разрешат всех затруднений, не установят еще с твердостью крестьянского положения, не прекратят, с одной стороны, злоупотреблений худых помещиков, а с другой — продерзостей и неповиновений крестьян.

Единственное решительное к сему средство есть определение всех крестьянских работ и повинностей договором.⁷⁸

Но сие важное преобразование крепостного права не может совершиться иначе, как мерами, зрело и в совокупности их соображенными и потом в течение нескольких лет постепенно в действие приводимыми.

Первою из сих мер должно быть устройство казенных крестьян. Сей род людей беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих. Работы и повинности их также неопределенны. С одной десятины худой земли казенный крестьянин платит столько же оброку, несет столько же разнообразных земских и волостных повинностей, как другой с восьми или более. Земские исправники суть тоже помещики, с тою токмо разностию, что они переменяются и что на них есть некоторые способы к управе, но взамен того сии трехлетние владельцы не имеют никаких побуждений беречь крестьян, коих они ни себе, ни потомству своему не прочат.

Об устройстве казенных крестьян были разные предположения; надлежит их пересмотреть, сообразить и постепенно приводить в действие. Случай и повод к сему весьма естественный представляется при рассмотрении той части Уложения, в коей определяется право состояний, ибо и прочие состояния, как-то мещанское и гражданское, требуют пересмотра и исправления.

Второю за сим мерою будет приведение помещичьих крестьян в то же положение, какое будет определено для крестьян казенных. Отношения помещичьих крестьян к владельцам земли должны быть те же, как и крестьян казенных к казне. Все различие может состоять: 1) в управе полиции; 2) в

особенном порядке, коим оброки в помещичьих селениях могут быть заменяемы работами на хозяйственных помещичьих заведениях. Но прежде нежели можно будет приступить к обоим сим мерам, необходимо должно пересмотреть и исправить устройство земского управления, ибо какой закон может произвести полезное действие при настоящем образе исполнения? Устройство сему также положено начало и сделаны разные предположения.

Между тем есть мера средняя, которую вслед за первыми основными мерами принять можно. Это есть лучший распорядок в увольнении крестьян. Ныне есть о сем два положения: 1) об увольнении личном и 2) об увольнении с землею.

Личное увольнение крестьян подвержено тем же затруднениям, как и дворовых людей, т. е. помещик обязан платить подати до ревизии, а крестьянин не может быть принят ни в сельское, ни в мещанское свободное сословие без согласия.

Увольнение с землею, т. е. в свободные хлебопашцы, также имеет разные стеснения, как-то: 1) нельзя увольнять по духовным завещаниям; 2) нельзя увольнять целыми деревнями так, чтоб крестьяне были лично свободны, а земля была бы им отдаваема в наем по договорам; 3) нельзя крестьян, уволенных от одного помещика, принять и поселить в землях другого с оброком по договору.

Прекращение всех сих и им подобных стеснений послужило бы наилучшею мерою постепенного перехода из крепостного в свободное состояние. К сему надлежит только пересмотреть и расширить существующие ныне положения.

1826 г.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

(1710—1726)

I. СОВЕТ

Образ управления, предшествовавший учреждениям Петра Великого, состоял в установлениях троякого рода: одни из них были сословия совещательные, и сии составляли высшую степень; таковы были: Большая Дума,⁷⁹ Золотая Палата,⁸⁰ Ответная Палата,⁸¹ Разряд и Расправная Палата.⁸² Каждый из сих Советов состоял из большего или меньшего числа бояр и думных людей. Другие были судебные вместе и управительные и составляли степень среднюю. Таковы были разные московские Приказы, числом всего около сорока. Они вверялись обыкновенно одному лицу с товарищем или без одного, но всегда с дьяком. Третья и низшая степень управления вверяема была в провинциях воеводам и их товарищам. Долголетний опыт доказывал неудобства сих установлений. Высшая их степень — Совещательные Палаты — не имели единства, а средняя, быв вверена лицам, и по имени и по делу была действительно самовластным приказным управлением. Был еще третий род управления, учреждаемого на время отсутствия государей из Москвы. Он состоял в препоручении всех дел верховному надзору одного, двух или более избранных лиц с обширною властью. Они были как бы наместники государя во всем государстве. Сие называлось: *приказать Москву*. Власть сия иногда препоручаема была Расправной Палате.

Порядок новых государственных установлений, предназначенных Петром Великим взамен старых, начался соединением дел, в прежних Палатах рассеянных, в один состав, в Ближнюю государеву Канцелярию. В указе 1708 г. января 26 сказано: «Министрам, коим бывает съезд в Ближнюю Канцелярию, съезжаться три раза в неделю (понедельник, среду и пятницу)». Заседания их были в присутствии государя и именовались *консилии*. О роде дел и порядке их производства в сем Совете не дошло до нас точных сведений, но то достоверно известно, что он был просто совещательный и не имел никакой власти исполнительной.

II. СЕНАТ

Учреждению Сената предшествовал некоторый распорядок в губернском и уездном управлении. В 8-ми губерниях определены губернаторы, в провинциях — правили воеводы, в городах — коменданты и ратуши, в уездах — ландраты и комиссары. Всем сим местным начальствам постановлено в 1711 г. одно средоточие: Сенат.

Под именем Сената должно различать два разных установления: одно временное, другое постоянное.

Сенат в 1711 г. учрежден был по случаю и на время отсутствия государя, с тою же властью и сообразно тому же правилу, какое и прежде в отсутствиях наблюдалось. Учреждение сие было необходимо, потому что Совет, или Ближняя Канцелярия, яко место совещательное, не могла управлять государством, и, сверх того, особы, ее составлявшие, следовали за государем.

Сей Сенат был сословие 8-ми особ, коим на случай отсутствия по старому обычаю *приказано* было государство. Особый наказ определял главные его предметы: суд, дела финансовые и попечение о китайской и персидской торговле.* Вместе с тем учинен некоторый распорядок дел в его Канцелярии.**

Не прежде как в 1718 г., когда учреждение Коллегий было решено и некоторые из них были уже в действии, Сенат начал принимать вид постоянный, государственный. В течение четырех последующих лет определен состав его, предме-

* 1711 г. марта 2.

** 1711 г. марта 27 Канцелярия Сената разделена на 4 стола: секретный, приказный, губернский и разрядный.

ты, образ производства дел, степень власти и ответственность.

Состав Сената был коллегиальный. Он должен был состоять из действительных тайных и тайных советников, из президентов Коллегий* и из министров, бывших в иностранных дворах,** в одном нераздельном присутствии под председательством самого государя и с надзором генерал-прокурора, коего звание в первый раз в 1722 г. учреждено.***

Предметы его были три следующие: 1) совещания по законодательству;**** 2) окончательное решение в делах высшего управления и надзора;***** 3) окончательное решение в делах судебных.*****

Образ производства дел установлен тот же, как и в Коллегиях, со следующим токмо различием, что всякое определение Сената *неединогласное* велено считать недействительным, и, следственно, дело поступало к государю; напротив, всякое определение *единогласное*, если оно не было остановлено генерал-прокурором, велено приводить в исполнение.*****

Степень власти и ее пределы. Указом Сената велено быть послушным, как самому государю.***** В делах судебных жалобы на Сенат нигде не приемлются и даже запрещено приносить их под смертную казнию.***** Но сей власти постановлены следующие пределы: 1) каждой Коллегии дано право представлять Сенату, если бы в указах его нашла она что-либо противное указам государя или государственным пользам; если сие представление не будет уважено и Сенат подтвердит свое повеление, то Коллегия обязана его исполнить, но в то же время она обязана донести государю под собственною своею тяжкою ответственностью;***** 2) генерал-прокурор может остановить решение Сената и донести государю.

* 1718 г. февраля 7.⁸³

** 1722 г. января 12.

*** Там же.

**** 1722 г. апреля, ст. 2: «Кому в Коллегии такое дело случится, которое ей решить невозможно, то те дела президенту Коллегии приносить и объявлять генерал-прокурору, который должен представить в Сенат, а чего невозможно решить, о том приложить свое мнение учинить предложение в доклад».

***** Там же, ст. 2—6.

***** Там же, ст. 4.

***** 1722 г. апреля, ст. 7—11 и Генеральный Регламент 1720 г.

***** 1711 г. марта 2.

***** 1718 г. декабря 22, п. 5.

***** Генеральный Регламент, гл. 2.

Ответственность Сената. Сенат отвечал пред государем, если бы постановил что-либо в отмену государевых указов или противное государственным пользам.* Место суда для сенаторов в преступлении их должностей хотя не было с точностию определено, но оно не могло быть другое, как в самом Сенате.

III. КОЛЛЕГИИ

Беспорядки и злоупотребления бывшего прежде личного приказного управления представляли необходимым ввести порядок коллегиальный. Еще в 1714 г.,** прежде учреждения Коллегий, велено в Сенате и в губерниях в военных и гражданских делах все решения производить протоколами не одному лицу, но всем, к тому приставленным, а дьякам и секретарям запрещено под смертною казнию крепить и рассылать указы прежде подписания протоколов; но как в сие время не имели еще точных понятий ни о протоколах, ни о коллегиях, то и угрозы сии оставались без действия.

К учреждению Коллегий приступлено тем, что в 1715 г. чрез министра нашего в Копенгагене истребованы Уставы Датские. Предполагаемо было даже вызвать оттуда и советников, кои бы, обучаясь по-русски, могли способствовать к их образованию, ибо, как сказано в собственноручной государевой записке, «всех циркумстанций в книгах не пишут». Вслед за тем поручено выписать и Уставы Шведские.

Наконец, в 1718 г. явилось учреждение Коллегий.*** В течение двух лет их учреждено было девять. В 1720 г.**** дан им общий Генеральный Регламент, и с сего времени указ 1714 г. вошел в свою силу, т. е. велено все дела производить коллегиальным порядком. Не токмо все дела управления, но и все дела высшего суда размещены были в сих установлениях. Суд не был еще тогда отделен от прочих управлений. Так, Коммерц-Коллегия не токмо управляла делами торговыми, но и судила торгующих; Берг-Коллегия ведала судом заводчиков, Мануфактур-Коллегия — фабрикантов и так далее. Ведомство же высшего суда по делам земской собственности, так как и

* Там же.

** 1714 г. апреля 4.

*** Указ 12 апреля 1718 г.

**** Генеральный Регламент 1720 г., февраль.

по делам уголовным, вверено было Юстиц-Коллегии и Вотчинной Коллегии.

Состав Коллегий. Каждая Коллегия слагалась по роду и количеству дел из отделений или экспедиций и каждая из сих экспедиций вверялась президентом советнику, или ассессору, *в особое надзирание и попечение*; над всеми же ними президент должен был иметь *генеральную и верховную дирекцию*.* Хотя определение членов зависело от Сената, но президент имел над ними следующую власть: 1) он мог о тех из них, коих найдет *мало разумными или слабыми, представлять Сенату, чтобы искуснейших определил*; 2) о нерадивых, если по увещанию его они не исправятся, представлять также Сенату; 3) наконец, тех из них, от нерадения коих вредительная в делах остановка учинится, президент мог или *понизить в чине* (т. е. в должности), или *и весьма отставить*.** Один день в каждой неделе, и именно в четверток, все президенты обязаны были съезжаться в Сенатскую Палату, и, следовательно, день сей был общим собранием всех Коллегий в Сенате в лице их президентов.*** Впоследствии, когда найдено было, что сии собрания отвлекают президентов от дел их, определены были указом 12 января 1722 г. вторые президенты для присутствия в Сенате.

Предметы Коллегий определены особенными их регламентами и общим расписанием.

Производство дел. Дела принимаются, распечатываются и предлагаются в общем присутствии Коллегии.**** Они решаются по большинству голосов, а в случае равенства голос президента дает перевес. Несогласные с большинством могут записать голоса свои в протокол.***** Сим освобождаются они от взыскания в случае неправильного решения в Коллегии. Но если дело решением ее будет окончено и не поступит на ревизию, то голоса несогласных не имеют никакого действия. Дела челобитчиковы должны быть решены в Коллегии не позже 6-ти месяцев под строгим прещением за проволочку.*****

Власть Коллегий и пределы ее. Коллегия принимает указы только от государя и Сената.***** Все другие места низшие

* Там же, гл. 8.

** Там же, гл. 25.

*** Там же, гл. 3.

**** Там же, гл. 16.

***** Там же, гл. 6.

***** Там же.

***** Там же, гл. 2.

обязаны исполнять ее указы. Сверх сего Коллегия имела два важных права: 1) делать предъявления государю против указов Сената, когда они были в отмену указов именных или противны государственной пользе; 2) доносить самому государю, также и Сенату, ежели что усмотрит к произведению какой государственной пользы.* Пределы власти в Коллегии не были установлены с точностию. Не определено, в каких случаях решения ее должны быть окончательными и в каких подлежат пересмотру Сената. Постановлено токмо, *чтобы дела сомнительные и какого изъяснения требующие не скоро спешить вершением, но или Сенату докладывать, или справиться откуда надлежит.*** Фискал в Коллегии, в случае неправомерности ее действий, мог предлагать об исправлении и доносить генерал-фискалу,*** а сей Сенату; но не дано власти ни тому, ни другому останавливать решение Коллегии. Жалобы от частных людей на Коллегию хотя и могли быть приносимы, но не прямо в Сенат, а через посредство рекетмейстера, который обязан был, пересмотрев дело, доносить государю, а в отсутствие государя — Сенату.**** Прямой апелляции на Коллегию установлено еще не было.

Ответственность. Члены Коллегии в случае преступления должности по счетам судимы были в Ревизион-Коллегии, а в прочих делах — в Юстиц-Коллегии.***** О президентах ничего в особенности не постановлено.

IV. ПОРЯДОК ДОКЛАДОВ

Власть законодательная, правительственная и судебная, действуя в разных установлениях, всегда остается соединенною и нераздельною в особе государя.

Между сею властью нераздельною и установлениями, в коих она действует раздельно, должен быть учрежден порядок сношений, и учреждение сего порядка составляет само по себе весьма важную часть государственного управления.

Порядок, коим дела в первом периоде восходили на окончательное Высочайшее усмотрение, т. е. порядок докладов, состоял в следующем.

* Там же, гл. 56.

** Там же, гл. 6.

*** Там же, гл. 45.

**** Долж. Сената 1722 г. апреля 27, ст. 3.

***** Генеральный Регламент, гл. 51.

В Совете, или Ближней Канцелярии, доклад был непосредственный, ибо государь сам тут присутствовал.

В Сенате доклад мог иметь три вида: по разногласию сенаторов, по разногласию генерал-прокурора и по недостатку законов. Исключая тех случаев, когда государь сам председательствовал в Сенате, все сии доклады восходили к нему посредством генерал-прокурора, и через него же исходили Высочайшие решения.

В Коллегиях доклад производим был двояко: через Сенат, и следовательно через генерал-прокурора, и прямо через их президентов. Из дел видно, что сей последний путь был предпочитаем.

По разуму узаконений того времени жалобы частных лиц ни в каком случае не должны были непосредственно восходить к государю. Челобитные на медленность или неправильность решений могли быть приносимы на нижние провинциальные суды в судах надворных, а на надворные — в Коллегиях. Далее сего жалобы челобитные прямым путем не восходили. За непосредственные жалобы государю на Сенат положена смертная казнь, а на Коллегии — каторжная работа.* Но как в Коллегиях могла быть и медленность и неправда, то посему надлежало установить порядок, коим жалобы могли восходить к Сенату. Для сего учреждено звание рекетмейстера.**

Предметы. Действию сей власти подлежали все дела, в Коллегиях производимые.

Образ производства дел у рекетмейстера был двоякий: 1) по жалобам на медленность он обязан был *сам* ходить в Коллегии, удостоверяться в положении дела, побуждать президента и доносить Сенату; *** 2) по жалобам на несправедливые решения он обязан был, с доклада Сенату, брать к себе дела, составлять из них выписки и с рукоприкладством челобитчиков и членов Коллегии представлять сии выписки Сенату для пересмотра и решения.**** Сей последний образ производства вскоре, и именно в апреле месяце того же года, несколько изменился. В указе о должности Сената (апреля 27 1722 г., п. 4) постановлено, чтоб рекетмейстер о неправотах Коллегии доносил государю, а в *отлучках императорских* предлагал Сенату.

Власть рекетмейстера состояла в побуждении к скорейшему решению в Коллегиях. Пределы сей власти состояли в том,

* Инструкция рекетмейстера (23 февраля 1722 г.), п. 7.

** Там же.

*** Там же, п. 1.

**** Там же, п. 2.

что рекетмейстер ничего сам не мог решить, даже не давал по делу и мнения, но обязан был токмо составить выписку, представить ее на усмотрение Сената и требовать его решения.*

Ответственность. «Ежели рекетмейстер жалоб для какой страсти принимать не будет, и тем людям бить на него челом в Сенате».**

В сем кратко состоит образование государственных установлений в первом периоде бытия их.

Четыре главных недостатка представляются в сем образовании.

1) *Смешение предметов.* Сенат был верховное место законодательных совещаний, судебных решений и вместе управления. Коллегии имели также власть не только управлять и судить управляемых, но и входить в законодательные соображения и представлять о них прямо государю.*** Хотя же власть судебная Сената сначала и была ограничена теми токмо делами, кои рекетмейстер оному предложит, но впоследствии, и именно указом 1725 г. октября 5, разрешено приносить жалобы на Коллегии прямо в Сенат. Осталось только в силе запрещение жаловаться на Сенат государю. Таким образом, установление сие, по первоначальному учреждению более совещательное и управляющее, нежели судебное, постановлено в разряд судебный, и к трем степеням, коими прежде всего суд совершался, введена степень четвертая.

2) *Смешение в пределах власти.* Сенат не мог ничего постановить в отмену государевых указов, но не воспрещено ему было единогласным решением постановлять дополнения и изъяснения в законе. Право сие не прежде как в последующем периоде было ограничено. Коллегии имели ту же самую власть и те же точно в ней пределы. Никаким законом не было воспрещено им изъяснять и дополнять существующие законы. Посему трудно определить, в чем состояла степень зависимости их от Сената. В законе сказано:**** «Чего в Коллегии решить не можно, о том представлять Сенату»; но чего именно в Коллегии решить не можно, о том нигде не было постановлено, и напротив, каждой Коллегии дано право все, что усмотрит к произведению какой государственной пользы, доносить Его Величеству. Таким образом, Коллегии имели,

* Там же.

** Там же, п. 7.

*** Генеральный Регламент 1720 г., гл. 56.

**** 1722 г. апреля 27, ст. 2.

равно как и Сенат, право дополнять и изъяснять законы и также, как он, могли совещания свои о пользах представлять государю:

3) *Смещение в образе производства дел.* Порядок совещательный весьма различен от порядка судебного, а сей — от мер управления. Между тем Генеральным Регламентом 1720 г. установлен один и тот же образ производства дел и в совещании, и в суде, и в управлении, и в Сенате, и в Коллегиях. Легко можно представить, какой от сего должен был последовать перевес в Сенате генерал-прокурора, а в Коллегиях — президентов.*

От сих коренных недостатков — от смещения предметов, от неточности определения власти и ее пределов, более же от смещения в образе производства дел — все сии установления начали уже колебаться еще при жизни самого их учредителя. Сенат, назначенный быть средоточием Коллегий, не мог сохранить сего преимущества. Каждая Коллегия, имея непосредственные отношения к государю, предпочитала сей путь как кратчайший и удобнейший. Не токмо три первые Коллегии: Иностранная и обе Военные, во всех почти их делах относились прямо к государю, получали и исполняли его повеления, но и прочие Коллегии, пользуясь изъятием в гл. 56 Регламента данным, старались и успевали проложить себе тот же путь. От сего собрания Сената пустыли и, как видно из указов — 1714 г. апреля 16, 1716 г. января 20 и 1726 г. февраля 8, — члены редко туда являлись, отбывая от сих заседаний то под предлогом других дел, то под видом болезни, так что найдено было необходимым для безостановочного течения дел учредить из сенаторов дежурства и даже отряжать для присутствия по две персоны из генерал-майоров с переменою погодно (указ 8 февраля 1726 г.); больных сенаторов свидетельствовали, а с нерадивых взыскивали за каждый день отсутствия по 50 рублей штрафу.

В самых Коллегиях сколько в теории уважаемо было общее начало совокупности, столько в практике превозмогало прежнее правило личного, отдельного управления. Так, например, в одной из них, и важнейшей — в Берг-Коллегии, три года спустя после ее учреждения (в 1719 г.) управление и устройство заводов Уральского хребта, т. е. самая главная и тогда почти единственная часть всего ведомства сей Коллегии, поручены были в полное и непосредственное распоряже-

* См. примечание А.

ние генерал-майора Геннина ⁸⁴ инструкцією, прямо от государя ему данною (29 апреля 1722 г.), и со властью, почти независимо от Коллегии. Сей образ управления продолжался и после, в лице помощника его Татищева. К Коллегии едва доходили поверхностные о сем сведения — годовые табели и донесения, а к Сенату — и того менее.

Одни только Судебные Коллегии, т. е. Юстиц-Коллегия, Вотчинная Коллегия и отчасти Ревизион-Коллегия, по взысканиям и начетам держались Сената, и то не сами собою, но по жалобам частных людей, на них доходящим.

Таким образом, государственные наши установления в самом первом периоде их бытия имели уже два вида: один указный, а другой действительный. В первом виде Сенат был правительствующий и совещательный, а в другом — токмо судебный. В первом виде Коллегии были ему подвластны, а во втором — действовали каждая отдельно и получали указы непосредственно. В первом ничто важное не должно было решаться без их определения, а во втором все важное большею частию шло мимо них и управлялось отдельно доверенными лицами.

Отсюда, от сей двоякости цели и действия, мы увидим в последующих периодах непрерывный ряд изменений, поправок и преобразований.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

(1726—1775)

І. СОВЕТ

Совет, существовавший при Петре Великом как установление совещательное под именем Ближней Канцелярии, по кончине сего государя восприял другое имя, имя Верховного Тайного Совета, и вместе с тем получил другую власть и другое бытие.

В указе 8 февраля 1726 г. сказано, что некоторые из лиц, присутствовавших в Сенате, часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других делах и что от того, что они обязаны присутствовать в

Сенате, чинится им в первом и весьма нужном деле, в Тайном Совете, помешательство.

Совет Верховного Тайного Совета. Он учрежден при дворе из первых сенаторов с председательством в нем самой императрицы.*

Предметы. Они с точностию не означены; но вообще ведомству его вверены все дела важные, государственные,** как внешние, так и внутренние.

Образ производства дел. О внутреннем распорядке дел в сем Совете ничего гласно не было постановлено. Сношения его с Сенатом и с Коллегиями учреждены в виде указов и доношений. Форма указов установлена двоякая: одна за Высочайшим подписанием, а другая за подписью действительного статского советника Степанова⁸⁵ по Ее Величества указу. Та и другая форма должна была иметь вид манифеста и в окончании содержать слова: дан в нашем Верховном Тайном Совете.*** Доношения от Сената и Коллегий должны были быть обращаемы прямо на имя Ее Императорского Величества, но с надписью внизу: к поданию в Верховном Тайном Совете.****

Власть, ее пределы и ответственность. Совету присвоена власть не только совещательная, но и власть действительного управления. От него исходили указы Сенату, Коллегиям и низшим местам. Он входил даже в подробности управления: принимал жалобы и челобитные, назначая для сего особые дни,***** требовал ведомостей о недоимках, об отписных деревнях, дворах и лавках.***** Сей толико обширной власти не было других пределов, кроме власти императорской, пред коей одной Совет во всех делах его непосредственно отвечивал.

Сей Совет, столь известный в истории нашей по дерзновенным замыслам к ограничению самодержавной власти, продолжался около трех лет. Указом 4 марта 1730 г. он отменен, но в конце следующего года в другом виде и с другою властью он паки восстановлен ***** под именем *Кабинета*.

Кабинет не имел всей власти прежнего Верховного Совета, но был, однако же, местом не токмо совещания, но и управ-

* 1726г. февраля 6.

** Там же.

*** 1726г. марта 28.

**** Там же.

***** 1727г. октября 26.

***** 1728г. мая 31.

***** 1731г. ноября 10.

ления. Из него исходили указы и Сенату, и всем местам подчиненным.

Сей образ бытия продолжался около десяти лет. С восшествием на престол императрицы Елизаветы в 1741 г.* Правительствующему Сенату велено иметь «преждебывшую всю силу и власть в правлении внутренних всякого рода дел», а для внешних дел восстановлены прежние при дворе консилиии под именем *Конференции*.

Но в 1756 г. Конференции велено управлять и внутренними и военными делами и посылать во все места, в том числе и в Сенат, экстракты из ее протоколов к исполнению.

Таким образом, прежнее начало смешения властей, та же преклонность к привлечению всех дел в одно безотчетное установление в разных видах и под разными именами всегда проявлялось и более или менее всегда превозмогало.

Действие Конференции с кончиною императрицы Елизаветы пресеклось; по крайней мере гласного бытия она не имела.

В 1768 г. учрежден Совет на следующих правилах:

Состав. Постоянных членов в оном определено было семь. Сверх того положено призывать других по временам.** Он состоял под председательством самой императрицы.

Предметы. «По причине теперешних военных обстоятельств, сказано в указе 17 января 1768 г., дабы ни в которой части ничего проронено не было между политических, военных и казенных мест, за благо признано учредить на время войны и в присутствии Ее Императорского Величества Совет, которому иметь как рассуждение, так и бдение, дабы ничего не было упущено к обороне и безопасности государства, то же и к военным действиям».

Образ производства дел. Совет должен о всем непосредственно докладывать государыне императрице, выходить же из него не будет ничего иначе, как за подписанием собственной Ее Величества руки.*** В особом наказе определены дни присутствия, дважды в неделю или смотря по делам. Каждый член мог предлагать нужное; прочие могли оговаривать по порядку, не перебивая речи и начиная с младших.**** Исполнение решений, когда они будут апробованы, предоставлялось разным местам, по принадлежности, но с донесением Совету об

* 1741 г. декабря 12.

** 1768 г. января 17.⁸⁶

*** Там же.

**** Из выписки тайного советника Оленина.⁸⁷

успехах. Дела и суждения вносимы были в журнальную записку, по некоторым же составляемы были и особые протоколы. При вступлении каждый член давал присягу.*

Власть и ее пределы. Совет сей был единственно совещательный; никакой власти исполнительной ему не было предоставлено. Хотя учрежден он был и на время войны и для дел военных, но впоследствии признано было за благо и по окончании войны продолжить бытие его на том же основании, с переменою токмо рода дел. Вместо военных поступали в оный некоторые дела казенные и правительственные, а иногда и частные без точного, однако же, определения.

II. СЕНАТ

С учреждением Верховного Тайного Совета состояние Сената изменилось. Хотя состав его и образ производства дел оставались те же, но в предметах его действия и во власти он перестал быть *Правительствующим* и назван *Высоким*.** В сем положении он сравнен был даже с Коллегиями, из коих с тремя первыми и сноситься ему велено не иначе, как *промемориями*. Не без намерения в указах того времени употреблено было выражение: «*донесения от Сената и других Коллегий*»***

Сей Высокий Сенат указом 1730 г. марта 4 вместе с Верховным Советом велено было оставить, а для правления быть Правительствующему Сенату. Но с возвращением имени не возвращена ему прежняя власть, ибо вскоре после того Кабинет (указом 1731 г. ноября 10), вместо Совета учрежденный, вступил во все почти права его и сохранил их до 1741 г.

В сем году с уничтожением Кабинета восстановлен Сенат в прежнюю его силу, т. е. в нем по-прежнему соединены и суд, и предметы управления. Но сия власть в 1765 г. паки ограничена учреждением Конференции, и сие продолжалось до восшествия на престол императрицы Екатерины.

Совет, в 1768 г. учрежденный, не произвел во власти Сената существенной перемены; весьма редко дела его в Совет поступали.

* 1768 г. января 17.

** 1726 г. марта 14.

*** 1726 г. февраля 8 и марта 28.

Таким образом, Сенат, как установление вместе судебное и правительственное, продолжал бытие свое во время царствования императрицы Екатерины.

В течение сего времени в составе его, образе производства дел и степени власти произошли перемены:

1) *Перемены в составе.* В 1763 г. Сенат разделен на департаменты. Сие разделение еще в 1730 г. было предполагаемо,* но не было приведено в действие.

По образованию 1763 г. каждому департаменту присвоена власть целого Сената, так что единогласное решение департамента вступает само собою в силу закона. По одному только разногласию или сенаторов или обер-прокурора дело переходило в Общее Собрание.

Легко можно представить, сколь много сим распоряжком ускорилось решение дел и успех их производства.

2) *Перемены в производстве дел и степени власти.* Узаконениями Петра Великого как Сенату, так и Коллегиями воспрещено было постановлять что-либо в отмену именных государевых указов, но не воспрещено было при рассмотрении дел, в случае неправильных толкований закона, объяснять и устанавливать истинный смысл его и решить дело по сему смыслу. Не воспрещено было также Сенату исправлять собственные его решения, когда при лучшем рассмотрении найдет он их с точным разумом закона несогласными. Указом 1763 г. и последующими постановлено** все изъяснения закона и все перемены в собственных решениях Сената представлять докладами на Высочайшее усмотрение. Посему во всех тех случаях, к разрешению коих буквальный смысл был или токмо казался недостаточным, дело не могло уже получить окончания в Сенате, принимало другой путь и называлось *казусным*. Легко можно представить себе, как путь сей от различия понятий, от неопределенности наших законов, от образа их изложения, а паче от пристрастия и поисков ябеды постепенно расширялся, а число дел казусных возрастало, и как вместе с тем возрастала власть и личное действие генерал-прокурора, к коему все дела сии стекались и через него одного восходили на окончательное верховное разрешение; отсюда мы видим столь великое число тяжбных дел, решенных в сем периоде не судебными определениями, но именными указами, часто с отменою всех судебных определений.

* 1730 г. июня 1.

** Первые начала сего постановления можно видеть уже и в указе 1730 г., но сии начала оставались еще почти без действия.

III. КОЛЛЕГИИ

Состав и власть Коллегий, исключая трех первых и двух судебных, в сем периоде весьма часто изменялись. Так, например, Берг-Коллегия то соединяема была с Мануфактурною, то отделяема.* В 1727 г. дела сей последней и все фабрики отданы в ведомство Коммерц-Коллегии; для неважных же дел вместо Мануфактур-Коллегии определены временные собрания фабрикантов, коим дозволено все неважные определения чинить без протоколов, а о важных доносить Коммерц-Коллегии.** Над фабрикантами вместо Коллегии назначен один протектор, сенатор Новосильцев, а для дел коммерческих составлена особая Комиссия о коммерции.*** Сей порядок в 1729 г. опять изменился,**** а через два года потом***** все три Коллегии — Берг, Мануфактур и Коммерции — соединены вместе.

Приметить при сем должно, что важнейшие постановления того времени исходили не токмо без участия, но часто и без ведома Коллегий. Таковы суть: Берг-привилегия и Горный устав по Горному Управлению, Вексельный устав 1727 г. по делам коммерческим и тому подобные.

Таким образом, в течение сего периода колебавшееся уже и в первом состоянии Коллегий не токмо не утвердилось, но изменениями еще более ослабело.

Когда же в 1764 г.***** издано было наставление губернаторам и силою оно все части внутреннего управления им были вверены с предоставлением права обо всем писать прямо или в Сенат, или к самой императрице, тогда власть Коллегий и совсем уже сделалась ничтожною. Они лишились права даже и посылать указы к губернаторам,***** следовательно, лишились способов местного их действия.

IV. ПОРЯДОК ДОКЛАДОВ

По делам Совета, когда Высочайшего присутствия в оном не было, протоколы подносились лицами, к тому особенно определенными.

* 1723 г.

** 1727 г. марта 20.

*** Там же.

**** 1729 г. июня 18.

***** 1731 г. октября 3.

***** 1764 г. апреля 21, наставление губернаторам.

***** Там же, ст. 1.

По делам Сената доклады восходили через генерал-прокурора.

Непосредственные доклады от Коллегий, исключая трех первых, в сем периоде в одних совершенно прекратились, а в других были весьма редки. Важнейшие дела их, проходя через Сенат, стекались к генерал-прокурору.

Таким образом, все дела судебные и все предметы внутреннего управления окончательно стекались в одни руки и через генерал-прокурора восходили на Высочайшее решение.

В докладах по жалобам в сем периоде произошло важное изменение. На Коллегии в Сенат не было апелляции. Рекетмейстер имел только право, приняв жалобу, истребовать дело из Коллегии и предложить его к пересмотру в Сенате.

Указом 30 июля 1762 г. установлены новые правила апелляции, и в том числе разрешен и перенос дел из Коллегий прямо в Сенат. Сим звание рекетмейстера изменилось. Вместо того что он стоял между Коллегиями и Сенатом, он стал уже между Сенатом и государем, ибо хотя прежний закон, воспрещающий жалобы на Сенат, и не отменен положительно, но частыми изъятиями он лишился своей силы. Жалобы на департаменты Сената были поручаемы рассмотрению генерал-рекетмейстера, и, по докладу его, решения Сената особыми указами нередко были отменяемы. Реже, но были примеры подобных жалоб и таковых же отмен в решениях и Общего Сената Собрания.

При общем обозрении государственных установлений в сем периоде следующие заключения сами собою представляются:

1) Неудобства от смешения дел и властей, в первом периоде замеченные, продолжались и во втором с тою же или большею еще силою, особливо при учреждении Верховного Тайного Совета, Кабинета и Конференции.

2) Отменою сих установлений крайности беспорядка отчасти были пресечены, но смешение дел и властей существенно не было еще исправлено. Сенат разделением 1763 г. на департаменты получил более способов к действию, но состав его оставлен неопределенным: он был установлением не токмо судным, но правительствующим и даже совещательным для законодательства.* Экономические Коллегии были или без действия, или затрудняли только ход дел бесполезными и многосложными их формами.

* В наказе 1767 г. он назван хранилищем законов.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

(1775—1797)

I. СОВЕТ

Совет оставался в прежнем его положении.

II. СЕНАТ

Состояние Сената не само по себе, но по устройству мест, ему подвластных, изменилось. Со введением нового в губерниях учреждения дела судебные, прежде из двух только Коллегий (Юстиц и Вотчинной) в Сенат вступавшие, стали входить из 42-х Палат Гражданских и Уголовных, а дела правительственные вместо четырех или пяти Коллегий — из 42-х Палат Казенных и стольких же Губернских Правлений.

Порядок производства сих дел оставался в Сенате прежний, Генеральным Регламентом 1720 г. установленный, и между тем как в учреждении губернского дела правительственные и судебные были уже отделены не токмо в месте их ведомства, но и в образе их производства, в Сенате они оставались еще в прежнем их смешении. Дела правительственные ведались и в 1-м, и 3-м, и в 5-м департаментах, и во всех сих местах они производились тем же самым внутренним обрядом, какой установлен для дел судебных.

Явная несообразность, крайняя медленность и затруднения, от сего происходившие, не могли укрыться от прозорливого усмотрения императрицы Екатерины. Из оставшихся после нее бумаг видно, что около 1781 г., т. е. пять лет спустя после введения учреждения, Ее Величество помышляла уже о преобразовании Сената. Труд сей, занимавший внимание ее много лет, доведен был почти до совершения. Мысль государыни состояла, кратко, в следующем: устроить Сенат на тех же главных началах и с тем же в роде дел разделением, как устроено губернское управление. 1-й департамент Сената должен был соответствовать Губернскому Правлению; 2-й — Казенной Палате, прочие — Палатам Уголовной и Гражданской. Для дел важнейших полагалось было устроить

в Сенате Верховный Уголовный и Верховный Совестный суд. Сенат учредить в обеих столицах, в Киеве и Казани. Кончина Ее Величества пресекла все сии предположения.

III. КОЛЛЕГИИ

Коллегии (здесь всегда должно разуметь с исключением трех первых), в предыдущем периоде со времени издания губернаторского наказа остававшиеся уже почти без действия, по введении нового губернского учреждения и совсем сделались излишними. Дела и власть их переместились в Палаты и Губернские Правления. Сии новые Коллегии в составе их и власти совершенно равнялись прежним, но различались от них существенно порядком производства их дел. Выше было замечено, что один общий регламент действовал во всех прежних Коллегиях, и регламент сей был судебный. В новых же губернских Коллегиях, напротив, установлен порядок тройкий: в Губернских Правлениях он есть совещательный и вместе приказный, т. е. члены Правления дают по делам мнения, но решить все и может решить против всех один губернатор. В Казенных Палатах порядок есть судебный и вместе приказный. Есть род дел, кои советник экспедиции производит сам собою один, без всякого других участия; есть другие дела важнейшие, кои вносятся из экспедиции в общее присутствие и там решаются большинством голосов; наконец, в Палатах Уголовной и Гражданской порядок есть судебный.

При сем важном превосходстве новых Коллегий, при местном удобстве их действий старые Коллегии не могли уже удержать прежнего их места; посему они по мере устройства и открытия новых одна за другою постепенно исчезли. К 1797 г. оставались из прежних две: Коммерц-Коллегия, до окончания Торгового трактата с Англиею, и Медицинская, в 1763 г. учрежденная, а из установленных вновь — Коллегия Лифляндских дел и Римско-Католическая. Статс-Контора и Ревизион-Коллегия преобразованы в Статное и Остаточное казначейства и в Счетные экспедиции при Сенате.

IV. ПОРЯДОК ДОКЛАДОВ

Порядок докладов оставался прежний с тою только разностью: 1) что генерал-прокурор, соединяя в лице своем звания министра юстиции, министра финансов, государст-

венного казначея и государственного контролера, по всем сим частям непосредственно подносил доклады и 2) что дела генерал-рекетмейстерские восходили под конец сего периода через бывших тогда особенных докладчиков, а не через генерал-рекетмейстера.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

(1797—1802)

I. СОВЕТ

Совет оставался в прежнем положении.

II. СЕНАТ

В Сенате введены следующие важные перемены. От прошедшего царствования осталось множество дел нерешенных как в Сенате, так и по докладам, к государыне императрице внесенным; посему признано было нужным:

1) для ускорения производства дел в Сенате учредить временные департаменты, т. е. к шести прежним прибавить еще четыре;

2) для преграждения излишних докладов и для доставления Сенату способов решить дела окончательно положено переменить прежнее правило единогласных решений и ввести новое, на простом большинстве голосов основанное.

Сколько от сих двух мер течение дел ускорилося, столько или еще более оно затруднилось от трех следующих того же времени постановлений:

1) Решения Палат в тяжбных делах по силе учреждений, с самого их введения по 1797 г., т. е. в течение с лишком 20 лет, приводимы были в исполнение, несмотря на перенос их в Сенат. В 1797 г. велено вместе с переносом останавливать и исполнение. Посему все почти дела, кроме самых маловажных, начали переходить в Сенат, и число их ежегодно возрастало, так что, сравнивая количество входящих с исходящими, в 1801 г. самое учреждение временных департаментов признано было недостаточным.

2) В 1797 г. открыт свободный и почти неограниченный путь к жалобам государю. По сим жалобам, большею частию к генерал-прокурору отсылаемым, собрав сведения и сделав предварительный доклад о состоянии дела, он весьма часто получал и объявлял Сенату повеления или о решении дел без очереди, или о переносе в Общее Собрание, или вообще об ускорении. По всем сим повелениям дела не могли уже получать окончательного в Сенате решения, но должны были поступать прежде на Высочайшее усмотрение рапортами. Сей длинный путь впоследствии сделался путем обыкновенным. Ничто почти не решалось окончательно порядком установленным. Власть генерал-прокурора утвердилась в виде постоянной и необходимой инстанции.

3) Все тяжбные дела между казною и частными людьми доселе производимы были тем же общим порядком, как и тяжбы частные, с тем только различием, что тяжбы казенные по крепостям входили во 2-й департамент Сената, а по договорам — в 1-й, частью же — в 3-й и 5-й. Сей столетний порядок в 1799 г. изменился, и для тяжб сего рода учреждено особое многосложное судопроизводство. В Палатах не могли они быть решаемы без участия Казенной Палаты, в Сенате — без участия правительства и нигде — без именного указа. Отсюда возник обширный и многосложный ряд дел, из коих ниодно, ни большое, ни малое, не могло в обыкновенном судебном порядке получить окончания. Впоследствии в самом Сенате учреждена в сих делах особая инстанция: все они должны были переходить в Общее Собрание, а потом, хотя бы решение Общего Собрания и было единогласно, хотя бы даже и сам управляющий тою частию, к коей принадлежит спорное имущество, признал оное правильным, дело должно было поступить в Сенат и оттуда — к государю. Можно с достоверностию сказать, что самая большая часть всех тяжбных дел изъята из общего судебного порядка, и изъятие сие сделалось равно почти самому правилу. До какой степени сие установление могло быть полезно в финансовых отношениях, сие может быть предметом другого отдельного вопроса, но то достоверно, что сим затруднился ход дел и чрезмерно умножилось их количество.

III. КОЛЛЕГИИ

Прежние Коллегии восстановлены, но при сем восстановлении не определены отношения их к новым Коллегиям, в губерниях учрежденным, так что ни степень их власти, ни

образ их сношений не были известны. Дабы дать им пред Палатами некоторое преимущество, некоторый отдельный образ бытия, признано было за благо сверх президентов установить в них главных директоров с правом непосредственного доклада государю. Действием и личным доверием сих директоров дела их сначала получили некоторое движение, но вскоре потом с переменою лиц и сие движение изменилось; дела их приняли одно общее направление в Канцелярию генерал-прокурора, где и учреждены для них особые экспедиции. В 1799 и 1800 гг. дано некоторое образование Коммерции Мануфактур-Коллегий: в состав их введены коммерц- и мануфактур-советники и в производстве дел постановлены некоторые удобнейшие правила.

IV. ПОРЯДОК ДОКЛАДОВ

Доклады по Совету остались в прежнем порядке. По Сенату и по всем Коллегиям, с некоторыми временными изменениями, шли через генерал-прокурора; по делам финансовым и контрольным некоторое время восходили они через государственного казначея, но под конец все соединились по-прежнему в лице генерал-прокурора.

В докладах по частным жалобам введен особенный порядок. Два статс-секретаря ежедневно докладывали по оным государю и рассылали их к разным начальствам, а наиболее — к генерал-прокурору для рассмотрения. Выше были изложены последствия сего рассмотрения. Генерал-рекетмейстер по жалобам на Общее Сената Собрание сперва имел доклад непосредственный в присутствии генерал-прокурора, но потом и сей род дел восходил не иначе, как через того же генерал-прокурора.

ПЕРИОД ПЯТЫЙ

(с 1802 по настоящее время)

I. СОВЕТ

Власть законодательная в России столь нераздельна с властью самодержавною, что никакой закон не может исходить, как токмо от верховного начала всех законов, от государя.

Следовательно, существо законодательных наших установлений состоит единственно в совещательном соображении, т. е. в том: 1) чтоб признать и удостоверить необходимость нового закона; 2) чтоб составить проект закона и представить его на усмотрение единой истинной власти, законодательной власти государя.

Сии законодательные соображения принадлежали прежде Ближней Канцелярии и Сенату. По учреждении в 1726 г. Верховного Совета они разделились между ним и сим установлением; но как сила и самое имя Совета многократно изменялись, и даже действие его было прекращаемо и потом по случаю войны паки восстановлено, то и право законодательных соображений между ним и Сенатом колебалось.

В 1801 г. состояние прежнего Совета в указе 26 марта изображено с точностию следующими словами: «Находя, что учрежденный при дворе нашем Совет в начале своем составлен был только на время случившейся тогда войны и впоследствии был редко занимаем предметами существенными, доселе носил одно имя государственного установления, без ощутительного влияния на дела общественные, мы признали за благо его упразднить, повелевая членам его остаться при тех же должностях и местах, где они по званию каждого состоят, и предоставляя себе для уважения государственных дел и постановлений учредить Совет на особенных правилах, о составе коего не оставим мы в свое время объявить нашу волю Сенату».

Сей Совет на особенных правилах вслед за тем, через четыре дня по упразднении прежнего, действительно учрежден. В указе 30 марта изображено: «Для рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений, вместо временного при дворе нашем Совета, признали мы за благо учредить при нас на особенных правилах Совет неперменный, составив его из лиц, доверенностию нашею и общею почтенных, коих число не ограничивая и предоставляя себе их определение и уменьшение, назначаем на сей раз членами Совета (следуют имена лиц, всего числом 12). В основание действий сего Совета дали мы ему особенный наказ. И как по силе оного Совет должен снабдить себя всеми сведениями, до государственных частей относящимися, то о доставлении их, по требованию его, Сенат имеет учинить точнейшие надлежащим местам предписания».

Таким образом, в 1801 г. вместо Совета временного учрежден Совет неперменный, — неперменный не в лицах, его составляющих, но неперменный в его установлении.

Состав сего Совета не был разделен на департаменты, но дела его в порядке их производства разделены были на 4 части: 1) дела по внешним сношениям, или политические, и внешней торговли; 2) дела военные; 3) дела хозяйственные; 4) дела судебные. Каждую частью управлял статс-секретарь с небольшим числом канцелярских чиновников.

Главная цель Совета определена наказом, тогда же ему данным. Сила сего наказа состояла, кратко, в уполномочии сделать пересмотр всех законов и постановлений и составить проекты перемен и исправлений. В сем составлении Комиссия законов, которая вслед за тем (указом 5 июня) принята была под собственное ведение государя императора, должна была Совету содействовать.

I. *Существо Совета.* От бездействия ли сей Комиссии, от состава ли Совета, от недостатка ли внутреннего его устройства или от порядка государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соображаются и через него восходят к верховной императорской власти (статья I).

II. *Предметы.* Все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном Совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения верховной власти (статьи II и III).

III. *Состав.* Совет составляется из особ, Высочайшею доверенностию в сословие сие призываемых. Члены Совета могут иметь звание в порядке судном и исполнительном. Министры суть члены Совета по их званию. В Совете председательствует император. В отсутствие императора место председателя занимает один из членов по Высочайшему назначению. Назначение председательствующего в Государственном Совете возобновляется ежегодно. Совет разделяется на департаменты. Каждый департамент имеет определенное число членов, из коих один председательствует. Министры не могут быть председателями департаментов. Члены всех департаментов составляют Общее Собрание Совета. Члены Совета, при определении коих не будет назначен особенный департамент, присутствуют в Общих Собраниях. Распорядок членов по департаментам возобновляется каждые полгода по Высочайшему усмотрению. Присутствия департаментов и Общих Собраний имеют положенные дни, но по уважению дел во всякое

время они могут быть созваны особенным Высочайшим повелением (статьи VI до XVI).

IV. *Образ производства дел* постановлен совещательный с подробным изъяснением правил, порядок рассуждений определяющих.

При Государственном Совете, в то же время и тем же уставом, учреждены три установления: 1) Комиссия законов; 2) Комиссия прошений и 3) Государственная Канцелярия.

Комиссия законов учреждена для составления проекта законов и внесения их в Государственный Совет.

Комиссия прошений учреждена для принятия и предварительного рассмотрения жалоб на департаменты Сената и на Министерства и для представления их в Совет.

Государственная Канцелярия учреждена для производства всех дел, в Совет входящих.

По устройении таким образом Совета три главных дела предложены были его уважению: 1) первая часть проекта Гражданского Уложения; 2) общий и частный уставы Министерств; 3) план финансов.

Для сих дел назначен был особенный день Общих Собраний, и в сей день председательствовал в Совете государь император. Рассмотрение сих главных предметов и разные финансовые меры заняли все время в течение 1810 и 1811 гг. Особенный день в неделе, именно четверток, назначен был для дел текущих.

С войною 1812 г. сей порядок изменился. Рассмотрение Уложения прекратилось, дела финансовые разошлись по разным временным Комитетам, и Совет, перестав быть местом соображений для законодательства, соделался местом судебным по делам, из Сената входящим.

II. МИНИСТЕРСТВА

В учреждении Министерств должно различать два плана: один 1802-го, другой 1810 г. Главная мысль в обоих одна, но образ исполнения ее различен.

A. МИНИСТЕРСТВА 1802 г.

Выше было замечено, что с 1797 г. существовали два рода Коллегий: одни в средоточии управления, другие раздельно по губерниям, и Коллегии сии были между собою равные. По

образованию 1802 г. над тем и другим родом сих Коллегий в звании министров поставлены главные начальники. Так составились следующие Министерства:

<i>Министерства</i>	<i>Коллегии</i>
Министерство военное	{ Коллегия Военная Коллегия Адмиралтейств Коллегия иностранных дел
Министерство морское	
Министерство иностранных дел	
Министерство внутренних дел	{ Хозяйственная экспедиция Соляная контора Мануфактур-Коллегия
	{ Медицинская Коллегия
	{ Главное Почтовое Правление
	{ Губернские Правления
	{ Коммерц-Коллегия
Министерство коммерции	{ Управление путей сообщения
Министерство финансов	{ Берг-Коллегия
	{ Горное Правление
	{ Камер-Коллегия
	{ Банки
Государственное Казначейство	{ Казенные Палаты
	{ Государственные казначейства:
	{ Статное и Остаточное
	{ Счетные экспедиции
Министерство юстиции	{ Казенные Палаты
	{ Звание генерал-прокурора с переменою имени оставалось в прежнем его составе

СОСТАВ МИНИСТЕРСТВ

Здесь должно различать две эпохи: одну по манифесту 1802 г., другую — по образованиям в течение последующих восьми лет до 1810 г.

Состав Министерств по манифесту ограничен был названием министра, его товарища и Канцеляриею. Места, коими министр управлял, не принадлежали к составу самого Министерства. Они были установления внешние, ему подчиненные.

Вскоре по всем Министерством открылись неудобства сего состава. Они изложены, между прочим, в докладе министра внутренних дел 1803 г. подробно. Следующие из них обратили на себя особенное внимание:

1) «Медленность, в делах управления нетерпимая, составляет, так сказать, существо коллежского обряда» (с. 55).

2) «Недостаток разделения работы и постепенного ее усовершенствования» (с. 56).

3) «Множество форм, совершенно излишних, и образ писмоводства, весьма затруднительный» (там же).

4) «Недостаток ответственности» (там же).

Ответственность Коллегии никак не простирается на истинный успех части, но на обряд и производство дел; даже и в делах текущих упущения или ошибки одного члена покрываются именем целого сословия (с. VI).

5) «Министр, действуя в Коллегии как главный директор, не может иначе управлять ею, как только внешним образом, т. е. он должен получать от нее *мемории* ⁸⁸ о делах текущих, рассматривать ее представления, давать на них предложения, составлять доклады, предписывать по ним исполнение: сколько излишней и ничего в себе существенного не заключающей переписки! Он должен иметь для каждой Коллегии свою канцелярию и свой архив, и все сие только для того, чтоб сказать ей свою резолюцию или объявить указ. Сие вводит министра в бесполезные подробности, развлекает внимание, отнимает время и средства обозревать их в совокупности» (с. 56 и 57).

По сим уважениям положено было преобразовать прежние Коллегии в департаменты и ввести их в самый состав Министерства. Коллегии губернские оставлены в прежнем их действии. Сии преобразования совершались постепенно и продолжались до 1810 г. Три первые Коллегии оставлены в прежнем их положении. Из них в Адмиралтейской допущены значительные перемены.

Предметы каждого Министерства определены были родом дел тех Коллегий, коим были вверены.

Образ производства дел. Здесь, как и в составе Министерств, должно разуметь две эпохи: 1) по манифесту 1802 г. образ производства дел в самом Министерстве был приказный, в Коллегиях прежних был судебный, в губернских, в некоторых, он был отчасти совещательный и отчасти приказный (в Губернских Правлениях), в других он был отчасти судебный и отчасти приказный (в Казенных Палатах, в Счетных экспедициях и местах тому подобных). 1) Впоследствии в

тех Министерствах, где Коллегии были обращены в департаменты, учрежден вообще порядок приказный, т. е. все решения исходили от министра; одно только собрание сведений или справок могло быть производимо в департаментах. Не было никакого общего присутствия ни Отделений, ни департаментов.

Власть и ее пределы. Власть министра состояла, собственно, в предписаниях и разрешениях. Пределы сей власти были двояки: 1) места подчиненные, получив предписание, с законом несогласное, могли и должны были предъявлять их сомнения министру, и хотя по вторичному его подтверждению обязаны были оное исполнить, но в то же время должны были о сем донести Сенату; 2) указ 1763 г. и все его подтверждения, воспреещающие всякое изъяснение и малейшее дополнение не токмо в законе, но и в уставе и в учреждении, оставались для министров, равно и для всех других установлений, в полной их силе. Посему в чем именно состояла власть министров, определить трудно. Ни особенных, ни общего наказа дано им не было. Все дела, требующие разрешения, восходили и должны были восходить к государю.

Порядок докладов. Доклад министров был двоякий: отдельный и совокупный. Для отдельного определены были особенные дни и часы. Совокупный доклад производился в Общем Собрании министров в присутствии государя, что и называлось *Комитетом*. Следовательно, сей Комитет не был ни место, ни особое установление — он был только образ доклада.

Ответственность. Министры обязаны были представлять ежегодные в делах своих отчеты. Сенат уполномочен был рассматривать сии отчеты и представлять заключения свои на Высочайшее усмотрение. В сем состояла законная ответственность министров. В течение двух или трех первых лет порядок сей и действительно был наблюдаем, но как из самых сих отчетов усмотрено было, что все разрешения министров и все их меры принимаемы были не иначе, как по докладу и совершаемы Высочайшими указами, на указы же постановлением 1803 г. воспрещено было Сенату делать примечания, то рассмотрение отчетов превратилось в один письменный обряд, а потом и самый обряд сей временем пресекался.

В сем, кратко, состояло устройство Министерств по плану 1802 г.

Три главных неудобства опытом обнаружены в сем установлении:

1) *Смещение дел и власти между Сенатом и Министерствами.* Какое место в порядке государственных установлений должны были занимать Министерства? С одной стороны, они равнялись Сенату, ибо независимо от него управляли и получали Высочайшие разрешения. С другой — они были подчинены Сенату и по отчетам, и потому, что стояли на той же чреде, где были прежние Коллегии, и потому, что Сенат, яко установление правительствующее, оставлен был в своей силе. Если же они были равны Сенату, то они или 1-й департамент Сената были излишни, ибо и в них, и в сем департаменте дела были однородные. Если они подчинены были Сенату, то от него или через него должны были получать окончательные разрешения.

2) Причины, по коим прежние Коллегии были введены в состав Министерств и отменены коллегиальные обряды, были весьма уважительны, но если сим преобразованием, с одной стороны, усилены скорость и единство управления, то, с другой, ничем не преграждена самопроизвольность действий и не удостоверена зрелость соображений.

3) *Неопределенность власти и недостаток ответственности.* По общему закону, министр не может дать никакого разрешения в пояснение или дополнение существующих правил. Отсюда необходимость испрашивать на все случаи, даже и маловажные, Высочайших повелений; получив же сии повеления, ответственность министра становится не токмо излишнею, но даже и невозможною.

Все сии неудобства, многократно и в разных видах представлявшиеся, указывали необходимость другого Министерства образования.

Б. МИНИСТЕРСТВА 1810 г.

Министерства 1810 г. устроены на двух следующих началах:

1) Приняв основанием главную мысль императрицы Екатерины II — не допускать между губернским управлением и Сенатом никаких средних установлений, яко бесполезных и единству управления противных.

2) Министерство считать не средним и отдельным установлением, но самым Правительствующим Сенатом, коего министры суть члены, а Министерства суть составные части.

На сих двух основаниях постановлено все устройство нового министерского учреждения.

Состав Министерства и его пределы. К трем прежним составным частям каждого Министерства — к званию министра, товарища и департамента — присовокуплены еще две: общее присутствие отделений и совет министра, а в некоторых департаментах сверх того и особые установления. Предметы каждого Министерства означены по новому их разделению, а основанием сего разделения принято существо дел и сколь можно ббольшая их однородность. Посему к восьми прежним Министерствам присовокуплены еще четыре.

Образ производства дел постановлен двоякий: в советах министров и в общих присутствиях отделений — совещательный; а в департаментах — исполнительный. Сверх сего означены сколь можно точнее роды дел, кои подлежат рассмотрению или Совета, или Правительствующего Сената.

Власть министров. Хотя указ 1763 г. об изъяснениях и дополнениях и не отменен совершенно, но министрам дана власть разрешать затруднения силою закона. Пределы сей власти постановлены точным означением предметов, кои не могут быть разрешены иначе, как в Правительствующем Сенате или совокупно его властью, или же посредством доклада государю.

Ответственность. Определены дела и случаи, возбуждающие ответственность; означен обряд, коим дела сии должны быть производимы; указано место исследования и последствия ответственности; установлены два рода отчетов, и рассмотрение их вверено Совету.

Порядок докладов. Обращено особенное внимание на то, чтоб все доклады от министров к государю восходили не иначе, как через Правительствующий Сенат. Из сего изъяты одни токмо случаи чрезвычайные и редкие.

В сем, кратко, состоит общее учреждение министров 1810 г. Оно получило силу закона в июне 1811 г. Вслед за тем составлены особенные учреждения двух Министерств: полиции и финансов, кои тогда же удостоены Высочайшего утверждения. Но, невзирая на законную их силу, акты сии оставались почти без действия. Они и не могли иметь его по той очевидной причине, что целая половина всего здания, состав Правительствующего Сената, был неокончен.

Среди всего полуустройства введены разные частные изменения. Не оставалось почти ни одного Министерства, кроме Министерства юстиции, которое бы в составных его

частях не было перестроено. Министерство финансов овладело сперва Государственным Казначейством, потом установлением кредитной системы; вслед за тем привлечены к нему мануфактуры и ведомство внутренней торговли. Министерство просвещения соединено с управлением духовных дел. Министерство полиции закрыто или, лучше сказать, присоединено к Министерству внутренних дел. В Министерствах военных последовали также изменения.

Но важнейшая перемена последовала в порядке министерских докладов. Комитет, бывший дотоле только совещанием министров и по новому образованию назначенный вовсе к уничтожению, в сие время соделался местом присутственным, где дела всякого рода, и малые и большие, и судебные и правительственные, решались по голосам, и голоса сии издавались во всеобщее известие. Между тем ни состав сего места, ни порядок, ни власть его, ни пределы, ни отношения его к другим установлениям не определены никаким гласным учреждением.

III. СЕНАТ

Мысль об устройстве Сената, от века Екатерины дошедшая, в 1811 г. возобновилась, но в другом виде. Полагали не прикасаться к древнему зданию, но укрепить токмо его основание. Посему в тот же день, как явилось учреждение Министерств (2 сентября 1802 г.), издан был и манифест о правах Сената.

Три существенные перемены устанавливались сим манифестом: 1) решительным большинством голосов в Общих Собраниях считать не простое большинство, но две трети всего числа наличных сенаторов; 2) в случае несогласия генерал-прокурора вносить дело к государю не через него одного, но при депутации от Сената; 3) дозволено Сенату представлять государю докладом, если усмотрит он какое-либо важное неудобство в законе существующем. Из сих трех постановлений осталось в действии одно первое; второе же, по очевидному его неудобству, вскоре само собою пало в бездействие, а третье ограничено в последующем году указом, коим растолковано, что под именем законов существующих должно разуметь не новые законы, но прежние. Сим в 1802 г. кончились все предположения об исправлении Сената. Можно было тогда же предвидеть, что они скоро возобновятся.

И действительно, в 1809 г., когда приступили к решительному устройству Министерств, при первом соображении открылась, *во-первых*, та же самая истина, которая еще в 1781 г. была примечена, а именно, что устройство Сената не было сообразно с учреждением губерний; *во-вторых*, что Сенат, быв средоточием Министерств, должен быть в устройстве его с ними сообразен и что без сей сообразности два сии установления должны по необходимости одно вредить другому.

Посему положено было вслед за окончательным учреждением Министерств составить образование Сената.

Сие образование кратко состояло в следующем: 1) как судная часть по существу своему весьма различна от части правительственной, то и положено дать обеим сим частям разные и каждой свойственные устройства, а для большей точности в понятиях различить самые их наименования, назвав соединение правительственных частей Сенатом Правительствующим, а судебных — Сенатом Судебным; 2) Правительствующий Сенат установить один для всей Империи, а Судебный разместить по округам, по предположению императрицы Екатерины, здесь, в Москве, в Киеве и Казани; 3) в Правительствующем Сенате учредить два рода присутствий: одно для дел текущих, другое для дел, следующих к разрешению государя императора, определив сии два рода дел со всею возможною точностию.

Учреждение Министерств кончено и утверждено в июне 1811 г., а в августе и сентябре того же года внесено в Совет учреждение Сената. Быв напечатано и роздано в проекте членам Совета, оно было по предварительному их рассмотрению выслушано в присутствии государя императора в Общем Собрании и большинством голосов одобрено. Но как приведение его в действие требовало многих предварительных мер, а война уже грозила, то и признано удобнейшим отложить сие учреждение до другого времени.

Сим окончились предположения об устройстве Сената.

IV. ПОРЯДОК ДОКЛАДОВ

Доклады по Совету восходили на Высочайшее усмотрение до 1816 г. тем же порядком, как и прежде, т. е. журналы его подносились в подлиннике, во время же отсутствия государя — в списках. Но с 1816 г. по причинам, кои определить трудно, введены так называемые мемории. Здесь встречаются

два вопроса: 1) чем удостовериться, что сии выписки представляют дело во всей полноте его и ясности? 2) если они представляют его во всей полноте и ясности, достойной верховного решения государя, то почему же они не суть журналы или списки с журналов?

Отдельные доклады министров с 1812 г. сократились, но взамен того доклады Комитета возрастают ежегодно. Выше изложены были их неудобства; здесь так же введены мемории и те же встречаются о них вопросы тем с большею еще силою, что журналы Комитета по самому существу дел его должны быть столь кратки, что извлечения из них должны быть почти невозможны.

Доклады по Сенату с 1812 г. почти вовсе прекратились: они все обращены в Совет.

Доклады по жалобам восходили сначала через статс-секретарей и не имели почти никаких определенных правил. Они рассылались по Министерствам и составляли род дел, чрезмерно затруднительный. Дабы положить сему преграду, установлена при Совете Комиссия прошений. Цель сего установления состояла в том, чтоб, не пресекая совершенно жалоб на Сенат, привести, однако же, их в меру и не давать им движения, как по зрелом в Совете уважении. Последствия не соответствовали сей цели. По мнениям Комиссии, дела по жалобам не только переводимы были в Общее Собрание, но были примеры, что решения Общего Сената Собрания, большинством голосов оконченные и посланными по ним указами пришедшие уже в силу закона, подвергались снова пересмотру Совета и перевершивались мнениями его, Высочайше утвержденными.

ПРИМЕЧАНИЕ (А)

Порядок в производстве дел может быть только двоякий: совещательный и исполнительный. Первый можно назвать коллегиальным, а последний — приказным.

Совещательный порядок имеет два различных вида. В первом дело решится по большинству голосов всех членов присутствия; во втором оно решится по мнению председателя, с предоставлением членам протеста в высшее место. Первый вид есть судебный, второй употребляется в разных местах управления.

Следовательно, есть три главные формы: две совещательные и одна приказная (личная).

Вопрос: из сих трех форм которая представляет более правильности и точности? Какой дать предпочтение?

Ясно, что в делах тяжбных и уголовных форма должна быть судебная. Но должно ли распространять ее и на все части управления? С первого взгляда она представляет ту выгоду, что более ограждает решения от личных ошибок и пристрастия, нежели форма приказная, а пристрастие и ошибки могут быть не только в суде, но и в управлении. Но при внимательном рассмотрении открываются в распространении ее на все дела следующие важные неудобства:

1) Судебная форма в строгом смысле предполагает по необходимости, чтоб все движение дела происходило, так сказать, под глазами, с надзором и проверкою всех членов присутствия, чтоб ничто не входило и не исходило из него без равного всех участия, — отсюда многосложность обрядов и необходимая медленность, в делах управления нетерпимая.

2) Члены присутствия часто срастаются, так сказать, в одно лицо, и тогда пристрастие одного покрывается именем всего сословия.

3) Можно желать, но редко можно надеяться, чтобы члены в местах управления были независимы от председателя: и порядок службы, и чины, и награды — все подчиняет их ему.

Из сего следует, что в местах управления несравненно полезнее второй вид совещательной формы, нежели первый — судебный. Но и сей вид один сам по себе был бы недостаточен.

В местах управления есть великое число дел текущих, кои, подчиняясь одному и тому же правилу, исполняются всегда единообразно и не требуют никакого совещания. Какая польза проводить все сии дела обрядом совещательным по необходимости многосложным и медленным? Для чего под общим надзором присутствия и под личною ответственностью сей род дел не вверить производству одного лица — министра, директора, даже начальника отделения — в надлежащей постепенности?

Из сего явствует:

1) что в местах управления не должно допускать формы судебной;

2) что в них должны быть две формы: совещательная — для дел важнейших, и приказная — для дел текущих.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И В СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

Два вопроса составляют предмет настоящего исторического обозрения: 1) *о праве поземельной собственности*, т. е. кто мог по закону приобретать право собственности на земли? 2) *о состоянии крестьян*, т. е. в каком отношении к владельцу поземельной собственности состояли крестьяне, на ней живущие? Два сии вопроса столь связаны между собою, что нельзя разрешить одного без другого.

Все изменения в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян с удобностию можно разделить на четыре периода: *первый* — от основания Российского государства до издания Судебника великого князя Иоанна Васильевича III, или до 1497 г., когда узаконен был общий срок перехода крестьян от одного помещика к другому; *второй* — от издания Судебника до Уложения 1649 г.; *третий* период — от сего времени до соединения поместий с вотчинами под одним названием *недвижимого имущества*, или до 1731 г.; *четвертый* период — от 1731 г. до настоящего времени.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ВРЕМЕН ДО 1497 г.

I. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

При самом вступлении в исторические изыскания излишне будет определить точное понятие права поземельной собственности.

Под сим разумеется здесь право гражданское, а не право державное. Великие князья имели державное право на все земли, в уделе их состоящие, и по праву сему они могли их жаловать в частную собственность; но сверх сего общего, державного права они имели еще частное, исключительное право на некоторые села и волости, особенно им принадлежащие: они располагали ими как при жизни, так и на случай смерти, духовными завещаниями, неограниченно. Словом, они имели на них *полное право* собственности в настоящем смысле сего слова.

Бояре, княжие мужи, дети боярские и дворяне имели также право собственности на земли, но право их подлежало ограничению и не было право полное. Волости, села и деревни, жалованные от князей для содержания бояр с их дружинами на службе, не могли быть отчуждаемы, но поступали к наследникам настоящего владельца тогда только, когда они оставались на службе того же князя.

Земли купленные состояли в полном владении приобретающего и могли быть им отчуждаемы как при жизни, так и на случай смерти своим родственникам и чужеродцам. Но как жалованные, так наследственные и купленные земли дотоле оставались за владельцем, доколе он оставался на службе удельного князя; когда же переходил к другому, тогда лишался всей недвижимой собственности в пользу княжеской казны, и сие лишение было тогда почитаемо законным последствием оставления службы, а не наказанием за побег, как сие ныне признается, ибо тогда бояре и детские свободно могли переходить от одного князя к другому, и государственною изменою почиталось тогда только предательство во время войны.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

Состояние людей, известное ныне под названием сельских обывателей, разделялось в сем периоде на два рода: на свободных и несвободных.

Свободными почитались все крестьяне, водворенные на землях общественных, княжеских и владельческих; они несли государственные и общественные повинности, а за землю платили оброк деньгами, хлебом или работою. Они, по силе добровольных условий, не только могли с одной земли переходить на другую, но и могли сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться оными так же, как и прочие

владельцы. Сии земли они могли и продавать, но только подданным тех же, а не других удельных княжеств. Впрочем, сие ограничение простиралось на всех вообще владельцев; даже сами владетельные князья обязывались между собою договорами: «в уделах других земель и сел не купити».

Класс *несвободных людей* состоял: из *холопов полных*, т. е. вечных и потомственных, и *неполных*, или временных *закупов*, которые впоследствии названы *кабальными*.

Полные холопы составляли собственность господина и потому не подлежали ни податям, ни повинностям государственным; даже частные взыскания по долгам обращались не на них, но на господ их.

Состояние полного холопства устанавливалось: 1) по рождению, 2) по добровольному условию, 3) за преступление, в виде наказания, и наконец 4) чрез плен на войне, когда правительство позволяло продавать военнопленных и записывать в вечное холопство. Не излишне будет сии четыре рода холопства рассмотреть подробнее.

1. Дети, рожденные от рабы, принадлежали господину, исключая незаконных детей самого господина от его рабыни; сии получали свободу и с матерью. Потомственные холопы назывались *старинными* для отличия от новоприобретенных куплею и другими способами.

2. По добровольному условию свободные люди становились полными холопами: а) укреплением себя навсегда в холопство; б) неустойкою по долговым обязательствам; в) вступлением в брак с рабою без всякого условия; г) принятием должности сельского тиуна, ключника или посельского, т. е. управителя, приказчика или эконома.

3. Полное холопство определялось в виде наказания за следующие преступления: за убийство без всякой предварительной ссоры с убитым, за побег закупа (наемного работника) от его господина, за пожар гумна и жилых строений, за кражу княжеского коня. Иногда люди свободные за преступления выдавались князю *на поток*, т. е. в рабство.

4. Военнопленные в сие время редко освобождались без выкупа, но разделялись между ратными людьми, которые их или оставляли у себя в полном холопстве, или продавали другим; в том и другом случае они могли освободиться от рабства только чрез выкуп.

Из сего разделения нижнего класса людей в России явствует, что одни из них, яко люди свободные, могли переходить от одного владельца к другому, не нарушая только заключен-

ных условий. Другие, яко люди несвободные, оставались во владении господ постоянно, исполняя домовые прислуги и сельские работы, по их назначению.

В состоянии свободных людей, *живущих на землях общественных*, произошла важная перемена со времени введения татарами народной переписи в 1257 г.; внесенные в оную как городские, так и сельские жители должны были оставаться на тех землях, на которых застала их перепись. С сего времени поставлено было общим законом, чтоб *численных людей не принимать ни в домовую услугу, ни на частные земли для поселения*. Даже самые князья в договорах между собою поставляли правилом: *а численные люди блюсти ны с одного и земель их не купити и закладней не принимати*.

Но свободные люди, *жившие на землях частных*, сохраняли и после сей переписи право переходить с одного поместья на другое.

Полные и кабальные холопы и после народной переписи остались *обельными*, т. е. изъятыми от всех общественных повинностей и от черной татарской дани.

С сего времени произошло различие и между княжескими вотчинами (дворцовыми имениями) *издельными и черными*. Первые занимались разными промыслами в пользу князя и несли разные повинности относительно звериной и птичьей охоты, рыбной ловли, скотоводства и проч. Они также занимались работами для частной экономии князя и не подлежали *черному бору*. Но крестьяне, жившие на черных землях, т. е. внесенные в перепись и разделенные на сохи, подлежали общим податям и повинностям и назывались *черносошными*, а волости их — *черными волостями*.

Между тем татарские баскаки, темники и другие чиновные люди начали заводить в России, преимущественно при городах, собственные деревни, населяя оные своими единоплеменниками и еще более русскими беглецами всякого звания. Сии новые поселенцы были подсудны одним только владельцам тех деревень, а от местных властей и от самых князей были независимы, так что не только *черной дани*, но и никаких общественных податей и повинностей не несли. От того деревни сии получили общее название *свобод*, а в некоторых местах назывались *посадами*, от слова *посадить*, что значило тогда поселить, водворить. Отсюда произошло впоследствии название *посадских*.

Как при таковой льготе слободы (свободы) и посады татарские вскоре сделались богатейшими селениями, то и

самые князья начали призывать *гулящих людей*, т. е. нигде в тягло и соху не записанных, для поселения их также по близости городов и с теми же льготами, каковыми пользовались жители слобод татарских, ограничивая оные только временем. Примеру князей последовали монастыри, а может быть, и некоторые частные владельцы из бояр и других людей сильных.

Таким образом, в состоянии крестьян, сверх прежних двух, основался третий род людей: слобожан, или посадских. По соединении удельных княжеств в одно государство и по уничтожении татарского владычества сии слободы и посады отчасти присоединены к городам, отчасти поступили в общий разряд казенных и удельных селений.

Был ли определен в сем периоде единообразный срок перехода свободных крестьян с одного поместья на другое или же могли они переходить во всякое время с расчетом, по условию, из дошедших до нас актов не видно. С вероятностью, однако же, предполагать можно, что если и был срок, то, во-первых, в разных уделах он был определяем различно, а во-вторых, нигде с точностью не был наблюдаем. От внешних бедствий и от внутреннего угнетения народонаселение России переливалось, так сказать, от одного края до другого. Древние Законные книги, грамоты и уставы наполнены постановлениями о беглых, но сии самые постановления доказывают, что крестьяне были тогда, можно сказать, в беспрестанном движении или побегех.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

ОТ 1497-го ДО УЛОЖЕНИЯ 1649 г.

1. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В сем периоде собственность поземельная получила более определительное значение.

Земли, принадлежавшие самому государю и членам царской фамилии, названы *дворцовыми* и составляли полную собственность государя, его супруги и детей их.

Земли, принадлежавшие боярам, детям боярским и разных чинов служилым людям, разделялись на поместные и

вотчинные. Первыми владельцы могли сами пользоваться, но отчуждать их права не имели, ибо они считались государственными землями. Самая передача их во временное пользование другим, в виде роста за долги или внаем, считалась незаконною.

Вотчины разделялись на купленные и родовые. Купленными вотчинами каждый владелец мог располагать свободно, при жизни и на случай смерти. Вотчины родовые дозволено было продавать только родственникам. В случае их отказа от покупки дозволялось продавать и чужеродцу, но в течение 40 лет они могли быть возвращены в род посредством выкупа. Кто родовую вотчину выкупил, тот не мог уже отчуждать оную чужеродцам мимо родственников, и если бы обстоятельства того востребовали, то ему дозволялось продать и заложить оную чужеродцу, не иначе, однако же, как по справедливой оценке, дабы тем не преградить возможности выкупа.

В 1557 г. мая 1 царь Иоанн Васильевич IV запретил монастырям брать в заклад и покупать вотчины без доклада государю и отданные монастырям *в вечной помянок* узаконил выкупать родственникам по цене, назначенной в отказе или завещании. В 1581 г. января 15 постановлено: вотчин в монастыри не отдавать, но вместо оных вносить деньги не только ближним, но и дальним родственникам; когда же и дальних родственников не будет, то вотчины брать на государя, а деньги в монастыри платить из казны.

Бездетный владелец не мог ни продать, ни заложить, ни в монастырь по душе отдать вотчины родовой, если у него была купленная вотчина, а если не было, то ему дозволялось уступить половину родовой вотчины.

По соединении уделов право свободного перехода бояр и детей боярских от одного князя к другому само собою прекратилось; вместе с тем и вотчины постоянно оставались во владении тех же родов. Если же кто бежал в Литву, Польшу или другое иностранное государство, то его поместья и вотчины отписывались на государя в виде наказания за государственную измену.

Нижнего класса люди, не принадлежавшие к дворянскому званию и не состоявшие в службе, так же как и в предшествующем периоде, могли приобретать и владеть землями и угодьями в собственность.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне и в сем периоде разделялись на людей свободных и несвободных. Первые состояли из крестьян, живших на землях дворцовых, казенных, называемых черными или чернососными, на землях вотчинных и поместных и на собственных участках.

Несвободные люди состояли по-прежнему из холопов полных и кабальных. Состояние тех и других определялось согласно с прежними законами; к ним в Судебнике положены следующие дополнения.

1) О ПОЛНОМ ХОЛОПСТВЕ

По добровольному условию могли поступать в полное холопство все свободные люди, даже дети боярские, если находились в отставке или не способны были к государственной службе. Родители свободного состояния могли продавать детей своих в холопство и возвращать из одного, если дети продали себя без их согласия. Но ни тем ни другим правом не могли пользоваться родители, которые сами состояли в холопстве или монашестве в рассуждении детей их, оставшихся на свободе.

Военнопленные оставались в пожизненном холопстве у тех, кому они достались, но дети их были уже свободными. Военнопленный, женившийся на рабе или давший на себя крепость, делался чрез то полным холопом.

Обращение свободных людей в рабство за преступления и отдача князю *на поток* в сем периоде вышли из употребления. За некоторые роды воровства и за утрату чужой собственности виновный отдавался истцу головою, но только до искупа, и состоял в его власти наряду с кабальными холопами.

2) О КАБАЛЬНОМ ХОЛОПСТВЕ

Кабальное холопство означено в Судебнике с большею определительностью. Всякому свободному человеку, кроме состоящих на службе детей боярских, дозволено было давать на себя служилые кабалы, но совершающий таковую запись должен быть не моложе 15 лет, в противном случае кабала не имела силы. В каждой кабале надлежало означать долговую

сумму, за которую вольный человек обязывался служить другому. Сумма сия не должна была превосходить ни в каком случае 15 рублей. При существовании вольного перехода крестьян владельцы укрепляли посредством кабал людей, поселившихся на землях их. Крестьянину свободному во всякое время дозволялось вступить даже в полное холопство к помещику земли или к постороннему владельцу. Но по искам и за долги постановлено было в 1561 г. отдавать ответчиков только в кабальные, а не в полные холопы.

К роду кабальных людей относились так называемые закладни. Они происходили из торговых или ремесленных людей, которые, записавшись в личную зависимость самого князя, или боярина, или монастыря, выходили чрез то из городского тягла и считались оброчниками или ремесленниками того лица, от которого кто зависел.

4) О СРОКЕ ДЛЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯН

Выше было показано, что до издания первого Судебника, т. е. до 1497 г., не было общего срока для перехода крестьян с одного поместья на другое, и весьма вероятно, что обычаи в разных удельных княжествах были по сему предмету различны. В Судебнике в первый раз назначен один срок, и для расчета между крестьянами и помещиком установлена определенная мера платежа. Хотя платеж сей существовал и прежде, но он зависел от взаимных условий, а потому и был предметом бесчисленных исков и тяжб. Назначением определенной его меры правительство желало сократить сии тяжбы и избавить крестьян от излишних притязаний.

В сем состояли важнейшие дополнения Судебника в прежнем порядке отношений между помещиками и крестьянами. От издания его, т. е. от 1497 до 1597 г., через сто семь (?) лет, мы не встречаем никаких замечательных по сему предмету изменений.

В 1597 г., при царе Феодоре Иоанновиче состоялся указ, коим велено возвратить на свои места тех крестьян, которые бежали за пят лет до того года, а которые бежали раньше сего, тех оставить на месте их настоящего жительства. Истинный смысл сего указа состоял в том, чтоб возвратить беглых, т. е. тех, кои оставили прежнее их житье или не в положенный срок, или не разделившись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком. Сие явствует из следующего

соображения. По Судебнику, крестьянин мог оставить помещика, заплатив ему пожилые деньги, возвратив скот, хлеб и другие вещи, у него занятые, и удовлетворив его деньгами, взятыми на расплату с прежним помещиком и для нового хозяйственного обзаведения. Кто, не исполнив сих обязанностей, уходил с поместья, тот считался беглым и подлежал возврату на прежнее жилище. Иски о сем возврате были бессрочные или сорокалетние. Легко себе представить, сколь они были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек и прекратил все иски, возникшие за пят лет пред тем, и дал ход тем только из них, кои были не старше сего срока. К постановлению сего срока принято было то основанием, что *в 1593 г. учреждены были переписные книги.*

Невзирая на сие, слова указа: «тех (т. е. бежавших за пять лет назад) оставить в настоящем месте их жительства» толкованы были так, как бы ими повелевалось укрепить всех крестьян к земле и навсегда лишить их перехода. Должно ли было попустить сие неправильное толкование или восстановить силу прежнего закона? Разрешение сего вопроса в тогдашних обстоятельствах было весьма затруднительно. Владельцы больших поместий, монастыри и бояре, естественно, желали укрепить свои владения запрещением перехода; мелкопоместные, напротив, желали, пользуясь переходом, населять сколь можно более свои пустопорожные земли. Колеблясь между сими двумя желаниями, царь Борис (1598—1605) искал середины и, вследствие того, указом 1601 г. приостановил переход крестьян вообще; в последующем 1602 г. он разделил вопрос на две части: в больших поместьях, т. е. в церковных, боярских и дворян больших, он запретил переход крестьян, но запретил его только на один настоящий год (в нынешнем 7111 г.⁸⁹) и запретил переселять крестьян как *промеж себя*, так и у посторонних, т. е. запретил переманивать их к большим помещикам от малых; напротив, в малых поместьях, во владениях детей боярских и т. п., он подтвердил силу прежнего закона и не только дозволил переход, но и грозил *опалою тому, кто учнет крестьян из за себя не выпускати.*

Из сего видно, сколь неосновательно мнение тех, кои, судя об узаконениях царя Бориса по одним неверным выпискам, заключали, что при нем так называемый Юрьев день был отменен, между тем как в подлинном акте переход крестьян

был приостановлен на один только 1602 г. и приостановлен не везде, но в одних только больших поместьях.

Пять лет спустя после того, в 1607 г., при царе Василии Ивановиче Шуйском снова подтвержден прежний порядок, т. е. велено возвращать крестьян по переписным книгам 1593 г., но крестьян бежавших, а не тех, кои перешли установленным в Судебнике порядком.

В Уложении (гл. XI, ст. 1, 2, 3, 10) дополнены сии указы тем, что беглых крестьян повелено возвращать помещикам без урочных лет, по писцовым книгам 1626 г. и по переписным книгам, т. е. не наблюдая сроков, постановленных указами 1597 и 1607 гг.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

ОТ УЛОЖЕНИЯ 1649-го ДО 1731 г.

1. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В сем периоде порядок наследования родовых вотчин определен с большею точностию, нежели прежде. Для сего, во-первых, постановлены точные правила выкупа, а во-вторых, последовало совершенное запрещение отдавать родовые вотчины в монастыри; наконец, для поддержания дворянских родов указами 1714 и 1725 гг. учреждено право единонаследия во всех недвижимых имуществах.

Владение населенными землями и угодьями воспрещено людям всех сословий, кроме дворянства; сим отменены древние законы, коими право владения присваивалось всем сельским жителям свободного состояния.

Обладание поместьями в начале сего периода приведено было в соразмерность со службою назначением поместных окладов, но потом сей род временного и ограниченного владения обращен в полную и потомственную собственность. Перемена сия произведена постепенно. Во-первых, указом 1684 г. марта 21 повелено было все поместья после умершего разделять по равным частям между его сыновьями и их потомками, чем отменено прежнее правило, по которому сыновья получали из отцовских поместий только части по их окладам, а остаток возвращался в казну и был назначаем

посторонним лицам в их оклады. От сей перемены поместья, подобно вотчинам, оставались уже в том же роде. Указом о единонаследии 1714 г. поместья должныствовали составлять общую массу наследства под названием *недвижимых добр*. Наконец, императрица Анна Иоанновна в 1731 г., возвратив прежний порядок наследования, повелела считать поместья наравне с вотчинами под одним наименованием *недвижимых имуществ*. Таким образом, сей вид неполной собственности совершенно прекратился.

II. О СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

В сем периоде совершились два важных изменения в состоянии крестьян, водворенных на земле помещичьей: 1) укрепление их земле и 2) укрепление их лицу помещика.

1) УКРЕПЛЕНИЕ ЗЕМЛЕ

Порядок перехода крестьян с одного поместья на другое, определенный в Судебнике, заключал в самом существе своем препятствия, почти непреодолимые. Крестьянин обязан был расчесться с помещиком во всех ссудах его, заплатить пожилые деньги и возвратить скот, хлеб и проч.

Кто был судьей в сем расчете? Никто, или сам помещик. Каким актом крестьянин был обеспечен в том, что расчет точно был окончен? Никаким. Следовательно, каждый крестьянин, перешедший с одного поместья на другое, мог считаться беглым, а беглых велено возвращать сперва со сроком, а потом бессрочно, по переписным книгам. Следовательно, самая перепись 1593 г. лишила уже крестьян если не права, то возможности к переходу. Право оставалось в народном предании, но оно было действительным для тех только крестьян, коих помещики отыскать не могли или отыскивать не хотели, отыскав же, они всегда могли доказать, что люди сии были беглые. Следовательно, по мере того как пустопорожные земли населялись и способы к отысканию беглых становились легче, переход крестьян сам собою затруднялся и наконец совсем пресекался.

Так постепенно и нечувствительно, сам собою, совершился важный переворот в положении крестьян. Они стали *крепкими земле*.

Но сие укрепление не заключало еще в себе ничего личного. По Уложению (гл. XX, ст. 113), запрещено было помещикам на крестьян своих брать служилые кабалы, т. е. укреплять их себе лично, даже и пожизненно, а дозволено было только на вольноотпущенных и других свободных людей, пожелавших вступить в крестьянство, писать ссудные записи, которые прежде все вновь принимаемые крестьяне давали своим помещикам. Каким же образом укреплены стали крестьяне лицу помещика?

2) ОБ УКРЕПЛЕНИИ ЛИЧНОМ

Первая черта сего рода укрепления проведена была в самом Уложении. В 8-й статье главы XI признаны законными поступные записи на беглых крестьян, но признаны таковыми только записи, прежде совершенные; на будущее же время постановлено отдавать беглых натурою (ст. 10).

Но в малолетство царей Иоанна и Петра Боярская Дума, по домогательству помещиков и вотчинников, поступила далее и приговором 1688 г. марта 30 (1293) признала законными поступные записи не только на беглых, но и вообще на продажу вотчинных крестьян с тем только, чтоб они явлены были не в Холопьем, но в Поместном Приказе.

Сим положено было первое основание продажи крестьян отдельно от вотчин и, следовательно, положено начало личного их укрепления. Великая разность: возвратит беглого к земле — это означает, что он крепок земле, или взять за него деньги — это означает, что он крепок лицу.

Впоследствии то, что начато было боярским приговором, довершено двумя законодательными актами: 1) постановлением о ревизии и 2) положением о рекрутской повинности.

1. *Ревизия.* Известно, что два рода было у нас переписей: одна поземельная (писцовые книги), другая, введенная позже, — подворная. Первая учреждена была для податей, другая — для воинской службы. В 1721 г. введен третий род — перепись поголовная, и с сего времени не количество земли и не число дворов, но число душ соделалось основанием всех налогов и служебных повинностей. Таким образом, вопрос о недвижимом имуществе как для правительства, так и для помещика и вотчинника изменился: не спрашивали уже, сколько у помещика земли, но сколько за ним душ. Следова-

тельно, вместо одного совокупного имущества, земли с людьми, у каждого помещика стало два отдельных имущества: земля и люди. К сему присоединилось другое важное обстоятельство: в поголовную перепись велено вносить не одних крестьян, но и всех дворовых людей, т. е. холопов и кабальных людей, и те и другие обложены одинаковою с крестьянами податью. Сим изгладилось различие между крестьянами и холопами: крестьяне поравнялись с холопами тем, что стали крепки лицу, а не земле; и холопы поравнялись с крестьянами тем, что перестали быть полною собственностью владельца, приобрели личность и вошли в состав государства, ибо обязаны стали податью и службою государю, независимо от воли помещика.

2. *Рекрутская повинность*. Она была прежде располагаема с дворов. По составлении поголовной переписи она располагалась уже с числа душ. Тот, кто не имел полного числа душ для поставки рекрута, вступал в складку с другими, т. е. платил деньгами. Следовательно, душа оценена; независимо от земли помещик платил за нее деньги, следовательно, сам имел право продать ее другому. Она была крепка ему.

Так основалось в отечестве нашем постепенное укрепление крестьян сперва земле, потом лицу владельца.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ 1731 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Выше мы видели, что 1731 г. составляет эпоху в истории нашей поземельной собственности. В сем году владение помещное сравнено с вотчинным, т. е. каждый помещик приобрел вдруг право продавать и закладывать по своему усмотрению те самые деревни, коими сначала он владел только пожизненно, потом владел потомственно, но всегда с ограничением в продаже и залоге.

Сия важная перемена, впрочем, была последствием изменения в самом существе поземельного владения. Земли раздаваемы были дворянам в поместья для службы; но когда в службу стали брать всех обывателей без различия и не по

количеству земли, ими владеемой, но по числу душ, положенных в ревизию, когда подати также все перешли с земли на лица, то ясно, что не было уже никакой государственной выгоды различать поместья от вотчины.

С тех пор вотчинное владение соделалось владением в России общим, и сей род собственности сохранился и поныне без изменения. Указ 1731 г. дополняем только был по временам некоторыми подробностями.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

В состоянии крестьян в сем периоде до 1797 г. не происходило никаких важных изменений. Замечательно только: 1) что правительство разными постановлениями всемерно благоприятствовало добровольному их освобождению от крепостного владения; 2) что слово *раб* в 1786 г. запрещено употреблять; 3) что в Учреждениях дана генерал-губернаторам власть пресекать притеснения крестьян непомерными работами и жестокостями. Но в 1797 г. последовало весьма важное и существенное о крепостном состоянии постановление, а именно ограничено право крепостной повинности трехдневною работою на помещика так, что половина времени и сил крестьянина оставлены в собственное его полное распоряжение. Сей закон считается ныне основным в крепостном состоянии, основным в том смысле, что на нем можно основать, не колебля настоящего порядка, законное крепостное право, столь же выгодное для помещиков, как и справедливое для крестьян.

Между тем в течение предыдущего и настоящего царствования последовали следующие замечательные по сему предмету постановления: 1) строго запрещено не только продавать и закладывать, но и всякими иными сделками укреплять в услужение крепостных людей разночинцам, 2) запрещено крестьян без земли продавать поодиночке с отлучением от семейств их, 3) установлено особое состояние свободных хлебопашцев и обязанных крестьян, 4) запрещено людей без земли закладывать и продавать за долги их помещиков, 5) запрещается продавать землю из-под крестьян, когда количество ее составляет не более 4 1/2 десятин на душу, 6) запрещается продавать крестьян, доставшихся по наследству разночинцам: они в сем случае поступают в казну с возмездием от нее наследникам.

ОБЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

I. В древности крестьяне не были крепки ни земле, ни лицу.

II. Лицу были крепки рабы.

Но рабы не причислялись к состоянию крестьян и составляли сами по себе особое состояние. Они не только были крепки лицу, но были полною собственностью их приобрета-теля; приобретателями же их могли быть не только дворяне, но все лица свободных сословий.

III. Крестьяне в первобытном их состоянии, как жившие на землях казенных, так и на землях помещичьих, имели одинаковые права и несли одинаковые повинности. Те и другие имели право *перехода*.

IV. Но переход с земель помещичьих ограничен был двумя условиями: 1) расчетом с помещиком в повинностях, 2) одним сроком в году. Те, кои переходили не разочтясь или не в срок, считались беглыми, а беглых дозволено было отыскивать и велено возвращать.

V. Переход крестьян до первой ревизии, т. е. 1721 г., не был воспрещаем, ни отменяем законом общим и положительным; но ограничение сего права расчетом и сроком, ограничение, впрочем, необходимое, послужило поводом к уничтожению самого права. Крестьянину против помещика нечем было доказать правильность его перехода: письменных договоров не было; он всегда мог считаться беглым и в сем виде возвращаем был помещику. Таким образом, всякий переход, даже и правильный, мог быть признаваем бегством, и право перехода, хотя общим законом не отмененное, отменилось само собою на деле. Крестьянин стал крепок земле — *первая степень укрепления*.

VI. *Вторая степень укрепления* последовала с первой поголовной переписи (1721 г.) и с первого рекрутского набора. Каждый должен был вносить подать и отправлять рекрутскую повинность там, где он был записан. За неполного рекрута помещик вносил складочные деньги, следовательно, душа была оценена независимо от земли; помещик платил за нее деньги, следовательно, и сам мог уступить ее другому за деньги. Крестьянин стал крепок не только земле, но и помещику.

VII. Так состояние крестьян, прежде единообразное, разделилось на три сословия: на сословие крестьян, совершенно свободных, сословие крестьян, крепких земле, и сословие

крестьян, крепких земле и лицу; так возникло в отечестве нашем сословие крепостных людей. Оно возникло не злоупотреблением, не произволом владельцев, не без содействия правительства, но основалось сперва обычаем, а потом законом, и, следовательно, *состояние сие столь же законно, как и все другие.*

VIII. Чем различается крепостное состояние от рабства? *Раб* весь, душою и телом, принадлежал господину. Запрещено только было его уродовать, но и за сие никакого наказания не назначено. Он не считался в государстве, не был ни в податях, ни в службе. Он переходил из рук в руки как движимое имущество и мог принадлежать не только дворянину, но лицу духовному, обывателю городскому и сельскому. Раб не мог иметь никакой собственности, быв сам полною собственностью другого. *Крепостной крестьянин* принадлежит прежде всего государю; он принадлежит ему податью, им лично платимую, он принадлежит ему еще более рекрутскою повинностию; он обязан в свою очередь стать в рядах государственной воинской службы не по воле помещика, но по закону, наравне с другими государственными сословиями. За сим уже, т. е. по исполнении всех сих главных обязанностей, он принадлежит помещику; но и тут принадлежит он ему не весь, но одною трехдневною работою, т. е. одною только половиною рабочих сил его; остальная же половина его сил и, следовательно, все произведение сей половины есть неотъемлемая, законная собственность крестьянина. Еще более, даже и та половина сил, которая неоспоримо принадлежит помещику, принадлежит ему не даром. Вместе с правом на трехдневную работу помещик обязан доставлять крестьянину средства к пропитанию с его семейством, т. е. обязан наделить его землею, и обязанность сия столько положительна, что помещик не может продать собственной своей земли, не оставив крестьянину, на той же земле водворенному, до четырех десятин с половиною (1827 [т. IX, ст. 631]). Помещик имеет власть отчуждать крестьянина с землею и без земли с его семейством; но отчуждая, он передает другому (и то дворянину, а не разночинцу) не более как то право, которое он сам на него имел, т. е. право трехдневной работы; и, приметить должно, вместе с сим правом он передает и обязанность, на нем лежащую, наделить крестьянина землею.

IX. Посему *законное крепостное состояние* в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещичьей с потомственной и взаимною обязанностью: со

стороны крестьянина — обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил; *со стороны помещика* — наделять крестьянина таким количеством земли, на коей мог бы он, употребляя остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное пропитание. Сия взаимная обязанность может быть разным образом изменяема, а именно: 1) по воле помещика она может быть передаваема от одного владельца другому или прекращаема по его усмотрению освобождением крестьянина от повинности; 2) *по взаимному согласию помещика и крестьянина* она может быть заменяема: *со стороны крестьянина* — вместо трехдневной работы оброком за землю или личными услугами за пропитание; *со стороны помещика* — наделением крестьянина вместо земли другими средствами пропитания за услуги.

В сем состоит в точном и буквальном смысле ныне действующих законов истинное законное крепостное право в России. Были и теперь могут быть от сего законного порядка некоторые отступления; но, *во-первых*, есть надежда, что сии отступления, и ныне довольно уже редкие, впоследствии при содействии времени, от общего смягчения нравов, от лучших понятий о распределении труда и, наконец, от простого расчета обоюдных выгод постепенно, день от дня соделаются еще реже. *Во-вторых*, как отступление от закона большею частию происходят от неполноты самого закона, то и закон крепостной повинности постепенным и благоразумным его дополнением, без всякого, в сущности, изменения может быть в течение времени приведен в такую ясность и полноту, что отступления от него сами собою должны будут прекратиться.

1836 г.

О МОНЕТНОМ ОБРАЩЕНИИ*

I. СОСТАВ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ

1. ПОНЯТИЕ О ДЕНЬГАХ ВООБЩЕ

Богатство государства образуется и возрастает трудом. Труд возрастает и расширяется посредством свободного обращения его произведений. Произведения труда обращаются посредством мены. Мена совершается редко натурою, а большею частию посредством *денег*.

Деньги (монета) в собственном смысле имеют двоякое достоинство: внутреннее, как товар, и внешнее, как условленный правительством замен всех натуральных податей и сборов. Таковы суть металлы: золото, серебро и медь. Круг обращения их есть повсеместный; они суть монета ходячая

* В известном сочинении барона (ныне графа) М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (СПб., 1861) сказано (II, с. 358—359), что «бюллетени о болезни его перестали появляться, и 12 декабря Сперанский записал в календаре, что болезнь прекратилась, что «ему должно было лишь оправиться, чтобы снова всему предаться всегдашней деятельности духа. Несмотря на оставшуюся сильную слабость, он тотчас стал заниматься важным вопросом, обсуждавшимся в это время в соединенных департаментах законов и экономии Государственного Совета, в которых ему, как старшему, следовало председательствовать. Это было дело об уничтожении простонародного лажа⁹⁰ на монету, отложенное до его выздоровления, но в окончательном решении которого он уже не принимал участия». В примечании замечено: «Известно, что существование у нас лажа было уничтожено манифестом 1 июля 1839 г. (№ 12 498). Этот акт был написан уже другим, и самое дело решено не столько по мыслям, предварительно высказанным о нем Сперанским, сколько по мнению графа Канкрина,⁹¹ возобладавшему над всеми прочими». А как Сперанский скончался 11 февраля 1839 г. (там же, II, 368), то ясно, что предлагаемое здесь сочинение составляет чуть ли не последнее произведение нашего знаменитого государственного деятеля (*Примеч. изд. 1873 г.*).

внутри государства по внешнему их достоинству, а вне его — по внутреннему.

Но ни в каком благоустроенном государстве металлические деньги не могут удовлетворить всем потребностям частных и общественных дел. Для сего надлежало бы, не говоря уже о частных людях, самому правительству содержать в запасе двойное или тройное годовое количество его доходов. Отсюда возникла необходимость сверх монеты металлической иметь еще другие вспомогательные средства мены. Сии средства суть *ассигнации и кредитные бумаги*.

2. СУЩЕСТВО АССИГНАЦИЙ

Ассигнации выдаются (выпускаются) правительством вместо наличных денег при покупках его, поставках и подрядах разных его потребностей, также и при ссудах частным лицам под залог; они выдаются с тем, что предъявителю их зачтены они будут в казначействах при платеже податей и сборов в той же самой именовательной цене, какая в них ассигнована. Это суть зачетные квитанции на платеж следующих правительству податей. Не имея внутреннего достоинства монеты, они имеют, однако же, внешнее, и потому, составляя одно из средств ее вспомогательных, именуются *бумажными деньгами* или *бумажною монетою*. Отнимите у них сие достоинство, остановите прием их в казначействах, и они тотчас лишатся всей монетной своей силы, будут простою ничтожною бумагою. Круг обращения ассигнаций есть внутренний, повсеместный, объемлющий не только дела между казною и податными лицами, но и все дела внутренние частные. На дела внешние они не простираются и сим существенно различаются от монеты металлической.

3. СУЩЕСТВО КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ

Билеты кредитные составляют второй вид средств вспомогательных в монетном обращении. Сюда принадлежат: 1) все частные денежные обязательства, как-то: вексели, заемные письма и проч.; 2) *билеты банковые*; 3) *билеты казначейства*.

а) *Частные обязательства*. Сила их утверждается на платеже, а достоверность платежа — на законе взыскания. Чем строже сей закон, чем он действительнее, тем ближе они

подходят к наличной монете и тем вернее ее заменяют. Круг обращения их может быть внутренний и внешний. Пространство его зависит от доверия к лицу и к закону.

б) *Билеты банковые*. Банками и кредитными публичными установлениями вообще называются складки капиталов казенных, или частных, или тех и других в совокупности. Складки учреждаются на тот конец, чтоб посредством ссуд и других банковых оборотов ускорить и расширить монетное обращение и вместе с тем приобрести на капиталы вкладочные большую или меньшую прибыль.* Сила банковых билетов утверждается на достоверности размена их на наличные деньги, а достоверность размена утверждается на соразмерности вкладочных капиталов с выдаваемыми билетами. Круг обращения их может быть внутренний и внешний.

в) *Билеты казначейские*. Это суть обязательства, выдаваемые правительством вместо наличных денег с определенным сроком платежа и с условленными процентами. Таковы суть в Англии Exchequer bills, во Франции Bons du trésor, у нас казначейские билеты, *сериями* в просторечии именуемые.

Из сего вышесказанного явствует, что монетное обращение складается из трех установлений: 1) из *системы монетной*; 2) из *системы кредитной*; 3) и из *системы ассигнационной* там, где она еще действует. Существенные отличительные черты каждой из сих систем заключаются в следующем.

1. *Система монетная* в собственном смысле состоит в определении внутреннего достоинства монеты металлической, т. е. в определении веса и пробы монетной единицы и в том означении дробных ее частей в золоте, серебре и меди. Количество монетных знаков есть неопределенно и зависит от

* Все банковые установления можно отнести к трем главным родам по существу их вкладов. *К первому роду* принадлежат банки, составленные частными лицами с участием или без участия вкладов правительства, на акциях в определенном числе капиталов. Сии акции могут быть передаваемы от одного лица другому, но капиталы их во все время существования банка не могут быть из него извлекаемы. Таковы суть почти все банки, известные в Европе. *Ко второму роду* принадлежат банки, составляемые из вкладов неопределенных. Сии вклады представляют собою так же акции, но с тем различием, что не только могут быть передаваемы от одного лица другому, но из самого банка извлекаемы по первому востребованию вкладчиков. Банки сего рода существуют только в России. *К третьему роду* принадлежат банки сельские (Territoriales), где вместо капиталов вклады состоят из недвижимых имуществ, под залог коих банк выдает в ссуду сумму, оценке их соразмерную, кредитными билетами. Таковы суть банки силезские и земский банк Царства Польского.

большого или меньшего ежегодного выпуска их правительством.

Существенное различие сей системы от прочих двух состоит в том, что монета имеет два достоинства: внутреннее и внешнее, ассигнации имеют одно внешнее, а из кредитных бумаг одни только билеты казначейские там, где они допускаются в платеж податей, имеют монетное достоинство, равное ассигнациям, все прочие могут иметь его только случайно, т. е. в тех случаях, где допускаются в залоги вместо наличных денег.

В общем правиле чем более в государстве металлических денег, тем удобнее совершаются все обороты торговли и промышленности, но при сем не должно терять из вида степень скорости их движения. Один и тот же рубль может в течение одного дня совершить десять, двадцать оборотов, удовлетворить десяти разным требованиям или пролежать без оборота. В первом случае он заменяет 10 руб., во втором остается один. Но что способствует скорости движения? Деятельность труда и мены, близость расстояния и удобность путей сообщения. Отсюда происходит, что две разные массы денег в двух государствах, равных в их населении, но различных в степени деятельности, в расстояниях или способах сообщения, не произведут равного действия, не совершат равного количества оборотов. В одном будут жаловаться на то, что деньги слишком дешевы и что они не приносят соразмерных доходов, в другом будут жаловаться на то, что нет денег.

2. В системе кредитной определяется сила кредита, т. е. существенные последствия обязательств как частных, так и банковых и казначейских. Чем более верных кредитных бумаг, тем удобнее совершается монетное обращение, тем менее потребности в металлических деньгах.

3. В системе ассигнационной определяется внешнее достоинство ассигнаций, т. е. именовательная цена, по коей они принимаются в казначействах. Система сия есть двояка: *неопределенная*, в коей количество знаков изменяется по усмотрению правительства постепенными выпусками, и *определенная*, в коей количество знаков, единожды установленное, остается без приумножения.

В сем состоят главные и общие начала монетного обращения. Краткий взгляд на историю его в России может послужить здесь практическим утверждением и пояснением сих начал.

II. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ

Попытка ввести ассигнации в России относится еще ко временам царя Алексея Михайловича. Войны с Швецией и Польшею столько истощили казну в серебряной монете, что в крайнем оскудении ее правительство принуждено было искать пособия во внешнем займе; обратились к Венецианскому банку, но он отказал. В сей крайности, по совету директора Монетного двора, окольного Ртищева,⁹² прибегли к другому средству. В 1655 г. состоялся указ: «Вместо серебряных рублей делать рубли медные того же весу и формы», и сии рубли велено принимать везде за серебро. Как скоро монета сия распространилась, она начала упадать постепенно. Сперва она теряла 4 деньги, потом 8, 10, 80 денег, потом теряла половину, вскоре потом три четверти, наконец в 1663 г., через 8 лет, 15 медных ассигнационных рублей давали уже за один серебряный рубль (по другим сведениям, платили даже до 50 руб.). Открылось народное возмущение, и неудачный сей опыт кончился тем, что в 1663 г. (11 июня) велено выпуск прекратить сей монеты, медные рубли выкупать по 1 копейке за рубль, а кто не хотел продать за сию цену, тем дозволено было самим переливать, но никак не оставлять в прежнем их виде под страхом конфискации.

Настоящая ассигнационная бумажная система основалась у нас в 1769 г. В установлении ее должно различать два различных учреждения.

1. В 1769 г. (манифест декабря 29, № 13 219) учреждено было два банка: С.-Петербургский и Московский. Единственная цель учреждения состояла в том, чтоб облегчить движение металлической монеты. По сему в самом манифесте банки сии названы *променными*. Все дело их состояло в том, 1) чтоб выдавать ассигнации под вклады металлических наличных денег, т. е. разменивать деньги на ассигнации, откуда бы сии деньги, от казенных ли мест или от частных людей, ни поступали; сверх наличных денег положено было принимать серебро и золото в деле и в неделю (манифест 29 декабря и прилож. учреж. ст. 32); 2) обратно выдавать наличные деньги по предъявлению, т. е. разменивать приносимые ассигнации на деньги. Ясно, что по свойству тогдашних ассигнаций число их могло и должно быть неограниченно: вся металлическая монета, обращающаяся в государстве, могла быть здесь променена на ассигнации. Следовательно, банки были просто две

большие разменные кассы, основанные на наличных депозитах металлической монеты. По сему-то в манифесте 1769 г. не определяется количество ассигнаций, а удостоверяется только монаршим словом: 1) что каждому возвращены будут его наличные вклады по востребованию; 2) что ассигнации сверх того будут приниматься в счет податей и всех казенных сборов. По сему понятию ассигнации 1769 г. были не что иное, как разменные билеты двух сохранных или депозитных касс, и сие-то самое понятие изображено было в самой их надписи: «Предъявителю сего платит ассигнационный банк столько-то ходячею монетою». Утверждать, что здесь под именем ходячей монеты разумелась одна монета медная, нет никакого основания. Ходячая монета в государстве есть та, которая принимается в податях, а известно, что подати в 1769 г. платились равно и серебром и медью, без всякого промена. Между серебром и медью не существовало тогда никакого определенного правительством курса. Курсы биржевые означали тогда просто содержание серебряного рубля в монете иностранной. Билеты по местам промены (ажю), но сие зависело от большей или меньшей потребности в той или в другой монете. В одном месте платили небольшой промен при размене серебра на медь, в другом платили при размене меди на серебро. Нужда и потребность определяли то и другое. Неизбыточное количество медной монеты, самое внутреннее ее достоинство (16 руб. из пуда) возвышали ее ценность и равняли с серебром, а платеж всех таможенных пошлин серебром вводил в обращение значительные по тогдашнему времени его массы.

2. В 1786 г. (манифест 1786 г. июня 28, № 16 407) оба разменных банка соединены в один, но банк сей наименован уже просто *ассигнационным*, а не разменным. Ни словом уже здесь не упоминается о размене, напротив, все вклады наличных денег от него уже устранены и присвоены одному банку заемному: банку же ассигнационному дано право производить банкирские операции, т. е. производить учет векселей, торговать в большем виде металлами и проч. Таким образом, банк ассигнационный принял свойство банка коммерческого. С прекращением размена сила ассигнаций опиралась уже единственно на прием их в податях. А как сила сия могла казаться недостаточною, то и признано было нужным торжественно заявить, что количество ассигнаций ни в каком случае не будет превышать 100 миллионов рублей. В манифесте сказано: «Узаконяем самодержавною, от Бога нам данною властью и обещаем святостию слова царского за нас и преем-

ников императорского российского престола, что число банковых ассигнаций никогда и ни в каком случае не долженствует простирается в нашем государстве выше ста миллионов рублей» (100 миллионов составляли тогда почти весь годовой доход). До 1796 г. выпущено ассигнаций на 150 миллионов.

При толь существенной перемене самого внутреннего значения ассигнаций признано, однако же, нужным сохранить без перемены прежнюю их надпись. Причина сему очевидна: ассигнации в виде разменной монеты приобрели уже в течение 18 лет общее доверие, поколебать его переменою наружного их вида было бы опасно. Таким образом, учреждением 1786 г. введены в существе своем новые ассигнации, сохранившие только старую надпись.

В движении ассигнаций должно различать три разные эпохи: 1) время *равенства*; 2) время *падения*; 3) время *повышения*. Табель, при сем прилагаемая, представляет постепенные их выпуски, состояние их падения и повышения, действительное их достоинство в монете металлической и соответствующее им состояние вексельных курсов. Табель сия составлена по сведениям положительным и официальным.*

1. ВРЕМЯ РАВЕНСТВА

Время *равенства*, собственно, относится не к настоящим, но к прежним разменным ассигнациям; оно продолжалось в течение 18-ти лет. С 1769 по 1787 г. количество всех выпущенных ассигнаций составляло 40 миллионов.

2. ВРЕМЯ ПОСТЕПЕННОГО ПАДЕНИЯ

Время *падения* началось с 1788 г., т. е. год спустя после того, как к прежним 40 мил. прибавлено было еще 60 мил. и составилось 100 мил. Вслед за тем в два последующих года ассигнации потеряли около 9 %. Когда потом, в 1790 г., прибавлено было к 100 мил. только 11 мил., они пали еще до 4 %, и весь упадок составлял уже 13 %.

Таким образом, продолжалось падение по мере выпуска, но между количеством выпуска и количеством падения никогда не было, и не могло быть, точной и определенной сораз-

* См. в Приложении.

мерности, ибо хотя главная причина падения всегда была одна и та же, но мера его определялась другими содействующими причинами, как-то: войною, состоянием внешней торговли и вексельного курса, приращением или уменьшением доходов и кругом обращения ассигнаций.

Падение усилилось, когда массы выпусков увеличились. После Тильзитской войны, в 1808 г., в один год, и даже почти в несколько месяцев, вдруг выпущено было 95 мил. Как падение ассигнаций совершается не вдруг при каждом их выпуске, но оказывается во всей его силе через год и более, т. е. тогда, когда они совершат круг своего обращения, то легко можно было предвидеть, что выпуск 1808 г. не ограничится мерою падения, в том году открывшегося, но пойдет далее.

В сем положении дел нельзя было оставаться и медлить: надлежало принять решительные меры. Они были приняты и состояли в следующем.

Дальнейший выпуск ассигнаций оставлен. Дефицит в доходах* наполнен прибавками в податях и пошлинах. Изложены и подтверждены в манифесте главные основания монетной системы, серебряный рубль снова объявлен монетною единицею.

К сожалению, все сии и многие другие меры, в течение 1810 г. принятые и предположенные, войною 1812 г. частью были приостановлены, частью отложены. Выпуск ассигнаций в течение 1812, 1813, 1814 гг. возобновлен. Количество их от 577 000 000 возросло до 761 000 000.**

Таким образом, время падения ассигнаций продолжалось с 1787 по 1815 г., 28 лет.

3. ВРЕМЯ ПОСТЕПЕННОГО ПОВЫШЕНИЯ

В 1815 г. составлен был новый план финансов.*** Основные начала его были те же, как и в 1810 г., но они усовершенствены и расширены. Одною из главных частей сего плана было не только остановить дальнейший выпуск ассигнаций, но и

* Состояние доходов и расходов по бюджету 1810 г. было следующее: расходов 279 000 000, доходов 121 000 000, дефицит 157 000 000.

** Здесь разумеются суммы ассигнаций, выпущенных правительством. При перемене прежних бумаг на новые найдено было, что все количество их в обращении составляло 382 006 890, но в сем числе заключалось 71 000 000 бумаг подложных, кои и были истреблены вместе с прочими.

*** План сей, к 1815 г. составленный, начал приводим быть в действие с учреждением Комиссии погашения долгов, в 1817 г.

уменьшить их количество, доколе они не придут в равенство с серебром.

Три разных средства подлежали здесь к выбору:

1. Постановить законом, чтоб ассигнации во всех платежах, как казенных, так и частных, принимаемы были не по именовательной, но по действительной их цене на серебро, например в $1/4$ рубля, когда серебряный рубль стоил 4 рубля ассигнационных.*

2. Погашать их постепенно, извлекая из обращения известную их часть переложением ее в непрерывный долг.

3. Не погашая и не уменьшая их количества, предоставить постепенное их возвышение и уравнивание с серебром времени и собственному и движению.

Из сих трех средств в плане 1815 г. избрано было второе, и на сем основании началось погашение. Из 761 000 000 извлечено из обращения посредством займов и других мер около 166 000 000. Осталось 595 000 000.

Сия мера произвела два действия:

1. Она остановила дальнейшее падение ассигнаций, ибо нельзя предполагать, чтоб масса 761 000 000 могла держаться в той же цене, в коей содержались в 1810 г. 577 000 000.

2. Она дала начало постепенному ассигнаций повышению.

Но план 1815 г. на сем не останавливался; в предмете его было каждый год производить погашение, отлагая для сего из доходов государственных до 30 000 000, так что лет через 10 масса ассигнаций составляла бы не более 300 000 000.

Предположение сие не совершилось по двум причинам: 1) в 1824 г. уже было признано невозможным отделять 30 000 000 из доходов на сию потребность, не прибегая к новым займам или налогам; 2) признано было, что самым естественным последствием сего сильного погашения было бы возвышение ассигнаций и, следовательно, не постепенное, но быстрое возвышение податей и упадок ассигнационных цен на вещи.

По сему в 1824 г. положено остановить погашение, и из трех средств вышеозначенных избрать последнее, т. е. оставить постепенное повышение ассигнаций собственному их движению.

В сем кратко состоят главные исторические черты сего обширного и многочисленного дела. Рассмотрим теперь последствия каждой его эпохи отдельно.

* Сие было сделано в Австрии в 1811 г., где ассигнации вдруг уменьшены $4/5$ их цены.

III. ПОСЛЕДСТВИЯ АССИГНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

1. ПОСЛЕДСТВИЕ РАВЕНСТВА АССИГНАЦИЙ С СЕРЕБРОМ

Из табели, выше сего приведенной, видно, что в течение первых 18-ти лет достоинство ассигнаций в числе 40 000 000, тогда обращавшихся, было одним только процентом, или с малою иногда дробью, ниже серебра. Но и сие маловажное понижение было чувствительно на бирже; в общем же ходе не только не было понижения, но частию было даже некоторое и превышение. Посему-то и можно считать все сие расстояние времени эпохою их равенства.

Равенство могло происходить от двух причин: или от того, что каждому листу ассигнационному соответствовал в променной кассе депозит в монете металлической, или же от того, что выпуски ассигнаций в течение 18-ти лет были весьма умеренны. Из дел того времени видно, что были действительно депозиты, хотя не весьма значительные; но были вместе с тем допускаемы и выпуски без депозита, в виде займа из так называемого тогда запаса на потребности правительства.

Должно ли из сего заключать, что денежные способы правительства без новых налогов, одним повелением его, умножились 40 миллионами?

Деньги вообще суть средства мены. Следовательно, правительство, выпуская ассигнации, меняет их на произведения какого-либо труда. Но кто бы согласился променять или продать свои произведения на бумагу, если бы бумага сия не имела никакого достоинства? В чем же состоит сие достоинство? Оно состоит единственно в обещании зачесть сию бумагу в число податей. Следовательно, новое богатство приобретается выпуском ассигнаций, но единственно издерживаются впредь те самые долги, кои должны бы были поступить в казначейство в свое время в виде податей, и сила ассигнаций в окончательном счете опирается на тех квитанциях, кои выдаются из казначейства при взносе их в счете податей. *Ассигнации действительно ассигнуют только зачет податей*, и выпуск их есть не что иное, как мена податей еще не поступивших, но поступить имеющих на произведения труда, потребные правительству, мена весьма полезная и часто весьма

нужная, но мена, ничего не прибавляющая к составу ни казенного, ни частного дохода.

В чем же состоит действительная польза ассигнаций? *Для правительства* она состоит в том, что посредством их оно приобретает потребности, ему нужные, в кредит, т. е. прежде, нежели поступят к нему его доходы; *для частных людей* польза состоит в быстроте хозяйственных и торговых оборотов, т. е. в том: 1) что частные люди могут поставлять свои произведения правительству благовременно и не ожидая, когда поступят его к нему доходы; 2) что в полной уверенности зачета в казначействах они могут употреблять их как средства мены, как действительные деньги во взаимных между собою делах и употреблять с большею еще выгодой, нежели металлические деньги, по причине их легкости и по удобству перемещения.

Такова есть польза ассигнаций во время их равенства. И сия-то неоспоримая, очевидная польза была главным поводом или, так сказать, приманкою повсеместной почти попытки к их введению.

Первые опыты везде были удачны, везде ассигнации доставляли правительству весьма выгодный *заем под залог будущих его доходов*, везде они оживляли и расширяли частную промышленность; но сие продолжалось недолго, и именно только дотоле, доколе они стояли в соразмерности с действительною монетою. Как же скоро переступали они сей предел, то польза их умалялась, и наконец они обращались решительно с убытком. Следовательно, здесь все дело состоит *в соразмерности*. Но как определить сию соразмерность? Она зависит не от одного количества ассигнаций и не от одного отношения их к доходам, но от множества других обстоятельств, как-то: от количества торговых оборотов, от внешних курсов, от расширения или стеснения того круга, в коем ассигнации обращаются. Определить с точностию все сии условия, столь многосложные и столь переменчивые, есть дело почти невозможное. Посему-то все почти правительства в выпуске ассигнаций шли, так сказать, наудачу, и не прежде удостоверились в несо-размерности их, как когда уже упадок их стал ощутителен.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ АССИГНАЦИЙ

Падение ассигнаций у нас началось, как выше уже было означено, с 1788 г., т. е. год спустя после того, как к прежним 40 000 000 прибавились новые выпуски, так что когда в течение

3-х последующих лет выпущено было всего 100 000 000, то достоинство их с 97 упало на 92, потом на 91, а в последующий 1790 г., когда к прежним 100 000 000 прибавлено еще только 11 000 000, они упали до 87, и с тех пор уже вместе с ежегодными выпусками они ежегодно более и более упали; в то же самое время понизились и все заграничные курсы на бирже: курс на Амстердам от 39 штиверов упал на 34, в следующем году — на 30 и так далее.

Кто терял от сего упадка? Прежде всех и более всех тут теряла казна. Ассигнации, в течение года выпущенные, возвращались к ней в последующем году в виде доходов, хотя в том же счете, но уже в меньшем достоинстве. Так, например, в 1790 г. ассигнаций по счету было 111 000 000, но в виде доходов они уже составляли только 96 000 000. Следовательно, казна в доходах своих утратила 15 000 000. В 1801 г. масса ассигнаций составляла 221 000 000, а в виде доходов они составляли не более как 146 000 000, т. е. 75 000 000 менее против цены их именованной. В 1810 г. 577 000 000 составляли в доходах не более 199 000 000, т. е. 378 000 000 менее цены их именованной, а наконец в исходе сего периода, с 1810 по 1815 г., все огромное их количество, 761 000 000, составляло в доходах не более как 187 000 000. В течение того же самого времени соразмерно тому упали и биржевые курсы, как-то, например, курс на Амстердам от 39 штиверов упал на 9 штиверов.

Если каждый выпуск есть не что иное, как заем на счет будущих доходов, то здесь вопрошается: какой рост несла казна при сем зачете? Она несла сначала 1 %, потом 3 %, потом 8 %, 10 % и 30 % и так далее постепенно, наконец она несла росту 75 %. Никому она не платила сего росту (и в сем-то, между прочим, состоит вся иллюзия ассигнаций), но она теряла его тем не менее действительно, в постепенном понижении ее доходов.* Толь значительный ущерб в доходах был отчасти

* Возьмем, для примера, подушную подать. Положим, что она в 1788 г. составляла, как и ныне, 3 руб. Но как рубль тогда составлял в ассигнациях 92, то вместо трех рублей казна получала уже 2 руб. 76 коп.: убыток для нее был 24 коп.; в 1810 г. те же три рубля в ассигнациях составляли уже только 99 коп.; следовательно, убыток для нее был 2 руб. с копейкою. В 1811-м и последующих годах, когда рубль ассигнационный дошел до 25 коп., она получила уже вместо прежних трех рублей 75 коп., и следовательно, убыток ее составлял 2 руб. 25 коп. Здесь должно заметить, что убыток сей был бы для нее несносен, если бы он весь падал, так сказать, лично на казначейство, но он раздроблялся на все те лица, кои состояли с ним в связи по обязанностям службы или дел, и сия-то раздробительность делала его не столь тяжким, хотя для всех более или менее чувствительным. К сему должно присоединить еще и то обстоятельство, что хотя от понижения ассигнаций цены на вещи возвышаются, но возвышаются не в одинаковой соразмерности. Сила производительная часто превышает силу потребностей.

вознаграждаем прибавкою в податях и пошлинах; так, например, в 1810 г. сделаны значительные налоги, но сей образ вознаграждения, всегда трудный, не мог быть возобновляем ежегодно, между тем как падение ассигнаций усиливалось ежегодно. Другой способ вознаграждения мог бы быть в понижении цен на вещи, но, напротив, с понижением монеты цены на вещи обыкновенно возвышаются. По счастью, сие возвышение у нас не было соразмерно упадку ассигнаций. Производительные силы возрастали быстрее, нежели потребности.

За убытками казны следуют убытки частных лиц. Здесь потери не для всех равны; напротив, одни теряли без вины, другие приобретали без права.

Теряли все должностные лица, все, получающие жалование или пенсии, все те, кому казна была должна, теряли все кредитные установления, все капиталисты, все заимодавцы. Потеря их была двояка: они теряли от понижения иностранных курсов в потребностях, получаемых посредством внешней торговли; они теряли от понижения ассигнаций в потребностях внутренних, ибо хотя, как выше примечено, цены на вещи и не возвышались в той же мере, как упали ассигнации, все, однако же, было возвышение. Но то, что увеличивало сии потери для всех, это была их неизвестность и внезапность. Как выпуски ассигнаций были хотя и ежегодны, но не равны, то и нельзя было сделать впредь никакого правильного расчета, никакой предварительной сметы ни доходов, ни расходов. Неизвестность умножилась еще и оттого, что упадок ассигнаций обнаруживался не вдруг при каждом их выпуске, но становился явным уже тогда, как они совершали весь круг своего обращения, иногда через год и более.

Приобретали, напротив, от упадка ассигнаций все те, кои должны были другим, и особенно в отдаленные сроки, ибо они платили униженною монетою то, что занимали высшею.

Правда, что как потери, так и приобретения уравнивались отчасти тем, что одно и то же лицо могло быть и заимодавцем и должником, и продавцом и покупателем. Без сомнения, во многих случаях от сего смягчались потери, но не во всех, ибо не все в той же мере суть производители и потребители; многие, напротив, живя определенными доходами, могли постоянно терять и ничего не приобретать.

Сверх убытков есть еще одно последствие упадка ассигнаций, которое здесь должно заметить. До 1788 г. рубль серебряный у нас был твердою монетною единицею не только в

законе, но и в практике. Подати и пошлины большею частию вступали серебром; все приходы и расходы исчисляемы были на серебро; самое золото оценивалось серебром по внутреннему сравнительному его достоинству. Монета медная хотя не всегда в цене ее соответствовала серебру, но вознаграждала сей недостаток потребностью ее в мелких разменах: она беспрепятственно принималась за серебро. Сей порядок вещей, сие единство монетной нашей системы начали изменяться с 1788 г. По мере того как умножились выпуски ассигнаций и по мере того как они упали, серебро начало скрываться из обращения и наконец почти совсем скрылось; ассигнации заняли место действительной монеты; по ним стали исчислять и биржевые курсы; они стали настоящими деньгами, а серебро сделалось товаром.

В 1810 г., когда положено было на время остановить выпуск ассигнаций и принять обратный ход, вместе с тем обращено было внимание и на монетную нашу систему. В устройстве ее принято основанием прежнее правило, и рубль серебряный в манифесте снова провозглашен был монетною единицею.

Выше (в истории ассигнаций) было уже означено, что все меры 1810 г. прерваны были войною, и как легко можно было предвидеть, что во время войны нельзя помышлять о погашении ассигнаций, напротив, близкою тогда представлялась необходимость новых их выпусков, то и надлежало помышлять о том, как возратить или усилить к ним доверие. В сем-то намерении в 1812 г. объявлено было, что все платежи по долгам, даже и на серебре основанным, могут быть уплачиваемы ассигнациями по курсу. Сим постановлением не единица монетная изменилась, но дан был ассигнациям принужденный ход (*cours forcé*), коего прежде они не имели, ибо по прежнему правилу долги на серебро платились серебром. Очевидно, что это было временное отступление от правила, вынужденное необходимостью, ибо в 1815 г., как скоро миновала сия необходимость, план 1810 г. возобновлен и расширен, и снова положено было все приводить к серебру как к твердой и неизменяемой единице. Но как нельзя было сего достигнуть вдруг, то впоследствии и принято правилом устанавливать между серебром и ассигнациями ежегодное отношение, или так называемый казенный курс.*

* Сперва для пошлин таможенных, потом для некоторых податей и сборов, а наконец, и для всех казенных податей.

Следовательно, не странное какое-то заблуждение правительства в деле столь простом и ясном, но *сила обстоятельств*, военная необходимость были единственною причиною отступления от того общего коренного нашего правила, что серебряный рубль есть у нас действительная монетная единица.

В сем состоят главные последствия упадка ассигнаций.

Последствия сии весьма естественны, и не у нас одних они обнаружались. Система ассигнационная не у нас изобретена; она была в Швеции, Дании, в Австрии, во Франции, даже в Америке, и везде производила те же последствия, везде началась периодом равенства, и в сем периоде являла благотворные действия, ускоряла движения торговые, содействовала промышленности, не рождала новых богатств, но поощряла труд, споспешествовала к скорейшему расширению богатств естественных. Потом, перейдя пределы сего периода и вступив в период падения, хотя и в сем периоде она еще являла скорое пособие во внезапных нуждах государственных, но сие пособие впоследствии стоило дороже займов, даже и убыточных, ибо ассигнации при упадке их расстраивают все части внутреннего хозяйства, все цены приводят в неизвестность и ежедневную переменчивость, все денежные договоры становятся гадательными: одни выигрывают без труда, другие проигрывают без причины, никакой труд, никакое предприятие не обеспечено твердым и надежным расчетом.

Быв завлечены обстоятельствами в сию бездну, все правительства старались из нее выйти, и вышли одни с большим, другие с меньшим пожертвованием, но все с *тяжкими долгами*. Мы остались в ней последние.

Выше (в истории ассигнаций) были означены меры, в 1810 г. принятые, но войною прерванные, потом в 1815 г. возобновленные и наконец в 1824 г. приостановленные, меры, принятые к тому, чтоб сперва остановить падение ассигнаций, а потом дать им обратный ход. Меры сии произвели отчасти свое действие: падение остановлено, и ассигнации начали возвышаться. Рассмотрим последствия сего возвышения.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ АССИГНАЦИЙ

Как от упадка ассигнаций не все равно несли потери и, напротив, некоторые приобретали прибыль, так и в обратном их движении одни приобретают, другие терпят убытки.

Прежде всех, по-видимому, приобретает прибыль казна: она получает свои доходы в монете, коей достоинство ежегодно возрастает; но сей прирост, во-первых, обращается в отягощение всех платящих подати и в существе своем составляет ежегодный новый налог, тем более обременительный, что количество его зависит не от соображения государственных нужд со способами податных лиц, но от случайных обстоятельств, более или менее возвышающих достоинство ассигнаций. Во-вторых, есть налоги, кои установлены были во время упадка ассигнаций и расчислены соразмерно тогдашней их цене. Ныне при возвышении их они выходят уже из той меры, какая для них была предназначена. В-третьих, наконец, с тех пор как по причинам, весьма уважительным, допущен платеж податей серебром по определенному и уже несколько лет неизменяемому курсу, самый прирост казны значительно умалился, и будет умаляться по мере того, как серебро будет дешеветь и вливаться в казначейство.

Вслед за казною, по-видимому, приобретают кредитные наши установления, но сие приобретение, *во-первых*, отягощает их заимщиков, и *во-вторых*, даже и для самых сих установлений оно есть только мнимое, ибо в существе своем вся прибыль обращается в пользу тех лиц, коих вклады составляют главный капитал банков.

Между тем все произведения труда дешевеют или не находят выгодного им избытка. Они дешевеют не только от возрастающего их количества, но и от возвышения ассигнаций. От сего теряют не только помещики в их оборотах и во всех хозяйственных их избытках, но и вообще все производители в разных предметах их продажи.

Но потеря, возбуждавшая в последнее время наиболее жалоб, есть разнообразие так называемых *простонародных курсов*.

Под именем *курса* в делах торговых всегда разумели курс вексельный, т. е. цену денег при переводе их посредством векселей с одного места на другое. У нас под сим всегда разумели *курс заграничный*.

Сверх вексельного перевода бывал всегда на биржах и во внутренней торговле еще наличный промен одной монеты на другую. Так, у нас всегда существовал промен серебра на золото, меди — на серебро, а по введении ассигнаций явился *промен*, или *ажю*, и на сию монету.

Но между сим *ажю* и тем, что ныне называют *лажем*, большая есть разность, хотя последний, по-видимому, не что иное есть, как простонародное выражение первого.

Ажио употребляется при смене оной монеты на другую. Так, например, когда серебряный рубль в ассигнациях составлял 400 коп., тогда ажио составляло 300; когда рубль стал оцениваться в 360 коп., тогда ажио было 260; словом сказать, ажио означает число единиц, коими ассигнационный рубль понизился, отстал от первоначального его достоинства, равного серебру.

Лаж, напротив, употребляется при покупке товаров как наличной, так и долговой. При покупке наличной он означает те проценты, коими при платеже за товар серебром возвышают серебро против разменной его цены, а при платеже ассигнациями он означает те проценты, кои уступаются из цены товара на ассигнации. Изъясним сие с некоторою подробностью.

При каждой наличной покупке вошло у нас в обычай вместе с объявлением последней цены вещей постановлять между продавцом и покупателем два вопроса: 1) серебром или ассигнациями должен быть произведен платеж? и 2) по какой цене приняты будут продавцом серебро или ассигнации? Положим, что товар сторгован за 100 руб. и что покупатель решил заплатить сию цену серебром. Продавец назначает цену серебру выше биржевой; так, например, когда биржевая цена есть 352, продавец принимает здесь серебряный рубль (в Санкт-Петербурге) в 375 коп., и следовательно, принимает ее выше 23 коп., и сия придача, составляющая почти 6 % ($\frac{23}{4}$), есть *лаж*. По тому же самому расчету он принимает платеж и ассигнациями, полагая каждый ассигнационный рубль в 106 коп., и следовательно, уступает сторгованную вещь за 94 руб., т. е. уступает из цены ее 6 %, и сия уступка есть *лаж*.

Сравним теперь сей расчет с биржевым: при покупке товара сторублевую ассигнацию принимают за 106 руб., но в то же время 100 рублей серебром оценивают и принимают не в 352, как на бирже, но в 375. Отсюда следующая пропорция:

$$106 : 100 = 375 : 353 \text{ руб. } 77 \text{ коп. с дробью.}$$

Следовательно, разность в цене серебра на ассигнации между Петербургскою биржею и вольною продажею есть только 1 руб. 77 коп. на сто рублей.

Но для чего продавец не следует просто биржевому курсу? Для чего оценивает он серебряный рубль не в 352, но в 375? Причина очевидна. Если бы он следовал биржевому курсу, то ему надлежало бы с переменою его переменять все свои товары, и то, что продавал вчера за 100 руб., сегодня

должен был, по возвысившемуся на ассигнации курсу, продавать уже за 98, завтра — с новым возвышением, за 94, и так далее. Избегая сего важного неудобства, он предпочитает те самые проценты, кои надлежало бы ему убавить у товара, вычестъ из платежа. Так, например, если бы он оценивал рубль серебряный в 352, тогда при заключении продажи он не мог бы уступить по 6 % на ассигнации; возвышая же его до 375, он, с одной стороны, сохраняет цену своего товара, а с другой — обольщает покупателя мнимою уступкою, какою бы монетою он ни решился произвести платеж. Если он решился заплатить серебром, то ему кажется, что он выигрывает в цене серебра 23 коп. (375 — 352), т. е. почти 6 на 100 (23 $\frac{1}{4}$). Если он заплатит ассигнациями, то он, по-видимому, также выигрывает 6 на 100, ибо платит за сторублевую вещь 94 рубля.

Сего не довольно: выдуман еще счет, более обольстительный: в Москве и на ярмарках 100 руб. серебром принимают не в 375, но в 420, и сообразно тому при платеже ассигнациями вещь, сторгованную за 100 руб., уступают за 80 руб., т. е. уступают уже не 6 %, но 20 %, или, что то же есть, 100 руб. ассигнациями принимают за 120 руб. на монету. Отсюда следующая пропорция:

$$120 : 100 = 420 : 350.$$

Следовательно, разность в цене серебра на ассигнации между Петербургскою биржею и продажною ценою московскою есть 2 руб. на 100 руб.

Таково есть значение лажа при наличной покупке. Тот же самый счет употребляется и при платеже частных долгов. Тот, кто купил товар в долг, при платеже через год по условленной цене может не без основания думать, что он платит лишнее, ибо платит ассигнациями, коих цена через год возвысилась. Что делать продавцу? Доправлять долг судом, или согласиться на уступку и принять платеж по счету на монету? Обыкновенно он предпочитает последнее.

В общем виде простонародный лаж есть не что иное, как особенного рода счет биржевого курса, изобретенный сперва мелкими торговцами,* потом принятый и в торговле оптовой и введенный для того, во-первых, чтоб не переоценивать товар по изменениям биржевого курса, и во-вторых, для того, чтоб

* Вероятно, евреями.

дать вид уступки из действительной цены товара и сею дешевизною обольстить покупателя, ибо мнимая разность между курсом в 352 и 375 — разность 23 коп. — содержится уже в тех 100 руб., коими первоначально оценивается товар. Без сей разности продавец просил бы за него не 100, но 94 руб. Для покупателя сведущего сие обольщение есть просто игра; он знает, что когда с него просят за товар 100 руб. монетою, то под сим разумеют действительно 94 руб., и на сем основании он торгуется с продавцом. Но другое дело, когда торг идет между купцом и простым поселянином: тут обольщение есть уже действительный обман.

Крестьянин продает на рынке рожь и назначает цену ей ассигнациями. Купец, и купец даже добросовестный, торгует ее на серебро, а серебро оценивает в 375 коп. рубль. Уверившись в действительности сей цены во всех других продажах, крестьянин заключает торг и думает, что он в самом деле получил в каждом рубле 375 коп., но в казначействе сей самый рубль превращается уже в 360 коп. Если же он понесет его к менялам, то самый добросовестный из них заплатит ему только 352 коп. Таким образом, он теряет в первом случае 15 коп., а во втором — 23 коп. на каждый серебряный рубль, и теряет единственно оттого, что он не знает хитросплетного механизма лажа. Если бы он его знал, тогда он сию потерю или вознаградил бы прибавкою в цене своего произведения, или принял серебряный рубль не более как в 352 или в 360 коп.

Таково есть истинное значение *лажа*, и сие-то самое называется *простонародным курсом, или ценою товара на монету*.*

Но откуда произошли сии простонародные курсы, когда прежде и при падении ассигнаций их не было?

При падении ассигнаций случаи промена их на серебро были весьма редки; серебро непрестанно дорожало и скрывалось; во внутреннем обращении оно почти было уже неприметно, а потому и счет на него встречался редко. Вся внутренняя торговля производилась на ассигнации; вещи дорожали и цены их изменялись, но счет был всегда один, и исключительно ассигнационный.

Но как скоро ассигнации остановились и начали возвышаться, серебро стало дешеветь и везде проникать в обраще-

* Смотри в Приложении под буквою А о различии и сходстве биржевого и простонародного счета в лаже.

ние. Известно, что в течение трех лет (1817, 1818 и 1819) правительством сделано и выпущено одних серебряных рублевиков с лишком 34 000 000, не считая мелкого серебра, между тем как ежегодный выпуск сей монеты во все прочие годы составляет от 2-х до 4-х миллионов рублей в год. Самый обильный выпуск был в 1829 и 1830 гг.: он составлял в первом 5 000 000, а во втором 6 000 000. К сему присоединить должно одно весьма важное торговое обстоятельство.

По официальным таможенным отчетам видно, что в два десятилетия, т. е. с 1814 по 1824 г. и потом с 1824 по 1834 г., серебра и золота за вычетом того, что от нас отпущено, привезено и осталось в России в первое десятилетие на 260 000 000, а во второе — на 262 000 000, всего же на 522 000 000. Куда девались сии миллионы? Опять вывезены? Но это суть миллионы, оставшиеся у нас за вычетом всего, что вывезено. Неужели хранятся они в сундуках? Но известно, что торговые люди не держат денег без оборота. Часть сих миллионов могла быть обращена на уплату перевеса в торговом балансе, но кто же получил сию уплату, как не производители внутренней торговли?

Между тем по другим внутренним сведениям известно, что как скоро ассигнации начали возвышаться, появились везде во внутренних наших губерниях значительные массы серебра и золота, и своего и иностранного, особливо с 1831 г., на всех ярмарках, везде было серебро и золото и весьма мало ассигнаций.

Остается сказать, каким образом монета сия туда переместилась. Изъяснение не трудно. Известно, что все наши отпускные товары в портовых городах покупаются, по законам иностранных торговых домов, через здешние их конторы. Известно также, что покупка сия производится всегда почти поставками наших внутренних торговцев на сроки, с платежом им иногда половины, иногда двух третей, а иногда и всех денег вперед, а деньги сии большею частию суть серебро и золото.

Таким образом, внутреннее наше монетное обращение, состоявшее прежде, т. е. при падении ассигнаций, почти исключительно из них одних, теперь при повышении их состоит уже из двух родов монеты: из ассигнаций и серебра. Но тот, кто имеет серебро, по необходимости ищет ассигнаций, *первое*, по удобствам их перемещения, *второе*, потому, что они возвышаются, а серебро упадает, и *третье*, наконец, потому, что они нужны для платежа долгов в кредитных

установлениях, и для содержателей питейных откупов они нужны для взноса в казначейство, куда 1/5 часть* только принимается серебра, между тем как продажа винная вся почти производится на серебро. Посему размен, прежде редкий, ныне стал делом ежедневным, настоящим, общенародным.

Отсюда возник новый род промышленности, появились *менялы*, не только в больших, но и в самых малых городах. Сей род торговли, быв основан на нужде и потребности, сам по себе не был бы предосудителен, но он подвергся общему нареканию потому, что не имеет, подобно другим родам торговли, никакого твердого правила, никакого обуздания корыстолюбию; тут нет ни соревнования, ни преобладающей силы капиталов, которая, умеряя произвольные расчеты мелких спекуляций, приводила их к умеренности и единообразию.

Изложив, таким образом, в предыдущих трех отделениях: 1) состав монетного обращения, 2) историю его в нашем отечестве, 3) последствие введения системы ассигнационной в трех ее эпохах, мы тем самым поставили себя в возможность точнее определить силу и пространство настоящего вопроса.

IV. СИЛА ВОПРОСА

Вопрос первоначально состоял только в том, как прекратить простонародные разнообразные курсы; он возник еще в 1834 г., и на совещаниях в финансовом комитете, тогда бывших, положено было ограничиться на первый раз тем, чтобы запретить счет на монету во всех письменных обязательствах, но в то же время положено было вникнуть впоследствии точнее в коренные причины появления сих курсов и промыслить способы к их прекращению. Одним из способов, к сему представлявшихся, а именно запрещение лажа, не только в обязательствах письменных, но и при личной покупке и продаже и во всех вообще торговых оборотах, при рассмотрении в Государственном Совете (в 1838 г.), встретил разные затруднения и не был принят.

Положим, однако же, что способ сей был бы принят и что он даже произвел бы полное свое действие; положим, что

* По условиям на нынешнее четырехлетие положено принимать 30 на 100 серебром.

лаж на монету прекратился бы повсеместно: что из сего следует?

Вникая ближе в существо лажа, теперь с очевидностию доказано, что он есть тот же самый биржевой курс, выражаемый только другими цифрами, другим счетом. Следовательно, прекращение лажа было бы только прекращением сего простонародного счета, но биржевой курс серебра на ассигнации остался бы при сем во всей его силе, ибо он основан на самом существе дела, на постепенном повышении ассигнаций. С прекращением простонародного лажа прекратилось ли бы сие повышение и все необходимые его последствия? Напротив, ассигнации по самому естественному их ходу, быв оставлены собственному их движению, и по прекращении лажа непременно будут и должны возвышаться, а с тем вместе: 1) ежегодно будут возрастать подати и налоги; 2) будет ежегодно возрастать тяжесть долгов кредитным установлениям; 3) ежегодно будет возрастать тяжесть и всех частных долгов. Все сие последствия столь тесно связаны с движением ассигнаций, что отделить их от него столько же невозможно, как нельзя отделить действия от причины. Следовательно, все меры должны быть обращены теперь *на причину*, на самый ход ассигнаций. Исправить, преобразовать его: вот в чем окончательно ныне состоит сила вопроса.

V. МЕРА ИСПРАВЛЕНИЯ

Выше было означено, что монетное обращение у нас складывается из трех систем: из системы монетной, ассигнационной и кредитной. Таков был его состав и во многих других государствах, доколе, наученные бедственными опытами, они не исключили из круга монетного обращения системы ассигнационной и не привели его к двум элементам: к монете металлической и к установлениям кредитным.

В своем месте мы изъяснили уже существенное различие между ассигнациями и кредитными бумагами. Припомним его кратко. Сила кредитных бумаг* состоит в том, что они

* Из определения кредитных бумаг, в своем месте означенного, само собою явствует, что под сим не разумеются обязательства, под именем фундов или Effets publics известные.

уплачиваются наличными деньгами или из банков по предъявлению, или из казначейства в положенные сроки. Сила ассигнаций, напротив, состоит в том, что они ассигнуются на казначейства и принимаются там в счет податей, но не уплачиваются другою монетою.* Ассигнации выпускаются правительством по нуждам его, в счет его доходов; билеты банковые выдаются или под залог металлов, или под залог векселей.** Билеты казначейские выпускаются хотя также в счет будущих доходов: но они несут с собою всегда известные проценты и уплату в сроки. Отсюда происходит: 1) что ни те ни другие не подлежат ни упадку, ни возвышению, ибо те и другие платятся наличными деньгами;*** 2) что они не влекут с собою тех вредных последствий, какие мы видели в разных эпохах движения ассигнаций. Могут быть, и действительно бывали, примеры затруднений и в ходе кредитных бумаг от бедствий войны или от худого банков управления, но затруднения сии, как временные, разрешаются обыкновенно мерами также временными, и все приходит в прежний порядок; 3) кредитные бумаги умножаются по мере действительной потребности, т. е. по мере размножения торговли и промышленности; в ассигнациях, напротив, найти и определить настоящую их соразмерность почти невозможно.

* Из сего видно, сколько неправильно смешивают иногда наши ассигнации с кредитными бумагами и даже называют их «des billets de Bangues», или «Papiergeld», но они не суть ни то ни другое, ибо существенное свойство кредитных бумаг есть то, что они где-нибудь уплачиваются (реализуются) на чистые металлические деньги, а для наших ассигнаций нет установленного платежа (реализации). Из сего следует, что и возвышение их никак нельзя применить к возвышению кредитных бумаг: оно означает только то, что ассигнации, оставаясь в определенном единожды для них количестве, между тем как серебро непрестанно умножается, естественно, в сравнении с ним становятся реже и потому дорожают.

** Так, например, из Английского банка не исходит ни одного билета, ни одного обязательства, коему бы не было в банке соответствующего обеспечения в верном векселе, в казначейском билете или в наличном металлическом вкладе. По счету банка с 14 ноября 1837 г. было в нем:

Векселей и казначейских билетов	23 985 000
Серебра и золота наличного	7 417 000
	31 402 000
Напротив, из банка выпущено билетов	18 344 000
Обязатель на вклады	10 242 000
	28 586 000

*** Казначейские билеты в Англии хотя и имеют обращение на бирже, но изменение их состоит единственно в количестве процентов.

Из сего видно превосходство кредитных бумаг пред ассигнациями и выгоды *предложения* последних в первые.

Сии-то самые выгоды и бедственные опыты падения ассигнаций заставили все правительства, где введены были ассигнации, изъять их из монетного обращения, *переложив их в билеты кредитные*.

Первый шаг у нас к сему сделан: он сделан тем самым, что система ассигнационная из прежнего *неопределенного* состояния приведена уже *в определенное*, и дальнейший выпуск ассигнаций навсегда оставлен, — шаг весьма трудный, но только еще первоначальный; надлежало продолжать, но здесь представлялись, и ныне еще представляются, разные пути.

Первый путь — уменьшать постепенно число ассигнаций посредством выкупа их на серебряную монету, доколе не придут они в равенство с серебром.

Сей путь избран был в 1810 г. и потом возобновлен в 1815 г. Он имеет два важных неудобства: 1) если выкуп производить медленно и малыми количествами, то операция чрезмерно долго будет продолжаться, и между тем должно будет переносить все неудобства ассигнаций; если, напротив, выкуп будет производим быстро и в больших количествах, то от сего произойдут в торговле и промышленности сильное замешательство и потрясение; 2) положим, что операция будет кончена и ассигнации поравняются с серебром, как удержать их в сем равенстве? Они непременно будут возвышаться, и тогда надобно будет или дополнять их, т. е. переделывать снова то, что было уничтожено, или снова терпеть все те же неудобства повышения.

По затруднениям, столь очевидным, сей путь, как выше уже было замечено, в 1824 г. был оставлен.

Второй путь состоит в предложении ассигнаций в кредитные билеты. К сему нужны двоякие меры: *приуготовительные и окончательные*.

1. МЕРЫ ПРИУГОТОВИТЕЛЬНЫЕ

Мера первая. Облегчить и ускорить обращение серебряной монеты установлением особых банковых кредитных билетов, основанных на действительном вкладе серебра так, чтоб каждый билет мог быть во всякое время по первому предъявлению разменен на серебро, и обратно, серебро, откуда бы оно ни

поступило, и на билеты.* Сверх того билеты сии, кои для различия от других можно бы было назвать *сохранными билетами*, принимать во всех казначействах без изъятия вместо серебра, рубль за рубль, а вместо ассигнаций по казенному податному курсу в 360 коп.

Последствия сей меры первой будут следующие:

1. Круг обращения серебряной монеты расширится легкостью и удобностию ее движения.**

2. Сократится потребность ассигнаций, ибо место их в делах между казною и частными лицами займут сохранные билеты.

3. От сокращения потребности в ассигнациях приостановится дальнейшее их возвышение: они перестанут дорожать, и следовательно, курс их, т. е. отношение их к серебру, если не понизится, то по крайней мере остановится в настоящем его состоянии.

Мера вторая. Отменив правило, в 1812 г. введенное, по коему все долги, на какую бы монету они ни были составлены, могут по усмотрению должника быть уплачены ассигнациями по курсу, постановить, напротив, что «все долги, ассигнациями сделанные, как частные, так и казенные, все платежи кредитным установлениям, так и платежи от частных лиц казне и от казны частным лицам следующие, могут быть уплачены серебром или сохранными билетами по установленному законному курсу, а курсом законным всегдашним, неизменяемым, постановить курс податный, ныне существующий».

Последствия сей меры будут следующие:

1. Круг обращения серебряной монеты еще более расширится и обоймет собою все роды платежей.

2. Потребность ассигнаций еще более сократится, ибо прекратится требование на них по долгам в кредитных установлениях, по винным откупам и по таможенным пошлинам — требование весьма обширное и настоятельное.

3. От сего сокращения потребности ассигнаций не только решительно приостановится дальнейшее их возвышение, но и, по всей вероятности, они, понизясь, сблизятся с законным

* Сохранные вклады могут быть на первый раз учреждены при Коммерческом банке. Первые выпуски можно составить из серебра, поступающего в казначейство в виде податей, дабы тем поощрить к таковым же вкладам и частных людей. Должно ли принимать в депозиты мелкую серебряную монету, также серебро и золото в слитках?

** Тысяча рублей серебром составляют около 1 пуда 11 ²/₃ фунтов.

курсом, тем более что и серебро, со своей стороны, в обратном движении будет соразмерно тому возвышаться; таким образом, курс 360 сделается не податным только курсом, но курсом всеобщим, а от сего произойдет:

4. Что двойной счет ассигнаций по цене их именовательной и по цене на монету и все так называемые простонародные курсы сами собою прекратятся.

Первая из сих приуготовительных мер не представляет в исполнении важных препятствий: она требует только ближайшего распорядка и подробных.*

Но вторая мера представляет немаловажные затруднения. Четыре главных вопроса здесь встречаются: какое действие сия мера будет иметь: 1) в кредитные наши установления? 2) на дела казенные? 3) на частный кредит? 4) на биржевые денежные курсы?

Вопрос первый, о действии на кредитные установления. Известно и выше было уже замечено, что наши кредитные установления основаны на началах, различных от всех европейских установлений сего рода. Существенное различие состоит в том, что они не имеют постоянного и определенного капитала, но живут и действуют посторонними вкладами. Вкладчики суть их акционеры, но акционеры непрестанно изменяющиеся в количестве вкладов. Сегодня банки могут быть весьма сильны и богаты, так что не знают, куда девать деньги, а через несколько дней или недель они могут так оскудеть, что могут затрудниться в обратной выдаче вверенных им капиталов. Пределы настоящего рассуждения не позволяют здесь входить в подробное изъяснение всех неудобств настоящего устройства кредитных наших установлений, ни излагать средства к их преобразованию: предмет обширный и важный, требующий особого рассмотрения. Здесь должно ограничиться одним вопросом: можно ли, и до какой степени можно, при настоящем устройстве кредитных установлений ввести в них вновь постановляемое о законном курсе правило?

* Учреждение билетов, основанных на вкладах серебра, представляет еще одну весьма важную выгоду: они будут приумножаться по мере расширения торговли и промышленности и никогда, подобно ассигнациям, не переступят пределов действительной их потребности. Если бы в плане 1815 г. поставлено было, извлекая ассигнации из обращения, в то же время заменять их билетами, основанными на серебре, т. е. выкупать ассигнации на сии билеты, а не прямо на серебряную монету, то нет сомнения, что соразмерность в нашем монетном обращении менее бы изменилась. Известно, что бывший министр финансов обратился к сей мысли в 1822 г., но не успел привести ее в действие.

Известно, что все вклады в них, а следовательно займы из них, производятся ассигнациями; платежи по займам так же производятся ассигнациями. Отсюда три последствия: 1) заимщики, коих доходы ныне большею частию поступают серебром, при наступлении срока платежей принуждены искать ассигнаций, и от сего усиливается их возвышение; 2) от сего возвышения они терпят важные убытки; 3) напротив, от того же самого возвышения вкладчики приобретают значительные выгоды, получая из банка монету, ежегодно возрастающую в ее достоинстве. Ясно, что если дозволено будет заимщикам вносить платежи серебром, то то же самое право по необходимости должно представить и кредитным установлениям при возвращении вкладчикам их капиталов. От сего вкладчики лишаются той прибыли, какую сверх процентов они доселе получали от повышения ассигнаций. Но что означает сия прибыль? Она в существе своем означает тот убыток, который именно от того же самого возвышения несут заимщики. Следовательно, лишение сей прибыли есть справедливое уравнение заимодавцев и должников.

Не произойдет ли от сего вредного ажиотажа? Не будут ли заимодавщики банка разменивать ассигнации на серебро сперва по биржевой их цене, т. е. по 351, и потом вносить серебро сие в банк по 360? Мы обратимся к сему вопросу ниже сего, при рассмотрении биржевых курсов.

Вопрос второй, о действии вновь постановленного правила на дела казенные. В делах казенных к двум только ветвям доходов, а именно к доходу *питейному и таможенному*, может прикасаться вновь постановляемое правило.

В условиях *винных откупов* постановлено: «принимать от содержателей одну только 5-ю часть серебра,* прочее все ассигнациями», — условие, для них стеснительное и для равновесия серебра и ассигнаций вредное, ибо известно, что винная продажа ныне большею частию производится на серебро, а размен сего серебра на ассигнации естественно возвышает их цену. Посему вновь постановляемое правило не только не будет тягостно содержателям, но, напротив, принесет им очевидные выгоды, и здесь подлежать будет к рассмотрению другой вопрос: должно ли предоставить им сии выгоды даром, или с некоторым от них возмездием? Вопрос сей должен быть предоставлен особенному рассмотрению министра финансов.

* Ныне 30 на 100.

Известно, что *таможенные пошлины* с самого их начала всегда вносились серебром, которое доставлялось обыкновенно здесь разменом на ассигнации; от сего ассигнации еще более упали, а серебро дорожало. Теперь, когда ассигнации дорожают, а серебро дешевеет, надлежит обратиться к прежнему правилу: оно будет сообразнее настоящему дел положению.

Есть еще одна сторона, коею правило о законном курсе прикасается к пользам казны. С возвышением ассигнаций возвышаются казенные доходы если не в числе их, то в достоинстве. Но выше, в своем месте, мы уже видели, что сие приращение в доходах есть не что иное, как новый ежегодный налог.

Вопрос третий, какое действие будет иметь вновь постановляемое правило на частный кредит? В частных долговых делах и теперь уже правило сие наблюдается, ибо и теперь частные долги платятся не иначе, как с вычетом лажа, т. е. с приведением ассигнаций в монетное их достоинство, что и называется курсом на монету. Разность будет только та, что теперь рассчитывается курс на монету по курсу биржевому, а тогда будут приводить его к курсу общему, законному, и следовательно, заимодавец будет тогда менее терять, нежели теряет ныне.

Вопрос четвертый, о действии вновь постановляемого правила на биржевые денежные курсы. Вопрос сей есть один из важнейших, ибо если денежный промен на бирже и при вновь постановляемом правиле будет так же разниться от общего курса законного, как он ныне разнится от курса податного, то ясно, что от сего произойдет новый ажиотаж, т. е. каждый, обязанный платежом в казну или кредитные установления, найдет выгоду сперва променять свои ассигнации на бирже и вырученное там, например, по 351 коп. серебро поместить потом за 360 коп. в виде платежа в казну или в кредитное установление. Следовательно, сила вопроса состоит здесь в том: можно ли предполагать, чтоб при законном курсе на ассигнации биржа удержала свой особенный и от общего отдельный денежный курс? К разрешению сего вопроса могут послужить следующие соображения.

1. Биржевой денежный курс в настоящем его положении весьма мало имеет связи и соразмерности с курсом вексельным. Мы многократно видели, что в то самое время как вексельный курс возвышался, денежный упал, и напротив; следовательно, денежный промен на бирже зависит не от

положения заграничных торговых дел, но он управляется теми же началами, какие вообще свойственны всем отраслям торговли внутренней, т. е. когда капиталисты, имеющие в руках серебряные деньги, находят выгоду разменять их на ассигнации, и когда требования сего рода, стекаясь в значительном количестве, производят прилив серебра на бирже, тогда оно дешевеет, а ассигнации дорожают, тогда за тот же рубль серебряный, за который вчера давали на бирже 352, ныне дают уже 351 коп. Но здесь вопрошается: когда, в каких именно случаях капиталист может найти для себя нужным или выгодным менять серебро на ассигнации? Нужда для сего может настоять только в двух случаях: в случае платежа в кредитные установления или платежа в казну в счет питейного дохода. Но если оба сии случая будут отрешены общим правилом законного курса, то тем самым отрешится и самая нужда искать на бирже ассигнаций. Остается выгода или спекуляция. Но какую спекуляцию можно основать на промен серебра на ассигнации? Заграничную? Но за границею ассигнации не имеют ходу. Внутреннюю для удобства в пересылке или перемещении? Но вместе с постановляемым о законном курсе правилом предполагается учредить вклады серебра и промен их на кредитные билеты. Следовательно, капиталисты не найдут ни нужды, ни выгоды менять на бирже серебро на ассигнации, и следовательно, биржевой денежный курс, если он и будет существовать при курсе законном, то не будет иметь значительной с ним разности.*

2. Рассмотрим другой случай, первому противоположный. Купец, обязанный платежом в чужих краях, находит для себя выгоднейшим произвести сей платеж натурою, нежели векселями. Он ищет на бирже серебра или золота и, естественно, желает приобрести его на ассигнации дешевле, нежели по законному курсу. В слитках, без сомнения, он найдет его дешевле, но не в монете, ибо монета, и особливо монета серебряная, со введением вновь постановленного правила о законном курсе найдет у нас столь обширное внутреннее помещение в казне, в податях, в питейных сборах, в кредитных установлениях, что нет вероятности, чтоб достало ее еще сверх того и на вывоз за границу.

* Нужно ли будет после сего самый вексельный курс означать на ассигнации, и не лучше ли означать его на серебро, как то делается на всех биржах Европы и как делалось у нас всегда до 1787 г.?

Разрешив сим образом все главные вопросы, к мерам приуготовительным относящиеся, поступим к рассмотрению меры *окончательной*.

2. МЕРА ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

Выше уже было означено, что мера *окончательная* состоит в переложении ассигнаций в сохранные билеты, основанные на действительном вкладе серебра.

Не прежде как когда уже все меры приуготовительные восприимут полное свое действие, можно будет поступить к мере *окончательной*. Посему предполагается: 1) что билеты сохранные, быв введены сперва правительством и потом частными людьми, вошли уже в обширное употребление; 2) что курс податной провозглашен уже курсом законным и неизменяемым; что по сему курсу во всех кредитных установлениях, во всех делах казенных принимаются все платежи серебром или сохранными билетами вместо ассигнаций и что вследствие сего курс сей сделался уже не только по закону, но и по употреблению всеобщим, и следовательно, исчезли уже все престолярные курсы и самый биржевый денежный курс подчинился курсу общему: когда все сии предположения на самой практике уже сбудутся и сделаются всем явными, тогда можно и должно будет приступить к мере *окончательной*.

Главные черты сей *окончательной* операции состоят в следующем:

1. Переложение ассигнаций в сохранные билеты производить не вдруг и небольшими количествами, но постепенно и, однако же, непрерывно, определив на сие ежегодно известное количество серебряной монеты.

2. Монету, на размен ассигнаций потребную, приобретать займом внутренним или внешним, но никак не касаться ко вкладам сохранной кассы, кои должны быть, как *депозиты*, во всех случаях неприкосновенны.*

3. Размен производить не прямо на монету металлическую, но на сохранные билеты, так чтоб сумма размена в серебре, в виде вкладов, всегда проходила чрез сохранную

* По первому взгляду займов 15 000 000 серебром, ежегодно вносимых, можно окончить всю операцию в 10 лет. Проценты по 5 % на 15 мил. составят около 75 тыс. ежегодно, а в 10 лет они возрастут до 7 мил. 500 тыс. рублей, если не будет капитала погашения.

кассу. Таким образом, масса обращающихся в публике бумаг нимало не умалится в своем достоинстве, но изменится только в именовательной цене. 25-рублевый сохранный билет будет так же ходить и заменять собою 90 руб. ассигнаций.

4. Самый механизм размена должно устроить так, чтоб ежегодно назначаемы были номера ассигнаций, кои могут быть предъявлены к размену. Назначение сих номеров может быть производимо или по порядку их счисления, или посредством жребия: начинать должно с ассигнаций высшего достоинства, т. е. с 200-рублевых, и продолжать до самого последнего.

5. Если бы номер ассигнации, к размену предназначенный, в течение года и не был представлен, то сим он не теряет своего достоинства. Разменная сумма, для него определенная, остается в кассе, и одно только промедление всех сроков размена подвергает его решительному уничтожению.

В сем состоят главные черты операции переложения. Тут есть множество подробностей, кои могут быть определены в свое время.*

Последствия окончательной сей меры будут состоять в следующем:

1. Вся масса ассигнаций перельется постепенно и почти нечувствительно в массу банковых билетов, основанных на серебре и, следовательно, не подверженных другому изменению, кроме того всеобщего движения, коему подлежат металлические богатства в мире.

2. Монетная наша система получит свойственное ей единство.

3. Все торговые обороты, как внешние, так и внутренние, получают более твердости. Они не будут более колеблемы непостоянством и разнообразием главного их движителя, монеты.

4. Внутренняя промышленность, ныне стесняемая неудобствами и случайностями монетного обращения, получит средства расширения, соразмерные ее предприимчивости, не быв принужденною обращаться в одном и том же круге ассигнаций и теперь уже для нее тесном; круг монетный посредством сохраненных билетов будет раздвигаться по мере его успехов и потребностей.

* К числу сих подробностей принадлежат, между прочим, вопросы: 1) какое именовательное достоинство должны иметь сохранные билеты в их разделении? 2) какое устройство дать мелкой разменной монете? 3) принимать ли к размену на сохранные билеты мелкую серебряную монету, также слитки серебра и золота и проч. и проч.?

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сем состоят меры, необходимые к коренному и прочному исправлению монетного нашего обращения. Все они состоят между собою в связи и, следовательно, все должны быть определены в одном и том же плане правительства, но приводить их в действие надлежит постепенно, не предупреждая бесполезною огласкою меры окончательной, доколе не совершатся все последствия мер приуготовительных.

Рассматривая каждую из сих мер особенно, можно составить о силе их следующее понятие.

Первая мера: установление сохранных билетов есть мера самая легчайшая, с нее и начать должно: за нею следует мера не столь уже легкая: установление общего курса законного и прием по сему курсу сохранных билетов, вместо ассигнаций, во всех местах без изъятия. Она будет второю, и принять ее должно не прежде, как когда уже первая мера, учреждение сохранных билетов, будет в полном ее действии. Третья мера, переложение ассигнаций в сохранные билеты, есть окончательная. Она должна быть принята, когда уже последствия второй будут явны.

Последствия, от каждой меры отдельно ожидаемые, следуют той же постепенности.

Последствием первой меры будет *приостановить дальнейшее возвышение ассигнаций*; последствием второй будет *привести курсы их в один общий, и тем самым прекратить протонародные лажи*; наконец, последствие третьей меры есть *коренное исправление* всего монетного нашего движения.

Если первая мера не будет принята благовременно, т. е. ныне же и без отлагательства, то ассигнации непременно еще возвысятся и будут возвышаться в течение времени еще с большею быстротою. Последствием сего будет то, что разнообразие счетов на монету еще более усилится и будет усиливаться непрестанно. Наконец настанет время, когда все убеждены будут в необходимости сей меры, но тогда она будет уже и труднее в исполнении, и слабее в ее действии.

Если, приняв первую меру, не будет в свое время приступлено ко второй, тогда нельзя ожидать прекращения лажа. Он будет ежегодно возрастать, а с усилием его тяжесть банковых долгов, возрастая так же ежегодно, наконец выйдет из всякой соразмерности с доходами: откроются значительные неустойки, за ними последуют продажи залогов, а примеры разоре-

ния, устранив заимщиков, сократят самые займы, и вклады банковые, оставаясь без употребления, обратятся самым банкам в явный и неминуемый ущерб.

Если, приняв первую и вторую меру, не будет в свое время поступлено к третьей, тогда дело исправления монетного нашего обращения совершится только в половину. Будут в противодействии две системы монетные: ассигнационная и металлическая, и хотя посредством двух первых мер они будут приведены в равновесие, но сие равновесие не может долго продолжаться по той естественной причине, что система ассигнационная есть система, ограниченная известным количеством; напротив, система, металлическая никаких пределов не имеет. Она всегда будет расширяться, и следовательно, рано или поздно ассигнации опять начнут дорожать и равновесие прекратится. Следовательно, слияние двух систем в одну рано или поздно всегда будет необходимо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. О РАЗЛИЧИИ И СХОДСТВЕ БИРЖЕВОГО И ПРОСТОНАРОДНОГО СЧЕТА В ЛАЖЕ

Есть два счета для лажа: *биржевой и простонародный*, или *торговый*.

Биржевой счет употребляется единственно при размене серебра и золота на ассигнации, и обратно.

Простонародный, торговый, счет употребляется при покупке товаров и при платеже за товары.

Рассмотрим ближе, почему не один, но два счета совокупно в употреблении.

Припомним здесь прежде всего, что с того самого времени как ассигнации потеряли свое равенство с серебром, хотя именительное их достоинство оставалось прежнее, но монетное их достоинство, т. е. цена их в отношении к серебру, начала изменяться. Известно, что с 1787 по 1815 г. изменение состояло в постепенном их понижении, а с 1815 г. изменение состояло уже в постепенном их повышении. Линия, разделяющая сии два изменения, есть содержание 100 к 400, или 25 коп. серебром = 100 коп. ассигнациями. Здесь кончилось

понижение, и отсюда началось повышение. Таким образом, в монетном достоинстве ассигнаций установились два счета: счет *понижения* и счет *повышения*. В первом счете вопрос состоит только в том, чем ассигнации состоят ниже серебра; во втором, напротив, вопрос есть, чем они повысились со времени крайнего их падения?

В биржевом производстве при размене двух монет один первый вопрос может иметь место, ибо тут надобно только знать, чем одна монета в день размена ниже другой, но никак не нужно знать все прежние ее изменения, тем более что повышение ассигнаций против курса самого нижнего в существе своем есть то же понижение в отношении к равенству, только в меньшей степени.

Другое дело в производстве торговом, на товары. Покупка есть мена товара на деньги: тут нужно знать не только настоящую цену денег, но и настоящую цену товара. Если товар при курсе ассигнаций по 400 за рубль покупался за 100 рублей, то он не может уже быть с выгодой куплен за ту же цену при курсе 352 за рубль. Отсюда необходимость для продавца: или при каждом повышении курса переоценивать свои товары, или же, удерживая их именовательную цену, вычитать из суммы платежа проценты повышения, т. е. вычитать из просимой цены товара все то, чем ассигнации возросли со времени крайнего их понижения. Ясно, что первая из сих двух мер при еженедельном и даже почти при ежедневном изменении курса весьма затруднительна. Следовательно, продавец по необходимости должен прибегать ко второй мере. В ней нет затруднений. Тут надлежит только взять курс биржевый настоящий, например по 352, и сравнить его с крайним курсом понижения, т. е. с 400, — разность есть 48, но 48 составляют 12 % на 400, т. е. ассигнации со времени их повышения возросли на 12 %. Должно ли всю сию разность вычесть в пользу покупателя?

Сие было бы несправедливо и нерасчетливо, ибо если покупатель имеет право пользоваться приращением в цене ассигнаций, то и продавец имеет то же право воспользоваться равным приращением в капитале его, в товарах положенном. Следовательно, приращение 12 % должно быть разделено между или пополам, и следовательно, вычет в пользу покупателя должен составлять 6 %.

В сем состоит счет простонародный при покупке товаров на ассигнации. Рассмотрим тот случай, когда платеж производится серебром.

Сторговав товар за 100 руб. на монету, надлежало бы по пониженному курсу заплатить серебром 25 руб., но курс изменился и за рубль серебряный не платят уже 400 коп., но только 352 коп., или иначе: за рубль ассигнационный требуют уже не 25 коп., но 28 $\frac{1}{4}$ серебром; следовательно, разность между прежнею и настоящею ценою серебра есть 3 $\frac{1}{4}$ серебром, т. е. почти те же 12 %, кои прежде мы видели; разделив их пополам между продавцом и покупателем, выйдет следующая пропорция:

$$100 : 106 = 400 : 424.$$

Следовательно, когда сторгован товар на монету, то вместо прежних 25 руб. я плачу ныне 28 руб., и тем самым оцениваю серебряный рубль уже не в 400, но в 424 коп. А как разность между самым низшим и настоящим курсом при размене составляет 48, то, вычтя сии 48 из 424, в остатке будет 376. Отсюда произошло правило принимать серебряный рубль при покупках в 376; когда же принимают его в 375, то сие означает, что курс биржевой считается в 351, как и действительно он иногда бывает, ибо тогда разность между 400 и 351 будет уже 49, кои, вычитая из 424, оставаться будет 375.

Из сего происходит следующее заключение:

1. Счет простонародный есть не что иное, как приложение счета биржевого (разменного) к счету товарному и к платежу долгов.

2. Что в существе своем оба сии счета одинаковы.

3. Что счет торговый простонародный введен по необходимости, в избежание ежедневной переоценки товара.

4. Что при всем том, однако же, счет сей имеет два неудобства важные: 1) сложность его не для всех понятна и 2) повод к обольщению, а иногда и к обману при покупке товара.

1839 г.

III

Избранные письма

1. Костромскому епископу Евгению

23 февраля 1797

Высокопреподобнейший отец,
милостивый государь!

Получив почтенное письмо ваше с одною из прошедших почт, уловляю первую свободную минуту от канцелярских хлопот моих, чтобы принести вам мою чувствительнейшую благодарность за все милостивые выражения, коих источник легко и приятно мне находить в вашем добром и чувствительном сердце. Не лаская себе, я легко понимаю, каким образом можете вы любить человека, и местом и обстоятельствами и самым даже молчанием его с вами разделенного. Вы любите меня, как воспитанника, коего счастье вы начали и коего успехами вы привыкли заниматься. О встрече государя императора получили уже вы, думаю, приказания духовного начальства, чтоб не делать ничего того, что может походить на нарядный прием, и потому мышлю я, что речь говорить не только не нужно, но и совсем было бы противно Высочайшим намерениям. Я могу вас в сем удостоверить тем решительнее, что совершенно знаю, сколь строгие со светской стороны взяты меры к тому, чтоб остановить все приготовления сего рода и что к пр. митрополиту сделано о сей воле государевой положительное и точное изъяснение. Итак, выключая тот только случай, когда бы государь император пожелал видеть ваш монастырь, не думаю, чтоб должно было ему представляться, дабы не навлечь даже и самого вида церемонии. О страданиях ваших я с душевным огорчением давно уже слышал; но что делать, милостивый государь батюшка? Нужно,

очень нужно иметь высшее понятие о предустановлении человека, о звании его в будущее, чтоб не упасть под бременем зол, человека давящих. В недостатке утешения невежда опирается на древних столбах суеверных надежд.

Но что будет делать тот, кто привык мыслить и дробить! Укрепиться доброю и сильною философиею, понятием высшего порядка, и если нет ничего в сем роде достоверного, утешиться лестными вероятностями. Ни по летам, ни по обстоятельствам моим не имея причин жаловаться на судьбу свою, я привык, однако ж, представлять себе людей младенцами, коих счастье здесь на земле состоит в перемене игрушек и коих огорчения по большей части происходят от щелчков, которые они сами дают друг другу. Счастлив, кто может больше их давать, нежели сколько принимает. Но чем кончится сия игра человеческого рода и придет ли когда-нибудь человек в истинный разум, возмужает ли, когда сей тщеславный и часто злобный ребенок или умрет дитятей, *philosophi certant et adhuc sub iudice lis est.** Вы, конечно, простите мне, милостивый государь батюшка, сии философо-меланхолические бредни, если представите меня, обложенного кучами бумаг, в голове моей всякую мысль самородную мою теснящих и подавляющих. Но сердце мое, всегда к вам теплое и чистой приверженности исполненное, всегда возмущалось, когда я мыслил о вашем жребии, но что могу я более, как жалеть, негодовать и потом замолчать до времени. Мысль, что скоро увижусь с вами на дороге в Москву, веселит меня и столько занимает, что теперь же бы хотел отправиться в свой путь. Но надобно еще потерпеть до будущей недели.

Вам преданный слуга
Михайла Сперанский.

2. К. В. Злобину

90-е гг.

Любезный друг! Душа моя привыкла изливать все свои чувства в твою. Ты был свидетелем моих слабостей. Твое пронизательное око зрело исходы моего сердца. Нередко оно разговаривало с твоим. Оно рассказывало тебе свои заблуждения, и в сем одном находило уже довольно отрады. Позволь ему к своей истории приложить еще некоторые черты. Они

* [философские споры — вопрос неразрешимый (лат.)]

будут неправильны так, как и прошедшие, но они верны и точно изобразят его подлинник.

Два года уже прошло, как нрав мой начал уклоняться от врожденной себе веселости. Шествуя нечувствительно, я, кажется, час от часу подхожу ближе к той пропасти, которая, может быть (ужасное предчувствие), должна будет со временем поглотить мои удовольствия. Где девался тот вихрь, коим порываема была моя юность? Прелестная мечта! Она уже исчезла. Скользя всегда по поверхности и никогда не углубляясь, ход моих удовольствий был легок. Мое быстрое воображение прелетало с предмета на предмет и везде открывало для себя одни только лестные виды — они были суетны; но рассуждают ли о цене, когда покупают счастье? Счастье! Вещь очень нежная, я это дознал, — оно не любит испытания. Лишь только разум прикоснется к нему волшебною своею тростию, оно исчезает. Берегись, любезный друг, спрашивать себя: счастлив ли ты? Но более берегись испытывать: почему? Если бы можно было изобразить счастье, я б написал его в виде прекрасной женщины, имеющей воздушное тело. Малейшее сотрясение, произведенное пытливым умом, разносит его и оставляет один только безобразный состав костей. Они связаны крепко, но то, что они имели привлекательного, распустилось в атмосфере. Если я не ошибаюсь, то вот мое преступление и вот чего стоило мне мое любопытство! Раскрывая понемногу, я наконец дерзаю рукою сдернуть ту роковую завесу, которою природа для блаженства смертных сокрыла от взора их образ их счастья. Я узрел мечту. Мой разум плескал столь счастливому открытию. Вот что, говорил я сам себе, вот что доселе меня обольщало! И сие-то называл я счастьем? Нет, очень дорого платил я доселе за сей обман. Пройдем далее, будем шествовать медленно и с осмотрительностию, различим на сем пути ложное от истинного, поищем счастья, утвержденного на самом себе, и будем счастливы в самом деле, а не в воображении. Раздробляя таким образом природу своего блаженства, я собственною своею рукою рассекал его. Удвояя свои шаги, чем далее я от него отходил, тем густейшим мраком был сретаем. Занять различными чертежами, кои я делал, чтоб открыть верный путь к блаженству, я не чувствовал сей темноты. Заменяя чувство воображением, изредка останавливался на сем пути, размышляя о моем предприятии, я составлял в себе различные образы, под коими мнил некогда увидеть счастье. Но сколько я ни силился отделать сей портрет, в нем всегда чего-то недоставало: то видел я, что не

теми изобразил его красками, какие в природе вещей были возможны, то досадовал на кисть, что она не умела писать неизвестного, наконец, выправлял, изглаживал, сердился, бросал краски и палитру, хладел, опять принимался, проводил начальные черты, клал другие тени, иначе располагал свет, все напрасно — моя картина не изображала счастья. На ней видно было какое-то уродливое существо. Главные его члены или были опущены, или обделаны грубо и небрежно, мое счастье или было без глаз, или имело слишком большие. Это правда, что колорит был превосходен (никогда воображение не имеет в нем недостатка), но не было ничего правильного; много было разлито света, но не там, где должно. Напоследок утомлен бесполезным трудом, я хотел далее продолжать свой путь, но вдруг узрел черное некое облако, носящееся над моею главою. От заразительных его излияний мертвела живость моего нрава; мои мысли становились час от часу более мрачными; разум мой представлял мне одни только скучные виды; дух недоверчивости и опасения разлился по моим членам; мое воображение говорило сильнее, но всегда ужасающим меня голосом. И вот, друг мой, состояние, из коего и по сие время не могу я выйти! Вот точка, на которой стою я, как прикован! Жалей о мне, любезный друг! Страшись, чтоб наконец черное сие облако меня вовсе не покрыло. Я ужасаюсь! Да отвратят от меня сие небеса! Тысячу раз искал я в себе средств против смертоносных его действий, тысячу раз желал о той лестной безрассудности, на которой беспечно в летах моей юности опочивала душа моя, тысячу раз хотел преобразить план моей жизни, принять другие правила. Но скажи, любезный друг, налагают ли законы сердцу? Говори. Уже целый почти год прошел, как перо твое тупо для меня; возьми его, наставляй меня, пиши ко мне, открой его столь долготворенный проход, коим умы наши и сердца некогда сообщались.

Твой Sp.

3. Архиепископу калужскому Феофилакту

17 октября 1804

Любезное и почтенное письмо вашего преосвященства от 20-го сентября я имел честь получить в свое время. Я совершенно согласен с вами, что внешняя церковь должна быть также церковь воинствующая, как и внутренняя, хотя враги их совершенно различны.

Но для чего бы не желать, чтоб обе сии церкви, ныне столь различные, соединились. Если точное и единое истинное призывание человека на земле есть быть членом внутренней Христовой церкви, если каждый должен искать и следовать сему призыванию, если *Царствие Божие в нас есть*, если благодать толчется у всех сердец, если все могут соделаться светоспособными, как вы выражаете, то для чего бы не желать, чтоб пастыри церковные были наставниками не только внешнего, но и внутреннего богослужения? По моему мнению, соединение сих двух служений весьма бы много способствовало распространению дела Божия и утверждению его в сердцах. Когда бы число истинных поклонников умножилось, тогда бы враги внешние церкви сами собою замолчали. Дела веры живые, и видимые ее опыты лучше и скорее затворили бы им уста, нежели все умствования, на мертвой букве основанные.

Впрочем, я знаю, любезный и почтенный мой друг, что нам дано только желать и молиться о сем соединении, но совершение его не может быть от человека; оно есть и всегда будет действием единой благодати. Итак, будем желать и молиться, да придет царствие Его, да будет воля Его якоже на небеси и на земли. Тот, кто возмечтал бы собственными своими усилиями приближать сие Царствие к другим и даже к самому себе, впал бы в важное заблуждение и дела гордости и самолюбия смешал бы с делом Божиим, с делом, которое не только не терпит никакого примешения наших сил, но и основано на совершенном их отвержении. *Ревность Дому Божию* дозволена только людям, уже обновившимся и в благодати утвержденным, то есть людям, кои умертвили уже в себе всю собственность воли и чувственного разума и в коих живет и действует Бог. Вам известны изъяснения о сем апостола Павла, изъяснения действительно простые и высокие, когда принимают их просто в собственном, а не в метафорическом смысле.

С совершенным удовольствием посылаю вам сочинения Фенелоновы¹ и Еккертсгаузеновы.² Я желал бы, чтоб чтение первого начали вы с пятого тома, то есть с его жизни. Я нарочно для себя выбрал экземпляр такого издания, которое сделалось очень редким и все уже почти исчерпано. Экземпляр, который остался у меня, не столько полон, как удостоверялся я, пробегая по местам первый. Нужно, прежде всего, познакомиться с сим великим учителем живой веры, не столько тонкостью чувственного разума отличившимся (хоть

и сим обладал он в великой степени), сколько святостию жизни и чистотою внутреннего учения. Имя его и теперь еще велико, но память его наиболее святится между истинными поклонниками Иисуса; многие из св. отцов писали в том же разуме; многие есть места в Клименте Александрийском,³ но Августин⁴ между ими особенно учением сего рода отличается. Его *Confessiones* весьма уважаются.

Еккертсгаузен был также человек весьма добродетельный и просвещенный, он с год тому назад умер. Учение его, хотя столько же чистое и единое (ибо все основано на той же живой вере), но некоторые места отзываются мирскою ученостию и желанием привлечь читателей видом таинственным, хотя, впрочем, таинственность сия основана на добром начале и взята из доброго источника, но источник сей, в глубокой древности сокрытый и в преданиях школы Пифагоровой и Платоновой едва видимый, для многих кажется мутным. Отсюда происходят некоторые в нем неясности, кои могут легко предварительным чтением других в сем роде писателей просветиться, но на коих нет нужды в начале останавливаться, ибо они несущественны и впоследствии легко могут быть истолкованы. Они доказывают вообще только то, что то же самое учение в различных образах понятий, разными выражениями, разными языками проповедуемо было между светоспособными в самой глубокой древности. Впрочем, если бы мне сказали, что есть на арабском языке весьма сильное доказательство бытия Божия, я не стал бы сему языку для сего учиться, когда внутри себя чувствовал бы совершенное в сей истине убеждение. То же самое рассуждение должно сделать и о некоторых местах Еккертсгаузена и других в сем роде писателей: они имели в сем свою и весьма похвальную, но не для всех нужную цель. Вообще не пытливостью духа, но внутренним смирением истинный свет нам сообщается. В сем учении почти нет ничего теоретического; все есть опыт, работа над волею и страстями, повседневное умерщвление самолюбия, отчуждение от самого себя. От утра до вечера, при всех посторонних упражнениях, ему можно поучиться, ибо во всем, что человек мыслит и делает, есть воля, есть собственность самолюбия и, следовательно, есть случай духовной внутренней работы преодоления себя, есть материя действительной науки. Все дела, самые мелкие, могут быть отнесены по намерению и концу своему, к сей божественной науке.

Я считаю нужным в заключение предупредить вас, что все письма, до сей материи относящиеся, останутся всегда между

мною и вами. Человек, коего употребил я к переписке первого письма, есть совершенно со мною единомысленный и мне преданный молодой человек. Почта есть так же самый верный и, по точному моему сведению, самый неприкосновенный для постороннего любопытства путь. Таким образом, откровенность моя с вами ограждена всегда будет от всякой пытливости, в делах сего рода несовместной. Вам верный и преданный душевно

Сперанский.

4. Пермское письмо императору Александру I

[1813]

Всемиловейший государь!

При отлучении меня Ваше Императорское Величество между прочими знаками милостивого внимания сказали мне, что во всяком другом положении дел, менее настоящем, Вы употребили бы год или два, чтобы точнее рассмотреть и поверить сведения, к Вам о мне дошедшие. Из сего я должен заключить, что мнение Ваше о мне еще не решено невозвратно. Впоследствии назначение денежного мне пособия и невидимая, но мне приметная, защита Ваша утвердили еще более сию надежду.

Среди дел столь высокой важности мне казалось непристойным развлекать собою Ваше внимание. Теперь, когда дела сии приемлют вид окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливым?

Представляю сие письмо посредством моей дочери, потому что всякий другой путь откровенного изъяснения мне пресечен, и не знаю еще, как и сие дойдет непосредственно до рук Ваших.

Удостоите, Всемиловейший государь, внимания объяснения, при сем прилагаемые, не столько из снисхождения к моей судьбе, как по уважению их предмета, судьба моя и без них, по единому движению справедливости и благости Вашей, могла бы решиться, но государи всегда имеют личную и прямую пользу внимать истине, особливо когда она касается до важных дел государственных.

Есмь с благоговением Вашего Императорского Величества верноподданный М. Сперанский.

В самом начале царствования Ваше Императорское Величество постановили себе правилом после толиких колебаний нашего правительства составить наконец твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно.

От сего единого начала постепенно возникали все главные учреждения Ваши, учреждения, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголетнее и деятельное царствование, если бы или люди были справедливее, или обстоятельства счастливее.

Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле, каждый попеременно, в свою очередь были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, коего привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшились их еще более в будущем.

Невзирая на сие, через 12 лет Ваше Величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы, но главная мысль и намерение оставались неизменными.

До 1808 г. я был почти только зрителем и удаленным исполнителем сих преобразований, но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1808 г. Вашему Величеству угодно было поручить мне через графа Кочубея,⁵ в начальстве коего я тогда служил, составить план преобразования судебных и правительственных мест в Империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием.

В конце 1808 г. после разных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся.

Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое.

Отсюда произошел *план всеобщего государственного образования*. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 г. занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение.

Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на

началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, достоинства и истинной силы.

В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправлений Ваше Величество положили наконец приводить его в действие.

Блистательнее, может быть, было бы все установления сего плана приуготовить вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смешения. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшим терпеть на время укоризну некоторого смешения, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно соделалось источником ложных страхов и неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемене, устремились вредных уновлений.

Пройду кратко все установления, от плана сего возникшие, дабы означить, как вместе с ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда их преследовавшая.

I. *Совет.* Учреждение сие, за месяц прежде открытия, сообщено было графу Николаю Ивановичу,⁶ графу Завадовскому⁷ и кн. Лопухину.⁸ Словесно и письменно они его одобрили. Все последствия его оправдали. Но одни видели в сем установлении подражание французскому, хотя, кроме разделения дел, ничего они не имеют общего. Другие утверждали, что разум сего учреждения стесняет власть государеву. Где и каким образом? Не по государеву ли повелению дела вносятся в Совет? Не единым ли словом его? Но зависть и клевета лучше желают казаться слепыми, нежели быть безгласными.

II. *Министерства.* В манифесте 1802 г. обещаны были подробные учреждения или инструкции министрам, но до 1810 г. их не было. Беспорядок и смешение, при личных взаимных недоразумениях, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя в средоточии дел, в собственной работе Вашей с министрами, более всех сие чувствовали и почти ежедневно напоминали мне о необходимости сего учреждения. По мыслям Вашего Величества составлен был план, внесен на рассмотрение председателей Совета, всеми единогласно одобрен и потом принят в Совете. На сем основан был манифест о разделении Министерств и составлен общий устав.

Вразделении Министерств допущена некоторая от прежнего перемена в размещении или, так сказать, в рамках дел, но рамы сии никогда не могли быть неподвижны и на будущее время несколько раз еще измениться могут. Из сей перемены возникли два новых Министерства: полиции и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убеждению Вашего Величества в его необходимости, а второе основано на порядке счетов, неоспоримом и очевидном.

Общий устав постановил самые точные пределы отношениям и власти министров. Смею утверждать с достоверностию, что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определительным и твердым. Оно лежит теперь покрыто пылью и прахом, но время и опыт восстановят его и оправдают.

Надлежало приступить к частным уставам. Возложено было на самых министров составить проекты, дабы после пересмотреть их и привести в единство.

Здесь каждый министр, считая вверенное ему Министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства — и это был я. Мне одному против осьми сильных надлежало вести сию тяжбу. У одного министра финансов, не говоря о других, убавлены целых два департамента и, сверх того, несколько отделений, и таким образом уменьшены штаты ежегодно более ста тысяч рублей. В самых правилах наказа надлежало сделать важные перемены, отсечь притязания власти, привести ее в пределы, преградить насильные завладения одной части над другою и, словом, все сии указы во все переделать. Можно ли было сего достигнуть, не прослав рушителем всякого добра, человеком опасным и злонамеренным?

Другие, может быть, меня счастливее, совершат сию работу, но совершить ее необходимо, ибо как скоро одно Министерство двинется по данному направлению, то вместе с ним должны идти и другие, иначе они друг друга затруднять будут, как то опыт уже и доказал и доказывать будет.

Между тем как занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мне многократно об образовании Сената.

III. *Сенат*. Образование Сената было в необходимой связи с учреждением Министерств. Не могут два сии установления идти на двух началах, совершенно противоположных.

Проект сего образования прежде всего сообщен был графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письмен-

ные их отзывы при самых бумагах. После сего он рассмотрен в собрании председателей, напечатан и внесен в Совет; месяц времени определен был для того, чтоб каждый у себя дома мог его обдумать.

Из хода сего дела всяк легко мог усмотреть, что не желали тут ни исторгнуть согласия, ни предвосхитить его смятением и поспешностию.

Невзирая на сие, восстали укоризны. Не буду здесь упоминать о том, что в укоризнах сих было жестокого и терзающего мою личность. Обращусь к самому источнику тех только возражений, кои имели вид беспристрастия. Возражения сии большею частию происходили от того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разум людей, его составляющих, не довольно еще поражен несообразностями настоящего вещей порядка, чтобы признать благотворные Ваши перемены необходимыми. И следовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпеть, еще попустить беспорядок и злоупотребления, чтоб наконец, так сказать, их ощупали, и тогда, вместо того чтоб затруднять намерения Ваши, сами бы пожелали их совершения.

Мысль сия с горестию вырвалась у меня в самых публичных разговорах и рассуждениях. Я представил ее во всей силе Вашему Величеству и означил даже в докладной моей записке, которая при делах и теперь должна находиться. Мог ли я тогда подумать, что сие самое рассуждение даст повод врагам моим сделать то злобное приложение, какое впоследствии оказалось?

Между тем мнения в пользу проекта были многочисленны и уважительны. С твердостью и чистотою намерений Ваше Величество не решались еще остановить исполнения; двумя записками в разное время, от меня поднесенными, представляя, сколь неудобно было бы при настоящем расположении умов продолжать сие дело. Вместе с сим возрастающие слухи о войне решили, наконец, Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Бог, Всемилостивейший государь, чтоб время сие настало. Проект может быть переменен, исправлен или совсем переделан людьми, более меня сведующими, но я твердо уверен, что без устройства Сената, сообразно устройству Министерств, без средоточия и твердой связи дел Министерства всегда будут наносить более вреда и Вам заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. *Законы.* Есть люди, кои и Комиссию законов считают вредным установлением, хотя она учреждена еще при

Петре Великом и с того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множеством дел, я не мог сей части дать того ходу, какого бы желал, но смею сказать, что и в ней сделано в течение двух лет более, нежели во все предыдущее время. Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях, в мое время не только составлены твердые планы на важнейшие части, но составлены, изданы и в Совете рассмотрены две труднейшие части Гражданского Уложения; третья и последняя требовала только отделки.

Со всем тем никогда не хвалился я сими работами и охотно и в свете, и перед Вашим Величеством разделял честь их с Комиссиею, но несправедливости людей принуждают меня наконец быть любочестивым. Пусть сличат безобразные компиляции, представленные мне от Комиссии, т. е. от г-на Розенкампа,⁹ и если найдут во сте два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю им всю честь сего произведения. Сличение сие нетрудно, ибо компиляции сии все остались в моем кабинете.

Другие искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изблечить также нетрудно, ибо то и другое напечатано.¹⁰ В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но со здравым смыслом, со знанием сих источников и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах.

V. *Финансы.* В исходе 1809 г., тогда как Ваше Величество занимали меня планом общего образования, предстал вопрос, делу сему посторонний, но по важности своей привлекавший на себя все Ваше внимание. Ваше Величество со справедливым беспокойством взирали на постоянный упадок ассигнаций и не могли с равнодушием видеть, что средства к наполнению недостатков, Вам представляемые, состояли в умножении тех же ассигнаций. Беспокойство сие возросло до высшей степени, когда в смете на 1810 г., заранее представленной, открыт был ужасный недостаток в 105 000 000 руб., а способов к замене его никаких в виду не было.

Вступало к Вам множество проектов, но все они представляли минутные и вредные облегчения. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресечь его, доколе была еще возможность.

Сею одною решительностию, смело могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда государство от банкротства.

После многократных о сем рассуждений составлен был *план финансов* и внесен в комитет, который тогда в доме г-на Гурьева собирался. По двухнедельном предварительном рассмотрении он признан был необходимым и представлен Совету. Были споры, но самое важное большинство его одобрило. Приняли за исполнение.

Здесь те же самые члены правительства, кои план одобрили, вместо того чтоб единодушно способствовать его исполнению, начали всемерно затруднять его, и тот, кто должен был главным быть его исполнителем, министр финансов, не отрекаясь от него на словах, стал первым его противником на деле.

Откуда сие противоречие? Оно изъясняется следующим. Весьма легко сказать: *прекратить выпуск ассигнаций*, но надобно было чем-нибудь их заменить. Для сего надлежало:

1) Сократить и привести в порядок издержки, а здесь-то и неудобства и роптание. Вместо того, что прежде каждый министр мог почерпать свободно из так называемых экстраординарных сумм, в новом порядке надлежало все вносить в годовую смету, потом каждый почти рубль подвергать учету в двух инстанциях Совета, часто терпеть отказы и всегда почти уменьшение и, в конце всего, еще ожидать ревизии контролера. Сам министр финансов подвергся тому же правилу. Моги кому нравиться сей вещей порядок?

2) Надлежало возвысить налоги. С лишком двадцать лет Россия их не знала. Каждый член правительства хотел сложить с себя бремя сей укоризны; надлежало, однако же, чтоб кто-нибудь ее понес. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сию жертву; меня осыпали эпитафиями, ругательствами и проч., а другие были в стороне.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народного неудовольствия и подозрениями во мне. Отчет, который за 1810 г. имел я счастье представить в феврале последующего года, изображал во всей их силе мои опасения.* Я предвидел, не без страха, все личные следствия и тогда же просил уволить меня от звания г-на секретаря. Ваше Величество самым милостивым образом опровергли и мои страхи, и мои желания.

Так прошел 1810 г.

* Отчет сей в бумагах.

1811 г. представил совсем противные явления. Тут министр финансов ¹¹ предлагал налоги, а Совет отвергал их, яко неблагоприятные.* Он, министр, доказывал, что в половине года все станет; прошел целый год, ничто не остановилось, передержка была малозначаща. Тем не менее я и в сем году был рушителем порядка и человеком опасным.

Настал 1812 г. Недостаток весьма важный и, сверх того, близкая война. Министр финансов представил систему налогов чрезмерно крутую и тягостную. Часть их принята, другая заменена налогами легчайшими. Сие смягчение и сии перемены, умножив раздражение, послужили после министру финансов и обширному кругу друзей его весьма выгодным предлогом отречься от всех мер нового положения, сложить с себя ответственность и, по примеру 1810 г., но уже с большею силою, на меня одного обратить все неудовольствия.

Если бы в сие время можно было напечатать все представления сего министра, тогда все нарекания с меня обратились бы на него, но его бумаги лежали спокойно в делах Совета, а манифест с примечаниями, толкованиями, московскими вестями и ложными страхами ходил по рукам.

Я мнил, что спокойный взгляд и терпение двух или трех месяцев рассеет сию бурю. В самом деле, она начинала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своим чередом.**

Но между тем как я был спокоен, властолюбивая зависть*** не дремала и воспользовалась сопряжением обстоятельств.¹²

Приступаю к подробностям, весьма для меня горестным.

Я не знаю с точностию, в чем состояли секретные доносы, на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главных пункта обвинения: 1) что финансовыми делами я старался расстроить государство; 2) привести налогами в ненависть правительство; 3) отзывы о правительстве.

1) *О финансах.* К 1810 г. доходы государственные составляли около 125 000 000. К 1812 г. они доведены до 300 000 000. Приращение — в два года 175 000 000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дел, на простом счете основанных, переменить нельзя.

* Представление его и журналы Совета в Канцелярии Государственной.

** Большая их часть и теперь еще существует.

*** Разумею моих доносителей. Имена их Вашему Величеству известны.

Смело могу еще раз утверждать, что, переменяв систему финансов, Ваше Величество спасли государство от банкротства. Придет время, Всемиловейший государь, когда благие учреждения Ваши, оправдавшись опытом, привлекут на себя благословение людей благомыслящих. Тогда, смею думать, и мое имя, и мои бедствия вспомнят не без сожаления.

План финансов и все операции, на нем основанные, всегда выдержат с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей не только у нас, но и во всех просвещенных государствах. Не словами, но математическим счетом можно доказать, что если бы в свое время он не был принят, то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем. И тот же план, в обширных его применениях, может еще доставить важные пособия в тех затруднениях, кои обыкновенно открываются после войны.

Но отчего же столько ропоту? Оттого, что ни в какой земле не переменяли финансовой системы без неудовольствия.

Отчего же — еще вопрошают — понизились еще более ассигнации со времени введения плана? Это есть секрет правительства; он состоит в том: 1) что в то же самое время, как переменяли систему, принуждены были выпустить около 46 000 000 новых ассигнаций; 2) в том, что от прежнего казначейства без умысла, по единому незнанию представлен был неправильный счет той массы, которая была в обращении, и на сем счете, коего неправильности тогда узнать было никак невозможно, основаны были первые операции. Но со всем тем, унизясь в первый год, ассигнации потом так твердо установились, что в течение трех последующих лет они сохраняли постоянно свое достоинство, и теперь еще, после всех бедствий войны, они свободнее, по цене их, принимаются в народе, нежели самое серебро. Сие ли называется разрушением государственного кредита?

2) *О ропоте от налогов.* Какое странное притязание желать, чтобы народ кланялся и благодарил, когда облагают его налогами! Естественно, сперва поговорят, побранят, потом перестанут, а со временем, когда образумятся, то и благодарить будут. Где же не бранили за налоги? Но можно ли сие минутное неудовольствие признавать опасным ропотом? Если налоги в половине февраля произвели опасный ропот, то куда же девалась сия опасность в марте, в мае, в июне? Где следы сего общего неудовольствия? Каким же волшебством тот же народ, то же дворянство, коего ропотом в феврале страшали, в мае и июне готовы были всем жертвовать? Откуда

сия перемена? Налоги не были сложены; напротив, во многих местах усилены. Следовательно, опасный ропот сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, прожив весь век свой в женских сплетнях, по тем же самым сплетням и московским вестям судят и о делах государственных и даже (горько помыслить) мнят управлять ими.

Не могу миновать здесь одного примечания, которое и прежде, в первом письме моем отсюда, я старался, сколько мог, означить.

Не попустите, Всемиловитейший государь, чтоб система ложных страхов и подозрений, система, коею, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, чтоб система сия, всегда приводившая государей к бесславию, а государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера, который один, смею сказать, среди всех неурядиц нашего правительства доселе составлял отраду народа и надежду всех людей просвещенных и благомыслящих. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могут видеть в народе самом кротком и добродушном, в подданных, привыкших повиноваться самой малейшей власти и Вам, Всемиловитейший государь, действительно и лично преданных, — могут, в сем народе, в мнениях его и пустых толках неразумия или легкомыслия видеть ропоты опасности, причины важных подозрений. Ужас поражает мое воображение, когда я помыслю о следствиях сих внушений. Смело могу назвать их, если они существуют, преступлением против самого Величества. Но Бог, проводивший Вас сквозь толикое множество трудных происшествий и сохранивший для благоденствия России, без сомнения, сохранит и от сих опасных сетей, скрытых под видом личной преданности и какой-то привязанности к старым русским правилам. Истинные русские правила суть взаимная любовь и доверие между государем и подданными, точное отношение отца к детям, а советы, основанные на страхе и угодливости мнимому общему мнению, когда оно несправедливо и пользам государственным противно, суть советы не русские, но советы или малодушные, или злые, и во всех отношениях Вас недостойные. Сие мнимое общее мнение слабо и ничтожно, когда его презируют; напротив, строптиво и ужасно, когда его слушают. Простите, Всемиловитейший государь, сие невольное сердца моего излияние. Враги мои могли очернить меня перед Вами, но никогда не отучат сердца моего желать Вашей славы, сохранения Вашего достоинства и кроткого правления.

3) *Об отзывах.* Третий пункт обвинения, сколько мог я выразуметь, состоит в том, что я отзывался худо о правительстве.

Если доносители разумеют под именем правительства те элементы, из коих оно слагается, т. е. разные установления, то правда, что я не скрывался и в последнее время с горестию многим повторял, что они, состоя из старых и новых, весьма худы и несообразны. Но сие было мнение всех людей благомыслящих и, смею сказать, и мнение Вашего Величества; скрывать же сего я не имел никакой нужды.

Если разумеют под именем правительства людей, его составляющих, то и в сем я также признаюсь. Горесть — видеть все искаженным, все перетолкованным, все труды покрытыми самою едкою желчью и, при покорности намерениям Вашим на словах, видеть совершенную противоположность им на деле; горесть, снедавшая мое сердце и часто доводившая до отчаяния иметь при сих элементах и людях какой-либо в делах успех, невзирая на все Ваши желания, горесть сия часто, а особливо в последнее время, по случаю сенатских и финансовых споров, вырывалась у меня невольным образом из сердца. Но, Всемиловейший государь, измучен, действительно измучен множеством дел и ежедневно еще терзаем самыми жестокими укоризнами, мог ли я быть всегда равнодушным? И, впрочем, сии самые члены правительства, коих чувствительность отзывом сим толико оскорбилась, не воздали ли мне сами за сие сторицею?

Но, чтоб мог я иметь под именем правительства разуметь особу Вашего Величества, душа моя возмущается при размышлении, что я доведен до того, чтоб опровергать сию гнусную клевету иначе, как презрением. С 1801 г., через 12 лет, в разных расстояниях от Вашего лица я неуклонно следовал сердцем и душою за всеми Вашими намерениями и в последние два года был близким их исполнителем. Во всех представлениях моих я имел дело с одним Вашим разумом и никогда не хотел обольщать Вашего сердца. Ваш разум и строгая с моей стороны логика¹³ были одни мои орудия; в них состояла вся тайна моих работ и успехов. Никогда я ни в чем важном не желал, до и не мог я получить Вашего согласия иначе, как посредством самых точных доказательств и рассуждений. Для сего сочиняемы были мною не докладные записки, но, можно сказать, целые книги. В истине всего сего смею сослаться на собственные Ваши воспоминания, на все докладные бумаги, кои я Вам подносил. Каким же образом, с какою уродливою лживостью против ежедневного моего опыта вздумал бы я порицать и

злословить в последнее время то, что очевидно чтил и уважал в течение толь многих лет? Для чего? Какую цель могла иметь сия лживость? Возбудить неудовольствие, но в ком? В Армфельде¹⁴ и Балашове?¹⁵ И на какой же конец? Чтoб сделать переворот в правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где сообщники? Где связи? В делах 20-летней службы, во всех бумагах, в двухгодичном моем удалении, во всех надзорах и изысканиях, тогда как сердца и уши открыты слушать обо мне всякую клевету и нелепость, открыл ли кто один след, одну тень какой-либо связи подозрительной?

Здесь одна горестная мысль раздирает мое сердце. Неприятеля могли сомневаться в политических моих правилах, могли думать о привязанности моей к французской системе, но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведение мое столь было ясно, что если бы бумаги и дела мои можно было напечатать, тогда сами неприятели мои устыдились бы своих предположений. Не я ли был один из первых, который обращал внимание Вашего Величества на предстоявшую войну и на все козни, ей предшествовавшие? Ссылаюсь на подробные записки, многократно, в разных эпохах и за долгое время поднесенные. Они все находятся в моих бумагах. Смею себе присвоить, что никто, может быть, по крайней мере случайно, столько не содействовал, чтобы заранее осветить истинные намерения Франции, как я. Когда отправляли в Париж графа Ниссельрода на краткое время с поручением финансовым по займу, тогда предположенному, и совсем без видов дипломатических, не я ли представлял Вашему Величеству открыть с ним переписку, которая впоследствии соделалась одним из главных источников сведений вернейших и полезнейших? И впрочем, если бы и не мог я привести сих и сим подобных множества подробностей и доводов, как можно вообще согласить следующие противоречия: быть преданным Франции и лишить ее всей торговли в России введением нового тарифа; желать разрушения порядка и в то же время всемерно содействовать его устройению; желать ослабить правительство и вместе возвышать его доходы; быть глубоким честолубцем и иметь вокруг себя одних врагов; желать привести у народа в ненависть правительство и себя первого и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласят все сие мои доносители: мне и писать и мыслить о сем уже омерзительно.

Между тем, однако же, сие жестокое предубеждение о связях моих с Франциею, быв поддержано эпохою моего

удаления,* составляет теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего в народе обвинения.

Вам единственно, Всемилоостивейший государь, Вашей справедливости принадлежит его изгладить. Смею утвердительно сказать: в вечной правде перед Богом вы обязаны, государь, сие сделать. Вы не можете тут иметь во мне ни малейшего сомнения. Вашею тайною, а не своею, я связан; следовательно, Вам же и развязать все должно. Финансы, налоги, новые установления, все дела публичные, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдывается временем, но здесь чем я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще раз к личным отзывам. Отчего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? Оттого, что сии разные лица составляли одно тело, *а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним.*

Если бы в правоте моей совести и дел нужно мне было не спускаться к сим потаенным сплетням, на коих основаны мои обвинения, и я легко бы мог показать и начало их, и происхождение, открыть и воздушные их финансовые системы, и личные корыстолюбивые их расчеты, указать все лица, запечатлеть каждое их них своею печатью, обличить ложь в самом ее средоточии и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, может быть, онемели. Но к чему все сии улики? Они будут теперь иметь вид *рекриминаций*, всегда ненавистных. И, сверх того, враги мои, может быть, и в сию минуту стоят перед Вашим Величеством, а я за 2000 верст и весь почти совершенно в их власти.**

Мне остается пояснить одно обстоятельство, которое, быв обвинению посторонним, чрезмерно, однако же, обрадовало моих неприятелей, дав им случай всю громаду их лжи прикрыть некоторою истиною.

Ваше Величество припомнить, без сомнения, изволите, как в одно время я докладывал, что Бек приходил ко мне и просил исходатайствовать ему у Вас минуту внимания. «На что?» — изволили Вы спросить. «Он что-то нашел в перлюстрации, чего не хочет казать канцлеру, не представив прежде Вам». Ваше Величество сказали мне, что позовете его чрез Геслера, что действительно и исполнили, и, дав ему Ваши наставления, дозволили и вперед в подобных случаях также

* А паче в Пермь.

** Это не фраза, а сущая истина.

к себе относиться.¹⁶ Бек, благодаря меня за сей случай, предложил, что когда встретится в деле его что-либо достойное внимания особенного, он будет меня извещать. Он мог сие сделать, в чистоте совести не считая меня чуждым правительству и его тайнам. С ведома ли его или нет, но чрез третье лицо, в самом деле, изредка и без связи, получил я несколько сих листов. Что они в себе содержали? Пустые вести о войне, сведения и рассуждения, кои, стоя в средоточии дел и имея всегда и по сим предметам доступ к Вашему Величеству, я в тысячу раз лучше и подробнее всегда знал, нежели они. Что могли мне нового сказать какой-нибудь г-н Буш¹⁷ и ему подобные жалкие дипломаты? Следовательно, допустив входить к себе сии бумаги, даже в видах любопытства, не мог я назначать им высокой важности. Один взгляд на содержание их* удостоверит Вас, Всемиловитейший государь, в маловажности; числа их докажут, что они вошли ко мне без связи, а все вместе может уверить, что тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не в силах превратить его в государственное преступление.

Со всем тем, и прежде и теперь, я повергаю себя единственно в Ваше великодушие и желаю еще лучше быть прощенным, нежели во всем правым.

Нужно ли, Всемиловитейший государь, чтоб я оправдывал себя и против тех обвинений, кои рассеиваемы были моими врагами, о нравственных моих правилах и связях моих с маринистами, иллюминатами и проч.?¹⁸

Бумаги мои ясно доказывают, что никогда и никаких связей я не имел; вообще о всех вещах я старался иметь собственные мои мнения и никогда не верил слепо чужим.

Когда Ваше Величество пожелали о предметах сего рода и в особенности о мистической их части иметь сведения, я с удовольствием готов был посвятить Вам все плоды моих собственных изысканий и размышлений. Беседы мне сии тем были приятнее, чем более я видел, что предмет их сообразен с сердечными Вашими чувствами. Не из книг, не из сект и партий почерпал я сии истины; они были изливанием души моей, смею сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многоделие прервали слишком рано сии лестные для меня сношения, и хотя не имел еще я времени открыть Вам во всем пространстве истинное их знаменование, но, судя по самому их началу, смею сослаться на собственное Ваше сердце и на

* При удалении я доставил их к В. В.

самые бумаги, у вас оставшиеся, что другое в сих истинах Вы от меня слышали, кроме указаний на достоинство человеческой природы, на высокое ее предназначение, на закон всеобщей любви, яко единый источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого? Да и когда, при каком случае слышали Вы, Всемилостивейший государь, от меня другие правила? Во все время, как я пользовался Вашим доверием, кого и чем я очернил, помрачил или кому старался повредить в глазах Ваших? На кого навел я какую-либо тень подозрения? Напротив, я всегда желал и при всех случаях старался питать и возвышать в душе Вашей ту любовь к человекам, ту терпеливость к их слабостям, ту кротость и снисхождение, коею Бог и природа в благодати своей Вас одарили.

Всемилостивейший государь! В невидимом присутствии Бога Сердцеведа смею здесь спросить: так ли поступает, советует, действует и говорит мрачный честолюбец, ненавидящий своего государя и желающий привести его в ненависть?

Простите, Всемилостивейший государь, пространство сих изъяснений. В течение двух почти лет враги мои говорили одни. Мне оставалось страдать и молчать.

В награду всех горестей, мною претерпенных, в возмездие всех тяжких трудов, в угождение Вам, к славе Вашей и благу государства подъятых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе и, наконец, в воспоминание тех милостивых и лестных мне частных сношений, в коих один Бог был и будет свидетелем между Вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мне с семейством моим в маленькой моей деревне провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной.

Если в сем уединении угодно будет поручить мне окончить какую-либо часть публичных законов, разумея гражданскую, уголовную или судебную, я приму сие личное от Вашего Величества поручение с радостью и исполню его без всякой помощи, с усердием, не ища другой награды, как только *свободы и забвения*.

Бог, общий Отец и Судия государей и их подданных, да благословит благие намерения Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлет Вам исполнителей кротких без малодушия и усердных без властолюбия. Сие будет навсегда предметом желаний человека, коего многие в службе могут быть счастливее, но никто не может лично Вам быть преданнее.

5. Императору Александру I

Сельцо Великополье, 6 января 1816

Ваше Императорское Величество не отвергли всеподданнейших изъяснений, кои имел я счастье представить из Перми. Могу ли и ныне надеяться того же снисхождения?

Истины, в манифесте 25-го декабря¹⁹ и в акте союза изображенные, налагают на всех подданных Ваших новую обязанность неограниченного доверия и откровенности.

Более, нежели многие другие, я должен чувствовать и исполнять сию обязанность. На пути, коим вело меня Провидение в вере, пытливость разума часто ввергала меня в изыскания более тонкие, нежели основательные; изыскания сии были в свое время предметом бесед, коих Вы меня удостоивали. Могу ли и должен ли я теперь молчать, когда вижу несомненные признаки истинной, сердечной, а не умственной, благодати, сердце Ваше озарившей? Да не оскорбится скромность Ваша сим выражением! Благодать Христова дается без заслуг и может быть признаваема без лести.

Примите, Всемилостивейший государь, как лепту вдовицы прилагаемую при сем книжку. Она содержит некоторые предчувствия, довольно ясные, чудного союза, ныне совершившегося, и некоторые виды его последствий. Сочинитель ее мне совсем неизвестен, но, кажется, не без особенного дара благодати она написана.

К сему осмеливаюсь присоединить мысли, при первом прочтении манифеста у меня излившиеся. Да будет приношение сие слабым свидетельством того общения в духе, к которому слово и пример Ваш всех призывают.

МЫСЛИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ПИСЬМЕ

Союз, манифестом 25-го декабря (1815 г.) возвещенный, есть величайший акт, какой только от самого первого введения христианской веры был постановлен. Его можно хвалить без пристрастия, потому что он произошел не из самолюбия. Государи, его заключившие, изменили бы собственному своему чувству, если бы признали его личным их деянием. Он есть чистое излияние преизбыточествующей христианской благодати, коей удостоились они быть органами.

Война, непрестанно возрождающаяся; внутренние потрясения, часто возникающие; растление нравов, постепенно

расширяющееся, давно уже указывали слабость тех оснований, на коих стоят общества. Но строители государственного порядка считали себя в необходимости держаться сих оснований потому, что не находили лучших. Они не заметили или пренебрегли то коренное начало, коему все должно быть подчинено в государствах, исповедующих единое крещение, едину веру, единого Господа.

Камень, его же небрегоша зиждущие, сей бысть во главу угла.

Внезапный свет проник в самое средоточие действующих сил, в душу государей, и возбудитель их основать в Европе, вместо *дряхлых и худородных* стихий, новое политическое право, коего твердости *и врата ада не одолеют*, ибо оно лежит на *краеугольном камени Господа сил*.

Две главные истины составляют существо сего права:

I. Истинная цель человеческих обществ состоит в том, чтоб, образуя нравы и приучая людей к общению и любви, руководствовать их к соединению во Христе.

II. Иисус Христос есть и должен быть главою всех христианских обществ. Истинные правила их управления не могут ниоткуда быть почерпаемы, как из правил и учения Его.

Нет сомнения, что князь тьмы воздвигнет против сих правил и священного союза государей все свои усилия. Но тот, который *видел Сатану яко молнию с небесе спадше*, рассыплет их яко прах, ветром возметаемый.

Победа сия несомнительна, если государи, союз заключившие:

1) *Пребудут верны благодати, в них действующей.* Самое существо и цель сего союза обязует их с сего времени освящать себя в деле их служения непрерывною молитвою. Здесь, в молитве и в прилежном чтении Св. Писания, могут они почерпать силу и свет, толико им нужные. И сия сила и свет прольются им обильно, ибо пользы царств их будут тогда пользами самого царствия Христова.

2) *Если не будут они соблазняться клеветами и нареканиями*, коим с сего времени более, нежели когда-либо, все дела их будут подвержены. С сего времени они твердо должны помнить и часто повторять, *что несть брань их к крови и к плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержателем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным.*

3) *Если будут они остерегаться другого врага, еще опаснейшего: собственной мудрости.* Нет сомнения, что Тот, пред Коем они столь торжественно повергли венцы свои, увенчает советы и дела их великими успехами. Люди будут превозносить их мудрость и добродетель, а здесь-то и начало идолопокл-

лонства, в которое могут они впасть сами и ввергнуть своих подданных. Смирение и самоотвержение суть печать, которую они должны прилагать ко всем их делам и мыслям, чтоб враг их не обезобразил.

Когда тако будут они ходить пред Богом, тогда союз их скоро восприимет силы неожиданые и окажет действия неимоверные.

Не дерзая предварять внушений собственной их благодати, не излишним признается здесь означить некоторые предметы, на кои в нашем отечестве прежде других можно было бы обратить внимание:

1) Все благомыслящие люди давно уже признавали состав так называемого у нас народного просвещения весьма недостаточным. При внутреннем свете, озаряющем душу государя, Его Величество ныне яснее еще, нежели прежде, узрит сии недостатки. Если правила общественного порядка должны быть почерпаемы из учений Христова, то кольми паче правила воспитания. В государствах, где ученые предрассудки укоренились веками, может быть труднее преобразовать сию часть, нежели у нас, где, по счастью, она не имеет еще ничего твердого и неприступного.

2) Между тем весьма было бы полезно сколь можно более сеять семя слова Божия, не смотря, где и на какую землю оно падает. Сверх Библии, яко главной силы питательной, можно было бы издавать небольшие отборные сочинения, подобные тем, какие издаются в Англии от известного общества и из коих некоторые с успехом переведены уже и на русский язык, но, к сожалению, весьма мало известны в провинциях, а там-то, может, они были бы и плодovitее. Журнал, посвященный сему предмету (и уже возведенный), может также принести великую пользу.* Но в России главное дело устроить меры распространения сих книг, ибо большая часть затруднений происходит от наших расстояний и недостатка сообщений.**

3) Законы уголовные в России довольно умеренные, но полиция сих законов весьма жестока: под сим разумеется образ содержания колодников, устройство темничное, смешение людей подозреваемых, обвиняемых и обвиненных, слияние разных степеней самого преступления, поведение низших правительств с преступниками, уже наказанными и долг свой

* Может быть, не без успеха можно бы пользоваться подобным журналом, в Англии издаваемым, под именем: The Bible Magazine and theological review.

** Для чего бы, например, не дать в почтовых конторах предписаний принимать требования на сии книги и их выписывать?

правосудию уже заплатившими, наипаче же совершенное пренебрежение и отчуждение христианских утешений* в таком состоянии и в такие минуты, когда, изринутые человеческими законами, люди сии скорее других могли бы отверзть сердца свои покаянию и, следовательно, всем дарам благодати и, может быть, скорее и лучше многих других воспринять Того, Который призван не праведникам, но грешникам ко спасению. Кто может с достоверностию утвердить, чтоб в числе сих осужденных не было и невинных, а это сущие братие Христовы: «Елика сотворите единому от сих братий Моих меньших, Мне сотвористе». Много есть учреждений важнейших, нежели сие, но трудно найти другое, более нужное и с духом любви евангельской более сообразное.

4) Уравнительное распределение государственных податей и тяжестей требует также скорого рассмотрения. Здесь корень большей части злоупотреблений. Тщетно будут искать его в одном свойстве управляющих лиц, хотя и в них не без греха. Здесь не время распространяться о сем подробно, но нельзя умолчать, что есть подати, коих и простая языческая нравственность едва ли бы потерпела. Таковы суть винные откупы. Из всех софизм самая нелепая есть та, что заменить их нечем.

Предметы, здесь означенные, не суть, конечно, самые высшие, но они встречаются первые при начальном обозрении. Впрочем, благодать Господа нашего Иисуса Христа одна может наставить и указать, когда и какими удобнейшими средствами дела, Ему угодные, могут быть совершаемы и начинаемы.

6. Ф. И. Цейеру

11 января 1816

Ma lettre est partie Jeudi passé, le 6. Le livre qui y est annexé est une traduction russe d'un ouvrage allemand dont l'auteur m'est absolument inconnu. Je le suppose assez vieux, puisque notre édition est de 1784. C'est une sorte d'instruction, en forme de lettre adressée à tous les Souverains de l'Europe. Il les engage à faire un pacte d'union, afin d'avancer le règne de J. C.; il leur montre les moyens, prédit l'événement, en trace le caractère et l'influence sur les gouvernements, sur les mœurs et sur tous le rapports civils et politiques. Longtemps ce livre a fait le fond de mes rêveries sur la perfectibilité

* Нигде почти у нас нет в темницах ни церкви, ни службы, ни молитв, и никогда утешительный глас веры не раздавался в сих пещерах плача, порока и страдания, кроме разве при последних минутах жизни, да и то весьма небрежно.

des gouvernements et sur l'application de la doctrine de notre Seigneur aux affaires publiques. Je conviens cependant, que je croyais l'époque de cette application bien éloignée; aussi n'ai je pas ouvert ce petit livre de cinq ou six ans. A la lecture de ce Manifeste, toutes ces idées se retracèrent dans mon esprit, et avec tant de vivacité, que je courus vite consulter mon visionnaire et le trouvant encore plus précis que je ne pensais, je me crus dès-lors obligé d'en faire l'usage que je fis. J'ai ajouté à ma lettre, en forme de mémoire, quelques réflexions de la même teneur, en me restreignant à la règle que je m'étais faite de ne pas parler de moi. Il me semble que mon intention pour cette fois-ci était simple et pure. Le reste n'est pas à moi.*

7. Х. И. Лазареву

Пенза, 16 января 1816

Я не поздравлял вас, любезный мой Христофор Якимович, с новым годом на письме, но поздравлял искренно в душе моей и желал вам, любезной вашей матушке и всему вашему семейству счастья и божия благословения, без коего нет на земле счастья.

Скоро ли мы увидимся, я не имею здесь ни малейшего о том понятия. Московские вести суть вести обыкновенные. Лучшее в них есть то, что люди со мною мирятся и делают справедливо, ибо я ни с кем никогда не бранился даже и тогда, как меня все бранили. Бог с ними! Ни от похвал их, ни от брани мы не будем ни лучше, ни хуже. Человек есть то, что он есть пред Богом; ни более, ни менее.

* Письмо мое отправилось в прошлый четверг, 6-го. Приложенная к нему книга есть русский перевод одного немецкого сочинения, которого автор мне совершенно неизвестен, но должен, я полагаю, быть довольно стар, так как и находящееся в моих руках издание напечатано еще в 1784 г. Это род наставления, в виде письма, обращенного ко всем монархам Европы. Оно приглашает их к заключению союза, с целью приблизить царствие Спасителя, исчисляет средства, предсказывает совершение, обрисовывает его характер и влияние на правительства, на нравы и на все соотношения гражданские и политические. Уже давно эта книга пробуждала во мне мечтания о возможном усовершенствовании правительств и о приложении учения Богочеловека к делам общественным. Сознаюсь, однако, что эпоха такого приложения представлялась мне еще всегда отдаленною, так что я уже лет пять или шесть как не раскрывал моей книжки. При чтении настоящего манифеста все эти мысли опять возобновились в моем уме и с такою силою, что я поспешил снова обратиться к моему прорицателю и, найдя в нем еще более точности, нежели прежде, решился дать ему известное вам назначение. К письму моему я приложил несколько собственных размышлений того же содержания, строго, впрочем, держась правила — не говорить о самом себе. Кажется, что намерение мое в этом случае было просто и чисто. Остальное не в моих руках.

Продолжайте ко мне хоть изредка писать. Я не токмо вас о сем прошу, но даже и требую именем дружбы, которая с моей стороны пребудет всегда непоколебима. Христос с вами.

8. Д. А. Гурьеву

Пенза, 28 мая 1817

Милостивый государь
Дмитрий Александрович!

Я имел честь третьего дни получить бумаги о кредитной системе, кои угодно было вашему высокопревосходительству мне сообщить.

Вы поставили, милостивый государь, весьма высокую цену моей к вам приверженности, дав мне сей знак вашего доверия. Сии превосходные учреждения ставят правительство наше на такой высоте финансовых соображений, к которой и самая Англия доходила веками.

Если есть что-либо в предположениях человеческих достоверное, то учреждения сии неминуемо должны достигнуть своей цели, когда только с твердостью и с некоторым даже упрямством будут их держаться. Я называю упрямством сие пренебрежение мелких и временных неудобств, которое во всяком важном установлении необходимо.

Чтоб возбудить доверие к правительству, оно обязано прежде всего иметь доверие к самому себе, доверие к собственным своим видам, доверие к лицам и их правилам, когда раз правила сии приняты. Всякое колебание в сем роде дел вреднее, нежели самое бездействие.

Чтоб в деле государственном и толико спасительном принести и с моей стороны хотя малый вклад, я попытаюсь представить вам, милостивый государь, на сих днях некоторые соображения о вероятности в успехе предполагаемого внутреннего займа; вопрос сей кажется еще не решен и не может быть решен иначе, как по расчету вероятностей, и следовательно, может допустить разные гадания.

Между тем примите, милостивый государь, свидетельство и благодарности моей, и совершеннейшего почитания, с коим честь имею быть

вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
М. Сперанский.

9. Графу А. А. Аракчееву

Пенза, 5 апреля 1819

И неблагоприятно и грешно бы мне было уверять вас, что я принял новое назначение мое без горести.

Искренность, которая одна может составить всю мою пред вами заслугу, заставляет меня признаться, но признаться вам единственно, что весть сия тронула меня до глубины сердца. То, что есть в назначении сем для меня утешительного и лестного, все сие есть тайна чувства моего и искренней преданности государю. Но публика знает только два слова: отказ в отпуске и удаление! Я очень обманусь, если голос сей не будет общим.

Как бы то ни было и не взирая ни на какие толки, я исполню новое мое назначение точно с тем же усердием, как бы я сам его желал или выбрал.

При помощи Божией и милостях государевых мне нужны к сему две вещи: *первое*, чтоб вы дозволили мне из Сибири откровенно к себе писать о деле и безделье и, различая одно от другого, одному давали бы ход, другое же отлагали бы в сторону, не ставя мне в вину, если за 6000 верст всего я не угадаю; *второе*, чтоб донесения мои по службе, не рассыпаясь по частям, входили прямо к вам и от вас и чрез вас получали бы разрешение. Первый год я не буду вас много обременять: он весь почти должен пройти в дороге, в собрании сведений и местных обозрениях.

Что принадлежит до будущего — оно в руке Божией. Но после всего, что я испытал, могу ли, должен ли я чего-нибудь желать, как только покоя и забвения.

Продолжите, милостивый государь, ваше драгоценное ко мне расположение. Я надеюсь, что поведением моим в службе и искреннюю мою к вам преданностию оправдаю я все ваши ко мне милости.

С совершенным и пр.

10. Князю А. Н. Голицыну

Тобольск, 25 июня 1819

Не могу оставить Тобольск, не представив вашему сиятельству краткого повествования о моих похождениях.

Я прибыл сюда 24 мая и чрез два дни вступил в должность. Первое попечение мое было уверить, что жалобы на местное

начальство не суть преступление и что есть наконец возможность приносить их. Сие было уже великою отрадою одним и обузданием другим. Известив во всех уездах и волостях о прибытии моем сюда, я ожидал последствий. Зла везде много, но здешнее зло имеет то особенное свойство, что люди чем менее надеются быть услышаны, тем громче ропшут. Главный ропот здесь на земское управление. В сем удостоверили меня и ежедневные жалобы, и следствия, чрез посланных мною чиновников произведенные. Многого исправить я не мог и по краткости времени, и по недостатку людей, и особенно потому, что частные перемены в низших разрядах управления без перемен в высших и без постановления лучших правил не могут быть прочны, а правила сии требуют продолжительного и общего по всей Сибири соображения. Таким образом, переменив и отрешив только то, что было гласно нетерпимо, устроив порядок надзора, исправив в ходе дел то, что скоро и легко могло быть исправлено, паче же всего отворив двери ко всякой жалобе правильной, ко всякому открытию доверенному, я поспешаю отсюда в Томск и оттуда в Иркутск, куда дела настоятельно спешить меня заставляют. Надеюсь выехать отсюда завтра и вместо прямой дороги сделаю круг на Омскую крепость, чтоб видеть часть границы, лучшую и населеннейшую часть сей губернии, и удостовериться тем более в состоянии дел и лиц.

Все сии занятия столько еще маловажны, что я не считаю приличным обременять внимания государя императора особным донесением, но если бы представилась удобность, я бы просил ваше сиятельство при случае донести словесно Всемилостивейшему государю о образе, коим начал я новое мое служение. Надеюсь, что при помощи Божией совершу его с точною сообразностию благотворным его видам.

Между тем, чтоб вознаградить чем-нибудь неприятности здешних дел, я многократно беседовал со здешним преосвященным о состоянии его паствы. Здесь, как и везде, жатва многа, но делателей мало. Библейское здешнее отделение, коего и я имею честь быть членом, идет с успехом. Я посещал также и семинарию и нашел ее устроенною по новому порядку с совершенным успехом.

В городе много бедных, и хотя должно отдать всю справедливость благотворительности здешних граждан, но без устройства она не всегда с верностию достигает своей цели. Познакомясь и поговорив, мы положили здесь начало благотворительному обществу; начало еще слабое, подписка составляет до 2000 руб., но надеюсь, что она возрастет, и тогда

и сей малый ручей сольется с общим источником, с императорским человеколюбивым обществом.

Как легко, как приятно было бы ни о чем более не заботиться, ничего другого не писать, как только о сих предметах. Но, к сожалению, они составляют только каплю в бездне горестей, коими дела жизни преисполнены.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

11. О. П. Козодавлеву

10 июля 1819

Отправясь из Тобольска 26-го июня, я прибыл в Томск 6-го сего месяца.

С первого шагу в сию губернию был я преследуем жалобами на земское управление. Останавливаясь в каждом волостном правлении, сменяя и отрешая почти все, что мне ни встречалось, прибыл я в губернский город. Здесь новая толпа жалоб на губернское начальство.

Между тем дошли ко мне замечания, что жалобы из уездов, по почте присылаемые, легко могут быть удержаны здешним почтмейстером, братом гражданского губернатора Илличевского.²⁰

Участие сего чиновника в делах и недоверие к нему до того усилились, что лучшие здешние купцы (в числе их есть лица по кяхтинской торговле весьма значительные) изъявили мне словесно и в доверенности сомнение свое, что корреспонденция их по существующим между губернатором и здешним градским обществом неудовольствиям не имеет надлежащей на почте надежности. Они приводили примеры разных остановок, и хотя не могут с точностию доказать, где именно допущены сии остановки, но естественно склоняют все подозрение свое на здешнюю почтовую контору. Хотя сим показаниям я не мог дать полной веры, но счел, однако же, нужным в успокоение умов и в пресечение возникших подозрений принять меру, которую из официального моего отношения усмотреть изволите.

Из Тобольска чрез Омск сделав более 2000 верст, измучен на пути жалобами и доносами и сверх того изъеден на Барабинской степи насекомыми, злейшими во вселенной, я надеялся здесь отдохнуть, но от утра до вечера ничего не вижу и не слышу кроме жалоб, доносов, беспорядков, досад и огорчений. И сие есть только начало болезней; предо мною стоит Иркутск, как

грозное ночное привидение, с коим должен я бороться, я, неспособнейший из смертных к борьбе сего рода.

Пожалейте о мне; дух мой изнемогает; глаза изменяют; единая надежда на Того, кому лучшая жертва есть дух сокрушенный.

Примите и проч.

12. Императору Александру I

Томск, 31 июля 1819

Всемилоостивейший государь!

Окончив обозрение двух сибирских губерний, Тобольской и Томской, и приступая к обозрению Иркутской, нахожу себя в необходимости испросить разрешения Вашего Императорского Величества на следующее обстоятельство.

По общей инструкции сибирскому генерал-губернатору предоставлено сменять, удалять и отрешать чиновников, коих определение зависит от Правительствующего Сената; о высших же чиновниках губернских, начиная с председателей, велено представлять на дальнейшее усмотрение.

При обозрении Тобольской губернии по существу жалоб и произведенных следствий представилась возможность пресечь или по крайней мере ограничить злоупотребления и до времени охранить порядок средствами, в инструкции определенными.

Но в Томской губернии средства сии будут недостаточны. Здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников не только способных, но и посредственных еще менее и перемены их тем затруднительнее. Злоупотребления, доселе открытые, ведут к другим, еще не обнаруженным. По жалобам, здесь принесенным, и по сведениям, ко мне дошедшим, нарядив следственную комиссию в Нарым, сам поспешаю в Енисейск, чтобы оттуда отправить другую в Туруханск.

Подобные сим обстоятельства и еще с большею силою должны встретиться в Иркутске.

Не прежде как по окончании следствий и по рассмотрении дел можно будет представить на Высочайшее Вашего Императорского Величества усмотрение полный отчет о бывшем здесь управлении и предать судьбу управляющих действию закона или милосердия.

Между тем в самом производстве следствий и при рассмотрении дел может встретиться необходимость удалить на время

гражданских губернаторов томского и иркутского от управления губерниею; мера сия при первых совещаниях Комитета министров признаваема уже была нужною.

Повергая предположение сие на благоусмотрение Вашего Величества, я осмеливаюсь испрашивать, если оно будет принято за благо, уполномочить меня Высочайшим рескриптом: «гражданских губернаторов томского Илличевского и иркутского Трескина ²¹ впредь до окончательного усмотрения устранить на время от управления губерниями, если по производству дел и вверенному мне обозрению найду я сие нужным; исправление же должности их поручить на время вице-губернаторам».

Как мера сия есть только предварительная и предполагаемая на случай необходимости, по уважению дальних расстояний, то и осмеливаюсь вместе с тем испрашивать той милости, чтоб Высочайший рескрипт дан был на мое имя и до времени оставался бы неизвестным.

13. Князю А. Н. Голицыну

Иркутск, 18 сентября 1819

Курьер из Петербурга есть редкое происшествие в Сибири; не простил бы я себе пропустить сей случай писать к вашему сиятельству. Дозвольте мне верить, что, продолжая с откровенностию повествования мои, не обременяю вашего внимания. Мне нужно иметь сие утешение.

Отправясь из Томска 3-го августа и в Красноярске оставив большую дорогу, я посетил Енисейск. Сей старинный город, бывшее средоточие значительной торговли и управления, ныне почти пуст. Одни древние церкви напоминают прежнюю его силу. По сведениям здесь собранным нарядив и отправив следственную комиссию в Туруханск, возвратился в Красноярск.

На границе Иркутской губернии, на речке Кане, я встречен был исправником Лоскутовым,²² имя в Сибири громкое и из дел, бывших в рассмотрении комитета, вероятно незнакомое. По общей известности его дел отрешив и арестовав его тут же на месте, я оставил его за Каном, как за Стиксом. Страх десятилетнего его управления столь был силен, что, невзирая на томские примеры, на первых станциях не иначе смели крестьяне приносить на него жалобы, как выходя украдкою из лесов, среди дороги. Но скоро слух о его отрешении разрешил

боязни. Отсюда до Нижнеудинска был один голос или, лучше сказать, один вопль на жестокости и поборы. В Нижнеудинске я принужден был остановиться, учредить следственную комиссию и пробыть тут почти две недели. Побыры по первому, еще неполному, обозрению составляли уже более двухсот тысяч рублей. По счастью, в самый первый день удалось мне отыскать имение Лоскутова. Оно значительно: одних чистых денег в ассигнациях, серебре и золоте найдено около восьмидесяти тысяч рублей; сверх того знатное количество серебра в деле, в сервизе, табуны скота, меха и проч. и проч. Здесь решено и известное дело о поругании нижнеудинского протопопы Орлова. В четыре дни все существенные обстоятельства сего происшествия, столь же жестокого, как и соблазнительного, обнаружены. Протопоп точно был высечен в стойбищах бурят-карагасов. Виновник уличается очевидными свидетельствами.

В пути отсюда до Иркутского уезда жалобы продолжались, но в сем уезде все замолкло: такова сила страха, в течение 13-ти лет все умы одержавшего. Устранение губернатора, решив колебания, облегчило бы изыскания. Не имея сего средства, я должен развивать клубок, чрезмерно спутанный, с медленностию и терпением. Чем злоупотребления очевиднее, тем тягостнее искать еще на очевидность сию доказательств, и искать их среди страха, здесь еще действующего, и каких-то надежд, из Петербурга с каждою почтою сюда льющихся.

Чрез три дни по приезде я имел уже довольно предметов, чтоб открыть здесь главную следственную комиссию и две в уездах.

Между тем занимаюсь и другим делом, по мнению моему еще более существенным, собранием и соображением сведений к будущему образованию сего края. Ревизия есть дело временное и повторять ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны, но и люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут. С сей стороны 13 лет минувшего управления почти потеряны невозвратно; все ограничено было одним отправлением текущих дел, да и то по здешним частным и весьма неверным направлениям.

По делам духовным я вошел уже в сношение со здешним преосвященным. Надеюсь получить его доверенность, утешить его в минувшем и содействовать в будущем. Помышляем об установлении библейского отделения; дух партии был причиною, что доселе оно не было установлено.

С пособием здешнего коменданта полковника Цейдлера²³ заводим школу взаимного обучения и надеемся открыть ее на сих днях. Здесь есть военно-сиротское отделение; для удобства начинаем с него, чтоб, присмотрясь и ознакомься, пойти далее.

В день коронации положено начало и здесь благотворительному обществу; подписка простирается уже до 7000 рублей и есть надежда упрочить сие дело.

Заключаю просьбою продолжить ко мне ваше расположение, коего всю цену я чувствую, и с сим чувством, соединяя истинное почитание и искреннюю приверженность, честь имею быть и проч.

Р. S. Не буду поздравлять ваше сиятельство с расширением круга ваших дел по внутреннему министерству. Но считаю обязанностью приложить для сведения вашего список письма, сегодня мною полученного, от известного Салватори.²⁴ Он, вероятно, уже в Петербурге. Быв на линии пред самым его туда приездом, я от лучших людей слышал, что выписка тибетских коз есть дело или совсем невозможное, или по крайней мере столько трудное, что надобно отважить на удачу не пять и не десять тысяч, но может быть сто тысяч рублей, и со всем тем не быть уверену в успехе. Ташкинцам же и на десять рублей поверить трудно. Вообще, мне кажется, что покойный О. П.,* узнав ближе Салватори, желал только сим образом от него отвязаться, и желал не без основания.

14. С. С. Уварову

Иркутск, 18 сентября 1819

*Per varios casus, per tot discrimina rerum*** я наконец в Иркутске и, едва здесь обозревшись, спешу принести вашему превосходительству искреннюю благодарность и за воспоминания ваши, и за все, что угодно вам было для меня сделать, сопричислив меня к академии.

Четыре месяца я странствовал по Сибири, и две недели как здесь, на последней почти черте европейского образования. В шестидесяти верстах отсюда, за Байкалом, оно кончится; там начинается другое образование, другое чувство изящного, другая религия.

* Осип Петрович (Козодавлев).

** [*Через различные превратности и через столько моментов грозной опасности (лат.)*]

Не заключите из сего, что я сожалею о моем странствовании. Не выбрал бы я его сам собою, но рад, что оно для меня выбрано. Нравственная или, лучше сказать, политическая сторона сего края, местное управление его и род дел, на меня возложенных, превышают почти все мое терпение, но чудесная сила здешней природы, удобность видеть и почти считать все степени общественного образования и чувство, что в общем движении разума человеческого, в развитии сил его я здесь нелишний, что тем или другим образом, в настоящем или будущем могу быть полезен, — сие одно заставляет меня забывать все трудности, пренебрегать все опасности моего положения. Присоедините к сему и надежду некогда, сидя у пристани, беседовать с вами о здешних былях и небылицах, представлять вам сибирские картины, узорочности здешнего края и, как старики многоглаголивы (а я старею), сто раз вам повторять и вместе с вами выводить из всех опытов, из всех наблюдений одну и ту же истину, что везде, на всех концах света есть всеобщее движение от телесного к духовному, от тьмы к свету, от заблуждений к истине; мысль утешительная, необходимое возмездие всего настоящего. Между тем, покуда придет время сей беседы, утешайте меня вашими воспоминаниями. Письма ваши везде мне были драгоценны, а здесь еще более. Отправление сюда пекинской миссии в декабре доставит вам случай наполнить несколько пустоту моих занятий, прислав мне что-нибудь полезное для прочтения. Легко себе представить, как я благодарен за книги, полученные с Цейером. Хотя время мое все почти расхищается делами (огорчительными, несносными), но тем более буду вам благодарен за несколько минут свободного дыхания.

Мне писали, что уже печатается 9-й том Истории Н. М. Карамзина, камень претыкания, но, верно, он пройдет его благополучно — *sine ira et studio*.^{*} Не можно ли будет доставить, если успеет к тому времени; впрочем, и почта здесь верна.

15. А. А. Столыпину

Иркутск, 18 сентября 1819

Я давно не писал к вам, любезный мой Аркадий Алексеевич, потому что четыре месяца с небольшим был почти непрерывно в дороге. Две недели как я здесь на месте, и

^{*} [без гнева и пристрастия (лат.)]

странствование мое на сей раз считаю конченным. Здесь останусь на всю зиму, а на весну — что Бог даст.

Теперь время дать вам отчет в моих похождениях. Начну с Тобольска. Здесь нашел я жалобы и злоупотребления почти обыкновенные и всем губерниям общие. Губернатор человек старый, слабый, но добродушный и благовоспитанный, враг Пестелю, хотя и зять ему, и хотя им сюда определен, но враг непримиримый по домашним сплетням и по образу мыслей. Обозрев, заметив, исправив, что было можно, и сделав несколько примеров строгости над земскими начальниками, особливо же доправив с них взятки и возвратив каждому свое, я учредил здесь из оппозиции надзор и отправился в Томск. Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно бы было сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и, по глупости губернатора Иличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые. Почтмейстера я, во-первых, удалил, толпами отдал под суд, более отрешил и переместил; о губернаторе же писал (от 31 июля) к государю, чтоб его, по крайней мере, устранить от должности до окончания начатых следствий; следствия сии наряжены и открыты в самых отдаленных краях губернии. Здесь должно вам заметить, что, начиная с прокурора и восходя выше, генерал-губернатор по инструкции должен представлять, но не имеет права никого удалить, хотя бы застал и на месте преступления. Той же самой меры спрашивал я и для Трескина; ответа еще не имею и по времени прежде октября иметь не надеюсь. К кн. Алр. Ник. Голицыну писал вместе с тем некоторые подробности. Заключив таким образом ревизию сей губернии, отправился я в Иркутск. С дороги в сторону обозрел Енисейск, чтоб сблизиться с Туруханском и послать туда особенную следственную комиссию. На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, пресловутым *Лоскутовым*, исправником нижнеудинским. С двух первых слов я его отрешил и, тут же арестовав, оставил за границею губернии. Мера сия была нужна. Страх десятилетнего его железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов. В Нижнеудинске, маленьком, грязном, болотистом городке, я принужден был остановиться и учредить особую следственную комиссию. Не было во всем уезде почти ни одного селения, из коего бы не поступило жалоб или на взятки, или на жестокости.

Количество *первых*, по первому обозрению, простиралось уже до двухсот тысяч рублей. По счастью, в самом начале мне удалось схватить имение виновного: табуны скота, знатное количество мехов и серебра в деле и восемьдесят тысяч чистыми наличными деньгами. Обоз с деньгами, мехами и серебром отправил я торжественною процессиею в Иркутск. Невзирая на сие, в Иркутском уезде все молчало: так страх, укоренившийся здесь 13 лет, связал все умы. Я должен всего доискиваться и развивать клубок с медленностью и великим терпением. Злоупотребления монополии очевидны, но дело в том, чтоб обличить и доказать их пред законом формальным образом. Устранение губернатора всему послужило бы развязкою. Что есть Трескин? Человек наглый, отменно смелый, не глуп, хоть и худо воспитан, но хитр и лукав, как демон. Он составил себе здесь партию не только из всех чиновников, с коими делился, но даже из всех почти купцов, с коими производил торговлю. Сия связь поддерживается и усиливается еще письмами моего предместника, члена совета и сенатора. Вы можете себе легко представить, какой вес имеют здесь сии внушения; в них он старается доказать, что я ему друг совершенный, что мы с ним соединены и чувствами какого-то особенного христианства (он принадлежит, по словам его, к моравским братьям, в коих верует и Трескин и коих я почти совсем не знаю), и образом мыслей. Письма сии приходят сюда каждую неделю; некоторые из них я сам видел. Между тем я с Цейером один. Вся канцелярия составлена Пестелем, и переменить ее здесь нет никакой возможности. Вот мое положение. Такова, однако же, надежда моя на силу истины, что, при всех затруднениях, я надеюсь к новому году все окончить и привести дела и преступления в такую ясность, что останется только приложить закон и определить меру наказания.

Теперь я вас вопрошаю: мое ли дело разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления? Должно покориться своей судьбе, и, по счастью, я уже опытом и упражнением сему научился. Даже из кроткого и доброго Цейера сделал я здесь председателя следственной комиссии. Я забыл вам описать сию сцену. На третий день моего приезда я собрал все палаты, вошел в присутствие и заставил прочитать три предложения: 1) что я приступаю ревизовать губернию на основании сенаторской инструкции; 2) что открываю следственную комиссию; 3) довожу до сведения правительства злоупотребления, открытые в Нижнеудинске. Бумаги сии вы увидите в

печати. Последнюю желали обезобразить длинною справкою и в сем виде разослали по уездам. Сими актами я желал скорее разорвать здешние связи и переменить направление, но сила привычки и страха такова, что все сие не произвело еще полного действия.

Знаете ли, кто сочиняет Пестелю ²⁵ в Петербурге официальные бумаги? Ф. П. Львов, тот, что был у графа Румянцева. Пестель сам ничего писать не может; все бумаги или сочинялись здесь на заказ у Трескина, или Львовым в Петербурге. Вы можете после сего судить о его связях. На сих днях в письме он уверял, что князь Лопухин отдает совершенную справедливость Трескину и уверен, что я его оправдаю. При случае не худо бы вам дать заметить старику, что он ни Трескина, ни меня не знает, когда так думает.*

Прилагаю несколько писем, кой прошу отдать лично, изъяснив, что они получены с курьером сенатским: 1) к князю А. Н. Голицыну. Через него веду я всю существенную переписку, прекратив всякое сношение с графом Аракчеевым, чего, кажется, и он желал. В сем письме даю ему краткое, но ясное о делах понятие. Всегда *ostensible*.** Я уверен, что Пестель переменит голос, когда услышит; 2) к Д. А. Гурьеву при официальном отношении, об отсрочке хода ассигнаций; письмо личное — одно воспоминание; 3) к графу Нессельроду официальное по делам пекинской миссии и откровенное по делам здешним, *ostensible*.

Перехожу теперь к делам домашним. И, во-первых, благодарю за все ваши распоряжки, но вы еще все в долгу, доколе не продадите дома Дубенскому на прежнем основании. Чего хочет от меня Бергин? Он согласился с Жерве,²⁶ чтоб положить в банк 7000 руб. Сие исполнено. Хочет ли он получить сии деньги? Пусть даст квитанцию полную, чистую в том, что все счета мои с ним окончены, с ним и с его конторою, и что ни ему, ни конторе я ничего более не должен; в этом всегда состояло все дело. Дай квитанцию и возьми деньги, но он толкует о векселях, кои по моей словесной просьбе (при расчете Марианы с Злобиным) даны были Злобиным на его имя и им надписаны (*endossées****). Из сего он выводит какой-то страх, что векселя сии могут возвратиться и на него

* Цейера Пестель лично уверял, что он защищал Трескина только в виде подчиненного. Но это связь совсем другого рода. Не верьте бедности моего предместника.

** [нескрываемый (*фр.*)]

*** [с полной ответственностью (*фр.*)]

пасть взыскание. Глупость пресововершенная, ибо ищут не тех, кому Злобин должен, но тех, кто ему должен. И впрочем, всему, если не кончилось, то вскоре кончится десятилетие.

Крайне сожалею, что Елисавета редко бывает у Веры Николаевны, но сего сообразить невозможно. Продолжайте ее любить и не вините неволи, которая есть следствием моего положения. Прилагаемый при сем ящик чаю прошу доставить к ней для назначенного мною подарка;* летом чай пересылать почти нельзя. Подождите до зимы. Я вам пришлю самого лучшего.

Курьеру, который вручит вам сие письмо, порекомендуйте быть молчаливым; он весь предан Трескину, который умеет людей сего рода ублажать. И в прежнюю поездку он много развозил нелепостей, кои я встретил на дороге.

Прощайте, любезнейший; душевно вас обнимаю.

К Тургеневу ²⁷ пишу в ответ безделицы.

О здешних делах вы не оставите побеседовать с Д. А. Гурьевым, что Трескин устранен и окружен здесь следствиями. Ваше дело, дело всех честных людей, защищать меня. Впрочем, я все к генварю окончу и по присяжной совести.

Я нашел здесь Словцова,²⁸ не в счастии, но в спокойном философском уединении; он совестный судья и директор гимназии, постарел, но свеж еще мыслями. Разумеется, что мы каждый день вместе, и советы его мне весьма полезны.

Письмо к С. С. Уварову есть благодарность за посвящение меня в члены академии наук. Я действительно ему благодарен.

16. Графу К. В. Нессельроде

Ce 18 Septembre 1819. Irkoutsk.

Au rapport officiel que j'ai l'honneur de Vous soumettre, permettez Mr. le Comte que j'ajoute quelques lignes en particulier.

Je ne connais pas personnellement le Baron de Schilling que Je Vous propose pour laplace de Пристав à la mission de Pékin. C'est M-r Tourgeneff (А. И.) qui me le recommande et d'après ce qu'il m'en dit je le crois capable de remplir cette place avec avantage. Je ne fais que commencer mes études dans cette partie, mais je m'apperçois déjà qu'il nous manque beaucoup de connaissances positives et sur les hommes et sur les choses.

* Хотя и надписан он на ваше имя.

Un homme d'esprit par conséquent, qui nous aiderait par des observations plus exactes à fixer les idées, ne serait pas de trop. A propos de mission. Il ne Vous sera pas indifférent, peut-être, de savoir un peu où j'en suis de ma propre expédition dans ce pays. Il ne tiendra pas à moi ni à mes efforts de sortir avec quelque avantage de cette lutte où je me vois inopinément engagé. Car c'est une véritable lutte, mon cher Comte, que cette administration dont on m'a chargé. J' ai à combattre non pas des abus par pelotons, mais un système des abus en bataille rangé et savamment combiné. Au reste le danger n'est pas ici sur les lieux, mais chez Vous; c'est là qu'on essaiera de m'attaquer par les calomnies, par les faux rapports etc. etc. Heureusement les suites en seront dans les maines de l'Empereur, et il est trop juste, sa raison est trop élevée pour être atteinte par les fausses apparences d'une administration abusive qu'il a lui même découvertes et signalées. Je conclus donc par le vieux proverbe: *fais ce que dois, advienne ce que pourra...*

Adieu, mon cher Comte, continuez moi votre précieuse amitié et croyez à toute la sincérité des sentiments que je Vous ai voués.*

18 сентября 1819. Иркутск.

* К официальному отношению, которое я имею честь вам представить, позвольте мне, граф, присоединить еще особо несколько строк.

Я лично не знаю барона Шиллинга,²⁹ которого вам предлагаю в пристава пекинской миссии. Его мне рекомендует Александр Иванович Тургенев, и, судя, по его отзыву, мне кажется, что он способен успешно исполнять вышеназванную обязанность.

Я только что начал изучать эту часть, но уже и теперь замечаю, как много недостает нам положительных знаний и о людях, и о делах. Следовательно, умный человек, который бы более точными наблюдениями мог содействовать к установлению мыслей, был бы не излишним. Кстати, по случаю миссии. Может быть, вам было бы любопытно знать, хотя отчасти, в каком положении находится моя собственная миссия в этом крае. Я употреблю все, что будет зависеть лично от меня и от моих усилий, чтоб выйти с каким-либо успехом из этой борьбы, в которой я нечаянно принял участие. Управление, на меня возложенное, мой дорогой граф, — действительная борьба. Мне приходится сражаться не с отдельными злоупотреблениями, но с целюю их системою, построенною в боевой порядок и с искусством составленною. Впрочем, опасность не здесь, на месте, но у вас, где будут пытаться нападать на меня клеветами, ложными доносами и проч. К счастью, последствия всего этого будут находиться в руках государя, а он слишком справедлив, ум его слишком возвышен, чтобы поддаться обманчивой наружности незаконного управления, которую он сам открыл и указал. И так я заключаю старую пословицу: *делай, что ты должен, и пусть будет, что будет.*

Прощайте, мой дорогой граф, не оставляйте меня вашей драгоценною друбою и верьте всей искренности чувств, которые я к вам питаю.

17. Графу В. П. Кочубею

Иркутск, 18 декабря 1819

Милостивый государь
граф Виктор Павлович!

Иркутский купец Трапезников, отправляясь в Петербург, представляет мне случай писать к вашему сиятельству.

Поздравления, приносимые вам со вступлением в Министерство, не могут быть бескорыстны; тут все, знающие вас лично или по воспоминаниям, будут более поздравлять себя, нежели вас. Достоинство правительства есть лучший залог, первая потребность управляемых, необходимое условие их доверия. Не занимаясь другими, я желал бы здесь представить собственные мои чувства, но они столько вам известны, что все изъяснения я должен счесть излишними. Вместо того представляю вам краткий отчет моего здесь пребывания.

Все, что утверждали в Петербурге о сибирских злоупотреблениях, все предчувствия, кои видел я в письме вашем, я нашел здесь на самом деле. Начну с Тобольска. Здесь старому фан-Брину можно упрекнуть почти одну слабость. Положительно, однако же, можно утверждать, что нет ничего вопиющего. Вопль начинается в Томске. Тут поборы тягостнее, чиновники отважнее, преступления очевиднее. Но самое дно злоупотреблений есть Иркутск. Всякий другой край, менее обильный, менее торговый, был бы ими подавлен совершенно. Трескин есть человек необыкновенных способностей: смел, решителен и чрезмерно сметлив. Надобно было, чтоб к нему присоединился еще другой рыцарь, еще его решительнее, и притом лучшее, самое деловое перо, какое только встречал я в жизни. Это есть некто Белявский. Нося разные должности и быв наконец председателем гражданской палаты, он всегда был его секретарем, правою его рукою. Все, что вы изволили видеть в сибирском комитете, в совете, все записки, все представления Ивана Борисовича, самые его письма к государю, все здесь было сочиняемо; я нашел здесь все в проектах. Я был уже в Тобольске, как сей Белявский начал сходить с ума, сошел и вскоре потом умер, оставя по себе впечатление страха и значительное богатство. С сими двумя лицами два или три исправника, также лица весьма неглупые и отважные (в том числе и тот пресловутый Лоскутов, что высек протопопа), составляли всю силу здешнего управления. Естественно к ним примыкалась толпа людей

разного рода: чиновники, купцы, казаки, бурятские тайши, сельские головы, и все сие составляло систему многосложную, но довольно стройную. Уверенность в сей связи и поведение мое в Тобольске осветило и обнадежило их до того, что они пренебрегли лучшие меры осторожности. Можно было уменьшить жалобы, сделать некоторое возмездие обиженным, но они ни с чем не умели расстаться. Сей ложный расчет произвел то, что на самой границе Иркутской губернии был встречен жалобами, до Нижнеудинска я был ими провожаем. Тут принужден был остановиться и учредить следственную комиссию. Одних денежных поборов в первые два или три дни предъявлено и доказано на Лоскутова до 300 000 рублей. При описи имения у него найдено одними наличными деньгами и серебром более 100 000 рублей. По приезде в Иркутск все замолкло; здесь действовал еще страх 13-летнего управления. Скоро, однако же, и здесь открылись те же явления; учреждена и здесь особенная следственная комиссия. Сверх множества беспорядков обнаружено ею доселе одних незаконных поборов более двух миллионов рублей. Не буду при сем описывать всю огорчительность, всю несовместность сих упражнений с моими мыслями и привычками. Ваше сиятельство всегда были ко мне столь благосклонны, что можете предположить сие и без моих изъяснений.

Между тем сношения мои с Петербургом учредились посредством князя Голицына. Мне указана была сия дорога свыше, ибо на письмо мое к графу Аракчееву из Пензы получил я в Казани ответ не чрез него, но чрез князя Александра Николаевича. Впрочем, сношения сии доселе ограничивались краткими отчетами в партикулярных письмах с тем, чтоб они представляемы были Всемиловейшему государю. Одно только официальное представление сделал я из Томска. По ходу дел я заключил, что устранение иркутского и томского губернаторов будет необходимо, и потому просил дозволить мне сие, когда я признаю нужным. На сие последовал рескрипт из Варшавы. Я начал с Трескина. Сею мерою дела пошли и лучше и скорее. Для устранения Илличевского ожидаю окончания комиссии, посланной мною еще в августе в Туруханск.

Описав вам мое прошедшее и настоящее, не могу не коснуться и будущего.

Послание мое сюда имеет два вида: один по указу, коим вверено мне управление, другой по рескрипту, коим возложено на меня 1) произвести следствие, 2) представить способы к лучшему и прочному устройству сего края.

По выражениям сего рескрипта, исполненным благодати и доверия, я с точностию держусь его смысла и считаю пребывание мое здесь временным поручением. Я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вещей порядке есть вещь, для меня невозможная, да и никто, думаю, со здравым смыслом на сие не отважится. Посему, не занимаясь делами управления, как только в самых необходимых и текущих его отношениях, я считаю существенным своим делом следствие и будущее образование. Дело сие приходит к концу. К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего. Смеею даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство лишится последнего к себе доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства, а введение сие от меня не зависит. Оно должно быть рассмотрено и решено в Петербурге. Отсюда вопрос: должен ли я в марте пуститься отсюда в обратный путь? По выражению рескрипта, дело, мне поручаемое, могло продолжиться *год или полтора*. Посему я мог бы считать и возвращение мое, и срок его уже решенным. Но привыкнув к строгой покорности, я не хочу испортить осмилетнего моего терпения минутною нетерпеливостью и потому полагаю в генваре, дав краткий отчет и означив срок окончания здешних дел, испрашивать дальнейших повелений, изъяснив, что пребывание мое здесь будет далее бесполезно. Ответ может прийти сюда в конце марта, и тогда, судя по оному, могу я или ускорить моим отправлением и могу даже в конце мая или в июне быть в Петербурге, или же, получив противное моему ожиданию, отправить отсюда со всеми делами и предположениями моими Цейера, сам буду просить увольнения от службы и ожидать его в Тобольске. Расстояния не позволяют мне ожидать на сие вашего совета, но, по всем опытам прежней вашей ко мне благосклонности, смею надеяться, что с возвращением Трапезникова ваше сиятельство изволите сказать мне ваши мысли и рассеять мрак, меня окружающий.

Вашему сиятельству, без сомнения, любопытно знать, до какой степени предместник мой в беспорядках здешних мог участвовать. По совести скажу, доселе не мог я открыть ничего личного и непосредственного. Некоторые безделки и пустые лакомства можно назвать малодушием, но не корыстолюбием. Кажется, он был содержим в заблуждении и не хотел из него выйти потому только, что не мог расстаться ни

с местом, ни с Петербургом. Впрочем, судя по делам, не только Сибирью; ему, кажется, трудно было бы управлять и Олонецкою губерниею. Новое и разительное доказательство, что хитрость не есть ум и ум совсем не хитрость. Кстати, здесь случайно открылось, что бумаги его между прочими сочинял известный Львов, что был в Министерстве коммерции.

Примите, милостивый государь, свидетельство совершеннейшего почитания и искренней преданности, с коими честь имею быть вашего сиятельства

покорнейший слуга

М. Сперанский.

Позвольте мне привести себя на память милостивой государыне графине Марье Васильевне и Наталье Кирилловне и благодарить их за воспоминание и внимание к моей дочери.

18. Князю А. Н. Голицыну

30 января 1820

С возвращающимся фельдъегерем долгом поставляю возобновить повествования мои вашему сиятельству о здешних моих упражнениях.

В последнем письме я остановился на открытиях, кои следствиями здесь обнаружены. Устранение губернатора ускорило движение сих дел. Большая их часть приведена к концу; остальные, по всей вероятности, окончатся к марту месяцу. Между тем все сведения, к будущему устройству сего края нужные, собраны, и я занимаюсь приведением их в порядок. Надеюсь, что обе работы, мне предназначенные, т. е. отчет в обозрении губерний и предположения к будущему их устройству, если не прежде, то к маю месяцу совершенно будут готовы. Отправление пекинской духовной миссии к тому же времени будет окончено. После сего пребывание мое в Иркутске будет бесполезно; с мая месяца, на обратном пути в Тобольск, я полагаю обозреть еще некоторые места, в стороне от дороги лежащие. Все сие, вероятно, кончится к осени.

Ваше сиятельство не изволите, конечно, найти странным, что в генваре я помышляю и пишу к вам об осени. В Сибири это не слишком рано.

Сие приводит меня и к общему вопросу о времени моего здесь пребывания, к вопросу, коего благовременное разреше-

ние и для меня лично, и для дел мне кажется необходимо. Я осмеливаюсь в письме на имя Всемиловейшего государя, при сем прилагаемом, испрашивать сего разрешения. И вот мои причины.

По окончании дел, особенно мне здесь предназначенных, какая может быть цель дальнейшего моего в Сибири пребывания? Текущие дела и без меня идти могут. Управлять же краем сим без людей и без способов невозможно. То и другое от меня не зависит. Людей не в Сибири искать должно, а способы требуют государственного общего соображения. До того же времени, как соображение сие будет сделано, я должен буду в бездействии или в невольном послаблении, с уроном здоровья и всех моих семейственных обязанностей, потерять и то малое доверие, которое здесь приобрел. Тот же порядок, те же люди, те же будут и последствия. Возникнет ропот и жалобы, и я, быв послан сюда для следствий, в конце сего года сам могу быть подвержен следствиям. Присоедините к сему, что ревизия поставила меня по необходимости в непримиримой вражде почти со всеми чиновниками: одни преданы суду, другие находятся под следствием. Могу ли я действовать не только с честью, но даже и без опасности?

Признаюсь вам в моей слабости. При мрачных здешних делах сии мрачные мысли столько меня смущают, что я не помню в жизни положения (верьте всей силе и искренности сего слова), более для меня затруднительного и жестокого. Столько может быть противоречия между внешним видом и внутренними чувствами!

С радостью принял я здесь английских миссионеров. Отличные поистине люди. С товарищем их, в Селенгинске живущим, чрез письма я познакомился вскоре по моем сюда приезде. Впоследствии ему встретилась нужда в деньгах на строение; я послал ему 4000 рублей с переводом на петербургскую сарептскую контору. Он уже изрядно разумеет по-монгольски и по-русски; жаль, что Селенгинск есть бедный заштатный город, в коем нельзя найти для них сносного помещения. Но нынешним летом дом их отстроится, и на зиму они будут иметь порядочный приют. Впрочем, это есть средоточие нашей Монголии. На сих днях отправляясь в тот край, надеюсь их навестить.

Отца Петра, ни свиты его здесь еще нет. Ожидаем их в половине или в конце февраля. Впрочем, к отправлению его у нас все почти готово и, кажется, никаких препятствий не предвидится.

Библейское наше дело идет здесь с довольным успехом; собираемся уже открыть три или по крайней мере два товарищества: одно в Якутске, а другое в Верхнеудинске.

Все письма ваши для меня драгоценны, но, признаюсь вам, ответа на сие письмо буду ожидать с нетерпеливостью, которую другие назвали бы малодушием, но вы уважите мои побуждения и покроете все любовью, которая одна всему веру емлет и николи же отпадает.

Примите свидетельство совершеннейшего почитания и преданности, с коими честь имею быть и проч.

19. Императору Александру I

30 января 1820

После обозрения Тобольской и Томской губерний, окончив ныне обозрение и губернии Иркутской, я считаю обязанностию предварительно и кратко донести Вашему Императорскому Величеству о главных предметах, обнаруженных при сем последнем обозрении:

I. Злоупотребления в порядке заготовления хлеба для магазинов провиантских, винокуренных и запасных.

II. Злоупотребления в порядке земских и волостных повинностей, в налогах и наборах, особливо с ясашных.

III. Злоупотребления в движении внутренней промышленности и торговли и введение правил, противных пользам их и свободе.

В сих общих оглавлениях заключаются многосложные и разнообразные подробности и обширное производство двух следственных комиссий, под начальством статского советника Цейера учрежденных и под ежедневным моим надзором действующих. Число людей, прикосновенных в разных степенях, составляет до 116 человек; сумма одних частных взысканий простирается свыше двух миллионов.

Злоупотребления того же рода, исключая провиантских, найдены и в губернии Томской, но в числе несравненно меньшем; в Тобольской же, можно сказать, в степени незначительной.

Меры, доселе мною принятые, состояли единственно в пресечении зла:

1) Удалением чиновников и преданием их суду, сколько нужды обыкновенного течения дел и недостаток людей позволяли.

2) Устранением иркутского гражданского губернатора от должности подробным изысканием всех жалоб и доносов, на него возникших, и приведением в ясность всех дел, в коих в свое время он должен будет дать ответ в Сенате.

3) Восстановлением законного порядка в производстве торгов и подрядов на хлеб и разные казенные потребности.

4) Распорядком и ограничением земских и волостных повинностей и пресечением поборов.

5) Восстановлением общих правил о свободе внутренней торговли и промышленности.

Но сии меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении их непрочны. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края, отдалению его и образу населения свойственный.

Сообразно воли Вашего Величества, в Высочайшем рескрипте мне изъявленной, изыскание точных сведений, на коих сей порядок может быть основан, составляет важнейшую часть моих упражнений.

Разделяя таким образом обязанности моего сюда послания на две главные части, я буду иметь счастье в свое время представить Вашему Величеству две работы:

I. Отчет по обозрению сибирских губерний, со всеми принадлежащими к тому следствиями и доказательствами.

II. Предположение об управлении сибирских губерний, с принадлежащими к тому штатами и особенными положениями.

Если вид страстей и слабостей человеческих оскорбит внимание Вашего Величества, то взамен того возможность и средства устроить в сей части света лучший порядок, без сомнения, представят благотворной душе Вашей приятное упражнение.

Я не могу с точностию определить времени окончания сих работ, но надеюсь, что к маю месяцу они будут готовы. К сему же времени окончены будут и частные поручения об отправлении духовной миссии в Пекин и экспедиции к Ледовитому морю. Между тем на сих днях отправлюсь для обозрения так называемого здесь Заморского края, т. е. округ, за Байкалом лежащий.

После сего пребывание мое в Иркутске будет бесполезно, и я полагаю часть летнего времени лучше употребить на

вторичное и окончательное обозрение Томской и Тобольской губерний. В первой из них остается сделать окончательное заключение по следствию, в Туруханске произведенному; в обеих же устройство дорог, мостов и перевозов, как одни из величайших тягостей народных, требуют еще внимательного рассмотрения.

Окончив сие второе обозрение, я смею думать, что дальнейшее пребывание мое в Сибири не будет иметь цели. Милосердие Вашего Величества ко мне не попустит, чтоб с утратою здоровья и семейственных обязанностей утратил я здесь и то малое право, которое доселе мог приобрести на доверие, а утратить его я непременно должен, если, обнаружив злоупотребления, возбудив надежды к лучшему и не быв в состоянии с прочностью сделать ничего лучшего, я оставлен буду здесь для одних текущих дел без людей и без способов. Способы и люди от меня не зависят. Способы требуют соображений государственных, а людей приискать мне в Сибири невозможно.

Повергая все сие в милостивое и правосудное Вашего Императорского Величества усмотрение, с благоговением буду ожидать решения.

20. Князю А. Н. Голицыну

20 мая 1820

Я имел честь получить Высочайший рескрипт и письмо вашего сиятельства от 25 марта. Доколе пребывание мое в Сибири имело определенную цель и некоторую пользу, я исполнял назначение мое с ревностью и терпением. Но теперь, когда все дела, мне порученные, кончены, мне остается влачить здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, но не истребить, ибо порядок управления, краю сему несвойственный, остается тот же; исправить его я не могу; люди остаются те же, переменить их нечем. Я не могу даже дать движение суду над ними, ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течения дел.

Между тем четыре или пять месяцев отсутствия и личных изъяснений были бы достаточны, чтоб рассмотреть представ-

ления мои в их совокупности и решить будущее устройство сего края. После сего введение и утверждение его на месте, мне ли или кому-либо другому было бы сие вверено, не представило бы больших затруднений; люди были бы приисканы, дела приняли бы законный ход и правительство нашло бы в Сибири такие способы, кои, смею утверждать, доселе были ему неизвестны.

Не буду обременять ваше сиятельство личным моим положением, постепенным погашением телесных моих сил, совершенным пренебрежением домашних моих обязанностей и расстройством малого моего имущества. Все сии жалобы, сделавшись обыкновенными, давно уже потеряли к себе вероятие. Но верьте им или нет, они тем не менее тяжки.

Обращусь к предметам другого рода. Я уже имел честь писать о ходе здесь библейского дела. После того на сих днях из Якутска получил я уведомление, что и там сотоварищество может быть открыто.

Мне писали, что перевод Подражания расходится с успехом. Если благотворительное общество, коему принадлежит сия книга, расположится сделать второе издание, то я желал бы переменить несколько слов и выражений, не для красоты слога, но для ясности и большей еще точности.

В заключение прошу ваше сиятельство поднести государю императору донесение мое на вопрос, в Высочайшем рескрипте означенный.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

21. Графу В. П. Кочубею

20 мая 1820

Все, что мог бы я сказать о благодарности моей за два письма вашего сиятельства, с приставом Тимковским и потом с фельдъегерем полученные, было бы слабо. Вы одни приняли в положении моем свойственное вам искреннее участие, и если надежда моего возвращения отсрочена, а может быть и вовсе отложена, тем не менее я никогда не престану чувствовать цену ваших побуждений. Все уверения других суть учтивости, возникающие от соображения обстоятельств и времени. В истинном их смысле я никогда не ошибался.

Из полуофициального моего письма изволите усмотреть, каким образом первое движение государя, всегда мне благотворное, успели переменить, точно так же, как и в Перми

первое движение, мне с достоверностию тогда означенное, было вызвать меня в Петербург, второе проводить меня за присмотром в деревню.

Срок, в предписании вашего сиятельства назначенный, совершенно был для меня сходим, и по собственному выбору я не мог бы прибыть ранее. Но отсрочка до марта месяца и сама по себе для меня горестна, и еще горестнее по тому смыслу, который она иметь может. В самом деле, мудрено ли в течение десяти месяцев найти причину и изобрести благовидный предлог еще отсрочить и наконец решиться вовсе заточить меня в Сибири? Если бы и не было сего намерения, то смутные дела Европы легко могут родить мысль о каком-нибудь конгрессе, а тогда в сих высших обстоятельствах маловажное бытие мое и совсем уже потеряется из виду. Все сии опасения представляются мне столько вероятными, что я решился сделать еще шаг, тот самый, который и прежде я имел в виду, а именно просить совершенной отставки. Я расчел, кажется, правильно все последствия. Если отставка последует, то, вероятно, с запрещением въезда в столицы, и я отправлюсь умирать в Пензу. Остаток жизни, по всем моим предчувствиям недолголетний, проведу не без утешения и по крайней мере в безопасности. Если не дадут отставки, то по крайней мере сим я решительно заявлю, что служу здесь по неволе, а сделать поступок мой гласным я всегда имею способы; пусть же знают, что девять лет без суда и малейшего обвинения, влача меня по всей России, наконец заточили в Сибирь. Сей пример, если не для меня, то для других пригодится. В сем расчете я полагаю чрез месяц или два послать формальное прошение, которое в порядке службы представлю к вашему сиятельству. Я не солгу ни в одной букве, если в нем скажу, что здоровье мое расстроено; оно может еще поправиться, но не здесь, не со здешними зимами и не при здешних делах. Я поистине не знаю, как я проведу будущую зиму, полагая провести ее в Тобольске. Быв брошен сюда нечаянно, я не успел ничего приготовить. Дому нет ни в одной из трех губерний; в Иркутске осталась одна развалина, 13 лет никем уже не обитаемая; везде помещение самое скудное; морозу 40°; всю зиму я в двух комнатах и не выходил из теплых сапогов.

Впрочем, как настоящую мою полуофициальную бумагу, так и будущее мое прошение предаю в совершенную вашу волю, и какое бы употребление ни расположили вы из них сделать, или и совсем не сделать никакого, я все признаю лучшим и для меня благотворным.

Между тем, чтоб из худых обстоятельств извлечь что-нибудь доброе, если не для себя, то для других, вместе с сим препровождаю представление мое к вашему сиятельству о наградах некоторым чиновникам. Число их вообще по трем губерниям составляет не более 9 человек. Начинаю с г-на Цейера; он действительно был мне верным помощником, я и сам не предполагал в слабом его составе найти столько способов. Канцелярия моя вся составлена из людей, при Иване Борисовиче бывших. Сначала я им не доверял, но впоследствии узнал, что они ни в чем не участвовали. Правитель канцелярии Шкларевский есть старый сенатский секретарь, рекомендованный мне еще от графа Орлова. В нем один только порок, он болен, дряхл и не может управлять никакою канцеляриею. Он ничего не получил при переходе в Сибирь. Настоящий чин заключит его службу и очистит место другому. Прочие суть молодые люди, неопытные, не деловые, но усердные. В малом числе губернских чиновников помещаются только те, коих действительно я нашел исправными и бескорыстными, свойство в Сибири, по редкости своей, немаловажное. О морских чиновниках отправляю вместе с сим представление к морскому министру.

Обращаюсь к другим предметам. Судьба камчатского и охотского внешнего торгова решена. Оба министра уверяют меня, что сие сделано согласно моему представлению; но я никогда не представлял, чтоб внешний торг, два или три года как возникший, торг, на который и тариф был опубликован, вдруг был закрыт. Я представлял только о том, что неудобно связывать себя десятилетним контрактом на китовую ловлю. Промысл сей всегда сопряжен с многолюдною оседлостью на берегу и, конечно, мог быть предосудителен пользам нашей компании, но торговля с Маниллою или с другим каким бы то ни было местом по тарифу не представляет другой опасности, кроме той, что она не удастся и, след[овательно,] сама собою закроется. Камчатские пушные промыслы так ныне ничтожны, что никто, конечно, ни дозволенною, ни потаенною торговлею от них не наживется. Если предположить, что допущением в Камчатку торговли дан будет иностранцам повод производить запрещенный торг на Алеутской гряде, то, *во-первых*, им никакой нет нужды заходить для сего в Петропавловский порт: это была бы только трата времени. Петропавловский порт прекрасный, но закрыт восемь месяцев в году льдами и туманами. Следовательно, кто в него зайдет, тот не выйдет, когда хочет, а

Алеутская гряда всегда почти открыта; *во-вторых*, полагается для защиты алеутских промыслов содержать попеременно два военных судна, сила слишком достаточная, чтоб отучить все мелкие купеческие суда от всяких покушений. Мне жаль Рикорда; лично я его не знаю, но из дел вижу в нем человека благородного и усердного. Он, как меня здесь уверяли, согласился принять начальство в Камчатке с тем именно, что будет дано сему краю некоторое движение посредством торговли. В числе бумаг, зимою от него полученных, есть записка, в коей он, оставаясь в прежнем мнении о пользе сей торговли, испрашивает даже разрешить беспошлинный ввоз суммою до 5000 пиастров. В другой бумаге просит он удвоить число экипажной его роты. Обе сии бумаги теперь делаются уже неуместны, но для сведения посылаю их к министру финансов. Камчатские и охотские промыслы суть капля в море для кяхтинской торговли, но соревнование возвысило бы их цену, а возвышение обратилось бы, без сомнения, в пользу бедных камчадал и тунгусов. Впрочем, все сие я пишу единственно для очищения моей совести пред вами; входить же в споры за 6000 верст в деле, Высочайше утвержденном, я считаю бесполезным.

Из официальной моей бумаги ваше сиятельство усмотреть изволите, что нынешнею осенью или зимою Трескин будет в Петербурге. Я достоверно знаю путь его; он пойдет чрез Шмита и вообще чрез сарептское общество, ибо как он, так и Пестель, Бог знает как и почему, но принадлежат несколько уже лет к моравским братьям. Согласите, если можно, со здравым смыслом сие странное смешение. Но я никак не удивлюсь, если они в происках своих успеют, если они будут правы, а я останусь виноватым. Не удивлюсь даже, если Трескин будет здесь генерал-губернатором, как то он здесь положительно и с свойственною ему наглостию уверяет. Если из меня, рожденного искренним христианином, сделали безбожника, а потом опять произвели в христиане, то чего не может быть и с другими!

Мне могут сделать вопрос: почему я не присылаю образования Сибири, если оно готово? Искренно вам признаюсь, это была бы с моей стороны большая простота, но, независимо от личных соображений, какого успеха могу я ожидать от сего заочного представления? Можно ли положить на бумагу все подробности столь обширного дела? И кому у меня писать, когда и переписать даже некому? Сверх сего предположения мои о Сибири столь сами по себе сильны, что и при личных

изъяснениях, даже при большом благоприятстве обстоятельств, я сомневаюсь еще, чтоб они были приняты. Но сие сомнение никак не остановит меня сказать всю правду и нимало не переменит видов, основанных на совести и внутреннем моем убеждении.

Я пойду далее и, по доверенности ко мне вашего сиятельства, буду говорить с полною откровенностию. Какою волшебною силою человек, брошенный сюда из Пензы без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никаких новых и значительных инструкций, вступив в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Цейером обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составленные, и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманых и привычкою скрепленных? Мы не в том веке живем и Сибирь не тот край, где бы истина могла одна произвести сии явления. Сия волшебная сила была нечто другое, как страх, как уверенность, что я скоро в состоянии буду обличать всех лично пред правительством. Я должен был поддерживать сию уверенность, и поддерживал ее по самой крайней возможности, но она слабеет и должна слабеть по мере, как страх и возможность сего личного обличения отлагается. Не рассеивает ли уже и теперь г-н Трескин (всегда лучше меня знающий петербургские вести), что он возвратится сюда генерал-губернатором? Что же будет тогда, как он будет нынешнею зимою в Петербурге, а я в Иркутске или в Тобольске? Сенат требует его к ответу; удержать его здесь я не могу, ибо все следствия здесь кончены, и он на сих днях отправляется. Как могу я управлять без моральной власти? Скажут, законами, — как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род очарования; надобно знать его меру, чтоб им пользоваться.

Вопрос: кто наиболее постраждет от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, мне данная, будет пренебрегаема, в сем не могу я иметь ни малейшего сомнения.

Сожалею, что столь долго задержал дела бывших здесь губернаторов Корнилова и Хвостова; теперь они совсем готовы, и на следующей почте отсылаю донесение мое чрез графа Аракчеева, ибо так в письме его о них назначено. Они

совершенно правы, и я поручаю возмездие их в самых положительных выражениях правосудию государя.

В заключение желал бы изъяснить все чувства благодарности моей за внимание ваше к моей дочери. Собственные мои огорчения были бы для меня сносны. По счастью, я вхожу в такие лета, когда можно видеть им конец, да и чувство личное с летами и с опытом слабеет. Но мысль, что она должна быть жертвою моих обстоятельств, есть поистине для меня убийственна. Я всегда имел и надеюсь впредь иметь не менее религии, как и те, кои столь громко и столь исключительно ее себе присвоят, но со всем тем дух бодр, а плоть немощна.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

P. S. Ваше сиятельство, без сомнения, изволите примечать, что я ни в письме к государю, ни к другим не упоминаю о предписании вашем от 8 марта, предоставляя на вашу волю заметить или не заметить противоречие между 8 и 20 того же самого месяца.

22. Графу В. П. Кочубею

11 декабря 1820

С истинною благодарностию получил я письмо вашего сиятельства от 2-го ноября.

Один из первых моих вопросов ко всем моим знакомым всегда был о вашем здоровье. Из писем, ко мне доходящих, вижу, что не я один принимаю в сем самое искреннее участие. Не мое одно мнение, но мнение многих людей, кои лично вас даже и не знают, есть то, что присутствие ваше в делах, всегда полезное, ныне кажется почти необходимо. Все чувствуют трудности управления как в средоточии, так и в краях его. Нет ничего справедливее вашего о сем замечания. Люди вообще у нас, как и везде, ко всему сделались чувствительнее и взыскательнее. Прежде знали в провинциях одно действие власти, ныне требуют законности, и хотя худо ее понимают, но последний крестьянин готов спорить с мирским головою, а дворянин с губернатором. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла; о сем прежде всего должно было бы помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституциях, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят.

Представляю вашему сиятельству дополнительные сведения о ревене. Тут много было злоупотреблений, не в самой, однако же, его мене, но в заготовлении пушных товаров. При губернаторе не столь корыстолюбивом ремень будет обходиться дешевле.

Из записки, при бумаге вашей приложенной, случайно узнал я в первый раз, что назначено посольство в Бухарию и Китай. Нет ли какого-либо смешения в сем назначении? Не думают ли, что из Большой Бухарии можно проникнуть в Китай? И не смешали ли Большой Бухарии с Малою? В деле о посольстве графа Головкина ³⁰ я видел подобные сему странности.

Мало имею я надежды, чтоб предположения мои о Сибири были приняты; одобрение ваше будет уже для меня успехом. Во всех случаях и прежде всего нужно подумать о начальниках. Здесь есть довольно верный слух, что мое место назначается Капцевичу. Если нет лучшего, то можно по необходимости и на нем остановиться. Но сверх сего нужно три губернатора. Тобольский сам давно уже и просил и просит увольнения; на место его есть в виду человек отменно способный, здешний почт-директор Осипов. Он имеет все свойства, нужные для сего звания. Я писал уже о нем предварительно к князю А. Н. Голицыну и имею его согласие. Для Томска и Иркутска никого в виду нет, а оставить томского почти невозможно. Я считаю нужным довести сие предварительно до сведения вашего; может быть, не изволите ли встретить кого-либо годного. Для Иркутска особенно нужен чиновник опытный и сколь можно честный. Для любопытства прилагаю образчик тамошнего образа мыслей об управлении. Не скоро будет можно переменить правила, Трескиным введенные. На сих днях при отправлении к министру финансов образования здешней соляной части я писал к нему и о вице-губернаторах. В Тобольске и Томске могут остаться и настоящие, но в Иркутске переменить необходимо нужно по его усмотрению. Сделав сии настоятельные перемены, можно уже будет с меньшею заботливостию и беспокойством заняться рассмотрением и общего Сибири образования.

Не прежде 1 февраля полагаю я оставить Тобольск; путь возьму на Пензу, где необходимо нужно мне побывать, и таким образом путешествие мое продолжится до половины или исхода марта.

Примите, милостивый государь, и проч.

23. А. Н. Оленину

Секретно.

С.-Петербург, 7 сентября 1822

Милостивый государь мой
Алексей Николаич!

Препровождая при сем к вашему превосходительству показание мое о том, что я не принадлежу ни к какой масонской ложе, ни к тайному обществу, считаю нужным сопроводить оное следующим изъяснением.

В 1810-м или 1811-м г. повелено было дела масонские подвергнуть рассмотрению особого секретного комитета, в коем велено было и мне находиться. По случаю сего рассмотрения, дабы иметь о делах сих некоторое понятие, я вошел с ведома правительства в масонские обряды; для сего составлена была здесь в С.-Петербурге частная, домашняя ложа из малого числа лиц под председательством и по системе доктора Фесслера.³¹ Как целью моею в сем деле было одно познание масонских обрядов, то и счел я достаточным посетить сие собрание *два раза*, после чего как в сей, так и ни в какой ложе, ни тайном обществе я не бывал, да и самое собрание сие, не принадлежавшее к числу правильных и установленных лож, сколько мне известно, само собою прекратилось.

С совершенным почтением честь имею быть вашего превосходительства

покорнейший слуга
М. Сперанский.

24. Императору Николаю I

19 июня 1827

Повергаю к стопам Вашего Императорского Величества чувства благодарности за все милости, коими благоугодно вам было ободрить посильные труды мои и лично, и в Высочайшем рескрипте, здесь мною полученном.

Тщетны были бы все усилия мои и моих сотрудников,* если бы не были они одушевляемы непосредственным и непрерывным вниманием Вашего Величества.

После столетних колебаний и безуспешных опытов Ваше Императорское Величество положили твердую основу сему

* По составлению Полного Собрания законов.

делу. Совершение его должно быть первым долгом совести для всех тех, коих благоугодно Вам было к тому предназначить.

С сими расположениями, при помощи Божией, можно быть уверенным, что время ожиданий сократится и попечения Вашего Величества скоро достигнут своей цели, получают единую награду, неусыпных трудов Ваших достойную, правильного и твердого законодательства.

25. Киевскому митрополиту Евгению

20 мая 1833

Как любителю и знатоку отечественных наших законов, я счел долгом представить вашему высокопреосвященству экземпляр Свода законов чрез московского комиссионера нашего г. Селивановского. Надеюсь, что вы его получили. Примите сие новое от меня приношение как знак воспоминания и искреннего моего к особе вашей уважения.

Поручая себя святительским вашим молитвам, с совершенным почтением честь имею быть и проч.

Р. С. К Своду присоединяю при сем краткое историческое его обозрение.

26. Князю Д. В. Голицыну

23 мая 1833

К Своду законов, который я имел честь вашему сиятельству доставить, составлено мною на русском языке, напечатанное на сих днях «Краткое историческое его обозрение». Для иностранцев оно переведено на французский и немецкий языки. Немецкий перевод печатается, а французский экземпляр при сем прилагаю.

Отправляясь по дряхлости своей искать здоровья у Мариенбадских вод, препоручаю себя благосклонному вашему сиятельству воспоминанию.

27. Графу А. И. Чернышеву

2 ноября 1833

Вследствие объявленной мне в отношении вашего сиятельства от 29-го минувшего октября (№ 9564) Высочайшей воли о составлении учебных книг для руководства в познании

гражданских и военных законов по военно-учебным заведениям, честь имею сообщить, что *мысль* о сем была уже и прежде изъявлена Его Императорским Величеством, но привести оную в исполнение прежде окончания Свода не было возможности потому, что учебная книга должна быть не что иное, как систематический вывод главных правил из законов, приведенных уже в ясный и окончательный порядок.

С изданием свода гражданских законов в феврале месяце сего года мысль сия возобновилась и к составлению гражданской учебной книги сделано распоряжение.

Но труд сей, значительный не столько по обширности его, сколько по строгой точности и ясности тут необходимой, не мог быть, при других упражнениях чиновников II Отделения, приведен к окончанию.

С вероятностью, однако же, можно предполагать, что он к апрелю месяцу будущего года будет окончен.

Составление учебной книги военных постановлений также предположено, но еще не начато потому, что свод сей части законов еще *не окончен*. По отчету в минувшем месяце, от генерал-майора Ахшарумова³² предоставленному, заключать должно, что дело сие не прежде как к апрелю месяцу будущего года может быть совершено, после чего немедленно приступлено будет во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и к составлению учебной книги военных законов.

О всех сих соображениях я имел счастье докладывать государю императору и получил Высочайшее повеление об успехах в составлении учебных книг по сему распоряжку от времени до времени доносить Его Императорскому Величеству.

КОММЕНТАРИИ

Следует заметить, что труды Сперанского не известны широкому читателю, так как они давно не переиздавались. Работа по полному изданию работ реформатора была начата в 1916 г. комиссией по изданию сочинений, бумаг и писем графа Сперанского при Академии Наук. Председателем комиссии являлся академик А. С. Лаппо-Данилевский, ее членами были И. А. Бычков, А. В. Васильев, В. И. Семевский, Н. В. Голицын, А. А. Корнилов, А. Э. и Б. Э. Нольдэ, С. В. Рождественский, С. А. Корф, В. Н. Строев. Комиссия работала до начала 1920 г. и ей удалось издать только первый выпуск трудов. Вскоре деятельность комиссии прекратилась.

І. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ ЗАКОНОВ

Данный текст написан на основе «юридических бесед», которые состоялись в 1834—1838 гг. у М. М. Сперанского с наследником престола — будущим императором Александром II. По окончании бесед Сперанскому было поручено написать для юношества руководство для познания отечественных законов. Подготовленный к изданию курс оказался несколько короче, нежели сами беседы, план и конспективное изложение которых с правкой Сперанского в рукописном виде хранится в Российской национальной библиотеке в фонде Сперанского (см.: Беседы графа Сперанского с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем великим князем Александром Николаевичем. Ед. хр. 1069—1072). Вместе с тем курс включил в себя основные положения философии права и государства Сперанского. Фактически в нем в сжатом виде излагались юридические и политические проблемы формирования самодержавного государственного устройства, основанного на праве и законе — истинной монархии. Этот курс дополнял

другие разделы Свода законов Российской Империи и был для Сперанского своего рода Институциями Юстиниана — учебником для начинающих юристов.

Учебник Сперанского написан с теоретических позиций того времени и в нем осуществлен методологический синтез концепции органического права с этикой права, базирующейся на нравственных ценностях. Правовую философию реформатора можно с полным основанием назвать философией правды. Религиозная этика политики и права отличает концепцию Сперанского: право и мораль для него связаны с человеком, его волей, верой и разумом. Мыслитель с присущей ему методичностью выстраивал логику курса, который начинается с этико-религиозного введения, потом естественным образом переходит в изложение общих политических вопросов и завершается рассмотрением сути самодержавия, его отличия от других государственно-правовых форм. Лекционный курс, хотя и остался неоконченным, включил многие рассмотренные в рукописях, проектах и записках Сперанского проблемы. Следует заметить, что этот курс лекций, несмотря на свою определенную лапидарность, длительное время оставался одним из важнейших трудов по государственному праву в России.

Печатается по: Руководство к познанию законов. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1845.

¹ Это утверждение Сперанского во многом совпадает с точкой зрения английского философа и юриста, родоначальника этико-политического учения утилитаризма Иеремии Бентама (1748—1832), автора труда «Деонтология, или наука о морали» (1834). С идеями англичанина Сперанский был хорошо знаком, и в его архиве хранится письмо к Бентаму, а также ответное письмо английского мыслителя от 28 января 1811 г. Сперанский был дружен и с братом Бентама Самуилом. Вообще Сперанский часто цитирует в своих работах Бентама, и это не случайно. Этика Бентама утверждает в качестве морального и юридического принципа поведения полезность и сводит общественные интересы к совокупности личных интересов. Сперанский также полагал, что в государственной политике необходимо учитывать интересы людей, поскольку «общезитие есть непрерывная борьба польз». Власть должна в своих действиях использовать стремление человека к собственной выгоде, направляя это стремление на решение государственных задач. В качестве примера такой политики он называл, в частности, развитие народной промышленности, которое позволяет органично связать индивидуальные и государственные цели. Идеи Бентама были популярны в России, в числе поклонников английского философа были граф В. П. Кочубей и адмирал Н. С. Мордвинов.

² Категория правды является ключевой в философии права Сперанского; отражая этические аспекты его мировоззрения, она характеризует суть политико-правовых и хозяйственных идей реформатора. С точки зрения Сперанского правда выше полезности и благоразумия, она есть образ действия совести, находящийся на страже союзного бытия. Если

полезность отражает ценности временного бытия, то правда является выражением вечных ценностей. В этой связи мыслитель формулирует закон общения, который не сводится только к семейному, патриархальному союзу, но отражает в целом социальный, соборный смысл бытия человека, начинающийся с примирения человека с самим собой. Следование правде в обществе приводит человека к правде Божьей, к святости, к высшему единству. Точка зрения Сперанского на правду как основание общества и нравственного мира последовательно проводится им в проектах и записках политического характера, являясь решающим аргументом в пользу истинной монархии. Исходя из этого и суд правдивой совести определяется им как универсальный нравственный и естественный закон человеческого общежития.

³ Сперанский выступал последовательным противником теории общественного договора и отстаивал патриархальную концепцию общества, в соответствии с которой государство возникло как следствие развития семейно-патриархальных отношений, построенных не на договоре, а на следовании человека своему долгу, обязанностям. Во многом его позиция отражена в категории союзности как основе социализации индивида.

⁴ Естественные права личности. Важным является вопрос об отношении Сперанского к концепции естественного права. Он полагает, что не существуют права по природе, так как природное право имеется не только у людей, но и у животных. Сперанский критикует и рационалистическую трактовку естественного права, полагая, что природное право как особая разумная сфера не может быть противопоставлена позитивному праву, поскольку и в нем имеются разумные основания. Вместе с тем он находит естественные основания права в «первообразных» семейных, социальных и иных союзах; сохранение союзностей является главным аргументом при определении сущности права. Тем самым категория естественного права у Сперанского получает нравственно-религиозный смысл. Несомненно, что систематический и математический склад ума мыслителя объективно делал его в методологическом отношении близким к философии естественного права.

⁵ Общежительная правда есть справедливость. Сперанский предлагает новую трактовку классической античной концепции справедливости, которая от Аристотеля различает справедливости уравнивающую и дистрибутивную. Если уравнивающая справедливости характеризует взаимоотношение людей в сфере хозяйственно-экономических отношений, то справедливость дистрибутивная затрагивает область социально-политической жизни. Сперанский, не отрицая дистрибутивное измерение социальной справедливости, вместе с тем с позиции христианских, универсальных ценностей ищет область, где уравнивающая и дистрибутивная справедливости совпадают. Принципы морали и христианской жизни могут стать основой справедливых взаимоотношений в обществе: выгодное может быть справедливым, если она способствует сохранению союзностей — общежитий — и подчинена интересам государства. Справедливость заключается в том, чтобы при сохранении социальной

иерархии, которая неизбежна в любом обществе, минимизировать социально-экономическое тягло для большинства народа.

⁶Здесь и далее Сперанский цитирует Свод законов Российской Империи.

⁷Иоанн III Васильевич (1440—1505), государь великий князь; годы правления — 1462—1505.

⁸Софья Палеолог (1448—1503), племянница последнего византийского императора Константина XI, с 1472 г. жена Ивана III.

⁹Базилевс, базилей, базилей, базилев — буквально скипетродержатель. У древних греков — вождь племени, верховный главнокомандующий и верховный жрец.

¹⁰Василий III (1479—1533), государь великий князь; годы правления — 1505—1533.

¹¹Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь и царь; годы правления — 1533—1584.

¹²Изяслав II Мстиславич (1097—1154), великий князь киевский; годы правления — 1146—1154.

¹³Дмитрий Иванович Донской (1350—1389), великий князь; годы правления — 1363—1389.

¹⁴Всякое право, следовательно и право самодержавное, основано на правде. Сформулированное положение соответствует характерному для русской мысли представлению о связанности власти правдой, которое, в свою очередь, понимается как милосердие. Принцип связанности власти самодержца судом совести, государственными договорами и словом императорским призван предотвратить превращение самодержавия в самовластие.

¹⁵Полное название Указа Петра Великого от (18)25 марта 1714 г. — Закон о порядке наследования в движимом и недвижимом имуществах. Согласно этому закону поместья и вотчины были уравнены и закреплены за дворянами на правах собственности. Недвижимое имущество мог наследовать только один из сыновей (или одна из дочерей, если нет сына), а при отсутствии детей имущество передавалось одному из родственников с сохранением фамилии наследователя. Недвижимое имущество запрещалось закладывать и отчуждать. Созданные при этой системе майораты были направлены против дробления дворянских имений (Полное Собрание российских законов. Т. IV. № 4589). Указ был отменен императрицей Анной Иоанновной 9 декабря 1730 г.

¹⁶Закон Салический, или Салическая Правда — памятник обычного права салических франков. Записан в начале VI в. по решению короля Хлодвиг (481—511).

¹⁷Закон о наследственности королевской власти был издан в 1348 г. королем Кастилии Альфонсом XI.

¹⁸Карл VI (1685—1740), император Священной Римской империи, австрийский государь с 1711 г. 19 апреля 1713 г. издал Прагматическую санкцию — новый закон о престолонаследии.

¹⁹Мария Терезия (1717—1780), австрийская государыня с 1740 г.

²⁰Годунов Борис Федорович (1551—1605), царь; годы правления — 1598—1605.

²¹ Шуйский Василий Иванович (1552—1612), царь; годы правления — 1606—1610.

²² Анастасия Романовна Захарьина (ум. 1560), первая жена Ивана Грозного.

²³ Два царя — Иван V Алексеевич (1666—1696) и Петр I Алексеевич (1672—1725) — были вместе на одном престоле до 1696 г. Впоследствии на престоле остался Петр I Великий.

²⁴ Петр II Алексеевич (1715—1730), император; годы правления — 1727—1730.

²⁵ Елизавета Петровна (1709—1761), императрица; годы правления — 1741—1761.

²⁶ Анна Иоанновна (1693—1740), императрица; годы правления — 1730—1740. Сперанский имеет в виду, что период правления Анны Иоанновны был временем упадка в обществе и засилия иноземцев в государственном управлении.

²⁷ Федор Алексеевич (1661—1682), царь; годы правления — 1676—1682.

²⁸ Акт о порядке престолонаследия Павла I от 5 апреля 1797 г. сыграл важную роль в укреплении российской государственности, поскольку он установил четкий порядок в передаче верховной власти и восстановил старинный путь преемства престола по праву первородства (от отца к сыну) по мужской линии. Акт был призван устранить произвол в назначении наследника престола, который господствовал в России со времени Петра I и благодаря которому в XVIII в. произошло столько дворцовых переворотов. В этой связи было издано Учреждение об императорской фамилии, где говорилось, что император российский — государь самодержавный. Причем для материального обеспечения императорской фамилии было образовано особое хозяйственное учреждение под названием Министерства уделов, в ведение которого были переданы дворцовые крестьяне и отдельные имения, принадлежащие членам царской фамилии. Согласно акту воспрещалось занимать престол лицам неправославного вероисповедания. Изменились и другие атрибуты монархической власти.

²⁹ Павел I Петрович (1754—1801), император, годы правления — 1796—1801.

³⁰ Сперанский имеет в виду факты притеснений малолетнего Ивана Васильевича Шуйскими и десятилетнего Петра Алексеевича — Милославскими.

³¹ Сперанский фактически признает разделение властей, которое следует из того, что самодержавие внутри себя разделяется на власть политическую и власть административную.

³² Сперанский, анализируя феномен аристократии, впервые в русской политической литературе предлагает оригинальную типологию форм аристократии и в последующем формулирует принципы государственного управления, основанного на необходимости сохранения баланса интересов новых и старых социально-культурных сил. При этом особый интерес представляет характеристика новой элиты — «аристократии ученой». Именно недооценка верховной властью этой политичес-

кой силы привела ко многим серьезным политическим и культурным коллизиям. Что касается аристократии служебной, то она, представленная именами «просвещенных» бюрократов — П. Д. Киселева (1788—1872), М. Т. Лорис-Меликова, братьями Д. А. и Н. А. Милютиными, — существенно повлияла на ход реформ России в XIX в. Сам Сперанский был «Пушкиным для бюрократии» (С. М. Середонин) в лучших ее проявлениях.

³³ Сперанский защищает принципиальную для себя мысль о том, что экономическое и политическое благосостояние государства строится не на благополучии некоторых сословий, а на благосостоянии основной массы народа. По существу формулируется концепция народной монархии, которую в последующем развивали К. Д. Кавелин, Ю. Ф. Самарин, И. Л. Солоневич, она же стала и одной из нереализованных политических альтернатив России.

³⁴ Оценка чистой демократии совпадает с суждением Монтескье из «Духа законов». Она же вошла в текст Наказа Екатерины II.

³⁵ Сперанский, помня обвинение в том, что он желает ограничения самодержавия, подчеркивает, что Государственный Совет является только совещательным органом. Однако следует признать, что он в определенной мере был дополнительным посредствующим звеном между самодержцем и государственным аппаратом. Тем самым объективно создавалась возможность другой, характерной для русской политической культуры властной альтернативы, основанной на сочетании персональной и коллегиальной властей по типу князь—Боярская Дума. Поэтому можно полагать, что не только идеал французской республики лег в основу политических проектов Сперанского, но и национальные государственные идеалы. Эта мысль может быть подкреплена воспоминаниями Я. де Санглена, который привел слова раздраженного императора Александра I о том, что Сперанский в преддверии войны с Наполеоном предлагал собрать что-то вроде Боярской Думы. Государственный Совет в истинном самодержавии (правильной монархии) важен, поскольку он делает легитимными в правовом отношении решения самодержца. В этом виделось отличие монархического указа от государственного закона — предмета теоретических дискуссий в русском правоведении. К различению указа и закона в рамках самодержавия стремился и Сперанский, полагая, что это позволит избежать деспотизма. Самодержец единоличен в издании указов, а законы издаются самодержцем совместно с Государственной Думой.

О ЗАКОНАХ

Под таким названием в 1881 г. в т. XXX «Сборника русского исторического общества» были напечатаны лекции, которые читались наследнику престола в 1835—1837 гг. В отличие от «Руководства к познанию законов» эти лекции включают главу 9 «О состояниях» и главу 10 «О повинностях». Кроме того, они отличаются от «Руководства» тем, что в них включены три лекции по уголовному праву, а также обширные приложения. Мы сочли необходимым привести главы 9 и 10, так как они дополняют «Руководство к познанию законов».

ОБОЗРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О СВОДЕ ЗАКОНОВ

Это произведение не имеет авторства, но подтверждением его принадлежности Сперанскому является письмо к кн. Д. В. Голицыну от 23 мая 1833 г. (см. наст. издание, с. 621). В книге обоснованы методологические и культурные принципы, легшие в основу Свода законов Российской Империи — главного детища Сперанского. В ней показаны настойчивые на протяжении почти ста пятидесяти лет усилия верховной власти и юристов по созданию корпуса российских законов. Эти работы велись от Петра Великого до Николая I. Кодификационная работа, инициированная российскими монархами, была обусловлена стремлением верховной власти к созданию эффективной системы управления, использующей юридические методы управления. Экономика нуждалась в юридической основе — правовых кодексах. Девизом Свода были избраны слова из 62-го афоризма книги Ф. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук»: *Structura nova veterum legum* (Структура новая — законы старые). Это означало, что в Своде сочетаются новизна и традиция, разум и правда, естественное и позитивное право.

Печатается по: Обзорные исторических сведений о Своде законов. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1833.

³⁶ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (1645—1676) — кодекс законов московского государства, принят Земским Собором в 1648—1649 гг. Над ним работала комиссия во главе с боярином Н. И. Одоевским. Уложение содержит 25 глав и 967 статей. Источники Уложения — Судебник 1550 г., Кормчая Книга, Литовский Статут 1589 г., указы великих князей, положения Земского, Разбойного и других Приказов.

³⁷ Думные дворяне — дворянский чин в русском государстве XVI—XVII вв. Они участвовали в заседаниях Боярской Думы и в работе ее комиссий, управляли Приказами, выполняли воинские обязанности, назначались воеводами.

³⁸ Стольники — дворцовый и придворный чин в русском государстве XIII—XVII вв. Они прислуживали во время торжеств у великого князя и царя, назначались на военную службу и управляли Приказами.

³⁹ Дьяки — начальники канцелярий и ведомств в русском государстве до начала XVIII в. Различались думские, дворовые, приказные, вечные, городские и земские дьяки.

⁴⁰ Поместный Приказ — административный орган русского государства в XIV—XVII вв. Ранее он назывался Поместной Избой. Ведал всеми делами, относящимися к поместным и вотчинным землям и вообще к поземельному владению. Начальником Приказа был боярин с товарищем и дьяком.

⁴¹ Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица; годы правления — 1725—1727.

⁴² Екатерина II Алексеевна Великая (1729—1796), императрица; годы правления — 1762—1796.

⁴³ Сперанский говорит о Наказе, данном в 1766 г. Екатериной II Комиссии для составления нового Уложения — кодекса законов Российской Империи, призванном сменить старое Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Текст Наказа состоял из 20-ти глав (526-ти статей), а в 1768 г. он был дополнен 21-й главой, содержащей основы административного управления, и 22-й о регулировании государственных законов. Наказ включал положения из сочинений Ш.-Л. Монтескье «О духе законов», Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера, творчески переработанные Екатериной II с учетом условий российской действительности. В документе обоснованы принципы просвещенного абсолютизма, основанного на философии естественного права, защите права человека на «вольность» в пределах законов, а также необходимости административного и юридического регулирования сословных отношений. Наказ несет на себе отпечаток либеральных увлечений императрицы первого периода ее царствования и является классическим примером отечественного «правительственного» либерализма. В нем были сформулированы актуальные для русского общества политические идеи: разумного, основанного на законах, умеренного правления; взаимосвязи естественного права и государственных законов; определенной (в основном моральной) ответственности верховной власти перед народом; синтеза позитивного и обычного права; требования четкого и ясного формулирования законов; их ограниченности и обусловленности эффективностью существующего правосудия, а также необходимости юридического просвещения народа. Наказ оказал большое влияние на разработку и принятие важнейших законодательных актов России последней четверти XVIII в.: Учреждения для управления губерний 1775 г., Устава благочиния 1782 г., Жалованной Грамоты дворянству 1785 г. и Жалованной Грамоты городам этого же года.

⁴⁴ «Основания русского права» были опубликованы в 1822 г.

⁴⁵ *Institutiones* (Институции) — одна из частей Свода гражданских законов византийского императора Юстиниана (ок. 482—565). Свод был составлен в 529—534 гг. и включал 50 книг Дигест (греч. Пандекты), содержащих извлечения из сочинений римских юристов, 4 книги Институций, т. е. общего руководства по римскому праву, 12 книг императорских постановлений — Кодекса, а также Новеллы, вошедшие в Свод в 565 г. Всю работу над Сводом возглавил видный сановник и юрист Требониан. В работе над Институциями участвовали Теофил и Доротей, которые использовали учебник римского юриста Гая и другие справочники как классической эпохи, так и более позднего периода.

⁴⁶ Мерлин Р. А. (1754—1839) — граф, французский юрист и политический деятель.

⁴⁷ Фавар де Ланглад (1762—1831) — барон, юрисконсульт и депутат Французского национального собрания. Автор ряда работ по праву. Сперанский имеет в виду его «*Repertoire de la legislation du notariat*» (Paris, 1807).

⁴⁸ Сперанский имеет в виду Свод законов Филиппа де Комина (1445—1509) — государственного деятеля и историка Франции, автора «Хроники и истории событий царствования королей Людовика XI и Карла VIII»,

важнейшего исторического источника и литературного памятника, фигурирующего впоследствии под названием «Мемуары». По манере изображения лиц и событий, по своему политическому мировоззрению Комин близок к Макиавелли и является предшественником известного французского политического мыслителя Жана Бодена.

⁴⁹ Томлинс Томас Эдлин (1762—1841) — английский юрист, автор ряда правовых сочинений, в том числе Корпуса законов.

⁵⁰ *Corpus Juris Civilis* — название кодекса римского гражданского права, впервые использованного в 1583 г.

⁵¹ Адриан (76—138) — римский император, правил в 117—138 гг.; родоначальник династии Антониев.

⁵² Глоссаторы — западноевропейские юристы XI—XIII вв., комментаторы римского права. Комментирование осуществлялось путем составления замечаний (глосс) свода гражданского права Юстиниана. Основателем школы был Ирнерий (XII в.). В середине XII в. появилось общество глоссаторов, в которое входили четверо ученых: Булгар, Мартин, Хуго и Якоб. Венцом деятельности глоссаторов явился знаменитый труд Аккурсия (1185—1263) «*Glossa Omnia*», увидевший свет в 1250 г.

⁵³ Готофред Дионисий (1549—1662) — французский юрист, последователь филологической школы в судейском праве. Издал Институции, Дигесты и Новеллы. Впервые ввел в научный оборот термин «*corpus juris civilis*».

⁵⁴ Сперанский в своих работах часто ссылается на Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) и исходит из его научного метода при создании свода законов. Глубина и новизна бэконовского подхода в правоведении состоит в дифференциации права и закона и в использовании данного различия применительно к теории позитивного права. При этом различие проводится Бэконом не вне теории позитивного права, а является существенной предпосылкой самой этой теории. Бэконовские суждения о свойствах позитивного закона являются философско-правовой конкретизацией представлений о справедливом, правдивом законе. Это же различие стало во многом основой философии права Сперанского. Кодификация реформатора явилась итогом применения научных методов эпохи Просвещения к культурно-правовому материалу России. Свод законов, как он подчеркивал, не повторяет Кодексы Юстиниана и Наполеона, а является плодом творческой переработки отечественного правового материала. По объему и срокам создания эта работа вполне сопоставима с работой византийских или французских юристов. Здесь Сперанский приводит 59-й афоризм из книги Ф. Бэкона «О достоинстве и преумножении наук. Трактат о всеобщей справедливости, или об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов». (См.: *Бэкон Ф. Сочинения*: В 2-х тт. М., 1971. Т. 1. С. 522).

⁵⁵ Феодосий II Флавий (401—450) — византийский император в 412—450 гг. Кодекс Феодосия представлял собой свод общих императорских законов периода правления Константина Великого (272—337). Он содержал 16 отдельных книг, каждая из которых включала разделы, посвященные отдельной области материального права.

⁵⁶ Блэкстон Уильям (1723—1780) — английский юрист. В его классическом труде «Комментарии к законам Англии» (1765—1768) описывается английское право второй половины XVIII в., т. е. той эпохи, когда общее право в английском правосудии находилось в апогее. Влияние «Комментариев» было значительно не только в Англии, но и в англоязычных странах, например в США. И сегодня эта книга служит основой юридического образования в Англии. На русский язык первый том «Комментариев» был переведен С. Е. Десницким в 1780—1782 гг.

⁵⁷ Кормчая Книга — сборник апостольских, соборных и епископских правил и посланий, законов светской власти и других материалов, являющихся руководством при управлении церковью и в церковном суде в славянских странах. Восходит к византийскому Номоканону. В IX в. на болгарский язык переведен Номоканон Иоанна Схоластика. Наиболее распространенна на Руси была Владимирская редакция Кормчей Книги 1274 г.

⁵⁸ Литовский Статут — кодекс феодального права Великого княжества Литовского. Известны три его редакции 1529, 1566 и 1588 гг., из которых наиболее разработан последний вариант.

⁵⁹ Сирей Жан Батист (1762—1845) — французский юрист, автор многих работ по гражданскому праву. Сперанский имеет в виду его «Code de procedure civil annotés» (Paris, 1819) («Аннотированный кодекс гражданских прав»).

⁶⁰ Гель Мэтью (1607—1676) — английский юрист.

⁶¹ Сперанский упоминает «A Digest of the public general statutes from Magna Charta» by R. P. Tyrwhitt and T. W. Tyndale (London, 1822).

⁶² Бурн Ричард (1709—1785) — английский юрист, автор книги «Свод военного права» (1760).

⁶³ Кок Эдуард (1552—1634) — английский политический деятель и юрист, главный судья Англии в 1613—1616 гг. Находился в оппозиции к правительству, защищая английские законы и выступая против произвола власти и незаконных арестов.

⁶⁴ Английское право отличается тем, что имеет прецедентный характер; судьи для вынесения решений по тем или иным делам руководствуются прецедентами — судебными решениями, вынесенными в прошлом.

⁶⁵ Дюмон Пьер Этьен Луи (1759—1829) — французский философ и публицист родом из Женевы. Был проповедником в Петербурге. Принимал активное участие в делах Мирабо; издавал и популяризировал идеи своего друга И. Бентама. С 1814 г. был членом Большого Совета в Женеве, способствовал улучшению тюремного института. Сперанский указывает на его книгу «Юридическая организация и кодификация».

⁶⁶ Сперанский ссылается на работу Савиньи «О современных задачах законодательства и правоповедения» (1814). Савиньи Фридрих Карл фон (1779—1861) — немецкий юрист, основоположник исторической школы права, министр юстиции в Пруссии и ректор Берлинского университета с 1812 г. Автор книг «История римского права в средние времена» (1815),

«Система современного римского права» (1840—1847. Т. 1—6), «Обязательственное право» (М., 1876. Т. 1—2). Был хорошо известен в России. Так, в журнале «Московский телеграф» за 1829 г. (№ 13 и 14) была помещена статья «История римского права в средние времена», излагающая идеи одноименного труда Савиньи. Историческая школа права повлияла на Сперанского (в сближении формирования права и языка, выявлении народной специфики развития русского права). Однако это влияние не следует преувеличивать, поскольку Сперанский вполне самостоятелен в своих выводах. Следует также отметить, что начиная с 1828 г. Савиньи оказал помощь в подготовке кадров отечественных юристов в Берлинском университете, за что был удостоен награды российского правительства. Сперанский специально приезжал в Берлин для бесед с Савиньи об учебе русских юристов и писал в 1831 г. во «Всепоподданнейшем докладе» о необходимости продолжить эту практику (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 731. Ед. хр. 1145—1147). Среди тех, кто прошел эту подготовку, следует назвать выдающихся правоведов — профессоров К. А. Неволлина, П. Г. Редкина, Ф. В. Кранихфельда, братьев С. И. и Я. И. Баршевых.

⁶⁷ Купер Томас (1759—1848) — английский философ и правовед.

⁶⁸ *Meyer I. D. De la codification en general et de celle de l'Angleterre.* Amsterdam, 1830.

⁶⁹ См.: Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х тт. Т. 1. С. 522.

⁷⁰ См. там же.

⁷¹ См. там же. С. 523.

⁷² См. там же. С. 522.

⁷³ См. там же. Следует отметить, что в пункт пятый своего плана по разработке Свода законов Сперанский вносит изменение, по сравнению с Бэконом. Последний считал, что, рассмотрев все антиномии, необходимо оставить наиболее разумные, противоречивые же — уничтожить. Сперанский, не соглашаясь с этим, полагает, что из двух несходных между собой законов надлежит оставить позднейший, не разбирая, лучше он или хуже прежнего. Свод переступил бы свои границы, если бы его сочинители принялись судить, который из двух противоречивых законов лучше.

⁷⁴ См. там же. С. 523.

⁷⁵ См. там же.

⁷⁶ Сперанский имеет в виду: Ланганс Ф. Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку для практического употребления в юридическом факультете. М., 1788 (перепечатан в 1791 г.).

⁷⁷ Чулков Михаил Дмитриевич (1740—1793) — секретарь Сената. Составил Словарь юридический, или Свод узаконений, временных учреждений, суда и расправы в 5-ти частях с 1757 до 1796 г. (М., 1792; 2-е изд.: 1795).

⁷⁸ Максимович Л. М. — выпускник Московского университета, воспитанник Дружеского общества Н. И. Новикова. Составил Географический словарь российского государства (1785) и Указатель российских законов в 4-х частях (М.; СПб., 1803—1812).

⁷⁹ Капитул российских орденов был основан Петром I в 1698 г. как капитул ордена Андрея Первозванного. Предусматривал определенный ритуал и регламент деятельности капитула, т. е. сообщества награжденных: праздничные приемы награжденных при дворе в день основания ордена, выборы канцлера капитула и церемониал. В 1832 г. переименован в Капитул российских императорских и царских орденов с повышением государственного статуса Капитула и превращением его фактически в Министерство.

⁸⁰ Сперанский указывает на книгу известного французского юриста Бериа Сент-Прикса (1769—1845): *C. Berriat Saint-Prix. Histoire du droit Romain suivie de l'histoire de cujas*. Paris, 1821.

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Философия всегда была любимым занятием Сперанского. Уже в молодости им были написаны философские афоризмы. Несомненно, философской глубиной и оригинальностью обладает и ранняя работа мыслителя «Правила высшего красноречия». Философские интересы повлияли на политические проекты Сперанского, которым было присуще углубленное рассмотрение историко-культурных аспектов социальных реформ. Особенно важное место философские проблемы заняли в творчестве Сперанского в период его ссылки, во время которой он написал множество философских отрывков разного содержания. Всем им присуща религиозно-экзистенциальная направленность, связанная с христианскими убеждениями мыслителя. Философию Сперанского можно назвать социальным христианством. Предлагаемые размышления отражают разные темы в его философском творчестве, но главным образом они посвящены философии права и политики. Философия права и государства Сперанского стала основой концепций других русских юристов, из которых наиболее талантливый — ученик реформатора К. А. Неволин.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. 1772—1872 / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1872; Мысли графа М. М. Сперанского. О системе законов вообще // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 1. С. 3—20; РНБ. Фонд М. М. Сперанского № 731. Ед. хр. 1523, 1404.

II. ПРОЕКТЫ РЕФОРМ И ЗАПИСКИ

ОТРЫВОК О КОМИССИИ УЛОЖЕНИЯ

Впервые на записку указывается в книге Н. И. Тургенева «La Russie et la Russes» («Россия и русские») (М., 1915. Т. 1). обстоятельный ее анализ осуществлен В. И. Семевским в статье «Первый политический трактат Сперанского» (Русское богатство. 1907. № 1). В данном издании

текст записки печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 17—27.

¹ Ананьевский, Пшеничный, Ильинский — сотрудники Комиссии составления законов.

² Правиков Федор Денисович (1750—1825) — юрист. Им написан «Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку» (Владимир; М., 1804—1806). Ему также принадлежит «Юридическая грамматика, или начальные правила российского правоуказания» (М., 1803; 2-е изд.: 1805).

О КОРЕННЫХ ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВА

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 28—55.

³ Филанджиери Гаэтано (1752—1788) — итальянский юрист, повлиявший на Сперанского, который прочитал во французском переводе его основное сочинение «La scienza della legislazione» («Наука законодательства») (1780). Был главой младшей школы реформаторов и выдвинул мысль о том, что наказание преступника должно строиться так, чтобы оно служило делу его исправления. С этой целью предлагалась в качестве реабилитационного метода депортация преступников; подразумевалось, что преступник заново начнет свою жизнь на новой земле.

⁴ Фредерик III (1606—1670) — король Дании; годы правления — 1648—1670.

⁵ Иосиф II (1741—1790) — император Австрии; годы правления — 1780—1790.

⁶ См.: *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов, или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. СПб., 1900. Кн. 2. С. 21.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ИМПЕРИИ

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 56—66.

О ПОСТЕПЕННОСТИ УСОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 75—76.

⁷ *Charta Magna* — Великая Хартия вольностей 1215 г., принята в Англии для защиты прав баронов от произвола короля Иоанна Безземельного.

⁸ Habeas corpus act — Акт о лучшем обеспечении свободы подданных и о предупреждении заточения за морями. Правовой документ, принятый Карлом II в 1679 г., который установил единые для всех англичан правила ареста и привлечения к суду. Он гласил, что любой человек, подвергнувшийся заключению, может потребовать, чтобы суд его освободил либо осудил в соответствии с законом.

⁹ Фергюссон Адам (1724—1816) — шотландский историк и философ, профессор Эдинбургского университета. Важнейшие труды: «Essay of civil society» (1766) (русский перевод: «Опыт истории гражданского общества». СПб., 1817—1818), «Institutes of moral philosophy» (1769), «Principles of moral and political science» (1793).

¹⁰ Стюарт Дугалд (1753—1828) — шотландский экономист и философ, профессор политической экономии из Эдинбурга, последователь Адама Смита. Основная работа: «Элементы философии человеческого мира» (1792—1828. Т. 1—3). Сперанский, вероятно, приводит цитату из этой работы.

¹¹ Тантал — герой древнегреческих мифов, царь Фракии, который, возгордившись, оскорбил богов. За это его низвергли в ад, где он был лишен еды и питья.

О СИЛЕ ОБЩЕГО МНЕНИЯ

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 77—82.

¹² Карл Великий (742—814) — король франков, император; годы правления — 800—814.

¹³ Горный переход на границе Средней Греции, место сражения между греками и персами в 480 г. до н. э. Здесь греки в неравном бою с численно превосходящим противником продемонстрировали мужество и доблесть.

¹⁴ Сперанский имеет в виду графа Филиппа Поля Сегюра (1780—1873), французского историка и военного писателя.

¹⁵ Цицерон Марк Тулий (106 г.—43 г. до н. э.) — римский оратор и государственный деятель, теоретик риторики. Особенное значение для философии права имеет его сочинение «О государстве», где дано оригинальное определение естественного права. Идентификация естественного разума с правильным законом позволила юристам объяснить ряд факторов в теории права. Естественное право, которое раньше было предметом философских размышлений, благодаря Цицерону приобрело практическое значение для юриспруденции.

¹⁶ *Гораций*. Оды. III. 2, 35—36.

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 83—85.

¹⁷ *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. СПб., 1900. Кн. XV. С. 240.

ЗАПИСКА ОБ УСТРОЙСТВЕ СУДЕБНЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ

Печатается по: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Типография Товарищества И. Н. Кушнерева и К. М. 1905. С. 121—229.

¹⁸ Репинский Козьма Григорьевич (1796—1876) — сенатор, один из ближайших сподвижников Сперанского по работе в законодательной комиссии и во время пребывания Сперанского генерал-губернатором Сибири. В фонде К. Г. Репинского в Российской национальной библиотеке хранится множество рукописей проектов и записок, которые им были составлены по поручению Сперанского.

¹⁹ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — академик, председатель Археографической комиссии, председатель Отделения русского языка и словесности. В 1882—1899 гг. директор Императорской публичной библиотеки. Издатель писем и трудов М. М. Сперанского.

²⁰ Эта точка зрения Сперанского отражает широко распространенное в эпоху Просвещения представление о том, что государство есть средство для сохранения социальной безопасности. Для этого людям необходимо отказаться от части своей естественной свободы (см., например, «Левифан» Т. Гоббса или «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона).

²¹ В законе соотношения сил эгоизма и добродетели можно увидеть оригинальность этико-политической концепции Сперанского, сочетающей принципы механизма и органицизма.

²² См.: *Бентам И.* Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. СПб., 1805. Т. III. С. 5.

²³ Беккариа Чезаре (1738—1794) — итальянский юрист, автор книги «О преступлениях и наказаниях» (1764) (последний русский перевод — М., 1995), которая вошла в классику мировой юридической мысли. Этот труд способствовал развитию либерально-реформаторской тенденции в русской правовой культуре.

²⁴ Речь идет о двух кодексах: Кодексе гражданском, или кодексе Наполеона, принятом в 1804 г., а также Кодексе уголовном 1810 г.

²⁵ С общественным мнением связывал свои надежды на истинную монархию не только Сперанский. Славянофилы и западники — Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин — по-

лагали, что мнение общества («земля») сможет само по себе влиять на самодержца в решении общественных и политических проблем.

²⁶ Таким образом самодержавие добровольно и без внешнего принуждения себя ограничивает, т. е. самодержавие, сохраняясь, становится опосредованной, «подробной» формой власти. Сперанский стремится освободить носителя самодержавной власти от ответственности за промахи в работе министров и тем самым предохранить монарха от возможной критики за те или иные упущения в деятельности правительства.

²⁷ Дух народа — понятие, которое связывает правовое творчество Сперанского с концепцией органической школы в праве.

²⁸ См. примеч. 50 к разделу I.

²⁹ Юм Давид (1711—1776) — английский философ, историк, экономист, публицист. Основные сочинения: «Трактат о человеческой природе» (1739—1740), «История Англии» (1753—1762).

³⁰ Речь идет об «Общем Уложении для прусских провинций», принятом в 1794 г.

³¹ Государство в государстве (*фр.*). Выражение, которое впервые встречается у Агриппа д'Обиньи (1552—1630), французского политического писателя, в сочинении «Об обязанностях королей и подданных» (1616). Относится это выражение к настолько чрезмерным требованиям кальвинистов, что их выполнение создавало для последних исключительное положение в государстве.

О ДУХЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 140—142.

ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Печатается по: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. С. 142—143.

ОБ УСОВЕРШЕНИИ ОБЩЕГО НАРОДНОГО ВОСПИТАНИЯ

Данная записка предваряла вызвавшие критику указы «О придворных званиях» от 3 апреля 1809 г. и «Об экзаменах на чин» от 6 декабря 1809 г. На записке есть надпись: читано 11 декабря 1808 г. Очевидно, императору Александру I.

Печатается по: Русская старина. 1907. № 12. С. 730—735.

ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ (ПЛАН ВСЕОБЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Издавалось несколько раз. Впервые этот проект Сперанского был напечатан в книге работавшего под началом Сперанского Н. И. Тургенева «La Russie et la Russes» («Россия и русские»). Текст «Введения» также был напечатан А. Н. Пыпиным в книге «Общественное движение в России при Александре I», а также Н. К. Шильдером. Настоящая публикация осуществлена на основе текста из тома X «Исторического обозрения» за 1809 г. под редакцией Н. И. Кареева. Этот текст вошел в указанную книгу 1905 г. В советское время «Введение» было издано под редакцией С. Н. Валка в книге «Проекты и записки».

Давая общую характеристику работе, следует заметить, что она не лишена слабостей и противоречий. Это, скорее, некий общий эскиз здания государства, его форма, нежели конкретная и завершенная картина будущего общества. Многое в этом проекте должно было уточняться по мере принятия тех либо иных политических решений и их реализации. Сперанский стремился начать реформу с изменения прежде всего в государственных институтах, и здесь он мыслил не как политик, а как менеджер-технолог.

Очевидно, что непонимание важности политических и ценностных аспектов администрирования явилось одной, но не главной, причиной незавершенности реформ Сперанского. Но надо понимать, что это был вообще первый опыт столь масштабных реформ в России. Суть замысла мыслителя заключалась в том, чтобы в России, всегда бывшей военным государством и управлявшейся приказными методами, перейти к мирной жизни, при которой гражданское общество будет управляться административными средствами на основе единого государственного закона.

Здесь печатается по: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С. 1—120.

³² Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — государственный деятель, экономист. С 1816 г. помощник статс-секретаря Государственного Совета. Входил в декабристские общества, в 1818 г. вступил в Союз благоденствия. Впервые опубликовал «План государственного преобразования» Сперанского. В 1824 г. эмигрировал. Основные труды: «Россия и русские» (Париж, 1847. Т. 1—3), «Опыт теории налогов» (СПб., 1818).

³³ Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — историк, генерал-лейтенант, член-корреспондент Академии наук. С 1899 г. директор Императорской Публичной библиотеки. Автор ряда фундаментальных исторических исследований: «Император Александр I, его жизнь и царствование» (СПб., 1894. Т. 1—4), «Император Николай I. Его жизнь и царствование» (СПб., 1903. Т. 1—2).

³⁴ Дифференциация законов Сперанского соответствует классическому древнеримскому разделению права на государственное и частное.

Специфика концепции мыслителя состоит в том, что сами государственные законы им различаются как коренные, неизменные, и изменяющиеся. Начало же коренных законов им видится в народных силах, которые сохраняют «державную власть», в чем просматривается определенное влияние идей Э. Ж. Сийеса (1748—1836). Исходя из этого, самодержавие понимается как способ интеграции и легитимации государственности. Необходимость самодержавия аргументируется на основе теории социальных сил, а само понятие державной власти осмысливается в контексте широких социальных взаимодействий, теряя тем самым характерный для понятия самодержавие сугубо политический оттенок.

³⁵ *Против этого места на поле зачеркнуто:* «Закон связует права верховные с подданными (?). Без закона все остается на одной стороне и рождается или анархия, или деспотия.

Анархия суть силы государственные в разделении.

О начале и происхождении сил государственных. Доказательство, что они могут действовать только в соединении.

Сила державная в рассеянии есть разум и воля. Каждый сам себе назначает закон и исполняет его по своему усмотрению. *A quel point la liberté civile est preciaire sans liberté politique* [В какой степени гражданская свобода является преждевременной без свободы политической (*фр.*)]. Право неограниченное есть насилие».

³⁶ Теория совпадения политического рабства и гражданской свободы в России в дальнейшем находит свое развитие в славянофильской и консервативной политологии (см.: Ю. Ф. Самарин и К. Н. Леонтьев).

³⁷ *Далее зачеркнуто:* «Вместе с тем они существенно связуются и с правом подданных. Если подданные не участвуют в составе тех установлений, где образуется закон и его исполнение, то не участвуют они в составлении закона, следовательно, нет прав политических и нет коренных законов.

Но если бы каждое из них изливалось из верховной власти непосредственно, тогда по разнообразию, обширности, пространству и многосложности сих установлений нельзя предположить, чтобы (*поверх этих слов написано:* NB. Для чего судный порядок отдается подданным, а исполнительный не отдается *l'ordre judiciaire est la conservation de la garantie de droit civil* [судный порядок гарантирует сохранение гражданского права (*фр.*)]) одно лицо державной власти могло на них действовать непосредственно, но с точным сохранением пределов и разнообразных законов, каждому присвоенных. Следовательно, должно быть четвертое установление, в коем бы они соединились. Таким образом, установления сии и особенно порядок законодательный составляет середину, где власть державная соединяется с правами народа.

³⁸ Российская конституция, по мнению Сперанского, отличается от французской и других конституций прежде всего тем, что она принимается на основе воли верховной власти.

³⁹ Комиссия законов была создана Екатериной II 4 декабря 1766 г. для составления проекта нового Уложения. Приглашены были представители сословий дворян, горожан, казачества, государственных крестьян. В Комиссию входили также представители от Сената, Си-

нода, коллегий и канцелярии для оказания помощи делегатам при разработке вопросов. В Комиссии (общее число ее членов 573) преобладали депутаты от дворян и горожан. Екатериной II для Комиссии были подготовлены три важных документа: Наказ, Обряд управления Комиссией и Генерал-прокурорский наказ. Работа Уложенной Комиссии прервалась в 1768 г. под предлогом войны с Турцией, позднее она не была созвана и не привела к созданию проекта нового Уложения.

⁴⁰ Имеются в виду Жалованная Грамота дворянству 1785 г., которая подтвердила «на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу» (Полное Собрание российских законов. Т. XV. № 11 444; Т. XVIII. № 13 087; Т. XXII. № 16 187, п. 17), а также «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» от 21 апреля 1785 г.

⁴¹ Имеется в виду Павел I и его указ от 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине, который явился повторением аналогичного закона, изданного австрийской императрицей Марией Терезией в 1771 г.

⁴² На основе своих историко-юридических исследований Сперанский впервые в отечественной социально-политической литературе формулирует закон об ускоренном характере социально-политических преобразований в России. Тем самым появляется возможность не повторяя всех фаз развития западноевропейских стран добиваться общих целей социального прогресса.

⁴³ Свобода имеет определенную цену. Мысль эта важна для понимания философии отечественного либерализма, который исходил из необходимости соотнесения ценностей свободы с культурными и политическими реалиями России. В конечном счете цена свободы обусловлена теми потерями, которые общество несет за излишнее распространение экономической и социальной свободы. Для предотвращения нежелательных последствий свободы необходимо просвещение народа — такова основная идея либерализма в России.

⁴⁴ Говоря об ответственности самодержавия, Сперанский имеет в виду ответственность не столько политическую, сколько моральную.

⁴⁵ Принцип разделения законов является основой разделения властей в условиях истинной монархии.

⁴⁶ Распространенное в религиозной и философской литературе выражение. Встречается, в частности, во Французской Декларации 1793 г.

⁴⁷ Отмечая рабство крепостного права, Сперанский вместе с тем подчеркивает постепенность и законность процесса отмены рабства в России.

⁴⁸ Сперанский, сравнивая русского крестьянина с паупером, лишенным средств существования, отмечает несомненные выгоды в положении первого, так как крестьянин, обладающий земельным участком, сохраняет возможность для получения средств пропитания. В последующем этот аргумент станет важным для Н. Г. Чернышевского и К. Д. Кавелина, которые полагали, что сохранение общинного уклада жизни позволит России избежать пролетариата буржуазного общества и позволит простому народу выжить.

⁴⁹ Связь собственности и политической деятельности представляется Сперанскому естественной, поскольку наличие собственности обеспечивает основательность политических программ: собственник заинтересован в сохранении государства. В противоположность этому отсутствие собственности создает условия для формирования анархических, противогосударственных, идеологий. Вместе с тем сам имущественный ценз, необходимый для участия в выборах, Сперанским не определяется.

⁵⁰ Верховная власть в России с XVIII столетия ставила перед собой задачу создания среднего сословия в обществе. Определенную роль в этом призваны были сыграть воспитательные дома в Москве и Петербурге. В отличие от Западной Европы, где буржуазия сформировалась в связи с развитием промышленности, в России создание среднего слоя носило искусственный характер, поскольку в реальности для этого отсутствовали как экономические, так и политические условия.

⁵¹ В проекте Сперанского неясен вопрос о функционировании дум всех уровней, отсутствует и конкретное рассмотрение взаимодействия трех ветвей власти: Государственной Думы, Сената и Министерств. Не рассмотрен также важный вопрос о взаимодействии Государственного Совета и Государственной Думы. Эти пробелы являются в определенной мере следствием половинчатости проекта, что, в свою очередь, было обусловлено тем, что Сперанскому приходилось постоянно учитывать мнение консервативных кругов политической элиты.

⁵² Сперанский в понимании местного самоуправления исходит из государственной концепции, согласно которой государство в лице своих чиновников определяет основные расходы на земские нужды и в дальнейшем отчитывается по ним перед соответствующим местным коллегияльным органом.

⁵³ В суждении Сперанского ясно видна его теоретическая позиция, которая исследует разум государства, скрывающийся за множеством фактов политической жизни. Отдельное событие должно быть осмыслено в контексте главного принципа социальной жизни, — такова логика политического рационализма и специфика менталитета бюрократии.

⁵⁴ Новый для России пост государственного секретаря занял Сперанский. В данном случае произошло совпадение объективного и субъективного начал политической культуры России.

ПРОЕКТ УЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Печатается по: *Сперанский М. М. Проекты и записки* / Под ред. С. Н. Валка. С. 222—224.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Печатается по: *Сперанский М. М. Проекты и записки* / Под ред. С. Н. Валка. С. 225—230.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ВСЕХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ПО ВРЕМЕНАМ

Печатается по: *Сперанский М. М. Проекты и записки* / Под ред. С. Н. Валка. С. 231—237.

⁵⁵ Талейран Шарль Морис (1754—1835) — французский дипломат, был тайным информатором русского правительства.

⁵⁶ Имеется в виду манифест 1767 г. Екатерины II о создании Комиссии по составлению нового Уложения.

О СИЛЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Печатается по: *Русская старина*. 1902. № 12. С. 495—499.

⁵⁷ В различении силы государства и силы правительства следует видеть стремление Сперанского к конкретизации реформы государства. Суть его позиции исходит из крайней необходимости для России правовой и административной реформы. Сперанский признает важность для правительства хороших чиновников, и здесь он солидарен с Н. М. Карамзиным. Но он отводит подбору административных кадров не первостепенную роль, поскольку, по его мнению, сила государства — в эффективной политической системе. Подбор же чиновников для политической системы является делом второстепенным. Политическая система первична — отдельный чиновник вторичен.

⁵⁸ Проблема общественного воспитания является одной из важнейших в понимании особенностей отечественной политической идеологии второй половины XVIII—начала XIX в. В данной проблеме высветилась специфика просветительской культуры, которая строится на методах социальной педагогики и социальной инженерии. Политика просвещения в трудах как европейских, так и отечественных просветителей во многом связывалась с воспитанием человека. Нравственное начало предваряет политическое изменение. Вначале воспитание соответствующих нравственных принципов и формирование суммы знаний у человека, затем политическая реформа — такова особенность ментальности российского просветителя. При этом субъектом социальной педагогики выступает государство, объектом же — народ. Тем самым народ понимается как пассивный объект политических экспериментов.

ОТЧЕТ В ДЕЛАХ 1810 г., ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I

Печатается по: *Сборник русского исторического общества*. СПб., 1877. Т. 21. С. 447—462.

⁵⁹ Сперанскому принадлежит ключевая роль в формировании особого политического статуса Финляндии после ее присоединения к России. Во главе Комиссии по финляндским делам Сперанский находился до 1811 г. По плану, выработанному им и принятому финским сеймом, а также по утвержденному императором Александром I «Положению об учреждении главного управления в новой Финляндии», присоединенный край получил название Великого княжества Финляндского. Впервые в русском государстве предлагалась политическая модель, где Финляндия сохраняла значительную часть своего суверенитета, а власть державная добровольно себя ограничивала. При этом предполагалось верховную власть усилить «подробностями управления», т. е. решением конкретных административных проблем, стоящих в Финляндии. Выработанный политический курс получил поддержку местного населения, и только с приходом к власти Александра III и проведением им русификаторской политики отношения Финляндии с Россией серьезно осложнились.

⁶⁰ Указ «Об экзаменах на чин» от 6 августа 1809 г. требовал, чтобы чины 8-го класса (коллежского асессора) и 5-го класса (статского советника) давались лишь после сдачи экзаменов по установленной программе или по предъявлению диплома русского университета. В перечень экзаменов входили: российская грамматика и правильное сочинение, знание по крайней мере одного иностранного языка, знание права естественного, гражданского и римского, российских уголовных законов, государственной экономии, знание отечественной истории с географией и хронологией и элементарные сведения по всеобщей истории, статистики российского государства, арифметике и геометрии, а также общие сведения по физике. Экзамен должны были выдержать и те, кто уже обладал указанными классными чинами, но не имел университетских дипломов. Вызвавшие бурю эмоций указы через три года после опалы Сперанского были отменены Александром I.

О ВЕРОЯТНОСТЯХ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ ПОСЛЕ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА

В историографии недостаточно отмечена значительная роль Сперанского в подготовке России в преддверии Отечественной войны к отражению возможной агрессии Наполеона. Из записки видно, что реформатор считал неизбежным столкновение с Францией и стремился защитить интересы России после заключения Тильзитского мира. Он настаивал на скорейшем заключении мира с Турцией, советовал наладить отношения с Англией, привлечь на свою сторону поляков. Александр I поощрял тесные контакты Сперанского с французским послом в России Коленкуром, что в дальнейшем послужило поводом к обвинению мыслителя в измене в пользу Франции.

Печатается по: Русская старина. 1900. № 1. С. 57—65.

⁶¹ Корф Модест Андреевич (1800—1876) — барон, выпускник Царскосельского лицея, где учился вместе с А. С. Пушкиным. С 1826 г. находился на службе во II Отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии, которое возглавлял М. М. Сперанский. Участвовал в подготовке Полного Собрания законов Российской Империи и Свода законов. С 1831 г. управляющий делами Комитета министров. В 1834 г. назначен государственным секретарем, а в апреле 1843 г. — членом Государственного Совета. Председатель цензурного комитета. В 1849—1861 гг. директор Публичной библиотеки. В декабре 1861 г. назначен начальником II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. С октября 1864 г. по январь 1872 г. возглавлял департамент законов Государственного Совета. Автор первой фундаментальной монографии о Сперанском.

⁶² Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, один из ближайших друзей Сперанского. С 1821 г. член Государственного Совета. В 1822 г. занимал пост министра иностранных дел. Активный сторонник противодействия России европейскому революционному движению. С марта 1845 г. канцлер. Отправлен в отставку в марте 1856 г. после заключения парижского мирного договора.

⁶³ Куракин Александр Борисович (1759—1829) — князь. Изучал юридические науки в Лейпцигском университете. В декабре 1796 г. назначен генерал-прокурором. В 1798 г. вышел в отставку. После воцарения Александра I стал председателем Комиссии для пересмотра уголовных дел. В феврале 1812 г. занял пост генерал-губернатора Малороссии. С июля 1804 г. член Государственного Совета. В ноябре 1807 г. назначен министром внутренних дел. С 1821 г. председатель департамента государственной экономии Государственного Совета.

⁶⁴ Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — граф, член Государственного Совета, сенатор, в 1808 г. назначен министром иностранных дел, в 1810—1812 гг. председатель Государственного Совета. В 1809 г. канцлер. Был сторонником сближения с Францией. В 1814 г. вышел в отставку. С 1819 г. почетный член Императорской Академии.

⁶⁵ Меттерних Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773—1859) — австрийский государственный деятель, дипломат.

⁶⁶ Толстой Петр Александрович (1761—1844) — граф. В 1803—1805 гг. петербургский военный губернатор. Был противником политики франко-русского сближения. После Тильзитского мира 1807 г. по настоянию Наполеона был отозван из Парижа. Принимал активное участие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813—1814 гг. С 1823 г. член Государственного Совета и член Комитета министров. В 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания.

⁶⁷ Марков Аркадий Иванович — граф, русский посол в Париже и Стокгольме.

⁶⁸ Бернадот Жан Батист Жюль (1763—1844) — маршал Франции, король Швеции и Норвегии в 1818—1844 гг. под именем Карла XIV Иоанна. В политике держался русской и английской ориентации и участвовал в войне с Францией.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. 1772—1872. С. 202—217.

О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Сочинение, написанное по настоятельной просьбе А. А. Аракчеева, затрагивает одно из белых пятен отечественной истории. Следует отметить, что идея военных поселений родилась не в России. В 1810 г. появилось сочинение французского писателя Ж. Сервана «Солдат-гражданин» (1780) (см. подробнее: Жерар де Люименж. Шовен, солдат-землепашец. М., 1999), в котором предлагалось создать пограничные военные поселения, занимающиеся одновременно земледелием и службой. Эта идея понравилась Александру I, и он поручил А. А. Аракчееву создать нечто подобное в России. Первые военные поселения были организованы в 1810—1811 гг. в Могилевской губернии. В 1818 г. организация военных поселений активизировалась, и к 1825 г. их корпус состоял из 90 батальонов новгородской пехоты, а также 36 пехотных батальонов и 249 эскадронов кавалерии украинских поселений. Замысел Александра I заключался в том, чтобы не отрывать солдат в мирное время от их семей, а также облегчить тяготы государства по содержанию войск. Военные поселенцы, получив налоговые и другие льготы, должны были содержать себя сами. Следует признать, что в хозяйственном отношении это предприятие имело определенный успех: в отдельных военных поселениях процветали сельское хозяйство и ремесла. Однако появились и жалобы значительной части крестьян, протестующих против добавления тягот воинской службы к привычным хозяйственным повинностям. Военная служба мешала нормальному ведению крестьянского хозяйства; в ряде случаев по отношению к крестьянам военное начальство применяло физическое насилие. Надо сказать, что Сперанский после первого посещения военных поселений в 1821 г. предлагал составить Общее учреждение военных поселений, которое бы ввело правовой порядок в военных поселениях, однако А. А. Аракчеев выступил против.

Печатается по: О военных поселениях. СПб.: Типография штаба военных поселений. 1825.

⁶⁹ Кантонисты — несовершеннолетние дети военных поселенцев.

О КРЕПОСТНЫХ ЛЮДЯХ

Записка составлена во второй половине 20-х годов и представляет собой программу постепенной отмены крепостного права в России. Кроме нее на заседаниях учрежденного Николаем I секретного Комитета 6 декабря 1826 г. предлагалось еще несколько программ: А. А. Арак-

чиева, Н. С. Мордвинова, С. П. Шипова и другие. Однако именно программа М. М. Сперанского получила поддержку императора, который привлек к этому делу графа П. Д. Киселева. Под его управлением в 1836 г. возникло V Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которое в 1837 г. было преобразовано в Министерство государственных имуществ, ему и было вверено попечение над казенными крестьянами.

Сокращенное изложение записки Н. А. Милютиним дано в книге П. И. Бартенева «Девятнадцатый век» (М., 1877. Кн. 2). Полностью впервые напечатана в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России» Н. Калачева (1859. Кн. III).

Здесь приводится по: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С. 298—325.

⁷⁰ Строгановы — семейство крупных купцов-промышленников, известных в России с XVI в.

⁷¹ Холопий Приказ — существовал в русском государстве XVI—XVII вв. и занимался делами, относящимися к крепостным крестьянам.

⁷² Заемный государственный банк был организован в 1817 г. и существовал до 50-х годов XIX в.

⁷³ Полное Собрание российских законов 1771 г.

⁷⁴ Указ об установлении трехдневной барщины был обнародован Павлом I 5 апреля 1797 г. Он запрещал работу без конкретных юридических санкций за его неисполнение.

⁷⁵ Имеются в виду доверенности.

⁷⁶ Указ о вольных хлебопашцах был издан Александром I 20 февраля 1803 г. Он разрешал землевладельцам отпускать своих крепостных крестьян на волю в одиночку или целыми селениями, но не иначе, как с земельными наделами. Условия договора по взаимному согласию между крестьянами и помещиком в последующем утверждались царем. Крестьяне, освобожденные по этому акту, назывались свободными хлебопашцами, землей которых казна не могла распорядиться. Всего в царствование Александра I было освобождено 47 153 душ мужского пола.

⁷⁷ Казенный Приказ, или Палата, существовал в русском государстве начиная с XV в. Ведал всеми драгоценностями государева двора — кузни, отсюда слово «казна». Ему же подлежала раздача государевых наград.

⁷⁸ Мысль Сперанского заключалась в установлении договорных отношений между государством, помещиками и крестьянами как промежуточном этапе к преодолению крепостного права.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ

Печатается по: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С. 230—297.

⁷⁹ Сперанский имеет в виду Ближнюю Думу — прототип Кабинета министров.

⁸⁰ Золотая Палата — точнее, Приказ золотого и серебряного дела. Туда набирались лучшие золотых и серебряных дел мастера, с тем чтобы они делали сосуды для царского двора и церкви.

⁸¹ Ответной Палаты не было в администрации Алексея Михайловича. Возможно, Сперанский имеет в виду Челобитный Приказ, который занимался челобитными, направленными в адрес царя, и готовил по ним ответы.

⁸² Сперанский неточен. Расправная Палата, организованная в 1681 г. и просуществовавшая до 1694 г., была восстановлена в 1712 г. при Сенате и рассматривала дела местных судов и администрации в качестве апелляционной инстанции.

⁸³ Полное Собрание российских законов.

⁸⁴ Геннин (де Генин, Геннинг) Вилим (Георг Вильгельм) Иванович (1676—1750) — генерал-поручик, директор Сибирских заводов.

⁸⁵ Речь идет о Василии Петровиче Степанове, тайном советнике, секретаре Верховного Тайного совета в 1730 г.

⁸⁶ Полное Собрание российских законов от 17 января 1768 г.

⁸⁷ Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — секретарь департамента в Государственном Совете, один из помощников Сперанского. С 1811 г. директор Публичной библиотеки. С 1817 г. президент Российской Академии наук.

⁸⁸ Мемории — памятные записки.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И В СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

Печатается по: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. II. С. 27—44.

⁸⁹ Имеется в виду православный календарь, который был в России до 1699 г. и в котором летосчисление ведется от сотворения мира. Соответствует 1602 г.

О МОНЕТНОМ ОБРАЩЕНИИ

По существу, это последняя записка Сперанского, которая раскрывает такую сторону его дарования, как экономическое мышление.

Печатается по: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография. 1873.

⁹⁰ Лаж — премия или прибавка, с которой обмениваются деньги, обесцененные в своем достоинстве, на металлические деньги того же достоинства, или деньги одного металла, понизившиеся в своей цене.

⁹¹ Канкрин Георгий (Егор) Францевич (1774—1845) — граф. В 1812 г. был назначен генерал-провиантмейстером русской армии. В 1823 г. возглавил Министерство финансов. При его активном участии был разработан и принят протекционистский таможенный тариф, в 1826 г. проведена реформа питейных сборов, в результате которой вместо казенной винной монополии была введена система винных откупов. В 1839—1843 гг. осуществил денежную реформу, приведшую к укреплению рубля и стабильности финансовой системы России.

⁹² Ртищев Николай Федорович (1754—1835) — военный и государственный деятель. С февраля 1812 г. главный военный начальник Грузии, с 1811 г. главный военный начальник Кавказской линии. Подписал ряд важнейших для России договоров с кавказскими народами.

III. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Данная публикация не ставит своей целью представить все эпистолярное наследие Сперанского. Оно поистине огромно. Большая часть переписки хранится в Российской национальной библиотеке и до сих пор не издана. До революции были опубликованы письма дочери Е. М. Флоровой-Багреевой, П. Г. Масальскому и Х. И. Лазареву. Значительная часть переписки Сперанского присутствует в юбилейном томе, подготовленном А. Ф. Бычковым. Отдельные письма публиковались в «Русской старине», «Архиве исторических и юридических сведений, относящихся до России», «Русском архиве» и других изданиях. Однако эта работа была только начата, после 1917 г. она не продолжилась. Переписка Сперанского имеет огромное значение для понимания политической и культурной истории России. В числе его корреспондентов были крупнейшие политические деятели России, видные ученые и простые люди. Он переписывался также и с известными европейскими политиками и учеными.

В данном издании приводятся избранные письма, раскрывающие специфику мировоззрения Сперанского и касающиеся важных событий его жизни.

1. КОСТРОМСКОМУ ЕПИСКОПУ ЕВГЕНИЮ, 23 ФЕВРАЛЯ 1797 г.

Евгений Романов (1740—1811) — первоначально ректор Ярославской Духовной семинарии и архимандрит Борисоглебского монастыря, хиротописан 4 марта 1800 г. из архимандритов Тверского Колязина монастыря в епископа костромского.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 338—340.

Константин Васильевич Злобин (1771—1831) — коллежский советник, поэт, масон. Был женат на свояченице Сперанского Марианне Стивенс.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 362—365.

3. АРХИЕПИСКОПУ КАЛУЖСКОМУ ФЕОФИЛАКТУ,
17 ОКТЯБРЯ 1804 г.

Феофилакт Русанов — воспитанник Невской семинарии, хиротописан 30 октября 1799 г. из архимандритов Новгородского Иверского монастыря в епископа калужского. 23 декабря 1808 г. пожалован архиепископом. 5 марта 1809 г. переведен в Рязань. 14 мая 1817 г. пожалован экзархом в Грузию, а в 1819 г. — митрополитом кахетинским. Скончался 19 июля 1821 г. Был одним из образованнейших иерархов своего времени.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 376—380.

¹ Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — исключительно популярный в России французский проповедник и религиозный писатель. В русском переводе выпущены: «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737), «Тилемахида...» (СПб., 1766. Т. 1—2), «О воспитании девиц» (СПб., 1765), «Бытие Бога, доказанное познанием природы и человека» (М., 1809), «Письма» (М., 1805. Ч. 1—2).

² Эккартсгаузен Карл (1752—1803) — немецкий писатель-мистик. Автор книги «Облако над святилищем, или Нечто такое, о чем гордая философия и грезить не может» (СПб., 1804). Повлиял на концепцию внутренней и внешней церкви Сперанского.

³ Климент Александрийский (ок. 150 до 215) — знаменитый учитель и писатель александрийской церкви конца II—начала III в.

⁴ Августин Аврелий (354—430) — величайший из отцов древней церкви христианского Запада. В письме Сперанский называет его работу «Исповедь».

4. ПЕРМСКОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, 1813 г.

Печатается по: План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. С. 326—359. Подлинный текст письма впервые напечатан Н. К. Шильдером в «Русском архиве» (1892. № 1). К нему же приложена объяснительная записка Сперанского, написанная им в третьем лице.

⁵ Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — член Негласного комитета Александра I. В 1801—1802 гг. управляющий Коллегией иностранных дел. В 1802 и 1819—1823 гг. министр внутренних дел. В декабре 1826 г. возглавлял учрежденный Николаем I Особый комитет для подготовки проектов государственных преобразований. В 1827 г.

был назначен председателем Государственного Совета и Комитета министров.

⁶ Имеется в виду граф Салтыков Николай Иванович (1736—1816) — сенатор, главный воспитатель великих князей Константина и Александра Павловичей. В 1812—1816 гг. председатель Государственного Совета и Комитета министров. В 1814 г. награжден княжеским титулом.

⁷ Завадовский Петр Васильевич (1739—1812) — граф. С 1780 г. сенатор, с 1781 г. управляющий Петербургским дворянским банком, директор Государственного банка. Член Государственного Совета с 1801 г. Председатель Комиссии по составлению законов. В 1802 г. министр народного просвещения. В 1810 г. председатель департамента законов Государственного Совета.

⁸ Лопухин Петр Васильевич (1753—1827) — сенатор. В 1798 г. занял пост генерал-прокурора, руководил работой Сената. С 1801 г. член Государственного Совета. С 1803 по 1810 г. министр юстиции, участвовал в разработке проектов государственных преобразований. В 1810 г. назначен председателем департамента гражданских и духовных дел. С 1812 г. руководил работой департамента законов. Был критически настроен в отношении законодательных проектов Сперанского и способствовал его отстранению. С 1816 по 1827 г. являлся председателем Государственного Совета и Комитета министров.

⁹ Розенкампф Густав Андреевич (1765—1832) — барон. С 1832 г. работал в Комиссии составления законов. С 1811 г. член Комиссии по финляндским делам. Автор фундаментального труда «Обозрение Кормчей Книги в историческом виде» (М., 1829).

¹⁰ Это обвинение, выдвинутое в адрес Сперанского, не соответствует действительности. Свою задачу он видел в создании Свода российских законов, но с использованием структуры римского права, которая отражает в своих истоках разум права. Сперанского можно упрекнуть, скорее, в излишнем стремлении к наиболее полному охвату отечественных законов и меньшему проявлению творческих начал в правовом творчестве. Но это не его вина. Николаем I было велено создать Свод законов существующих с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их. В результате вместо кодификации в России по существу была проведена инкорпорация.

¹¹ Речь идет о Дмитрие Александровиче Гурьеве (1751—1825) — министре финансов в 1810—1823 гг. Его деятельность была неудовлетворительной, и, потеряв поддержку А. А. Аракчеева, он в 1823 г. ушел в отставку.

¹² Доносителей было много, и, кроме могущественных врагов — великой княгини Екатерины Павловны, Ф. В. Ростопчина, А. Д. Балашова, Г. Армфельдта, — были и умные, искренне уверенные в своей правоте, каким был Н. М. Карамзин. В последующем, ближе познакомившись со Сперанским, Карамзин изменил свое мнение о нем. Любопытно, что большую часть врагов Сперанского составляли люди, не имевшие с Россией кровных связей: Армфельдт, Вигель, Розенкампф, Ж. де Местр. Был и польский след в деле об устранении Сперанского. О том, кто стоял за спиной недругов, можно только догадываться. Существуют несколько

версий по этой проблеме. По мнению М. А. Корфа и некоторых других историков, направляла врагов Сперанского любимая сестра императора великая княгиня Екатерина Павловна. Согласно Ф. Гауеншильду, Сперанский приписывал свое падение князю А. Н. Голицыну. По мнению же В. А. Томсинова и А. Зорина, которое совпадает с точкой зрения Н. К. Шильдера, «кукловодом» был сам император Александр Павлович, заинтересованный в том, чтобы в преддверии войны с французами привлечь на свою сторону российское общество и с этой целью убравший Сперанского, которым были недовольны многие. Соглашаясь с последней точкой зрения, заметим, что причин, по которым император желал отставки Сперанского, было несколько, в том числе и вышеназванные. К ним надо добавить, что Александр I, вероятно, стремился избавиться от человека, под интеллектуальное влияние которого он невольно попал. Допускал ошибки и сам Сперанский: был неосторожен в частных разговорах об императоре. Однако представляется, что предопределило падение Сперанского другое. К 1812 г. императору стало ясно, что его проект неосуществим — как из-за характера самого проекта, так и по политическим условиям. Его реализация угрожала положению императора из-за сопротивления дворянской элиты.

¹³ Логика действительно была главным оружием Сперанского. Но в политике часто действует не логика, а коварство. Побеждает подлейший, а не умнейший. Кроме того, политический рационализм часто мешал ему увидеть иррациональные и ценностные аспекты политических реформ.

¹⁴ Армфельдт (Армфельт) Карл Густав (1794—1875) — граф, государственный деятель. С 1842 г. министр и статс-секретарь княжества Финляндского.

¹⁵ Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — член Государственного Совета, с 1810 г. министр полиции. Перед Отечественной войной сопровождал императора Александра I в Вильно и доставил его письмо Наполеону. С 1816 г. состоял по особому поручению в свите. С 1819 по 1828 г. был генерал-губернатором Орловской, Тульской, Рязанской и Воронежской губерний.

¹⁶ Сперанский касается секретного поручения Александра I. В преддверии войны с французами император, зная франкофильские настроения министра иностранных дел канцлера Н. П. Румянцева, попросил Сперанского в тайне от канцлера доставлять ему секретную почту от К. В. Нессельроде, направленного в Париж с тайной миссией по сбору сведений о врагах Наполеона. В задании участвовали начальник департамента иностранной коллегии А. А. Жерве, глава экспедиции дешифровальщиков департамента иностранной коллегии статский советник Х. А. Бек и гардеробмейстер Гесслер. После отставки Сперанского это дело было поставлено ему в вину.

¹⁷ По мнению Н. К. Шильдера, здесь в письме допущена ошибка, и речь идет о датском посланнике Блуме (см.: Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 3. С. 62).

¹⁸ Такого рода обвинения выдвигались в 1811 г. Ф. В. Ростопчиным в «Записке о мартинистах».

5. ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, 6 ЯНВАРЯ 1816 г.

Письмо затрагивает деятельность Сперанского в Библейском обществе. Это общество было создано в 1804 г. в Англии для распространения Библии. В 1812 г. Библейское общество было организовано в Петербурге, получив полную поддержку власти. В 1814 г. Александр I вступил в его члены, после чего возникло Русское Библейское общество. Его председателем стал министр духовных дел и просвещения князь А. Н. Голицын. К 1824 г. в России насчитывалось уже 84 отделения Библейского общества, было распространено 448 109 книг Священного Писания. Сперанский в соответствии со своими нравственными и религиозными воззрениями и стремлением просветить российский народ возглавил пензенское отделение общества. С этой же целью он перевел книгу Фомы Кемпийского, а также написал перевод избранных творений Таулера, комментарии к беседам Макария Великого и др.

Печатается по: Русский архив. 1867. Т. 5. № 1—12. С. 447—453.

¹⁹ Манифест от 25 декабря 1815 г. о Священном союзе с императором австрийским Францем I и королем прусским Фредериком Вильгельмом.

6. Ф. И. ЦЕЙЕРУ, 11 ЯНВАРЯ 1816 г.

Цейер Франц Иванович (1780—1835) — действительный статский советник. Служил под начальством Сперанского в Комиссии составления законов, а также в Сибири в период генерал-губернаторства реформатора. Ближайший, по словам Сперанского, и лучший его помощник.

Печатается по: Русский архив. 1867. Т. 5. № 1—12. С. 453—454.

7. Х. И. ЛАЗАРЕВУ, 16 ЯНВАРЯ 1816 г.

Лазарев Христофор Иакимович (1789—1871) — действительный тайный советник и попечитель Лазаревского института восточных языков. Оказал много услуг Сперанскому в период его пребывания в Перми. Во время коронации императора Николая Павловича Сперанский жил в Москве в доме Лазаревых. По возвращении в Петербург он в течение десяти лет снимал квартиру в доме Армянской церкви. Дружественные отношения мыслителя с семейством Лазаревых продолжались до самой его кончины.

Печатается по: Письма к Х. И. Лазареву. СПб., 1864. С. 5.

8. Д. А. ГУРЬЕВУ, 28 МАЯ 1817 г.

Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825) — граф, министр финансов.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 460—461.

9. ГРАФУ А. А. АРАКЧЕЕВУ, 5 АПРЕЛЯ 1819 г.

Аракчеев Александр Андреевич (1769—1834) — с 1808 г. военный министр, член Государственного Совета. С января 1816 г. председатель

военного департамента Государственного Совета. В 1817—1825 гг. по поручению царя занимался организацией военных поселений.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 118—119.

10. КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ, 25 ИЮНЯ 1819 г.

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, член Государственного Совета с 1810 г. С 1803 г. обер-прокурор Синода и статс-секретарь. В 1812 г. возглавил Русское Библейское общество. В 1816 г. министр духовных дел и народного просвещения. Канцлер Капитула российских орденов.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 188—190.

11. О. П. КОЗОДАВЛЕВУ, 10 ИЮЛЯ 1819 г.

Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — министр внутренних дел в 1810 г. Выступал за улучшение положения крестьян. Автор литературных переводов, комедий и стихов.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 195—196.

²⁰ Илличевский Демьян Васильевич — томский гражданский губернатор.

12. ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, 31 ИЮЛЯ 1819 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 218—220.

²¹ Трескин Николай Иванович — иркутский гражданский губернатор.

13. КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1819 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 227—230.

²² Лоскутов Евграф Федорович — нижеудинский исправник.

²³ Цейдлер Иван Богданович — иркутский комендант, потом иркутский гражданский губернатор.

²⁴ Салватори Антон Яковлевич — коллежский советник.

14. С. С. УВАРОВУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1819 г.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — граф. В 1818 г. назначен президентом Академии наук и оставался им до самой своей смерти. В 1833—1849 гг. министр народного просвещения. С именем Уварова связано концептуальное оформление теории официальной народности. В своей деятельности он придерживался сословных начал, защищая привилегии дворянства. При нем произошло резкое усиление цензуры, крестьянский вопрос был совсем закрыт для литературы.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 231—232.

15. А. А. СТОЛЫПИНУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1819 г.

Столыпин Аркадий Алексеевич (1778—1825) — сенатор, обер-прокурор, друг Сперанского.

Первая публикация: Русский архив. 1869. Стлб. 1978—1984. Здесь печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 246—252.

²⁵ Пестель Иван Борисович (1765—1843) — отец декабриста П. И. Пестеля. Сенатор, в марте 1806 г. назначен сибирским генерал-губернатором, но продолжал жить в Петербурге, передав все полномочия своим подчиненным. В 1816 г. был назначен членом Государственного Совета. В 1818 г. по жалобам сибирское генерал-губернаторство было подвергнуто ревизии Сперанским. Вскрылись многочисленные злоупотребления. Пестель был отправлен в отставку.

²⁶ Жерве Андрей Андреевич (1778—1832) — действительный статский советник.

²⁷ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — с 1810 г. директор департамента духовных дел. С 1822 г. член Комиссии составления законов.

²⁸ Словцов Петр Андреевич (1767—1843) — сибирский историк, друг Сперанского по Невской семинарии, служил в Государственном Совете, преподавал в Тобольске.

16. ГРАФУ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ, 18 СЕНТЯБРЯ 1819 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 238.

²⁹ Шиллинг фон Канштадт Павел Львович (1786—1837) — барон, статский советник, изобретатель телеграфа, инициатор введения в России литографии.

17. ГРАФУ В. П. КОЧУБЕЮ, 18 ДЕКАБРЯ 1819 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 263—268.

18. КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ, 30 ЯНВАРЯ 1820 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 269—272.

19. ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, 30 ЯНВАРЯ 1820 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 273—277.

20. КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ, 20 МАЯ 1820 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 304—305.

21. ГРАФУ В. П. КОЧУБЕЮ, 20 МАЯ 1820 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 306—314.

22. ГРАФУ В. П. КОЧУБЕЮ, 11 ДЕКАБРЯ 1820 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 502—507.

³⁰ Головкин Юрий Александрович (1763—1846) — граф, посол в Китае, сенатор и член Государственного Совета.

23. А. Н. ОЛЕНИНУ, 7 СЕНТЯБРЯ 1822 г.

Печатается по: В память графа М. М. Сперанского. С. 737—738.

Письмо не было послано, в верхнем углу Сперанский написал: «Оставлено».

³¹ Фесслер Игнатий Аврелий (1756—1839) — суперинтендант и церковный советник лютеранской церкви в Петербурге.

24. ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I, 19 ИЮНЯ 1827 г.

Печатается по: Русская старина. 1901. № 11. С. 270.

25. КИЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ЕВГЕНИЮ, 20 МАЯ 1833 г.

Евгений (Евфимий) Болховитинов (1767—1837) — известный ученый, автор многих научных работ, митрополит киевский с 1822 г. Ему принадлежат фундаментальные труды «Историческое обозрение российского законоположения от древнейших времен до 1824 г.», «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» (1818) и др.

Печатается по: Русская старина. 1898. № 7. С. 153.

26. КНЯЗЮ Д. В. ГОЛИЦЫНУ, 23 МАЯ 1833 г.

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844) — в 1820—1843 гг. генерал-губернатор Москвы. С 1821 г. член Государственного Совета.

Печатается по: Русская старина. 1898. № 7. С. 153—154.

27. ГРАФУ А. И. ЧЕРНЫШЕВУ, 2 НОЯБРЯ 1833 г.

Чернышев Александр Иванович (1785—1857) — с 1827 г. сенатор. В 1832—1852 гг. военный министр. В 1848—1856 гг. председатель Государственного Совета.

Печатается по: Русская старина. 1898. № 7. С. 156.

³² Ахшарумов Дмитрий Иванович (1792—1837) — генерал-майор, первый историк Отечественной войны 1812 г. Редактор Свода военных установлений.

БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ И ПИСЕМ М. М. СПЕРАНСКОГО

Библиография включает прижизненные, а также изданные после смерти работы реформатора. Бóльшая часть его рукописных произведений, а также огромная переписка до сих пор не опубликованы и хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде М. М. Сперанского № 731 и в фонде К. Г. Репинского. Следует отдать должное труднейшей работе по изучению наследия Сперанского, которая издавна проводится сотрудниками Российской национальной библиотеки. Многие документы Сперанского издали А. Ф. и И. А. Бычковы, Н. К. Шильдер. Важное научное значение имеет и работа по составлению капитального труда — каталога рукописных трудов и писем Сперанского, хранящихся в библиотеке, которая проводилась под редакцией М. Я. Стецкевич.

Афоризмы // Русская старина. 1900. № 5. С. 413—414.

Введение к Уложению государственных законов // Историческое обозрение. 1899. Т. X. С. 3—62.

В память графа М. М. Сперанского. 1772—1872 / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1872 (сюда вошли дневник М. М. Сперанского, написанный в период его пребывания в Сибири с 31 марта 1819 г. по 22 марта 1921 г., автобиография, переписка с разными лицами, а также философские и политические статьи).

Досуги // Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Магальскому. СПб., 1862.

Замечания о губернских учреждениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 4.

Записка императору Николаю I от 21 января 1830 г. // Русская старина. 1899. № 3. С. 632.

Записка о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // Русская старина. 1900. № 1. С. 57—65.

Записка о необходимости учреждения Государственного Совета // *Щеглов В. Г.* Государственный Совет в России. Ярославль, 1892.

Записки о политических делах: О видах Франции по брачному союзу с Австрией. 1811 г.; О видах французского правительства по управлению Польшей. 1810 г. // Русская старина. 1900. № 11. С. 429—440.

Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. // Историческое обозрение. 1901. Т. II. С. 1—53.

Записка об училище по судебной части 1835 г. // Русская старина. 1885. Т. 48. Прилож. V—VIII.

Записка по делам финляндским и польским от 11 июня 1811 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии Н. Дубровиным. СПб., 1876. Вып. 1. С. 214—217.

Историческое обозрение изменений в праве земельной собственности и в состоянии крестьян // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 2. С. 27—44.

Краткий очерк священной истории и уяснение христианской веры // Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому. СПб., 1862.

Мнение Сперанского о новом издании славяно-российского словаря. СПб., 1870.

Мысли графа М. М. Сперанского. О системе законов вообще // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 1. С. 3—20.

Мысли о новых билетах казначейства от 1831 г. // Русская старина. 1873. Т. VIII. С. 585—588.

Обозрение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833; 2-е изд.: СПб., 1837; 3-е изд.: Одесса, 1889.

Об усовершенствовании общего народного воспитания // Русская старина. 1907. № 12. С. 729—735.

Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. СПб., 1907. Оттиск из Исторического обозрения. 1901. Т. II.

Об учреждениях, относящихся до экономики государственной и правительственной // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 6.

Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 2. С. 1—26.

Объяснительные записки и заметки. 1827—1828 гг. // Русская старина. 1876. № 3—4.

О военных поселениях. СПб., 1825.

О государственных установлениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 3.

О законах. Беседы с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем великим князем Александром Николаевичем // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1881. Т. XXX. С. 323—491.

О монетном обращении. М., 1873. Также записка о монетном обращении с заметками графа Канкрин. СПб., 1895.

О силе правительства // Русская старина. 1902. № 12. С. 495—499.

О силе, основе и естестве. Философские отрывки // Москвитянин. 1842. № 1. С. 183—186.

Основания российского права // Правоведение. 2001. № 3. С. 225—237.

Отчет о делах 1810 года, представленный императору Александру I // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1877. Т. XXI. С. 447—462.

План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905.

План финансов // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. XXXV. С. 1—72.

Правила высшего красноречия. СПб., 1844.

Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961.

Проповедь Сперанского в 1791 г.; Юмористическая оценка одного из заседаний Государственного Совета // Русская старина. 1902. № 2. С. 284—291.

Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

Руководство к познанию законов (Глава 1); Быть и существовать; Понятие личности или Я; Честь и свобода — одно и то же; Свет и свобода — одно и то же; Свободная, произвольная неволя // *Осипов И. Д.* Философия русского либерализма. СПб., 1996. С. 157—166.

Слово от 1790 г. в день усекновения главы Св. Иоанна Предтечи. Ярославль, 1892.

Слово от 1791 г. в неделю мясопустную. Ярославль, 1893.

Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским 1797 г. в Санкт-Петербурге. М., 1872.

Философские отрывки и афоризмы // Москвитянин. 1842. № 1. То же: Русская старина. 1872. Т. V. № 1. С. 68—79.

Фома Кемпийский. О подражании Христу / Пер. М. М. Сперанского. СПб., 1819; 2-е изд.: СПб., 1821.

Четыре «беседы» с наследником престола // Правоведение. 1997. № 4. С. 66—82.

ПИСЬМА М. М. СПЕРАНСКОГО

Ниже приводится список только опубликованных писем. Большая часть переписки не издана и хранится в фонде Сперанского Российской национальной библиотеки. Кроме того, письма Сперанского имеются в фонде К. Г. Репинского той же библиотеки, а также в архивах графа К. Н. Нессельроде и графа Н. С. Мордвинова.

Дружеские письма графа Сперанского П. Г. Масальскому, написанные с 1789 по 1819 г. с историческими пояснениями, составленными К. Масальским и некоторые сочинения первой молодости графа М. М. Сперанского: «Досуги», «Краткий очерк священной истории». СПб., 1862.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869.

Письма графа М. М. Сперанского Х. И. Лазареву. СПб., 1864.

П. А. Словцову от 6 августа 1813 г. // Москвитянин. 1845. Март.

Письма дочери // Русский архив. 1867. Стлб. 1103—1212, 1680—1811.

А. А. Столыпину (1813—1818) // Там же. 1869. Стлб. 919—920, 1682—1707.

И. В. Лопухину // Там же. 1870. Стлб. 625—626.

Ф. И. Цейеру (1811—1818) // Там же. Стлб. 174—200.

С. М. Броневскому. Там же. Стлб. 199—202.

А. А. Столыпину (1809—1816) // Там же. Стлб. 881—892, 1125—1156.

А. А. Столыпину (1818—1820) // Там же. 1871. Стлб. 431—483.

А. Г. Милорадовичу от 13 августа 1824 г., 11 ноября 1824 г. и от 13 февраля 1825 г. // Там же. С. 136—137.

С. Ф. Голицыну // Там же. 1876. Кн. II. Стлб. 150.

Александру I от января 1813 г. // Там же. 1892. Кн. I. С. 50—80.

Переписка М. М. Сперанского с разными лицами 1833 г. Письма митрополиту киевскому Евгению, князю Д. В. Голицыну, графу А. И. Чернышову // Там же. 1898. № 7. С. 153—156.

А. О. Имбергу (1825—1838) // Там же. 1900. Кн. 5. С. 96—104.

О. П. Козодавлеву от 8 марта 1817 г. // Там же. 1901. Кн. 3. С. 472—476.

П. С. Руничу от 11 февраля 1801 г., 3 мая 1801 г. и 1 июля 1801 г. // Там же. 1904. Кн. 3. С. 580—581.

Пензенской помещице (1818—1822) // Там же. С. 581—584.

А. Н. Голицыну от января 1820 г. // Там же. 1905. № 12. С. 489—490.

Александру I от 9 июля 1814 г. // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 447—449.

С. В. Руссову от 20 декабря 1797 г. // Там же. 1895. № 6. С. 60.

Николаю I от 19 июня 1827 г. // Там же. 1901. № 11. С. 270.

А. А. Аракчееву от 14 сентября 1816 г. // Там же. С. 370.

О. П. Козодавлеву // Там же. 1902. № 2. С. 287—291.

И. Ф. Журавлеву от 20 августа 1823 г. // Там же. 1902. № 3. С. 648.

С. С. Уварову от 17 сентября 1819 г. // Там же. 1903. № 3. С. 444.

С. К. Вязмитинову от 1 августа 1818 г. и от 4 февраля 1819 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 384.

И. А. Тейльсу от 29 июля 1810 г. // Там же. СПб., 1890. Вып. 3.

А. Н. Голицыну от 28 августа 1810 г. // Там же.

Епископу Мациевичу от 28 августа 1810 г. // Там же.

Н. Ф. Емину от 18 августа 1810 г. // Там же.

Адмиралу Кроншtedту от 5 сентября 1809 г. // Там же.

Графу Витгенштейну от 14 октября 1810 г. // Там же.

Ф. Штейнгелю от 19 мая 1811 г. и от 13 июля 1811 г. // Там же.

А. Н. Голицыну от 1 ноября 1811 г. // Там же.

ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящую библиографию вошли сочинения дореволюционных авторов о Сперанском, а также работы, изданные в последующие годы. Следует учесть, что ценнейшие сведения о реформаторе содержатся в дневниках многих русских и иностранных политиков и общественных деятелей XIX в., из которых следует выделить воспоминания М. А. Корфа, Ф. В. Булгарина, Н. С. Мордвинова, К. Г. Репинского, Я. И. де Санглена. О Сперанском сейчас пишут в учебниках и монографиях по русской политической и культурной истории, ни один серьезный труд по истории России не обходится без анализа творчества великого мыслителя и реформатора.

Алданов М. А. Сперанский и декабристы // *Современные записки.* Париж, 1925. № 26. С. 224—240.

Александров А. А. М. М. Сперанский и проект реформ 1809 года в русской исторической литературе // *Зеркало истории* / Под ред. Н. И. Басовской. М., 1992. С. 92—108.

Александров А. А. Реформатор Ключевский о М. М. Сперанском // *Ключевский: Сб. материалов.* Пенза, 1995. Вып. 1. С. 9—15.

Александров А. М. Реформаторская деятельность графа М. М. Сперанского в контексте европейских преобразований XVIII—первой четверти XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.

Александров Г. Н. Мои воспоминания о графе Сперанском // *Русский архив.* 1904. Кн. 3. С. 371—375.

Андреева М. В. У истоков кодификационных работ М. М. Сперанского // *Правоведение.* 1983. № 1. С. 66—73.

Аракчеев А. А. Отзыв о Сперанском // *Русская старина.* 1872. № 3. С. 470—472.

Ахун М. К истории кодификации русского законодательства // *Архивное дело.* 1941. № 2. С. 8—12.

Барер И. Сперанский и его реформы // *Исторический журнал.* 1938. № 8. С. 65—74.

Бартенев П. И. Примечания: I. Пермское письмо Сперанского к Александру Павловичу. II. Оправдательная записка (публ. Н. К. Шильдера) // Русский архив. 1892. № 1. Стлб. 50—80.

Баснин П. П. Воспоминания о Сперанском // Исторический вестник. 1903. Январь. Т. ХСІ. С. 152—173.

Батеньков Г. С. Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям) // Русская старина. 1897. № 10. С. 83—92.

Белинский В. Г. Рецензия на «Правила высшего красноречия» М. М. Сперанского // Отечественные записки. СПб., 1845. Т. XXXVIII, № 1. С. 2.

Березкин С. Ф. Сперанский как кодификатор. Одесса, 1889.

Бильбасов В. А. Сперанский и два Никитина // Русская старина. 1896. Т. 87. С. 445—447.

Бильбасов В. А. М. М. Сперанский (по Гауэншильду) // Русская старина. 1902. № 5. С. 251—262.

Благосветлов Г. Е. Один из наших государственных деятелей. СПб., 1882.

Богданович М. И. Падение Сперанского // Вестник Европы. 1868. Кн. 12. С. 495—505.

Бокова В. М. Либеральные конституционные идеи в России нач. XIX в. (1801—1812). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Бонташ П. К. Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1954.

Бумаги, относящиеся к служебной деятельности М. М. Сперанского в 1818 и 1819 гг. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 375—388.

Бычков И. А. Несколько данных к истории книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» // Русская старина. 1902. № 1. С. 141—174.

Бычков И. А. К биографии гр. М. М. Сперанского // Там же. № 2. С. 283—306.

Бычков И. А. Деятели и участники в падении Сперанского // Там же. № 3. С. 469—508.

Бычков И. А. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского (из бумаг академика А. Ф. Быčkova). Неизданная глава из «Жизни графа М. М. Сперанского» барона М. А. Корфа // Там же. 1903. № 2. С. 211—234.

Бычков И. А. Сперанский в 1808—1811 гг. // Там же. № 4. С. 29—40.

Бычков И. А. Ссылка Сперанского в 1812 г. // Там же. С. 5—41.

Бычков И. А. Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми // Там же. № 5. С. 251—262.

Бычков И. А. Сперанский в Великополье и Пензе // Там же. № 6—7.

Бычков И. А. Дополнительные заметки и материалы к «Жизни графа Сперанского» // Там же. № 9. С. 497—518.

Бычков И. А. М. М. Сперанский — генерал-губернатор в Сибири и возвращение его в Петербург // Там же. № 10. С. 35—56.

Булгарин Ф. В. Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной жизни. 1830—1850. М., 1872.

Бурнашев В. П. Представление М. М. Сперанскому в 1823 г. // Русский мир. 1872. № 183.

Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири в период с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1—2.

Валк С. Н. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 464—472.

Валк С. Н. Предисловие // *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.

Васильев А. В. Прогрессивный подоходный налог 1812 г. и падение Сперанского // Голос минувшего. 1916. № 7—8. С. 332—340.

Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома Свода законов. Записка Сперанского. СПб., 1897.

Воейков А. Ф. Сатира к С... об истинном благородстве // Вестник Европы. 1806. Ч. 29. № 19. С. 195—201.

Воскресенский Е. Граф М. М. Сперанский. Владимир, 1900.

В поисках истины: Беседы о книгах. Державин, Радищев, Сперанский / Под ред. В. Р. Кульбачук. М., 1997.

Вяземский П. А. Сперанский // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7.

Германсон Р. Мнение М. М. Сперанского о конституции Финляндии // Право, 1908. Стлб. 1414—1414, 1565.

Голицын Н. В. Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 г. Пг., 1916.

Голицын Н. В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический журнал. 1917. № 1—2. С. 61—102.

Гордин Я. А. набросок портрета // Знание — сила. 1988. № 9—10.

Граудина Л. К. Риторика М. М. Сперанского // Русская речь. 1986. № 4. С. 37—42.

Граф Михайло Михайлович Сперанский. Иркутск, 1867.

Граф М. М. Сперанский в Тюмени // Русская старина. 1896. Т. 87. С. 294.

Гринвальд. Сперанский и Балугьянский. Участие их в составлении Свода узаконений для прибалтийских губерний // Русская старина. 1882. Т. 87. № 7. С. 41—58.

Гр. М. М. Сперанский // Владимирские губернские ведомости. 1844. № 41.

Гр. М. М. Сперанский // Северная пчела. 1862. № 1.

Гр. М. М. Сперанский // Всемирная иллюстрация. 1872. № 157.

Гр. М. М. Сперанский // Рижский вестник. 1872. № 1—2.

Гр. М. М. Сперанский // Сияние. 1872. № 2.

Гр. М. М. Сперанский и его преобразования финансов в первый период его общественной деятельности // Северная пчела. 1862. № 21, 26, 28.

Грот Я. К. Поправка сведений о Сперанском // Русский архив. 1863. Стлб. 720.

Грот Я. К. К истории ссылки Сперанского // Там же. 1871. Стлб. 2073—2078.

Грот Я. К. Еще о Сперанском и Воейкове // Там же. Стлб. 2121—2124.

- Давыдов Б. Б. М. М. Сперанский о военных поселениях в России. По материалам ЦГВИА СССР // Советский архивист. 1988. № 4. С. 88.*
- Давыдов Ю. Сперанский: взлет и падение // Российская газета. 1999. 24 февраля.*
- Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. 1885. № 9. С. 391—410.*
- Дмитриев А. Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869. Т. 82. С. 744—748.*
- Дмитриев О. Сперанский и его государственная деятельность (1772—1839) // Юность. 1996. № 7. С. 70—80.*
- Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. М., 1862.*
- Дмитриев Ф. М. Сперанский в его государственной деятельности с общим очерком истории внутреннего управления в XVIII веке // Русский архив. 1868. Стлб. 1527—1652.*
- Дмитриев Ф. М. Рецензия на книгу М. А. Корфа «Жизнь графа М. М. Сперанского» // Там же. Стлб. 1646.*
- Доброхотов В. По поводу 50-летия кончины гр. Сперанского // Русские ведомости. 1889. № 42.*
- Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М. М. Сперанского. М., 1905.*
- Дружинин Н. П. Памяти графа М. М. Сперанского // Исторический вестник. 1889. Т. XXXV. Январь. С. 141—164.*
- Дума Магницкого при гробе графа Сперанского // Русская старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 328—334.*
- Е. Г. Из жизни Сперанского в Перми // Исторический вестник. 1892. № 5. С. 570—571.*
- Елисеев В. Н. Святитель Феофан Затворник о религиозных взглядах графа М. М. Сперанского // Исторические личности России. СПб., 1998.*
- Ельчанинов А. В. Мистицизм М. М. Сперанского (историко-психологический очерк) // Богословский вестник. 1906. № 1—2.*
- Ермолов Г. П. Памфлет на графа М. М. Сперанского. М., 1895.*
- Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм в первой четверти XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.*
- Завитневич В. З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907.*
- Замотин И. И. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30-х годов XIX столетия. СПб., 1902.*
- Записки Я. И. де Санглена // Русская старина. 1883. № 1—3.*
- Зарифейский. Приезд М. М. Сперанского в Иркутск // Иркутские губернские ведомости. 1865. № 7.*
- Знаменский П. В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань, 1878.*
- Зорин А. Враг народа: Культурные механизмы опалы М. М. Сперанского // Новое литературное обозрение. 2000. № 1. С. 27—68.*
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001.*

Из записок барона М. А. Корфа // Русская старина. 1899. № 6, 7, 12; 1900, № 2, 7; 1904, № 1—2.

Из финансовой истории России во времена государственной деятельности Сперанского // Биржевые ведомости. 1861. № 235.

Ильинский В. Предстоящий юбилей графа М. М. Сперанского // Судебная газета. 1887. № 8.

Исторические заслуги графа Сперанского // Судебная газета. 1889. № 7.

К-в Н. Граф Сперанский // Русский инвалид. 1861. № 229—230.

Калачев Н. В. О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении // Юридический вестник. 1880. № 1. С. 3—16.

Калягин В. А. Политические взгляды и государственная деятельность М. М. Сперанского в 1808—1812 гг. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1973.

Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского / Под ред. Б. В. Виленского. Саратов, 1973.

Карамзин и Сперанский. Берлин; Париж; Лондон, 1858.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889.

Кизеветтер А. А. М. А. Балугьянский и М. М. Сперанский // Россия и славянство. Париж, 1931. № 153.

Кодан С. В. М. М. Сперанский и систематизация законодательства в России // Советское государство и право. 1989. № 6. С. 103—110.

Колесников А. Н. Систематизация законодательства в России в начале XIX в. М. М. Сперанским // Ученые записки Всесоюзного НИИ советского законодательства. 1966. Вып. 8. С. 189—214.

Констанский М. А. Сперанский в Перми // Русская старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 335—340.

Коркунов Н. М. Значение Свода законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Октябрь. С. 95—117.

Коркунов Н. М. Теоретические воззрения М. М. Сперанского на право // Там же. С. 336—342.

Коркунов Н. М. Политические воззрения Сперанского до его знакомства с императором Александром I // Вестник права. 1899. № 8. С. 1—40.

Коркунов Н. М. Четыре проекта Сперанского о преобразовании Сената // Вестник всемирной истории. 1900. № 2—3.

Корнилов В. А. Общественно-политические взгляды и деятельность М. М. Сперанского. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Корнилов В. А. О некоторых материалах для характеристики взглядов М. М. Сперанского // Вопросы историографии отечественной истории. М., 1974. С. 22—29.

Корнилов В. А. Сперанский в Сибири // Сибирские огни. 1974. № 4. С. 147—153.

Корнилов В. А. Сперанский — генерал-губернатор Сибири // Политика царизма в Сибири в XIX—начале XX века. Иркутск, 1987. С. 22—33.

Корф М. А. О воспоминаниях г. Булгарина касательно гр. М. М. Сперанского // Русский инвалид. 1848. № 138.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1—2.

Корф М. А. Из бумаг о графе Сперанском // Русский архив. 1867. № 3. Стлб. 432.

Корф М. А. Достопамятная черта в частной жизни Сперанского. Из письма к издателю «Русского архива» // Русский архив. 1884. Кн. III. Стлб. 55—57.

Корф М. А. Смерть графа Сперанского. 1839 год // Русская старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 317—320.

Корш Е. Ф. Сперанский // Московские ведомости. 1861. № 261, 268, 270, 272.

Кочубинский А. А. Гр. Сперанский и университетский устав 1835 г. // Вестник Европы. 1894. № 4—5.

Крюков А. С. Секретное донесение министру полиции о том, что М. М. Сперанский положительно отозвался о Наполеоне // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 731. Ед. хр. 2341.

Куракин А. Б. Письмо к Ф. Н. Голицыну о Сперанском // Русский архив. 1863. Стлб. 442.

Линович А. Гр. М. М. Сперанский // Мирское слово. 1872. № 2, 11, 17.

Лонгинов М. Н. Граф Сперанский (1772—1839) // Русский вестник. 1859. Октябрь. Кн. 1—2.

Лонгинов М. Н. Несколько дополнительных слов о гр. Сперанском. М., 1861.

Луковская Д. И., Гречишкин С. С. Четыре «беседы» М. М. Сперанского о законах // Правоведение. 1997. № 4. С. 63—65.

М. М. Дума на гробе графа Сперанского // Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 4. С. 480—489.

М. М. Сперанский. Жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000.

Магницкий И. В. Гр. М. М. Сперанский во Владимирской духовной семинарии. Владимир, 1900.

Майков П. М. Сперанский и студенты законовещения // Русский вестник. 1899. № 8—10. С. 5—15.

Майков П. М. Второе Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии. Исторический очерк (1826—1882). СПб., 1906.

Макеева Г. П. Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке. М., 1990.

Мальцева С. А. Социально-философская концепция М. М. Сперанского (1772—1839). Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1983.

Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. Берлин, 1923. Т. 1—2.

Мещерский И. И. Граф М. М. Сперанский. Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1911.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Морозов В. И. Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. Историко-теоретическое исследование. СПб., 1999.

Морозов В. И. Политические взгляды и конституционные проекты М. М. Сперанского. СПб., 2000.

Несколько слов о гр. М. М. Сперанском // Вятские губернские ведомости. 1872. № 3.

Несколько слов о гр. М. М. Сперанском // Московские епархиальные ведомости. 1872. № 1.

Нефедьев Е. А. Причины и цель издания Полного собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского. Казань, 1889.

Никитенко А. В. Воспоминания о М. М. Сперанском. Речь, произнесенная в годичном собрании Академии наук 29 декабря. СПб., 1872.

Новаковский В. И. Михаил Михайлович Сперанский. СПб., 1863; 2-е изд.: 1868.

Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Либеральная традиция в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 67—80.

Новые материалы к биографии гр. Сперанского // Московские ведомости. 1863. № 154.

Нольде А. Э. Очерки истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб., 1906—1914. Вып. 1—2.

Нольде А. Э. Граф М. М. Сперанский. Опыт характеристики // Новый журнал. 1989. Кн. 175. С. 263—277.

Овсянников Н. О пребывании М. М. Сперанского в Нижнем Новгороде // Нижегородские губернские ведомости. 1861. № 46.

Осинов И. Д. Философские основания русского либерализма. XIX—начало XX в. Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999.

Охупкин Н. Г. План государственного преобразования М. М. Сперанского. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947.

Ох Ду Юн. Реформы М. М. Сперанского: идеи и реальность. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Очерки жизни гр. М. М. Сперанского // Саратовские губернские ведомости. 1846. № 34—36.

Первые чтения, посвященные памяти М. М. Сперанского. К 225-летию со дня рождения. Владимир, 1999.

Пивоваров Ю. С. Михаил Михайлович Сперанский: судьба реформатора в России (опыт ретроспективной политологии) // Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки / Под ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 1991. С. 43—63.

Пивоваров Ю. С. «Гений блага» русской политики // Рубежи. 1995. № 5. С. 47—66.

Погодин М. П. Несколько слов по поводу статьи (рукописной) бар. М. А. Корфа о Сперанском // Москвитянин. 1848. № 8—9.

Погодин М. П. К биографии Сперанского (письмо к редактору) // Русский архив. 1871. Стлб. 1942—1948.

Погодин М. П. Сперанский (посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Там же. Стлб. 1097—1251.

Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 г. Граф Раstopчин, Сперанский, Шишков // Русский архив. 1892. Кн. II. Стлб. 399.

Попов В. Сперанский. Заметка по поводу его книги «Правила высшего красноречия» // Русская старина. 1892. № 4. С. 120.

Попов Е. А. М. М. Сперанский в Перми и Сибири. Пермь, 1879.

Попов О. В. Быть может, Сперанский? // Русская литература. 1984. № 2. С. 185—187.

Последние отношения Магницкого к Сперанскому // Русский архив. 1909. № 6. С. 208—210.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

Предтеченский А. В. Брошюра М. М. Сперанского о военных поселениях // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. Л., 1964. С. 263—270.

Протопопов Д. С. Несколько слов о Сперанском (его семинарский характер) // Русский архив. 1876. Стлб. 225—230.

Пудовиков В. Деятельность Сперанского в Сибири // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 3 (16).

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900.

Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб., 1900.

Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1909.

Репинский К. Г. М. М. Сперанский — товарищ министра юстиции. Один из клеветников Сперанского // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 7. С. 275—285.

Рецензия на книгу М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» // Время. 1861. Т. VI. С. 119—174.

Родченко Я. М. М. Сперанский: взгляд на организацию и управление. К 225-летию со дня рождения // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 1. С. 119—127.

Рождественский С. В. М. М. Сперанский и Комитет 1837 года о степени обучения крепостных людей // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: Сб. статей. СПб., 1911. С. 254—279.

Романович-Славатинский А. В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского // Отечественные записки. 1873. Т. 4; Отдельный оттиск. Киев, 1873.

Росницкий А. Два слова к биографии гр. Сперанского // Москвитянин. 1850. Ч. 4. № 15. Кн. 1. Август. С. 85—86.

Росницкий А. Несколько слов в воспоминание графа М. М. Сперанского // Странник. 1872. Т. III. Ч. 1. С. 3—7.

Россия. Законы и постановления. Основные положения преобразования судебной части в России, Высочайше утвержденного 29 сентября 1862 г. с присовокуплением краткого обзора исторического хода судопроизводства от начала Руси до настоящего времени и биографией политической жизни графа Сперанского. М., 1863.

Ростопчин Ф. В. Записка о мартинистах, представленная в 1811 году великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. Кн. III. № 9. С. 75—81.

Ростопчин Ф. В. Письмо к императору Александру I с доносом на Сперанского // Русская старина. 1905. № 5. С. 412—416.

Ружицкая И. В. М. М. Сперанский и М. А. Корф об отмене гражданских чинов // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1998. С. 78—85.

Савваитов П. Материалы для биографии графа М. М. Сперанского // Москвитянин. 1855. Кн. 1. № 3. Февраль. С. 89—96.

Савваитов П. Гр. М. М. Сперанский. Заметки и письмо // Русская старина. 1872. Т. V. № 1. С. 80—81.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже 18—19 вв. Л., 1988.

Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность М. М. Сперанского в Сибири (1819—1822 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952.

Светличная Л. И. Устав об управлении инородцами М. М. Сперанского. Тюмень, 1957.

Семевский В. И. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. IX. С. 244—290.

Семевский В. И. Предисловие к изданию «Введения» // Там же. 1899. Т. X. С. 1—2.

Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя в России в XVIII и первой четверти XIX в. // Былое. 1906. № 1—2.

Семевский В. И. Первый политический трактат Сперанского // Русское богатство. 1907. № 1. С. 46—84.

Семевский В. И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество / Под ред. А. К. Джигелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1911. Т. 2. С. 152—193.

Семевский В. И. Падение Сперанского // Там же. С. 221—245.

Семенкова Т. Г. Финансовые реформы М. М. Сперанского в начале XIX в. // Финансы СССР. 1989. № 4. С. 59—64.

Семенова А. В. Декабристы и государственные деятели России — кандидаты во временное революционное правительство (М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, П. Д. Киселев). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Семенова А. В. М. М. Сперанский и декабристы // Историческое знание. М., 1978. Т. 102. С. 183—222.

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

Середонин С. М. Гр. М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.

Середонин С. М. Сперанский // Русский биографический словарь. Т. «Смеловский—Суворина». СПб., 1909. С. 193—241.

Середонин С. М. К «Плану государственного образования» 1809 г. // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 533—544.

Сеславин Д. Н. М. М. Сперанский. Киев, 1899.

Словцов Я. Встреча гр. М. М. Сперанского в г. Тюмени в проезд его на должность сибирского генерал-губернатора и беседа его с хозяином квартиры и гражданами // Странник. 1873. Т. I. Ч. 1. С. 155—161.

Солодкин И. И. Роль Сперанского в развитии юридического образования в России // Правоведение. 1962. № 3. С. 146—152.

Сперанский в ссылке в Перми // Исторический вестник. 1880. Т. III. Ноябрь. С. 637—638.

Сперанский и его реформы // Русский мир. 1862. № 37—41.

Ссылка М. М. Сперанского в 1812 г. // Русская старина. 1876. Т. XV. № 5. С. 73—88.

Стецкевич М. Я. Каталог фонда М. М. Сперанского. Л., 1962.

Столетняя годовщина памяти графа М. М. Сперанского // Домашняя беседа. 1872. Вып. 1. С. 67—74.

Сторожев В. Н. Император Александр и русский правительственный либерализм начала 19 века // Три века. М., 1913. Т. 5. С. 115—170.

Сулоцкий А. Сперанский в Тобольске // Тобольские губернские ведомости. 1872. № 45—53.

С церковной кафедры о графе М. М. Сперанском // Домашняя беседа. 1872. Вып. 8. С. 203—205.

Сыромятников Б. И. М. М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 92—113.

Тимошина Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 220—224.

Томсинов В. А. Светило русской бюрократии (М. М. Сперанский). М., 1997.

Троицкий А. М. М. Сперанский в Пензе // Русская старина. 1902. № 11. С. 341—345.

Трофимов Ю. П. М. М. Сперанский об общественном договоре // Идеи государственности в истории политической мысли России. Барнаул. 1996. С. 5—25.

У истоков финансового права (М. М. Сперанский, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов) / Под ред. А. Н. Козырина. М., 1998.

Уманец Ф. М. Александр I и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910.

Усов П. С. Случай из жизни графа Сперанского // Исторический вестник. 1882. Т. X. С. 721—722.

Фатеев А. Н. М. М. Сперанский (1809—1909). Библиографический очерк. Харьков, 1909.

Фатеев А. Н. М. М. Сперанский: влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. М., 1915.

Фатеев А. Н. О литературных источниках художественного образа М. М. Сперанского в «Войне и мире» (в связи с философско-историческим направлением этого произведения) // Научные труды Русского свободного университета в Праге. 1929. Т. 2. С. 101—117.

Фатеев А. Н. К истории и теории кодификации // Там же. 1931. Т. 4.

Фатеев А. Н. Свод законов и его творец. К столетию первого издания 1832 г. // Записки русского научного института в Белграде. 1932. Вып. 7. С. 27—92.

Фатеев А. Н. Политическое падение государственного человека (к столетнему юбилею кончины гр. М. М. Сперанского) // Научные труды Русского свободного университета в Праге. 1940. Т. 10.

Фатеев А. Н. Сперанский — генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Т. 1—2.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.

Филимонов В. С. Арестование Сперанского // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. III. С. 113.

Филиппов А. Н. Значение Сперанского в истории русского законодательства первой половины XIX века // Русская мысль. 1889. Кн. 4. С. 1—21.

Филиппов А. Н. Сперанский как кодификатор русского права // Русская мысль. 1892. № X—XI.

Филиппов А. Н. Император Николай I и Сперанский. К вопросу о кодификации русского права в царствование Николая I. Юрьев, 1897.

Филиппов А. Н. Два историко-юридических издания, задуманных М. М. Сперанским при Николае I // Исторические известия. 1916. № 1. С. 26—42.

Флоринский Н. И. Некоторые воспоминания о графе Михаиле Михайловиче Сперанском // Владимирские губернские ведомости. 1863. № 24—25.

Флоринский Н. И. Некоторые черты из жизни графа Михаила Михайловича Сперанского. М., 1874.

Фортунов Ф. Н. Памятные заметки вологжанина (Магницкий, Сперанский, Дегуров, Словцов, Каразин, Трошинский) // Русский архив. 1867. Стлб. 1646—1707.

Харитонов А. Г. Политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1940.

Чернышевский Н. Г. Русский реформатор // Современник. 1861. Т. 89. № 10. С. 211—250.

Черта из жизни гр. Сперанского // Домашняя беседа. 1872. Вып. 8. С. 217.

Чешихин В. Е. Сперанский под цензурой 1844 г. // Русская старина. 1892. № 1. С. 190—192.

Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989; 2-е изд.: М., 1993.

Чистович И. А. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. М., 1872.

Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894.

Что дал Сибири Сперанский? // Сибирь. 1876. № 34.

Шильдер Н. К. Мысли Д. П. Рунича при погребении гр. Сперанского // Русская старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 320—327.

Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1904. Т. 1—3.

Щапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Известия Сибирского отделения Императорского русского географического общества. 1873. № 4—5.

Щеголев П. Е. Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926.

Э-в. Сперанский и Трескин в Иркутске. 1819 г. // Русская старина. 1878. № XI. С. 499—530.

Экшпут С. А. В поисках исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. М., 1994.

Южаков С. Н. Падение М. М. Сперанского. Эпизод из жизни XIX в. // Русская мысль. 1890. Кн. 11. С. 111—131.

Южаков С. Н. М. М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.

Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Т. 3. № 5—6.

Якушкин В. Е. Сперанский и Аракчеев. Пг., 1915.

Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia. 1772—1839. Hague, 1957.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин Аврелий (354—430) 570
Адриан Публий Элий (76—138),
римский император 145
Александр I Павлович (1777—
1825) 134, 175, 325, 416, 571,
586, 595, 610
Алексей Михайлович Романов
(1629—1676) 162, 175, 345, 361,
532
Ананьевский И. С. (1739—1819),
тайный советник 215, 220
Анастасия Захарьина (ум. в 1560 г.),
первая жена Ивана Грозного
64
Анна Иоанновна (1693—1740) 64,
129, 175, 343, 345, 347, 521
Анна Леопольдовна Брауншвейг-
Люнебургская (1718—1746) 175
Аракчеев А. А. (1769—1834) 592,
602, 606, 617
Аристотель (384—322 до н. э.) 217
Армфельдт К. Г. (1794—1875) 582
Аскольд 96
Ахшарумов Д. И. (1792—1837) 622

Балашов А. Д. (1770—1837) 582
Бек Х. А. (1770—1853) 583
Беккариа Ч. (1738—1794) 275
Белявский Ф. Ф., председатель
иркутской гражданской палаты
605
Бентам И. (1748—1832) 150, 275,
289, 323
Бергин, банкир в Петербурге и
кредитор Сперанского 602
Бериа Сент-Прикс С. (1769—1845)
168
Бернадот Ж. Б. (1763—1844) 436
Бернулли 250
Бирон Э. И., герцог Курляндский
(1690—1778) 175
Блэкстон У. (1723—1780) 146, 150,
217, 230, 231, 291
Брин Ф. А., тобольский граждан-
ский губернатор 605
Бурн Р. (1709—1785) 150
Буш 584
Бэкон Ф. (1561—1626) 126, 146,
150, 151, 343

Василий III Иванович (1479—
1533) 60, 64

Гай, римский юрист II в. н. э. 145
Гель М. (1607—1676) 150
Геннин В. И. (1676—1750) 487
Генрих VIII Тюдор (1491—1547),
король Англии 230
Геслер 583
Гобарт 150
Годунов Борис Федорович (ок. 1551—
1605) 519
Гокинс 150
Голицын А. Н. (1773—1844) 592,
596, 600, 602, 606, 608, 612, 619

- Голицын Д. В. (1771—1844) 621
 Головкин Ю. А. (1763—1846) 619
 Гораций Флак Квинт (65—8 до н. э.) 267
 Готофред Дионисий (1549—1662) 145
 Гроций Г. (1583—1645), голландский юрист и государственный деятель 217
 Гурьев Д. А. (1751—1825) 577, 591, 602, 603
- Делольм Ж. Л. (1740—1806), швейцарский публицист 204
 Дир 96
 Дмитрий Внук (1483—1509), великий князь Владимирский 64
 Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) 60
 Дубенский Н. П. (род. в 1779 г.), сенатор 602
 Дюмон П. Э. (1759—1829) 150
- Евгений (Евфимий) Болховитинов (1767—1837), митрополит 621
 Евгений Романов (1740—1811), епископ 565
 Евдокия Стрешнева (1608—1645), вторая жена Михаила Федоровича Романова 205
 Екатерина I Алексеевна (1684—1727) 128, 175
 Екатерина II Алексеевна (1729—1796) 132, 138, 158, 162, 175, 181, 216, 324, 343, 345, 347, 490, 491, 494, 507, 508
 Елизавета Петровна (1709—1761) 64, 130, 131, 175, 345, 489
- Жерве А. А. (1778—1832) 602
- Завадовский П. В. (1739—1812) 573, 574
 Загряжская Н. К. (1747—1837) 608
- Злобин К. В. (1771—1831) 566, 602, 603
 Злобина Марианна (урожд. Стивенс) 602
- Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь Московский 60, 63, 64, 97, 511
 Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) 60, 63, 65, 97, 345, 361, 516
 Иван V Алексеевич (1666—1696), русский царь 64, 65, 175, 522
 Иван VI Антонович (1740—1764), российский император 64
 Изяслав II Мстиславич (1097—1154) 60
 Илличевский Д. В., томский гражданский губернатор 596, 600, 606
 Ильинский Н. С. (1761—1846), статский советник 215, 220
 Иосиф II (1741—1790), австрийский император 236, 343
- Камбасерес Ж. Ж. (1753—1824), французский политический деятель 420
 Канкрин Е. Ф. (1774—1845) 528
 Кант И. (1724—1804) 183
 Капцевич П. М. (1772—1840), генерал-губернатор Западной Сибири 619
 Карамзин Н. М. (1766—1826) 599
 Карл I Великий (742—814), король франков 263
 Карл VI (1685—1740), император Священной Римской империи 63
 Климент Александрийский (ок. 150 до 215), христианский теолог и писатель 570
 Козодавлев О. П. (1754—1819) 594, 598
 Кок Э. (1552—1634) 150
 Комин Филипп де (1447—1511) 144, 150

- Константин VII Порфирородный (905—959), византийский император 97
- Константин XI Палеолог (1405—1453), византийский император 60
- Корнилов А. М. (1760—1835), тобольский губернатор 617
- Корф М. А. (1800—1876) 433, 528
- Кочубей В. П. (1768—1834) 572, 574, 605, 613, 618
- Кочубей Мария Васильевна, урожд. Васильчикова (1779—1844) 608
- Краппс Марк Лициний (115—53 до н. э.), римский консул 245
- Купер Т. (1759—1848) 150
- Куракин А. Б. (1759—1829) 433
- Лазарев Х. И. (1789—1871) 590
- Ланской В. С. (1753—1831) 427
- Локк Д. (1632—1704), английский философ 183
- Лопухин П. В. (1753—1827), председатель Государственного Совета 573, 574, 602
- Лоскутов Е. Ф., нижеудинский исправник 596, 597, 600, 605, 606
- Лысов, томский мещанин 448
- Львов Ф. П. (1766—1836) 602, 608
- Максимович Л. М. 159, 220
- Мария Тверская 64
- Мария Терезия (1717—1793), эрцгерцогиня австрийская 63
- Марков А. И. 434
- Маслеников, томский мещанин 447
- Мейер Д. Д. 150
- Мерлин Р. А. (1754—1839) 144
- Меттерних К. В. (1773—1859) 434
- Михаил Федорович Романов (1596—1645) 205
- Монтескье Ш.-Л. (1689—1755) 204, 217, 239, 269
- Мыльников, томский купец 447
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 437—440
- Недорезов (Нечаев), томский мещанин 448
- Нессельроде К. В. (1780—1862) 433, 582, 602, 603
- Нестор-летописец 96, 97
- Николай I Павлович (1796—1855) 173, 175, 620
- Новосильцев Н. Н. (1762—1838) 492
- Оленин А. Н. (1763—1843) 489, 620
- Ольденбургский Георгий Петрович (1784—1812), принц 426
- Орлов, нижеудинский протоиерей 597
- Орлов Г. В. (1773—1826) 615
- Осипов А. С. (род. в 1776 г.), сибирский почт-директор 619
- Павел, «апостол язычников», не знавший Иисуса Христа при его земной жизни и не входивший в число двенадцати апостолов, но также почитаемый христианами как «первопрестольный апостол» 569
- Павел I Петрович (1754—1801) 65, 175, 325
- Пестель И. Б. (1765—1843) 600—602, 605, 615, 616
- Петр I Алексеевич (1672—1725) 60, 62, 64, 65, 99, 100, 103, 108, 126—128, 144, 158, 162, 173, 175, 215, 239, 244, 246, 249, 345, 407, 424, 478, 479, 487, 491, 522, 576
- Петр II Алексеевич (1715—1730) 64, 129, 175
- Петр III Федорович (1728—1762) 175
- Петр Каменский, архимандрит 609
- Пифагор (ок. 580—500 до н. э.) 570
- Платон (ок. 427—347 до н. э.) 262, 570

Правилов Ф. Д. (1750—1825) 220
Пуффендорф С. (1632—1694) 217
Пшеничный Г. Г., действитель-
ный статский советник 215,
220

Радищев А. Н. (1749—1802) 220
Ридингер И. Э., немецкий живо-
писец и гравёр 250
Рикорд П. И. (1659—1767), адми-
рал 616
Розенкамф Г. А. (1765—1832) 576
Ртищев Н. Ф. (1754—1835) 532
Румянцев Н. П. (1754—1826), канц-
лер 433, 602
Руссель 150

Савари А. Ж. (1774—1839), фран-
цузский политический деятель
434

Савиньи Ф. К. (1779—1861) 150
Салватори А. Я., коллежский со-
ветник, доктор 598
Салтыков Н. И. (1736—1816) 573
Сегюр Ф. П. (1780—1873) 266
Селивановский С. И., московский
типограф 621
Серебrenиков, купеческий сын из
Томска 447
Сирей Ж. Б. (1762—1845) 148
Словцов П. А. (1767—1843) 603
Смит А. (1723—1790), шотланд-
ский экономист и философ
114

Софья Палеолог (1448—1503) 60
Степанов В. П. 488
Столыпин А. А. (1778—1825) 599
Столыпина В. Н., жена А. А. Сто-
лыпина 603
Стюарт Д. (1753—1828) 261, 274

Талейран Ш. М. (1754—1835) 407
Тантал 262
Татищев В. Н. (1686—1750), историк,
государственный деятель 487

Тацит Публий Корнелий (ок. 56—
ок. 117), римский историк 204
Тиндалл Т. В. 150
Тирвитт Р. П. 150
Толстой П. А. (1761—1844) 434
Томлинс Т. Э. (1762—1841) 144
Трапезников Н. П., иркутский ку-
пец 605, 607
Трескин Н. И., иркутский граж-
данский губернатор 596, 600—
603, 605, 606, 616, 617, 619
Тургенев А. И. (1784—1845) 603,
604

Уваров С. С. (1786—1855) 598, 603

Фавар де Ланглад (1762—1831) 144
Федор Алексеевич Романов (1661—
1682) 64, 99, 175
Федор Иоаннович (1557—1598) 518
Фенелон Ф. С. (1651—1715) 569
Феодосий II Флавий (401—
450), византийский импера-
тор 146
Феофилакт Русанов (1765—1821)
568
Фергюссон А. (1724—1816) 261
Фесслер И. А. (1756—1839) 620
Филанджиери Г. (1752—1788) 231
Фредерик III (1606—1670) 236
Фролова-Багреева, урожд. Спе-
ранская Елизавета Михайловна
(1799—1857) 603

Хвостов В. С. (1756—1832), томский
гражданский губернатор 617

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.)
245

Цейдлер И. Б. (1777—1853) 598
Цейер Ф. И. (1780—1835) 589, 599,
601, 602, 607, 610, 615, 617
Цицерон Марк Тулий (106—43 до
н. э.) 267

Чернышев А. И. (1785—1857), председатель Государственного Совета 621

Чулков М. Д. (1740—1793) 159, 216

Шварценберг К. Ф. (1771—1820), австрийский фельдмаршал 435

Шиллинг фон Канштадт П. Л. (1786—1837) 603, 604

Шкляревский И. И. 615

Шмидт Я. И. (1779—1847), академик 616

Шуйский Василий Иванович (1552—1612), русский царь 64, 520

Эккартсгаузен К. (1752— 1803) 569, 570

Юм Д. (1711—1776), английский философ 302

Юстиниан I (ок. 482/483—565) 144—147, 150, 151, 168, 197, 198, 295

Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), великий князь Киевский 97

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осипов И. Д.</i> Истинная монархия графа М. М. Сперанского . . .	3

I. Теоретические работы

Руководство к познанию законов	45
О законах	93
Обозрение исторических сведений о Своде законов	126
Философские размышления о праве и государстве	176

II. Проекты реформ и записки

Отрывок о Комиссии Уложения	215
О коренных законах государства	226
Размышления о государственном устройстве Империи	249
О постепенности усовершеншения общественного	261
О силе общего мнения	263
Еще нечто о свободе и рабстве	269
Записка об устройстве судебных и правительственных учреж- дений в России	272
О духе правительства	324
Об образе правления	327
Об усовершеннии общего народного воспитания	329
Введение к Уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования)	335
Проект Уложения государственных законов Российской Импе- рии	395
Краткое начертание государственного образования	399
Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам	405
О силе правительства	411
Отчет в делах 1810 г., представленный императору Александру I	416
О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира	433
Предложение томскому губернскому правительству	442

О военных поселениях	452
О крепостных людях	464
О государственных установлениях	478
Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян	511
О монетном обращении	528

III. Избранные письма

1. Костромскому епископу Евгению, 23 февраля 1797 г.	565
2. К. В. Злобину, 90-е гг.	566
3. Архиепископу калужскому Феофилакту, 17 октября 1804 г.	568
4. Пермское письмо императору Александру I, 1813 г.	571
5. Императору Александру I, 6 января 1816 г.	586
6. Ф. И. Цейеру, 11 января 1816 г.	589
7. Х. И. Лазареву, 16 января 1816 г.	590
8. Д. А. Гурьеву, 28 мая 1817 г.	591
9. Графу А. А. Аракчееву, 5 апреля 1819 г.	592
10. Князю А. Н. Голицыну, 25 июня 1819 г.	592
11. О. П. Козодавлеву, 10 июля 1819 г.	594
12. Императору Александру I, 31 июля 1819 г.	595
13. Князю А. Н. Голицыну, 18 сентября 1819 г.	596
14. С. С. Уварову, 18 сентября 1819 г.	598
15. А. А. Столыпину, 18 сентября 1819 г.	599
16. Графу К. В. Нессельроде, 18 сентября 1819 г.	603
17. Графу В. П. Кочубею, 18 декабря 1819 г.	605
18. Князю А. Н. Голицыну, 30 января 1820 г.	608
19. Императору Александру I, 30 января 1820 г.	610
20. Князю А. Н. Голицыну, 20 мая 1820 г.	612
21. Графу В. П. Кочубею, 20 мая 1820 г.	613
22. Графу В. П. Кочубею, 11 декабря 1820 г.	618
23. А. Н. Оленину, 7 сентября, 1822 г.	620
24. Императору Николаю I, 19 июня 1827 г.	620
25. Киевскому митрополиту Евгению, 20 мая 1833 г.	621
26. Князю Д. В. Голицыну, 23 мая 1833 г.	621
27. Графу А. И. Чернышеву, 2 ноября 1833 г.	621
Комментарии	623
Библиография опубликованных трудов и писем М. М. Сперанского	657
Исследования	661
Именной указатель	673

Михаил Михайлович Сперанский
РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ ЗАКОНОВ

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Л. Водлазова*
Корректор *М. В. Орлова*
Компьютерная верстка *И. Ю. Илюхиной*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 30.10.2001.
Подписано к печати 27.02.2002. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42.6. Уч.-изд. л. 38.7.
Тираж 1500. Тип. зак. № 3063. С 27

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-026799-6

9 785020 126799 2

М.М. СПЕРАНСКИЙ

